К. Сташефф

Чародеи

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Кристофер Сташефф

ЧАРОДЕИ

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

С 59

Составитель *В. П. Кирчев*

Сташефф Кристофер

С 59 В книгу вошли: „Побег", „Чародей поневоле", „Возвращение короля Кобольда". Перевод с англ. Сост. В. П. Кирчев, Кишинев, «ЭЯ», 1993 г.— 608 с. (Серия "Зарубежная фантастика", вып. 25).

ISBN 5—85268—052—4

© Сост. В. П. Кирчев, 1993 г.

ПОБЕГ

Девушка. С первого взгляда Дар понял, что это девушка. На самом деле на девушку она не походила вовсе. Бритая наголо, в каком-то мешковатом сером фланелевом комбинезоне. Однако Дар безошибочно разглядел в ней человека, да еще и женщину, хотя она больше напоминала манекен в супермаркете...

Он только что вернулся из шестинедельной коммивояжерской поездки и собирался отправиться в очередную (Чолли, его босс, в этом месяце потерпел убытки; один из его торговых агентов клюнул на предложение конкурирующей корпорации). А так как коренное население Волмара не позволяло своим женщинам иметь дело с чужеземцами, Дар за последние шесть недель не встречал таких, которые были бы и людьми, и женщинами одновременно; поэтому он сразу распознал девушку.

Он натолкнулся на нее случайно. Она шла с важным видом, да так решительно, что Дару показалось, что она изо всех сил старается не вилять бедрами.

При этом его смутили ее комбинезон, бритая голова и полное отсутствие макияжа.

Она дошла до стойки бара, плюхнулась на вращающийся стул, и стала ждать. Не проявляла нетерпения, а просто ждала.

И ждать ей пришлось потому, что Чолли в тот день работал один и обсуждал с сержантом природу реальности; он не упускал ни единой возможности поговорить с солдатами.

Девушка, казалось, ничего не имела против. Она демонстративно не смотрела в сторону двух рядовых, сидевших на другом конце стойки бара, но Дар заметил, что она прислушивается к их разговору.

— Шансов у него не было никаких,— пробубнил седой, не вынимая изо рта сигару.— Он успел только поднять глаза и — бац! Готов!

— Значит, ты победил, так?— усмехнулся блондин.

— Ему конец! Теперь ему ни в жизнь не очухаться, помяни мое слово! Ферма теперь моя!

Девушка стиснула зубы и сглотнула, не в силах сдерживать эмоции. Дар решил, что лучше вмешаться, иначе солдаты могут истолковать все по-своему.

Но Дар... После шести недель без женщин! Он готов был понять любого, даже женщину.

Он облокотился о стойку и перехватил ее взгляд, улыбнулся ей с такой неподдельной искренностью, на которую только был способен, и выдавил:

— Медленно тут обслуживают, правда?

Она изумленно смотрела на него несколько секунд, потом губы ее скривились:— Да, если только не искать смерти! С этим, похоже, у вас никаких проблем, все вы в униформах!

— Униформах?— Дар посмотрел на свой темно-зеленый комбинезон и куртку, потом глянул на солдат, которые перестали разговаривать и раздумывали, принимать ли услышанное за оскорбление. Он повернулся к девушке и торопливо проговорил:

— Боюсь, что неправильно вас понял, мисс. Здесь никого не убивали вот уже год.

— Ну, конечно,— фыркнула она,— сегодня же седьмое января. А разве вот те двое бездельников говорят не об убийстве?

Она мотнула головой в сторону лейтенантов, проходивших мимо. Судя по их акценту, эти двое были родом из Нью-Перси, где слово „бездельник" означало нечто совершенно противоположное и не имело никакого отношения к безработице.

Один из солдат открыл было рот, чтобы выяснить отношения, но Дар опередил его.— О дозоре, мисс. Хотите верьте, хотите нет, но они говорили о дозоре.

Она недоверчиво покосилась на него, потом лицо ее снова приняло выражение абсолютной уверенности в своей правоте.— С какой стати я должна вам верить? Кто вы, если не солдат?

Дар постарался не выдать своих надежд и ответил непринужденно.— Ну, был пилотом...

— Решили сразить меня наповал?— съязвила она.

— Когда меня вербовали на военную службу, говорили, что на девушек это действует.— Дар вздохнул.— Иногда, знаете, срабатывает.

— Я считала эту планету армейской тюрьмой.

— Так оно и есть. Но корабли у армии имеются.

— Да?— Она подозрительно посмотрела на него.— Разве армия не доверяет флоту?

— Что-то вроде того.

— Вы говорите это со знанием дела... А каким кораблем вы управляете? Баржей?

— Космическим грузовым судном,— ответил Дар.

Она кивнула.— А чем теперь занимаетесь?

Дар пожал плечами и смиренно ответил:

— Коммивояжер.

— Коммивояжер?— воскликнула она с таким ликующим негодованием, что даже Чолли посмотрел в их сторону.— Значит, вы — один из тех вампиров, что избирают своей жертвой бедных, беспомощных местных жителей!

— Беспомощных?— не то фыркнул, не то рявкнул старый солдат; Дар почесал затылок и сказал:

— Э... боюсь, что у вас в голове полная путаница, мисс. Я бы

не заявлял с такой уверенностью, кто кого избирает своей жертвой.

— А я говорю об этом, потому что знаю!— парировала она.— Являетесь сюда, мучаете этих бедных людей, пытаетесь захватить их землю и уничтожить их культуру... Всегда так! Старо, как мир, и повторяется снова! „Не давать людям того, что они хотят; дать им технологию! Не обращать внимания на то, что требует их религия; дать им Библию! Не спрашивать, владеют ли они чем-либо; согнать их в резервации! Или превратить их в рабов!" Да, я наслышана обо всем этом! Здесь все только зарожда ется, но вы ждете и наблюдаете! Это геноцид, вот что это такое! И все это делается руками прекрасных, преданных солдат нашего замечательнейшего демократического Межзвездного Суверенного Электората! Империалисты!— Она сплюнула.

Обоих солдат распирало от негодования, и пришлось Чолли прервать свою беседу и вмешаться — смягчить ситуацию. Поравнявшись с Даром, он пробормотал:

— Ну, что, приятель, что я тебе говорил? Доводы, теперь понимаешь, Дар, доводы! Попытайся, приятель, попытайся! И ты поймешь. Именно сейчас нужны доводы, Дар!— И он поспешил в другой конец бара.

Дар решил, что уже попытался разумно все объяснить, но без толку; он вздохнул и начал по новой.— Ну, поймите, мисс. Э... Во-первых, мы не совсем, как вы сказали, явились сюда. Больше тут подходит слово „загнаны".

Она сдвинула брови.— О чем вы говорите?... Да. Вы имеете в виду то, что эта планета является военной тюрьмой?

— Ну, что-то вроде этого, да.

Она пожала плечами.— Какая разница? Хотели вы сюда попасть или нет, вы здесь... и вас здесь тысячи...

— Ну, чуть больше сотни, на самом деле.— Дар почесал за ухом.— Около двух сотен или трех...

— Колонистов,— решительно заявила она.

— Заключенных,— возразил Дар.— Себя лично я считаю „рекрутом".

— Не вижу разницы,— рявкнула она.— Главное, чем вы тут занимаетесь. Вы здесь для того, чтобы вовлечь в войну этих бедных, невинных местных жителей... и вы, торговцы, обманываете их. О, я слышала, чем вы занимаетесь.

— Да?— Дар удивленно посмотрел на нее.— Эй, а мы становимся знаменитыми! И где же вы слышали о нас, а?

Она передернула плечами.— Какое это имеет значение?

— Для меня большое. Как и для многих из нас. Окажитесь вы на самой окраине Земной сферы, вас начнет заботить то, что люди слышат о вашей планете. Для нас это очень важно.

— Хм.— Лицо ее чуть подобрело, она задумалась.— Ну... Боюсь, это вас не обрадует. Мне довелось служить на Земле... работала в Бюро по Делам Внешнего Мира, или БДВМ, в Отделе Регистрации... и время от времени приходили сообщения о Волмаре.

— Да?— Дар почувствовал, как все внутри опустилось.— Официальные сообщения?

Она кивнула, выражая тем самым свое сочувствие.— Да. Никто не видел их, кроме бюрократов. И, разумеется, компьютеров.

— Разумеется.— Дар тяжело вздохнул и распрямил плечи.— Так! Лучше, чем ничего... полагаю. И что *они* говорят о нас?

— Достаточно.— Она злорадно ухмыльнулась.— Достаточно, чтобы знать, что это планета-тюрьма для солдат, совершивших преступление; что правит здесь генерал, садист-мазохист; что редкий день проходит без войны...

— Праздники,— пробормотал Дар,— и воскресенья.

— Я сказала „редкий"! И что вы ведете здесь довольно успешную торговлю с коренным населением: в обмен на растительное сырье — наркотики — они получают стекляшки и всякую мелочь, которой вас снабжает интендант.

— И это все?— уныло спросил Дар.

— Все!— Она уставилась на него.— А разве этого не достаточно? Вам что, требуется список военных преступлений?

— Ну...— Дар махнул рукой.— Может быть, что-нибудь поприятнее — например, эта таверна, или...

— Военная коррупция. Плохая дисциплина,— рявкнула она.— Останься я работать в Бюро, быть может, мне на стол и попало бы что-нибудь из приятных сообщений.

— Останьтесь вы работать там?— Дар поднял на нее глаза.— Вы что, больше не работаете в БДВМ?

Она нахмурилась:— Работай я в Бюро, находилась бы я здесь?

Дар изучающе посмотрел на нее. Потом покачал головой и сказал:

— Мисс, единственная причина, по какой вы здесь, по-моему, то, что Бюро направило вас. Ну кто бы захотел прибыть сюда по собственной воле?

— Я,— ответила она, выдавив ядовитую улыбочку.— Пораскиньте мозгами. Оделась бы я подобным образом, работай я на правительство?

Дар задумался, потом пожал плечами.— Не знаю.

— Ну, разумеется, нет. Мне пришлось бы соорудить прическу и натянуть платье, нацепить каблуки. Поверьте, я проработала там пять лет.

— Да? И вам это не очень-то понравилось?

— А кому понравится выставлять себя на всеобщее обозрение каждый день, чтобы на тебя глазели особы, назовем их так, противоположного пола?

Дар ухмыльнулся.

— Ну, только не мне!— Она покраснела.

— Потому вы и бросили эту работу?

— Более того,— мрачно проговорила она.— Я была по горло сыта конформистским рагу, потому и порвала со всем этим.

— Порвала?— переспросил Дар.

— Порвала! Бросила все!— воскликнула она.— Я стала хьюм.

— А что такое „хьюм“?

Она возмутилась.— Вы действительно ни о чем здесь не знаете, не так ли?

— Да я же говорил, мы живем на самых задворках. Новости доходят до нас раза три в год, когда прибывает грузовой корабль. Пока не изобретут сверхзвуковое радио, мы так и будем узнавать, что творится на Терре, только спустя пару лет после того, как это произойдет.

Она покачала головой.— Говорить о том, что так примитивно! Ну, ладно... хьюм — это я. Это означает „сектант“, „нонконформист“. Мы носим свободные серые комбинезоны, как этот, чтобы прятать свои тела от похотливых взглядов. Бреем головы, чтобы не возиться с прическами ежедневно. И мы не прикованы к тюрьме, что общество называет „работой“; мы лучше будем бедными. Мы сами себе хозяева, у нас есть кое-какие сбережения, кроме того, доля в валовом национальном продукте: иногда подрабатываем, так что жить есть на что. Мы делаем то, что хотим, а не то, что хочет Межзвездный Суверенный Электорат. Вот что такое хьюм.

Дар кивнул, прикусил губу и покосился на собеседницу.— Э... А вы, значит, не приспосабливаетесь, не подчиняетесь?*

— Послушайте, я ведь сказала, что мы нонконформисты!

— Ну... Ладно.— Дар кивнул.— Я понимаю разницу... или постараюсь понять.

Она готова была накинуться на него с новой тирадой, но Чолли подоспел вовремя.— Давай, приятель! Давай! Сделай так, чтобы я гордился тобой! Понимаешь, ты должен знать историю, без этого никак! Не зная истории, невозможно понять, что творится в человеческом обществе. Понимаешь, первые из тех, что называли себя „нонконформистами“ или „сектантами“, появились к концу 1500-х. В „Двенадцатой ночи“ Шекспир писал об одном из них, помнишь? Мальволио? Пуритане, кальвинисты, баптисты, анабаптисты— все те, кто принадлежал к протестантским сектам, отделившимся от Государственной Церкви Англии. Англикане без разбора стали называть их всех „нонконформистами“ (имя это досталось им потому, что они перестали подчиняться Государственной Церкви, то есть англиканской церкви). Видел бы ты их изображения — похожи друг на друга, как две капли воды! Внутри собственной оппозиционной культуры они подчинены жестким законам. Хотя они и называются „конформистами“, не следует думать, что они не подчиняются принятым в их культуре нормам — их группа не подчиняется нормам основной общепринятой культуры, вот почему любая оппозиционная культура называется „нонконформистской“. Ну что, сержант...— И он снова исчез, вернулся к проблеме реальности.

Хьюм проводила его удивленным взглядом, потом кивнула,— Он прав, если разобраться...— Она подозрительно посмотрела на Дара.— Кто это, бармен или профессор?

---

* Слово означает „приспосабливаться“, „подчиняться“.

— Чолли,— ответил Дар.— Мой босс.

Хьюм насупилась.— Ты хочешь сказать, что работаешь здесь? Тпру?

Дар заметил, как в ней растет негодование, и усмехнулся.— Совершенно верно. Он является владельцем, президентом и одновременно управляющим Торговой Фармацевтической Корпорации Волмара.

— Босс — контрабандист? Наркотики?— возмущенно воскликнула она.— Воровской магнат? Капиталист-рабовладелец?

— Не совсем. Скорее, бухгалтер корпорации.

Она готова была обрушиться на него с обличительной речью... но не могла подобрать нужные слова и уничижающе посмотрела в сторону Чолли.

Дар опустил глаза.

Она повернулась и сделала глоток из стакана... потом вдруг до нее дошло, что в руке у нее стакан.

Дар посмотрел на Чолли, который подмигнул в ответ, кивнул и снова углубился в обсуждение важных аспектов бытия.

Хьюм, казалось, была немного смущена. Она вздохнула, пожала плечами и сделала еще глоток.— По крайней мере, гостеприимен...— Она посмотрела на Дара.— Но ведь вы не можете отрицать?

Дар склонил голову на один бок, потом на другой.— Отрицать что?

— Все! Все из того, что я сказала об этой планете! Ведь это правда, не так ли? Начиная с вашего главнокомандующего!

— Э... Ну, могу отрицать то, что генерал Шаклар — садист.

— Но он мазохист?

Дар кивнул.— Но справедливый. Что касается остального... ну, нет, я не могу отрицать, если честно; но я бы сказал, что не стоит так акцентировать...

— Готова выслушать ваши доводы,— сердито сказала хьюм.— Объясните мне.

Дар покачал головой.— Сложно все объяснить. Нужно самому почувствовать, увидеть все своими собственными глазами.

— Да, конечно.— Она закатила глаза.— А как, позвольте спросить, мне это делать?

— Э...— Дар судорожно соображал, подсчитывая все за и против. Получилось пятьдесят на пятьдесят; он с улыбкой сказал:

— Ну, дело в том, что я отправляюсь, так сказать, в качестве коммивояжера в командировку. Безусловно гарантировать вашу безопасность я не могу, но... можете присоединиться. Впрочем, все это не так уж интересно.

Хьюм уставилась на него. Дар заметил, как вся она уходит в себя, старается спрятать эмоции. Но она вдруг вздохнула и согласилась.— Хорошо.— Она залпом выпила то, что оставалось в ее стакане, и поставила его на стойку бара.— Разумеется.— Она встала, сунув руки в карманы.— Я готова. Где ваш мул с поклажей?

Дар усмехнулся.— Ну, немного поцивилизованней... хотя какая разница. Пойдем?— И он направился к двери.

Она кинула на него быстрый взгляд и последовала за ним. Дар улыбнулся.

Когда они проходили мимо Чолли и сержанта, бармен увлеченно говорил:

— Поэтому Декарт понял, что все это следует доказать, разве не понимаешь? Все, с самого начала. И никаких предположений, никаких.

— Да, понимаю.— Сержант кивнул.— Предположи он что-нибудь, а это окажется неверно, тогда все остальное тоже будет неверно, да?

— Правильно, правильно!— Чолли радостно закивал.— Потому он остановился на этом, снял комнату в гостинице и поклялся, что не выйдет до тех пор, пока не найдет доказательства, что он существует. Он думал и думал и наконец его озарило.

— Как так?

— Он думал! И если он думал, то, значит, наверняка существовал. Следовательно, сам факт, что он думал, доказал его существование!

— Э... да!— Лицо сержанта озарила догадка.

Хьюм остановилась в дверях, как вкопанная, и почтительно посмотрела на Чолли.

Чолли кивнул и победно улыбнулся.— Значит, он доказал, именно тогда и там, изложил это на бумаге, чтобы можно было прочитать. „Cogito, ergo sum“,— написал он, так как писал он по-латыни. Разве не понятно, все философы писали на латыни. Итак, „Cogito, ergo sum“; и это означает: „Я мыслю, следовательно, я существую“.

— Э... Ух ты! Да, я понял.— Сержант почесал затылок, потом снова посмотрел на Чолли.— Ну, тогда это и делает нас людьми, да? Ну, я имею в виду, умение мыслить.

Хьюм набрала побольше воздуха, потом посмотрела на Дара.— Что это... таверна или колледж?

— Да.— Дар открыл дверь.— Пойдем?

Они вышли наружу. Был полдень. Дар повел хьюм к длинной, узкой повозке, нагруженной товаром и прикрытой брезентом.— Боюсь, нам места уже не хватит... много товара. Пойдем пешком.

— Но сначала я получу ответ на один вопрос.— Хьюм расставила пошире ноги и подбоченилась.

— Вопрос?— Дар вопросительно посмотрел на нее.— Какой?

— Этот ваш босс... кто он такой? Капиталист? Бесчестный, мошенник-торговец? Бармен? Или профессор?

— А...— Дар сел на корточки, проверяя крепления.— Ну, я бы не назвал его капиталистом, потому что он обычно не делает больше, чем ломает; добродетелен, как священник; никогда в жизни никого не надувал. Вот и решайте, кто он на самом деле!

— Тогда он профессор!

Дар кивнул.— Преподавал в Лунном Университете.

Хьюм нахмурилась.— И что случилось? Почему теперь он работает барменом?

Дар пожал плечами.— Мне кажется, идея пришла ему в голову из-за его фамилии Бармен.

— Бармен?—переспросила хьюм.— Чолли Бармен? Эй! Случайно не Чарльз Т. Бармен?

Дар кивнул.

— Но он знаменит! Я хотела сказать, он один из самых известных ныне живущих преподавателей!

— Ну, печально известный, если точнее.— Дар проверил последнее крепление и выпрямился.— Он выдвинул некую непривычную теорию обучения. Она не прижилась.

— Да, я слышала. Но не могу понять, почему; ведь он ратовал за то, чтобы каждый получил образование в колледже.

— Да, но при этом подвергал сомнению то образование, что уже получили другие.— Дар усмехнулся.— Но и это еще не все. Он считает, что преподавание должно вестись на единой основе, чем и вызвал немилость администрации. Представь, сколько денег потребуется в таком случае! Он также считает, что обучение должно проходить в неформальной обстановке, чтобы студенты и не подозревали, что их учат. А это значит, что каждому профессору следует иметь некую другую профессию-прикрытие, например, бармена. Все это вызвало недовольство других преподавателей.

Хьюм помрачнела.— Я не слышала об этом.

Дар пожал плечами.— Он опубликовал это, но партия ЛОРДОВ запретила центральному книгохранилищу распространять книгу, и в розничную продажу она не поступила. Лишь немногим удалось достать копии.

— Да.— Она скривилась в презрительной усмешке.— Свобода печати не та, что была раньше, не так ли?

— Действительно. Но теперь вы понимаете, почему Чолли так горячо рассказывает все это сержанту. Он не упускает ни малейшей возможности обучения. Когда ему удается завлечь кого-нибудь разговором, он приглашает в дальние комнаты — там в распоряжении беседующих бочонок пива и книги до потолка.

Она кивнула. Озадаченное выражение не сходило с ее лица.— Вы и сами не похожи, если разобраться, на невинного, не знающего, что такое книги, простачка.

Дар ухмыльнулся и подхватил трос.— Пойдем?

Они поплелись вниз по аллее и вышли на улицу, выложенную пластритом. Хьюм шла рядом с Даром, размышляя о том, что узнала.

Наконец она посмотрела на него.— Но что он здесь делает? Ну, я хочу сказать, что он претворяет свои теории в жизнь, это ясно... но почему именно здесь? Почему не на одной из богатых планет близ Земли?

— Ну, ЛОРДЫ приложили здесь свою руку.

— Банда фашистов! Я знала, что они оккупировали Ас-

самблею... но не догадывалась, что они захватили в свои руки и образование!

— Судите сами.— Дар развел руками.— Они заявляют, что хотят добиться по-настоящему действительной центральной власти; они имеют в виду тоталитаризм. А одной из основных угроз тоталитарному правительству является либеральное образование.

— Ох.— Ее лицо помрачнело.— Да, конечно. И что они сделали?

— Ну, Чолли не вдавался в подробности, но я понял, что они попытались там, на Луне, убить его, и он бежал. Террористы следовали за ним по пятам, и он скрывался от них... так и очутился здесь.

— Он опасается наемных убийц и здесь?

Дар усмехнулся.— Нет, ведь правит здесь Шаклар, не забывай. Кстати, если мы собираемся путешествовать вместе, то следует познакомиться. Меня зовут Дар Мадра.— Он протянул ей руку.

Она чуть попятилась, обдумывая его предложение; потом нерешительно протянула руку и сердито посмотрела на него.— Саманта Байн. Зови меня просто Сэм.

Дар пожал ей руку, и лицо его расплылось в улыбке.— Рад нашему знакомству, Сэм. Добро пожаловать не учебу.

— Да,— произнесла она, чуть помедлив.— В сообщениях многого не было, не так ли?

Сэм оглянулась на городские ворота, когда они миновали их, и помрачнела.— Немного архаично, правда? Я считала, что обнесенные стеной города ушли в прошлое вместе со средневековьем.

— Когда зарождалась эта колония, у атакующих были пушки, а у жителей Волмара нет.

— А сейчас?

— Ну,— Дар задумался,— скажем, они работают над ними.

— Эй! Вы там! Стойте!

Они оглянулись — к ним бежал капрал в безупречной военной форме.

— Дар Мадра!— выпалил он, поравнявшись с ними.— Ты же знаешь, что сейчас два часа!

— Неужели?— Дар глянул на солнце.— Да, действительно. Как бежит время!— Он развернул повозку.— Пойдем, Сэм. Надо вернуться к городской стене.

— Почему?— Она недоуменно посмотрела на него.— Что случилось?

— Да, так, ничего особенного. Сейчас как раз то время, когда ведется одна из битв, о которых ты упоминала.

— Время?— переспросила она.— Ты хочешь сказать, что вы планируете подобные мероприятия?

— Конечно, в восемь утра и в два часа дня. Каждый может

отдохнуть, перекусить и спокойно переварить пищу между сражениями. Восемь часов перемирия.

— Восемь часов?— Брови ее взлетели вверх.— Но между восьмью и двумя только шесть часов!

— Нет, восемь. На Волмаре двадцативосьмичасовой день, поэтому полдень в четырнадцать часов.— Он прислонил повозку к стене и облокотился о нее.— Теперь, что бы ты ни делала, уходить отсюда нельзя.

— Не беспокойся.— Сэм развернулась, чтобы идти в город.— Я хочу вернуться на Землю, чтобы рассказать обо всем, что увидела. Я не собираюсь ждать, пока меня тут невзначай прикончат.

— Этого не стоит делать... если, конечно, ты не хочешь, чтобы тебя растоптали.

На гребне горы показались ярко раскрашенные фигуры, они стали приближаться.— Местные жители?

Дар кивнул:— Волмарийцы.

— С пурпурной кожей?

— Они раскрашивают себе тела. Мне кажется, набедренные повязки здесь как нельзя кстати, не так ли?

Воины выстроились в неровный ряд и, указывая шестами с белыми набалдашниками на городские стены, оглушительно закричали:

— Обнаженные идут на вас! Тюремщики бедных местных жителей! Волмарийцы освободятся-ум сегодня! Беликий Отец дает волю-ум детям!

— Так принято,— объяснил Дар.

— Что? То, как они говорят?

— Нет, их угрозы.

— Да?— Сэм нахмурилась.— Но этот их диалект! Почему они говорят по-террски, понятно, но к чему вся эта англокитайская гибридная грамматика и все эти „умы"?

Дар пожал плечами.— Сам не знаю. Несколько лет назад кое-кто из нас задался этим вопросом. Мы додумались лишь до того, что они решили воспользоваться неким стереотипным представлением варваров, возможно, в развлекательной форме. Оппозиционные культуры обычно склонны к романтике.

Из главных ворот высыпали солдаты и выстроились в ста ярдах от волмарийцев строго в ряд. Их ярко-зеленые униформы были безупречно чисты, складки брюк отутюжены, сапоги начищены, а пряжки надраены до блеска. Они держали шесты с белыми набалдашниками под углом в сорок пять градусов.

— Шаклар придает большое внимание внешнему виду,— объяснил Дар.— Каждый солдат получает вознаграждение в два БТУ, если сапоги его блестят, еще два, если униформа в порядке, еще два, если брюки отутюжены, и так далее.

Солдаты перебрасывались между собой отдельными фразами, до ушей Дара долетало:

— Чертовы волмарийцы решили, что владеют всей планетой! Не могу сказать вам, что делать! Они полагают, что в состоянии

понукать нами, пусть придумают что-нибудь получше!

Сэм удивленно посмотрела на Дара.— О чем они говорят? Они что, считают, что волмарийцы здесь правят?

— Да,— хмыкнул Дар.

Сэм окинула взглядом войско.— Где их оружие?

— Оружие!— Дар посмотрел на нее, как на сумасшедшую.— Ты что считаешь нас бандой дикарей?

— Но я подумала... раз ты говорил о...

БУМ-М-М! — ударили в гонг откуда-то сверху, со стены, и офицеры закричали: „В атаку!"

Предводители волмарийцев гикнули, и их воины устремились на солдат с улюлюкающими боевыми криками.

Солдаты закричали и кинулись им навстречу.

Войска встретились, получилась куча-мала; все кричали и размахивали шестами.

— И это цивилизованные приемы ведения войны?— Сэм наблюдала за схваткой широко раскрытыми глазами.

— Даже очень,— ответил Дар.— Понимаешь, никаких тебе убийств и увечий. К чему потери?

Сэм посмотрела на него недоверчиво.— Тогда как определить, кто победил?

— На конец каждого боевого шеста нанесен толстый слой мела. Если задеваешь противника, на нем остается большое белое пятно.

Один из солдат побежал, его преследовал волмариец, выкрикивающий что-то воинственное. Неожиданно солдат изогнулся, резко развернулся и кинулся на противника. Шест прошелся до груди волмарийца, оставив длинный белый след.

Волмариец остановился, уставился на новую „рану", потом лицо его побагровело и он кинулся на солдата, размахивая своим шестом.

— Иногда кто-нибудь выходит из себя,— пробормотал Дар.

Прозвучал свисток, и офицер закричал:

— Все, хватит! Ты проиграл, приятель, это очевидно — посмотри на следы мела на своей груди! А теперь — вон туда, или я позову твоих командиров!

— Мучитель бедных, невинных жертв!— завопил волмариец.— Мы победим-ум! Мы побьем-ум вас!

— Да-да, но, может быть, завтра. А теперь ступайте вот туда, к „раненым"!— Офицер махнул рукой.

Волмариец не сдвинулся с места, сжал кулаки. Затем он отшвырнул шест, недовольно пробурчал что-то и поплелся к толпе волмарийцев и солдат, вышедших из игры.

Офицер кивнул.— Отлично.— И побежал сражаться дальше.

Солдат, проходивший мимо Дара, усмехнулся и помахал своим шестом.— Еще одного пометил, видел?

— Да, и еще десять БТУ на твоем счету!— отозвался Дар.— Хорошая работа!

Солдат улыбнулся и ринулся в самую гущу сражающихся.

— Десять БТУ?— оцепенело произнесла Сэм.— Не хочешь

же ты сказать, что ваш генерал такой щедрый и выплачивает подобное вознаграждение?

— Нет, разумеется, нет. Платят волмарийцы.

— Кто?

— Да-да. Когда битва закончится, офицеры переведут десять БТУ со счета волмарийца на счет солдата. Конечно, дело-то рискованное.

— Согласна,— сказала Сэм.— Конечно, риск.— Глаза ее заблестели.— Мне кажется, что „раненые" здесь неплохо проводят время.

— Хм?— Дар посмотрел на группу раненых. Волмарийцы и солдаты дружески болтали, попивая из больших кружек пиво. Несколько воинов обходили толпу с подносами, разливали пиво и собирали кредитки.

Он повернулся к Сэм.— Почему бы и нет? Надо же чем-то заняться.

— Разумеется,— согласилась она.— Почему бы и нет?

Вдруг на поле битвы раздались пронзительные свистки, бегущие сбавили шаг и опустили шесты. Многие из них были явно недовольны.— Прекратить!— прокричал офицер.

— Никаких военных действий!— отозвался предводитель волмарийцев. Войска начали расходиться, переговариваясь.

— Продолжительные военные действия,— пробормотала Сэм.

Дар прислонился к стене и начал что-то насвистывать.

Показались двое — полковник МСЭ в полном параде и волмариец в цветастой накидке и причудливом головном уборе.

— Офицеры высоких чинов,— пояснил Дар.— И также комиссия мира.

— Судьи?— пробормотала Сэм.

Каждый офицер отобрал из своих воинов всех, не присоединившихся к „раненым", тех, у кого были отметины мелом. Большинство из них, казалось, искренне удивились, обнаружив на себе „раны". Некоторые даже огорчились.

Офицеры повели их к тем, кто наслаждался пивом; что-то рявкнули, и „раненые" выстроились в два неровных ряда, не выпуская из рук кружек. Офицеры обошли ряды, пересчитали „раненых", сначала своих, потом противника, затем встретились и обсудили ситуацию.

— Насчитал-ум двадцать девять своих и тридцать два твоих.

— Все сходится, приятель, спору нет.

Волмариец усмехнулся и протянул руку.— Плати.

Полковник МСЭ вздохнул, вытащил планшет и нацарапал чек. Волмариец сунул его в карман с довольной ухмылкой.

Лейтенант и волмариец чином помладше протянули двум офицерам по пачке векселей. Они взяли их, пересчитали, перекинувшись словечком-другим, сравнивая рекламации.

— Все правильно.— Полковник выровнял стопку.— Только одно несоответствие.

— Волмариец кивнул.— У меня тоже.

— Ну, тогда проверим... О'Шварцкопф!

— Да, сэр?— Капрал сделал шаг вперед и, не выпуская из рук кружки с пивом, прищелкнул каблуками.

— Этот воин, хм, Кслитплокс, заявляет, что „ранил" тебя. Согласен?

— Согласен, сэр.

— Кслитплокс!— рявкнул офицер-волмариец.

— Здесь.— Волмариец сделал шаг вперед, потягивая пиво.

— О'Шварцкопф заявляет-ум, что „ранил" тебя.

— Так-ум.— Кслитплокс кивнул.

— Наверное, недоразумение,— заметил полковник.

Волмариец пожал плечами.— Какая разница? Долги аннулируются.

Полковник кивнул.— Они хотят получить по десятке, это их дело. Хорошо.— Он сбил пачку и помахал ею волмарийцу.— Сразу же в банк.

— Я тоже-ум.— Волмариец подхватил две кружки с пивом у проходившего мимо солдата и положил счет на поднос.— Выпьем?

— Не возражаю.— Полковник поднял кружку.— За революцию!

— За нее!— Они чокнулись.— Мы восстанем-ум; мы победим-ум и похороним продажное колониальное правительство!

— А мы уничтожим волмарийскую тиранию!... Ваше здоровье.

— Ваше здоровье,— сказал волмариец, и они выпили.

— Что все это значит?— Сэм уставилась на Дара.— Кто против кого восстает?

— Все зависит от того, о ком ты спрашиваешь. Логично? Я хочу сказать, что каждая сторона заверяет другую в том, что на всей планете будет справедливое правительство... поэтому каждая сторона также считает, что устраивает революцию.

— Но это безумие! Всем ведь ясно, что волмарийцы — полноправные хозяева планеты.

— Почему же? Эволюционировали они не здесь, как и наши солдаты.

— Откуда ты знаешь?— спросила Сэм.

— Читал книги по истории. Волмарийцы — потомки „Тоуниз", последней большой оппозиционной культуры, существовавшей сотню лет назад. В их музыке двадцать четыре тона. Они прибыли сюда, чтобы быть подальше от технологии.

Сэм пожала плечами, потом покачала головой.— Но это ничего не меняет. Они первыми прибыли сюда.

— Разумеется, но они считают, что, явившись сюда, мы вступили во владение планетой. Так или иначе, у нас есть правительство. Идея политики заключается в том, что все садятся за круглый стол и спорят до тех пор, пока не придут к общему соглашению.

— Звучит божественно,— пробормотала Сэм, и глаза ее затуманились.

— Может быть, но при этом генерал Шаклар остается единственным правителем, достаточно сильным, чтобы против него восставали... по крайней мере, так считают волмарийцы. А мы полагаем, что они пытаются диктовать нам, что делать... поэтому тоже восстаем.

— Никаких аргументов.— Сэм пожала плечами.— По-моему, мне не стоит огорчаться. „Продолжительные войны" даже полезны.

— Да, особенно когда вспомнишь, какими они были в первые два года моего пребывания здесь.

— Что? Настоящая война... с палками и камнями?

Дар помрачнел.— Когда привязываешь камень к концу палки, можно убить человека... и так оно и было. Мне довелось видеть многих солдат, лежавших на земле с пробитыми головами, с изувеченными телами. В дело шли копья и стрелы. Вид раненых солдат был просто ужасен.

— А что, мертвые волмарийцы гораздо приятнее на вид?

— Тогда мне тоже пришла в голову подобная мысль.— Лицо Дара искривилось при воспоминании о тех временах.— Но убитые волмарийцы, как правило, ужаса не внушали... всего-навсего аккуратная дырочка на теле. И никакой крови... Лазер, раня, оказывает и прижигающее действие.

Сэм схватила его за руку, посмотрела на него сочувственно.— Хорошо! Ну... хватит.

Дар посмотрел на нее.— Извини. Не думал, что ты все так живо представишь.

— У меня богатое воображение.— Сэм сжала его руку.— Сколько лет тебе тогда было?

— Восемнадцать. Да, меня тоже тогда мутило. Как и остальных.

— Но никто не знал, как все это прекратить?

— Конечно. Потом главнокомандующим был назначен Шаклар.

— И что он сделал? Уболтал их?

Дар сдвинул брови.— Как ты догадалась?

— Да я пошутила. Нельзя же прекратить войну одними разговорами!

Дар передернул плечами.— Может быть, он махнул волшебной палочкой. Мне лишь известно, что вместо сражений волмарийцы занялись болтовней. Не знаю, как это ему удалось... но он умудрился заставить их подписать договор о ведении войны подобного рода.

— Ты бы удивился, узнав, что этот человек — всего-навсего обычный смертный?

— Понимаешь, Шаклар никогда не ошибается, это я знаю наверняка.

— Я так понимаю, что остальные солдаты чувствуют то же самое?

Дар кивнул.— Могут пройтись в адрес Министра Флота, если хочешь. Рассказать анекдот про Генерального Секретаря Меж-

звёздного Суверенного Электората. Могут даже пошутить над Богом. Но никто не смеет сказать ни единого слова против генерала Шаклара!

Сэм нацепила противную улыбочку и хотела уже что-то сказать, но потом задумалась да так и осталась стоять с открытым ртом. Через несколько секунд она сжала губы.— Тогда, как мне кажется, находясь здесь, можно нарваться на серьезные неприятности?

— Какая неприятность устроит тебя больше всего? Обычные ее размеры здесь — два фута в ширину, шесть в длину и шесть в высоту.

— Но ни у одного человека не может быть такой власти!

— Власти? Он даже не приказывает! Он просто просит...

— Да, конечно, и вы, солдаты, кидаетесь исполнять все, что он пожелает, опередив товарищей! Как пошло!

Дар хмыкнул.— Солдатам нравится пошлость!

— Сексуальный стереотип,— рявкнула Сэм.— Абсурд!

— Хорошо... значит, солдаты должны быть пошлыми и неабсурдными.— Дар ехидно улыбнулся.— Но сказала бы ты то же о солдате, спасшем тебе жизнь и не обратившем внимания на твое лицо?

— Мое лицо нечего спасать, благодарю!

Свое мнение на этот счет Дар решил оставить при себе. — Слушай... Существует только два способа остановить войну. Кто-то может победить... и этого здесь не случилось. Либо можно придумать, как спасти репутации обеих сторон. Шаклар сумел это сделать.

— Запомню твои слова.— Вид у Сэм был немного растерянный.— Суть в том, что ему удалось найти способ выпустить пар, скопившийся в результате столкновения двух культур.

Дар кивнул.— Его способ пробуждает также множество стимулов.

Сэм подняла на него глаза.— Да, конечно. Но ие можешь же ты со всей уверенностью заявлять, что он все именно так планировал.

— Напротив. Разве ты не понимаешь? Шаклар — психиатр.

— Психиатр?

— Ну, конечно. Сюда случайно назначили человека, который по праву может управлять планетой-тюрьмой. Я имею в виду, что у каждого направленного сюда солдата есть та или иная проблема с психическим состоянием.

— А если нет, то полчаса пребывания здесь сделают свое дело. Но Шаклар — просто мазохист!

— А разве кто-нибудь другой продержится на такой работе?— Дар огляделся по сторонам.— „Поле битвы" опустело, можно идти.

Он вскинул на плечо трос и потащил повозку. Сэм задержалась на секунду, потом поплелась за ним.

Поравнявшись с ним, она произнесла:

— Мне неприятно об этом говорить... но должна признаться, что в голове у меня полная неразбериха.

Дар удивленно посмотрел на нее.— Никаких обид?

— Да, что ты! Я просто призналась тебе.

— Честно с твоей стороны. Ты думала о нас иначе, да?

— Не растравляй рану,— прошипела она.— И не слишком радуйся. Я же не сказала, что оказалась неправа. Ну, скажем, ожидала увидеть нечто другое.

— Что именно?

— Обломки общества,— рявкнула она.

— Ну, здесь ты оказалась права. Все дело в том, как все это обозвать, не так ли? Если ты находишься в тюрьме, то представляешь собой самую низкую форму социальной жизни.

— Но предполагается, что люди попадают в тюрьму потому, что являются самыми низкими из низких!

—„Предполагается", может быть. Когда-то так оно, скорее всего, и было. Но теперь? Можно оказаться здесь только по той причине, что находился не в том месте и не в тот час.

— А разве должно быть иначе?

— Конечно.— Уголки рта у Дара опустились.— Поверь мне, что это так.

— Не суди меня строго.

— Послушай,— решительно произнес Дар,— на планете-тюрьме нельзя никого спрашивать, почему он здесь очутился.

— Хорошо, я запомню...— Сэм пристально посмотрела на него.— Но я спрошу.

Лицо Дара потемнело, напряглось. Спустя несколько секунд он тяжело вздохнул.— Хорошо. Я расскажу не о себе, скажем... о том, кого я знаю. Хорошо?

— Как хочешь,— пробормотала Сэм.

Несколько минут Дар шел молча. Потом заговорил.— Назовем его Джордж.

Сэм кивнула

— Джордж был прелестным ребенком. Знаешь, хорошие родители, жил в милом городке, учился в хорошей школе, никогда с ним не случалось никаких бед. Но школа ему вдруг наскучила и он решил порвать с ней.

— Пошел работать?

— Нет, молодой идиот завербовался на военную службу. А так как у него не было абсолютно никакого опыта ни в обращении с грузовым судном, ни в бухгалтерии, то его определили на службу к интенданту.

— Там вы и познакомились?

— Ну, не совсем. Так или иначе, его научили обращаться с грузовым судном — научили, как управлять небольшим космическим буксирным судном. Со временем он стал мастером своего дела — перебрасывал груз с шаттлов на космические корабли. Представлял себя отличным пилотом Флота.

— А я думала, что он служил в Армии.

— Даже Армии требовалось несколько кораблей. Так или иначе, работа была неплохой, но скоро ему надоела.

Сэм закрыла глаза.— Он захотел перемен.

— Да,— печально согласился Дар.— Поэтому подал заявление о переводе на другую работу... и его направили служащим на склад. Ему приходилось целыми днями прохаживаться мимо роботов, проверяя, тот ли товар и в тот ли ящик они кладут и в тот ли бункер ставят потом ящик. Он обратил внимание на то, что из самих бункеров редко что-нибудь доставали или ставили в них что-то новое. Он слышал истории о том, что даже генералам приходилось заискивать перед сержантами, которые отвечали за отправку груза при помощи компьютеров, иначе товар мог „случайно" быть отправлен совершенно в другом направлении.

— Интересно.

— Да, и не забывай, что он был еще совсем подростком. Джордж решил, что стоит опять поменять работу.

— Я так и думала,— тихо произнесла Сэм,— молодой человек решил попробовать себя в Армии, усердно учиться и работать, чтобы добиться успеха.

— Да, ты права,— с грустью в голосе произнес Дар.— Джордж так и сделал. Он кое-что знал об обработке данных, так, те основы знаний, что закладываются в школе. Он успел бросить учебу до того, как узнал что-то по-настоящему стоящее. Знаешь, вечерняя школа, три часа зубрежки в день и все такое прочее. И сработало — он сдал экзамен и стал капралом.

— Пока все идет неплохо. Они доверили ему компьютерный терминал?

Дар кивнул.— И в течение нескольких месяцев он добросовестно выполнял свою работу, осваивал новое дело, разбирался во всех цифрах. К концу первого месяца он уже знал коды всех взводов Армии и кораблей Флота на память. К концу второго месяца все их дислокации.

— А к концу третьего месяца начал осознавать, что все это не лучше складских полок?

— Ты верно подметила. В один прекрасный день сержант вручил ему листок с колонкой каких-то бессмысленных цифр. Но Джордж проработал здесь достаточно долго, чтобы разобрать, что к чему. Это был код, означавший огромную обогревательную систему, а местом назначения была Бетельгейзе Гамма.

— Бетельгейзе Гамма?— Сэм уставилась на него.— Мне кажется, что-то такое попадало мне на стол. Это, случайно, не мир джунглей?

Дар кивнул.— Именно об этом и подумал Джордж. Туда отправили инсектициды и деувлажнители. Данная нагревательная система оказалась явно не по адресу. Он побежал к сержанту, сообщил об этом, его распирало от гордости — он был уверен: за обнаружение подобной оплошности его наверняка повысят по службе.

— А сержант посоветовал ему помалкивать и делать то, что приказано?

— Сразу видно, что ты работала в бюрократической системе! Да, „Вопросы здесь задаю я, а твое дело выполнять и помалкивать!“ Что-то вроде этого. Но Джорджа мучила совесть. Он вспомнил насмешки, что отпускали в адрес сержантов.

— И его сержант исключением не являлся.

— Да, и Джордж поступил по-другому.

— Он написал рапорт на сержанта?

— Ну, не был же он так глуп. Так или иначе, это всего-навсего набор цифр. Кто скажет, когда где их внесли в компьютер? Никто, тем более, что сержанту ничего не докажешь, больше того, в течение последующих нескольких лет положение у Джорджа было бы незавидным. Рапорт на него не поможет, поэтому Джордж сделал следующее. Он изменил код груза на код огромной охладительной системы.

Сэм вытаращила глаза.— Ой, нет!

— Да,— Дар горько усмехнулся.— Я вижу, ты знаешь порядки. Но Джордж был неопытен в этих делах... он знал лишь, как обращаться с компьютером, и полагал, что для людей правила должны быть такими же логичными.

Сэм покачала головой.— Бедный парень. Что с ним случилось?

— Ничего, по крайней мере, какое-то время,— Дар вздохнул.— А с Бетельгейзе Гаммы не поступило жалоб вовсе.

— Но спустя некоторое время сержант что-то заподозрил?

— Нет, и все это начинало ему надоедать. Как я сказал, он не знал человеческих законов. Ждать стало невмоготу. И немного погодя он сделал запрос о системе, чтобы выяснить, что случилось с кораблем.

Сэм зажмурилась.— Ох, только не это!

— Да. Равносильно тому, чтобы вывесить флаг и привлечь к себе внимание. На Бетельгейзе Гамме все шло чудесно; местный командир даже передал рекомендацию объявить благодарность в приказе тому лейтенанту-отправителю, потому что охладительная система уже спасла несколько сотней жизней в центральной больнице. И к концу рабочего дня сержант вызвал Джорджа к себе.

— Он рассердился?

— Он негодовал. Похоже, лейтенант устроил ему взбучку, потому что набрали другой номер... и при этом в обход приказа сержанта. Джордж пытался ему объяснить, но лишь разъярил сержанта. Он сказал, что доставит Джорджа к лейтенанту под стражей и там с него сдерут три шкуры.

— Значит, это был тот лейтенант, которому пророчили звание генерала и службу на Бетельгейзе Гамме?

— Или кто-нибудь из его команды. Кто знает? Но так или иначе, лейтенанту нужно было что-то предпринять — ему пришлось действовать согласно рекомендациям сержанта. Он разжаловал Джорджа в рядовые и сделал запрос на отправку его на Эту Кассиопею.

— Могло быть и хуже, как мне кажется,— процедила сквозь зубы Сэм.

— Ну, Джордж слышал, что в тот момент там шла война... но проблема заключалась в другом. Этот лейтенант отвечал за работу компьютеров, не забывай.

— Конечно... как я не догадалась! На его запрос пришел совсем другой пункт назначения.— Сэм подняла глаза.— Но только не Волмар! Не сюда!

— Именно сюда,— Дар состроил гримасу.— Сюда. И едва только он показал свои документы офицеру, как тот нацепил на него наручники, поскольку на Волмар отправляют только отъявленных преступников.

— Как мило,— пробормотала Сэм, глядя вдаль.— Сразу в тюрьму, без возможности обратиться в трибунал... Лейтенант был с мозгами.

— А может быть, просто знал систему. Итак, Джорджа направили сюда, и он ничего не мог изменить.

— Он не мог даже направить жалобу?— Сэм прикусила нижнюю губу.— Нет, конечно, нет. Что это я?

— Правильно.— Дар кивнул.— Он находился под арестом на военном корабле. Кроме того, жалоба заносилась в компьютер, а лейтенант знал компьютеры. Да и кто позволит арестованному приблизиться к терминалу?

— А командир корабля к нему бы не прислушался?

— С какой стати? Каждый преступник говорит, что невиновен. И если уж в твоих документах указано, что тебя направляют на планету-тюрьму, ты автоматически становишься преступником до конца своей жизни.

Сэм задумалась.— Все продумано. Джорджа убрали с пути убедившись, что он никогда не вернется к ним.— Она посмотрела на Дара.— А ваши люди вообще возвращаются домой, когда истекает их срок?

Дар покачал головой.— Только не с Волмара. Сюда ссылают пожизненно.— Он помедлил, потом поднял вверх указательный палец.— Это то место, где кончается жизнь.

Сэм оглянулась.

Они стояли посреди широкой равнины. В нескольких сотнях ярдов от них находился пластритовый блокгауз за высоким длинным забором. Земля вокруг была бесплодной, с огромными зияющими черными воронками.

— Космодром,— кивнула Сэм.— Я здесь была.

— Первое впечатление потрясающее, правда? Они специально выбрали самое заброшенное место на планете, чтобы вновь прибывшим жертвам сразу стало ясно, куда они попали. Здесь оборвалась жизнь Джорджа.

— И началась новая?

Дар мотнул головой.— В течение двух лет ему казалось, что он попал в ад — волмарийцы бросали в него острые предметы днем, ночью избивала охрана, стоило только пикнуть.— Он кивнул в сторону блокгауза.— Самое ужасное во всем этом было то,

что повсюду охрана. Повсюду. Все как один огромного роста, страстно желающие чужой боли и страданий.

— Да, я подумала об этом. Где они теперь?

— Их заменили компьютеры. С приходом Шаклара охрана исчезла.

— Что?— воскликнула Сэм, подняв на него глаза.— Но это невозможно!

— Ну, посмотри.— Дар обвел взглядом равнину.— Видишь кого-нибудь из охраны?

— Ну, нет, но... я не разбираюсь в военной форме...

— Когда я прибыл сюда, мы не носили униформу. Первое, что они сделали, это выдали мне серую робу и приказали надеть ее.— Он стиснул зубы, потом покачал головой и выдавил нечто наподобие улыбки.— Но это было одиннадцать лет назад. Теперь мы носим униформу, а охрана — нет.

— Почему?

Дар пожал плечами.— Шаклар считает, что униформа способствует поддержанию духа. И он прав.

— Да нет! Я имею в виду охрану! Почему ее нет?

— Вопрос не из удачных. Посмотри на все глазами Шаклара — зачем здесь охрана?

Сэм задумалась.— Чтобы пленные не убежали.

— Куда?— Дар развел руки в стороны — перед ними простиралась равнина.— В селения волмарийцев? Мы уже вели с ними войну... начали „колонизацию", так сказать.

— Нет! Нет! С планеты! Туда, где живет остальное общество! Ваши жертвы! Во Вселенную!

— И как ты себе представляешь побег с этой планеты?

Она открыла рот... и задумалась.

— Если тебе в голову придет неплохая идея, я с радостью выслушаю.— Глаза Дара блеснули.

Сэм закрыла рот и состроила сердитую гримасу.— Бежать! Все, что нужно сделать, это быстрее бежать отсюда!

— Великолепная идея! И как это сделать? Руки в ноги, ноги в руки и вперед? И с какой скоростью?

— Избавь меня от подобного сарказма! Конечно же, нужно похитить космический корабль!

— Об этом мы думали,— буркнул Дар.— Но корабли прилетают раз в месяц. Ты ведь попала к нам на одном из них, не так ли? Так что ты знаешь, куда он направляется?

— Ну, это... космический корабль, значит, не может приземлиться. Он просто выходит на орбиту. Вокруг... э...

— Луны,— добавил Дар.— А шаттл доставляет пассажиров на поверхность Луны, и предстоит проходить через терминал — сквозь посадочный туннель, раз у тебя нет космического скафандра. А в шаттле установлены скрытые видеокамеры, так же, как и в туннеле, так что команда корабля может убедиться, есть ли на борту сбежавшие преступники, намеревающиеся сесть на шаттл.

— Скрытые видеокамеры? С чего ты взял?

— Шаклар рассказывал нам о них еще до того, как отправил охрану по домам.

— Да?— Сэм стала переваривать услышанное.— И что они предпринимают, увидев заключенных, ожидающих посадки на шаттл?

— Отключают подачу кислорода и отопительные приборы. Сама знаешь, там вакуум. Весь терминал управляется дистанционно, с космического корабля; там даже нет главного, у кого можно было бы выкрасть ключи.

Сэм поежилась.

— Не беспокойся,— успокоил ее Дар.— Мы отсюда не полетим.

Сэм посмотрела на него.— Почему?

Дар развел руками.— Как ты спустилась сюда?

— За нами прислали грузовое судно.

Дар кивнул.— А ты не задумывалась над тем, почему оно вас ждало, когда вы прибыли?

— Я, по правде сказать, не обратила на это особого внимания,— с расстановкой произнесла Сэм,— но теперь я думаю, что это было как-то странно.

— По-старинке,— согласился Дар.— Ты заметила, когда прибыл грузовой корабль?

— Да, конечно... только после того, как космический корабль улетел.

Дар кивнул.— Только сойдя с орбиты, космический корабль послал импульс, разблокировавший двигатели грузового судна, которые были отключены на двадцать четыре часа.

— Достаточно долго. Обладай ты на самом деле находчивостью, можно было бы сесть на грузовое судно после того, как оно совершит посадку, и вернуться на Луну, и там несколько месяцев ждать следующего корабля.

— Великолепно! Возьмем с собой бутерброды, устроим пикничок... много бутербродов; там нет никаких съестных припасов, так что нам придется запастись на несколько месяцев! Знаешь, они зачерствеют, по-моему. Кроме того, двигатели грузового судна автоматически отключаются после одного кругового полета. Но самая серьезная проблема — это воздух!

— Но я свободно дышала в терминале.

— Останься ты там на день, все было бы иначе. Космический корабль поставляет по прибытии запас кислорода на двадцать четыре часа. Они посылают специальную бригаду для его подачи и прежде, чем вызвать шаттл, регулируют давление.— Дар посмотрел на небо.— Нет, не думаю, что мне хотелось бы ждать там корабль в течение месяца. Дышать CO_2...

— Это газ,— сказала Сэм сухим голосом.— Я так понимаю: всю эту прелестную систему установил, придя к власти, Шаклар?

— Нет, так было заведено еще до него. Я бы не удивился, если бы узнал, что так на всех планетах-тюрьмах. Поэтому к тому

времени, когда Шаклар прибыл сюда, он уже понял, что необходимости в охране нет.

— Разве что держать ее для того, чтобы следить, как бы вы не поубивали друг друга! Сколько осужденных было здесь из тех, кто получил срок за убийство?

— Ну, немного; большинство убийств совершено сгоряча.— Он поежился.— Ну, было тут несколько подхалимов... трое рвались к власти...

— Зачем?— Сэм удивленно на него посмотрела.— Я имею в виду, какую власть могли они обрести? Если они не могли покинуть планету, имело ли это смысл?

— Извини, может, это покажется тебе слишком провинциальным, но ведь здесь целая планета.

— Однако денег-то нет.

— Ну, настоящих нет, согласен. А я и не говорил, что они хотели стать богачами; я сказал, что им хотелось заполучить власть.

— Власть над грязной лужей? Горсткой солдат? Но зачем?

— Спасибо за колкое замечание,— рявкнул Дар.

— Ой! Извини.— Сэм округлила глаза.— Иногда я не задумываюсь о том, что могут предполагать другие. Я так увлекаюсь тем, что говорю...

— Как и все мы.— Дар вяло улыбнулся, гася свои отрицательные эмоции.— Мне кажется, так и начинается восхождение к власти.

— Как? С игнорирования чувств других людей?

Дар кивнул.— Да, когда беспокоишься только о том, что чувствуешь сам. Полагаю, будучи боссом, чувствуешь себя безопаснее, остальное не имеет значения.

— Ну, я встречала других боссов. Они всегда беспокоятся по поводу тех, кто собирается их подсидеть и занять их место... я говорю о бюрократах!— Она посмотрела на Дара.— Поверишь или нет... некоторые из них нанимают телохранителей?

— Разумеется, почему не поверить! Пожив на планете-тюрьме без охраны...

— Ой. Твои товарищи по несчастью оказались хуже охраны?

— Немного,— заверил ее Дар.— По крайней мере, при охране ты знал, за кем следить — она носила униформу. Но оставшись один на один с преступниками, в любой момент можно было ждать ножа в спину.

— Они разрешили вам носить с собой ножи?

Дар передернул плечами.— Волмарийцы могли носить с собой холодное оружие, мы от них не отставали. Охрана отбыла на грузовом судне, кто мог остановить нас? Дом Правительства занял Шаклар, он укрылся за толстыми стенами из бетона и стали, закрылся на множество замков и мощных задвижек... И началась настоящая охота друг на друга. Либо прирезать заклятого врага, либо покончить жизнь самоубийством.

— Как это подло!— воскликнула Сэм.— Как он мог допустить подобное!

Дар пожал плечами.— Могло быть и хуже, как мне кажется.

Одному Богу известно, как нам удалось не перерезать друг другу глотки. Когда полилась кровь, люди начали сколачивать небольшие группы, чтобы защищаться. Потом образовались целые банды, рыскающие по округе в поисках стоящей добычи.

Сэм фыркнула.— Интересно, что вообще стоящего здесь можно было найти?

— Естественно, кормежку. Снабжение работало с перебоями. В конце концов мы напали на пакгауз, набрали там кучу продуктов.— Он поежился от таких воспоминаний.— Из-за ветчины началась такая поножовщина, что мне захотелось забиться в любую щель.

— У вашего генерала морали не больше, чем у акулы!— возмутилась Сэм.— Как он мог преспокойно сидеть в тепле и наблюдать, что творится вокруг?

— Мне кажется, ему было прекрасно известно, чем все это кончится.

— Как это? Но ведь в такой неразберихе все было просто непредсказуемо!

— Ну, не совсем...

— О чем ты говоришь? Вы же могли перебить друг друга!

— Это предсказуемо, не так ли? Но я полагаю, что этого не должно было произойти. Нас было слишком много — с полмиллиона. Это целое общество, а анархия неустойчива. Когда небольшие банды начали понимать, что не могут быть уверены в победе над другими, они заключили перемирие и слились в одну большую банду, которая наверняка одержала бы победу в любой схватке с бандой поменьше.

— Поэтому другая небольшая банда тоже соединилась с соседней.— Сэм понимающе кивнула.— А значит, все эти банды превратились в маленькие армии.

— Так. Только большинство из нас не понимало этого; мы просто знали, что три большие банды сражаются друг против друга.

— Ты говорил о нескольких, что рвались к власти?

Дар кивнул.— Они тоже поняли, что лучше объединиться.

— Итак, две из них заключили перемирие и набросились на третью?

— Нет, сначала на нас напали волмарийцы.

— Да?— Сэм изумленно уставилась на Дара, потом кивнула.— Логично, конечно. Я хочу сказать, почему они должны были спокойно наблюдать, как вы объединяете свои силы?

— Правильно. Нас легче было разгромить, когда мы были неорганизованы. На стенах больше не было часовых, и волмарийцы знали, что на нас нужно нападать ночью.

Сэм вздрогнула.— Тогда почему вас всех не перебили в кроватях?

— Потому что Большая Тройка выставила часовых, чтобы быть уверенными, что никто не нападет на них ночью. Неожиданно прозвучали сигналы тревоги, и все побежали на зов — знаешь, военная выучка сказалась.

— Военная выучка?— Сэм уставилась на него.— Я вас преступниками считала.

— Да, но при этом все мы оставались солдатами. Ты что думаешь... Армия направила бы нам в подмогу несколько батальонов, чтобы сразиться с волмарийцами? Нам пришлось самим бороться за свои жизни, со своими сержантами и лейтенантами. Его охрана стояла поодаль и следила за происходящим со стороны... держа в руках на всякий случай лазерное оружие.

— А вам позволялось иметь оружие?

Дар пожал плечами.— Только луки и стрелы. С ними мы и пошли на волмарийцев. Как только зазвучал сигнал тревоги, мы автоматически побежали за луками и стал стрелять во всех попадавшихся на пути волмарийцев. Похватав оружие, мы, естественно, закричали: „Что нам делать сержант?"

— И много сержантов было среди вас?

— Да как тебе сказать, нам хватило... Знаешь, звание дает кое-какие преимущества. Они приказывали нам, что делать.

— Насколько я понимаю, сержанты всегда это делают.

— Ну, да. Но в данном случае мы получили от них указание убивать каждого, у кого нет униформы — сами сержанты отправились на поиски лейтенантов, чтобы получить у них дальнейшие указания. Мы отбивались от врага, а тем временем лейтенанты требовали от Шаклара указаний.

— Но почему они...?— Сэм остановилась на полуслове, глаза ее расширились.— Я, кажется, кое-что поняла: солдаты по сути своей бюрократы. Никому не хочется, чтобы его обвиняли.

— Да, возможно, ты права,— заметил Дар.— Как я уже сказал, когда волмарийцы подошли к городским стенам, сработала привычка. Вероятно, у Шаклара тоже. Он начал отдавать команды.

— Привычка, боже мой! Он просто ждал такой возможности... он все просчитал!

— Хочешь, чтобы я поспорил с тобой? Так или иначе, он занял наблюдательный пост, не пренебрегая при этом тактикой. Он начал отдавать приказы.— Дар покачал головой.— Если их вообще можно назвать приказами! „Лейтенант Вокер, слева прорвалась банда волмарийцев; мне кажется, вам следует бежать туда и устроить им небольшой сюрприз". „Лейтенант Эйбл, отряд сержанта Дортера по численности уступает вашему в два раза; не направили бы вы ему своих людей?"

— Прекрати! Ни один генерал не разговаривает так со своими подчиненными!

Дар поднял ладонь.— Клянусь, я слышал все это собственными ушами! Случайно подслушал рацию лейтенанта Вокера.

— Ты хочешь сказать, что участвовал в той битве?

— А разве у меня был выбор?

— Но я поняла, что ты нашел себе щель и спрятался там!

— Но ведь я не сказал, что мне это удалось, не так ли?

Сэм отвернулась.— Я не могу поверить. Почему он был так вежлив?

— Мы поняли это позже. Действительно, *он* говорил нам, что это наша война, и сражаться или нет — наше дело; но он хотел дать нам совет, если, конечно, мы того желали.

— Хороший совет, насколько я понимаю?

— О, очень хороший. Нам потребовался всего час, чтобы прижать волмарийцев к стене. Потом Шаклар велел лейтенантам отступить и дать им возможность уйти. Все они были против. „Представилась такая возможность покончить с этими ублюдками!" „Разумеется" ,— ответил Шаклар,— „Но у всех у них остались дома братья и племянники — на каждого из вас по шесть волмарийцев. Но если вы захотите истребить их... что ж, вам это удастся, но за каждого своего они убьют двоих ваших". Лейтенанты признали, что он говорит разумно, поэтому сделали так, как он велел, и отступили. Волмарийцы, пораженные такой тактикой, перебрались через стену и умчались прочь.

— Потом он приказал уничтожить лазерное оружие?

— Нет, он отправил его вместе с охраной. Он мудро поступил, ведь мурашки пробегают по коже, стоит только представить, что бы с ним могли наделать эти трое жаждущих власти. На складах оружия у нас были ручные бластеры. Каждому из этой тройки удалось захватить по арсеналу в качестве оплота власти, когда набирались рекруты в банды. Они открыли двери, стали раздавать оружие, как только услышали сигнал тревоги. Внутри городских стен использовать бластеры было без толку, но как только волмарийцы перебрались на ту сторону и побежали, мы вскочили на парапет и начали в них стрелять, пока лейтенанты не приказали нам остановиться, чтобы не тратить порох. Волмарийцы, наверное, так и бежали без остановки до утра.

— Победа,— сухо заметила Сэм.

— Больше, чем ты думаешь, потому что как только стрельба прекратилась, показалась Большая Тройка со своими оруженосцами и послышался приказ: „Хорошо, все кончено! Берите свое оружие и отправляйтесь по домам!"

— И что?

— Они открыли для нас арсеналы, не так ли? Но следовало ли нам отдавать им оружие? Посмотри на ситуацию их глазами.

— Надеюсь, вы не сделали этого!

— Разумеется, нет. Мы развернулись и, усмехаясь, направили на них бластеры. Но они ничего не сказали; право решать мы оставили за лейтенантами.

— Решать?

— Да, одни из них сказали: „Руки вверх", другие: „Огонь!". Мы подчинились.

Сэм открыла рот от изумления.

— Быстро и справедливо,— заметил Дар. Они имели на это право, если разобраться.

— Что бы вы делали без них? Я хочу сказать, что они обеспечивали некое подобие социального порядка.

— Я вижу, тебе нравится давать всему названия. Но когда пепел остыл, лейтенанты собрались и повели переговоры.

— Они выбрали лидера?

— Да, никто из них не отрицал, что это необходимо. Но они не были столь единогласны в том, кто им должен стать. Обсуждалось четыре основные кандидатуры, они спорили и спорили, но не могли прийти к единому решению.

— И как долго все это продолжалось?

— Достаточно долго, чтобы среди ребят начало расти беспокойство. Все начали переглядываться — может быть предстояло перебить друг друга, кто знает.

Но вы бы не этого!

— Не знаю. Военная выучка требует подчинения. Если лейтенант крикнет: „Огонь!", ничего не останется, как стрелять.

Сэм вздрогнула.— Вы что... животные?

— Знаешь, философы постоянно спорят на эту тему. Мне нравится такое высказывание: „Человек — это животное, которое смеется". К счастью, лейтенант Мадринг подумал так же.

— А кто такой лейтенант Мадринг?

— Да есть тут такой, с чувством юмора. Он предложил кандидатуру генерала Шаклара.

Сэм аж передернуло от возмущения. Потом она вдруг поглядела вдаль.— Знаешь...

Дар поднял вверх указательный палец.— Вот! Вот так и среагировали все лейтенанты. Сначала они возмутились... потом до них дошло, что это шутка. Они чуть не умерли от смеха, долго еще хихикали, переглядывались и подмигивали друг другу. Потом вдруг наступила тишина.

— Но Шаклар даже не пытался ни в чем их убедить!

— Ему этого не пришлось делать; он предоставил им право решать. Все они готовы были изменить свое мнение, но никто не решался сказать первым. Решился лейтенант Гриффин — у него просто дар на то, чтобы спасать репутацию товарищей. Но он не позаботился о своей...

— Что случилось?

— Эх! Да... ну, он сказал: „Почему мы не спросим, что он думает?" Когда все снова насмеялись вдоволь, лейтенант Эйбл сказал: „Неплохо посмеялись." А лейтенант Вокер сказал: „Конечно. Я хочу сказать, что мы не должны делать то, что он скажет, вот." Конечно, все согласились, поэтому лейтенанту Вокеру поручили вести разговор, так как он говорил последним. Он вызвал генерала по рации, объяснил ему ситуацию и спросил, что бы тот сделал на их месте. Он ответил, что с радостью послужил бы делу, но им следовало избирать лидера среди них самих.

Сэм улыбнулась.— Как мило с его стороны! И что они предприняли в ответ?

— Они спросили у него совета. Он ответил, что нужно назвать имя каждого лейтенанта по очереди, и пусть те, кто доверяет ему, поднимут руку.

— И кто победил?

— Никто, рук никто не поднимал. „Нет доверия". Поэтому

лейтенант Мадринг призвал всех голосовать за генерала Шаклара.

— Воцарилась тишина?

— И причем надолго, так что каждый понял, что голоден. Но потом они начали поднимать руки — из четырехсот за него проголосовало триста шестьдесят.

— И это за того человека, что укрывался в крепости? Что заставило их передумать?

— Скорее всего полная неразбериха, хаос... Особенно после того, как он неплохо поруководил ими в битве. Солдаты это ценят. Итак, они позвали Шаклара и сообщили ему, что он избран на пост главы.

— Думаю, он обрадовался, услышав такую новость.

— Трудно сказать; он вздохнул и попросил их сформировать Парламент, прежде чем они пойдут обедать. А во время еды попросил подумать о конституции.

— Конституции? В тюрьме?

— Почему бы и нет?! Я имею в виду, они только что избрали его, не так ли?

Сэм снова поглядела куда-то вдаль.— Я полагаю...

— Они так и сделали. Это был поворотный этап, понимаешь... тогда мы начали считать себя колонией, а не тюрьмой. Когда мы составили конституцию, мы перестали звать Шаклара „тюремщиком"... стали называть его „правителем".

— Как великодушно с вашей стороны,— съязвила Сэм,— если учесть, что на Земле так уже поступили.

— Да, но мы-то нет. И раз он получил добро со стороны народа, он мог править без охраны.

— Но... все это... нелепо.

— Разве? Только в том случае, если превратить всю планету в тюрьму, то конечно... но выхода нет. Вот почему здесь так. Словом, он мог отправить охрану домой и позволить нам сражаться за самих себя.

— Что заставило вас подумать, что он лучше, чем просто существо разумное.

— Тут были свои преимущества. И раз его позиция укрепилась, он мог уже предлагать реформы Совету.

— Совету?

— Законодательному органу. Сейчас, кстати, волмарийцы выдвигают свои кандидатуры. Но нам, коммивояжерам, торговцам, это только на руку. Так или иначе, Шаклар убедил Совет в необходимости ввода денежного содержания и вознаграждения.

— О, здесь ему наверняка пришлось проявить все свое красноречие!

— Да, ты права. Некоторые из них были коммунистами. Но бумажные деньги все же ввели. Конечно, они не имеют какой-либо ценности вне нашей планеты, но здесь они значат много... Один БТУ — за прибранную койку, два БТУ — за подметенный двор и так далее.

— Отлично! И на что они могли их тратить?

— О, генерал уговорил Чолли поддержать его и открыть магазин, и некоторые коло... э, колонисты, решили, что идея неплохая и...

— И вскоре здесь стало полно капиталистов.

— Ну, появилось самое необходимое — обычный магазин, ремонтная мастерская и три таверны.

— Этот ваш обычный магазин больше похож на торговый центр.

— С какой стороны посмотреть. Так или иначе, возник денежный голод, и солдаты стали изо всех сил стараться заработать БТУ...

— Значит, для поднятия духа и все такое,— пробормотала Сэм.— Потому что жизнь их может стать лучше.

— Совершенно верно. Тогда Чолли начал платить сверху. торговцам опиумом — трубочками и...

— Барон наркотиков!

— Называй его, как хочешь. Но выяснилось, что существует спрос на подобный товар — понимаешь, после переработки опиум занимает мало места; он не способствует возникновению эйфории и не снимает боль, зато затормаживает процесс старения. Им заинтересовались Союз Фармацевтов и Межзвездная Гериатория...

— Я поняла. Прибыль.

— Это дорого стоит, не забывай... особенно вначале, из-за риска. Но Чолли додумался до того, чтобы начать торговать с туземцами стеклянными шариками. Они оказались просто золотоносной жилой... так что нам удалось вовсю развернуть торговлю.

— И совершенно неожиданно для всех волмарийцы вдруг перестали относиться к вам враждебно,— кивнула Сэм.

— Да, ты не ошиблась.— Дар поддел траву носком сапога.— А, следовательно, стало возможным уговорить их начать вести „меловую" войну.

— Итак, торговля процветает, дух крепнет, и вы предпринимаете первые шаги по направлению к единому обществу. И каждый при этом считает, что имеет такую возможность и...— Сэм оборвала фразу, затрясла головой.— Не могу поверить! Центральные планеты погрязли в жалости к самим себе, в унынии, а здесь, среди диких равнин, вам удалось построить некое общество, имеющее надежду! На Терре каждый всю жизнь в отчаяньи думает, что ничего нельзя изменить.

— Что?— Дар был потрясен.— Но у них все есть! Они...

— Не имеют ничего,— огрызнулась Сэм.— На Терре всем известно, что ты умрешь на той работе, что делал твой отец. У тебя есть жилье, в твоем распоряжении ряд услуг и определенный рацион. И это все.

— Но даже у нищих есть свои дома... с мебелью, которая затмит весь тот хлам, который есть здесь у нас. И им не нужно вылизывать свой дом, потому что на них работает прислуга... и свободное время по-настоящему свободное!

— Свободное для чего... для закисания?

— Они могут делать все, что захотят! Я имею в виду, что даже такой деревенщина, как я, знает, что входит в их рацион.

Сэм пожала плечами.— Конечно, ты можешь пить и есть ночи напролет, можешь веселиться на вечеринке или пойти на спектакль...

Дар тяжело вздохнул.

— Но чтобы делать что-то? Нет, если только ты не рожден, чтобы заседать в правительстве... но даже там не могут придумать,чем заняться.

— Но...— Дар посмотрел на небо.— Но там тысячи миров, которые можно осваивать!

— К чему?— Она горько усмехнулась.— Этим мы уже занимались... и все это не улучшило положения дел на самой Терре.

— Не улучшило? Но самый бедный нищий у вас живет как средневековый король!

— Ты так считаешь?— Глаза Сэм заблестели.— Со слугами, музыкантами, придворными, рыцарями, завоевывающими улыбки красавиц.

— Даже у отбросов общества по трое — четверо слуг! Захочешь послушать музыку, пожалуйста!

— И придворные? И рыцари?— Сэм мотнула головой. Короля делает королем то, что он может приказывать другим людям... а этого ни за какие деньги не купить!

Дар удивленно посмотрел на нее. Потом тряхнул головой и присвистнул.— Да? Значит, так все скучно?

— Сплошной декаданс.— Она улыбнулась, чувствуя, что одержала победу.— Они все там умирают. Чего я не могу понять, так это того, как вашему народу удалось избежать этого.

Дар пожал плечами.— Может быть, потому что мы на самом дне? Я имею в виду, раз приземлился здесь однажды, иного выхода, как вверх, нет.

— Некуда идти?— воскликнула Сэм.— Может быть, ты и прав... потому что здесь край цивилизации, потому что все, что вы делаете, вы делаете для себя. Терра слишком далеко, чтобы ждать от нее помощи. И слишком далеко, чтобы следить за вами. К тому времени, когда они скажут вам не делать чего-либо, окажется, что вы сделали это уже год назад! И потому что...— Она вдруг замолчала.

— Потому что мы их не слишком заботим?— усмехнулся Дар.— Потому что место это — настоящая дыра, и Терра направляет сюда только тех, о ком хочет забыть? Я бы не удивился, если бы узнал, что они захотели избавиться от Шаклара.

— Разумеется, он представлял некую угрозу для тех, кто обладал настоящей властью. Я хочу сказать, что он обладал способностями. Мог вызвать колебания. На меня, по крайней мере, все это подействовало.

— Я рад,— Дар попытался выдавить улыбку.

— Ты так и не показал мне, как ты якобы не обираешь местных жителей.

— Нет, еще нет. Но это стоит посмотреть. Мы начнем торговлю на закате.

— Огонь так не разжигают,— заметила Сэм.

— Что ты знаешь об этом?— Дар подбросил зеленые ветки и листву в горящий костер.— Ты же городская девчонка.

— С чего ты взял?

— Ты сама говорила. Сказала, что прибыла с Терры, а это один большой город.

— Да, но мы сохранили несколько парков, например, Скалистые Горы. Я знаю, что нужно использовать сухие дрова.

— Совершенно верно.— Дар улыбнулся и посмотрел на клубящийся столб густого дыма, отливающего золотом на закате.

Сэм вздохнула.— Хорошо, я поняла, ты хочешь привлечь внимание. А что у нас на ужин?

— Не волнуйся.— Дар начал рыться в сумке с продуктами.— У нас есть сыр и галеты, ну и, конечно, виноградное вино.

Сэм пожала плечами.

Становилось темно, и появились пятеро — волмарийцы с тюками на плечах.

— А! Вот и компания подоспела!— Дар потер руками и достал бутылку и стаканы.

— Напоишь их прежде, чем безжалостно обворуешь?— фыркнула Сэм.

— На это потребовалось бы больше спиртного, чем я прихватил. Они это дело любят.— Он шагнул к подошедшим местным жителям и поднял бутылку.— Как?

— Ты не знаешь, так я не скажу,— произнес один из них традиционное приветствие.— Рады тебя видеть, Дар Мадра.

— Тоже рад видеть вас, Хиршмайер.— Дар протянул каждому по стакану, потом разлил вино по кругу и поднял свой стакан.— За торговлю!

— И выгоду,— усмехнулся Хиршмайер. Он залпом отпил сразу полстакана.— Эх! Доброе вино после долгой дороги и жаркого дня сбора трубочек.

— Да, я знаю,— посочувствовал Дар. Да еще небольшой доход приносит.

— Пять целых тридцать восемь сотых квахеров за унцию на бирже Весов,— вставил второй волмариец.

Дар удивленно посмотрел на него.— Но это самые последние расценки, прямо с грузового корабля. Откуда вы узнали?

— В прошлом месяце ты продал нам отличное радио,— напомнил ему Хиршмайер.— Передай сержанту Валстоку, что он гонит классную музыку.

— Хорошо, обязательно передам,— Дар вытащил блокнот и нацарапал несколько слов.

— Правда, барабаны уж слишком усердствуют,— задумчиво произнес другой волмариец.

— Хорошо, Слотмейер.— Дар снова сделал пометку.— Еще вина кому-нибудь?

— Пять кружек взлетели вверх. Дар присвистнул, обошел всех с бутылкой, затем взял тюк.— Так, посмотрим, о чем разговор.— Он опустил тюк на повозку.

— Двадцать семь килограммов тридцать два грамма,— послышался механический голос.— Девяносто семь процентов Органум Транслуцем, три процента травы, листа и всякой всячины.

— Так, ясно,— Дар снял тюк с повозки и поставил его между собой и Хиршмайером.

— Ты уверен, что эта штуковина не живая?— требовательно спросил волмариец.

— Уверен. Но в ней живет привидение.

— Привидения в машинах не водятся.— Волмариец решительно затряс головой.

Дар сурово на него посмотрел. — Я ведь продавал вам книжки — целую серию по истории философии?

— В прошлом году,— ответил Хиршмайер.— Теперь половина племени цитирует-ум Локка.

— Локка?— Дар поморщился.— Я думал, что вам больше по душе придутся Беркли и Сартр.

— Устаревшие концепции,— фыркнул Слотмейер.— Не забывай противоположную культуру наших предшественников.

— Да, действительно, совсем из головы вылетело,— пробормотал Дар.— Ну что? Как насчет двухсот тридцати четырех за тюк?

Хиршмайер покачал головой.— Намного ниже котировки Весов. Ваши деньги приравниваются на сегодняшний день лишь к восьмидесяти процентам БТУ Весов.

— Придется поговорить с сержантом Валстоком,— пробурчал Дар.— Хорошо, снижаю цену на двадцать процентов. Но не забывайте... нам приходится оплачивать дорожные расходы по доставке товара на Весы.

— И твой босс Чолли тоже должен платить тебе, накладные расходы — тоже на его счету,—добавил Слотмейер.— Мы ничего не забываем, Дар Мадра.

— Кроме того, что Чолли должен получать от всего этого выгоду, иначе ему нечего делать в бизнесе,— возразил Дар.— Ладно, согласен... как насчет двух семидесяти пяти?

— Одна десятая квахера?— Хиршмайер поморщился. Он наклонился и поднял тюк.— Приятно было иметь с тобой дело, Дар Мадра.

— Ладно, ладно! Два восемьдесят!

— Два девяносто,— наугад сказал Слотмейер.

— Идет, два восемьдесят пять,— Дар вздохнул и пожал ему руку.— Только ради вас, ребята! Только не расстраивайтесь, если в следующем месяце я не приду. Наверное, у вас будет новый торговец.

— Не беспокойся. Чолли знает, с кем мы ладим.— Хиршмайер усмехнулся.— Ладно. Что у тебя есть на продажу, Дар Мадра?

— О, немного того и чуть побольше этого.— Он повернулся к повозке.— Поможете?

Вшестером они поставили огромный ящик на землю. Дар отстегнул крепления и открыл переднюю и боковую панели.

Волмарийцы столпились вокруг, рассматривая товары и возбужденно переговариваясь.

— Что это за красный камень?— спросил Слотмейер, показывая пальцем на сверкающий цилиндр.— Это рубин для лазера?

Дар кивнул.— Выращен искусственным путем, но действует лучше, чем натуральный.

— А вот гильзы, —произнес другой волмариец.

— Та же модель, инструкцию на которую ты продал нам в прошлый раз?— Хиршмайер покачал на руке увесистый элемент.

Дар кивнул.— Дабл-Х 14. Используется во флоте.

— А это что такое?— Один из волмарийцев вытащил металлическую деталь.

— Часть заготовки для автоматического токарного станка,— ответил Дар.

— А что такое «токарный станок»?

Дар усмехнулся.— Инструкция по эксплуатации стоит всего двадцать пять квахеров.

— Двадцать пять?— промямлил Хиршмайер.

Дар расплылся в улыбке.

Хиршмайер посмотрел не него, потом ухмыльнулся и кивнул.— Да ты просто грабитель с большой дороги, Дар Мадра.

— Нет, Чолли говорит, что до большой дороги я еще не дорос.

— У него свои представления о размерах,— усмехнулся Хиршмайер.— Сколько стоит эта штучка для лазера?

Дар вытащил из кармана листок и протянул его Хиршмайеру.— Ты пока посмотри, а я закончу взвешивать.— Он отвернулся и стал складывать тюки на весы. Тем временем волмарийцы столпились вокруг Хиршмайера, обсуждая список товаров.

Сэм подошла к Дару и похлопала его по плечу.— Послушай, куда делись все их „умы" в конце слов?

— Хм?— Дар поднял глаза.— Понимаешь, они меня знают. Нет нужды разыгрывать передо мной спектакль.

— Ладно, ладно!— пробурчал Хиршмайер.— Берем три рубина, три гильзы, десять элементов питания и заготовку для токарного станка.

— Ясно.— Дар нажал кнопку на весах, и раздался голос: „Общая стоимость товара составляет 4235.50 БТУ".

Дар кивнул.— А общая стоимость ваших трубочек составляет 5337.50. Можете истратить еще 1102, Хиршмайер.

— Нет нужного нам товара,— хмыкнул Слотмейер.

Хиршмайер кивнул и протянул руку ладонью кверху.— Лучше наличными.

— Можете положить деньги на депозитный счет в банке,— предложил Дар.— Чолли открыл новый вид счета.

Хиршмайер покачал головой.

— Платит всего пять паршивых процентов годовых. Лучше я поставлю эти деньги во время игры в покер с солдатами.

— Но это новый вид счета,— возразил Дар.— Со сложными процентами.

Хиршмайер приподнял голову, нахмурил лоб.—«Сложные проценты»? А что это значит?

— Это означает, что в конце каждого пятого месяца на процентные доходы также начисляются проценты. Каждый процентный период выплачивается ставка процента.

— Значит, во втором квартале Чолли выплачивает процент на 1157.125?

Дар кивнул.— А за третий квартал он уже заплатит на 1162.48. Значит, годовой доход в форме процентной ставки составит двадцать один процент с половиной.

— Но Чолли разорится,— фыркнул Слотмейер.

— Нет, он тоже получит выгоду в том случае, если этим счетом воспользуется достаточное количество клиентов. Если его капитал составит пять тысяч, он сможет купить облигации Баика Межзвездного Суверенного Электората, по которым выплачиваются двадцать три процента эффективных.

Слотмейер вскинул голову, глаза его округлились. Он накинулся на Хиршмайера.— Соглашайся!

— Ты уверен?— Хиршмайер явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Уверен? Если уж Чолли извлекает из этого такую выгоду! Верное дело!

Хиршмайер уставился себе под ноги, потом посмотрел на Дара, приняв окончательное решение.— Согласен. Мы открываем новый счет.

— Отлично, держите.— Он протянул Хиршмайеру документы, но Слотмейер перехватил их. Он бегло посмотрел страницы, бормоча что-то про себя, затем кивнул и передал их Хиршмайеру. Хиршмайер расписался и указал в скобках свою фамилию. Дар взял бумаги и сунул их в щель повозки. Раздалось гудение, затем появились копии документов, а за ними вылетела маленькая голубая книжица-буклет. Дар проверил сберкнижку, чтобы убедиться в том, что депозит записан верно, потом удовлетворенно кивнул и передал стопку Хиршмайеру. Волмариец свернул бумаги, сунул в карман и усмехнулся.— Идет, Дар Мадра. С тобой неплохо иметь дело.

— Всегда к вашим услугам.— Дар поднял бутылку.— По стаканчику? За сотрудничество?

Сэм провожала взглядом растворяющихся в ночи волмарийцев, в то время как Дар загружал повозку и пристегивал брезент. Наконец она повернулась к нему.— Почему они называют это „трубочками"?

— Хм.— Дар посмотрел на нее.— Взгляни.

Сэм шагнула к повозке и потрогала один из тюков. Длинные, тоненькие, полые стебли. Она кивнула. Маленькие трубочки.

Дар прикрыл тюк и застегнул последнее крепление.— Кстати,

хорошего качества. Неплохая ночная торговля.

— Но почему ты так говоришь?— возмутилась Сэм.— Ты ведь не извлек из этого никакой выгоды!

— Около полутора процентов.— Дар поднял пластиковый куб и выпрямился.— А это тоже неплохо. Чолли счастлив, если мне удается получить такую прибыль с операции.

— Да? На самом деле?— Сэм подбоченилась.— Он что, филантроп?

— Учитель,— напомнил Дар.— И политический союзник Шаклара. Чолли беспокоится лишь о том, чтобы волмарийцы как можно больше узнали о торговле, а Шаклар заботится о том, чтобы волмарийцы были втянуты вместе с солдатами в некое экономическое единство. И слава Богу, что пока удается и то и другое.

— Конечно,— сухо произнесла Сэм.— И мне кажется, что после каждой поездки тебе удается узнать что-нибудь новенькое о культуре волмарийцев.

— О чем я докладываю непосредственно Чолли, который уж наверняка за кружкой пива поделится этим с солдатами, а те в свою очередь расскажут своим товарищам.— Дар усмехнулся.— Дай нам десять лет, и солдаты и волмарийцы узнают культуру друг друга как свою собственную.

— Похоже, при этом их еще и финансируют.

— А Слотмейер получает основные понятия о законе,— заметил Дар.— Он неплохо все усваивает.

Сэм нахмурилась.— Ты сейчас похож на учителя, которого переполняет гордость за отличного ученика... Ох!

Дар сощурился.

— Конечно, мне сразу следовало догадаться,— решительно произнесла она.— Чолли нанимает не торговцев, он набирает учителей.

— Верно подмечено,— сказал Дар,— Но все же нам приходится следить за прибылью и расходами.

— А как насчет потерь в Армии?

— Хм?— Дар уставился на нее.— Каких потерь?

— Эти штуковины для лазера... они ведь военного назначения, не так ли?

Улыбка с лица Дара постепенно сходила.

— Давай,— настаивала Сэм,— можешь мне довериться. Я и так знаю вполне достаточно, чтобы потопить тебя, если уж на то пошло.

Дар усмехнулся.— Неужели?— Мы тут и так на самом дне.

Сэм нахмурилась.— Но откуда ты знаешь, что я не шпион Бюро по Делам Внешнего Мира? Или не шпион Армии, задача которого выяснить, что на самом деле делает здесь Шаклар? Ты ведь знаешь, что, вернувшись на Терру, я могу составить отчет о его деятельности, и его вышвырнут с планеты.

Дар кивнул.— Да. Может быть...

Сэм отодвинулась от него, одарив его таким взглядом, на какой способна мышь, увидевшая просыпающегося кота.

— Но это не так,— закончил Дар.

Сэм возмущенно пожала плечами.

— А откуда такая уверенность?

— Ну, во-первых, я не верю, чтобы кто-нибудь на Терре по-настоящему интересовался нашими делами... ни в Армии, ни в Бюро.

— Шаклар строит мощную базу,— напомнила ему Сэм.

— Мощную для чего? Он даже не может поработить волмарийцев.

— Но он пытается втянуть их в некое единство со своими заключенными.

Дара эти слова позабавили.— И как ты думаешь, что он собирается делать с этим самым единством? Построит длиннющую лестницу и заберется на Терру?— Он покачал головой.— Шаклар не представляет какой-либо угрозы за пределами этой планеты... а ребятам на Терре нет никакого дела до того, чем грозит он здесь.— Он подбросил пластиковый куб вверх и поймал его.— Поэтому ты не можешь быть шпионом. Ну, может быть, репортером, но стоило ли проделывать такой путь, чтобы написать о нас пару строк?

— Чтобы найти то, о чем можно писать,— сказала Сэм, нацепив убийственную улыбочку.— На Терре ничего не случается.

Дар пожал плечами.— Ладно... Допустим, что это так. Ну, и что ты сможешь сделать? Подготовить десятиминутное сообщение для студии ЗДТ о тех ужасных делах, что творятся здесь, на Волмаре?

— Разумеется. Вы находитесь так далеко, что стали экзотикой. Хоть на какое-то время можно привлечь внимание зрителей к вашим проблемам. А то жизнь на Терре так скучна.

Дар снова пожал плечами.— Значит, публика развлечется, узнав о нас?

— Наверняка.

— Да, конечно. А в Армии воскликнут: „Господи! Мы и не догадывались, что там творится!“ И направят к нам официальную бумагу, в которой напишут следующее: „Ты, вредный, непослушный мальчишка! Как ты допустил подобное? То, как ты обращаешься со своими преступниками, само по себе преступно!“ И Шаклар, уверен, найдет для них с полсотни отговорок и закончит следующими словами: „Но, безусловно, раз это вам не нравится, я буду рад прислушаться к вашим пожеланиям.“ На что Штаб ответит: „Отлично. Делай по-нашему“. Они сообщат об этом в средства массовой информации, средства массовой информации в свою очередь — народу, а народ будет сидеть в креслах с таким чувством, что он действительно добился чего-то. И все забудут об этом.

— А Шаклар так ничего и не предпримет?

— Разумеется... Посадит меня на недельку в карцер, чтобы помалкивал. Вот и все; знаешь, даже полезно сменить на какое-то время обстановку.

Сэм вздохнула.— Хорошо. Тогда расскажи мне об этих лазерах и рубинах, потому что... нет причин скрывать это от меня, не так ли?

— Нет, разве что ты можешь воспринять все по-другому, с худшей стороны. Так что насчет лазерных штучек?

— Они военного назначения, да?

— Разумеется. Что еще может достать генерал из того, что хочет иметь местное население?

А тебе не кажется, что это попахивает коррупцией?

— Почему же? Их используют в военных целях.

— Волмарийцы... в военных целях?— взорвалась Сэм.— Но это же незаконный ввоз оружия!

— Я так и думал, что ты обзовешь все это подобным образом,— уныло произнес Дар.

— Он думал! Разве ты не понимаешь, что вы сами себе подписываете смертный приговор?

— Ну, пока все идет мирно,— заметил Дар.— Шаклар больше доверяет торговле, чем военной мощи. Чрезвычайно трудно сражаться с собственными покупателями.

— Но они как бы из другой культуры...

— Правильно,— согласился Дар.— Вот почему так важно заставить две группы понять друг друга, обустроить их социально. Можно воевать со своим покупателем, но с другом воевать не станешь... если только нам удастся сделать их своими друзьями. Если же начнется настоящая война и все племена волмарийцев объединятся против нас, нам не жить. Они превосходят нас численно — на каждого из нас приходится по тысяче волмарийцев. И бластеры лишь ускорят процесс, вот и все.

— Тогда почему вы продаете им бластеры?— спросила Сэм.— Зачем делитесь оружием?

— Ну, во-первых, трудно убедить армию поставлять на планету-тюрьму бластеры целиком.— Дар нажал кнопку на боковой поверхности пластикового куба, он загудел.— Но отдельные части они доставляют нам тысячами.

Сэм покачала головой.— Вот тебе, пожалуйста, пример бюрократии!— Она наблюдала за тем, как гудящий куб начал разворачиваться и раскрываться.— А во-вторых?

— Во-вторых, продавая им отдельные части и инструкции по эксплуатации, мы заставляем их учиться тому, как сделать из них одно целое.— Дар улыбнулся, и глаза его затуманились.— А, значит, они начинают интересоваться, что как устроено и почему работает... так они узнают технологию. Сколько им придется поломать голову над этим токарным станком, прежде чем они разберутся, что к чему! Чтобы он заработал, им придется научиться очень многому!

— Да вы просто садисты!

— Такова доля учителя.— Дар следил за тем, как пластиковый куб превращается в палатку со скошенной крышей-тентом.— Пора укладываться спать.

Сэм мотнула головой, озадаченно рассматривая палатку.— Если бы я знала, что...

— Эй, я ведь не обещал тебе кровати и шелковых простыней!

— Нет-нет! Я имею в виду всю планету! Ту структуру, что создал ваш генерал! То, что он пытается сделать! Если бы я знала, что это так, я бы лично подложила бомбу в корабль этого нового правителя!

Дар застыл в проеме. Потом оглянулся.— Извини... что ты сказала?

— Новый правитель.— Сэм помрачнела.—Знаешь... тот, что должен прилететь завтра.

Дар шагнул наружу и выпрямился.— Но мы ничего об этом не знаем. Никто на Волмаре не знает об этом.

— Они не сообщили вам?— Сэм озадаченно посмотрела на него.— Ну... так или иначе они это сделали. Бюро направило к вам нового правителя с приказом отправить Шаклара домой и занять его пост. Им показалось, что решение „Вопроса относительно Волмара" затянулось.

— Да?— Дар вздохнул.— Как интересно. Как тебе удалось узнать об этом? Или это известно всем на Терре?

— Ну, я бы не назвала это главными новостями...

— Да, не такие уж мы важные птицы,— сухо заметил Дар.

— В тот день, когда я уволилась, это были последние документы, которые легли ко мне на стол... они касались доставки этого Белабхера и его людей сюда.

— Белабхера? Хм. А что он из себя представляет?

— О...— Сэм поежилась.— Знаешь... ничего необычного. Гражданский карьерист, вот и все.

— Ясно,— сказал Дар,— значит, зануда?

— Скучный,— подтвердила Сэм,— очень консервативный... особенно что касается военных дел и обращения с заключенными... Что ты делаешь?

— Собираю вещи.— Дар нажал кнопку, и палатка начала складываться обратно в куб.— Мы возвращаемся в город.

— Я сказала что-то не то?

— Да... и тебе придется повторить все это как можно скорее Шаклару. Он должен знать, что к чему.

— Только ни в коем случае не дай ему знать, что может произойти,— посоветовал Чолли.

— Но он должен быть готов!— запротестовал Дар.— Не дать им приземлиться! Стрелять, как только в небе блеснет их корабль! Тройной удар!

— Не забывай, что бы ни случилось, он всегда сможет заявить, что ничего не знал.

— Да...— Дар прикусил губу.— Я как-то не подумал.

— Сознание должно быть чисто, как и документы, приятель.— Чолли начал надраивать стойку бара.

— Первое правило политики,— пояснил Дар Сэм.— Заставь

кого-либо неправильно понять тебя, или пусть они сами во всем разбираются.

— Мы сделаем все по-своему на этот раз,— сказал Чолли.— Генерал — страшный врун. Он даже не сознается, что не понял.

Дар решительно тряхнул головой.— Правильно. Как насчет быстрой атаки?

— Закон — против,— заметил Чолли.

— Не думаете же вы, что можно избавиться от Белабхера законным путем!— воскликнула Сэм.

— Нет, но можно сделать это таким образом, что незаконность не смогут доказать.

— Он хочет сказать, что нужно будет изобразить это как несчастный случай,— пояснил Дар.

— Великолепно.— Сэм поджала губы.— „Извините, сэр, я вовсе не хотела подсыпать стрихнин в ваш мартини". Или „О, Боже, моя бомба! Я уронила ее!"

— Неплохо, но непрактично,— возразил Чолли.— Сложно не обратить внимание.

— Но нужно что-то предпринимать! Подумайте о спасении планеты!

— Этим я и занимаюсь,— задумчиво произнес Чолли,— и я бы сказал, что эта планета нуждается в хорошей Таможенной Службе.

— Не забудь, настоящее шотландское виски,— напомнил сержант.

Дар кивнул.— Прямо с Терры... по двухлитровой бутылке каждому из вас — тебе и твоему капралу.

— Неплохо!— Сержант вскинул лазерное ружье.— Нам весь день охранять, и завтра тоже. Хотя не могу понять, к чему вообще охранять эту старую будку.

Теперь есть что.— Дар прикрепил на дверь табличку.— Ковер, пять стульев, две пепельницы и стойку.

— „Таможня"?— Капрал присвистнул, увидев табличку.— А это официально?

— Вполне,— заверил его Дар.— Поверь мне, я знаю... я сам писал приказ...

— Шаклар приказал?

— Не думаешь же ты, что это не так.

Сержант вдруг покраснел и издал какой-то булькающий звук. Дар посмотрел на него, потом проследил за его взглядом — и увидел, что к ним приближается Сэм, одетая в обтягивающую голубую униформу с золотыми эполетами и в фуражку. Дар даже затаил дыхание.

— Чолли посмотрел свои счета и нашел волмарийца, который заказал швейную машинку.— Она протянула Дару плоский аккуратно перевязанный пакет.— Теперь у его жены срочная работа.

Дар пришел в себя.— Да, отлично. Во сколько это обошлось ему?

— В два элемента питания, шесть стволов бластеров, две микросхемы и тюбик зубной пасты.

— Стоит любого кредита,— присвистнул сержант, не отрывая от нее глаз.

— Пойду займусь делом.— Сэм повернулась к двери.— Надо проверить терминал и бумаги.

— Э... хорошо.— Он отвел от нее взгляд и посмотрел на часы.— Сколько у нас времени?

— Чолли сказал, что грузовое судно должно отправиться с вашей луны в тринадцать часов,— ответила Сэм, выйдя из будки.— Это во сколько?

— В тринадцать часов.— Дар начал раздеваться.

— Вот вы где, Дар Мадра!

Дар недовольно поднял голову, подхватывая свою униформу; со стороны волмарийца было невежливо смотреть на обнаженного солдата, а с Чолли пришел шаман из племени Сарз.

— Мир тебе, Дар Мадра.— Шаман протянул руку.

— И вам мир, преподобный.— Дар влез в униформу и протянул руку.— Рад вас видеть, но, э... почему вы в униформе таможенника?

— Как же, он теперь один из ваших сотрудников, не так ли, преподобный?— Чолли усмехнулся.— Ну как, Дар?

— Э...— Дар выпучил глаза.— Ваши способности могут, конечно, здесь пригодиться, преподобный.

— „Офицер Холдан" на некоторое время, Дар Мадра.— Шаман неловко потряс руку Дара: он не привык к такому обычаю.— Понимаете, я не могу гарантировать, что смогу услышать их мысли.

— Да, да, я знаю, Сила посылает этот Дар, когда сама пожелает, а не когда мы того хотим.— Мадра стал растирать руки.— Но я надеюсь, что сегодня Он будет с нами, пре... э, офицер Холдан.

— Я тоже,— раздался в ответ грустный голос шамана.— Шаклар должен остаться с нами, Дар Мадра. Я не хочу увидеть, как от лазерных лучей погибают мои молодые люди и ваши солдаты.

— Конечно,— согласился Дар, осознав вдруг свой возраст.

— И я думаю, что вы устроите таким образом, чтобы мне не пришлось говорить.

— О, уверен, что в этом не будет необходимости, преподобный,— протараторил Дар.— Вы говорите по-террски лучше меня.

— Очень любезно с вашей стороны... но у меня, знаете ли, акцент.

— Не такой сильный, как у меня,— вставил Чолли.— Но преподобный Холдан имеет на то право, приятель... Среди них может оказаться тот, кто знает что-либо о волмарийце.

— И хотя я смыл краску по такому случаю, если рядом окажется тот, кто захочет определить мою национальность, он легко прочтет ее по моему лицу.— Шаман вдруг замер и посмот-

рел вверх.— Сила благоволит сегодня; ваши враги приближаются.

Дар посмотрел на небо, но не увидел ни малейшей вспышки, ни блеска.

— Вашего слова для меня достаточно, преподобный. Что, пойдем и примем официальный вид?

Грузовое судно с грохотом совершило посадку. Из окна Дар наблюдал за тем, как выехал трап и открылся люк. Появились пассажиры, в ужасе взирающие на будку. Охрана переглянулась и направилась к ним. Сержант подошел к группе, держа в руках ружье, и сказал что-то человеку с лисьим лицом, стоявшему впереди. От группы отделился невысокий, худощавый, но вовсе не производящий впечатление слабосильного человека, который прервал их беседу. Чем дольше они разговаривали, тем отчетливее был слышан его голос; но сержант оставался неуступчивым и спокойным. Дар заметил, что ружье в его руках чуть подрагивает, и мысленно налил сержанту стакан виски.

Наконец, худощавый человек вскинул голову и решительным шагом направился к будке. Все последовали за ним; при этом лицо сержанта приняло хитрющее выражение.

— Приготовиться,— тихо сказал Дар.— Мы — таможенники.

Дверь распахнулась, и внесся худощавый.— Кто отвечает за весь этот фарс?

— Старший здесь я.— Дар придал своему лицу отсутствующее выражение.— Чем могу служить?

— Служить? Вы должны немедленно прекратить весь этот балаган и доставить нас в Дом Правительства!

— Разумеется, сэр... как только пройдете таможню.

— Таможню?! На этой планете никогда не было никакой таможни! Я прочитал все сообщения!

— Нововведение,— невозмутимо ответил Дар.— Мы постоянно пытаемся улучшить условия, сэр.

Вошло остальное окружение нового правителя, капрал закрыл дверь. Дар и сержант заняли свои места по обе стороны двери.

— Достопочтенный Белабхер...— Рядом с худощавым появился человек с лисьим лицом.— Возможно, эти добрые люди не знают о вашем официальном статусе.— Он бросил на Дара такой убийственный взгляд, что у того все внутри похолодело. Краем глаза он заметил, что „офицер Холдан“ еле заметно моргнул.

— Спасибо, Канис, спасибо,— буркнул Белабхер. Он повернулся к Дару.— Слушай внимательно, приятель... ты знаешь, кто я такой?

— Не совсем, сэр... но был бы рад. Могу я посмотреть ваш паспорт?— Дар подумал, что Сэм, возможно, была права насчет стрихнина.

— Паспорт!?— взревел Белабхер.— Молодой человек, должен вам сказать, что я новый правитель!

Дар выдержал паузу, потом округлил глаза и подался вперед, протянув руку.— Интересно, достопочтенный. Я должен согласовать это с Домом Правительства. Боюсь, что не слышал, чтобы генерала Шаклара сменили... Могу я посмотреть ваш паспорт?

— Какой-то абсурд! На планете, кишащей преступниками, я определенно вне подозрения!

— Именно потому, что это планета преступников, здесь никто не избавлен от подозрения,— спокойно ответил Дар.— Боюсь, мне придется проверить ваши документы, достопочтенный.

Белабхер побагровел, начал издавать булькающие звуки, но человек с лисьим лицом успокаивающе положил руку ему на плечо.— Ладно, если вы должны...— прорычал Белабхер.— Атависта, ваши документы, пожалуйста.

К нему приблизилась стройная молодая женщина, открыла папку и положила на стойку микроголограммы. Одежда на ней была обтягивающей и полупрозрачной, отчего ее фигура вовсе не выигрывала. Дар решил, что лучше сосредоточиться на ее лице.

Сэм взяла микрогалограммы и начала пропускать их через терминал. Дар заметил, что на последнем конверте из пластируса было написано имя Шаклара.

Преподобный Холдан встал рядом с Даром и взял документы, которые передала им Сэм. Он посмотрел на человека с лисьим лицом и пробормотал так тихо, что даже Дар едва различил, что он говорит:

— В багаже каждого из них есть копии всех документов.

Дар постарался сохранить невозмутимость и нажал ладонью на стойку, чтобы дать понять, что он услышал. Он также заметил, что конверт из пластируса не вернулся в общую стопку.

Сэм закончила и пробормотала что-то шаману. Тот повернулся к Дару и еле слышно произнес:

— Офицер Вайн говорит, что на документах имеется секретный код, который не может расшифровать компьютер.

„Отлично",— подумал Дар. Он судорожно соображал, каким образом все это провернуть. Сэм начинала раскрываться с новой стороны.— Боюсь, что ваши документы придется немного задержать, достопочтенный.

— Что?

Дар поднял глаза вверх, чтобы убедиться, что крыша будки осталась на месте, потом снова посмотрел на Белабхера.— Боюсь, что придется задержать ваши документы. Понимаете, они закодированы, и наш компьютер не может расшифровать.

— Это переходит всякие границы!— возмутился Белабхер.— Из всех идиотских ситуаций, в которые мне доводилось попадать, эта самая что ни на есть абсурдная! Молодой человек, я не потерплю!

— Боюсь, у нас нет выбора,— сочувственно произнес Дар.— И при сложившихся обстоятельствах нам придется проверить ваш багаж — каждого из прибывших.

Белабхер опять побагровел, и на его плечо легла рука человека с лисьим лицом, с лица которого, напротив, сошла краска.

— Безусловно, вы можете посчитать это неприемлемым,—

посочувствовал Дар.— Если так, то шаттл еще не успел заправиться. Уверен, что пилот согласится доставить вас обратно.

Белабхер стиснул зубы, выпучил глаза, и на какое-то время в комнате воцарилась мертвая тишина. Потом он издал шипение и рявкнул:

— Очень хорошо. Начнем с моего. Канис, багаж.

Канис глянул на него, нахмурился, но сделал шаг вперед и поставил на стойку два чемодана. Дар открыл их и передал Сэм и шаману, которые начали рыться в тончайшем белье. Дар не заметил, чтобы что-то исчезло, но когда Сэм закрыла чемоданы, поставив их вертикально, и кивнула Дару, он увидел в ее глазах многозначительное выражение.

Дар отметил про себя, что она неплохая актриса, и зарекся садиться играть с ней в покер; но в то же самое время в его голове начал вызревать определенный план начала некой другой игры, в которую ее следует втянуть как можно скорее. Он открыл следующий чемодан и передал его „таможенникам".

Они действовали проворно — она и шаман; но сумок было много, а время шло. Прибывшие начали возмущенно переговариваться; Белабхер же стоял, словно палку проглотил, широко расставив ноги и сцепив на груди руки. Канис стоял рядом с ним, как злобное изваяние или манекен-чревовещатель. „Интересно",— подумал Дар,— "за кем из них решающее слово?"

Наконец Сэм захлопнула последний чемодан и кивнула. Дар повернулся к Белабхеру с улыбкой на губах.— Дело сделано, достопочтенный.

— Благодарю,— мрачно произнес Белабхер.— Надеюсь, теперь мы можем свободно перемещаться по этой планете?

— Э... извините, достопочтенный.— Мне показалось, что я ясно выразился.

— Ясно выразились? Вы о чем?— В голосе Белабхера послышались угрожающие нотки.

— Ваши документы,— пояснил Дар.— Мы не можем официально пропустить вас до тех пор, пока Дом Правительства не подтвердит их. В течение двадцати четырех часов мы вам их вернем.

— Двадцати четырех часов?

— В том случае, если у генерала Шаклара имеется код на ваши документы. В противном случае дольше. Но я уверен, что код у него есть.

Последовала минутная пауза, в течение которой лицо Белабхера успело стать пурпурным.

Дар развел руками.

Наконец достопочтенного прорвало. Дар прислонился к стойке и стал внимательно слушать — он всегда с готовностью пополнял свой словарный запас. Он не был уверен в том, что половина слов что-то значила, но его впечатления можно передать следующими:

1. Достопочтенный немного расстроен сложившимися обстоятельствами;

2. Совершенно отказывается понимать ситуацию;

3. Явно хочет скрыть, что чиновник, то есть Дар, прав; и наконец

4. Считает, что шкура Дара неплохо бы украсила его новый офис, если ее приколоть к стене гвоздями, предварительно разукрасив хорошенько хлыстом.

Когда Белабхер закончил, Дар глянул на Сэм, которая чиркнула что-то в блокноте.

— Ваш протест записан,— с вежливой улыбкой произнес Дар,— но боюсь, что больше мы ничего не сможем для вас сделать. Правила есть правила, достопочтенный. Надеюсь, вы понимаете.

Белабхер затаил дыхание, зато сержант громко кашлянул и перекинул ружье с одного плеча на другое. Белабхер так и остался стоять с открытым ртом, косясь на солдата краешком глаза, затем медленно закрыл рот и посмотрел на Дара.— Конечно. Понимаю. Надеюсь, нас разместят должным образом — меня и мой штат, пока не закончится вся эта процедура?

— Не здесь, не в порту,— ответил Дар.— В городе. В специально отведенном для транзитных пассажиров месте. Сержант покажет вам дорогу... и будет находиться рядом с вами на тот случай, если вам что-либо понадобится.

— Разумеется, только ради нашего удобства,— сухо ответил Белабхер.— Безусловно.

Он повернулся к своим людям.— Что ж... похоже, делать нечего, придется подчиниться. Теперь я понимаю, как сильно эта бедная колония нуждается в нас, мои дорогие. Однако, имея возможность насладиться плодами бюрократии, мы вынуждены будем какое-то время терпеть неудобства. Прошу вас набраться терпения.— Он направился к двери.

Капрал посторонился и открыл дверь. Белабхер задержался на секунду и оглянулся на Дара.— Вы обо мне еще услышите, молодой человек... помяните мое слово.

— Зато о нас вы уже ничего не услышите,— сказал Дар, когда дверь за ним захлопнулась,— как и о своих документах.

— Вот.— Сэм начала вытаскивать стопки бумаг на стойку.

— А у тебя неплохо получается, а?— Дар сдвинул на бок свой берет.— Я и не думал, что Бюро готовит воров-карманников.

— Ты преувеличиваешь,— возразила Сэм.— Кроме того, я бы не знала, что делать без нашего преподобного шамана. Он точно знал, где искать в каждом чемодане.

— Да... благодарю, преподобный.— Дар начал стягивать с себя мундир.— Без вас мы бы не справились.

— Сила благоволила мне,— скромно заметил Холдан.— Желаю вам удачи, Дар Мадра. Ему же мы причинили некоторые неудобства.

— Ну, надеюсь, что нечто большее... но вы правы: это всего-навсего тактика оттягивания. По крайней мере, на какое-то время Шаклар останется у власти.— Он надел куртку и повернулся к Сэм.— Нам нужно убраться отсюда как можно скорее.

На столе задребезжал стакан, и Дар поднял глаза.— Могу поклясться, я слышал грохот.

— Да.— Чолли склонил голову набок.— Мне тоже показалось. Странно, не так ли?

— Где-то на границе между слухом и чувством.— Сэм посмотрела на Дара.— Либо это было очень далеко, либо слишком приглушенно.

— Сейчас солдаты нечасто практикуются в стрельбе.— Дар повернулся к Чолли.— Кто-нибудь продавал волмарийцам пушку?

— Только части... да и замка у них нет.

— Наверное, гром.— Дар допил пиво и поставил стакан на стойку.— Как ты думаешь, сколько времени им понадобится на то, чтобы понять, что мы... э... „конфисковали" у них все копии их документов?

— Как только они доберутся до номера в гостинице... а я думаю, что твой друг, сержант, поведет их длинным окольным путем.

— Насколько я его знаю, он поведет их через дальние выгоны, где, по-моему, этому Белабхеру самое место. У него не больше такта, чем у штанги.— Дар обратился к Сэм.— Кстати, как этот хвастун воспринял назначение на пост правителя?

— Они не могли его уволить,— объяснила она.— Он так долго проработал. Поэтому они надумали пихнуть его туда, где он не будет причинять никакого вреда... по крайней мере, своим боссам.

— Никакого вреда? Кем он был до этого, генералом?

— Нет, служащим, раскладывал документы.— Сэм пожала плечами.— Знаешь, Дар, это не мое собственное мнение, но все считают, что три раза он получал по выговору за то, что путал папки.

— Отлично.— Дар протянул свой стакан для очередной порции.— Подумаешь, перепутал бумажки.

— Если бы просто бумажки...

Дверь брякнула, и вошел человек в яркой униформе, улыбающийся во весь рот.

— Ты сегодня рано освободился, Корв.— Чолли потянулся за бутылкой и стаканом.

— Дурацкий день.— Корв пристроился на крутящемся стуле и взял стакан.— Босс решил устроить всем выходной, предоставив прибывших гостей самим себе.

— Эту горстку гражданских?— нарочито-равнодушно произнес Дар.— Откуда они, кстати?

— Разумеется, с Терры.— Корв сделал два глотка.— Их босс заявляет, что он новый правитель.

— Новый правитель?— Дар удивленно посмотрел на него.— Чего? У нас ведь есть Шаклар!

— И нам следует охранять его от этого новоявленного „правителя".

— Ну, Корв, не тебе это решать,— поправил его Чолли.— Ты должен просто сторожить двери в гостиницу.

— Да, но я сейчас не на службе.— Корв повернулся к Дару.— Его зовут Белабхер, у него что на уме, то на языке.

— Только этого нам не хватало для укрепления отношений с волмарийцами,— сухо заметил Дар.— Он действительно новый глава?

— Не знаю; он не может найти свои документы.— Корв осклабился.— Стоило ему зайти в комнату, как раздался дикий рев, словно взлетела ракета со всеми включенными двигателями. Клянусь, вся гостиница задрожала.

Дар глянул на Чолли.— Своего рода взрыв, а? Или выстрел?

— И здесь было слышно? Ну, не скажу, чтобы очень удивился. Я сначала подумал о бомбе в багаже. Но, нет, он ворвался в вестибюль, за ним высыпало все его окружение. „В гостинице воры!"— завопил он.— „Они перерыли весь наш багаж!" Не сомневаюсь, что босс тоже подумал о том, что его обыскали... но нет, он вежливо ответил: „Сегодня, кроме вас, в гостинице никто не останавливался, а что касается меня, то я находился за стойкой, горничная отправилась за продуктами, а охрана вон она, за дверью, готова прийти на помощь в любой момент." Ну, Белабхер начал плести какую-то ерунду насчет того, почему в гостинице такой маленький штат, но его главный помощник... похожий на крысу...

— Лисицу,— пробормотал Дар.

—...Он.. э... что?

Он кашлянул.— Сэм пнула Дара в лодыжку.— Прошу вас, продолжайте, сэр.

— Да, так вот, этот с крысиным лицом сказал: „Эти люди в Таможенной Службе, достопочтенный..." И достопочтенный ударил себя по лбу кулаком — ему следует делать это почаще, а то он немного туповат — и говорит: „Ну, конечно! Это очевидно! Ничего удивительного, что я не заметил! Все здесь коррумпировано!" Он направился к двери. „Но каким образом они узнали, где искать документы?" А тот, что с крысиным лицом, и говорит: „Без сомнения, прочитали наши мысли". И все начали возмущенно галдеть по поводу того, как это несправедливо, что кругом полно тех, кто может читать мысли других, и как вообще честному бюрократу жить, если все его маленькие секреты известны, и какие злые те люди, что умеют читать чужие мысли. А достопочтенный и говорит: „Мы немедленно должны увидеть генерала и допросить этих таможенников". Я открыл дверь, и все они вывалили наружу, Белабхер и вся его свита. Я закрыл дверь и чуть не свалился на землю, такой меня распирал смех — мне казалось, что я лопну.

— Ничего удивительного.— Дар хмыкнул.— Таможня, говоришь? На планете-тюрьме?

— И читающие чужие мысли! Ничего себе!— гоготнул Корв.— Надо же придумать такую несуразицу! И это называется „образованные"?

— Понимаешь, знание фактов не вылечивает от тупости,— заметил Чолли,— а Шаклар просто тупица. Хотел бы я посмотреть, что случится, когда они его найдут.

Дверь скрипнула и вошел рядовой, не скрывающий усмешки.

— Мне кажется, сейчас мы все выясним.— Дар обратился к вновь вошедшему.— Ну как, узнал?

— Удалось подслушать кое-что.— Коска плюхнулся на стул.

— Они что, такие раззявы — оставляют рации включенными?— спросила Сэм.

— Иногда они, наоборот, делают это специально,— заметил Дар.— Так что тебе удалось услышать?

— Жалобу.— Коска взял пиво.— А, может быть, вызов.

— Полагаю, что жаловался их шеф,— усмехнулся Корв.— А кто бросил вызов?

— Тот же самый жалобщик... эта „шишка" с Терры, Билаббер...

— Белабхер,— поправили его Дар и Корв в один голос.

— Слушайте, кто рассказывает, я или вы? Ну, ладно, Белабхер. Достопочтенный высокопоставленный бюрократ с Терры... как он говорит. Он ворвался со словами „Где правитель?" и ринулся в кабинет Шаклара с такой скоростью, что никто из нас не успел и глазом моргнуть. Вокруг стоял такой шум и гам, что мы не слышали друг друга — его банда трещала, не умолкая, о том, что телепаты подрывают основы общества...

— Телепаты?— переспросил Дар.

— Те, кто читает мысли других людей,— пояснил Корв.— Они решили, что их надули именно те. Как все это воспринял генерал, Коска?

— Ну, он в это время проводил совещание...

— С каким-нибудь пациентом?

— Да. Проводил сеанс с Рогуром.

— Рогуром?— Дар замер.— Не тот ли это солдат, что чуть не прирезал волмарийца в битве в понедельник?

— Он самый. И вы знаете, что собой представляет Шаклар... он не будет просить человека выкинуть нож. Мне кажется, что Рогур — параноик.

Дар усмехнулся.

— И они были погружены в свои занятия, когда ворвался Белабхер?— спросил Чолли.

— Я бы сказал... мне лишь известно, что Рогур завопил: „Они пришли за мной!" и кинулся на вошедшего с ножом...

— Отличные рефлексы,— заметил Дар.

Корв кивнул.— Превосходный солдат. Ну, дальше рассказывать особо нечего. Началась беготня.

— Значит, Белабхер заорал, а Рогур кинулся на него с воинственным кличем, Шаклар же пытался заставить успокоиться их обоих?

— Что-то вроде этого. Ну, генералу удалось присмирить Рогура, он извинился перед ним за то, что их прервали. „Вы

ведь знаете, как это бывает,— сказал он,— „когда приходится работать в правительстве. А какой-нибудь Джонни с улицы думает, что имеет право врываться к тебе в любое время суток". „Ну, могу понять,— ответил Рогур.— Я бы и сам поступил точно так же, если бы мне приспичило". Он уже начал делать успехи, этот малый. „Надеюсь, что так,— сказал Шаклар.— Но изливай свой гнев на меня, а не на волмарийцев. Хорошо, Рогур?" —„Даю вам честное слово, сэр,— ответил Рогур.— В следующий раз, когда мне захочется кого-нибудь убить, я приду к вам." — „Отлично парень!— воскликнул Шаклар.— Но если ты будешь спокоен, могу я увидеть тебя завтра утром в это же время?" —„Хорошо, сэр." И Рогур отсалютовал ему. „Неплохо,— сказал Шаклар, отсалютовав ему в ответ.— „Разойдись!" И Рогур прищелкнул каблуками, развернулся и вышел.

— А на прошлой неделе вы не могли заставить его выйти на плац.— Дар покачал головой.— Шаклар делает потрясающие вещи.

— Белабхер другого мнения на этот счет. Стоило Рогуру выйти, как достопочтенный накинулся на Шаклара со следующими словами: „Где я нахожусь — в клетке для льва?" — „Так может показаться в том случае,— ответил Шаклар,— если человек не обладает даже манерами блохи. Я считал, что гражданские еще не забыли старой доброй традиции — стучаться, если дверь закрыта".

Даже Сэм улыбнулась.— Похоже, он немного разозлился.

— О, его слова пронизывали таким холодом! „Очень интересный прием,— сказал Белабхер,— оказывают тут новому правителю планеты". Должен заметить, что Шаклар побледнел.

— Надо полагать, что эти новости должны были шокировать его.

— Да, но у генерала мания величия. Это можно было легко прочитать на его лице. „Насколько я понимаю, сегодня днем совершил посадку грузовой корабль",— сказал он. Белабхер кивнул. „Я сам находился на борту, со всем моим штатом". Ну, вы знаете генерала, он не исключает возможности отклонений. „Вы прибыли с Терры?" —„Да,— ответил Белабхер,— направлен сюда Бюро по Делам Внешнего Мира, чтобы сменить вас на посту правителя планеты и избавить ее от коррупции и зла". Шаклар присел на краешек стола и сделал в блокноте несколько пометок. „Я полагаю, у вас есть документы, подтверждающие ваше заявление?" —„Они у меня были,— ответил Белабхер, как бы обвиняя генерала,— но ваши таможенники конфисковали не только оригиналы, но и все копии".

Корв прищелкнул языком.

Коска кивнул.

— Шаклар наверняка подумал точно так же... но он и вида не подал, разумеется. Белабхер взвыл: „Вы должны найти этих преступников!" А Шаклар ему и говорит: „Я бы очень удивился, если бы это можно было сделать. Интересно, как вам удалось отыскать у нас таможню, если таковой у нас не имеется!" —„Да

вы что, сэр?— воскликнул возмущенный Белабхер.— Вы наверняка знаете все департаменты своей администрации.“ —„Конечно,— ответил Шаклар.— И заверяю вас, таможни у нас нет. Где вам удалось найти ее, кстати?“ —„Как же, прямо на космодроме,— сказал Белабхер.— Такое небольшое строение... будка, около двадцати квадратных футов.“ —„Один из складов-ангаров,— ответил Шаклар и кивнул.— И что, был персонал?“ —„Двое мужчин и женщина,— ответил Белабхер.— Вы их безусловно знаете!“ — „Боюсь, что нет,— ответил Шаклар,— хотя уверен, что нетрудно будет выяснить, что это за женщина; здесь их живет всего около семидесяти.“ Ну, скажу я вам, это надо было видеть. До Белабхера начал доходить весь ужас ситуации. „Вы хотите сказать, что этот персонал не был официальным?“ —„Ну, не совсем,— ответил Шаклар.— Уверен, что они правильно назначили себя на этот пост.“— Белабхер как-то сразу притих, потом лицо его приобрело очень интересный цвет...

— Лиловый,—предположил Дар.

— Темно-бордовый,— поправил его Корв.

— Ближе к фуксину, я бы сказал. Потом его прорвало: „Меня обокрали!“ —„Мне кажется, более подходящим в данном случае является слово „перехитрили,— согласился Шаклар.— Наверняка кто-то сыграл на вашей доверчивости.“ Белабхер аж взвыл: „Я не думаю...“ —„Конечно,— сказал Шаклар,— но так или иначе это ставит нас обоих в щекотливое положение, достопочтенный.“ Белабхер помедлил, потом сказал: „Да, я понимаю.“ Я чуть не подпрыгнул на месте.— „Ваши требования, возможно, вполне законны,— продолжал Шаклар.—Бюро, вероятно, действительно направило вас, чтобы возглавить администрацию данной колонии.—„Разумеется, это так!“— рявкнул Белабхер.— „Но у вас нет документов, подтверждающих данное заявление“,— заметил Шаклар. “У меня есть свидетели!— заорал Белабхер.— Все мои люди подтвердят, что совершено воровство!“ —„Уверен, что они так и сделают,— сказал Шаклар спокойным голосом.— Но вам придется простить меня, достопочтенный, так как я не могу признать их показания целиком объективными.“ Белабхер ничего не сказал, и Шаклар продолжил: „Уверен, вы должны понять, что я не могу убедить администрацию этой колонии поверить вам только на слово.“—„Но это несправедливо!— воскликнул Белабхер.— Мое назначение абсолютно законно!“ — „Вполне возможно,— жестко сказал Шаклар,— но также вероятно и то, что это некий продуманный план обмана.“ —„Сэр,— прорычал Белабхер,— насколько я понял, вы сказали, что я мошенник?“ —„Нет,— ответил Шаклар,— но раз вы сами так говорите, то может быть так оно и есть. Должен признать, что могу поверить в это, так как у вас нет доказательств обратному.“ —„Но это невыносимо!— снова взорвался Белабхер.— Скорее всего вы и есть самый что ни на есть настоящий жулик! Но в ваших руках власть. Разве могло случиться так, что без вашего ведома горстка негодяев могла провести меня? Не логично, а следовательно, вы сами...“ Итак, уважаемые, именно в этот момент

генерал захлопнул дверь, и нам пришлось довольствоваться тем, что можно было услышать сквозь стены.

— А чем именно?— спросил Корв.

— О, всяческими криками, подвываниями и низким бормотанием Шаклара, но отдельных слов было не разобрать. Потом постепенно голоса стали все глуше и глуше, и мы ничего не могли разобрать вовсе. И в тот момент до нас вдруг дошло, что, может быть, генерал снова забыл отключить внутреннюю коммуникацию.

— И вы, разумеется, проверили.

— Разумеется. Мы слушали около тридцати секунд.

Дар смущенно кашлянул.— Мы, э, определенно не хотели бы нарушать конфиденциальность, но...

— Ничего страшного. Ничего такого в этом нет. Когда мы нажали кнопку, мы услышали, что достопочтенный говорит: „...началось, когда мне было четыре. Именно тогда моя мать увлеклась любительским клубом программной голографии, понимаете, и все это отнимало у нее много времени. Наш районный детский центр был совсем неплохим, но большинство детей было старше меня, и теперь, вспоминая то время, я понимаю, что всем им было немного неловко..." Шаклар сказал что-то сочувственное, но в этот самый момент нас заметил тот с крысиным лицом, и начал говорить, что подслушивания телепатов не избежать, но... Мы решили, что внутренняя связь работает, и отключили ее.

— Очень благоразумно,— согласился Дар.— Как давно это было?

Коска посмотрел на часы.— Около получаса назад. Наверное, он уже перешел к школьным проблемам.

— Шаклар избрал верный путь,— усмехнулся Чолли.— Не можешь справиться с ними, анализируй. А чем занимались его люди? Коска?

— Да, ничего особеного не делали... сидели, ждали, приставали к нам с кофе, спрашивали, каким образом тем, кто выкрали у них документы, удалось узнать, что они прибывают. Они, наверное, правы, иначе каким образом эта таможня успела бы подготовиться к их прибытию?

— Логично,— заметил Дар.— А они сами что думают?

— Тот, что с крысиным лицом, заявил, что все это доказывает наличие тайной организации телепатов на всем протяжении от Терры досюда, потому что только таким путем слово могло долететь быстрее, чем космический корабль ССС*... Он сказал, что скорость мысли быстрее скорости света...

— Смешно,— фыркнула Сэм.

— Разве? Желание остаться невеждой непробиваемо. Но даже Крысиная Морда не хотела верить тому, что один-единственный телепат мог услышать мысли с Терры отсюда, с Волмара. Поэтому он и заявил, что действует целая сеть телепатов, каждое из сообщений которых местный телепат считывает. Он

---

* ССС — корабль сверхсветовой скорости.

в общем-то не сказал, что Шаклар является участником этой тайной организации и телепатом, в частности, но...

— Но именно тогда ты и решил, что лучше выпить пива и расслабиться, не так ли?— спросил Чолли.

Коска кивнул.— По дороге сюда я пораскинул мозгами, обрисовав все в юмористическом свете. Что ж, я отошел, теперь лучше отправиться обратно в офис.

— Чтобы кто-нибудь из твоих товарищей тоже вышел и освежился?

Коска кивнул.— Надеюсь, там не произошло ничего из ряда вон выходящего в мое отсутствие. Ну, пока, ребята!— Он направился к двери.

— Пока, Коска,— Чолли помахал ему вслед.— Корв, ты не возражаешь против того, чтобы похозяйничать тут? Дар, мы с Сэм должны обсудить список товаров для их следующего торгового похода.

— Да? Э, конечно, пожалуйста, Чолли!— Корв поднялся, обошел стойку бара и начал насвистывать что-то, наливая себе полную кружку.

Дар посмотрел на Чолли, который был уже на полпути к дальней комнате, и нахмурился. Потом он кивнул Сэм и последовал за ним.

— Что все это значит?— пробормотала она, поравнявшись с ним.

— Не знаю,— тихо ответил Дар,— но что-то тут не так. Я не собирался торговать так скоро.

Они вошли в комнату, и Сэм удивленно огляделась.

Книги. Повсюду. От пола до потолка, а потолок, надо сказать, был высоким. Книги в переплетах, микрокниги, голографические, микроафиши... Даже несколько древних книг с бумажными страницами.

— Вот тебе и обычная таверна,— радостно произнес Дар.— Что случилось, босс?

— Садитесь, ребята, садитесь.— Чолли выдвинул большой ящик из секретера и поставил его на стол. Дар присел, с любопытством поглядывая на Чолли.— Проблема заключается в том,— сказал Чолли, вытаскивая большую белую накидку и застегивая ее на шее Дара,— что генерал, похоже, предоставит достопочтенному и его свите полную свободу действий на планете.

Дар побледнел.— Я как-то не подумал об этом.

— Я тоже. Оно и понятно: такая спешка; но следует признать, что это так. Поэтому перед вами право выбора — залечь на дно до тех пор, пока все не утрясется, или измениться до неузнаваемости, пока они здесь.

— Ну, не можем же мы изменить свой облик настолько, что они нас не узнают,— пробормотала Сэм.

Чолли поднял руку.— Минуточку терпения. Мне доводилось как-то путешествовать с труппой бродячих артистов...

— А за ними по пятам гнались полицейские,— добавил Дар.

— Кто знает, кто знает,— Чолли достал какую-то мастику

и стал ее разминать.— Так, сейчас, еще немного. Ничего страшного, не бойтесь... Так, добавим немного вот этого... Знаете, у меня неплохо получался театральный грим.

— И сейчас мы все убедимся, действительно ли это так?— пробубнил Дар.

— Слушай, помолчи немного, а? Или ты хочешь, чтобы я наклеил тебе это на язык?— Чолли прилепил податливую мастику на нос Дара и начал придавать ей натуральные формы.— Это „робекс" — лучший театральный грим. Прекрасно, не так ли... Помяв, можно сделать его мягким, лепить из него все, что угодно, но потом он застывает так, что не отличишь от настоящей кожи. Это „робекс-*1*".

— А как я его сниму?— пробормотал Дар.

— При помощи растворителя... но вкус у него ужасный, так что лучше прикрой свой рот. Сейчас „робекс" застынет...

— Но он меняет свой цвет,— заметила Сэм.

Чолли кивнул.— В этом-то вся и прелесть, разве вы не понимаете? Сначала он грязно-серый, но потом принимает цвет той кожи, на которую нанесен. Раньше приходилось подбирать состав, который более всего подходил к цвету твоей настоящей кожи, и размазывать его по всей поверхности в качестве основы. Не бойся, мы не будем делать из тебя негра, приятель. Знаете, „робекс" стоит только прилепить на кожу, остальное он сделает сам.

— Великолепно, ничего не скажешь. Но если он застынет до состояния хряща, то ведь будет заметен на щеках?

— Ну, для этого мы используем „робекс-2" — высыхает до состояния той кожи, на которую наносится.— Чолли открыл другой тюбик и выдавил немного пасты.— Даже твоя собственная мать не узнает тебя в таком гриме, друг мой.

— Моя родная мать,— пробормотал Дар,— никогда и не хотела меня знать.

Примерно через час дверь отворилась и Корв просунул свою голову в дверной проем.— Э... Чолли, надеюсь, мне уже хватит.

— Разумеется, приятель!— Чолли сдернул накидку с Сэм.— Да, Корв, конечно.

— Что это за незнакомцы, Чолли?— Корв подозрительно покосился на Дара и Сэм.

— Как же, это Энив Маз, Корв.— Чолли потрепал Сэм по волосам, заодно поправив парик.— А это Ардам Род. Они только что прибыли на грузовом судне. Выяснилось, что Энив училась год в колледже, а Ард провел там два года, поэтому они и решили заглянуть сюда.

— А, добро пожаловать! Добро пожаловать!— протараторил Корв, протягивая руку.— Чем занимаетесь?

— Лучше не спрашивайте,— пробубнил Дар своим новым низким голосом. Он пожал Корву руку.— Рад встрече с вами.

— Я тоже,— звонко проговорила Сэм.— Вы и раньше заходили сюда?

— Да, доводилось забегать.— Корв пожал ей руку.— Что-то неважно выглядите, но не расстраивайтесь, на Волмаре отъеди-

тесь немного. Что ж, мне пора, Чолли. Насколько я знаю своего босса, он скоро отойдет и снова приступит к делам.

— Тебе лучше знать, тебе лучше знать.— Чолли подхватил Корва под руку и подтолкнул его к двери.— Увидимся вечером, Корв.

— Как скажешь. У тебя тут компания, Чолли. Желаю вам хорошо провести время.— И Корв направился к двери, чтобы предстать перед генералом Шаклaром и Белабхером.

— Одурачили его, не так ли?— пробормотала Сэм.

— Мне так не кажется,— отозвался Дар.— Как ты думаешь, почему он вдруг стал таким вежливым? И даже не спросил, куда делись Дар и Сэм?

Сэм ничего не ответила, но глаза ее округлились.

— ...смотреть-то не на что,— раздался голос Шаклара как раз в тот момент, когда Чолли вышел к стойке.— Но выпить есть что, и еда великолепная. И должен признаться, что это наш настоящий центр общения. Здесь собираются для того, чтобы обсудить все на свете, пообщаться и разобраться в личных проблемах, поделившись ими с товарищем.

— Привет, сочувствующий чужим проблемам!— Белабхер протянул Чолли руку и искренне улыбнулся.

Чолли пожал ему руку. Шаклар представил гостя:

— Достопочтенный Винсент Белабхер, из Бюро по Делам Внешнего Мира.

— Очень приятно,— заверил его Чолли, косясь на генерала.

Дар припал к кружке с пивом.

— Да...— пробормотал Белабхер.— Генерал упоминал о вашем коммерческом предприятии...— Он замешкался.

— Да-да, предприятие,— кивнул Чолли,— Хотя в последнее время его нельзя было назвать таким уж коммерческим...

— Ну, я уверен, что в коммерции рано или поздно наступают такие периоды, когда дела идут неважно. Но генерал, похоже, надеется, что именно подобный обмен предполагает единственную реальную надежду на продолжительный мир с местным населением.

— Генерал слишком добр,— пробормотал Чолли.— Он рассказывал вам о своих военных играх?

— Так, немного, Чарльз,— сказал Шаклар.— Я рассказывал о надежде на постоянный мир, основанный на взаимопонимании.

— Конечно, конечно.— Белабхер энергично кивнул.— Но мне бы хотелось посмотреть одну из этих... э, „игр".

— Как пожелаете. Сожалею, что не смогу сопровождать вас лично — так много дел. Вы извините меня, достопочтенный?

— Э?... Конечно, какой разговор!— Белабхер тряхнул руку Шаклара.— Даже не стоит объяснять, приятель. Я уважаю административные обязанности. Конечно, я понимаю!

— Надеюсь, что да,— Улыбка Шаклара казалась неподдельной.— Чарльз, доверяю тебе, надеюсь, ты сможешь подобрать

для достопочтенного на время его пребывания здесь самого лучшего торговца.

— Да, разумеется!— Чолли похлопал Дара по спине и ухмыльнулся.— Лучше не найдете, генерал! Ард — самая подходящая кандидатура.

На этот раз Дару удалось не поперхнуться пивом. Он поднял голову и одарил Чолли таким полным ненависти взглядом, на которую был только способен. Но Чолли продолжал ухмыляться, словно ничто в мире его не беспокоило.

— Ард позаботится о том, чтобы показать вам наш участок планеты, а также немногое из того, что находится за стеной,— сказал Шаклар.— А мы тем временем приложим все усилия, чтобы найти ваши документы.

— Если их вообще можно найти; боюсь, они уже превратились в пепел,— прошептал Дар Сэм, в ответ на что получил пинок.

— Очень ценю ваше внимание,— искренне сказал Белабхер.— Со своей стороны я попросил пилота шаттла доставить в Бюро записку — разумеется, официальное донесение.

— Лайнер вернется обратно приблизительно через неделю.— Шаклар кивнул.— Но, боюсь, мне придется попросить вас об одном одолжении, достопочтенный... путешествие до Терры в любом случае займет два месяца.

— Да, разумеется, я понимаю! Но если все пройдет благополучно, то я должен получить ответ в течение полугода. Ничего не поделаешь, такие уж правила на Терре... Но я все же надеюсь, что тем временем мы получим свои документы.

— Уверен, что нам удастся разрешить эту проблему раньше,— заверил его Шаклар. Что-то загудело на его руке, и он сдвинул брови.— Не могут обойтись без меня и часа? Да, Фордстам, что случилось?— проговорил он в часы, затем поднес руку к уху. Через несколько секунд он вздохнул и заговорил снова.

— Да-да, уже иду... Прошу извинить меня, достопочтенный, но похоже, что один из моих солдат сделал девушке-волмарийке неприличное предложение, и старший племени обеспокоен. Они привыкли к неприличным предложениям, но не вполне уверены, что и как делать.

— Ну... Уверен, что это рано или поздно должно случиться,— промычал Белабхер.— Какова ваша политика в вопросе межнациональных браков?

— На данный момент никакой,— признался Шаклар.— Но надеюсь, что к тому времени, когда вернусь в штаб, один из подобных браков состоится. Вы меня извините?— Генерал вышел.

Дар мысленно начал считать. Когда он досчитал до пяти, с улицы раздался радостный оглушительный вопль. Белабхер моргнул, но Дар кивнул ему. Шаклар давненько ожидал подобного. Политики в этом вопросе у него еще не сложилось, но готов он был давно.

— Ваши люди всегда выражают свои чувства подобным образом... так буйно?— Белабхер как-то уменьшился, потерялся с уходом Шаклара.

— Не всегда,— ответил Чолли.— Они часто подавлены. Но что толку рассказывать... Ардам, покажи хорошему человеку нашу жизнь.

— Хм?— Только после того, как Сэм со всей силы ткнула его под ребро, Дар среагировал на свое новое имя.— Ах, да! Конечно...— Он встал со вздохом.— Да, надо спешить, чтобы поспеть на Двухчасовую Войну. Увидимся позже, Чолли.— В его словах было больше угрозы, чем обещания.

Дрожащей рукой Дар поднял стакан и осушил его. Говорю тебе, я не знаю, смогу ли выдержать все это.

— Почему?— Чолли подхватил пустой стакан из его руки и заменил его полным.— Он ни в жизнь не узнает тебя.

— Да, но я ему уже все показал.— Дар сделал несколько глотков, потом уставился на стакан.— Я только что выпил...

— И он снова наполнился.— Сэм покачала головой.— Ты в ужасном состоянии.

— Давай, давай!— подбодрил его Чолли.— Полная планета всякой всячины, а ты не можешь придумать, что ему показать? Что вы уже посмотрели?

— Ну, дай вспомнить.— Дар начал загибать пальцы.— Стену... все тридцать миль. Двухчасовую Войну. Селение волмарийцев. Восьмичасовую Войну. Потом совещание с Шакларом. Двухчасовая Война. Центр отдыха для призывников и рынок. Комплекс отдыха офицеров и закрытый рынок. Восьмичасовая Война. Конференция с Шакларом. Двухчасовая Война. Торговая сессия волмарийцев. Информационно-бартерный...

— Школа для взрослых,— добавил Чолли.

— И ее тоже. Мастерские волмарийцев. Восьмичасовую Войну. Совещание у Шаклара. Двухчасовую Войну. Он любит войны.

— У меня тоже начало складываться такое впечатление,— согласилась Сэм.

— Но ты не показал ему плац для проведения парадов. И тюрьму.

Дар мотнул головой.— Вызывает депрессию.

— А Маленький Театр? Концертный Зал?

— Скучно.

— С чего ты взял? Может быть, ему нравятся подобные развлечения? Потом еще радиостудия, студия ЗДТ, бараки...

— Все достопримечательности, да?

Чолли пожал плечами.— Никто не говорит, чтобы ты развлекал его... так, показывал все, выступал в роли гида. Не хочешь же ты, чтобы у него сложилось неверное впечатление о нас, а?

— Ну, конечно, определенно нет,— рявкнул Дар.

Чолли выпрямился и вздохнул.— Значит, винить в том, что тебе трудно, надо не его, а себя самого.

— Немного странный спутник,— Дар помрачнел.

— Поставь себя на его место.

— Ну... Ладно, с ним совсем не трудно. С каждым днем он становится все приятнее и приятнее в общении. Действительно, сегодня он просто отличный парень. Интересно, почему мое первое впечатление о нем было другим?

— А я поражаюсь тем, какой хороший психиатр наш генерал,— хмыкнул Чолли.

Что-то загудело в дальнем углу.

Сэм подняла глаза.— Голофон? Здесь?

— Почему бы и нет?— улыбнулся Дар.— Для радиоволн пластритовые дома создают помехи.

Чолли подошел к телефону и нажал кнопку „прием".— Ресторанчик, бар и Центр Натуральных Продуктов Чолли... Ах, да, это я, генерал!... Кто?... О, да, он здесь! Хотите?.. Не хотите... Нужно встретиться с ним? Прямо сейчас? Извините за любопытство, генерал, но что такого он натворил?... Ох? Да, понимаю, Да-да, прямо сейчас... И вам так же, генерал... Хорошо.— Он нажал кнопку и направился к Дару.— Ну, мой мальчик, похоже, ты привлек их внимание.

У Дара пересохло во рту.— Что еще?

— Похоже, ничего, разве что хорошая работа. Он говорит, что дело не в том, что ты что-то сделал, а что тебе предстоит сделать, если, конечно, послушаешься меня.

— Ни за что!

— Но он сказал, и если ты хочешь, чтобы наш план удался, то, мне кажется, лучше согласиться. Давай, Дар, пошевеливайся! Да побыстрее ты!

Дар нехотя встал.

— Да, я действительно должен поблагодарить вас,— согласился Белабхер.— Мне была оказана такая честь увидеть вашу колонию.

— Да пустяки,— пробормотал Шаклар.— Это равносильно тому, чтобы вино подменить водой.

— Ну, это далеко не так.— Белабхер накинулся на Дара с еще бо́льшим энтузиазмом.— Вы понимаете, что этот человек сумел посеять здесь? Надежду! Оптимизм! Атмосферу взаимопонимания! Растущее прогрессивное общество!

— Ну, да, я тоже имел в виду нечто подобное.— Дар начал соображать, не пропустил ли он чего.— Разумеется, по сравнению с тем, что здесь было, когда я очутился здесь впервые, это просто чудо. Ну, не сравнить, конечно, с остальным миром.

— Сравнить с Террой! С Электоратом Проксима Центавры! С любым из Центральных Миров! Да вы понимаете, что здесь за рай?

Дар уставился на него.— Вам нравится быть закрытым на все запоры?

— Вы, наверное, не представляете, в какую клоаку превратились Центральные Миры! Мы начали стратифицироваться там, молодой человек, стратифицироваться! Вы знаете, что это значит?

— Э...— Дар начал вспоминать разговор с Чолли шесть лет назад, о природе тиранин.— Да. Это означает, что вы либо являетесь субъектом, либо правителем, и нет никакого способа изменить это.

Белабхер озадаченно посмотрел на него, потом кивнул.— Отлично сказано, отлично сказано!— Он повернулся к Шаклару.— Ну разве не забавно, что подобное простое объяснение очень часто ухватывает самую суть?— Он обратился к Дару.— Но вы вполне правы, молодой человек, вполне правы... никто не может ничего изменить. Поэтому подавляющее большинство живет скучной жизнью за рабочим столом, со студией ЗДТ да кабаре в качестве развлечения.

— Звучит замечательно,— вздохнул Дар.— Мне бы так скучно жилось...

— Я уверен, что любой из рабов Терры был бы просто счастлив поменяться с вами местами, если вам действительно не по душе здесь. И те счастливчики, что попадут сюда, не могут найти там ничего стоящего. Они убеждены, что их спасет только работа, развлечения же уже так приелись им.

— Хотел бы я оказаться на их месте,— заметил Дар.— А там уж разобрался бы, что к чему.

— Я уверен, что да. Удовольствия лишь кажутся стоящими чего-либо, когда они так редки. Поэтому наши бедные привилегированные не могут никак найти ту цель, что ищут... но продолжают искать.

Дар помрачнел.— Вы хотите убедить меня в том, что единственная настоящая разница между классами и массами заключается в том, что отчаянье классов шумное, так сказать, а отчаянье масс тихое?

— Нет, я хочу сказать, что единственное отличие, которое имеет значение, это различие между ними и вами... а точнее, между Террой и Волмаром. Здесь простой рядовой имеет больше шансов, чем генерал... то есть, если он заработает свое вознаграждение.

Дар кивнул.— Ясно. Значит, насколько я вас понял, все мы имеем одинаковую возможность времяпрепровождения...

Шаклар кивнул.— Преимущество заключается в том, что удовольствий здесь очень мало.

— А между ними генерал и Чолли, открывающие новые возможности, новую работу...— Дар сглотнул.— ... возьмем, к примеру, торговлю.

— Преимущество расширения экономики.— Шаклар откинулся назад, скрестив на груди руки.— К нашему счастью, у волмарийцев очень простая техника.

— Действительно, вы нашли здесь все элементы, когда прибыли сюда,— заметил Белабхер.— Но вы также обладаете и мудростью, умением соединять их!— Улыбка на губах Белабхера потухла.— А такое сочетание редко. У меня, к примеру, отсутствуют оба эти качества.

— Ваша мудрость заключается в том, что вы понимаете свои

возможности,— Шаклар начал крутить в руке кубик данных.— Но мне интересно, понимаете ли вы всю свою силу?

— Да, как мне кажется.— Белабхер аж весь засветился.— Тот куб, что вы крутите сейчас... дает мне уверенность и силу... миллион возможностей, и в течение тридцати секунд я могу предоставить вам любую интересующую вас информацию.

Дар отсутствующе посмотрел на Шаклара.— Генерал, извините... на кубе у вас записаны все данные о военнослужащих, не так ли?

— Но не для личного пользования,— сухо ответил Шаклар.— Уверен, что достопочтенный Белабхер понимает всю важность конфиденциальности.

— На это я и надеялся.

— Не думаю, что вы действительно оцениваете по достоинству все преимущества компьютера для человечества.

Белабхер кивнул.— Вы правы, да. Если ответ следует искать среди всей суммы человеческих знаний, компьютер найдет его.

— Стоит только позавидовать.— Шаклар снова начал крутить куб.— Что касается меня, я не могу организовывать данные. Мне приходится держать все в голове... и, безусловно, очень часто мне не удается найти верное решение, так как в моей голове не хватает какой-то ничтожной информации.

— Ну, этого больше не случится.— Глаза Белабхера заблестели. Я перекачаю банк ваших данных так, что вы получите ни с чем не сравнимое удовольствие от огромного количества фактов, о которых и не догадывались.

Дар замер.

Белабхер повернулся к нему, глаза его сияли.— Генерал принял мое предложение, знаете. Я собираюсь остаться здесь, на Волмаре, и установить информационную систему хранения и восстановления данных.

— И займется нашей бюрократией,— добавил Шаклар.— Тебя наверняка позабавят те замечания, которые он уже подготовил. Достопочтенный Белабхер так любезен, что отдает в наше распоряжение свой талант.

— И с вашей стороны так любезно говорить обо мне подобным образом.— Белабхер вежливо кивнул Шаклару и слегка поклонился.

Лично Дар многое бы отдал, чтобы он вообще здесь не оставался. Он мог себе представить, какая далеко не забавная перспектива ожидается от его вмешательства. Потом вдруг он осознал, как успел поработать генерал над достопочтенным за все это время.

— Я, конечно, понимаю, что не достоин работы, которая мне здесь предложена,— объяснил Белабхер Дару.— Поэтому я подаю прошение об отставке на Терру.

Дар уставился на него. Похоже, он не шутит. Даже если это то, что предполагал Чолли...

— И мой штат останется здесь, со мной,— продолжал Белабхер.— Генерал заверил меня, что мои сотрудники необходимы.

В это Дар мог поверить. Большинство штаба Белабхера состояло из женщин.

— Но тогда мне некому поручить доставить мое сообщение об отставке на Терру,— сказал Белабхер.

Дар вдруг почувствовал, как засосало под ложечкой.

— Хотелось бы тебе увидеть Терру, Ардам?— пробормотал Шаклар.

— Дар оперся о стул, зашумело вдруг в ушах, и мир стал терять свою материальность. Бежать! И на Терру!

— Боюсь, что решать нужно немедленно,— продолжил Шаклар.— Тот корабль, что доставил достопочтенного, через три часа покидает орбиту и направляется в колонию на Холдане IV. Оттуда тебя доставят на Терру, и не сомневаюсь, что придется сделать несколько пересадок. Прямых маршрутов в Центральные Миры очень мало.

У Дара пересохло во рту.— Не поймите меня неправильно, я бы с радостью... но у меня нет достаточного опыта для подобного рода путешествий.

— Это так, не знаешь ты и то, как преодолевать все бюрократические препоны Межзвездного Суверенного Электората на Терре...но я так понимаю, что одна молодая леди, прибывшая сюда со своей родной планеты, которую видели в твоей компании...

— Сэм Байн,— прохрипел Дар.

— Да, мисс Байн. Я понимаю, неудобно просить ее покидать Волмар тотчас после ее прибытия сюда, но с точки зрения важности дела...

— Она и так хотела уехать.— Так, великолепно! Побег на Терру, да еще с женщиной!— Мне кажется, я смогу ее уговорить.

— Прошу тебя, сделай это.— Шаклар взял ручку и сделал пометку.— Если все пройдет успешно, вы двое сможете добраться до Бюро в то же самое время, что и моя просьба о подтверждении документов достопочтенного Белабхера.

— Можно отменить это, знаете,— заметил Белабхер.

Шаклар посмотрел на него отсутствующим взглядом. Затем лицо его еле заметно посветлело.— Знаете, я уверен, что все в порядке.

— Видите?— Белабхер аж весь засиял.— Я могу сделать здесь так много!

— Действительно,— согласился Дар. Интересно, как долго Шаклару удастся поддерживать его действенную активность? Наверное, хватит времени, чтоб заявление об отставке Белабхера достигло Терры.

— Разумеется, ты будешь иметь официальную отговорку,— добавил Шаклар.

— Хорошо, согласен. Но, э... всего один вопрос...

— Да?— Шаклар прищурился.

— Почему среди бюрократии Бюро по Делам Внешнего Мира будет так сложно найти нужного человека, которому следует отдать сообщение об отставке?

— Потому,— сказал Белабхер,— что мое назначение на Волмар было произведено под очень большим секретом.

У Дара отвисла челюсть.

— Если все это держалось в таком глубоком секрете, то как тебе удалось все это выяснить?— спросил Дар.

Сэм поджала губы.— Ладно. Если ты действительно хочешь знать... я работала служащей в сверхсекретном подразделении.

— Да?— Дар присвистнул и кивнул.— Что ж, теперь все становится на свои места. А твои боссы не были немного того... озадачены, когда ты уволилась?

— Даже очень,— мрачно ответила Сэм,— особенно когда выяснилось, что я превратилась в хьюм. Мне пришлось приложить немало усилий для получения паспорта.

— И как тебе это удалось?

Сэм пожала плечами.— Проще сказать, что я знаю, как обращаться с бюрократией.

— Э, да, не думаю, что мне действительно хочется знать все подробности.— Дар прикрыл рукой глаза.— Но ты выбралась. Это самое главное.

— Не совсем,— ответила Сэм, усмехаясь.— С Терры на том же лайнере, что и я, отправился некий коммерсант, и потом он вместе со мной делал пересадки, до последнего перелета с Холдана IV сюда.

— Агент, преследующий тебя?— усмехнулся Чолли.

Сэм кивнула и протянула стакан для очередной порции.— А вам, похоже, знакомо все это.

— Судя по описанию, все сходится.— Чолли наполнил ее стакан.— Я уверен, что все дело в моей страшной подозрительности, но... наверняка этот милый молодой блондин из штата Белабхера положил на тебя глаз.

— Уверена, все дело в моей неотразимой и притягательной личности,— сухо ответила Сэм.— Я тоже его заметила. Я, признаться, не слепая.

— Ну, каждому секретному агенту иногда приходится учиться своему ремеслу. Я знаю, как от него избавиться.

— Я тоже,— грустно произнесла она.— Покинуть Волмар.

Дар пристально посмотрел на нее.— Ты уверена?

Сэм вскинула голову.— Ты серьезно предлагаешь мне это? Просто я в замешательстве...

— Ну, все не так сложно,— поспешил заверить ее Дар.— Понимаешь, я принял их предложение покинуть планету, но должен взять с собой того, кто знаком со всеми хитросплетениями бюрократии на Терре.

Последовала пауза. Сэм вытянула нижнюю губу.— Итак, они сделали тебе предложение и ты не смог отказать.

— Ну, я бы не сказал, что не смог... я и не хотел. Так как насчет всего этого?

Сэм помрачнела.— Идея, конечно, стоящая... все, что я хотела здесь узнать, я узнала. Но у этого места есть ряд преимуществ по сравнению с Террой, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет.— признался Дар.— Представить себе не могу, чтобы

какое-нибудь другое место вообще имело какие-то преимущества перед Террой... особенно такое болото, как это.

Чолли отвернулся и стал ставить стаканы на полку, насвистывая что-то.

— Не беспокойся,— с горечью в голосе произнесла Сэм,— представишь. И хотя я не возражаю против возвращения на Терру, мне кажется, что очень скоро я буду испытывать ностальгию по этому месту. Но как я смогу сюда вернуться, если захочу? Мне пришлось десять лет копить деньги, чтобы добраться сюда.

— Ну, я полагаю, что Шаклар сможет гарантировать тебе оплату обратного билета,— сказал Дар.— Он, похоже, сильно обеспокоен моим отъездом.

— Из-за Белабхера?

— Нет-нет! Я везу на Терру его просьбу об отставке!

Чолли выронил стакан и резко развернулся.— Вот это я и ожидал услышать. Ты едешь. Ты тоже.— Он показал пальцем на Сэм.— Нельзя допустить, чтобы этот бедный, беззащитный ягненок достался на съедение терранским волкам. Что касается оплаты твоего обратного билета, об этом не беспокойся.

— Решено!— Сэм ударила кулаком по стойке бара.— Я уже по дороге на Терру! Но почему сам Белабхер не доставит свое сообщение?

— Потому что он остается здесь.

Чолли выронил второй стакан.

— Ох.— Сэм побледнела.— А его штат?

— Тоже остается. Похоже, все они ему нужны.

— Господи, только не это... лучше нож в сердце.— Чолли протянул руку.— Шаклар всем им даст работу.

Дар кивнул.— Белабхер собирается улучшить информационную систему и заняться бюрократией.

— Ну, сюда входит частное предпринимательство,— вздохнул Чолли.

— Нет, Белабхер не такой уж плохой,— заверила его Сэм.— Он прекрасно знал свое дело, когда отвечал только за информацию на Терре. Только когда они назначили его ответственным за информационную систему всего МСЭ, он начал испытывать некоторые трудности

— Да?— Чолли слегка приободрился.— Он обладает возможностями и навыками, но ответственность ему тяжело дается, не так ли?

Сэм кивнула.— Что-то вроде этого. Пока он был в состоянии выполнять чьи-то указания, он был незаменим. Но стоило ему самому за все отвечать, как начались сбои.

— Лучше, чем ничего.— Чолли кивнул.— Тогда он, без сомнения, будет выполнять указания Шаклара относительно бюрократии.

Сэм нахмурилась.— Почему?

— Для гибкости, дорогая. Если бюрократия по-настоящему развита, то центральное правительство обладает большой властью и контролирует все аспекты жизни. В противном же случае...

в системе остается слабое место, которое можно использовать для ее нарушения... Итак, перед тобой стоит только одна проблема, Дар.

Дар озадаченно посмотрел на него.— Какая именно?

— Шаклар считает, что ты Ардам Род, и все документы будут приготовлены на это имя.

— Ох.— Дар прикусил губу.— Возникнут проблемы, не так ли?

— Ну, не стоит переживать,— Сэм сжала его руку.— Доверься своему бюрократу-путешественнику.

Дар помрачнел.— Куда это он?

— Кто?— Сэм выглянула в окно.— Этот парень в куртке? Направляется к контрольному пункту.

— Да... это наверняка пилот! Кто, по-твоему, доставит грузовое судно к космическому кораблю?

Сэм пожала плечами.— Наверное, его смена. Наверняка он нас и доставит до корабля.

— Но он уже неделю здесь... а может быть, я ошибаюсь?

— Может быть. Ты только знаешь, что он выполняет ежедневные поручения с тех пор, как появился Белабхер.

— Но я и не подозревал, что здесь есть сменный пилот.

— А в твои обязанности входит знать расписание дежурств?

Дар повернулся к ней.— Знаешь, с тобой немного трудновато как с компаньоном-путешественником.

Сэм пожала плечами.— Ты волен выбрать любого другого служащего Бюро из тех, кого найдешь здесь.

— Ну, полагаю, мог бы поговорить с кем-нибудь из людей Белабхера.— Дар снова посмотрел в окно.— Но так или иначе, мне кажется, тебе следовало бы быть немного...

— Заслуживающей доверия, насколько я понимаю,— пробормотала Сэм.

— Компанейской,— сказал Дар.

— ...о, я в этом не сомневаюсь,— раздался торопливый голос Белабхера.— Но ситуация здесь немного другая. Меня волнует то, чтобы нашего курьера не задержали.

Дар и Сэм медленно повернулись, когда к ним подошли Белабхер и Шаклар.

— Полагаю, вы сами переговорите с ним и предупредите о всех опасностях, поджидающих его во время путешествия.— Шаклар посмотрел на Дара.— Ну, что, Ардам? Счастливого пути!— Он крепко сжал его руку и потряс ее.— Вы хорошо знаете свое дело, молодой человек. Мне жаль терять вас... но не забывайте о том, какое важное поручение вы выполняете для всех нас, остающихся на Волмаре.

— Всегда рад выполнить свой долг, сэр.— Дар про себя усмехнулся, так как „Ардам" находился под командованием Шаклара всего неделю.

Генерал отпустил руку и сделал шаг назад.— Мне кажется, достопочтенный тоже хочет сказать вам пару слов.— Шаклар посмотрел на Сэм.

— Будьте осторожны, молодой человек,— громко заявил Белабхер, уводя Дара от Шаклара и Сэм. Потом он понизил голос почти до шепота.— Я бы не хотел, чтобы генерал знал об этом; так или иначе не следует беспокоить его теми проблемами, над которыми он не имеет власти.

Дар почувствовал себя неуютно.— Э... какими именно?

— Будучи на Терре и служа в одном влиятельном отделе, я понял, что некоторые члены партии ЛОРДОВ пытаются повлиять на меня... вы знаете, о ком я говорю?

— Э... да.— Дар облизал губы.— Об отъявленных консерваторах в ассамблее, не так ли?

— Неделю назад я бы не осмелился на слово „отъявленные", но теперь, да.— Белабхер, покачал головой.— Что за удивительная планета!

— Вы говорили о ЛОРДАХ,— напомнил Дар.

— Да, конечно. Они пытались повлиять на меня, заставить участвовать в их плане свержения Генерального Секретаря и установления временной хунты ЛОРДОВ, чтобы править в то время, пока Межзвездный Суверенный Электорат не будет перестроен на соответствующий лад.

Дар почувствовал себя неким резистором в цепи высокого напряжения.— Вы... говорите о диктатуре?

— Естественно, это самая действенная форма правления!

— Да, разумеется,— Дар провел языком по пересохшим губам.— Разумеется, действенная. Поглощающая все глупое и ненужное — ну, знаете, парламентские дебаты, публичные выступления, выборы, суд. Всю эту ненужную ерунду, на которую уходит уйма времени.

— Совершенно верно. И как администратор могу вас заверить... все это действительно занимает много времени, забирает огромное количество людей, мешает им заниматься производственными проблемами.

Дар ядовито усмехнулся.— И вы хотите доказать, что такие вещи, как свобода и справедливость, непозволительная роскошь.

— Но это действительно так!— воскликнул Белабхер и неожиданно улыбнулся.— Но важнее все это здесь, где людям действительно можно помочь что-то сделать!

— Дело стоит того?

— Очень даже! Мне так кажется, что свобода на самом деле стоит того, особенно в растущем обществе.

— Но вы не смогли убедить в этом ЛОРДОВ?

Белабхер грустно улыбнулся.— Они бы и слушать не стали.

— Наверное,— Дар насупился.— Но ведь и консерватор может иметь незакостенелый разум.

— Но не власти предержащие. Действительность значит больше для тех, кто отдает приказы, чем для тех, кто их исполняет.— Белабхер поднял вверх указательный палец.— Возьмите хотя бы Министра Финансов... его задачей является сохранение высокого уровня экономики на всех планетах МСЭ.

— Э... извините, уважаемый, но может быть, более подходящим словом является „приносящей доходы"?

— Нет, определенно нет... но Министр очень быстро убедился в этом. Он выражает недовольство всем тем, что стóит больше, чем положено.

Дар сдвинул брови.— Например?

— Ну, возьмем хотя бы торговлю с отдаленными планетами... с Волмаром, к примеру.

— Подождите-ка!— Дар начал выходить из себя, но постарался справиться с эмоциями.— Мы постоянно отправляем им огромное количество опиума.

— Разумеется, это так... но я видел доклады о торговле, и те товары, что посылает вам МСЭ, стоят гораздо больше, чем ваш опиум... даже если опустить затраты на перевозку. Нет, Межзвездный Суверенный Электорат терпит в данном случае явные убытки.

— Ну, извините меня, но я считаю, что мы стóим того!

— Конечно... даже больше. Но как объяснить это Министру Финансов?

— Хм.— Дар помрачнел.— Понимаю, в чем проблема. И таких планет, как наша, множество, не так ли?

— Больше тридцати.— Белабхер кивнул.— Тридцать пограничных миров, и Министр с каждым из них терпит убытки — по тридцать или сорок биллионов БТУ с каждого. Это очень ощутимо подрывает экономику.

— Но когда-нибудь все это окупится!— Дар снова начал терять терпение.— Дайте нам время, и мы будем отправлять больше, чем получаем!— Дара вдруг осенило. Он склонил голову набок и прищурил глаза.— Вы ведь не случайно упомянули Министра Финансов, не так ли?

Белабхер удивленно посмотрел на него. Он как-то глупо улыбнулся.— Конечно, нет. На меня начал давить именно он, член партии ЛОРДОВ. И аргументы его были очень убедительны... да, очень убедительны! И ему даже удалось уверить меня в том, что удаленные планеты должны быть отрезаны и предоставлены сами себе, и именно он устроил мое назначение на пост правителя.

— Значит... вот почему!— До Дара вдруг дошло.— Вы бы не стали мне рассказывать все это, если бы не были уверены, что мне удастся это сделать.

— Не знаю, получится у вас или нет,— признался Белабхер,— но вы должны попробовать. Добиться встречи с Генеральным Секретарем не так-то просто, молодой человек, но если вам все же удастся это сделать, вам нужно сообщить ему, что избиратели Баундбридж и Сатрап вместе с генералом Фосменом затеяли переворот. Запомните эти имена?

— Баундбридж, Сатрап и Фосмен,— Дар кивнул, повторяя их про себя.— Баундбридж, Сатрап и Фосмен... да, запомнил. Но это самая верхушка человеческой цивилизации, достопочтенный. Он ведь не поверит какому-то незнакомцу с улицы без явных убедительных доказательств.

— У нас они есть.— Белабхер сунул Дару листок бумаги.— Запомните вот эти номера, молодой человек, а потом сожгите листок. Генеральному Секретарю понадобится лишь ввести их в ближайший терминал, и на экране появится изображение великолепных документов с подписями.

Дар уставился на листок.— Но... Но как вам...?

— Удалось раздобыть их?— Белабхер улыбнулся.— Здесь не обойтись без похвал в собственный адрес. Не забывайте, я ведь специалист по хранению и извлечению данных. Разговаривая с Министром Баундбриджем, я полностью доверился ему, но мои инстинкты бюрократа были настороже. Я хотел помочь ЛОРДАМ, но в то же самое время я понимал, что не собираюсь стать козлом отпущения, если весь их заговор провалится.

Дар вытаращил глаза.— Господи! Человеческое доверие так далеко зашло на Терре?

Белабхер отмахнулся, как от назойливой мухи.— Это складывалось веками, молодой человек... возможно, еще с тех пор, как китайцы изобрели бюрократию. Первое правило, которое усваиваешь в офисе, гласит: „Имей указание в письменном виде, но не забудь сделать копию." И знаете, Сатрап и Фосмен подчиняются этому правилу. Я также знаю, что каждый из них хранит свои доказательства.

— Но как вам удалось получить это?

Белабхер гордо улыбнулся.— Люди давным-давно перестали прятать что-либо в ящиках столов или в сейфах, молодой человек. Они используют в этих целях компьютеры с секретными кодами. Но если кто-то может додуматься до кода, то другой может его расшифровать... особенно если в его распоряжении собственный компьютер, выполняющий нудную работу поиска. Я ведь эксперт... и у меня было свободное время.

Дар уставился на него.— Вы хотите сказать, что вам удалось расшифровать их личные коды?

— Только Сатрапа и Баундбриджа; генерал Фосмен хранит свой в военном компьютере, который надежно защищен от постороннего вторжения. Но хватило досье избирателей... особенно после того, как они вывели меня на некоторых других. Нет, молодой человек, те коды, что я вам дал, предоставят достаточное количество разоблачающих документов, чтобы убедить даже Генерального Секретаря.

Бумажка в руках Дара сразу стала обжигать пальцы. Он покрепче сжал, ощущая выпуклость цифр.— Не думаю, что не запомню эти цифры, достопочтенный.

— Молодчина!— Белабхер стиснул его руку.— Буду чрезмерно вам благодарен... как и квадриллионы других людей, большинство из которых еще не появилось на белый свет!

— Подожду, пока они подрастут, чтобы принять слова их благодарности,— улыбнулся Дар.— Не беспокойтесь, достопочтенный, я сделаю все, что в моих силах.

— Более того, никто не должен об этом знать.— Белабхер изучающе посмотрел на него.— За исключением вашего команду-

ющего; я вижу, он хочет что-то вам сказать.— Он отошел в сторону.

— Пора отправляться, Ардам,— сказал Шаклар.

В ушах раздался дикий рев, завели двигатели. Сэм вышла из дверей и направилась к небольшому судну.

— Я вас провожу,— пробормотал Шаклар, взяв Дара под локоть и подталкивая его к двери. Снаружи он повысил голос, чтобы быть услышанным среди рева.— Вы понимаете всю важность своей миссии?

— Да, я должен сделать так, чтобы Бюро оставило нас в покое,— отозвался Дар.— Э, генерал...

Шаклар вопросительно посмотрел на него.

— Достопочтенный только что рассказал мне о заговоре ЛОРДОВ на Терре. Думаете, стоит всерьез воспринять это?

— Даже очень. Я был уверен, что рано или поздно это должно случиться.

Дар опешил.— Вы знали?

— Ну, не то чтобы „знал". Не могу назвать ни дату начала, ни тех, кто стоит за всем этим... но я понимаю общую тенденцию. Любой, хоть немного знающий историю, может предвидеть это. Во внутренних мирах признаки умирающей демократии налицо. Мне доводилось наблюдать это на протяжении двадцати лет перед тем, как прибыть сюда.

— Так вот почему вы здесь?

Шаклар кивнул.— А вы схватываете все на лету, молодой человек. Да. Если демократия погибает на межзвездном уровне, то хотя бы на отдельных планетах ее можно сохранить.

— Особенно, если она так удалена от Терры, что какая бы диктатура ни пришла на смену МСЭ, о ней бы и не вспомнили,— заметил Дар.

Шаклар снова кивнул.— Потому что слишком дорого обходится поддерживать связь с ней. К концу столетия мы наверняка окажемся предоставлены сами себе.

— Не очень радужная перспектива,— поморщился Дар.— Но все равно лучше, чем быть под игом диктатора на Терре. Так что мне делать?

— Делать?— переспросил Шаклар.— Вы ничего не можете сделать... разве что проявить донкихотство: проинформировать средства массовой информации, если хотите, или Генерального Секретаря...

— Но как можно позволить демократии погибнуть без сопротивления?— спросил изумленный Дар.

— Она и так рушится на глазах, разве вы не понимаете? И добиться можно лишь небольшой уступки на десятилетие, не больше — в виде Ассамблеи, Кабинета и так далее. Но на самом деле это ничего не изменит... пограничные миры уже начали управлять сами собой, а Терра и другие Центральные Миры живут при диктатуре. Если не верите, спросите у любого, кто жил там.

Дар вспомнил о том, с какой горечью и отчаяньем Сэм расска-

зывала о Терре, и понял, что Шаклар прав.— Вы считаете, что не стоит бороться за сохранение демократии?

— Ну, не совсем так... я просто хочу сказать, что такая борьба приведет к пожизненному тюремному заключению в настоящей терранской тюрьме. Давление социальных сил слишком огромно, чтобы их можно было остановить одному человеку. Если вы действительно хотите что-то предпринять, попытайтесь изменить эти социальные силы.

Дар нахмурился.— Как это можно сделать?

Шаклар пожал плечами.— Изобретите сверхсветовое радио или способ обучения преобладающего большинства скептицизму и оспариванию общепринятых норм... но не думайте успеть увидеть плоды своего труда. Вы можете лишь начать это дело... но потребуется столетие или два, прежде чем оно начнет давать плоды.

— Ну, это тогда имеет смысл для моих внуков... но мне-то что делать?

Шаклар вздохнул.— Постарайтесь найти спокойную планету, чуть в стороне от всех, которую обойдут вниманием новые диктаторы, и приложите все усилия для того, чтобы там процветала свобода, и живите там всю свою жизнь.

— Как это сделали вы,— тихо произнес Дар.

Лицо Шаклара озарила мягкая улыбка.— Ну, все это еще в развитии, конечно.

— И всегда будет до конца вашей жизни. Так вы хотите реализовать свою иллюзию значимости.

— Может быть.— Шаклар усмехнулся.— А вы уверены, что это иллюзия?

— Не совсем,— еле слышно произнес Дар.— Но подобные мысли вызывают отчаянье.

— Только в случае, если в качестве доказательства использовать тот аргумент, что нет цели в жизни... чему может поверить разум, но не сердце. Однажды вы поймете, потому что не сможете доказать...

— Я, кажется, начинаю понимать.— Дар мотнул головой.— Не знаю, правда, хочу ли я искать другую свободную планету.

— Здесь всегда будут рады вашему возвращению,— пробормотал Шаклар.

— Две минуты до отправления,— раздался звучный голос из корабля.

— Вам надо спешить.— Шаклар вложил в руку Дара плоский конверт.— Здесь все документы которые могут вам потребоваться, включая чек на стоимость двух билетов первого класса до Терры.— Он похлопал Дара по плечу.— Удачи вам, и помните... не стоит геройствовать.

Дар хотел было спросить, что это значило, но Шаклар уже развернулся, а корабль издал угрожающие рокочущие звуки, поэтому Дар тоже развернулся и побежал.

— Что-то вы долго,— проворчала Сэм, когда он плюхнулся рядом с ней на сиденье и пристегнул ремни.— Чему было посвящено совещание на высшем уровне?

— Тому, из-за чего мне следует влиться в социальный поток.

— Хм.— Сэм поджала губы и кивнула.— А ваш генерал — настоящий человек.

— Да. Я чувствую себя ужасно из-за того, что обманул его.— Дар вскрыл конверт.

— Что это?— спросила Сэм.

Дар ничего не ответил. Он не отрываясь смотрел на его содержимое.

— Эй, очнись!— Сэм дернула его за руку.— Слышишь? Что там такое?

— Мои документы,— с расстановкой произнес Дар.

— В чем дело? Что-нибудь не так?

— Нет. Все они на имя „Дар Мадра".

— Ох.— Сэм притихла на несколько минут, переваривая новости.

Потом она вздохнула и вытянулась на сиденье.— Что ж, Ваш генерала... тоже сообразительный, а?

Корабль был рассчитан на десять пассажиров. Дар и Сэм были единственными. За пять дней они посидели на всех сиденьях по нескольку раз.

— Нет, по-моему здесь намного лучше,— заявил Дар, сидя на сиденье перед переборкой на корме.— Чувство глубины... и силу ускорения лучше всего ощущать спиной.

— Какую силу ускорения? На этом корабле мы ощущаем лишь свободное падение. Забыл о встроенных компенсторах ускорения? В этой кабине имеется собственный блок гравитации.

— Бесподобно,— воскликнул Дар,— абсолютно лишает всех чувств движения.

— Поэтому сидеть лучше посередине кабины,— возразила Сэм.— Возникает чувство окружения.— Она развела руками в стороны.— Чувство космоса — ограниченного, но космоса. Погружаешься в него.

— Да, но кому охота погружаться в пластиковые сиденья и креоновые крепления?

— Если вас не устраивает что-то, сэр...

Дар посмотрел на стюардессу.— Знаю: выбора у меня нет.

— Вовсе нет, сэр. Я могу предложить вам нечто другое.— Передняя панель на ее груди отодвинулась, и перед их глазами появилось несколько полок, заставленных бутылками с пилюлями.— Вы сможете забыться, сэр, и время пролетит незаметно.

— И мозги размягчатся. Нет уж, благодарю... лучше я воспользуюсь старыми добрыми средствами.

Невысокий пластиковый стакан опустился на его ладонь; палец стюардессы превратился в краник и налил в стаканчик янтарного цвета жидкость, не забыв бросить туда лед.— Старый способ, сэр.

— Я подумал о мартини,— пробурчал Дар.— Но все равно, спасибо.

— Необязательно благодарить меня, сэр. Я всего-навсего...

— Машина, знаю. Но знаете, дурацкие привычки. Когда мы прибываем на Холдан IV?

— Ты уже раз двенадцать задаешь этот вопрос,— вздохнула Сэм.— И я уже сто раз отвечала тебе, что полет займет пять дней, по крайней мере так сказал Белабхер.

— Знаю, знаю,— ответил Дар,— но мне хочется, чтобы она сказала. Так, когда мы прибываем на Холдан IV, стюардесса?

— Опытные космические путешественники никогда не спрашивают „когда", сэр,— ответила стюардесса.

— Люблю запрограммированные ответы.— Дар откинулся назад и усмехнулся.

— Послушай, взгляни на это с другой стороны...— предложила Сэм.— Я добиралась сюда значительно дольше — полторы недели.

— Мне кажется, что вас транспортировал обычный грузовой корабль, сэр...

— Мисс!

— На самом деле? Но корабль МСЭ немного быстрее. А теперь пристегните ремни, пожалуйста.— И стюардесса направилась в свой отсек, захлопнув за собой дверь.

— Говорил о своих дурацких привычках!— фыркнула Сэм.— Ты что, не понимаешь, что потешался над ней?

— Знаю, знаю,— буркнул Дар.— Но что-то не понравилась мне эта машина.

— Запрограммирована снобом,— согласилась Сэм.— Ладно, пристегивай ремни.

— Приготовиться к прерыванию,— раздался автоматический голос.

— Не понимаю, что такого.— Дар пристегнул ремни.— Подумаешь, выйдем из Н-космоса, что тут такого?

— Знаешь, ты становишься невыносим.

— Да? Но ты должна признать, что никаких неприятных ощущений при этом не испытываешь, ну, при переходе в обычный космос.

— Если только на тебя не нападут.

Дар покосился на нее.— Что это еще значит?

Сэм вздохнула.— Это пережиток, сохранившийся с до МСЭ дней, когда не было никакого центрального правительства и вокруг солнечной системы царил хаос. В моменты прерываний корабли поджидали пираты. Они не могли напасть на судно, находящееся в Н-космосе, а дожидались прерывания.

— Ах, вот оно что.— Дар поежился.— Э... но в наши дни центральное правительство не так энергично...

— Прерывание,— проинформировал их тот же голос.— В течение нескольких секунд корабль будет находиться без внутренней энергии.

Погас свет, и энергия корабля стала перекачиваться в изоморфер, возвращающий их в привычное состояние. Дара начало подташнивать, и на несколько секунд реальность стала расплыв-

чатой... куда-то удалилась. Потом загорелся свет. Дар моргнул и повел головой из стороны в сторону, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке.— Если хорошенько подумать, то не такая уж плохая вещь эти ремни.

— Прошу занять свои места,— услышали они автоматический голос.— Нас преследует неопознанный объект.

Дар посмотрел на Сэм.— Так что ты там говорила о пиратах?

— Это было давно, определенно давно...— Но она почему-то побледнела.

— Ты уверена?— Дар начал всматриваться в иллюминатор.— Знаешь, по-моему, я что-то вижу.

— Ну, конечно, звезды. Ты что, забыл, мы опять в обычном космосе?

— Различимый диск; должно быть Холдан...

— Хм.

Дар уставился в иллюминатор.— Знаешь, что-то не нравится мне все это... Ух ты!

Оранжевая вспышка осветила кабину.

— Это было близко!— оправившись от шока, произнесла Сэм.

— Похоже, на нас охотятся!

— Это действительно серьезно!— завопила Сэм.— Где Флот, когда он нужен?

— Спроси у пиратов... уверен, они знают.

— Я тоже; однажды вечером я подпоила оператора, как раз перед тем, как уволиться, и выведала у него код доступа.

Дар помрачнел.— Зачем ты это сделала?

— Хотела убедиться в том, что во время своего путешествия буду в безопасности. И я выяснила, что это так. На пятьдесят парсек* не предполагалось ни одного пилота. Ближайший флот находился отсюда на расстоянии ста семидесяти пяти световых лет, вблизи Альдебарана.

— Что они там делают?

— Кто-то позвал их около года тому назад на помощь. Попросил избавиться от пиратов.

— Значит, когда они направились туда, они столкнулись с пиратами! Великолепно!— воскликнул Дар.

Сэм глубоко вздохнула.— Подожди минутку! Подожди. Теперь мы знаем, что пиратов там нет.

— Конечно, может быть, это Флот... и они приняли нас за пиратов? Слушай...

Кабину озарила яркая вспышка. Сэм вскрикнула.— Теперь я уверена! Это пираты!

— Дар пожал плечами.— Пираты или Флот... Так или иначе, мы превратимся в облако атомов. Боюсь, что мне все равно, по чьей вине.

---

* Парсек — (сокр. от „параллакс" и „секунда"), единица длины, применяемая в астрономии. Равна расстоянию, на котором параллакс составляет 1″; обозначается пк (СИ). 1пк =206265 а. е. =3, 263 светового года $=3{,}086 \times 10^{16}$ м.

Ты прав.— Сэм расстегнула ремни.— Кто бы это ни был, нам нужно выбраться отсюда.

Дар вскинул голову. Потом махнул в сторону иллюминатора.— Да...будь моей гостьей. Посмотри вон туда — просто великолепный денек! Конечно, ночь на твоей стороне холодновата.

— Слушай, сделай одолжение, не валяй дурака,— рявкнула она.— Должна быть на этом корабле спасательная шлюпка, что ли!

Дар посмотрел в иллюминатор.— Вниз!

Сэм подчинилась. Корабль пронзила красная вспышка и погасла. Дар освободился от ремней.

— Что это было?— прошипела Сэм.

— Им надоело играть в игры.— Дар встал на ноги, борясь с напором ускорения.— На этот раз они выстрелили всерьез, и удачно. Они повредили наш генератор гравитации. Так где, ты говоришь, находится спасательная шлюпка?

— Скорее всего, между кабиной пилота и пассажирской.

— Ты права.— Дар повернул к корме.— Очевидно, она между кабиной и грузовым отсеком. Пойдем.

Сэм хотела было воспротивиться, но потом покорно пошла за ним.

Корабль трясло. Дар хватался за спинки сидений, Сэм держалась за него сзади.— Поближе, мисс,— рявкнул он.— Нас может откинуть ударной волной. А пилот здорово увертывается.

— Именно поэтому мое тело вот-вот прошибет стену?

— Да, только раздумывает, в какую стену удариться. Пошли.

Они с трудом пробрались сквозь трясину тяги ускорения до шлюзной камеры. Дар свернул к небольшому отсеку рядом со шлюзовой камерой и с усилием открыл его.— Так, две на этой стороне и три на другой, если я не ошибаюсь.— Он достал серебристые скафандры с пластиковыми сферами наверху.— Давай, надевай.

Сэм с трудом забралась в космический скафандр.— Я в нем неуклюжая, да?

Дар кивнул.— Не устоят ни перед каким ударом, но для этого они и не предназначены — для этого существуют шлюпки. Скафандр лишь для подачи воздуха.

Корабль сильно накренило на бок — Сэм повалилась на него. Даже сквозь скафандр как-то неясно ощутил, что рядом с ним женщина. Но не время для подобных мыслей.

Она оттолкнулась от него и стала продолжать надевать скафандр.— Они приближаются! Поторопись!

Дар натянул скафандр и убедился в том, что герметически застегнулся. Потом наклонился и коснулся шлемом ее шлема, чтобы его голос был слышен сквозь пластик.— Ладно, повернись, чтобы я включил подачу воздуха и проверил все подсоединения.

Сэм повернулась к нему спиной. Дар проверил все соединения и включил подачу воздуха. Когда на счетчике появилась голубоватая индикация, он постучал по ее плечу и повернулся к ней спи-

ной. Он почувствовал, как ее пальцы скользят по нему; потом в шлем поступил воздух. Он вздохнул и кивнул, затем направился к шлюзовой камере, открыл ее и помахал Сэм рукой. Она вошла, он за ней, закрыв за собой люк. Сэм уже нажала кнопку. Когда воздух заполнил резервный отсек, загорелась зеленая лампочка на боковой панели. Дар потянул за ручку и отошел: трехфутовый круг открылся. Сэм шагнула первой. Дар последовал за ней.

Он сел и застегнул ремни. Сэм прижалась к его шлему.— Как насчет пилота?

— Он сам по себе... у него своя спасательная шлюпка на случай необходимости.— Дар нажал кнопку „Вкл" и контрольная панель загорелась.

— Ты знаешь, как управлять этой штуковиной?

— Разумеется, кроме того, как здесь можно ошибиться — всего две кнопки, две панели и штурвал?

— Ну, не знаю, может быть несколько способов...

Дар пожал плечами.— Значит, я не такой изобретательный. Приготовиться!— Замерцал индикатор „ПРИГОТОВИТЬСЯ"; он нажал на кнопку „ВЫБРОС".

В грудь ему ударила пятисотфунтовая масса, потом неимоверная тяжесть легла на все тело. Затем всесокрушающая сила чуть ослабла и Дар смог вздохнуть. Он выпрямился, преодолевая сопротивление ускорения и огляделся по сторонам. Справа темно — солнце было сравнительно близко, в форме маленького диска, излучающего смертельную радиацию. Но это не имело значения; все небо заслонил пиратский серебристый корабль.— Слишком уж близко,— пробормотал Дар и нажал на педаль. Снова тяжесть на все тело. Он огляделся — сначала посмотрел на серебряный корабль, похожий на бейсбольный мяч, потом на ту пустоту, что простиралась перед ним.

Сэм с трудом подалась вперед.— Как ты думаешь, они нас заметили?

Дар передернул плечами.— Трудно сказать. Их детекторы нас наверняка вычислили, но они вряд ли обратят внимание на такую мелочь.

Серебристая пластина начала скользить по направлению к ним.

— Черт, неужели они так наблюдательны?— Дар привел спинку кресла в вертикальное положение и снова нажал на педаль. Сокрушающая сила обрушилась на него опять, вжав его в кресло. Ему едва хватало сил на то, чтобы не выпустить из рук штурвала.

Серебряная пластина набирала скорость.

— Знаешь, мне кажется, нам удастся от них оторваться.— Дар повернул штурвал влево. Спасательная шлюпка резко крутанулась — Дар повалился на Сэм. Она сидела, вжавшись в кресло, с вытаращенными глазами и страшно бледная.

Неудивительно, подумал Дар. Будь он пассажиром той шлюпки, которой управлял, он бы чувствовал то же самое. Он выровнял штурвал и нажал на педаль — их маленький кораблик стрелой

метнулся обратно к тому кораблю, на котором они прилетели, что давало им ряд преимуществ перед пиратским судном.

Сэм подалась вперед, привела спинку кресла в вертикальное положение и прислонилась к нему своим шлемом.— Разве не лучше оторваться от них?

Дар покачал головой.— Они схватят нас, как кошка неповоротливую мышь. Наше спасение только в укрытии.

— Спрятаться? Но где? Вокруг пустота!

Позади, потом чуть правее вспыхнула яркая красная вспышка.

— О-й-о-ой!— Сэм вся задрожала.— Спрячься где-нибудь! Быстрее!

— Быстрее не бывает!— Дар крутанул штурвал, и Сэм с силой ударилась о него.

— Что ты делаешь?

— Так, увертываюсь. Вдруг они сообразят подсоединить свою пушку к баллистическому компьютеру.— И Дар продолжил прокладывать неимоверно замысловатый курс, от которого бы даже у самой верткой змеи случился бы прострел. Их швыряло из стороны в сторону, как теннисные мячики.

— Кажется, мы победили!— воскликнул Дар.— Они в замешательстве.

Взрыв прогремел совсем рядом с ними.

— Ух ты! Быстро соображают, правда?— Дар нажал на педаль и надавил на штурвал. Они нырнули, и над их головами скользнула огромная блестящая кривая. Перед ними было только открытое пространство. Дар нажал на тормоз, и спасли их лишь ремни.

О его шлем что-то брякнулось.— Почему ты продолжаешь убегать?

— Потому что они бы поймали нас.— Дар развернул лодку и направил ее к серебряной сфере и пластине, маячившей над ней.

Сэм вжалась в сиденье.— Не тарань их!

— Не бойся.

Вокруг пассажирского корабля замерцали голубые искорки.— Мне кажется, они спутали его с нами.— Дар снова нажал на штурвал. Шлюпка нырнула, и дно серебряной сферы проплыло над их головами.

— Почему?— закричала Сэм.

— Потому.

Маленькая лодка вынырнула из-под корабля и ринулась сквозь щель на серебристую пластину.

Сэм затаила дыхание.— Поправь меня, если я неправа... но разве мы не пытаемся избавиться от них?

— Да... это мы и делаем.— Серебристая платина замаячила впереди так близко, что, казалось, можно дотронуться до нее. Дар снова нажал тормоз — шлюпка замедлила ход, потом серебряная пластинчатая обшивка над их головами зависла.— Ну, вот!— Он откинулся назад и расслабился.— Наши скорости совпали. Будем надеяться, что они не заметили, как мы нырнули под них — они

были слишком заняты обстреливанием корабля.

— А почему ты думаешь, что они нас не заметят?

— Потому что разумнее с нашей стороны было бы спрятаться за своим родным кораблем.

— Действительно.— Сэм с надеждой посмотрела на пиратское судно.

— Даже если они начнут искать нас, то вряд ли увидят... если только не включат детекторы на своем брюхе.

— Которые у них наверняка имеются.

— Наверняка. Но скорее всего они нас не заметят... мы слишком близко от них, в „тени" их детекторов.

— Отличная теория.— Сэм откинулась на спину кресла.— А что, если ты ошибаешься?

— Ну, в таком случае они пулей отлетят от нас и попрактикуются в стрельбе по отличной мишени.

— Теперь я понимаю, почему мне всегда жаль мишени в тире.— Сэм поежилась.— Что они делают?

Дар повернулся.— Пытаются прострелить пассажирский корабль. Хм!

— „Хм" что?— спросила Сэм.

— Корабль удаляется... точнее „уносится", пристегнись... пираты преследуют их, быстрее! Надо же, поврежденный корабль, а мчится с такой скоростью!

Сэм пожала плечами.— Тогда как пираты смогут захватить его?

— Заманив в ловушку.

— Заманив куда? Вокруг ничего, кроме атомов, нет!

— Они направляются вон туда!— Дар развернул шлюпку — серебристая пластина заскользила над их кормой. Дар нажал на педаль и рванул по направлению к солнцу.

— Мы... не сможем... убежать... от них,— прокричала Сэм.— Если им с нами по пути,— ответил Дар.— Но в данный момент... они движутся в противоположную сторону... а мы... вон туда.

— Но к чему все это?— Сэм понемногу справлялась с воздействием ускорения.— Как только они покончат с пассажирским кораблем, они отправятся за нами.

— Если считать, что мы стоим того. Но к тому времени нам, возможно, удастся найти укромное место.

— Но где мы сможем спрятаться? Где?

— Там, где могли притаиться пираты... посмотри!— Дар протянул вперед руку, показывая на поблескивающую на небе нить, освещенную с обратной стороны солнцем.— Астероиды! Они и привели в замешательство детекторную систему корабля; она решила, что пиратский корабль — всего-навсего большой камень, ближайший из них!

Сэм уставилась на него.— Что они здесь делают?

— Не время задавать вопросы.— Дар оглянулся.— Они по-прежнему преследуют корабль... они почти нагнали его... собираются дать предупредительный выстрел... НЕТ! Они разворачиваются...

Сэм затаила дыхание.— Зачем?

— Потому что их интересует не сам корабль, это очевидно! Они убедились в том, что грузовой отсек пуст и нас не видно поблизости... Они ищут нас!

Лицо Сэм потемнело, она покачала головой.— Не понимаю. Неужели ты хочешь сказать, что мы нужны им?

— Послушай,— сухо произнес Дар.— Я бы вообще хотел знать, каким образом им удалось выведать, что мы на борту?

— Может быть, они и не знали,— с надеждой в голосе произнесла Сэм.— Может, принимают нас за кого-то другого?

— Извини, но нужно остаться и все это выяснить.— Дар нажал на тормоз — лодка дернулась и их подкинуло вверх. Лодка заплясала и задергалась из стороны в сторону, когда Дар начал увертываться от обломков камней и металла. Было такое чувство, что лодка исполняет соло на ударных инструментах, но аварии удалось избежать. Дар наконец подстроился под скорость астероида. Грохот сменился побрякиванием.

— Нам пока чертовски везет.— Дар отключил питание.— Если только не наткнемся на какой-нибудь стремительно несущийся камешек позади или еле движущийся впереди. А так все в порядке. Эта шлюпка довольно-таки прочная, чтобы выдержать натиск осколков.

Сэм вздохнула.— У нас есть шанс, правда?— с дрожью в голосе спросила она.

Дар пожал плечами.— Шанс? До тех пор, пока не повреждены двигатели, мы в безопасности.

— А в противном случае?

— Ну, что тебе больше по душе — тюрьма или астероид?

Сэм побледнела.— Дай подумать.

— Конечно.— Дар откинулся на спинку кресла, сложив на груди руки.— У тебя уйма времени.

Астероид уносил их от пиратского корабля — огромная серебряная пластина сверкнула над головами и чуть позади.

— Что все это значит?— озадаченно спросила Сэм.— Они покидают нас?

— Ошибаешься,— мрачно заметил Дар.— Они увидели, что мы ворвались в астероид, но не могут следовать за нами... не могут маневрировать подобным образом. Но они вернутся, не беспокойся.

— Спасибо за поддержку,— Сэм затихла.— Почему ты отключил питание?

— Потому что по крайней мере один из их детекторов ищет его. А сейчас только это отличает нас от астероида, если только им не удастся подойти поближе и разглядеть нас.

— А мы не отражаем яркий свет?

— Я выбрал довольно яркий астероид.

— Вот они!— воскликнула Сэм.

Палец Дара замер над кнопкой питания.

Пираты не могли их слышать, это очевидно, и они оба знали об этом... но сработал рефлекс и они застыли словно изваяния,

когда серебристая пластина медленно проплыла над ними по зигзагообразной траектории. Она все приближалась, и Дара распирало от желания пронзить ее блестящее брюхо. Пираты подались чуть вправо... и вскоре скрылись за прикрывающим их астероидом. Теперь они удалялись. Пересекли их траекторию полета в доброй полмили впереди от них и продолжали удаляться.

Сэм рухнула на спинку кресла со вздохом облегчения.— Слава Богу!

— Да.— Убирая палец с кнопки, Дар почувствовал, что его трясет.— Никогда не думал, что придется так прятаться.

— Похоже, мы спасены.— Сэм одарила его уважительным взглядом.

Дар почувствовал, как учащенно забился пульс... так или иначе, на семьдесят миллионов миль вокруг она была единственной женщиной. Сэм вся сжалась и подалась вперед.— Посмотри! Что они делают?

Дар проследил за ее взглядом. Брюхо серебристой махины раскрылось.

— Они собираются отправить в разведку шлюпку, чтобы посмотреть поближе!— Рука Дара дернулась к кнопке питания.

Сэм схватила его за руку.— Нет! Ты же сказал, что это верная смерть!

Дар неотрывно смотрел на пиратское судно.— Подожди-ка! Они передумали.

Шаттл завис на полпути от огромной шлюзной камеры. Затем начал подниматься обратно в корабль, и огромные двери закрылись.

— Но почему?— промямлил Дар.— Мы ведь были уже покойники!

— Вот почему!— Сэм махнула в сторону заднего иллюминатора.

Огромная усеченная пирамида двигалась прямо на них.

Мощный „глаз"-прожектор озарял небо. Корабль с пиратами на борту набрал скорость и помчался прочь.

Дар сочувственно причмокнул.— Не хотел бы я испытать подобное воздействие ускорения... Но у них нет выбора, так ведь?

— Почему?— Сэм во все глаза смотрела на приближающуюся пирамиду.— Что это за мегалит?

— Полицейские.— Дара передернуло.— Правда, не уверен, какие именно... но какая разница. Сейчас я рад и их появлению.

— Эй! Вы там! Помогите!— Сэм попыталась встать, размахивая во все стороны руками.— Черт! Они что, не слышат нас?

— Звуковые волны не особенно хорошо проходят через вакуум,— заметил Дар.

— Знаю, знаю,— огрызнулась Сэм, опускаясь на сиденье.— Удаляются.

— Да,— Дар наблюдал за полицейским кораблем.

— И что нам теперь делать? Выйти и направиться к ним?

— Ну, очевидно, мы находимся в системе Холдана, потому что следовали именно туда. И с нашей предельной скоростью до

ближайшей населенной планеты не больше трех-четырех месяцев пути.

— Не думаю, что смогу так долго ждать обеда.

— О, я уверен, что где-то здесь есть сухой паек. Но что-то тоже не хочется так долго ждать. Наверняка полицейский корабль вернется гораздо быстрее.

— Почему?— спросила Сэм.— Для подкрепления?

— Нет, в этом они не нуждаются. Видишь, вон там, наверху, „глаз"? Это один из самых мощных бластеров.

— Да?— Сэм задумалась.— Вот почему пираты смылись?

Дар кивнул.— С таким „глазом" полиция легко расправляется с любыми пиратами, независимо от того, сколько оружия у них на борту.

— Но почему полиция вернется?

— Потому что у пиратского корабля есть изоморфер, и я уверен, что полицейский корабль местный. Как только пираты войдут в Н-космос, полиции придется возвращаться домой.

— Хм.— Сэм опять задумалась.— А разве полиция не сможет схватить пиратов до того, как те успеют изоморфироваться?

— Сможет,— ответил Дар.— Но не думаю, что сделает это. Эти пираты развивают большую скорость. Иначе дело их проиграно. Полиция не станет рисковать.

— Они могут быстро войти в Н-космос?

— Возможно. Увидишь большой взрыв, значит они попытались это сделать.

Они наблюдали за тем, как полицейский корабль превратился в блестящую точку.

Нарушила тишину Сэм.— Не думаю, что они попытались.

Вдали что-то ярко вспыхнуло. Дар снова потянулся к кнопке питания.

— Не сейчас!— закричала Сэм.— Мы не знаем, кто победил!

— Нужно выяснить это, ты права.— Дар стал ждать.

Блестящая точка постепенно превращалась в пятно.

Пятно начало принимать форму пирамиды.

— Победа!— Дар нажал кнопку, и двигатели взревели.— Пусть ребятки услышат!— Он дернул штурвал, и лодка рванула по направлению к полицейскому кораблю.

— Может, следует представиться, так сказать? Не то они решат, не дай бог, что мы атакуем?

— Все не так смешно, как звучит,— печально заметил Дар.— Они действительно могут принять нас за торпеду. Где-то здесь должен быть сигнал бедствия. Посмотри хорошенько.

Сэм нашла кнопку „Сигнал Бедствия", нажала ее и стала ждать.

— Как мы узнаем, работает он или нет?— наконец спросила она.

— Как ты думаешь, слышит Бог?— парировал Дар.— У него есть радио, а у нас нет.

— Звучит,— рявкнула Сэм.— Скоро они нас услышат?

Пирамида приближалась к ним... и вдруг исчезла в облаке дыма.

— Они услышали!— завопил Дар.— Они тормозят!

Туман рассеялся, и полицейский корабль завис над ними.

Сэм вся сжалась.— Я не выдержу... мне кажется, что он вот-вот свалится прямо на меня!

Так и случилось. Огромная пирамида стала падать на них — они видели над собой только громадное днище. Дар открыл было рот, чтобы заорать, как над их головами раздвинулась шлюзовая камера и их словно всосало внутрь.

— Спасены?— крякнул кто-то. Дар решил, что Сэм, но голос исходил из его собственной головы.

— Хорошо, что мы оказались поблизости.— Капитан налил два стакана бренди и протянул Сэм и Дару. На отвороте его куртки поблескивала заостренная сверху пирамида с надписью „Космическая Полиция" посередине, „Холдан IV" сверху, а „Фальстаф" внизу. Пирамида возвышалась посреди огненного моря, а может, океана. Капитан был тучным, хотя это мягко сказано. Его команду составляли такие же толстячки — самый маленький из них был по меньшей мере четырех футов шириной, и все они были ниже Дара. У капитана было типичное для Холдана лицо: багровое, с длинными вьющимися волосами и бородой.

Дар с благодарностью взял бренди, но Сэм отстранила стакан.— Благодарю, но я не верю в алкоголь.

Капитан удивленно моргнул.— Заверяю вас, он существует.

— Нам действительно повезло, что вы оказались поблизости,— проговорил Дар.

— Ну, дело тут не совсем в везении,— заметил капитан.— Мы получили сообщение о пиратах, пытающихся захватить торговое судно в момент прерывания. На прошлой неделе грузовое судно, которое перевозило соленую селедку, попалось в их ловушку, поэтому мы и решили охранять именно эту точку перехода в Н-космос. В нашем распоряжении только один патрульный корабль, поэтому мы не можем охранять все точки, надеюсь, вы понимаете.

— А что, селедка — такой важный груз?— удивленно спросил Дар.

— Для нас,— ответил капитан,— жизненно важный. Но что привело вас на Фальстаф, люди добрые?

— Фальстаф?— озадаченно переспросил Дар.

— Это местное название Холдана IV,— пояснила Сэм.

— Должны сделать здесь пересадку, капитан. Мы направлены с Волмара.

Капитан по-прежнему сидел, развалившись в кресле, скрестив на огромном животе пальцы, но вдруг встрепенулся.— Волмара? На самом деле? Как интересно. Кстати, не могли бы вы показать свои документы?

— Хм? Да, конечно!— Дар достал свой паспорт и удостоверение личности из кармана куртки и положил их на стол; Сэм

последовала его примеру.— Извините, мы сразу не догадались это сделать.

— Ну, ничего страшного, были немного не в себе.— Капитан взял их документы, и Дару вдруг пришла в голову совершенно абсурдная мысль, что-де в глазу у него вставлена ювелирная лупа.

— Все в порядке... разумеется.— Значит, последнее предположение Дара оказалось ложным.— Капитан вернул им документы.— Не часто к нам прибывают с Волмара.

— Транспортная линия проходит по другому маршруту,— согласился Дар.— Но, знаете, наша фармацевтическая компания расширяется и в ближайшем будущем мы собираемся выйти на рынок внутренних планет.— Сэм моргнула; надо было рассказать ей ту историю-прикрытие, что он сочинил.

— Я и не думал, что там есть какое-нибудь стоящее предприятие.— Капитан, казалось, искренне удивился.

Дар усмехнулся.— Ну, я не преувеличиваю. Кстати, я сильно удивился, что вы заметили нашу лодку так быстро. Вы нас искали?

— Нет, не скажу, чтобы искали,— Капитан насупился. А следовало бы?

Дар едва справился с шоком.— Ну,— наконец сказал он,— я подумал, что с нашего пассажирского корабля поступило сообщение о том, что мы пропали.

— Странно, что вы так говорите,— Капитан почесал затылок, потом посмотрел на него.— Может быть, пилот не заметил вашего исчезновения с борта корабля.

— Э... может быть.— Дар подумал о том, как, должно быть, накренился корабль, когда спасательная шлюпка отделилась от него.— Разумеется... теперь, когда я прикинул, скорее всего так оно и было. Так или иначе, как мог пилот заметить, что мы исчезли?

— Разве мог он не заметить?— пробубнил Дар.— Когда шлюпка отделилась, его должно было подкинуть, как при землетрясении.

— Может быть, он подумал, что это выстрел,— предположила Сэм.— Вокруг была такая неразбериха.

— И когда все это закончилось, он даже не проверил, как там его пассажиры?— Дар покачал головой.— Нет. Не нравится мне все это.

Они брели по нижней части города Хаскервиля, столицы Фальстафа. Улицы были широкими, но все строения имели второй этаж, выступающий над тротуаром — удобно в дождливую погоду, подумал Дар, но уныло в солнечный день. Ему показалось также странным, что все дома наполовину деревянные и оштукатуренные.

— Я полагаю, что это пограничная планета,— сказал он вслух.

— Не совсем... третья по пути к Терре и колонизирована около четырех сотен лет назад. А с чего ты взял?

— Архитектура.— Дар показал на деревянные перекладины.— Они что, не умели лить сталь?

— О, умели, конечно, и достаточно хорошую,— Сэм улыбнулась.— Я спрашивала об этом по дороге к вам. Похоже, на Фальстафе очень мало металла. Даже железо... и то моментально ржавеет.

— Хм.— Дар поджал губы.— Тогда что они используют вместо денег — гвозди?

Сэм остановилась.— А как ты догадался?

— Ты шутишь!

— Проверь сам, если хочешь. Ну, попробуй расплатиться где-нибудь при помощи кредитки МСЭ.

— Ладно, поверю тебе на слово.— Дар остановился перед вывеской.— Мне кажется, это как раз то, что мы ищем. Может быть, здесь нам поменяют деньги?

— Вполне возможно,— согласилась Сэм.— А может быть и нет.

Они зашли в билетную кассу Межзвезной Космической Компании с неограниченной ответственностью.

— Чем могу помочь?— спросил клерк, не отрывая глаз от факса. Он был толстым и мордастым, как и все те фальстафцы, которых им довелось увидеть. Дар начал чувствовать себя каким-то ненормальным — он был худым.

— Э, да. Мы бы хотели купить билеты до Терры.

— Разумеется.— Служащий достал два билета, даже не удостоив их взглядом.— С вас двести фунтов. Следующий корабль отправляется в четырнадцать сто третьего мая.

Дар замер, так и не раскрыв бумажник.— Третьего мая? Но сегодня только пятое апреля!

— Невезенье, правда?— посочувствовал клерк.— Вы немного не успели на предыдущий рейс — два дня назад.

— Но мы не можем ждать! Нам нужно попасть на Терру как можно скорее!

Клерк пожал плечами.— Я всего-навсего продаю билеты, приятель... я не составляю расписание отправления кораблей. Так будете брать или нет?

— Э, не сейчас, благодарю,— Дар повернулся к Сэм, у которой был беспомощный вид.

— Вы здесь меняете деньги?— отрывисто спросила она.

Клерк поднял глаза.— Деньги? Да, конечно. Что у вас?

— Термы МСЭ. десят термов,— ответила Сэм, многозначительно посмотрев на Дара.

— О...— Клерк, похоже, расстроился.— Ну, что ж, наверное, сможем взять. Положите их вот сюда.— Он вытащил маленький полотняный мешочек и кинул его на стойку; он зазвенел.

Рука Дара с деньгами зависла в воздухе на полпути к стойке.— Что это?

— Деньги.— Клерк покосился на него.— За десять термов

Межзвездного Суверенного Электората вы получаете два фунта.

— Два фунта?— промямлил Дар.— Вы что, на самом деле думаете, что ваш фунт стоит чертовски много!?

— Фунт гвоздей по десять пенни?— Клерк посмотрел на Дара как на сумасшедшего.— Приятель, здесь это стоит чертовски много!

— Да?— Дар покосился на Сэм. Она кивнула. Он вздохнул и положил свои чеки на стойку.— Ладно, вот, получи. Скажи, э... а раньше, чем через месяц, на Терру ничего не отправляется?

— Ну, если вам действительно так нужно...— Клерк придвинулся ближе.— Есть тут у меня один приятель, он совершает перелеты на премилой космической яхте...

— Э, благодарю.— Дар отступил на шаг.— Я только что с подобной лодчонки.

Сэм прикусила губу.

— Да?— Клерк с отвращением откинулся на спинку кресла.— Укачало немного? Что ж, дело ваше.— Он снова обратился к факсу.

— Э, да.— Дар взял мешочек с деньгами.— Мы, надеюсь, еще зайдем к вам.

— Вместе с горняком?— Клерк махнул рукой.— Удачи, ребята.

— Ну, по-моему, он не очень-то приветлив,— сказал Дар, когда они вышли из кассы.

— Мне тоже так показалось,— согласилась Сэм.

— Кстати, что он там говорил о каком-то горняке? Что все это значит?

— Горняк — это тот, кто копает руду,— объяснила Сэм.

Дар глянул на нее, но она не шутила. Он пожал плечами.— Они что, действительно, всерьез относятся ко всем железякам, а?

Мимо них с шипением промчалась машина. Корпус ее был деревянный, все остальное пластиковое.

— Даже очень,— согласилась Сэм.

Дар проводил взглядом машину.— А из чего они делают двигатели?

— Из термостойкого пластика,— ответила Сэм.— Насколько я понимаю, у них туго с радио.

Дар обернулся.— Потому что для этого требуется металл, не так ли? А как тогда работает факс?

— При помощи кабеля из оптического волокна. Силикона у них предостаточно. Распечатка производится с помощью теплообмена.

Дар изумленно покачал головой.— Ну, по крайней мере, у них нет пробок на дорогах.

— Горячие сосиски, сэр?— раздался голос толстенького продавца с тележкой.

Дар остановился и вдруг заметил, что все прохожие жуют сосиски.— Ну, не думаю, что стоит выделяться из толпы. Да, две пожалуйста.— Он сунул руку в мешочек с деньгами и вытащил...

...огромный гвоздь.

Он с ужасом уставился на Сэм.

Она нахмурилась и кивнула в сторону продавца, который протягивал им две сосиски на пластиковых тарелочках. Дар перевел взгляд с нее на горячие сосиски, потом вздохнул, взял тарелочки и опустил гвоздь в ладонь торговца. На сдачу он получил два гвоздя по три пенни и штифтик.— И что они делают, когда приходит декларация Департамента Государственных Сборов?

— Платят гвоздиками с широкими шляпками, как честные граждане. В чем дело?

— Да так, ничего.— Дар покачал головой.

— Знаешь, по-моему, тебе надо выпить,— с расстановкой произнесла Сэм.

— Неплохая идея.— Дар послушно кивнул.— Я бы предпочел коктейль под названием „Ржавый Гвоздь".

— На этой планете это прозвучало бы оскорбительно.— Сэм подтолкнула его к вращающейся двери.— Мне кажется, лучше заказать что-нибудь привычное.

— Согласен,— пробормотал Дар.

В таверне было сумрачно, как и обычно в подобных питейных заведениях. Они направились в бар.

— Заказываем? Заказываем?— Неразборчиво промямлил бармен, как-то странно подмигивая.

— Э, одно мартини и одно пиво.— На Сэм, похоже, подействовало его подмигивание.

— Два напитка. — Бармен нажал кнопки.

Дар положил на стойку гвоздь в десять пенни.

— Два гвоздя,— пробормотал бармен. Его рука ухватила гвоздь; дверца на его груди раскрылась и появились два стакана мартини и стакан пива. Он подкатил вдоль стойки бара к следующему покупателю, оставив на стойке два винтика с плоскими шляпками.

— Я бы на вашем месте посчитал сдачу,— посоветовал им клиент в двух шагах от них. На нем была коричневая темная ряса, подпоясанная шнуром; макушка на голове была выбрита аккуратным кругом. Из нагрудного кармана выглядывала желтая ручка маленькой отвертки.— Сегодня этому бармену лучше не доверять.

— Мне показалось, что индикаторы подмигивали как-то не так!— воскликнула Сэм.— Что с ним случилось?

— Я бы сказал, что он пьян,— ответил бритоголовый постоялец.— Понимаете, хозяин таверны не может позволить себе металлическую проводку, поэтому ему приходится использовать соляной раствор. А это означает, что каждое утро бармену приходится принимать понемногу жидкости, а сегодня, похоже, кто-то добавил в его утренний раствор соли металлов. Это безусловно увеличивает проводимость и выбивает все его цепи.

— Так вот почему он подал нам два мартини, когда заказывали только один. Ну ладно.— Сэм поежилась и сделала глоток.— Надеюсь, резей в желудке не будет?

— Да что вы! Понимаете, дело в том, что здесь, на Фальстафе, нехватка запасов чистых металлов. Зато полно всяких соединений.

— Похоже, вы неплохо во всем этом разбираетесь.— Дар поднял стакан и с любопытством посмотрел сквозь него.— По вашей одежде я бы принял вас за священника... но говорите вы как инженер.

— На самом деле я и то и другое.— Незнакомец усмехнулся и протянул руку.— Отец Марко Риччи, катодист, Орден Святого Видикона, к вашим услугам.

— Дар Мадра,— Дар пожал ему руку.— А это Сэм Байн. А о каком Ордене идет речь?

— Это общество Римских Инженеров и Ученых-католиков.

— Да? Интересно. Конечно, как я сразу не догадался! У нас был один такой священник на грузовом судне.

— Церковь обычно назначает катодистов, специализирующихся на астронавтике, на подобную работу... в случае аварии риск не такой большой.

— Да, логично.— Дар кивнул, но его обучение в баре Чолли взяло верх.— Извините меня, но... не парадокс ли это в какой-то степени?

— Что именно? Монах и ученый в одном лице? Нет, конечно. Любой конфликт между наукой и религией — просто-напросто результат того, что священники не хотят признавать науку, а ученые религию.

— А не получится так, что такой ученый-священник будет скептически настроен по отношению и к тому и к другому?

— Разумеется, будет.— Священник усмехнулся.— Ватикану мы здорово надоедаем — постоянно задаем новые вопросы.

— Тогда почему они позволяют вам существовать?

— Потому что мы им нужны.— Отец Марко пожал плечами.— И в Ватикане есть водопроводная система.

— Ну я, кажется, начинаю понимать.— Дар сделал еще один глоток.— Но зачем Церкви понадобилось делать такого скитальца, как любой из вас, святым?

— О, вы имеете в виду нашего творца,— Отец Марко кивнул.— Ну, у них не было выбора. Это был явный случай мученичества.

— Что дает вам стимул жить по таким же принципам,— заметила Сэм.

— Ну, мы не собираемся быть мучениками,— заверил ее отец Марко,— и я уверен, наш создатель одобрил бы это. Ведь он был прежде всего практиком... а живой священник может обычно добиться куда больше, чем усопший.

Дара заинтересовало это „обычно".— Ну, в данный момент у нас у самих кое-какие практические проблемы, святой отец... а вы, похоже, знаете, что к чему на этой планете.

— Я не местный... надеюсь, вы могли догадаться об этом по моему виду.— Отец Марко был лишь чуть-чуть полноват.

— Да, и наша проблема заключается в том, что мы не местные... и не можем продолжить наше путешествие.

— Да, последнее грузовое судно покинуло планету несколько дней назад.— Отец Марко кивнул.— Ну, боюсь, что вам ничего не остается делать... особенно, если учесть, что по всей планете рыскает полиция МСЭ.

— Что делает?

— Рыскает по планете,— тихо повторил отец Марко.— Вы ничего не слышали? Несколько минут назад пришел факс. Межзвездный Суверенный Электорат получил достоверные сведения, что на последнем корабле сюда прибыл телепат, поэтому запрещено покидать планету кому бы то ни было, пока они ведут поиск.

— Ну,— чуть помедлив, произнесла Сэм,— значит, нашу поездку придется немного отложить, не так ли?

Дар помрачнел.— А что натворил этот самый телепат?

Отец Марко пожал плечами.— Ничего особенного, насколько мне известно. По крайней мере, об этом ничего не сообщалось.

— Тогда почему они ищут его?

— А вы не знаете?— удивленно спросил отец Марко.— Как же, телепаты представляют угрозу всем здравомыслящим гражданам... разве вы не знали об этом?

— Что-то подобное доводилось слышать,— ответила Сэм.— Но мы не знали, что всему этому придается такое большое значение.

— О, за последний месяц все так изменилось! Телепаты вторглись в частную жизнь граждан, видите ли... вы и не догадываетесь, что ваши мысли в данный момент кто-то может читать. Против них можно применить закон, но положения это не исправит — если только не иметь в распоряжении полицию, состоящую из телепатов. Но они могут выгораживать своих товарищей. Эти телепаты держатся друг за друга, знаете.

— Нет, не знаю,— сказал Дар.— Я действительно не догадывался, что такие вообще существуют... ну, почти не догадывался.— Он вспомнил о шамане-волмарийце.

— Вот видите.— Отец Марко нацелил на него свой указательный палец.— Вы знакомы по меньшей мере с одним из тех, кто всегда знает, о чем вы думаете. И так с каждым из нас, разумеется.

— Конечно! У каждого из нас найдется человек, который знает тебя довольно-таки хорошо.

— Да,— решительно сказал священник.— Но когда этот человек опережает вас в вашей же мысли, начинаешь задумываться. Телепаты, знаете, используют то, о чем вы думаете, против вас самих, поэтому у них в жизни больше шансов на успех. Они всегда знают, что вы хотите сделать, значит всегда знают, как опередить вас.

— Просто ужас!

— Вот видите! Но на самом деле все обстоит еще хуже. Полиция МСЭ абсолютно уверена, что телепаты во всей Сфере Терры связаны между собой, организовали собственное обще-

ство, хотят свергнуть правительство и захватить власть.

— Но каким образом?— удивилась Сэм.— Разве полиция не может перехватить их сообщения?

— Перехватить сообщение от одного способного читать чужие мысли ему подобным? Это неосуществимо. Кроме того, ходят слухи, что телепаты вообще не пользуются для этого космическими кораблями, ну, я имею в виду, чтобы передать сообщение с одной планеты на другую.

— Что?

— Поверьте мне,— кивнул отец Марко.— Их мысли путешествуют от звезды к звезде почти мгновенно. И вы понимаете, конечно, что это дает их тайной организации ряд преимуществ перед остальными силами общества.

— Да, можно догадаться.— Дар придвинулся к нему поближе и понизил голос.— И судя по вашему тону, я смею предположить, что вы, святой отец, не совсем в это верите?

Отец Марко тоже пододвинулся поближе.— Честно говоря, мне кажется, что попахивает все это не совсем тем, чем надо.

— Из чего можно предположить,— вставила Сэм,— что людей заставляют верить в то, чего на самом деле не существует.

— Ну, все это старо, как мир,— рассудительно произнес отец Марко.— Массовая истерия заложена в человеке изначально. Человеческое существо — не что иное как мыслящее животное, но став частью толпы, оно лишается способности мыслить. Но мне кажется, что полиция занимается всеми этими поисками только на основании слухов.

— Слухов?— переспросил Дар.— Как так?

— Ну согласитесь, лучше действовать на основании слухов, чем рисковать мятежом.

— Мятежом?— воскликнула Сэм.— Да вы шутите.

— К сожалению, нет. Если бы люди поняли, что власти не занимаются всем этим, они бы затеяли что-нибудь сами... то там, то здесь раздавались бы шепотки, что вот, мол, тот или та на самом-то деле телепат, так и началась бы охота на ведьм. Нет, это лучше, чем ничего...

— Думаете?

Из-за соседнего столика поднялся тучный человек.

— Я вам не мешаю?— вежливо спросил отец Марко.

— Нет, но вы портите мне вечер! Если вы не можете обойтись без обсуждения политики, то не могли бы вы делать это у себя дома? Просто невыносимо слушать и мешает пищеварению!

— Ох!— Дар обменялся взглядом с отцом Марко.— Прошу прощения, конечно, мы нарушаем...

— Давай, давай!— Чья-то костлявая рука сжала плечо Дару.— Извиняйся! Их мозги затуманены и ленивы! Заставь их делать что-нибудь!— Перед ним стоял невысокий худой пожилой человек, который был настроен очень решительно и был доволен сам собой. А рядом с ним...

У Дара перехватило дыхание. Рядом со стариком стояла самая прекрасная из всех женщин, каких ему доводилось видеть

за всю свою жизнь — с фигурой Венеры, в платье до середины икр, без рукавов, подчеркивающем все ее прелести. Лицо ее было само совершенство — высокий нежный лоб, пушистые брови, огромные, широкопосаженные глаза, окаймленные густыми ресницами, маленький, чуть вздернутый носик и намекающий на неземные удовольствия рот, готовый вот-вот раскрыться в улыбке. Рыжевато-каштановые волосы ниспадали до пояса. Это было лицо из его детских мальчишеских грез, лицо, которое никак не вязалось с реальностью, лицо, которое не оставит мужчину равнодушным.

Словно ножом по сердцу! Какая несправедливость — такая красавица и рядом со старым сумасбродом, а не с ним!

Старый сумасброд повернулся к тучному клиенту с нарушенным пищеварением, который издавал какие-то непонятные возмущенные побулькивания.— И мне кажется, что ваши реплики стоит вынести на всеобщее обсуждение! Знаете ли вы, что случается с теми людьми, которые не говорят о политике? Они перестают заботиться о своем правительстве! А вы знаете, что происходит потом? Однажды ночью кто-то захватывает власть в свои руки и свергает правительство. И проснувшись на следующее утро, они вдруг обнаруживают, что налоги возросли непомерно, что без разрешения они никуда не могут отправиться и в конце концов оказываются ничем не лучше рабов! Вот что случается, когда оставляешь свое мнение при себе!

— Сэр!— заверещал толстяк, словно наступил на что-то скользкое.— Это оскорбление!

— Знаете, если вы не согласны со мной, не буду настаивать. Я думаю, что мы с друзьями лучше поищем свежий воздух!— Он повернулся к отцу Марко, Дару и Сэм.— Ну, как, не возражаете, обладающие духом? Вы найдете тот ветер, что подует со сцены, невероятно освежающим! Мы идем туда, моя племянница и я, присоединяйтесь к нам, если есть желание!— И он развернулся, пробрался между столиками так стремительно, будто бежал вдогонку за собственной жизнью.

Девушка повернулась, чтобы последовать за ним... и неужели ее взгляд задержался на секунду на Даре?

Воображение. Не может быть. Но...

Она была всего-навсего племянницей!

— Хм? Что?— Он повернулся к отцу Марко.

— Я спросил, не пойти ли с ними.— В глазах священника заискрились огоньки.

— Э... да. Неплохие ребята, по-моему.

— Почему бы и нет?— холодно откликнулась Сэм.— Немного развлечемся.

Они встали, взяли свои стаканы и направились вслед за стариком.

— Садитесь, садитесь!— Сумасброд помахал им и показал на стулья вокруг большого стола, за которым он сидел. Его племянница сидела рядом с ним.— Значит, вы катодист,— попри-

ветствовал старик отца Марко.— Что ваш орден делает в такой глуши?

— Где так нужен Министр Жизни, как не среди мертвых?— ответил отец Марко.

— Минуточку. Подождите.— Дар поднял ладонь.— Не могли бы вы объяснить кое-что? Мне кажется, я что-то не понял.

— Что именно?

С чего вы взяли, что он катодист?

— Хм? Как же, по эмблеме его ордена, конечно!— воскликнул старик.

— Вот.— Отец Марко постучал по маленькой желтой отвертке в нагрудном кармане.— Используется в качестве эмблемы инженеров-электриков... как признак братства. Мы просто сделали его официальным.

— Да?— Дар уронил голову, чувствуя себя невеждой.

— У вас передо мной преимущество,— сказал отец Марко старику.

— Да, знаю.— Старик хитро улыбнулся.— Разве это не замечательно?

— Дедушка!— воскликнуло видение, и старик моргнул. Дар успел обратить внимание на то, что носки ее туфель очень острые.

— Ну, придется раскрыть карты,— вздохнул он.— Меня зовут Уайти, святой отец, а это Лона, моя... племянница,— добавил он и посмотрел на нее.

Она улыбнулась.— Как скажешь, дедушка.

— Ты всегда любишь подчеркивать мой возраст, дитя мое!— Уайти вздохнул.— Знаю, ты не можешь покривить душой и солгать даже в такой мелочи, но имей жалость! Я не прошу слишком многого... просто зови меня „дядя" в присутствии других людей. Такая маленькая просьба...

— Но теперь они все равно знают правду.— Она улыбнулась всей компании и негромко произнесла:

— Это мой дядя.

— Очень приятно,— пробурчал Дар, не отрывая от нее глаз.

Отец Марко кашлянул и протянул руку.— Меня зовут отцом Марко Риччи. А это Дар Мадра и Сэм Байн.

— Приветствую тебя, Уайти.— Официант поставил большущий стакан с вином перед стариком.— И тебя, Лона.

— Благодарю.— Она взяла коктейль и улыбнулась вежливо и в то же время тепло, потом отвела взгляд. Официант чуть замешкался, потом вздохнул и повернулся.

— Уайти де Вино?— спросил отец Марко.

Уайти приподнял стакан, словно собираясь произнести тост, и утвердительно кивнул.— Правильно догадались.

— Ну, знаете, мне доводилось слышать о вас в каждой таверне и пивной на протяжении последних трех парсек. Наконец-то я встретил вас.

Имя подходило ему как нельзя лучше.* Волосы у старика были белыми-пребелыми, а глаза такими светло-голубыми, что казались почти бесцветными. Даже кожа лица, казалось, отбелена — такой обветренной и огрубевшей она была, словно дубленная космосом...

И второе имя подходило ему как нельзя кстати. Одним глотком он осушил полстакана.

— Схватили бы меня, не так ли?— усмехнулся Уайти.— Если бы не ряса, а?

Отец Марко тоже усмехнулся.— Нет. Я не из Департамента Государственных Сборов.

— И не рассерженный муж,— добавила Лона.

— Моя дорогая!— обиженно воскликнул Уайти.— Разве посмел бы я встать между мужем и его женой?

— Если бы у тебя была такая возможность,— пробормотала она и стала потягивать коктейль.

Уайти повернулся к отцу Марко и тяжело вздохнул.— Да, их поколение такое циничное! Никаких идеалов, святой отец? Никакой веры?

— Я безоговорочно верю тебе, дедушка... только не говорю, почему.

— Чтобы свободно передвигаться в любом направлении,— сказал отец Марко,— это одно. Похоже, вы не задерживаетесь на одной планете дольше, чем и я, Уайти.

Вино кивнул.— Долго я не смогу терпеть этих тостяков и зануд.

— Или они тебя,— пробормотала Лона.

— Ну, они обычно сами предлагают оплатить мне дорогу на другую планету. Я становлюсь чуть беспокойней с возрастом, святой отец... ищу нечто новое, надеюсь отыскать то место, которое не подвержено упадку.

— Пора, Уайти,— Толстый детина остановился около их стола.

— Мне пора к публике.— Уайти вытащил из-под туники плоскую клавиатуру и встал.— Прошу прощения, я вас покину ненадолго, люди добрые...

— Вы развлекаете публику?— озадаченно спросил Дар.

— А что в этом особенного?— ответил он.

— Мы не делаем из этого тайны, это наша жизнь,— добавила Лона.

— В старые добрые времена бывало похуже, моя дорогая,— напомнил ей Уайти,— тогда я еще не встретил твою бабушку. Я занимался продажей наркотиков, святой отец... я стал называть себя Тодом Тамбурином.— Он направился к помосту вслед за Лоной.

Сэм сидела ошарашенная, вытаращив глаза.— Это Тод Тамбурин?

---

* У а й т и — в английском языке слово означает „светлый", „беловатый".

— Не может быть.— Дар удивленно посмотрел вслед старику.— Великие поэты не поют в барах.

— Бывают и исключения.— Отец Марко откинулся на спинку стула и сделал несколько глотков.— Оценим то, что нам предлагают?

Уайти тем временем уселся на низеньком стульчике, Лона же опустилась на стул повыше, скрестив ноги и положив руки на колени.

Старик извлек из своей клавиатуры журчащее крещендо. Звук наполнил комнату и замер. И тут Уайти запел песню, уходящую своими корнями далеко в прошлое — в старые добрые времена — не очень пристойную, так сказать, песенку о леди, путешествующей в космосе, которая вряд ли была леди, и интересы у нее были далеко не космическими. Лона с воодушевлением подпевала своему деду.

— И это поэт-лауреат Сферы Терры?— воскликнула возмущенная Сэм.

Дар тоже почувствовал некое разочарование... но не в Уайти.

Песня закончилась крещендо, какое способен был издать космический корабль при запуске. Постояльцы захлопали, довольные песенкой, и заулыбались. И когда космический корабль стих, зазвучала тихая, задушевная мелодия, наполняющая все вокруг каким-то спокойствием.

И тут Лона запела, не смотря на Уайти, а направив отсутствующий взор куда-то вдаль, поверх голов постояльцев, чистым, словно горный ручей, и нежным, словно сама весна, голосом. Слова не запоминались в голове, но, казалось, обволакивали и уносили Дара куда-то в мир звуков — и тут вдруг отчетливо стал ясен смысл песни: оплакивание того, что ушло и никогда не вернется, — красота самого имени „Терра".

Тогда присоединился Уайти, подхватил припев — послышалось спокойствие, грусть и удовлетворение одновременно по поводу того, что старые дни миновали, но, как и должно было случиться, это неизбежно. Потом снова запела Лона, напоминая, что все это обновляет человека, а где-то там, на удаленных планетах, под солнцами, невидимыми с Терры, жизнь прежняя...

Потом снова припев — что все это прошло — и другой куплет, другая планета, еще сотня, и каждая приветствует человека своей первобытностью, где он разрушает природу, воздвигает вокруг себя частоколы; потом припев, и наконец, последний куплет, пронизанный триумфом — понемногу планеты снова зарастут лесом,— порожденнем жизни...

Дар затаил дыхание. Как он мог считать эту поэму великолепной, прочитав ее, но не слыша музыки?

Потом клавиатура издала громкий звук, и они снова начали петь непристойную песенку. Так и пели они — немного поэзии, потом снова веселая песенка, заставляя слушателей постоянно удивляться. Когда Уайти наконец взмолился, чтобы публика дала ему возможность выпить, Дар вместе с остальными вскочил на ноги и, громко хлопая, закричал: „Еще! Еще!" Потом Лона

и Уайти подошли к столу — она раскрасневшаяся и сияющая, он улыбающийся. Дар почувствовал себя как-то неловко.

— Садитесь, садитесь!— Уайти жестом показал ему на стул.— И премного вам благодарен, молодой человек. Это самая высокая похвала певцу... что вы забываетесь, слушая музыку.

Лона ничего не сказала, но ответила взглядом, от которого у Дара кровь прилила к вискам.

Подошел официант и поставил перед певцом наполненные до краев стаканы.

— Поверить не могу!— воскликнула Сэм.— Я бы ни за что не поверила, узнав, что такой великий поэт играет в тавернах... но я слышала, как вы поете! Теперь я верю!

— Ну... мне приятно, что я остаюсь сам собой,— ответил Уайти, и глаза его заблестели.— И я действительно поэт... но „великий"? Нет, определенно нет!

— Пусть вас не смущают его слова,— успокоила Лона Сэм.— Для него это своего рода обида.

— Но что вы тут делаете, почему играете в какой-то забегаловке на забытой богом планете?

— Ищу глоток свежего воздуха.— Уайти поджал губы.— Знаете, в барах на Терре слишком изнеженная публика, поэтому приходится кормить их, так сказать, только поэзией. Да и слушать как следует они не умеют... они просто используют тебя в качестве приятного фона, а сами тем временем праздно проводят время. И только скажи слово о политике — бац!— и ты уже за дверью! Они стали изнеженными, они утратили всякую надежду, и самая развеселая песня не поднимает им настроения! И чем дальше от Солнца, тем острее ощущается жизнь... но даже здесь уже умудрились утратить живое неподдельное чувство радости и удивления. Людям хочется сидеть за толстыми стенам, жевать толстый кусок мяса. Им уже не хочется слушать об охоте на драконов.

— Ты прав,— согласилась с ним Лона,— но ты уже не молод, дедушка.

— Это так, не спорю,— Уайти кивнул.— Вот почему мне нужно искать жизнь и свежесть.

— Но я-то свежа,— заметила Лона,— и полна жизни, в этом нет сомнения! Дай мне хоть малейшую возможность побыть декаденткой, дедушка... совсем маленькую!

Уайти вздохнул и хотел было ответить, но тут вмешался огромный тип, шести футов в длину и три в ширину, с маленькими бегающими поросячьими глазками и отвисшей челюстью.— В чем дело, певец? Не нравится прогресс?

Глаза Уайти блеснули.— Прогресс? То, что у вас больше товаров, еще не означает, что душа ваша стала лучше!

— Да кто ты такой? Исповедник моего отца?— Огромная ручища сгребла Уайта за ворот и приподняла со стула.— Противный старикашка! Сначала болтаешь о политике, а теперь еще и о религии! Да я тебя щас по стенке размажу!

— Давай,— прокряхтел Уайти,— только попробуй!

Здоровяк уставился на него, потом глазки его сузились и он зарычал.

Уайти со всей силы ударил его по локтю.

Здоровяк отпустил его, завыв от боли, и ему на помощь подоспело еще двое детин, готовых накинуться на Уайти. Кто-то скинул Дара со стула и ударом в челюсть сбил с ног. Он со всего маха ударился о крышку стола и осел, моргая — сквозь звон в ушах едва различался приближающийся дикий рев. Большинство постояльцев повскакивали со своих мест и стали пробираться к выходу. Горстка здоровяков пыталась окружить Уайти, но отец Марко вдруг издал вопль и стал хватать их за воротники и отшвыривать от Уайти. Те, кто возвращались обратно, получали от Уайти резкие удары под дых.

Сэм и Лона дрались бок о бок — впиваясь ногтями в подбородки детин и пинали их в пах.

Дар вдруг заметил, что радом с Сэм блеснуло что-то металлическое. Он закричал и кинулся к ней, заслонил от нападавшего. Нож задел его сбоку, распорол кожу. Он вскрикнул от боли и ярости и увидел перед собой лицо обладателя ножа. Высокий и толстый с довольно противной ухмылкой на заплывшем лице.— Сейчас ты у меня получишь!—Он снова занес руку для удара.

Дар метнулся в сторону, схватил толстяка за кисть, выкрутил ему руку и дернул вверх. Детина заорал, громко, пронзительно; рука его разжалась, и нож упал на пол. Вдруг он получил мощный удар по шее и свалился на пол.

Он поднял голову, мотнул головой и увидел перед собой такое зрелище — огромное количество ног наносило удары со всех сторон. Сквозь звон в ушах он услышал полицейскую сирену. Потом вдруг до него дошло, что дергающиеся вокруг него ноги могут принять его за часть пола. Он с трудом встал на колени, потом поднялся и уперся взглядом в нагрудный значок с надписью „Полиция". Дар поднял глаза и встретился взглядом с ухмыляющейся физиономией в каске, заметив вращающуюся в воздухе электрическую дубинку. Он отпрянул назад и наткнулся на дуло, которое приставил к его спине второй полицейский. Он завопил и метнулся в сторону как раз в то время, когда дубина обрушилась на место, где он только что стоял, револьвер выстрелил. Первый полицейский был шокирован, второй в растерянности стоял, оглушенный собственным выстрелом, третий же схватил Дара. Дар занес кулак — удар пришелся как раз по каске. Полицейский отпустил его, выронил револьвер, потом рухнул на пол, и отец Марко подхватил Дара под руку и потащил его через ворочающуюся на полу униформу.— За мной! Быстро!— Он развернулся, и Дар поплелся за ним. Он наткнулся на Сэм, идущую справа от него, и наскочил на Уайти, идущего слева. Отец Марко распахнул дверь, и Лона юркнула в дверной проем первой.— За ней!— рявкнул священник.

Ну, пока все шло в соответствии с пожеланиями Дара — избавиться от слишком большой и шумной компании. Он наощупь спустился по узкой лестнице, следуя за Лоной, и вскоре очутился

в подвале, заставленном бочонками с пивом и ящиками с вином. За его спиной хлопнула дверь, и шум драки стал еле слышным.

— Быстрее! Им хватит нескольких минут, чтобы догадаться, что мы в подвале!— Отец Марко ринулся мимо них, нажал на какой-то болт в стене и открыл потайную дверь. Лона юркнула в нее, Дар за ней.

Отец Марко захлопнул дверь за Уайти, и Дар вдруг оказался в кромешной тьме. Что-то мягкое и в то же время упругое коснулось его. Перед его мысленным взором предстала Лона, и он молил бога, чтобы она подольше задержалась около него.

— Дар?— прошептала Сэм, прикоснувшись к нему, и он чуть не подпрыгнул.— Да, я здесь,— отозвался он, борясь с переполняющими его эмоциями. Ее голос звучал растерянно, испуганно — вполне по-женски Все его защитные силы восстали... и целый поток гормонов вместе с ними. Это ее прикосновение...

— Где мы?— прошептала она.

— Не знаю,— ответил он.— Почему ты говоришь шепотом?

Затем появился слабый свет. Они оглянулись и увидели, что лицо отца Марко освещено круглым набалдашником на ручке его отвертки.— Рефлексы в норме,— приглушенно сказал он.— Говорите как можно тише; не думаю что полиции известно об этом потайном ходе, но они могут обыскать весь подвал в таверне, и не стоит привлекать их внимание.

— Логично,— согласился Уайти.— Где мы, святой отец? Извините за выражение, не у Христа ли за пазухой?

— Нет, знаете, на этой планете вообще никогда не было религиозных гонений.— Отец Марко усмехнулся.— Мы находимся в подвале заведения, что по соседству с таверней.

— Какого именно — обувной мастерской Леона Чакова?

— Нет, другого.

— Ох, Заведения мадам Тесси!— Брови Уайти взлетели вверх.— Замечательно, святой отец. Даже я не подозревал о существовании... э, связи между этими двумя заведениями.

Священник кивнул.— Об этом знают лишь очень немногие постояльцы.

— И вы один из них?

— Ну... даже удивительно, что иногда приходится узнать в минуты откровений.— Отец Марко отвернулся к стене.

— Хм.— Уайти встал рядом с ним.— Вы узнали об этом во время исповеди...

— Нет, но благодаря ей. В прошлый месяц им срочно понадобилось тайно совершить один обряд...— Раздалось громкое бряцанье, пятно света резко подпрыгнуло. Отец Марко что-то прошипел.

— Кажется, я нашел лестницу.— Голос священника прозвучал несколько натянуто.— Медленно и осторожно, прошу вас.— Свет замаячил повыше.— Здешние леди мне доверяют. Я думаю, они не особенно рассердятся, что мы пройдем через их владения. Набалдашник его отвертки осветил шероховатую дверь.— Теперь прошу соблюдать тишину,— пробормотал он и повернул ручку.

До них донеслись смех и громкая музыка. Они попали в самый разгар веселья с обычным набором толстяков-постояльцев и единственными стройными представительницами Фальстафа. Их стройность была самой что ни на есть настоящей... потому что на них почти ничего не было.

— Должно быть, уже поздно, я и не думала,— заметила Сэм.

— Нет, здесь всегда так,— ответил отец Марко.— Пойдем поищем спокойное местечко.

Ну, лично Дар мог бы остаться и здесь; но отец Марко проскользнул вдоль стены к лестнице, а Уайти подтолкнул его сзади, так что пришлось подчиниться.

— Марко!

Священник только-только успел повернуться, как оказался в объятиях пышногрудой красавицы. Она прижалась к нему, обхватила за плечи и рассмеялась.— Ах, ты старый разбойник, что занесло тебя сюда? Интересуешься нашими услугами или, так, смена обстановки?

— Как сказать, Тесси, как сказать.— Отец Марко поцеловал мадам... в руку.— Просто искал место, где можно бы было расслабиться и поболтать со своими друзьями, чтобы не мешал шум таверны.

Тесси вздохнула и покачала головой.— Какой мужчина пропадает! А я-то уж было подумала... Знаешь, мне бы следовало на тебя рассердиться.— Она кокетливо взмахнула ресницами.

— Из-за Розамуд?— Отец Марко развел руками.— Ничем не могу помочь, Тесси. У меня своя работа, у тебя своя.

— Да, обычно все хорошо складывается... девочки несколько дней полны раскаяния, а когда возвращаются на работу, вокруг них как бы царит этакая свежесть. Но чтобы уговорить одну из них бросить работу? Не кажется ли тебе, что это уж слишком?— При каждом слове она ударяла его по руке.

Отец Марко осторожно высвободил руку.— Нет, я полагаю, что все идет нормально. Где она сейчас, не знаешь?

Тесси пожала плечами.— Все что я знаю, это то, что она собиралась улететь ближайшим рейсом. Мы все нездешние, святой отец.

— Святой отец?

— Это отец Марко!

Уже через секунду его окружили полуобнаженные красавицы с длинными пальцами. Дар хотел было проверить, на месте ли бумажник, но было приятно чувствовать, как его ощупывают.

Руки обвили священника со всех сторон и двигались при этом так быстро, что за ними невозможно было уследить.

— О, святой отец, я так рада вас видеть!

— Мне нужно так много рассказать вам!

— Ох, святой отец, это ужасно. Я пыталась противиться, так пыталась, но...

— Да, девочки, понимаю. Терпение, терпение; если я не смогу поговорить с кем-то из вас сегодня, приду как-нибудь в другой раз.

— А вы ученик священника, да?— Рыжеволосая красотка провела рукой по груди Дара.

— Ну, нет, не совсем. Так, интересуюсь целомудрием, знаете.

— Я тоже,— проворковала она,— это такая интересная тема для разговора.

Дар почувствовал хлопок по ягодицам и чуть не подпрыгнул от неожиданности. Из-под его руки вынырнула голова блондинки и промурлыкала.

— Каждый друг отца Марко и мой друг.

— Ну, я настроен по-дружески...

Рядом с ним вертелось уже пятеро — все многозначительно намекали, кто словами, кто как-то иначе, на нечно очень интересное... Было бы просто великолепно, если бы они подходили по одной, а то Дар начинал ощущать себя филейным куском в гамбургере.

Не то чтобы ему не нравилось...

Комнату заполнили звуки музыки. Все оглянулись.

— Леди и джентльмены!— На стуле стоял Уайти, а Лона взгромоздилась рядом на стол.— Чтобы развлечь вас и доставить удовольствие... „Баллада о Законе Грэхэма"!*

По комнате пробежал шепоток... особенно среди посетителей, кое-что знающих об экономике.

Громкий аккорд усмирил их, Уайти и Лона запели:

„Когда честные леди пришли в город,
Они решили собраться в клуб,
Чтобы выяснить тут же, кого отставить,
А кого впустить..."

Отец Марко постучал Дара по плечу и пробормотал:

— Не хотел бы отвлекать вас от такого редкого события, но нам нужно обсудить несколько важных вопросов.

Дар вспомнил об электрической дубине, занесенной над его головой.— Э, да. Дело срочное, насколько я понимаю?— Он протиснулся сквозь кольцо восхищенных слушательниц.— Прошу прощения, леди. Меня зовут.

Они зашикали на него и снова повернулись к Лоне и Уайти. Похоже, песня задевала какие-то струны в их душах. В ней проводилась странная аналогия между экономикой и сексом, но при этом менялись местами те, которые были так называемыми „хорошими" женщинами и „плохими".

„Посмотри на монету, которой платишь
За весь рабочий день.
Сравни это с „честным" счетом
Наслаждений жизни и неисполненных желаний."

Постояльцы повеселели, а лица девушек стали задумчивыми. До Дара дошло, что Уайти решал ту же проблему, что и отец Марко, только несколько иным путем.

---

* Закон Грэхэма — один из законов экономики.

— ...но это действительно срочно,— объяснил отец Марко Тесси.

Она подняла руку и покачала головой.— Не стоит объяснять мне, святой отец, я все понимаю. Кроме того, мне и самой надо срочно уйти, дела, знаете ли... Следуйте за мной.— И она сделала знак рукой.

Они прошли за ней через темный салон. Из всех углов раздавались повизгивания и приглушенное воркование.— Вон туда,— приказала Тесси холодно, не глядя по сторонам. Дар последовал ее примеру, хотя его распирало от желания оглянуться через плечо и убедиться в том, что Сэм спокойно следует за ними. Он чувствовал себя Орфеем на обратном пути.

Они свернули налево, в маленькую комнатку, а может быть, большой гардероб — скорее всего последнее, потому что стены были завешаны вечерними туалетами, предназначенными для салонов, не меньше

— Иногда наши, э, клиенты любят переодеваться, знаете,— объяснила Тесси.— У нас здесь набралось уже много добра за столько-то лет. Конечно, вам нужно будет подложить что-нибудь под одежду, для этого сгодятся подушечки. Так, давайте посмотрим... вот это подойдет вам, святой отец, а это как раз на вашего молодого друга...

Спустя полчаса переодетые в вечерние туалеты и пополнев на глазах, они высыпали из заведения мадам Тесси, словно стайка беременных пингвинов.

— Ничего не скажешь, оказали нам теплый прием,— сказал Дар, довольно улыбаясь.

— Что-то не в восторге я от такого гостеприимства,— проворчала Сэм.

Дар посмотрел на нее с нескрываемым чувством благодарности, не в состоянии скрыть улыбку.

Его мысли занимала Лона, которая, к сожалению, отнеслась ко всему спокойно.

— Они даже предлагали мне работу,— фыркнула Сэм.

— Именно это тебя и беспокоит?— Дар покосился на нее.

— Нет,— рявкнула она.— Меня волнует вся эта сцена в таверне.

Уайти пожал плечами.— Ну, сцепились... полицейских обвинить не в чем — это их работа.

— Да, но зачем нападать втроем против одного?— Дар насупился, вспомнив о схватке.— Особенно когда преимущество было не на моей стороне.

— Ну, не всегда так.— Уайти тоже помрачнел. Потом он передернул плечами.— Так или иначе, я неплохо провел время.

— А я нет,— заявила Сэм.— Я разглядела того, кто привел полицейских... он был не в униформе.

— Да?— Дар посмотрел на нее.— Я знаю его?

— Скорее всего. У него физиономия, похожая на крысиную.

— Крысиную?! Что он здесь делает? Ох!— Дар поджал

губы.— Мы ведь даже не видели, кто управлял нашим космическим кораблем, так ведь?

— Так,— согласилась Сэм.— Я еще подумала, почему он оставил нас один на один с пиратами, помнишь?

— Извините за любопытство,— вмешался отец Марко,— но о чем речь?

— О Немесиде, полагаю,— чуть помедлив, произнесла Сэм.— Мы считали, что она осталась на Волмаре с остальными из приближения правителя Белабхера... По крайней мере, Терра послала Белабхера на роль правителя планеты, но он, э, решил подать в отставку. Мы должны передать его решение на Терру.

— И мы полагали, что были единственными, покинувшими планету,— добавил Дар.— Но, вероятно, Белабхер передумал и направил вслед за нами свою правую руку, чтобы остановить нас.

— Нет, это наверняка не Белабхер,— Сэм покачала головой.— Если бы он передумал, он бы просто-напросто заставил нас вернуть ему его заявление... либо нам бы вручили от него письмо.

— Ты хочешь сказать, что Крысиная Морда действует сам по себе?

— Я бы не сказала,— задумчиво произнесла Сэм.— Не забывай, он бюрократ-карьерист из Бюро по Делам Внешнего Мира. Похоже, он действует по указке боссов из Бюро.

— Человек с крысиным лицом? Из Бюро по Делам Внешнего Мира?— спросил отец Марко и помрачнел.

Дар кивнул.— Он. Но зачем ему понадобилось убивать нас?

— Убивать?

Сэм кивнула.— Двое полицейских... Они хотели впрыснуть мне какое-то лекарство.

— Лекарство?— переспросил Дар.— Они что, пытались сделать тебе укол?

Сэм опять кивнула.— Похоже, что так. Но зачем? Их было двое, они могли бы свободно справиться со мной и так. Зачем им делать уколы?

— И почему эти ребята хотели во что бы то ни стало прикончить меня? Клянусь, в их намерения никак не входило продлевать мне жизнь.

— А может быть, ты параноик?— предложила Лона.

— Все может быть, но не в данном случае. И я не совсем согласен с твоими словами, Сэм... один из них пытался воткнуть в тебя нож.— Он дотронулся до повязки, которую аккуратно наложила на его рану Тесси.

— Боюсь, что вы оба правы,— пробормотал отец Марко.— Так или иначе, если кто-то представляет собой угрозу, а схватить его невозможно, что по логике вещей можно предпринять?

— Но с чего они взяли, что я опасна?— взмолилась Сэм.

Лона наконец заинтересовалась.

— Забавно,— пробормотал Уайти,— особенно если учесть, что я вижу приближающихся в униформе.

Все вскинули головы и заметили двоих, только что выруливших из-за угла.

— Продолжаем идти как ни в чем не бывало?— предложил отец Марко не терпящим возражения тоном. И Дар поборол свой порыв кинуться в драку.

— Конечно, прошло какое-то время с тех пор, как я...— заговорил Уайти, а Лона кашлянула,— ... но я вижу всего в нескольких футах от нас пассаж... слева. Можем юркнуть туда.

— Отлично,— согласился отец Марко.— Идем?

Они непринужденно свернули в пещерную прохладу пассажа. Перед ними предстал длинный проход с магазинчиками по обеим сторонам.

— В прошлый раз, когда мы делали так, дедушка, ты разбивал нас на небольшие группы,— напомнила Лона.

— Неплохая идея,— одобрил отец Марко.— После стычки в таверне они наверняка посчитали, сколько нас было всего, и пришли к выводу, что мы ушли вместе.

— Ну...— Дар взялся за дверную ручку и потянул ее на себя,— увидимся позже, ребята.

Сэм юркнула в дверь прежде, чем он успел закрыть ее; остальные пошли дальше, а его команда осталась в прежнем составе.

Они оказались в окружении мотков пряжи, всевозможных сетей и груды журналов.— Что это за магазинчик?— прошептал Дар.

— Вязание, плетение и все такое прочее... так, старый способ времяпровождения, рукоделие,— прошептала в ответ Сэм.— Когда-нибудь держал в руках спицы?

Дар хотел было ответить на ее вопрос колкостью, но тут из-за прилавка вынырнула голова хозяина магазинчика — большая, с ликом херувима и венчиком седых волос вокруг лысины.— Чего желаете?

— Так, смотрим,— торопливо ответил Дар.— Интересная тут у вас коллекция.

— О, да, стараюсь. На прошлой неделе пришла новая партия товара, из Самии.

— Самии?— переспросил Дар, но продавец не успел ответить, так как появился новый покупатель.— Привет, Контак! Мой заказ готов?

— Еще час назад,— усмехнулся Контак.— Он выложил на прилавок плоский пакет в простой коричневой упаковке.— Шестьдесят гвоздей и пять штифтиков, Граж Данко.

— Самия?— прошептал Дар на ухо Сэм.— Не планета ли это удовольствий? Ну, знаешь, „заворачивай все свое добро и одежду и делай все, что разрешено"?

Сэм кивнула, не отрывая взгляда от пакета.— А разрешено практически все, кроме убийства. Но мне кажется, что они и на это закрывают глаза, особенно если жертва — турист. По-моему, стоит заглянуть в соседний магазинчик.

— Но мне и тут интересно,— возмутился Дар, когда Сэм начала подталкивать его к выходу.

— Мне кажется, даже слишком.— Она не повышала голоса, пока дверь за их спинами не захлопнулась.— Это же порномагазин. Ты обратил внимание, какие цены? За пачку грязных фотографий? У меня подозрение, что мы в самой гуще так называемого „органического рынка".

— Где продается все, что можно доставить на планету?— Дар оглянулся.— Эти невинные маленькие магазинчики? Подпольная торговля?

— Да, нелегальные товары и услуги,— добавила Сэм. Они зашли в кондитерскую. Клиент в конце стойки водил толстым пальцем по меню, где скорее всего были проставлены расценки на тело, в то время как хозяин утвердительно кивал другому тучному постояльцу — наверняка предлагал молоденькую стройную девочку. Они развернулись и вышли на улицу.

Так они и шли вдоль по этому пассажу. Наконец в конторе под вывеской „Общество легальной помощи", ознакомившись с обстоятельным списком судей, случаев и той помощи, которую предлагали адвокаты, Дара прорвало:

— Здесь есть хоть что-нибудь на продажу?

— Ничего не подобрали?— радостно спросил владелец конторы, не обращая внимания на выражение лица Сэм.— Кое-какие услуги и товары, безусловно, еще не купить, но, насколько я знаю, над этим в настоящее время уже работают.

— Наверное, я наивен,— с расстановкой произнес Дар,— но мне казалось, что закон должен помогать всем, независимо от того, беден ты или богат. Перед законом все равны.

Один из клиентов прищурился.— Прошу вас, молодой человек! Мы, конечно, понимаем нетерпеливость молодежи... но подобное замечание явно политической направленности, и я не могу не обратить на это внимания!

— Прошу не обижать джентльмена,— рявкнул владелец, злобно сверкнув маленькими поросячьими глазками.

— Да какая там политическая направленность?— возмутился Дар. Сэм схватила его за руку и потащила к двери. И пока он опомнился, они были уже на улице. Он снова открыл рот.— Политическая! Говорить о целях закона — это, оказывается, политика!

— Конечно, ведь ты заикнулся о равноправии,— объяснила Сэм.— Лучше держать язык за зубами.

— Но почему?— Дар высвободил руку.— Что за дурацкая планета!

— Здесь люди не говорят о политике, и это вовсе не значит, что они погибают,— прошипела Сэм.

— Да, но это означает, что погибает общество, в котором они живут! Их больше не заботит закон! Разве они не понимают, что заставляет общество не разваливаться на куски?

— Ох! Значит, ты принадлежишь к тем, кто верит, что закон защищает от революций?

— Конечно, потому что никого не подавляют.

— Грех?

Дар удивленно поднял глаза: это оказался прохожий, беседующий с вальяжного вида священником.— Грех? Бросьте, преподобный! Что за средневековый бред!

— Это всегда будет современно, как мне кажется,— возразил священник,— хотя вряд ли представляется вам темой разговора.

— Это, конечно, тоже вроде источника удовольствий,— заметил прохожий.— Но согласитесь, самое важное в жизни — получать, что хочешь... что делает тебя счастливым.

— Конечно, конечно...— согласился преподобный.— Возьмите, к примеру, небеса...

Его спутник рассмеялся, и они удалились.

Дар покачал головой.— Не думаю, что революция будет ждать сто лет.

— Думаешь, это плохо?— поморщилась Сэм.— Подожди, мы еще не добрались до Терры!

— Спасибо, что-то мне не хочется ждать. Я, кажется, начинаю понимать, почему тебе так понравился Волмар. Знаешь, этого маленького милого рынка могло бы здесь и не быть, если бы полиция приложила руку...

— Конечно,— повеселела Сэм.— Но сам посуди... у них ведь может не хватать офицеров, чтобы покрывать всех.

— Да, но что это такое?— пробормотал Дар. Он заметил подходящего к своему магазинчику хозяина. Дар подошел к нему, ткнул в него пальцем и прорычал:

— Что это такое, граждане? Как вы все это терпите? У вас здесь что, полиции нет?

— Сэр!— Хозяин магазина отпрянул, оскорбленный поведением незнакомца.— Я попрошу вас больше не поднимать подобные вредные темы!— Он резко развернулся и хлопнул за собой дверью.

— Я не такой щепетильный,— раздался слащавый голосок.

Дар и Сэм обернулись и увидели сутулого старика с похотливой улыбочкой на губах, выглядывающего из соседнего магазина. Он был на удивление худ.— Чем увлекаетесь, молодежь? Платоном? Декартом? У меня все есть, все запрещенные книжки! Заходите, почитайте что-нибудь... всего пятьдесят БТУ в час!

— Пойдем,— зашипела Сэм.— Не нравится мне, как скривилась твоя челюсть!

— Хорошо, хорошо,— буркнул Дар. Он повернулся к концу пассажа и тут же на кого-то наткнулся.— О, извините...— Он отпрянул, увидев перед собой крысиную физиономию и худощавое тело.

Человек уставился на него — на его лице отразилось удивление и ужас одновременно. Затем рот его открылся, он вскрикнул и повалился на землю, схватившись за грудь.

— Что случилось?— промямлил Дар, уставившись на ярко-красное пятно, расползающееся по тунике человека.

— Я бы сказал, убийство.

Дар вскинул голову — он увидел перед собой знакомое одутловатое лицо и еще более знакомый значок на груди.

— Вы арестованы.— Рядом с Сэм появился второй, похожий на первого.— Руки вверх...— Он достал кусок проволоки, угрожающе поблескивающей на свету.

— Э, нет уж, благодарю.— Дар отшатнулся; по пути на Волмар ему выпала такая возможность — быть связанным по рукам. Проволока впивалась в кожу на запястьях, которые в свою очередь словно прирастали друг к другу.— Знаете, у меня встреча в кондитерской...

— Ну, полагаю, наше дело поважней. Давай, не устраивай сцен.— Полицейский сделал шаг вперед. Сэм попятилась, увидев, как хозяин магазинчика замахнулся электрической дубинкой и со всей силы ударил офицера по затылку. Он рухнул на землю, не успев проронить ни звука, в то время как два высоких, здоровенных типа появились из дверей и накинулись на остальных полицейских.

— Вам просто повезло, что мы оказались поблизости,— заметил хозяин магазина.— Судя по тому, что я прочитал в факсе, все полицейские Хаскервиля охотятся на вас двоих. На вашем месте я бы нашел укромное местечко и спрятался там, поплотнее закрыв дверь.

— Неплохая идея,— согласился Дар.— Но лично я придерживаюсь точки зрения, что чем больше движешься, тем сложнее тебя найти.

— Мне казалось, что проблем не возникнет,— вздохнул хозяин магазинчика.— Он кивнул двум громилам.— Давайте, ребята.

Сзади Дара охватили огромные ручищи, оторвали от земли и понесли куда-то. Сэм позади него шипела и ругалась, пытаясь пнуть в голень схвативших ее, но почему-то ни разу не попала.

Когда их запихивали в поджидающую поблизости машину, Дар заметил:

— Мне кажется, полицейские были получше.

Вывеска гласила:

„Вы покидаете ХАСКЕРВИЛЬ".

Он повернулся к громиле, сидевшему рядом с ним на заднем сиденье.— Вы, должно быть, работаете на важную птицу, раз можете позволить себе автомобиль.

— Может быть,— отрезал тот.— Хотя при чем здесь машина?

— Ну, нет... конечно, машина на колесах, не на воздушных подушках. Но большинство людей здесь не имеют и такого транспорта. Кому-то повезло... Ведь столько металла в моторе.

— Металла?— Человек нахмурился.— Где ты рос... на руднике?

— Они делают все, что угодно, из синтетики,— пробормотала Сэм.

— Разумеется, из пластика,— заверил его шофер.— Политермотана.

— Ну, я полагаю... для турбины...— Дар сдвинул брови.— Может быть, даже для котла. Но каким образом использовать это в реакторах?

— Ты точно с рудника,— фыркнул первый детина.— Для реакторов необходим металл, болван. Здесь это невозможно.

Наверное, дороговато бы обошлось и импортировать их.— Он почесал затылок.— А что же вы используете для питания?

— Метан.

— Метан?— воскликнула возмущенная Сэм.— Химия?

— Э... не хотел бы показаться навязчивым.— Дар покосился на огромную руку с хваткой мастиффа.— Но не могли бы вы сказать словечко своему другу? Мы мчимся прямо на гору!

На них с невероятной скоростью надвигалась отвесная скала.

Детина кивнул.— Достаточно, Рог.

Рог нажал на кнопку, встроенную в переднюю панель, и кустарник у основания скалы раздвинулся — перед их взглядом предстал огромный вход в пещеру.

— Так, немного бутафории,— пояснил тип на заднем сиденье.— Знаете, не можем же мы оставить дверь открытой для всяких Томов, Диков и Сэмов.

— Нет, определенно нет.— У Дара чуть сердце не выпрыгнуло, когда они нырнули в пещеру и понеслись мимо стен, освещенных какими-то яркими плитами. Дорога под колесами вдруг накренилась градусов на тридцать, и Рог повел машину по нескончаемому серпантину, тормозя лишь в крайних случаях. Сэм прижалась к Дару, что доставило бы ему массу удовольствия, если бы самому не приходилось удерживаться от падения на детину — еще не так поймет, да и в руке у него револьвер.

Уклон закончился, машина приняла горизонтальное положение, но Сэм по-прежнему не отстранялась от Дара. Он принял это за подающий надежду знак, но почему-то подумал о Лоне.

Туннель был пройден, теперь они попали в огромную пещеру. От плит исходил холодный зеленоватый свет, освещающий аллеи между странно маячившими высокими пластритовыми панелями.

— Я чуть не принял эти строения за дома,— сказал Дар охрипшим голосом,— но у них нет окон.

— А это и есть дома,— сказал бандит.— Зачем здесь, в подземелье, окна? Куда смотреть?

Рог остановил машину между фургоном и другой машиной. Они вышли и оказались среди скопления фургонов и грузовиков, припаркованных строго в одну линию.

— Да,— пробормотал Дар,— ваш босс не из бедных, не так ли?

— Спроси его сам,— предложил здоровяк.— Вам назначена встреча... прямо сейчас.

Дверь отъехала в сторону, и они очутились прямо перед кабинетом — сплошные кожа и красное дерево с толстым ковром на полу.

— Граждане Дар Мадра и Сэм Байн,— произнес лысый человек из-за стола, затерявшийся где-то посреди огромного вращающегося кресла.— Входите.

Они медленно вошли с таким чувством, будто им в спины со всех сторон целят из револьверов. Смешно, конечно, скорее всего, выстрела надо ждать спереди.

— Садитесь.— Это был приказ, не приглашение. При сложившихся обстоятельствах Дар решил не спорить. Он присел слева от стола, Сэм — справа. Стулья стояли именно там. Похоже, они не вращались.

— Что это... нас пригласили в подземку?— пошутил Дар, выдавив улыбку.

Она угасла под тем взглядом, которым одарил его маленький человечек. Вечно он лезет со своими догадками в самое неподходящее время!

Хозяин был невысоким, зато широким в плечах и груди — и не толстым. Похоже, жилистый, подумал Дар, весь как кремень. На нем была коричневая рабочая туника и неяркий платок на шее — консервативный, безукоризненно завязанный и, сразу видно, очень дорогой. Ногти наманикюрены, а глаза спрятаны за темными очками.

— Вы находитесь в Палате Палат,— рявкнул он.

Дар застыл от ужаса, однако постарался ничем не выдать эмоций. Даже заживо погребенный на планете-тюрьме, он слышал об этой самой организованной преступной группировке Межзвездного Суверенного Электората.

— Палата...— Голос Сэм дрогнул. Она поперхнулась.— Э... надеюсь, это не штаб-квартира?

Темные линзы уставились на нее. Маленький человечек кивнул, чуть помедлив.

— Но штаб-квартира должна находиться на Терре!

Темные линзы медленно покачались из стороны в сторону.— Нам здесь больше нравится.

Дар сжал кулаки, чтобы не выдать дрожи в руках.— И... э... к кому мы имеем честь обращаться?

Темные линзы снова уставились на него.— У меня много имен.

— Хоть одно можно?— Дар попытался улыбнуться.

— Зовите меня Сард... Талвор Сард. Я Синдик.

— Синдик?— Сэм затаила дыхание. Самый влиятельный босс преступного мира во всем космическом пространстве Терры?

— Бизнесмен,— сказал Сард, начиная терять терпение,— всего-навсего бизнесмен. Немного недовольный правительством, вот и все. Так?— Он метнул свой взгляд на Дара.

— Так,— пролепетал Дар одеревеневшим языком. Из того, что он слышал, он знал, что „недовольство" Сарда сводилось к непрестанным войнам на пятнадцати планетах и нелегально управляемой анархии на большинстве остальных.

— Но... здесь?— пробормотала Сэм.— На пограничной планете?

— Ну, не такой уж пограничной, как вы заметили. Народу здесь нравится комфорт... они рады, что мы всегда рядом, а полицейские ничего не могут с нами сделать.

— И не имеют радио,— добавил Дар.

Сард метнул в него быстрый взгляд.— Эй, а ты неплохо соображаешь. Ты прав. Теперь радио стоит слишком дорого, и у полицейских его нет. А это означает, что мы от них на шаг впереди. Конечно, они могут разъезжать по городу, но только не здесь. Тут, вне Хаскервиля, хозяин я.

Дар задумался, потом кивнул.

— А власть дает многое.— Сард кивнул в сторону Дара.— Безопасность и солидную заработную плату. Что могут дать тебе городские власти, власти МСЭ? Арест и, скорее всего, быструю смерть...

— Арест? С какой стати?— возмутился Дар.— Мы с властями не ссорились.

Сард не отрывал от него глаз.

— Ну... Ладно. Может, они и решили разделаться с нами в той таверне,— сказал Дар.— Возможно, хотели арестовать, когда, э, появились ваши. Но мы не совершили ничего незаконного.

— Вы были там,— сказал Сард.— Этого достаточно.

— Почему?

— Потому что ты телепат... или твоя женщина. И правительство знает, что вы представляете для них реальную угрозу.— Он откинулся на спинку кресла.— И они правы.

Дар чуть не задохнулся.— Телепат? Я?

Сард пожал плечами.— Ладно, разыгрывай невинное создание, если хочешь. Они все равно будут охотиться за вами. Вот почему человека из Бюро якобы убили рядом с вами — чтобы у полицейских была причина для ареста.

— Нет!— возразил Дар.— Он пытался задержать нас — чтобы мы не передали на Терру отказ Белабхера от должности нового правителя на Волмаре!

— Конечно,— задумчиво произнес Сард.— Правильно.

— Э... а что нам делать с вашими, э, высокими заработками?— вставила Сэм.

Темные стекла повернулись к ней.— Ничего особенного. Сообщали бы нам, что собираются делать некоторые люди. Много путешествовали бы...особенно на Терру.

— Неплохое предложение,— чуть помедлив, произнесла Сэм.— К сожалению, мы не телепаты.

Стекла уставились на Дара.

— Боюсь, что это так,— заверил Дар.— Либо МСЭ получил неверные сведения, либо вы.

— У меня никогда не бывает неверных сведений,— поправил его Сард.— Межзвездный Суверенный Электорат, тот мог и ошибиться, но только не ЛОРДЫ... а именно они и занимаются охотой на телепатов.

— Не бывает правил без исключений,— сказала Сэм.— Так-то.

Сард сокрушенно покачал головой.— Что ж, плохо. Такие милые молодые люди.

— Почему же плохо?— Дар почувствовал, как мурашки пробежали по спине.

— Вам придется умереть.— Сард подался вперед.— Один из вас — телепат, известно о том другому или нет, и этот самый телепат знает уже достаточно, чтобы упрятать половину моих людей за решетку или на планету-тюрьму, возможно, даже уничтожить саму Палату Палат. И он сделает это, так как решит, что таким образом избавится от ЛОРДОВ.

— Но мы не телепаты.

— Извините,— Сард покачал головой.— У меня нет выбора. Либо вы соглашаетесь работать на меня, либо расстаетесь с жизнью. Ничего не говорите... сначала подумайте. Сами понимаете, не стоит принимать такое решение сгоряча.

Вошли два высоченных типа, одетые с иголочки.

— Эти джентльмены проводят вас в отведенные для вас комнаты,— сказал Сард.— Вам лучше согласиться. Подумайте.

„Комнаты" оказались камерой за дверью со стальными решетками и очень сложной системой замков.

— Эй, а я и не думал, что ты телепатка.— Дар плюхнулся на очень жесткую тахту.

— А я не знала, что телепат ты,— парировала Сэм.— Теперь, когда мы это выяснили, не лучше ли нам обмозговать ситуацию?

— А что тут думать?— Дар пожал плечами.— Кто-то наговорил на нас невесть что. Наверное, Крысиная Морда. Ну, и что с этого толку?

— Есть кое-какой,— уверенно заявила Сэм.— Ведь это дает официальный повод арестовать нас, задержать, не позволить передать сообщение в Бюро, чтобы Белабхер тем временем передумал.

Дар фыркнул.— Белабхер? Он будет ждать еще сто лет. Достопочтенный никогда не передумает, пока рядом с ним будет Шаклар.

Сэм пожала плечами.— Значит, Крысиная Морда потерпит поражение. Но он, к сожалению, этого не знает... поэтому по-прежнему стоит на нашем пути.

— Значит, телепат, который прибыл на эту планету и которого разыскивает полиция, один из нас, а?

Сэм кивнула.— Похоже, что так... а это объясняет, почему нам так везло на встречи с полицией.

— Ну, чего не удалось сделать им, сделает Палата Палат.— Дар почесал за ухом.— Похоже, на этой планете две власти — одна в городе, другая за городом.

— Точно как наше уважаемое межзвездное руководство,—

с кислой ухмылкой сказала Сэм.— Существует правительство официальное — и ЛОРДЫ.

— Так долго не протянется, не так ли?— Дар развел руками.— Что ж! Перед нами две реальные проблемы: первая — выбраться отсюда, вторая — положить конец недоразумениям...

— Не знаю, что делать с двумя сразу,— сказала Сэм.— Но что касается одной...— И Сэм уставилась в одну точку, ее глаза затуманились.

Дар нахмурился. Что она делает? Хотел было спросить, но Сэм вдруг повернулась и весело улыбнулась.— Прислушайся, разве ты не слышишь шепот? Так посмотрим...— Она встала, подошла к двери опустилась на корточки и приставила ухо к замочной скважине.— Одно замечательно на той планете, где не хватает металла — отсутствие современных устройств.

— Что ты...?

— Тс-с!— прошипела она, и Дар замолк. Она начала нажимать на кнопки и вращать диск, бормоча что-то.— Нет... нет, не так... вот, теперь правильно... так... так!— Она прислонилась к двери и та подалась наружу. Сэм вышла.

Дар опешил.

Затем он пулей метнулся к ней.— Где ты...?

— Тихо!— прошипела она.— Здесь потрясающая слышимость!

Дар прижал губы к ее уху и прошептал:

— Где ты научилась этому?

— Знаешь, в здании правительства и не тому научишься,— прошептала она в ответ,— особенно если хочешь просмотреть свое личное дело. Пошли!

Она начала молча пробираться по темному туннелю. Дар помнил, что от камеры они свернули налево. Сэм не сомневалась ни на секунду: она чуть задержалась в конце коридора (он наткнулся на нее; было так темно, что это был единственный способ узнать, что она остановилась), прислушалась, затем метнулась вправо, увлекая за собой Дара. Они продолжали идти еще около получаса, хотя, может быть, прошло всего минут пять; потом Дар снова уткнулся в нее.— Извини,— пробормотал он.

— Шшш!— прозвучало в ответ. Потом: — Все тихо. Пошли!

На полпути она вдруг остановилась, затем оттолкнула его назад и запихнула в какую-то нишу. Они прошли по ней несколько шагов; она схватила его за рукав, заставила остановиться и замерла сама. Он мог так сказать, потому что увидел ее при свете замаячившего в коридоре фонаря. Дар тоже замер, прижавшись к стене.

— А чего ты хотел?— Худощавый перепуганный человек в темной одежде, в наручниках, руки он держал за спиной, плелся впереди двух головорезов в рабочих туниках.— Ведь он кинулся на меня с ножом!

— Обо всем этом расскажешь Сарду утром.— Один из головорезов подтолкнул его.— Давай, пошевеливайся.

Перепуганный фыркнул; они дошли до конца коридора. Отражение от фонаря качнулось на стене, справа от Сэм, и исчезло. Дар не дышал до тех пор, пока не стихли их шаги, затем шумно набрал воздух. Сэм прижала палец к его губам, потом убрала руку и снова схватила за рукав.

Они свернули направо в конце коридора и пошли дальше.

Дара поразила острота ее слуха. Дважды она вовремя успела спрятаться, когда кто-то проходил мимо и не замечал их, в то время как Дар не слышал ни малейшего звука. И ни разу не провела его мимо занятой кем-либо камеры. Откуда она знала, куда нужно идти?

Наконец, она опустилась на колени; Дар чуть не упал рядом с ней, но успел отпрянуть назад. Он не мог понять, что она делает до тех пор, пока не услышал слабый щелчок. Потом появилась полоска света, сначала узкая, потом все шире и шире — они очутились под звездным небом; дверь за ними тихо закрылась.

— Как тебе удалось все это сделать?— прошептал Дар.— Лабиринт — ерунда по сравнению с этим подземельем!

— Пустяки,— фыркнула она.— Ты не видел здание правительства, где мне доводилось работать. Пойдем!

Она стала пробираться как-то по-кошачьи, так что Дар еле поспевал за ней. Они вышли к склону холма; обогнув его, увидели лишь бескрайнюю равнину с разбросанными по ней то там, то здесь кустарниками. Вдали маячили бесчисленные огни — Хаскервиль.

— Как в старые времена,— вздохнул Дар,— когда волмарийцы считали нас врагами и мне приходилось быть готовым в любой момент спрятаться, отправляясь торговать!

— О!— Сэм посмотрела на него краешком глаза.— Тебе доводилось убегать по открытому пространству?

Дар кивнул.— Главное — держаться подальше от дороги и поближе к естественным укрытиям. И, конечно, если замечаешь малейшее движение, сразу кидаешься на землю, а уж потом думаешь, опасно это или съедобно. Хочешь, я покажу тебе несколько уловок?

Он затаил дыхание и пошел сквозь высокую траву, не издавая ни малейшего звука. Сэм покачала головой, вздохнула и пошла за ним.

Когда забрезжил рассвет, Дар змеей прополз последний ярд, отделявший тропу от тротуара Хаскервиля.

Она схватила его за плечо.— Ведешь себя неосторожно, приятель. Будешь так ползти, первый же горожанин, который увидит тебя, засвистит в свисток.

Дар оглянулся.— Все спят.

— Согласна. Тогда зачем ползти?

Дар вздохнул и сдался.

И они вернулись в город, точно загулявшая допоздна парочка, возвращающаяся в гостиницу.

У тебя созрел какой-нибудь план, куда идти?— спросил

Дар.— За нами охотятся власти и Подземка, значит, возможностей у нас немного.

— Это так,— сказала Сэм.— В этом городе я бы не доверяла даже дешевым гостиницам... Что это?

Дар остановился, покрутил головой из стороны в сторону, но ничего подозрительного не заметил.Он напряг слух, но услышал лишь шелест ветра.

— Вон там.— Сэм кивнула в сторону магазина в квартале слева от них.— Пойдем.

Она направилась к магазину. После всего случившегося в тюремных переходах Дар не помышлял сомневаться в ее слухе. Он поплелся за ней.

Они находились в захолустном районе Хаскервиля. Дома были большими, но представляли из себя обычные каркасные здания, без деревянных перекрытий и побелки, при этом казались какими-то шаткими. Многие из них давно следовало покрасить. Район походил на старую часть города, застроенную еще до того, как на этой планете начали заботиться об эстетической стороне архитектуры.

Кто-то вышел из магазина, к которому они приближались, и пошел вниз по улице. Он-она был-была лысым-лысой, в сером свободном комбинезоне.

— Мне кажется,— сказала Сэм, и голос ее дрогнул,— мы напали на богатую рудную полосу.

Дар, похоже, начал понимать — теперь он слышал на фоне флейты приглушенные голоса. Точно, флейта.

Сэм открыла дверь. Они оказались в комнате, обставленной в стиле Позднего Модерна. Лавки Утильщика. Стены были окрашены в пастельные тона и завешаны яркими макраме, в некоторых из них висели горшки с цветами. Столами служили отжившие свой век пластиковые барабаны, а вместо стульев стояло три пенька. Вдоль этих стен тянулся не то прилавок, не то не прилавок, стойка — не стойка, на нем почему-то было написано „Волмар". В дальнем углу возвышалось хитроумное пластиковое сооружение, от которого валил пар и распространялся вкусный аромат.

За большинством столов сидели люди — все с бритыми головами и в свободных серых комбинезонах. За стойкой — точно такие же. Так же были одеты и музыканты в дальнем углу комнаты, на небольшом возвышении.

Дар задержался ненадолго в дверях, чувствуя, как неприятно покалывает затылок. Он ничего не мог с собой поделать — у него было такое чувство, словно он попал в селение племени, с которым ему никогда не доводилось встречаться, и кто его знает, как они себя поведут.

— Не волнуйся,— пробормотала Сэм. — Ты со мной.

Она направилась к стойке. Девушка, так похожая на нее, что Дар даже потер глаза, подошла к Сэм и спросила равнодушным голосом:

— Да?

— Две чашки,— сказала Сэм, и Дар полез в кошелек за гвоздями. Девушка повернулась к таинственному приспособлению, взяла чашки и нажала на кран, потом повернулась к ним и протянула две кружки.— Новенькие здесь?

— Да,— ответила Сэм.— Только что с Волмара.

Ужас охватил Дара, сжал в тиски желудок и горло. Лучше уж крикнула бы на всю комнату: „Вот подозреваемые!"

Но лицо девушки ожило.— Планета-тюрьма? Где притесняют местных жителей? Эй, расскажи мне о ней!

— Да, и мне!— Высокий худощавый парень облокотился о стойку рядом с Сэм.

— Волмар? Хочу послушать!

— Эй! Ты не шутишь?

Через тридцать секунд они стояли в окружении небольшой толпы. Дар отодвигался поближе к стойке, поворачивая голову то налево, то направо; но Сэм с воодушевлением делилась с окружающими впечатлениями от поездки на Волмар. Дара поразило, с какой точностью она все запомнила. На ее месте Дар обязательно бы что-нибудь приукрасил, расписал бы их холодящий кровь побег от кровожадного племени или сразу двух; но Сэм подробно рассказала только то, что видела или слышала, представив Дара как своего гида, что вызвало среди слушавших уважение, потом презрение, когда Сэм упомянула о том, что он был торговцем, и, наконец, благоговение, когда она объяснила, что на самом деле он учитель.

— Ты хочешь сказать, что это вовсе не тюремная колония?

Сэм пожала плечами.— Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Всех их доставили туда в качестве заключенных.

— И они действительно не притесняют местных жителей?— Спросивший, казалось, был даже разочарован.

— Нет... Но вы только послушайте, что они делают!— Сэм аж вся засветилась, когда начала рассказывать об образовательной программе Чолли. Дар слушал, как завороженный. Он и не догадывался, что такой герой.

— Эй! Прямо как на небесах,— сказала одна из хьюмов, посмеиваясь.

— Да. Какое бы преступление совершить, чтобы меня туда отправили?— пошутил другой; но смех, который последовал за этим, отдавал чем-то более серьезным.

— Ну, не очень-то радуйтесь.— Сэм облокотилась о стойку и поставила свою чашку для очередной порции.— Бюро по Делам Внешнего Мира направило туда нового правителя.

Последовали тяжелые вздохи.

— Эти сволочи всегда готовы подпортить все хорошее, у них на это нюх,— пробормотал Сердитый Молодой Человек.

— Они против прогресса,— проворчал другой.

— Да, но Бюро не приняло во внимание Шаклара.— Сэм сделала глоток из новой порции.

— Как? Что он мог сделать?— спросил СМЧ.

— Ну, документы нового правителя как бы, э, „потерялись" до того, как он собирался показать их Шаклару. А после, когда Шаклар побыл с ним какое-то время, он и вовсе решил подать в отставку и остаться в колонии.

Комната потонула в раскатах хохота. СМЧ ударил кулаком о стойку.— Давай, генерал! Органика будет жить, несмотря ни на что!

Сэм кивнула.— Мы с Даром должны доставить его заявление об отставке на Терру. Но правая рука нового правителя решил помешать нам во что бы то ни стало.

— Как?— рявкнул СМЧ.— Что он задумал?

— Ну, во-первых, похоже, он выступил в роли пилота на том корабле, что доставил нас сюда... а потом отдал нас на растерзание пиратам, как только мы стали входить в Н-космос.

По толпе пронесся недовольный ропот.

— Но это еще не все... мы уцелели, нас подобрал патрульный корабль. Но когда прибыли сюда, он сообщил властям Хаскервиля, что один из нас якобы телепат и представляет собой угрозу обществу.

— Вы?— испуганно переспросил кто-то.— Вы и есть та нечисть, за которой они охотятся?

— Кстати, что они имеют против телепатов?— пророкотал СМЧ.— Они же никому не причиняют никакого вреда.

— Особенно когда на самом деле и не телепаты вовсе,— добавила Сэм.— Но нами, ко всему прочему, занялась и Палата Палат, она попыталась переманить нас на свою сторону. Так что теперь мы убегаем от двух группировок сразу и ищем надежное укрытие.

Хор возмущенных голосов заполнил комнату, десятки хьюмов бурно сочувствовали им.

— Сукины дети!— рявкнул СМЧ.— Стоит кому-нибудь чуть-чуть поскользнуться, они тут же валят ему на пути кучу арбузных корок! Пошли, мы спрячем вас!

И вся толпа поддержала его. Дар начал нервно выбивать ногой дробь, но заметил, что Сэм довольно улыбается. Он расслабился и позволил себе плыть по течению.

Он очутился на улице рядом с СМЧ и несколькими хьюмами.

— Пошли!— приказал СМЧ, и они направились вниз по улице. Дару пришлось подстраиваться под их стремительный шаг.

— Нам повезло, что мы набрели на вас,— сказала Сэм.

— Мы нашли идеальное место... Здесь они нас не достают.

Дару было понятно, почему. Городские жители держались подальше от этих подозрительных хьюмов, довольствующихся малым. Возможно, отсутствие радиосвязи и нехватка полицейских тоже сделали свое дело... если системе наплевать на своих налогоплательщиков, то ничего другое ее также не волнует.

Сердитый Молодой Человек привел их к старому зданию, которое во времена своей молодости наверняка служило какой-то конторой, но потом было переделано под жилье. Лифт, как ни

странно, работал, и они спокойно поднялись в нем на четвертый этаж.

— Так, сейчас...— СМЧ провел рукой по барельефу на стене в конце коридора.— Я наносил здесь рисунок, нужно нажать в одном месте, потому что...

Что-то щелкнуло, и часть стены вдруг медленно стала сдвигаться, образовав нечно вроде двери в два метра высотой.

Дар уставился на дверь, потом кивнул.— Интересный номер.

— Да, нравится?— усмехнулся СМЧ.— Не знаю, чем тут занимались в конторе в прежние времена, но, скорее всего, решали какие-то секретные проблемы. Наверное, импорт-экспорт.

Дар шагнул в проем.— Не думаю, что здесь предусмотрено такое удобство, как свет.

— Попробуй настенный выключатель.

Дар и не надеялся найти его здесь. Он пошарил рукой по стене и наконец нашел гладкий прямоугольник. На его прикосновение он среагировал — на потолке тускло загорелась небольшая пластина.

Сэм тоже вошла.— Вы что, знали о нашем прибытии?

— Нет, просто я был уверен, что в один прекрасный день это понадобится.— СМЧ показал на несколько коробок, кучу пакетов и небольшие оплетенные бутыли у стены слева.— Каждый раз я пополняю запасы. Здесь на неделю точно хватит. Так, простая еда — печенье, фрукты, немного мяса, вода — хватит, чтобы выжить.— Он кивнул в сторону аккуратной стопки пледов на стульях.— Это все, что я смог придумать для того, чтобы можно было спать и сидеть здесь. Но я обещал только надежное укрытие.

— В нашем положении это просто дворец.— Сэм пожала ему руку.— Не знаю, как и благодарить тебя, приятель!

— Не стоит. Кто знает, может быть, когда-нибудь я окажусь на вашем месте.— Он сжал ее руку.— Ладно, располагайтесь. Я буду время от времени заглядывать.— Он вышел из комнаты, и кусок стены снова встал на прежнее место.

— Ты, конечно, понимаешь,— заметил Дар,— Что мы не можем сейчас высунуться отсюда.

— Выбрали меньшее из двух зол.— Сэм устроилась на одном из жестких стульев.— Мы можем попросить, чтобы нам сообщили, когда прибывает следующий корабль, и подадимся в порт.

— Месяц в этой коробке?

— Выбирай, эта коробка или камера, которую тебе с радостью предоставят власти.— Сэм пожала плечами.— Выбирай. Мне лично больше по душе эта.

— Ладно, убедила.— Дар вздохнул и плюхнулся на соседний стул.— Я и не знал, что ваше племя такое многочисленное.

— Нас много... очень много. В девятнадцатом веке было мало; но знаешь, как только происходит сбой в верхах, когда начинает разваливаться политическая система, появляются альтернативные культуры.

— А если система снова набирает силу?

— Видишь ли, число подобных мне постоянно растет вот уже на протяжении более ста лет.

— Всегда я поспеваю лишь к концу,— вздохнул Дар.

— И к началу.— Лицо Сэм озарила улыбка.— Знаешь, после конца всегда наступает начало.

Чудовище во сне гулко колотило его по голове. Дар в ужасе проснулся и понял, что стук самый что ни на есть настоящий. Да, сомнений не могло быть, это не сон... но в убогой реальности их комнатки он был скорее простукиванием, нежели оглушительным грохотом.

Дар помрачнел. Не будет же СМЧ стучать? Он ведь знает, как открывается дверь!

Значит, тот, кто стучит, не знает этого!

Значит, это не СМЧ!

Дар дотронулся до Сэм. Она медленно подняла голову, открыла глаза.— Что?...

— Тс-с!— Дар приложил палец к ее губам, потом показал на стену-дверь.

Она с ужасом уставилась на него. Он наблюдал за тем, как просыпается ее разум — она широко раскрыла глаза, и мысли ее проделали тот же логический путь, что и Дара.

— Перехитрили?— прошептал Дар.

— Не может быть!— Сэм вскочила на ноги.— Я не верю!

Дверь-стена начала шататься.

— Э... о...— Дар встал между Сэм и проходом.— Он нашел на барельефе...

Дверь откатилась в сторону, и показался человек.

Дар увидел перед собой лицо, часть плеч по обе стороны от лица (шеи у него не было), часть груди и живота, одно колено и бедро другой ноги — и часть кресла. Но вот и остальная часть пришельца протиснулась в дверной проем. И если обычный фальстафец был толст, то этот оказался необычайно тучным. Его заплывшее жиром лицо имело четыре подбородка и нос-картофелину под пухлыми губами. Но глазки, черные, точно смородины в тесте, были живыми и проницательными, умными и жесткими. Грудь и живот представляли одно целое, и если под ними и находилась грудная клетка, то была упрятана довольно надежно. Ноги у него были чрезвычайно огромные, словно китобойное судно.

Кресло проплыло над полом на высоте восемнадцати дюймов — антигравитационное, без сомнения; и тут до Дара дошло: этот человек не мог выбраться из него. Он не в состоянии передвигаться без кресла. Таким он был толстым!

— Приветствую вас,— произнес Гаргантюа.— Меня зовут Майлз Крофт.

— Э... очень приятно...— Дар пытался не терять самообладания.— Позвольте мне самому догадаться, кто вы такой... вы домовладелец, а сегодня первое число месяца.

— Чуть-чуть не угадали.— Рот его не улыбался, но глаза

насмешливо разглядывали Дара.— Я имею честь быть мэром Хаскервиля.

Дар сглотнул и открыл рот.

— А вы оказались лучше, чем мы думали,— сказала Сэм.— Значит, хьюмы водят дружбу с самим мэром?

— Не совсем.— Крофт не скрывал иронии.— Никто не говорил мне, где вы спрятались. Как только я узнал, что вы сбежали из Палаты Палат, я сразу понял, что вы где-то в Хаскервиле. А так как я знал, что леди — хьюм, то по логике вещей вас следовало искать в этом богом забытом квартале.

Сэм кивнула.— Хорошо, раз так... Но как вам удалось узнать о нас двоих?... Ну, конечно, если знала полиция, то знали и вы. Но откуда вы узнали, что мы попали к Сарду и сбежали?

— У меня свои источники.

— Интересно, интересно.— Дар задумчиво кивнул.— А как вы догадались, в каком здании искать?

— Если кто и мог вас спрятать, то наверняка Антони Марни, лидер хьюмов.

— Сердитый Молодой Человек?

— Я решил, что вы встретились. Он наверняка мог спрятать вас именно в этом доме... поэтому я обыскал все это заведение этаж за этажом, и наконец до меня дошло, что один коридор короче других. Ну, и, надеюсь, вы слышали мои активные поиски.

Дар все еще не мог прийти в себя. Потом он быстро покачал головой.— Вы никогда не подумывали над тем, чтобы стать детективом?

— Частенько, молодой человек... и частенько, надо сказать, этим занимаюсь. Мэр должен знать, что творится в его собственном городе.

— Но если вам все известно, Палате Палат следовало давно самораспуститься, а девяносто процентов горожан должны сидеть за решеткой.

Заплывшее лицо затряслось от смеха.— Вы наблюдательны, молодой человек. Пусть воображение подскажет вам, почему я ничего не меняю. Скажу лишь, что у меня есть план, который недурно срабатывает в деле, но необходимо равновесие, которое очень легко нарушить любым новым и случайным фактором.

Холодок пробежал по спине Дара.— Вы имеете в виду нас?

Крофт кивнул.— В мои интересы входит проследить за тем, чтобы вы убрались с планеты как можно скорее.

— И вы прихватили с собой целую бригаду подручных?— мрачно спросила Сэм.

— Не совсем. Я обсудил ситуацию со своим другом, и он о вас неплохо отзывается.

— Ну, приятно, что у нас нашлись покровители.— Дар был удивлен.— И кто это, если не секрет?

— Мистер Тамбурин, который называет себя „Уайти де Вино". И судя по всему, самое лучшее — это помочь вам в вашем деле.

— Вы хотите сказать, что вы поможете нам убраться отсюда?— пробормотал Дар.

— Да, именно это я и имею в виду. Вы пока ничего не натворили, но чем дольше здесь будете, тем больше будет накаляться обстановка. Мне как-то не нравится ситуация, когда здесь у меня рыскают сразу два полицейских подразделения.

— Два?— Теперь настала очередь Сэм удивляться.— А откуда взялось второе?

— Вчера утром ко мне явился некий джентльмен, назвавшийся Канисом Дестинусом. Он доставил письмо — „Предъявителю Сего Оказывать Всяческую Поддержку", подписанное Министром Внутренних Дел МСЭ, в котором, собственно, о том и говорится — оказывать всяческую поддержку мистеру Дестинусу. Насколько вы знаете, этот министр — глава реакционной партии ЛОРДОВ...

— Не знаем,— сказала Сэм,— но рады узнать.

— Мистер Дестинус, похоже, нечто большее, чем кажется на первый взгляд,— тихо сказал Дар.

— Действительно? Мне казалось, что его внешность говорит сама за себя — похож на крысу.

— Насколько я понимаю, вы не очень-то уважительно относитесь к ЛОРДАМ?

— Неудачный вопрос.— Крофт махнул рукой.— К счастью, при сложившихся обстоятельствах подобное письмо требует от официального лица, каковым я являюсь, проверить честные намерения обратившегося, включая подлинность подписи министра. Поэтому я объяснил мистеру Дестинусу, что смогу прийти ему на помощь лишь через неделю.

— Думайте, как хотите. Мистер Дестинус не захотел ждать. Когда я получил первый рапорт о двух полицейских, которые явно работают не на меня, я понял, что мистер Дестинус решил действовать самостоятельно, возможно, при поддержке Сарда.

— Он нанял несколько головорезов из Палаты, которые переоделись в полицейских,— сказал Дар.— Так что я вполне понимаю ваши проблемы — чем дольше будем здесь мы, тем дольше будет действовать второй нелегальный полицейский отряд.

— Вы правы; я уверен, что подобная затея обходится мистеру Сарду ой как недешево... но это до тех пор, пока бездонный кошелек ЛОРДОВ открыт для него. Однако с вашим отъездом и мистер Дестинус отправится вслед за вами.

— Логично,— согласился Дар,— я вас понимаю.

— И для вас это единственное спасение.

— Да,— осторожно заметила Сэм,— но проблема в том, куда мы отправимся?

— Мисс Хьюм, вот это ваше личное дело и меня не касается.

— В теории все великолепно,— согласился Дар.— Но, к сожалению, как только мы окажемся на борту судна, его заставят сменить курс.

— Да и к тому же раньше, чем через месяц, ни один корабль не покинет планету. Как вы собираетесь отправить нас отсюда?

Крофт вздохнул.— Хаскервиль — единственный город на этой планете; здесь сосредоточено около девяноста процентов всего населения. Следовательно, фактически я такой же правитель планеты, как и мэр. Поэтому я отвечаю здесь за все оборудование МСЭ; а частью его является небольшой флот из устаревших кораблей-разведчиков МСЭ. Ну вот, и я позволил мистеру Тамбурину купить один из них как не нужный правительству.

— Купить космический корабль?— У Дара глаза на лоб полезли.— В личное пользование?

— Поскольку он не нужен правительству, он стоит до смешного мало,— ответил Крофт.

— Даже если так... но космический корабль! Сколько денег в таком случае у этого мистера?

— Немного... после такой покупки.— Сэм улыбнулась мэру.— Значит, мы сможем отправляться, мистер Крофт?

— Эй, подожди!— Дар схватил ее за руку.— Что значит отправляться? Мы не можем доверять этому человеку!

Сэм обернулась и уставилась на него.— Почему это?

— Как почему?— выпалил Дар.— Ну, я хочу сказать... За нами гонятся! А он — власть! Закон!

— Ну да, правильно: власть, закон. Значит, раз он разрешает уехать, давай уедем.

— Но...но...

— Слушай,— сказала Сэм, теряя терпение.— Я неплохо разбираюсь в людях. Ты когда-нибудь видел, чтобы я ошибалась в том, доверять кому-нибудь или нет?

Дар хотел было ответить, но задумался.

— Включая тебя,— напомнила Сэм.

Дар вздохнул и сдался.— Хорошо.— Он повернулся к Крофту.— Когда отправляется корабль?

С таким грузом, как Крофт, подумал Дар, его кресло не выдержит больше ничего. Но оказалось, что оно вполне способно нести еще двоих — они катили по пустынным улицам Хаскервиля, взгромоздившись на подлокотники, словно малые дети, собравшиеся читать рождественские стихи Санта Клаусу.

Немного погодя Дар сказал:

— Мне так кажется, что эта планета состоит из шулеров и карьеристов.

— Крофт утвердительно кивнул.— Сильно упрощенно, но в какой-то мере подмечено точно.

— Действительно, можно даже сказать, что у нее есть все возможности для того, чтобы стать сбалансированным обществом.

— Возможности? Пожалуй,— согласился Крофт.

— А как вам удается делать так, чтобы Палата Палат окончательно не сгубила ваших граждан?

Крофт довольно засмеялся.— Да ладно, молодой человек! Вы

уж слишком преувеличиваете мои способности. Даже преступник понимает, что должен заботиться о гусе, если хочет получить в конце концов как можно больше перьев.

— Ну, в книгах я читал о другом,— задумчиво произнес Дар.— Даже организованную преступность никогда не волновало, кого они убивают или кому причиняют зло, если при этом извлекается выгода.

— Да, но это когда запасы гусей безграничны!

— Ну, не думаю, что Палата Палат такая дальновидная.

Крофт опять кивнул.— Я могу устроить так, чтобы добраться до Палаты окольными путями. И даже с очень ограниченным штатом полицейских можно нейтрализовать часть ее активности.

Дар изумленно посмотрел на него.— Значит, у вас два общества, которые и создают это некое равновесие... и есть возможность превратить все это в единое неделимое общество. Для этого потребуется тонкое управление и определенная тактика... но это возможно.

Крофт кивнул.— Конечно. Все возможно... даже это; оказавшись отрезанными от внешнего мира и обратившись к собственным ресурсам, обе половины населения могли бы избавиться от собственных форм деградации.

— Как? Оказаться отрезанными от всего мира, населенного людьми?

Крофт кивнул; на его губах заиграла еле заметная улыбка.— А у вас есть определенный дар, молодой человек. Со временем, приобретя опыт, вы могли бы неплохо поднатореть в индукции, как я.

Космический порт был окружен деревянным частоколом, как древний форт в каком-нибудь вестерне. При появлении Крофта ворота отворились, и они вкатили через них, увидев перед собой пластиковые, все в выбоинах, стены с бойницами. Двухэтажное здание для персонала и пассажиров, казалось, выросло на заборе. Сразу бросилось в глаза серебристое сооружение, похожее на тропического ската, устремленного в небо,— возникало такое чувство, словно оно хотело во что бы то ни стало покинуть эту планету и умчаться прочь, к звездам — лайнер ССС, или лайнер сверхсветовой скорости, приспособленный и к атмосферным полетам. Никакого грузового судна на этот раз, настоящий космический аппарат, способный взлетать с одной поверхности и приземляться на другую, хотя и не развивающий скорости больших современных кораблей. Красивый, но какой-то до смешного маленький и хрупкий на фоне бесконечного пластикового забора.

Люк был открыт, и когда они подъехали поближе, из освещенного желтым светом проема показался чей-то силуэт.— Вы сдержали слово! Нашли их!— Уайти спрыгнул, чтобы пожать Крофту руку.

— А вы сомневались во мне, Уайти?

— Ни на секунду! Так, беспокоился, что быстро летит время!

Проем заслонила черная ряса, заблестела лысая макушка.— Добро пожаловать, путники!— Отец Марко помахал им рукой.— Присоединяйтесь к нам и расскажите о своих приключениях! Времени у нас предостаточно — впереди семьдесят пять световых лет!

Но Дар не мог оторвать взгляд от фигурки, появившейся за спиной священника. Она была просто прекрасна.

— Рады снова видеть вас, святой отец.— Сэм спрыгнула с подлокотника кресла Крофта и направилась к люку.— Но почему вы тоже решили примкнуть к нам? Ведь за нами гонятся!

— Кто-то же должен присмотреть за вашими душами,— пошутил священник. По крайней мере, Дар решил, что он шутит.

— Как мило с вашей стороны так заботиться о нас... но следует ли?— Он вошел в корабль, осторожно обходя Лону.

— Дело в том,— ответил священник, что я принадлежу к Ордену святого Видикона, и вы двое представляете как раз тот случай, когда инженер должен вмешаться.

Он не нашел логической связи, да это и не имело особого значения: Лона одарила его продолжительным взглядом. Он не мог сказать, восхищение или обвинение было в нем, его это не очень-то заботило — главное, она обратила на него внимание.

— Что ж, отлично!— Уайти взобрался на борт и закрыл за собой люк.— Друзья нужны всегда и везде.

— Разумеется,— согласился Дар.— И я ужасно рад, что у нас они есть. Но почему вы? Ведь это не ваша забота, Уайти.

— Теперь моя.— Уайти плюхнулся в ближайшее кресло и застегнул ремни.— Жизнь становилась скучной, а вы двое внесли в нее свежую многообещающую струю.

— Но вы отправляетесь на пограничную планету, а нам нужно на Терру!

— Мы тоже туда.— Уайти усмехнулся.— Если вы по-прежнему обещаете немного встряхнуть старый мир. Кроме того, я должен встретиться со своим издателем... у меня неожиданно кончились деньги.

Дар сглотнул, чувствуя себя виноватым, но Уайти оглянулся по сторонам.— Кто поведет эту старую калошу?

— Кто, кроме меня?— Лона запрыгнула в кресло пилота.— Я бы полетела на чем угодно, лишь бы поскорее вернуться к старому доброму декадансу!— Она нажала несколько кнопок, корабль задрожал и взревел.

— Возьму на себя связь,— Сэм уселась в кресло рядом с Лоной и нажала на переговорное устройство.— Как называется эта старая калоша?

— Я назвал ее „Луч Надежды",— торжественно произнес Уайти.

— „Луч Надежды" вызывает Систему Управления,— произнесла Сэм.— Направляемся к Солнцу.

— Э... добро пожаловать. „Луч Надежды",— Система Управления была явно удивлена.

— Прошу разрешения на взлет.

— Разрешение на?... Э... слушаю вас, „Луч Надежды".— Дар успел услышать протестующий крик, и там отключили микрофон.

— Похоже, мы удивили их,— сказал он Уайти.

— Немудрено,— заметил Уайти.— Почему они молчат?

— Причин может быть несколько.— Сэм снова включила микрофон.—„Луч Надежды" вызывает Систему Управления Фальстафа. Почему задержка?

— Э.., „Луч Надежды",— раздался запинающийся голос,— похоже, вы забыли заполнить баллистический план.

— Баллистический план?— сорвался Уайти.— Он что, думает, это... прыжок на другую планету?

— „Луч Надежды" вызывает Систему Управления,— сухо сказала Сэм.— Мне кажется, баллистические планы ушли в прошлое с появлением ССС.

— Ну... Мы должны быть уверены в том, что вы не столкнетесь с каким-либо прибывающим транспортом.

— Прибывающим транспортом? Каким именно? Небо чистое, как стеклышко!

Уайти хмыкнул.— Как хозяин данного корабля, я приказываю вам, пилот, взлетать.

— Слушаюсь, дед,— пробормотала Лона притворно застенчиво. Потом последовала тишина, так как их вжало в кресла на несколько минут, пока „Луч" проходил атмосферу.

Когда давление спало и „низ" перестал быть спиной корабля, а стал палубой, ускорение сменила сила тяжести.

— Движемся на девять десятых максимум.— Лона крутанула кресло и расстегнула ремни.— Советую вам оставаться в своих креслах — минут через двадцать мы удалимся на достаточное расстояние, чтобы изоморфировать в Н-космос.

— Все позади,— сказала Сэм, кисло улыбаясь.— Помните тот вопль? Это был Дестинус.

— Дестинус?— Отец Марко снова сел.— Канис Дестинус?

— Ну, конечно, а что вас так удивило?— Сэм повернулась к отцу Марко.— Вы знаете его?

— Более того — мы родственники.— Священник как-то сразу сник.— Он сын единокровного брата моего отца.

Дар задумался.— Подождите-ка... значит, он...

— Кузен.— Уайти повернулся к священнику.— Вы оба находились на одной и той же планете, и ни один из вас не сонзволил сказать „Привет" другому?

Отец Марко кивнул.— Он наверняка знал, что я там. Но при сложившихся обстоятельствах вряд ли хотел встретиться со мной.

— Что-то не похож он на этакого сентиментального кузена.

— Увы,— мрачно ответил отец Марко.— Знаете, я не видел его с тех пор, как поступил в семинарию; он был очень расстроен моим выбором. Он считал меня страшным радикалом, вот так. Священник обратился к Сэм.— Он причиняет вам неприятности?

— Охотится на нас,— заверила его Сэм.— Похоже, он работает на ЛОРДОВ.

Отец Марко вздохнул и покачал головой.— Бедный Дестинус! Мы знали, что он водится с плохой компанией в правительстве — и все... Я и не догадывался, что дела так плохи... ну и ну!— Он размял колени и выпрямил спину.— Значит, я принял верное решение, отправившись с вами.

— Почему же?— поинтересовался Дар.— Тот факт, что Дестинус оказался вашим родственником, именно он убедил вас в правильности своего решения?

Отец Марко кивнул.— Семейные обстоятельства. Мне решать, как реагировать на то зло, которое он хотел вам причинить.

— Ну, не будьте так жестоки к бедняге.— Дар покосился на Сэм.— Ну, я имею в виду, что он делает это не по своей воле. Работает на своих боссов. А они в свою очередь охотятся на телепатов.

— А я бы не заявляла об этом с полной уверенностью,— Сэм скривила губы.— Ты что, думаешь, твердолобые политиканы действительно верят в телепатов? То есть я хочу сказать, настолько верят, что их нужно отлавливать?

— А зачем тогда понадобилось тащить на планету этих своих „полицейских"?

— Затем,— усмехнулась Сэм,— что это отличная уловка — вывести нас из игры, тебя и меня, прежде чем мы доставим заявление Белабхера в Бюро.

— Ты думаешь, их так волнует, кто будет править на планете, которая где-то у черта на куличках?

— Правую руку правителя — наверняка. Кроме того, даже если ЛОРДЫ и намереваются отрезать все удаленные планеты, это еще не значит, что им нравится идея терпеть там правителей, которые могут спокойно обойтись без них.

— Логично,— согласился Дар.— Правда, это слегка дискредитирует всеобщую репутацию Терры. А все вместе заставляет думать, что Майлз Крофт не столь уж популярен в Бюро по Делам Внешнего Мира.

— Он всегда был независимым малым, как и я,— усмехнулся Уайти, откинувшись на спинку кресла и заложив руки за голову.— По мне так это просто отлично, что внешние миры готовы к тому, что Терра собирается разделаться с ними.

— Готовы?— Лона следила за пультом управления.— Приготовьтесь к изоморфированию... пристегните ремни.— Она нахмурилась и придвинулась поближе к детекторам.— Странно... это изображение на экране радара... должно быть, с Фальстафа взлетел другой корабль.

— Действительно, странно.— Дар помрачнел.— В течение месяца ни один корабль не должен был ни взлететь, ни совершать посадку...

— Не думаешь же ты...?— начала было Сэм, но тут сработал изоморфер, и реальность стала на какое-то время зыбкой.

Со стороны Юпитера, вблизи пояса астероидов, сила тяжести

Солнечной Системы начала так ослабевать, что это могло заставить корабль выйти из Н-космоса. Разумеется, дело это небезопасное, притяжение Юпитера способно вывести из строя изоморфер и затащить корабль в иную сферу... Но стоит попробовать, раз такая спешка.

Дар и Сэм действительно спешили, поэтому Лона решилась.

Торможение буквально вырывало Дара из ремней. Ужасное давление, но понемногу оно уменьшалось... очень медленно; внутреннее поле корабля преодолело момент движения. Как только он смог откинуться в кресле и открыть рот, он заговорил:

— Я так понимаю, что нам удалось?

— Мы в целости.— Голос Лоны звучал оскорбленно; она просматривала данные о неисправностях.— Ни единой трещины в швах.

— Я же не ставил под сомнение твои способности,— протараторил Дар,— Ну, я... просто это было немного рискованно.

Лона фыркнула.

— Не для моей племянницы.— Уайти подался вперед и дотянулся до автобара, чтобы взять вина.— Единственное устройство, в котором Лона не разбирается, это молоток... В нем нет никаких подвижных частей. Кто-нибудь присоединяется ко мне?

На стенах и потолке вспыхнул красный свет. Руки Лоны пробежали по клавиатуре.— Выстрел! Пристегнуться!

Что-то звенело, когда сила тяжести корабля реагировала на изменения скорости. Но Лона заставляла маленький корабль то нырять, то подпрыгивать, и четырехразрядный компьютер не мог поспевать за ней.

— А вообще-то это неплохая идея.

Их преследователям везло — на стенах отражались вспышки, они становились все ярче и ярче.

— Как насчет того, что они стреляют в нас по старинке, из луков?— сказал Дар.

— Они не сильны в традициях,— рявкнула Лона, вытирая пот со лба.

— Кто это может быть?— спросил отец Марко.

— Патрульная служба!— Сэм в ужасе уставилась в иллюминатор.— Солнечный Патруль — те, что спасают незадачливых путешественников от всяких неприятностей.

— И обстреливают контрабандистов,— мрачно добавил Уайти,— Но ведь они никогда не стреляют без предупреждения!

— У тебя такие древние представления о полицейских, дедушка!— буркнула Лона.— Это именно Солнечный Патруль!

— В самом деле?— Сэм включила переговорное устройство.— Сейчас выясним! „Луч Надежды" вызывает патрульный корабль! Отвечайте, патрульный корабль!

Чуть позади раздался оглушительный взрыв.

— Отвечайте, патрульный корабль! Почему вы нас обстреливаете? Мы не нарушали никакого закона! Мы не везем контрабанду!— Сэм нажала клавишу и стала ждать, но в ответ не раздалось ни звука.

— Может быть, прибор неисправен,— предложил Дар,— не принимает их сообщений?

— Мечтатель,— фыркнула Лона.

— Попробую еще.— Сэм покрутила ручку, и из громкоговорителя раздался голос: „... самый первый в списке. Он на своем новом голокубе „Отвези меня на Ригель!"...

— Коммерческий канал,— сказала Сэм.

Другой голос прервал говорящего на полуслове.— Программа новостей Ганаграм знакомит вас, дорогие радиослушатели, с последней моделью горняцкого судна!

— Должно быть, станция ЗДТ на Ганимеде,— произнес Уайти.— Они вещают в основном для горняков.

— С чего вы взяли?

— А кому еще интересны горняцкие суда?

— Мы вынуждены прервать программу и сообщить вам весьма важную новость,— раздался еще один голос.— Как уже сообщалось, небольшое пиратское судно с телепатом на борту вторглось в Солнечную Систему. Просим не беспокоиться, граждане, патрульный корабль настиг их. С минуты на минуту ждем от них сообщений о том, что он схвачен и арестован.

— Они говорят о нас,— промычал Дар.

— Позвольте,— рявкнула Лона,— они говорят о тебе!

— Сказали „он",— добавил Уайти.

— Но собираются они схватить всех нас... а это неплохая идея, а?— Сэм снова включила переговорное устройство.— „Луч Надежды" вызывает Солнечный Патрульный Корабль! Мы сдаемся! Сдаемся! Мы поднимаем руки!

Кабину осветила яркая красная вспышка, и весь корабль зазвенел.

— Это было очень близко!— Лона вывернула корабль так стремительно, что внутри у Дара все опустилось.— Они действительно решили нас захватить!

— Мне кажется,— пробормотал Уайти,— они только что едва избежали уплаты штрафа за порчу моего корабля.

— Что нам теперь делать?— спросил Дар.— Не можем же мы убегать от них вечно. Мы остались целы только потому, что они паршивые стрелки, а Лона потрясающий пилот.

— Чуть не похоронила тебя в расцвете лет,— фыркнула Лона.— Мне нужны идеи, а не комплименты!

— Кстати...— Дар нахмурился.— Мы проходим между Юпитером и Марсом и направляемся к Солнцу. Какова наша скорость?

— Мы возвращаемся к отметке девять семь скорости света.

Глаза отца Марка затуманились.— Постойте-ка, это значит... у нас это заняло около пяти минут, а для жителей Земли...

— Несколько недель,— закончила за него Лона,— и если мы в ближайшее время ничего не предпримем, на нас обрушится град маленьких астерондов, ну, а когда наткнемся на несколько больших...

— Астероиды!— Сэм выпрямилась и пристально взглянула на Дара.— Как-то раз мы проделали это...

— И готов поспорить, что Солнечный Патруль не сообразительнее тех пиратов!— Дар повернулся к Лоне.— Можешь ли ты настроиться на скорость астероида?

— Еще чего!— воскликнула Лона.— Стоит отключить питание, и все мы превратимся в новый астероид с высоким альбедо!

— Не совсем, если между нами с Солнцем будет находиться большой камень. Мы сможем так быстро снизить скорость?

— Да,— Лона кивнула.— Это потребует большого количества энергии и, надо сказать, не покажется приятным.

Она оказалась права — был просто ад. Ну, могло быть и похуже, по крайней мере ей удалось так развернуть корабль, что они могли тормозить при помощи основного двигателя, и вместо того, чтобы рвать ремни, их вжало в кресла. Правда, вдавило так, что Дар готов был поклясться — он чувствует жесткий пластиковый каркас, а дышать нет никакой возможности. Нос, казалось, пытался растечься по лицу и добраться до ушей; глаза так и норовили вылезти из орбит. Дышать было нечем — как будто на грудь ему поставили штук триста подков, двух кузнецов и ломовую лошадь впридачу.

Потом давление постепенно начало ослабевать, и его откинуло в сторону, когда Лона разворачивала корабль. Кресло медленно притянуло его обратно, он снова оказался лицом к кабине — вроде все по-прежнему, словно и не попадали в жуткий пресс-гамбургер.

Лона нажала кнопку, и свет погас.

Он думал о том, что она там, а он по-прежнему здесь, в ремнях. Такая возможность и пропадает!

В кромешной тьме раздался ее голос.— Я отключила все питание, значит, они не смогут выследить нас. Пусть это вас не смущает, вы можете смотреть в иллюминаторы. И тепла нам хватит надолго, корабль хорошо изолирован. Но должна предупредить вас, что кондиционер тоже отключен, так что дышите не очень часто, а то нас пятеро на такую маленькую кабину. Знаете, лучше поспать... дыхание будет легче. И не разговаривайте... это истощает запасы воздуха.

— Если питание отключено, то детекторы тоже,— пробормотал отец Марко.

— Правильно. Мы не узнаем, где они, разве что сможем увидеть. Ничего хорошего в этом нет, разумеется... они могут быть достаточно далеко, казаться всего-навсего маленькой яркой точкой, но окажутся поблизости в течение нескольких минут.

— Тогда как мы узнаем, когда можно снова включить свет?— спросил Уайти.

— Когда станем задыхаться,— ответила Лона.— Только в этом случае.

— Но они могут быть все еще поблизости,— возразил Дар.

— Жизнь полна всяких неожиданностей,— пробормотала Лона.— Но давайте ждать как можно дольше. Все, не разговаривать!

Кабина погрузилась в тревожную тишину, нарушаемую поса-

пыванием и вздохами — люди разных возрастов и с разным состоянием здоровья пытались справиться со своим дыханием. Спустя несколько минут кто-то начал похрапывать — без сомнения, Уайти; Дар мог только позавидовать его выдержке. Сам же он смотрел в ближайший иллюминатор, и своими глазами видел, как маленькая светящаяся точечка на глазах превращается в патрульный корабль — Дар уже мог различить его очертания.

— Приближаются,— пробормотала Лона.

— Любители всяких ухищрений,— хмыкнул отец Марко.— Они больше не доверяют собственным глазам; если на сверхчувствительном экране ничего нет, то значит, и в самом деле ничего нет.

— Вот и притворитесь несуществующими,— прошипела Сэм.— Заткнитесь!

Патрульный корабль выплыл из-за вершины огромного астероида, за которым притаился „Луч Надежды". Дар затаил дыхание; если кто-то там и смотрел в иллюминатор, то знал лишь то, что появится огромная красная вспышка; его жизни придет конец еще раньше, чем эта вспышка отразится в глазах. Но он не видел ни одного иллюминатора, корабль миновал их и исчез среди космического утиля.

Сэм облегченно вздохнула, но Лона прошипела.— Оставь при себе!

— Что?— возмутилась Сэм.— Дыхание?

— Надежду,— рявкнула Лона.

— А что в этом такого?— спросила Сэм, но отец Марко не дал ей высказаться до конца.— Уже скоро.

И он оказался прав.

Снова появилась эта космическая акула, на этот раз совсем близко над ними, так что Дар уже ожидал вопроса насчет того, не хочет ли кто застраховать жизнь. Но, видимо, в приютивших их астероидах достаточно никеля и железа, чтобы скрыть „Луч", потому что патрульный корабль задрал нос, поднялся и стал удаляться, пока не исчез в облаке парящих над головой камней.

Общий вздох заполнил кабину, и Уайти крякнул:

— А? В чем дело? Они нашли нас? А? Что?

— Мне кажется, они прошли над плоскостью эклиптики, дедушка,— успокоила его Лона.

— Надеясь получше рассмотреть нас,— предположил Дар.

— Теперь и я могу надеяться?— пробормотала Сэм.

Что-то брякнуло снаружи, и Лона включила питание.— Только в том случае, если мы выберемся отсюда,— ответила она Сэм.— Нас известил первый сосед, намекая, что нам следует убираться отсюда.

— С нами столкнулся маленький астероид,— объяснил Дар, когда загорелся свет и сила тяжести снова вжала его в кресло.— Странно, что до сих пор только первый, они давно могли расколотить нас на мелкие куски.

— Не совсем так,— сказала Лона, нажимая кнопки.— Мы

прошли выше плоскости эклиптики, выровняли скорость с этим астероидом и пристроились рядом с ним. Большая часть местных булыжников вращается по орбитам вокруг него. Тот камень, что ударил в нас, отлетел от другого крупного астероида. Это временами бывает...

— Но не случится ли это снова, если мы поднимемся над плоскостью эклиптики?

— Ты шутишь?— воскликнула Лона.— Там патрульный корабль! Мы спускаемся вниз, дорогая, а это значит, что между нами и кораблем будет находиться целый пояс астероидов, что одурачит их датчики! Пристегнитесь! Сейчас будет нечто малоприятное!

— Morituri te salutant,— проговорил себе под нос отец Марко.

— Идущие на смерть тебя приветствуют?— Дар поежился.— Ничего не могли придумать повеселее, святой отец?

— Вы знаете латынь?— воскликнул удивленный отец Марко.— Вы что, ископаемое?

— Да нет, просто слегка окаменел у Чолли.— Все внутренности у Дара подпрыгнули, когда корабль рухнул вниз; раздался сильный стук об обшивку.

— Ничего страшного,— заверила всех Лона, стараясь не выдать собственного волнения.— Никакого вреда они нам не причинят, если только не попадется один размером с мою голову, но мне кажется, я в состоянии обогнуть что-либо такой величины.

Уайти вдруг замахал руками, показывая на что-то в иллюминаторе, но слова его заглушил очередной оглушительный удар — кабину озарила красная вспышка, корабль отозвался гулким звоном. Сквозь стихающий гул Дар услышал, как Лона выкрикивает проклятия, пытаясь выровнять судно. Красное сияние потухло... они погрузились в темноту, освещаемую лишь солнечными лучами, отражаемыми от пляшущих астероидов. Сэм в панике закричала, и все вдруг заговорили.

— Прекратить!— закричала Лона, и наступила зловещая тишина. Дар тяжело вздохнул.— Что бы ни случилось, дела на самом деле плохи!

— Они поджидали нас,— торопливо проговорила Лона.— Как только мы включили питание, их датчики настроили баллистические компьютеры и нацелили на нас поток энергии, а может, и несколько. Первые пушки уничтожили хлам между нами, последний пробил хвостовую часть корабля. Так или иначе, нам повезло: если бы я не увертывалась от камня, они бы пробили кабину.

— Они снова поднимаются,— Уайти опять уставился в иллюминатор.

— Конечно.— Лона пожала плечами.— Они не вывели из строя наши двигатели... хотя повредили реактор. Теперь они не могут „учуять" нашу энергию. Кроме того, стоит ли продолжать охоту на обломки? Теперь они уверены, что нам конец.

Сэм всхлипнула.

— Возьми себя в руки,— сурово произнес отец Марко.— Мы пока живы.

— В нашем распоряжении резервный источник питания,— согласилась Лона.— Воздух сможет циркулировать до тех пор, пока его будет хватать... солнечная радиация обеспечит обогрев, если мы заблокируем иллюминаторы в дальнем конце. Продуктов достаточно недели на две.

— А энергии на это время хватит?— хрипло спросила Сэм.

Лона промолчала.

— Хватит, если мы будем как можно меньше болтать и обойдемся без света,— ответил Уайти.— И разумеется, мы не можем никуда лететь.

Отец Марко удивленно хмыкнул.— Я и не подозревал, что вы разбираетесь в физике.

— Прежде чем стать бардом, я работал инженером.— Дар услышал довольные нотки в голосе Уайти.— Кто еще мог извлечь из этой цивилизации достаточный смысл, чтобы переложить его на музыку? Но я еще и игрок.

Дар почувствовал, как страх переходит в ужас.

— Какого рода игру вы имеете в виду?— По голосу отца Марко было ясно, что он предвидит дурное.

— Ну, отправиться за помощью мы не можем,— пробормотал Уайти,— поэтому надо сделать так, чтобы помощь пришла к нам.

Дар кашлянул — страх опять спрятался вглубь.— Вы говорите о сигнале бедствия?

— По крайней мере, у нас бы появился какой-никакой шанс на спасение,— ответил Уайти.— В противном случае мы покойники. Если, конечно, вы не устроите чудо, святой отец.

— Боюсь, что не смогу порадовать вас этим.— Священник, казалось, воодушевился.— Даже если святой Видикон и услышит нас, мы должны будем протянуть ему что-то, за что бы он смог ухватиться и вытянуть нас... Может быть, произвести некое действие...

— Сколько энергии останется в таком случае?

— Если это действительно может помочь, то придется отдать половину резервной энергии,— ответила Лона.

— У нас в запасе неделя,— Дар облизал губы.— Значит, за неделю кто-то должен услышать нас и добраться сюда.

Последовала тишина.

Неделя! Что-то щелкнуло в голове Дара. Всего неделя, чтобы жить! А я еще не любил!

— У нас нет выбора, не так ли?— тихо спросила Сэм.

Никто не ответил.

Затем Сэм выпрямилась и направилась к переговорному устройству.— Ладно. Итак?

Все выдохнули.

— Что ж, вещаем.— Лона нажала на кнопки, выделив резервный запас энергии для коммуникаций.— Традиционное SOS и наши координаты.

Сэм склонилась над аудиопередатчиком и нажала кнопку.

— Не давай название корабля,— скороговоркой произнес Уайти.

Сэм помедлила, потом заговорила.—SOS! SOS! Космический корабль терпит крушение на 10:32:47 В. Е., 5:22 ниже Р.Е. SOS! SOS! Погибаем!

— Погибаем...— Дар почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Сэм выключила связь.

— Оставь немного питания,— посоветовала Лона.— Если кто-то придет на помощь, потребуется контакт...

Сэм задумалась, и Дар как бы читал ее мысли — сколько времени, отведенного на жизнь, они потеряют при этом? Но расходоваться будет лишь несколько милливатт в час, хотя это, конечно, снижает шансы на то, что их услышат и спасут...

Сэм кивнула и запустила движок.

Кабина снова погрузилась в тишину, затем Лона сказала:

— Теперь будем ждать...

— ...смерти,— закончил Дар про себя.— А что же нам делать с собственным сознанием?

Тишина стала очень уж неуютной.

Отец Марко прервал ее.— Я знаю кое-что о медитации. Как насчет мантры?

„ВКС 651919, горняцкое судно, вызывает корабль, терпящий бедствие. Ответьте, пожалуйста".

Дар выпрямился и уставился в первую же пару глаз, на которую наткнулся, — Лоны, к счастью.— Так быстро? Он что, ждал за углом?

— Прошло два часа...

— Даже если так...

— Горняцкое судно, говорит корабль, терпящий бедствие,— громко сказала Сэм в переговорное устройство.— Вы сможете нам помочь?

— Корабль, терпящий бедствие, могу спасти вас; нахожусь рядом, нужны ваши сигналы для сближения. Прошу передать сигналы на несущей волне.

— Горняцкое судно, выполняем вашу просьбу. Ждем вас с нетерпением.— Сэм нажала кнопку „передача" и, зажав рукой микрофон, обратилась к окружающим.— Знаете, это не должен быть патруль.

— Если это и он, то выясним через минуту.— Уайти сухо улыбнулся. Как только они наведут орудия, тут же разнесут нас в пух и прах.

Сэм присвистнула и снова повернулась к пульту.

— Нет!— рявкнула Лона.— Не может быть!

Сэм поколебалась несколько секунд, но в конце концов оставила кнопку „передача" включенной.

— Горняки-разведчики рыщут на своих судах над всем поясом. Почему бы одному из них и в самом деле не оказаться в двух часах лета от нас?

Глаза Лоны уставились в одну точку.— Ну, вероятность...

— Помогите нам в наших разногласиях,— быстро проговорил Уайти.— Вы молитесь о помощи святому Видикону, отец?

Отец Марко смутился.— Это ведь не причинит вреда, не так ли?

— Ну что вы! Он помог бы залатать нам корабль.— Уайти вывернул шею, глядя в иллюминатор.— Дар, вы что-нибудь видите?

— Только астероиды... нет, один из них увеличивается в размерах... Вот оно!

Все ринулись к иллюминаторам.

— Это корабль?— выдохнул Дар.

Он был грязно-серым, когда-то, должно быть, имел форму сферы, но был таким побитым, что ничем не отличался от астероидов. Сверху торчали два параболических диска — один для радио- и микроволн, другой удлиненный для радара. Под ними располагались два огромных выпуклых иллюминатора — горняки любили, чтобы перед ними был всеохватывающий обзор при сканировании. Чуть ниже находился грузовой отсек: две огромные выемки под соленоиды для небольших кусков руды, пониже — отсек для крупной добычи. Под огромным брюхом висела пара клешней для захвата мелких астероидов, слишком больших для загрузки. На корме торчала антенна, с помощью которой корабль избегал столкновений с маленькими астероидами.

— Он просто прекрасен,— прошептала Сэм.

Горняцкое судно развернулось боком к „Лучу Надежды" — открылся люк. Потом выползла магнитная лестница и развернулась, брякнув об их борт.

— Корабль, терпящий бедствие,— раздался голос в переговорном устройстве,— мы готовы принять вас.

Сэм прильнула к пульту.— Вас поняли, горняцкое судно. Сейчас наденем скафандры, и мы готовы.

Уайти открыл отсек в стене.— Надеюсь, нам оставили скафандры, когда боролись тут с молью и тараканами... Вот они!

Все пятеро столпились вокруг спасательных средств.

— А воздух?— нерешительно спросила Сэм.

Дар фыркнул.— Задержишь дыхание. Всего сто ярдов!

Он вытащил скафандр и протянул его Сэм.— Сначала леди.

— Мужчины-шовинисты! Вы пойдете первыми!

— Хорошо, хорошо,— пролепетал Дар, забираясь в скафандр.— Проверьте крепления, пожалуйста. Знаете, я что-то волнуюсь.

— Да, и вы тоже?— Уайти решительно застегнул на нем скафандр.— А вас не беспокоит то, что мы не слышали самого пилота?

— Да, раз уж вы сказали,— признаться, беспокоит. Может, такая традиция — чтобы переговоры вели компьютеры?

— Определенно нет,— возразила Лона, помогая Сэм справиться со скафандром.— Но пилота может и вообще не быть.

— Да... но вряд ли.— Уайти хмыкнул.— Разве вы не расслышали серийный номер? Это один из новых ВКС, или „Верных Кибернетических Спутников", запрограммированных на предельную преданность. Без команды хозяина они предпочитают ничего не делать!

— Значит, мозги робота?— Отец Марко покосился на него.— И каким образом они управляют кораблем?

Уайти пожал плечами.— Точно не могу сказать, святой отец. Я лишь знаю, что все, отслужившее свой век на Терре, рано или поздно находит себе приют на поясе астероидов, чтобы был использован последний эрг... Пора!— И он ударил Дара по плечу — после такого обращения Дар отлетел в сторону.— Идите и разведайте все, молодой человек!

— А я думал, это ко мне пришли на помощь,— пробормотал Дар.— И почему я должен идти один?

— Потому что войти в лодку можно только по одному.— Уайти чуть ли не пинком направил Дара в шлюзную камеру „Луча Надежды".— Счастливого пути... и постарайтесь не дышать!

Дверь за ним захлопнулась, открылся другой отсек; если он не отправится туда и не проплывет через вакуум в горняцкое судно, то его убьют его же четверо друзей, которые не попадут в шлюзовую камеру, пока не пройдет ее он. Он упрятал поглубже свой панический страх и заставил себя шагать дальше.

Одной рукой он ухватился за лестницу, другой судорожно искал нужные провода на поясе. Вот они! Так, крючок с шарнирным приспособлением. Он потянул за него — откуда-то из скафандра поползла веревка. Дар прицепил крючок к лестнице. Держась за нее, выбрался из корабля, затем сосредоточил взгляд на горняцком судне, затаил дыхание и... прыгнул с такой силой, на какую только был способен.

Он пролетел вдоль лестницы. Сначала ему хотелось двигаться как можно быстрее, перебирая по лестнице руками, но потом он вспомнил, что находится в вакууме, а значит, нет трения, зато его рукавицы на лестнице наверняка замедлили бы продвижение. Поэтому он повис, распластав руки, словно ныряющий лебедь... и ему это даже понравилось.

Приблизившись к лодке, он ухватился за лестницу, вспомнив, что наверняка убавил вес, но не потерял массу — а это означало инерцию. Если он немедленно не затормозит, то тому, кто отправится по лестнице вслед за ним, придется сперва отскребать его тело от горняцкого судна, а уж потом проникать в шлюзную камеру. Скрежет импровизированных тормозов проник внутрь скафандра, а в это время горняцкое судно продолжало стремительно надвигаться на него. Он согнулся, приготовил стопы и колени...

Дар ударился челюстью, да так, что показалось, будто зубы ему вбили одним ударом в десны. Но, медленно выпрямляясь, он с удивлением обнаружил, что суставы целы и невредимы, а звездочки, сияющие в глазах,— действительно астероиды. Значит, получилось, он добрался до судна!

Дар мысленно поблагодарил Бога и шагнул в шлюзную камеру. Удостоверившись, что обе ноги стоят на твердом металле, он одной рукой ухватился за край прохода, потом отпустил другую и нырнул в спасительную темноту. Локтем Дар ударился о ручку — с досады он толкнул ее... и шлюзная камера закрылась за ним.

Темнота. Кромешная. Пугающая.

Именно теперь Дар узнал, что такое „боязнь замкнутого пространства". Так, не налететь на ближайшую стену. Это просто шлюз, повторял он про себя снова и снова. Пока он не наполнится воздухом, меня не впустят. Всего несколько минут...

Ему показалось, что прошел час. Позже выяснилось, что минуло всего сорок две секунды.

В темноте зажегся зеленый свет. Он кинулся к нему, нашел колесо на двери, крутанул его и попал в тепло, свет и... ВОЗДУХ! Он сорвал шлем и вздохнул запах пищи, немытого тела и неисправного кондиционера. Это были самые приятные запахи, какие ему когда-либо доводилось обонять.

За его спиной раздался предупредительный сигнал. Он повернулся — рядом с дверью мерцал индикатор. Ну, конечно, до тех пор, пока он не закроет камеру, никто не сможет войти! Он закрыл ее... и понял, что голоса, которые он слышал, когда входил, теперь начали что-то означать для него.

— Слушай, это меня не касается!— проговорил сердитый голос.— Сейчас же разворачивай посудину и убирайся отсюда!

— Но согласно Закону о Помощи Пострадавшим в Космосе,— послышался в ответ спокойный рассудительный голос,— ты должен оказать помощь команде любого судна, попавшего в беду.

— Ты уже пятнадцать раз говорил, заткнись! А я назвал тебе пятнадцать причин, по которым мы не обязаны спасать их!

— Три,— напомнил ему спокойный голос.— Каждую по пять раз, и ни одна из них не убедительна.

— Все они вполне убедительны! И вообще, не твое это дело... вот это самая лучшая причина!

Дар выбрался из скафандра, переступил через него и на цыпочках направился на звук голосов.

— Абсолютно неадекватно,— невозмутимо ответил другой голос.— Закон о помощи пострадавшим в космосе гласит, что тот, кто оказался поблизости от терпящего бедствие корабля, обязан незамедлительно прийти ему на помощь.

„Незамедлительно" — вот ключевое слово; по нему Дар вдруг понял, кому принадлежит спокойный голос. Он выглянул из-за люка и увидел кабину — помещение, заваленное контейнерами из-под продуктов и бумагами, грязным бельем и пеплом — а в ней два кресла, пульт управления с шестью экранами и приземистого

человека в грязном комбинезоне, с взлохмаченными волосами и косматой бородой.

— К черту Закон!— завопил он.— Разум должен подсказать тебе! Подбирать тех, кто потерпел крушение, дело патрульной службы!

— Это был твой второй довод.— Спокойный голос раздавался откуда-то с пульта управления.— Команда этого корабля может оказаться той, которую разыскивает патруль.

— Если это они, то так им и надо! Проклятые телепаты, суют свой нос в чужие секреты! По-твоему, кто они?

— Люди,— раздалось в ответ,— и имеют то же право на жизнь, что и остальные, тем более что Патруль пока не обвинил их ни в каких преступлениях.

Дар почувствовал симпатию к невидимому владельцу спокойного голоса.

— Быть телепатом — это уже преступление, черт побери! Ты что, не следишь за новостями?

— Только в том случае, если в них присутствует логика, что, надо сказать, бывает не часто. Я никак не могу связать то, что человек способен совершить преступление, с тем, что он родился со сверхъестественными способностями.

Дар был с ним полностью согласен... по крайней мере, для него это была действительно новость. Значит, какой силой должны обладать те, о ком идет речь, чтобы представлять угрозу МСЭ? Должно быть, достаточной, чтобы разжечь такую широкомасштабную охоту на ведьм. До него вдруг дошли все возможные последствия — и коленки его подкосились.

— Не твое и не мое это дело... а правительства, и хватит об этом. Ты что, думаешь, ты умнее Исполнительного Секретаря и всех избирателей?

Дар вдруг понял, почему вся эта история так раздута. Старик говорил так, будто был средневековым крепостным, а не хорошо информированным гражданином демократической системы.

На его плечо опустилась рука, в ухе раздался презрительный голос Сэм:

— Не думала, что ты опустишься так низко, чтобы подслушивать в замочные скважины.

Дар удивленно воззрился на нее, потом улыбнулся, знаком призвав к молчанию.

— Все зависит от твоих понятий об уме,— ответил спокойный голос.

— А какая разница?— буркнул старик.— Голосовать ты не можешь... ты всего навсего компьютер и пошел бы ты к черту!

— У компьютеров нет души,— ответил голос,— а значит, их нельзя отправить к черту.

— Ну, тогда на свалку! Ты хоть понимаешь, сколько денег я из-за тебя теряю, спасая эту лохань со всяким сбродом?

Губы Сэм расплылись в ядовитой улыбочке. Она шагнула к двери. Дар схватил ее за плечо, прошипев:— Не сейчас!

— Отлично,— ответил компьютер,— ты уже в шестой раз

говоришь об этом. В соответствии с качеством твоей руды и текущей ценой за килограмм никеля — данные получены час назад с Ганимеда,— помноженными на коэффициент добычи, эта спасательная акция обошлась тебе ровно в 1.360 БТУ.

— Вот!— победно воскликнул старый горняк.— Видишь? А ты знаешь, сколько можно купить на тысячу БТУ?

— Десять кубических сантиметров водорода, в соответствии с текущими ценами,— ответил компьютер,— или три набора рациона.

— Чертова инфляция,— прорычал горняк.— Скоро нечем будет прикрыть зад!

— Мне кажется,— заметил компьютер,— человек заслуживает большего.

— Но только не отъявленный телепат, черт побери!

Сэм аж затряслась. Она отодвинула руку Дара, намереваясь войти в кабину.

— Сначала я,— буркнул Уайти, пробираясь вперед.— Этот горняк соответствует мне по комплекции... и по возрасту.

Он шагнул в кабину со словами:

— На нашем корабле нет телепатов, приятель.

Оглянувшись через плечо, Дар убедился, что все в сборе — за ним стояли Лона и отец Марко.

— И спасибо за оказанную помощь,— закончил Уайти.

Старый горняк развернулся, сердито блеснув глазами.— Откуда, черт побери, вы взялись?

— Ну, к черту мы пока не попали,— дружелюбно заметил Уайти.— А могли бы, если бы вы не подобрали нас.

Горняк уставился на пульт управления.— Кто позволил тебе пускать на борт этих...?

— Закон о Помощи Пострадавшим в Космосе...

— Засунь свой закон в бутыль с плазмой!— рявкнул старый горняк.— Ты должен быть предан мне, а не им!

— Моя исходная программа включает основной принцип приоритета закона перед преданностью текущему хозяину,— заметил компьютер.

— Какая еще исходная программа?!

— Спасение человеческой жизни,— ответил компьютер,— Если только рассматриваемый человек не атакует моего текущего хозяина.

— Ну, какие могут быть возражения?— Уайти уставился на горняка. Старик злобно сверкнул на него глазами, хотел что-то сказать, но отвернулся и пробормотал под нос ругательство.

— Нет, не думаю,— Уайти улыбнулся.— Ни один честный человек не мог бы возразить. И мы хотим поблагодарить вас за помощь.

Старый горняк бросил беглый взгляд на поношенную одежду Уайти.— Благодарностью сыт не будешь, следует подкрепить ее определенной суммой на мой счет в банке.

Уайти продолжал улыбаться, но глаза его сверкнули.— Ну, разумеется. Мы и не ожидали, что помощь нам окажут задаром.

— Да, конечно! Когда мы прибудем в порт, вы опустите свою кредитку в мой банковский терминал, и все в порядке... а потом окажется, что ваш счет в банке благополучно аннулирован пять лет назад!

Уайти не ответил, лишь похлопал себя по карману. — Он зазвенел. Взгляд старика остановился на нем.

— По тридцать квахеров за то, чтобы доставить каждого из нас в город Церера,— спокойно сказал Уайти.

Глаза старого горняка заблестели.— Пятьдесят!

— Ну, мы не израсходуем так много воздуха и топлива... да и рацион тоже будет бедноват, так как вы приготовили провизию только на себя... Хорошо, тридцать пять.

— По тридцать пять киловатт-часов за каждого?— Старый горняк сплюнул.— Вы шутите... Я, значит, буду вас кормить, экономя на своем рационе! По сорок пять, и то это почти подарок!

— Да, это значит, что я одариваю вас десятью квахерами за каждого из нас. Сойдемся на сорока.

— По сорок квахеров?— пробубнил горняк.— Всего, значит, сто двадцать? Мистер, вы знаете, сколько я потерял, придя к вам на помощь?

— Сто пятьдесят киловатт-часов, 3.087 БТУ,— ответил компьютер,— включая расход топлива, воздух и питание.

— Вот! Видите? Я терплю убыток!— Старик гордо задрал подбородок.

— Но нас пятеро, а не трое. А это двести квахеров.

— Пятеро?..— Глаза горняка стрельнули в сторону прохода; Лона и отец Марко приблизились, чтобы их было видно.

— Итак, вы с прибылью,— заметил Уайти.

— Да какая уж прибыль!— Горняк раскраснелся.— Еще больше воздуха, топлива и питания на этих двоих!

— Входит в названную сумму,— проинформировал компьютер.— Я посчитал, сколько раз открывали и закрывали шлюзную камеру.

Старик набросился на него.— На чьей ты стороне, а?

— Извини, не терплю неточностей в расчетах.

— Послушайте.— Горняк снова повернулся к Уайти.— Сорок пять квахеров — не такая уж большая прибыль, мистер. Почему бы вам не купить мою лодку?

Уайти пожал плечами.— И что вы за нее хотите?

Горняк задумался. Потом выпалил:

— Тысячу термов.

— Согласно текущим ценам...— начал компьютер.

— Заткнись!— заорал горняк.— Он повернулся к Уайти, не скрывая довольной улыбки.— Ну?

— Э, дайте подумать... Уайти подошел к пульту и вывернул наизнанку бряцающий карман, из которого высыпались монеты. Он собрал их и начал медленно считать.

— Двадцать... восемьдесят... двести...

Глаза старого горняка следили за каждой монетой, поблескивая белками.

— Восемьсот пятьдесят шесть... восемьсот пятьдесят семь... пять квахеров... десять квахеров...

Губы горняка зашевелились.

— Восемьсот пятьдесят семь термов, двадцать три квахера, 2.392 БТУ.— Уайти посмотрел на горняка.— Берете или нет?

— Идет!— Старик сгреб груду монет и рассовал их по карманам комбинезона.— Вы приобрели отличное судно, мистер!

— И компьютер.— Уайти посмотрел на систему над пультом.— Теперь ты работаешь на меня.

— Вас обманули,— проинформировал его компьютер.

Старый горняк крякнул.

— Знаю,— спокойно ответил Уайти.— Побитая старая развалина не стоит больше пятисот термов.

Старый горняк с интересом посмотрел на него.— Тогда почему вы купили ее?

— Мне стало жаль компьютер.— Уайти повернулся к устройству.— Теперь ты будешь выполнять мои команды... или моей племянницы. Она пилот.

— Привет,— сказала она, встав рядом с Уайти.— Меня зовут Лона.

Дар опешил, услышав, каким теплом наполнился ее голос. Что за несправедливость! Все это только ради машины... а могло быть адресовано ему!

Лона села за пульт.— Давай познакомимся, ВКС 651919. Кстати, не возражаешь, если я буду называть тебя... э... Векс?

— Векс?— переспросил Дар.— Почему?

Лона глянула на него через плечо.— А как, по-твоему, произносить „ВКС"? Не обращай внимание, так к нему буду обращаться я! Она снова повернулась к компьютеру.— Если ты не возражаешь, конечно.

— Мое мнение ничего не решает,— ответил компьютер.— Мой владелец делегировал вам необходимые полномочия, поэтому можете называть меня как угодно.

— Нет, если тебе не нравится, я не буду. У хорошего хозяина должно быть взаимопонимание со своей машиной.

— Подобное взаимопонимание может существовать только в вашем сознании,— ответил компьютер.— Я не способен на чувства.

— Что ж, хорошо, тогда подыграй мне; мне нужна иллюзия. Кроме того, компьютер стремится к гармонии и благозвучию. Итак, я спрашиваю еще раз: имя Векс тебя устраивает?

Компьютер задумался. Когда он заговорил, Дар уловил нотки уважения в его голосе.— Такое имя мне подходит, да.

— Отлично.— Лона приступила к работе; глаза ее блестели.— Теперь, Векс... как давно тебя начали использовать?

— Пять лет, семь месяцев, три дня, шесть часов, двадцать одну минуту и тридцать секунд назад... по стандарту Терры, разумеется. Надеюсь, более точный ответ не требуется.

— Нет, этого вполне достаточно.— Лона улыбнулась.— В на-

ши дни компьютеры очень долговечны, а ты почти совсем новый, одна из последних моделей. С тобой эта лодка могла бы стоить вдвое дороже по сравнению с тем, что заплатил дедушка.

Старый горняк снова крякнул.

— В чем дело?— спросила Лона.

Компьютер с минуту молчал, затем ответил:

— Мой первый хозяин получил огромное наследство и предавался материальным удовольствиям...

— Плейбой.— Дар заметил, что Лона облизала пересохшие губы.— Теперь я понимаю, почему ему нужен был очень преданный персональный робот.

— Да, из-за некоторых, э, эксцессов, мне часто приходилось самому управлять его аэрояхтой.

— То есть тебе приходилось доставлять его домой, когда он бывал мертвецки пьян.

— Вы подобрали точное выражение,— согласился компьютер.— Во время нашего последнего полета он не терял сознания, но зато его рефлексы и способность рассужать сильно нарушились. А согласно программе я не могу полностью взять управление на себя до тех пор, пока не станет очевидно, что его жизни грозит опасность.

— Хочешь сказать, что авария была неизбежна, но ты вмешался слишком поздно. Что случилось?

— Вывернув корабль, мне удалось избежать повреждения кабины. К сожалению, сам я находился на переборке, которая при столкновении пострадала.

Лона кивнула.— Что в тебе сломалось?

— Ничего. Но один конденсатор сильно сел. И теперь, в моменты стресса, при перенапряжении, он высвобождает всю накопленную энергию.

Лона помрачнела.— Но ты мог и перегореть. Почему же он не устранил неисправность?

— Это потребовало бы капитального ремонта и полного перепрограммирования, что обошлось бы дороже, чем покупка нового компьютера. Однако он установил прерыватель цепи и обходную перемычку, так что в случае чего конденсатор разряжается в изоляции от остальных цепей... К сожалению, в таких случаях я полностью отключаюсь и, пока не подключат прерыватель цепи, не включаюсь.

— Был бы ты человеком, это называлось бы припадком. Что сделал твой владелец?

— Предпочел продать меня, что с точки зрения экономии объяснимо.

— Но говорит об отсутствии этики.

— Точно подмечено. Но на Терре покупателей не нашлось, как и ни в одной из марсианских колоний. Никто не хотел покупать робота-эпилептика.

— Но в поясе астероидов покупают всё,— пробормотала Лона.

— Если цена достаточно низкая, разумеется. Так, за меня просили семнадцать термов.

— Цена действительно невысокая, но ценность огромна.— Лона помрачнела.— Так или иначе, ты спас жизни пятерых.

— Да, но я не был перенапряжен тогда. В момент острого кризиса я могу подвести, и тогда вы можете погибнуть.

Лона покачала головой.— В подобных случаях я могу управлять сама. Компьютер лишь помогает. Нет, мне все-таки кажется, ты самый лучший из всех, что мне доводилось встречать, Векс.

Дара словно ударили по самолюбию,— а может быть, ему показалось, что компьютер ответил, словно произнося клятву: „Я сделаю все, чтобы служить вам."

Лона улыбнулась.

— Кстати,— продолжал компьютер,— вас это может заинтересовать: пока мы разговаривали, мой бывший хозяин передал сообщение в город Церера.

Все посмотрели на старого горняка.

— Это вздор!— пролепетал он.— Вы же сидели все это время рядом со мной! Я ни слова не произнес!

— Компьютеры не умеют лгать,— Лона пристально посмотрела на него.

— Еще как умеют! Ошибки программирования, знаете ли!

— Как он это сделал, Векс?— Лона не отрывала взгляда от старого горняка.

— Нажимая и отпуская кнопку „Передача",— ответил компьютер.— Тем самым посылал импульсы несущих волн — морзянка, старинный способ.

— Что он сообщил?— еле слышно спросил Уайти.

— „Солнечный Патруль, срочно!"— повторил компьютер;— „ВКС 651919 горняцкого судна только что подобрал пятерых путников. Имею основания полагать, что это те, кого вы ищите! Срочно!"

Лона поднялась с ленивой грацией пантеры. Уайти встал рядом с ней, глаза его превратились в ледышки.— Ну, ты предпочитаешь очутиться в открытом космосе в скафандре или без?..

— Но... вы этого не сделаете!— Старый горняк попятился к переборке.— Я подобрал вас! Я спас вам жизнь!

— Не ты, а твой компьютер.— Поправила его Лона.— Но теперь он наш.

— Убивать человека,— пробормотал Векс,— самое худшее из преступлений.

— Что ты имеешь в виду под „человеком"?— прорычал Уайти, испепеляя горняка взглядом.

— Предательство,— прошипела Лона.

— Да,— согласился отец Марко,— но у этого типа нет оснований доверять нашей маленькой банде... и все основания доверять правительству и Солнечному Патрулю.

— Если можно назвать слепую веру „основанием",— хмыкнул Уайти.— Полагаю, что вы назвали бы, святой отец.

— Сэр!— отец Марко выпрямился.— Хочу напомнить вам, что я не только священник, но и инженер!.. Однако я в состоянии взглянуть на данную ситуацию его глазами.

Взгляд Уайти потемнел.— Ну что ж... А почему тогда не предложить и ему... посмотреть на ситуацию нашими глазами? Ту, в которой мы были час назад?

— Вы не посмеете!— завопил горняк.

— О, не беспокойся!— Уайти поджал губы.— Тебя подберут задолго до того, как истощится запас энергии. Какой участок ему принадлежит, Векс?

— Будка десяти футов глубиной, в астероиде,— ответил компьютер,— с полной системой жизнеобеспечения и месячным запасом продовольствия.

— И двухсторонним радио?

— Нет, он пользовался моим, так как не хотел тратиться. Однако в резерве есть сигнальный радиомаяк.

— Отлично!— хмыкнул Уайти.— Он может позвать на помощь, но на нас не насплетничает. О, не бросай на меня таких выразительных взглядов, старый таракан! Патруль доставит тебя в город Церера живым и невредимым через неделю.

— Этого хватит, чтобы оторваться от них?— спросила Лона.

Уайти поджал губы.— Должно хватить.

— Вернитесь, эй вы!— Еле слышно звучал голос.— Отдайте мне мою лодку, вы, пираты! Я вам еще покажу!

— Черт!— Уайти сжал руки в кулаки.— Мне следовало оформить покупку официально, подписав документ о продаже! Теперь он скажет патрулю, что мы отобрали у него судно, и они отправятся в погоню за нами.

Дар пожал плечами.— Какое это имеет значение? Так или иначе они нас схватят, как только подберут его и он расскажет им свою историю.

— Знаю, знаю. Но это дает им законное основание для нашего ареста.

— Не думаю,— раздался голос Векса.— Поскольку сделка заключалась устно, я записал ее как обычную операционную процедуру.

Уайти улыбнулся:— Старина Железнобокий, мне кажется, ты послужишь нам на славу.

— Кстати,— сказала Лона,— не забывайте, что фактически он разработан не для того, чтобы управлять кораблем или просто заниматься вычислениями, а как мозг человекоподобного робота.

— Это так, мои моторные функции адаптированы практически к любому типу механического тела,— объяснил Векс,— я общеупотребительный компьютер.

— В общем, универсал,— сказал Уайти.— Что от тебя требуется в данный момент, так это доставить нас на Луну незамеченными.

— Почему на Луну?— спросил Дар.— Почему не на Терру?

— Там не позволят приземлиться,— объяснила Сэм.— Терра перенаселена. Корабли должны прилуняться на Луне, а потом на шаттле можно будет перебраться и на Терру.

— Кроме того, нами слишком интересуются, не забывайте,— добавил Уайти.— Для дальнейшего путешествия понадобится какое-нибудь прикрытие... а у меня много друзей на Луне.

Дар пожал плечами.— Почему бы и нет? У вас есть друзья повсюду.

— Если вы не хотите привлекать внимания,— предложил Векс,— то лучше всего подождать большое судно, проходящее мимо, и войти в его орбиту, находясь как можно ближе к нему, внутри его диапазона датчиков, следовательно, на мониторах любого патрульного корабля мы сольемся с его силуэтом.

Дар почесал затылок.— Какова вероятность успеха?

— С нами-то двумя?— Лона постучала по пульту.

Дара охватил приступ ревности.— За кого ты принимаешь этот компьютер — за живое существо?

Лона удостоила его продолжительным взглядом из-под длинных ресниц и улыбнулась по-кошачьи.— Во всяком случае, за личность.— И повернулась к экрану.— Где тебя создали, Векс?

— На Максиме.

— Не очень мне знакомо.— Глаза Лоны заблестели.— Они занимаются там только производством роботов и компьютеров, так?

— Да, это их единственное производство и единственное времяпровождение, если на то пошло.

— Горстка монахов-технократов,— произнесла девушка.— Комфорт их не волнует, главное — создавать роботов.

— Не совсем так,— поправил ее Векс.— Несколько человек на Максиме обладают всеми мыслимыми удобствами, они буквально купаются в них... включая не известные нигде более, придуманные ими самими. Они живут, словно короли.

— В самом деле?— воскликнула Лона.— И когда они собираются примкнуть к аристократии?

— Некоторые из них уже начали покупать патенты на титулы в Терранском Колледже Геральдики.

Улыбка на лице Лоны потухла.— Но для этого требуются огромные деньги! Где они их берут?

— Продают компьютеры и роботы,— с гордостью произнес Векс.— Их продукция общепризнана как самая лучшая во всех мирах, заселенных людьми.

— Значит, они продают их выгодно. Но самая большая роскошь — это слуги... а их они не могут себе позволить, раз там совсем мало людей.

— Это так,— согласился Векс.— Но в среднем на каждого человека приходится по три робота. Поэтому в обслуге недостатка нет.

— Звучит просто великолепно,— вздохнул Уайти,— если не иметь ничего против того, чтобы где-нибудь осесть.

— И если не возражаешь против того, чтобы застрять где-то среди неизвестности,— добавила Сэм.

— На планетоиде довольно суровый климат,— заметил Векс.

— Планетоиде?— переспросила Лона.— Я считала, что Максима — это мир.

— Она бы считалась небольшой луной, если бы вращалась вокруг планеты,— сказал Векс.— Но так как она находится в астероидном поясе Сириуса, то может считаться только одним из больших астероидов.

Уайти сдвинул брови.— Нет атмосферы.

— Нет деревьев и травы,— пробормотала Сэм.

— Только камни и пыль,— промямлил Дар.

— Всего восемь и семь десятых световых лет от Терры!— воскликнула Лона.

Дар опешил.— Тебе нравится это место?

— Да это же просто рай!— взвизгнула Лона.— Заниматься созданием компьютеров, купаться в роскоши и при желании отправиться на выходные на Терру поразвлечься! Как можно попасть туда?

— Иммиграция открыта для любого,— чуь помедлив, произнес Векс.— Но лишь немногие хотели бы попасть туда. Бедным там делать нечего... только первоклассные специалисты по кибернетике могут заработать деньги на Максиме.

— Это как раз то, что мне надо! Так значит я могу туда попасть?

— Да,— согласился Векс,— они примут вас... если вы попадете туда.

— Дедушка!— Лона повернулась к Уайти.— У тебя найдется несколько чеков?

— Уайти пожал плечами.— Можешь взять себе это судно, когда мы доберемся до места... Но сперва надо спасать демократию.

— Что ж, надо так надо!— Лона повернулась к пульту.— Я хочу, чтобы ты выполнил одно очень важное задание! Ты нашел большой лайнер, Векс?

— Пока вы разговаривали, я напал на след „Сан Мартина",— ответил Векс.— Он приближается над плоскостью эклиптики с Ганимеда и пройдет от нас всего в ста тридцати семи километрах.

— Тогда в путь!— Лона схватила ремни и пристегнула их на себе.— Всем пристегнуться!

В ответ раздалось дружное бряцанье. Она склонилась над пультом, потом, заметив мерцание красного индикатора, обернулась через плечо и посмотрела на отца Марко.— Послушайте, святой отец, я знаю, вы верите святому Кристоферу и всему такому... но попрошу вас пристегнуться.

Лайнер-монолит мчался в утро — фюзеляж затерялся где-то в кромешной тьме. Яркая точка оторвалась от астероидного пояса, сияя на солнце. Вскоре она исчезла в тени брюха чудища, где и зависла, словно этакая рыба-лоцман под акулой, испытывая воздействие сильного магнетического поля соленоидов на носу корабля.

Дар спросил:

— Они не вычислят нас по изменению магнитного поля?

— Могут.— Лона пожала плечами.— Но с какой стати они будут проверять его?— Она отключила двигатели.

— Это не совсем этично, — пробормотал отец Марко, — путешествовать подобным способом.

— Пусть это вас не беспокоит, святой отец, — заверил его Уайти.— Владелец-то я.

„Сан Мартин" направлялся к Морю Спокойствия. Он миновал Темную Сторону; что-то крошечное отделилось от его днища и стало падать вниз с тем ускорением, что соответствовало силе тяжести Луны. Никто не заметил никакой вспышки света, отраженной от лодки; если кто-то и глянул на монитор, то решил бы, что это всего-навсего метеорит, притянутый силой тяжести Луны, спешит образовать еще один кратер на древнем, в сплошных выбоинах, спутнике.

Судно упало почти до поверхности, так низко, что оказалось ниже сетки сенсоров, и заскользило над изрытым ландшафтом.

В кабине раздался голос Лоны.— Вот это ты называешь „стрессовой ситуацией"?

— Не совсем, — ответил Векс.— Сейчас просто нужно соотнести нашу траекторию с положением корабля в воздухе согласно всем неровностям ландшафта, индицируемым датчиками. При такой маленькой скорости у меня всегда в запасе несколько миллисекунд для того, чтобы среагировать.

— Думаю, продолжать управление судном можешь ты.

— Как пожелает мадемуазель, — пробормотал Векс.

Впереди показалась россыпь сверкающих огней — космический порт. Горняцкое судно нырнуло в пыльное облако, в тень огромной горы — двигатели устало и благодарно гудели.

— Я обнаружил шлюзную камеру в этой горе, — проинформировал их Векс.— Под пультом в специальном отсеке вы найдете электронные датчики, каждый из вас сможет пройти контрольно-пропускное устройство в шлюзной камере, так что Служба Безопасности Порта не узнает, что шлюз открывали.

— А ты куда отправишься? — спросила Лона.

— Я буду ожидать в тени кольцевой стены, в дальнем кратере, — ответил Векс.— И двигаться буду только с тенью. Возле электронных датчиков найдите маленький передатчик, положите его в карман. Если нажать кнопку на нем, он отправит мне закодированный сигнал. Получив его, я определю ваше местонахождение при помощи вектора и амплитуды и тотчас доставлю судно к вам.

Лона открыла отсек, достала электронные датчики и протянула передатчик Уайти. Он взял его и сунул в карман за поясом.— Какой у него диапазон?

— Тысяча километров, — ответил Векс.— Если вы будете находиться на космодроме „Спокойствие", я вас услышу.

— А как вызвать тебя с Терры?

— Для этого нужен более мощный передатчик.

— Ясно. Короче, мы не можем требовать стопроцентной гарантии.

Отец Марко медленно поднялся с кресла и направился к выходу.— Надеюсь, я не забуду, где оставил свой скафандр.

— Что ж, спасибо за помощь, — Лона поспешила за остальными членами экипажа.— Если кто-нибудь постучится, когда мы уйдем...

— Я не позволю войти, — заверил ее Векс.

В шлюзной камере была панель с утопленной кнопкой. Лона достала отвертку, закрепила соответствующее лезвие и дважды повернула винт, потом сняла панель и протянула ее Дару. Он наблюдал за тем, как она пережала несколько проводков.

Параболический диск над их головами сделал несколько оборотов и застыл.

Лона кинулась назад, словно ее ранили. Дар не винил ее: все, чем он мог помочь, это не выронить из рук панель. Потом он услышал жалобное подвывание антенны — происходило нечто непредвиденное и едва ли для них приятное. Это Дар был в состоянии понять.

Уайти подался вперед и коснулся своим шлемом шлема Лоны. Через минуту она кивнула и мрачно шагнула в камеру. Она взяла панель из рук Дара и установила ее на прежнее место, потом нажала кнопку, и шлюзная камера медленно открылась. Она махнула Дару, и он вошел первым. Все последовали за ним, Лона замыкала. Уайти нажал пластину на стене, и шлюзная камера закрылась. Дар стал с волнением ждать. Наконец открылась внутренняя камера. Он шагнул в темноту, щелкнул застежкой на шлеме и сдвинул его назад. Оглянулся и увидел, что в руке отца Марко засветился красный огонек, что Лона тоже сдвинула шлем, а Уайти закрывает камеру.

— Что нам делать со всем этим? — спросил Дар.

— Оставим все как есть.— Лона пожала плечами.— Самое разумное решение.

— Служба Безопасности регулярно проверяет все шлюзы.— В Сэм проснулся бюрократ.— Они обнаружат это в течение нескольких дней.

— Я бы не сказал, что счастлив, но лучше знать всю правду. Кстати, что ты сделала, чтобы этот микроволновый диск улетел прочь, Лона?

— Ничего, — ответил Уайти.—Этот диск вел направленную передачу коммерческой программы ДТ спутникам Терры. Закончив вещать одному спутнику, он поворачивается, чтобы вещать другому, и так постоянно в том же духе.

— Студия ЗДТ? — спросил Дар.— Но почему они ведут передачу с Луны?

— Потому что именно здесь они делают свои программы, невинное дитя! — фыркнула Сэм.

Уайти кивнул.— Здесь предостаточно места для того, чтобы создавать программы для ста двадцати каналов, для двадцати

шести культур... И им постоянно нужен свежий творческий состав. В больших городах им негде развернуться. И потихоньку компании перебираются сюда, на Луну, где затраты невелики. Скоро здесь разместится вся развлекательная индустрия МСЭ, уверяю вас.

— Говорят, здесь ей и место, — произнесла Лона.

— Да? — Дар задумался.— Значит, контора вашего издателя тоже здесь?

— Нет, издательская индустрия осталась на Терре.

— А...— Дар оглядел шероховатые стены туннеля со следами лазерных буров.— Тогда здесь особо делать нечего, так? Думаю, следует немедленно отправляться на шаттле на Терру.

— Ошибаетесь.— Уайти покачал головой.— Этот астероидный горняк наверняка напел Солнечному Патрулю целую оперу. Вся Служба Безопасности на Луне уже поставлена на ноги и имеет наши описания. Сначала нам следует придумать, каким образом сменить облик и все такое прочее, чтобы провести их.

Дар почувствовал, как похолодело все внутри.— Я-то думал, все будет намного проще.

— Только не на Терре, — сказала Сэм, — о Луне и говорить нечего.— Она повернулась к Уайти.— Вы уже что-нибудь придумали?

— Нет еще.— Уайти начал выбираться из скафандра.— Сначала, надо полагать, избавимся от этих костюмов, потом найдем укромное местечко, где все и обмозгуем.

Уайти отдал все деньги старому горняку... но из одного кошелька — за поясом у него оказался еще один. Небольшая остановка у магазина, и у Сэм появился замысловатый парик и прозрачное платье, Лоне он купил краску для волос и мешковатый костюм, состоящий из туники и брюк, мужчинам — краску для волос и деловую одежду. После продолжительной остановки на станции отдыха в их облике произошли значительные перемены.

Уайти выстроил их в холле, оглядел с ног до головы и одобрительно кивнул.— Пойдет. Немного нелепо, но пойдет. Теперь, Дар, о неприятном — наверняка у них имеются отпечатки твоих пальцев... Остальным тоже не рисковать и ни к чему не прикасаться большим пальцем. Не смотреть ни на что, что может сканировать вашу сетчатку — никаких глазков в развлекательных галереях, камер обозревателей студии ЗДТ или объективов. Понятно? Хорошо. Вы занесены в компьютерную сеть „Большого Сапфира“, и каждый ваш шаг отражается на мониторах компьютера, подключенного к основному терминалу на Терре.

— Дела действительно так плохи? — спросил Дар.

— Еще хуже, — заверила его Сэм.

Уайти снова кивнул.— Не стоит упиваться иллюзиями, ребята. Наши шансы на то, чтобы добраться без проблем до планет-колоний, чуть похуже, чем у динозавра, пробирающегося по тонкому льду. Я надеюсь только на то, что игра стоит свеч. Итак,

мы — вольная бригада киношников, ищущая работу. Что бы я ни сказал о вас, подтверждайте мои слова и ничему не удивляйтесь. Это касается и имен. По дороге я придумаю вам новые. Готовы? Пошли!

Они вышли к фасаду здания, высеченного из лунной скалы на высоте двадцати футов, с платиновой вывеской „Западная Студия" над входом и с подсветкой, что свидетельствовало о процветании.

— Целая индустрия, — объяснил Уайти.— Здесь выпускают большую часть развлекательных программ для англоговорящих каналов.

Проходя через двери, Дар испытал такое чувство, что каждого входящего сюда регистрирует компьютер — вес, рост, телосложение и цвет волос, абсолютно все — и сравнивает все это с описаниями всех преступников, находящихся в розыске. Он чуть было не развернулся и не побежал угонять первый попавшийся космический корабль.

Они вошли в фойе. Ковер, в котором утопали ноги; великолепное убранство и... трое охранников в униформах, два человекоподобных робота и пять камер, каждая из которых, казалось, смотрела именно на него. Он остановился, как вкопанный, сглотнув, — сердце ушло в пятки. Но Уайти невозмутимо прошел вперед с видом завзятого плутократа.

— Чем могу служить? — необычайно вежливо спросил главный охранник.

— Передайте мистеру Строганоффу, что его хочет видеть мистер Тамбурин.

— Вам назна... — начал охранник по привычке, но одернул себя:

— Разумеется, мистер Тамбурин.— Он развернулся и пробубнил что-то в переговорное устройство, подождал, заговорил снова. Из устройства раздался радостный вопль. Охранник выслушал, кивнул и повернулся к Уайти.— Он будет здесь через несколько минут, мистер Тамбурин. Извините за задержку, но...

— Ну конечно.— Уайти улыбнулся.— Он же не знал, что я приеду. Да, в общем, я и сам не знал. Старые друзья, видите ли...

— Ну, как же.— Охранник оказался неплохим вруном.— Если вы пройдете в фойе, мистер Тамбурин...

Уайти ответил грациозным кивком и бросил своей компании:— Пойдем, дети мои.— Он развернулся и направился к обширной двери.

Дар ощутил, как ощетинилась Сэм, когда они последовали за ним. Роботы открыли дверь, чуть поклонившись, когда Уайти проходил мимо. Минуя их, Дар чувствовал, что они нисколько не бдят, не заглядывают с подозрением в глаза, как можно было ожидать. Похоже, Уайти в этом обществе ценится очень высоко.

Они ступили в мир изнеженной роскоши — паркетные стены с непостижимо огромными картинами, которые как бы кричали: „ИСКУССТВО!"; кресла, которые так и зазывали утонуть в них; ковер, такой пушистый, что по нему трудно было ходить; и нако-

нец, одетая со вкусом хозяйка, склонившаяся при их появлении и промурлыкавшая: „Желаете освежиться, господа?"

Месяц назад Дар сгреб бы ее и продемонстрировал самую дикую из сцен животных удовольствий, известную когда-либо (да, так бы и было на самом деле). Но в присутствии Лоны эта женщина его не интересовала. — Что-нибудь выпить, не очень крепкое, благодарю.

Когда она протянула ему напиток, он сделал маленький глоток... и почувствовал, как... эйфория-экстаз-экзальтация-нирвана потоком из нутра заполняет мозг. Он опешил, потом кашлянул в кулак и снова прильнул губами к напитку. Ему доводилось испытать на себе воздействие трубочек опиума на Волмаре, во время пожаров в прериях — он вспомнил то угнетенное состояние, в котором находился.

Потом вдруг появился человек среднего роста, сразу видно, сильнейшая личность.— Тамбурин! Старый негодяй! Вернулся!

Уайти встал как раз вовремя — его чуть не сшиб с ног взрывоопасный энтузиазм. Он остался на ногах лишь потому, что Строганофф схватил его в свои медвежьи объятья. В ушах всех их раздался его оглушительный раскатистый смех.

Строганофф выпустил Уайти из объятий и схватил его за руку, улыбаясь во весь рот.— Дай мне рассмотреть тебя, негодяй ты этакий!... Десять лет, а у него ни морщинки не прибавилось! Старина!

— Ну, в последний раз, когда мы виделись, я и так был уже достаточно стар.— Уайти похлопал Строганоффа по плечу.— Такой же крепыш, как и прежде, а? Ты неплохо выглядишь, Дейвид!

— С тех пор, как мне вставили этот новый желудок, — нет! Но позволь мне поприветствовать твоих спутников. Рад вас видеть, друзья. Меня зовут Дейвид Строганофф. Представь своих друзей, Уайти.

— О, это Фулва Вулпес.— Уайти протянул руку в сторону Лоны, чьи глаза удивленно посмотрели на него.— Мой помощник и главный редактор.

— Интересно.— Строганофф протянул Лоне руку.— Вы, должно быть, неплохо разбираетесь в компьютерах.

На этот раз Лона удивилась по-настоящему. Она взглянула на Уайти. Строганофф усмехнулся.— А это что за чаровница?

Сэм ответила на комплимент скромной улыбкой, что еще больше очаровало Строганоффа.— Убеждаюсь, что комплимент ничто по сравнению с тем, чего вы заслуживаете. Поверьте мне... Кто это, Тод... твой импресарио?

— Если вдруг приносят бюрократический пакет, перевязанный красной лентой, я ее разрезаю,— сказала Сэм.

— Импресарио, ясно! А это кто?

— Коберн Гелиц, сценарист и исследователь. Именно ему пришла в голову идея переложить мои стихи на прозу, Дейв.

— Э... Какое-то время мы работаем с Тодом вместе.— Отец Марко пожал руку Строганоффу, и глазом не моргнув при этом.—

А вообще я занимаюсь фундаментальными мифологическими структурами; как вы понимаете, у меня проблемы с коммерческими делами...

— Ну, пусть это вас не волнует... нерожденный миф не испортишь, — сказал Строганофф с серьезной миной.— А этот молодой человек?

— Перри Тетик — „отец", можно сказать, нашей молодежи. Он-то как раз и занимается, как ты сказал, „порчей".— У Уайти явно разыгралась фантазия.— Настоящий коммерсант. У него просто дар превращать самые абстрактные идеи в конкретные слова, чтобы даже самый недалекий осел понял, о чем идет речь.

— Да? Интересно! — Строганофф пожал Дару руку с явным интересом.— Надеюсь, у нас найдется время поболтать, Перри. Я сам интересуюсь подобными вещами.

— Как только выдастся свободная минутка.— Дар был уверен, что с честью выйдет из этого разговора: все, проходившие обучение у Чолли, могли поддерживать любую беседу на должном уровне. По крайней мере, Уайти предоставил ему такую роль, в которой он знал какой-никакой толк , и потом до Дара дошло, что Уайти поступил так с каждым из них.

— ...состояние искусства, — услышал он слова Лоны.— Можно взглянуть на ваше производство?

— Ну разумеется! Какой разговор! Действительно, почему бы не осмотреть все? Начнем с площадки номер десять... я только что оттуда, но мне нужно удостовериться в том, что все идет нормально. Пойдемте, прошу вас.

Он пошел первым, за ним Уайти, остальные пристроились к их шагу. Они свернули в коридор; Уайти и Строганофф говорили, перебивая друг друга.

— Так ты организовал свое дело, Тод? Рад, что ты послушал меня, когда я твердил, что тебе следует сделать грандиозную программу... но я не думал, что ты явишься с целой командой!

— Да, ты был прав, Дейв.— Уайти покачал головой.— Я руковожу всей постановкой. Но ты наверное заметил, что у меня нет продюсера?

— Да, разумеется, обратил внимание.— Строганофф оскалился, как акула.— Это предложение, Тод?

— Что ты хочешь — тиски для пыток?

— Всегда непревзойденный дипломат! Ты знаешь, я не смогу устоять перед таким предложением... да и тебе нужна поддержка. Ты еще не окончательно спятил, чтобы браться за финансирование подобной затеи в одиночку.

— Ну, у меня репутация отнюдь не богача, — Уайти усмехнулся.

— Он не богач, держите меня крепче! — пробормотала Лона.— В банке Терры у него столько денег, что можно купить маленькую планету!

Представилась отличная возможность приблизиться к ней вплотную. Дар нагнал ее и прошептал:

— Они приятели, так? Почему же Строганофф зовет его Тодом?

— Потому что не подозревает о существовании „Уайти", — бросила Лона через плечо.— И никто не подозревает вне стен таверн.

Так. Значит, Дар зря боялся, что выступая под своим настоящим именем, Уайти принесет им кучу неприятностей; оказывается, те люди на Фальстафе, сообщившие Канису Дестинусу, что Уайти де Вино помогает Дару Мадре, не знали его как Тода Тамбурина. Его лучший союзник — настоящее имя.

— Вот здесь.— Строганофф открыл дверь, которая больше походила на огромную шлюзную камеру.— Площадка десять.— Когда Сэм проходила мимо него, он добавил:

— Боюсь, что не расслышал ваше имя.

— Ее зовут Ори Снайп, — бросил Уайти через плечо, и Сэм быстренько улыбнулась и протянула Строганоффу руку.

Они попали в хаос. Первым впечатлением Дара было: они оказались среди тысячной толпы людей, беспорядочно двигающихся, делающих ненужные вещи и орущих на непонятном жаргоне. Но спустя несколько минут он начал понимать, что к чему. На самом деле их вовсе не тысяча, а чуть больше трех десятков. И двигались они не так уж быстро — просто в разных направлениях и беспорядочно. Он обратил внимание на одну женщину и проследил за ней некоторое время. Она перемещалась на высокой телескопической колонне, установленной на трехколесной тележке, настраивая свет над их головами. Движения ее были размеренными, ничего лишнего, ничего хаотичного. Дар перевел взгляд на другого, потом еще на одного.

— Может показаться неразберихой на первый взгляд, — раздался за его спиной голос Строганоффа, — но каждый знает, что должен делать, и делает это.

Дар посмотрел на него, заметил, что тот сдвинул брови.— Что-нибудь случилось?

Строганофф покачал головой.— Нет, все идет как положено. Даже немного опережают расписание.

— Тогда в чем дело?

— Да так, ничего серьезного.— Строганофф выдавил улыбку.— Просто иногда эта фальшь мне надоедает.

Дар удивленно посмотрел на него.— Но вы сочиняете истории, а истории и должны быть надуманными; они же не могут быть правдивыми?

— Нет, почему же, могут.— Строганофф поджал губы.— В книгах по истории полно всяких правдивых историй.

Это утверждение навеяло на Дара что-то знакомое; ему вдруг показалось, что он снова в таверне Чолли.

Он кашлянул, избавляясь от кома в горле.— Похоже на своего рода образование.

— Тс-с! — прошипел Строганофф, поднеся палец к губам. Он огляделся по сторонам, потом вздохнул с облегчением.— Хвала господу! Никто не слышал!

— А что в этом особенного? — спросил Дар.— Образование-то тут при чем?

— Тише, прошу вас, — Строганофф снова оглянулся.— Ради Бога, не упоминайте здесь это слово!

— Но почему? Что в обра...эхм... такого?

— Это имеет самое непосредственное отношение к рейтингу, — объяснил Строганофф.— Подобного рода программа обречена на провал, никто не станет ее смотреть. Разве что горстка зрителей.

— Да, но горстка людей в сфере Терры! Горстка в количестве триллиона с половиной, если не больше!

— Верно, эта „горстка" составит примерно биллион или что-то около того, не знаю.— Строганофф кивнул.— Но для людей, управляющих компанией, это ничтожно мало. Главное для них получить как можно больше денег за наиболее популярное шоу.

— Ясно.— Дар сдвинул брови.— Значит, нельзя включать об... э... в программу, иначе не пропустят сценарий.

Строганофф кивнул.— Совершенно верно.

— И им это не очень-то нравится?

Строганофф помедлил, потом тряхнул головой.

— Значит, и вам не нравится ваша работа?

— Да нет, мне нравится то, чем я занимаюсь.— Строганофф осмотрелся по сторонам.— Во мне осталось что-то от детства. И это помогает мне создавать истории, пусть они получаются не такими, как представлялось, когда я был ребенком. И иногда надоедает.

— Но почему?

— Именно потому, что я хотел заняться образованием, обучением.— Строганофф устало улыбнулся.— Нет, я не имею в виду кучку студентов в аудитории... речь идет об огромной аудитории, о биллионах зрителей, которых это не интересует, которые и знать не желают обо всех этих „неуместных фактах" — о Сократе и Декарте, о Симоне де Монфоре и Великой хартии вольностей.

— Мне казалось, что о Великой хартии вольностей следует знать всем гражданам демократической системы, — заметил Дар.— По крайней мере, если эта система хочет выжить...

— Вот именно, „если", — Строганофф грустно улыбнулся.— Оглянитесь вокруг.

Дар сглотнул.— Мне кажется, я понимаю вас.

— Да, наверняка.— Строганофф взглянул на огни рампы.— И я понял, что ЗДТ — отличное средство, при помощи которого можно обучать — читать людям лекции, но делать их настолько интересными визуально, чтобы они смотрели их независимо от того, хотят об этом знать или нет. Не просто рассказывать им о Ватерлоо, например, а показать, как все происходило, современными средствами. Проиграть заново всю битву, заглянуть чуть вперед, чтобы они смогли своими глазами увидеть, к чему привела война Наполеона и Веллингтона...— Взгляд его переместился куда-то вдаль.

— Подождите! — Дар ткнул в продюсера пальцем.— Я видел эту битву. В одной из старых программ ЗДТ! Лошади, несущиеся по грязной дороге... потом панорама сверху, армия Наполеона, и голос Веллингтона, описывающего свою стратегию...

— Вы уверены, что не читали это в книге?

— Читал, но до тех пор, пока не посмотрел эту программу, не понимал, что к чему! „Жозефина Бодур" — вот как она называлась!

— Да, правильно.— Строганофф скривился, словно ему на язык попало что-то горькое.— Странно, что вы смотрели эту программу.

— Просто я находился... на пограничной планете. Помню, это была сомнительная версия частной жизни Наполеона... но там присутствовала битва при Ватерлоо.

— Да. Было такое.— Строганофф с улыбкой оглядел студию.— Не очень образовательная программа... но все же...

— А почему вы не занимаетесь чисто образовательными программами? — тихо спросил Дар.

Строганофф пожал плечами.— Занимался, сразу после окончания колледжа. Но они настаивали на том, чтобы программы были сухими, скучными. Заявляли: студенты не воспримут всерьез, если все будет так занимательно... странно, многим кажется, что образование не может быть образованием, если оно не скучно... а это значит, что знания получают лишь очень немногие, вот так.

— Большинство из которых занимаются самообразованием, не так ли?

Строганофф кивнул.— И меньшинство из читающих. Да. Прекрасные люди, но не они меня волнуют, они не подорвут основ демократии.

Дар кивнул.— Вы хотите добраться до тех, кто не хочет учиться.

— Совершенно верно.— Строганофф закрыл глаза и кивнул.— Но начал бы я лет сто назад, вот тогда бы, возможно...

— Ну, не так уж плохи дела! — посерьезнел Дар.— Я думал, что демократия сначала должна прийти в упадок, а потом уже исчезнуть.

— И что?

— Но мы пока живы! — Дар развел руками, точно клешнями.— Где оргиастические шабаши? Где повальный секс? Где аристократы-декаденты?

— В анклаве МСЭ, в Нью-Йорке.— Строганофф устало улыбнулся.— Есть, все это есть. Самое смешное...

— Ну ладно. Но не так уж их много...

— Вы так старательно их искали? Ладно, не в этом все дело... они и не обязательны. Как вы думаете, сколько оргий видел обычный римский владелец магазина? Ищите упадок в малом — в людях, которые не хотят голосовать, потому что кандидаты-де все „на одно лицо". Людях, которые считают, что правительству полезны перетряски, но при этом не смей трогать их благосостоя-

ния. Которые думают, что беседы о политике — дурной вкус. Вот где упадок, который и погубит демократию!

— Ах, все это уходит своими корнями в нехватку образования, — задумчиво произнес Дар.

— Не только.— Строганофф нахмурился, потом кивнул.— Но... вообще-то да, загвоздка именно в этом.

— Вам когда-нибудь приходилось слышать о Чарлзе Т.Бармене? — чуть помедлив, спросил Дар.

— О проказнике-преподавателе? — Строганофф усмехнулся.— Да, слыхал. Читал его книги. Да, надо признаться, я следил за его карьерой с интересом. С большим интересом. Да.— Он повернулся к Дару, глаза его заблестели.— Знаете, им не удалось его поймать.

— Да, — решительно сказал Дар, — не удалось.

Дар сделал глоток и глянул на Лону поверх стакана.— Что он там делает?

— Творит, — ответила Лона.

— Так долго?

— Долго? — Лона безрадостно улыбнулась.— Прошло всего шесть часов.

— Так много времени требуется для того, чтобы сделать... как Строганофф называет это..?

— Серийный формат, — напомнила ему Сэм.

— Да, один из них.

— С этим он закончил часа три назад, — Лона сделала глоток.— Строганоффу нужен сценарий и для первой программы.

— Но он наговаривает на диктофон! Как может часовой сценарий занять больше часа?

— А время на обдумывание? И не забывай еще, что это должна быть поэзия. Это ведь единственное, что поможет Строганоффу убедить правление пропустить сценарий... потому что это сериал ЗДТ о поэзии Тода Тамбурина.

— А создание поэмы требует массу времени, — спокойно произнес отец Марко.— Если честно, мне что-то не верится, что завтра к десяти утра у нас на руках будет готовая часовая программа поэзии.

— О, с поэзией он справится, — Лона бросила взгляд на закрытую дверь в спальню, где творил Уайти.— Поэзия — это навеки. Он может сочинять и сочинять.

— Представляю, какое на него напало вдохновение, — тихо сказал отец Марко.

— Тогда, — понуро произнесла Лона, — мы можем задержаться здесь на неделю.

— Вот как? — Дар встал и пошел к бару за очередной порцией.— По крайней мере, в нашем распоряжении прелестная комнатка ожидания.— Он оглядел гостиную номера „люкс".— Похоже, вдохновение на него действительно найдет...

Дар с трудом припомнил, как отец Марко развел всех по спальням, бормоча что-то насчет того, что завтра рано вставать, но все это было как-то смутно. Какой-то подлый туман с запахом терранского алкоголя, казалось, заполнял все вокруг ночь напролет. Он проснулся с отвратительным вкусом во рту и дикой головной болью. Дар откинулся на подушку, но сон уже не возвращался.

Он решил встать и осторожно свесил ноги с постели. Он схватился за голову и подождал, пока комната перестанет плясать перед глазами. В желудке творилось что-то невероятное. Наконец, он смог подняться. Ему пришлось схватиться за стену, глотая воздух, словно выброшенной на берег рыбе, и ждать. Это заняло много времени, но помогло — он поплелся в гостиную.

Слава Богу, свет на потолке был очень тусклым — догадались!— но раздавались чьи-то приглушенные голоса. Странно, голова при этом не раскалывалась, но, что еще более странно, в комнате был только один человек.

Этим человеком был Уайти, который полулежал в кресле; Дару показался странным блеск его глаз. Он заметил Дара, склонил голову и протянул стакан, до краев наполненный тягучей коричневатой жидкостью. Дар схватил его, припал губами и выпил залпом до дна. Он почувствовал, как сразу полегчало.— Господи! Что это такое?

— Домашнее Средство от Похмелья Дядюшки Уайти, — ответил Уайти.— Только не спрашивай рецепт.

— Не буду, — покорно сказал Дар. Он доплелся до кресла и плюхнулся в него.— Откуда вы узнали, что мне это нужно?

— Заглянул к тебе среди ночи.— Уайти усмехнулся.— Ты перебрал горючего.

— Горючего?

— Ну, спиртного, — пояснил Уайти.

В голове Дара возник смутный образ белого лица Уайти, пристально глядящего на него.— Ох, да. Что-то помню.— Он выдавил некое подобие улыбки.— Да, но... нет, это, должно быть, сон.

— Нет. С чего ты взял, что сон?

— Потому что вы спросили... а я ответил...— Дар сглотнул.— Нет, Наверняка сон.

— Спросил что? И что ты ответил?

— Ну... о моей миссии. Что я должен сделать на Терре.

— Никакого сна, — заверил его Уайти.— И я удачно подобрал время. In vino veritas.

— Истина в вине? — Дар отпрянул.

Веки Уайти закрылись.— Ты все-таки знаешь латынь! Забавно, в наши дни и в твоем возрасте. Кто умудрился вбить тебе это в голову?

— Мой босс, бармен по имени Чолли. Но...

— Хм. Должно быть, интересный человек.— Уайти снова открыл глаза.— Хотел бы с ним как-нибудь встретиться.

— Вы сделаете это, судя по тому, как складываются наши

дела. У вас просто не будет другого выхода.— Дар снова сглотнул.— Так о чем я вам рассказывал?

— А что ты сам помнишь?

— Что я должен передать сообщение генерала Шаклара высшему руководству МСЭ... о готовящемся...

Уайти кивнул.— Отличная память.

Дар застонал и закрыл глаза.

Уайти придвинулся к нему и потрепал его по плечу.— Не переживай так, приятель... все мы совершаем ошибки поначалу. По крайней мере, если ты и проболтался, то другу.

— Другу? — Дар поднял глаза.— Разве теперь я могу быть уверен?

— Не забывай, я потратил кучу денег и по уши завяз во всей этой истории только ради того, чтобы помочь вам...и когда я услышал твой рассказ, я даже обрадовался. Не то чтобы я думал, что нас ждет успех, нет...но я не позволю демократии так просто погибнуть, я буду драться за нее до последнего.

Дар, сам не зная почему, поверил. Превозмогая головную боль, он уставился на Уайти.— Наверное, вы почувствовали, что я делаю то, во что вы тоже верите, раз... пошли на такой риск, вы и Лона.

— Да, наверное.— Уайти откинулся и взял стакан.— Я понял, что игра стоит того. Лона — это другое дело. Я не заставлял ее. Она могла не участвовать во всем этом, с ее-то деньгами, а остаться в стороне, и она сама об этом знала.

Дар сдвинул брови.— Что-то не похожа она на жертвующую собой личность.

— Верно. Она хочет купаться в роскоши, это правда... но она знает еще, что есть вещи поважнее. Например, чтобы рядом был человек, который действительно заботится о ней, - я , или свобода, без которой никакая роскошь невозможна.

Дар оглянулся.— А где она?

Уайти показал головой в сторону закрытой двери.— Проверяет сценарий.

— Он готов? — Взгляд Дара застыл на лице Уайти.— Получился?

Уайти пожал плечами.— Какое это имеет значение? Я доставлю вас туда, куда нужно — это самое главное.

Что-то вдруг насторожило Дара. Он поднял голову.— Что случилось?..Голоса смолкли.

— Голоса? Ты имеешь в виду студию ЗДТ?

— Так вот откуда они раздавались? — Дар обернулся на экран во всю стену и увидел надпись: „СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ!“ на фоне голубого моря. Раздался голос: „Просим прощения, уважаемые граждане. Мы вынуждены прервать программу и сообщить важные новости о тайной организации, чья деятельность направлена на подрыв Межзвездного Суверенного Электората“. На экране возник пожилой человек приятной внешности с решительным взглядом. „В студии Зен Лоффер с новостями непосредственно из Службы Безопасности МСЭ. Над нами

висит угроза, граждане...она исходит он невидимого зла, вездесущего и всепроникающего... занесшего руку на нашу с вами демократию, чтобы лишить нас всех свободы!"

— Паршивая проза! — пробормотал Уайти.

— Дар остолбенел.— Самый популярный телеобозреватель! Его слышат во всей Солнечной системе... а лайнеры ССС разнесут эту информацию по всем колониям, не пройдет и месяца!

— Да. Ничто так не способствует успеху, как грубая утка, — заметил Уайти.

„Злодей может оказаться вашим соседом, вашим другом, вашим сослуживцем, — продолжал Лоффер.— Никому не известно, где таится враг...потому что, друзья мои, они — телепаты!"

Уайти побагровел. Дар поперхнулся.

„Коварные телепаты, способные подло читать ваши мысли! Они по всему МСЭ. Откуда нам это известно? Вот уже в течение месяца Служба Безопасности охотится на отъявленного телепата, проделавшего путь с отдаленных колоний и прибывшего уже сюда, на Луну. Они вот-вот схватят его, рассчитывая на местную помощь!"

На слова „местную помощь" ему едва хватило дыхания.

„Кто поможет этому телепату? — разглагольствовал Лоффер.— Никто, кроме другого телепата! Куда бы ни отправлялось это чудовище, оно всегда находит помощь... значит, телепаты разбросаны по всему МСЭ, помогают ему. Это тайная организация, поставившая правительство...захватить власть в свои руки!

— Э... по-моему, в его логике кое-какие несоответствия, не находите? — спросил Дар.

— Логика? Какая там логика! — фыркнул Уайти.— Но, по крайней мере, звучит убедительно, так? Значит, все правда, так?

— „Но мужайтесь! — Неожиданно голос Лоффера обрел спокойствие и решимость.— Наш надежный Солнечный Патруль гонится за этим чудовищем и не остановится до тех пор, пока не уничтожит его!"

— Что значит „право на то, чтобы судить по закону"? — поинтересовался Уайти.

Загадочно улыбаясь, Лоффер растворился в голубом море, заполнившем экран. Раздался голос: „Продолжаем показ сериала „Космический корабль жены капитана".

Уайти нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и изображение сменилось фруктами в корзине — пошла какая-то реклама.

— Э... а я полагал, что новости должны быть объективными, основанными на достоверных фактах, — глухо пробормотал Дар.

Уайти с интересом посмотрел на него.— Ах, вы не были на Терре раньше, не так ли?

— Не был.. Нет, послушайте, — Дар был возмущен.— Ведь подобные заявления дезориентируют публику. Зачем сеять панику?

— Есть у меня кое-какое соображение на этот счет, — пробормотал Уайти, — но надеюсь, что оно ошибочно.

— Должно быть, они просто хотят уверить абсолютно всех, что схватят меня. Но почему? Какая с моей стороны может быть угроза? И с чего они вообще взяли, что я телепат?

— Они могут так и не думать. „Телепат“ — подходящее словечко для того, чтобы пугать им людей, говорить им, что он сует свой нос в их частную жизнь, имеет неоспоримое преимущество перед остальными...так на их стороне оказывается все больше тех, кто захочет помочь им схватить его. Если они хотят поймать тебя во что бы то ни стало, это неплохая уловка. И если ты представляешь для окружающих угрозу, то вот тебе ответная мера. И угроза. Эти конспираторы не любят рисковать даже в малом. Партия ЛОРДОВ в Ассамблее МСЭ хочет ограничить права личности, и никогда они еще не были так влиятельны. А их оппозиция раскололась на десятки группировок. Если оппозиционный лидер и существует, то это Тэм Уркавни, председатель КЗП — Коалиции по Защите Прав. По крайней мере, официально он является спикером Оппозиции. Но его „Коалиция“ очень слаба — ее члены тратят время на бесконечные споры по политике, вместо того, чтобы что-то предпринимать.

— НО ЛОРДЫ не пытаются сбросить все правительство МСЭ, не так ли?

Уайти пожал плечами.— Если бы и хотели, они об этом не скажут, разумеется. Это государственная измена, мальчик мой. Нет, можешь быть уверен, кто бы ни стоял за этим заговором, они ни за что не проболтаются и позаботятся о том, чтобы другие тоже молчали.

Дверь в спальню открылась.

— Ну, о политике хватит.— Уайти вытянул шею и глянул через плечо.— Привет, дорогая.

Лона вплыла в гостиную, и ее вид заставил Дара принять решение остаться среди живых. Похоже, снадобье Уайти сработало. Но почему в ее глазах такое лихорадочное выражение? Она больна?

— Говорил я тебе, не следовало ждать, пока я закончу, — сказал Уайти недовольным тоном.— Иди спать, дорогая, в твоем распоряжении всего три часа.

— Разве я усну, прочтя вот это? — И Лона швырнула в него пачку бумаг.

Уайти подобрал их и положил на колени, как-то виновато улыбаясь ей.—Понравилось, да?

Лона кивнула, выдавив улыбку. Казалось, она вот-вот взорвется.

Уайти усмехнулся и повернулся к Дару, протягивая ему рукопись.— Взгляни, что ты об этом скажешь?

Дар взял в руки сценарий и стал читать. Его взгляд скользил по строчкам, губы шевелились, каждое слово отдавалось в голове.— Уайти, это же...

— ...замечательно! — закончил отец Марко, только что оторвавшись от последней страницы. Сэм подняла голову с затуманенным взглядом и тоже кивнула.

— Сыровато, — пробурчал Уайти, покрываясь румянцем.— Требует доработки. И немалой.

— Это просто шедевр, — прошептала Сэм.

Уайти сидел какое-то время, не шевелясь, потом отрывисто кивнул.— Хорошо. Да. Сыровато, но... хорошо. Благодарю вас.

Лона положила руку на его плечо.— Половина десятого, дедушка.

— Да.— Уайти со вздохом поднялся.— Пора на встречу со Строганоффом, дети мои...с Рыцарем Сияющего Лазера, который встретится в схватке с Драконом Коммерции ради нас. Готовы?

Дар ходил из угла в угол, заложив руки за спину.— Что он там делает...читает весь сценарий?

— Успокойся, Дар... ой, Перри.— Уайти примостился в кресле, точно кошка у камина, держа в руке высокий стакан.— Это значит, что все идет хорошо. Если бы экспертам не понравилось то, что он им всучил, он бы вышел полчаса назад.

Дверь открылась, появился Строганофф, неся сценарий на вытянутых руках, его глаза блестели.

Дар кинулся к нему.— Ну? Что они сказали? Им понравилось? Хотят купить? Что?

Строганофф повернулся к нему, но его взгляд был отсутствующим. Отец Марко отстранил Дара, что-то приговаривая, и Уайти присоединился к нему:

— Успокойся, Перри. Они примут решение чуть позже... Как там, Дейвид.

Строганофф посмотрел на Уайти, но глаза его по-прежнему ничего не видели.— Тод...почему ты не предупредил меня?

— Предупредил? — удивленно переспросил Уайти.— О чем?

— Вот об этом! — Строганофф потряс сценарием.— Я убеждал их в том, что удастся привлечь многочисленную аудиторию, что затраты будут минимальными, о лице компании, и все это начало им надоедать, поэтому я начал читать им первые несколько строк, чтобы донести до них основную идею... и не смог остановиться! Я читал и читал...я прочитал до конца... и они не прерывали меня! Ни разу! Они действительно слушали!

Уайти хмыкнул и откинулся на спинку кресла.— Приятно, когда тебя ценят.

— Ценят! Господи, Тод, да ты заслуживаешь самой высшей награды!

Дар наконец-то вздохнул. Похоже, он все-таки попадет на Землю.

По дороге в гостиницу они смеялись и болтали, празднуя победу...пока дорогу им не загородил мажордом с каменным лицом, спросив:

— Мистер Тамбурин?

Смех моментально стих, словно по нему прошлись опасной бритвой. Уайти посмотрел на человека в ливрее.— Да?

— Вам позвонил Горацио Бочелло, сэр. Он настаивает на том, чтобы вы поговорили с ним. Он ждет.

Лицо Уайти повеселело.— Старик Горацио!

Сэм изумленно уставилась на него. Отец Марко моргнул. Даже на Лону это произвело впечатление. Дар огляделся по сторонам. Потом они все побежали вслед за Уайти.

Мажордом опередил их.— Мистер Тамбурин?

Уайти оглянулся.— Да?

— Он действительно был весьма настойчив, сэр. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы поговорили и с ним сразу же, как только подниметесь в номер.

— Да. Я знаю, на кого похож Горацио, когда бывает настойчив.— Уайти улыбнулся во весь рот.— Не беспокойся, добрый человек... Я поговорю с ним сразу же, как только окажусь в номере. Можете сообщить на Терру, что разговор состоится.— Он дотронулся до мажордома, когда тот отвернулся — тот глянул на ладонь, его брови взметнулись вверх.— Благодарю вас, сэр.

— Не стоит благодарностей. За мной, ребята!— Уайти ринулся к лифту.

Его „команда" не отставала от него.— Кто такой Горацио Бочелло? — прошипел Дар.

— Всего-навсего самый богатый человек на Терре, приятель! — прошипела в ответ Сэм.

— А значит, неотъемлемая часть системы. Рьяный католик к тому же... — задумчиво произнес отец Марко.

— Покровитель искусств... просто боготворит дедушку. — добавила Лона.

Дар сглотнул и прибавил шаг.

Когда Уайти ворвался в номер, экран переговорного устройства уже светился и издавал гудение. Уайти нажал на кнопку „ответ" и сдвинул рычажок, чтобы включить камеру. На экране появилось худощавое, скуластое лицо с вытянутой челюстью, с острым носом, горящими глазами и незначительным количеством седых, цвета стали, волос. Глаза нашли Уайти и улыбнулись.— Тамбурин, старый бездельник! Где тебя носило?

— По барам пятнадцати планет, Челло.— Уайти улыбнулся.— Если хочешь получить более точный ответ, скажи, сколько мы не виделись?

— Ну, лет пять... Ты почему не пишешь, негодяй?

— Да все некогда... А как твоя империя?

Бочелло пожал плечами, лицо его приняло равнодушное выражение.— То тут найдешь, то там потеряешь, разрастается сама по себе.

Уайти кивнул.— Как и прежде.

— В Северо-Восточном Королевстве было намного веселее.

— Знаю.— Уайти заулыбался, вспоминая ушедшие годы.— Бегали в самодельных доспехах, дрались на мечах из ротанга.

— А на вечера одевались, как средневековые герцоги. Кроме тебя, разумеется. Ты все никак не мог решить, кем хочешь быть — рыцарем или трубадуром.

Дар протиснулся к Лоне, имея на то уважительную причину, и прошептал:

— О чем они говорят?

— О горстке сумасбродов, — прошептала Лона в ответ.— О той группе, к которой они примкнули, когда были молодыми. По выходным устраивали прогулки по парку и делали вид, что живут в средневековье.

— Ну, потом-то я все-таки решил.— Уайти мило улыбнулся.— Я стал трубадуром...А ты... наконец услышал зов крови и стал бароном.

— Да, но без титула.— Лицо Бочелло помрачнело.— Но это уже не так смешно, Тод.

— Иногда нужно возвращаться в действительность, Челло. Бываешь в старом Королевстве?

Бочелло кивнул.— Я все еще состою в членах. Каждый год умудряюсь бывать на фестивале. Тебе тоже не помешало бы.

— Когда буду там, обязательно. Но на планетах-колониях их не так много, Челло. Держитесь за свой меч, Ваша Честь... тебе он может пригодиться.

Бочелло вдруг оживился.— Ты тоже замечаешь? Но я не думаю, что наступит хаос, Тод.

— Нет, — согласился Уайти.— Напротив. К власти рвется диктатор, хотя не военачальник. Ты тоже ничего не можешь сделать, Челло? Ты, с твоими деньгами?

Бочелло уныло покачал головой.— Я всегда насмехался над политиками, Тод...а теперь слишком поздно.— Он вдруг задумался.— Ты ведь не собираешься остановить все это, правда? Не хочешь броситься под обезумевшего боевого коня?

— Нет, у меня в голове крутятся более современные идеи, вот и все.

— Да, слышал.— Лицо Бочелло расплылось в улыбке.— И мне нравится это! Отличная поэма, Тод! Чертовски замечательная!

Уайти скривился.— Повсюду у тебя глаза и уши, не так ли?

— Тод? — взмолился обиженный Бочелло.— В моих руках пятьдесят один процент акций Совета. Они знали, что нужно как можно скорее связаться со мной!

— И тебе решать, пройдет мой эпос или нет?

Дар затаил дыхание.

Бочелло нетерпеливо пожал плечами.— А что тут решать? Судя по тому, как распродали твою последнюю книгу, мы наверняка не потеряем деньги на первом сценарии Тода Тамбурина! Мне надо только знать, как быстро все это можно сделать?

Уайти усмехнулся.— Моя команда готова отправиться хоть завтра, Челло.

— Прекрасно. Но тебе потребуется некоторое время, чтобы подобрать актеров и подготовить декорации.

— Да, но одновременно можно отснять несколько документальных эпизодов. И, Челло... коли мы собираемся заснять

Ассамблею МСЭ и Исполнительного Секретаря, то следует сделать это как можно быстрее.

— Да, знаю.— Бочелло приуныл.— Все крутится вокруг МСЭ.— Он подался вперед, глаза его заблестели.— Очень быстро, Тод... до того, как вся эта программа станет просто историческим документом!

Дар пристегнул ремни и оглядел роскошную обстановку пассажирской кабины шаттла.— Немного отличается от горняцкого судна, правда?

— Сюда войдет два таких или даже три, — согласилась Сэм.

Дар покосился на нее.— За последние несколько часов у тебя испортилось настроение. Что случилось?

— Ничего.— Сэм для убедительности покачала головой.— Абсолютно ничего не случилось, Дар.— Но ее взгляд по-прежнему оставался грустным.

— Все дело в том звонке Горацно Бочелло, так ведь? Что тебе не понравилось... ты не догадывалось, что МСЭ в таком плачевном состоянии?

— Все это грустно, — согласилась Сэм.— Но мне грустно не поэтому.

— Тогда что с тобой?

— Он меня покорил, — призналась она.

Дар смотрел на нее несколько секунд, потом улыбнулся.— Никогда не видела, чтобы такой богач говорил, как обычный человек, да? Что ж, на меня это тоже произвело впечатление.

— Ну это, — возразила она.— ...Ну, может быть, в какой-то степени. Но больше всего меня поразило его лицо!

— Лицо? — удивился Дар.

Сэм кивнула.— Этот лоб! Острие носа! Эти скулы! И... его глаза!

Дар повернул голову, чтобы получше ее разглядеть.— Ты хочешь сказать мне, что он красивый?

— „Красивый"... Хорошее слово. Но больше подходит „обаятельный". Может быть, даже „очаровательный".

Дара начали мучить серьезные подозрения.— Мне казалось, что ты аскетка...антиматериалистка.

Она повернула к нему лицо, полное презрения.— Неважно, где видишь красоту, дружище, в твоем сердце она продолжает жить. Возможно, мне никогда не представится возможность поговорить с этим человеком, и когда вся эта наша гонка закончится, я его больше никогда не увижу. Но я никогда не забуду его, и воспоминания мои не угаснут...

Спускаясь с шаттла в Межпланетарном Ньюарке, Дар случайно подслушал разговор между Сэм и Лоной.

— Женат? Что ты, никогда не был, — решительно заявила Лона.— Я его даже никогда не видела в женской компании. Конечно, все это вызывает всякие пересуды... сама понимаешь.

— А как насчет его мужских достоинств?

— Ты имеешь в виду сексуальность? Видишь ли, насколько я его поняла, он против секса в чистом виде... э... Говорит, что секс возможен только, когда любишь.

— Средневековый романтик... — мечтательно пробормотала Сэм.

Они прошли по главному вестибюлю к основному терминалу, весело переговариваясь и смеясь. Дар опьянел от радости. Он на Терре! Терре из книг и истории, на земле Цицерона и Цезаря, Линкольна и Канта! Легендарная Терра! Он ступил на толстый красный ковер, окруженный стенами-экранами с мерцающими цифрами — временем прибытия и отправления в промежутках между рекламными роликами.

Неожиданно изображение исчезло. Зазвучал колокол, гулко отзываясь по всему зданию. Все разговоры смолкли, лица людей повернулись к стене.

„Граждане, — раздался звучный голос, — достопочтенный Каси Похиола, Председатель ЛОРДОВ и Председатель Ассамблеи Избирателей МСЭ..."

Появилось изображение сурового, но при этом с мягкими чертами лица, обрамленного кудрявыми белоснежными волосами. Оно уставилось прямо на Дара. Тот чуть не выпрыгнул из собственной шкуры.

„Граждане, — произнес человек низким, хорошо поставленным голосом, — огромное несчастье свалилось на нас. Великая опасность приближается к нам со звезд... нет, уже приблизилась, уже рядом с нами! Этот человек может находиться среди вас или у вас за спиной... или в ваших мыслях! Знайте, граждане, против него нет защиты, ни одна стена ему не преграда... потому что это телепат! Сейчас он уже, наверное, пробирается в ваши сокровенные мысли, обволакивает своими мыслями ваше сердце, выведывает у вас тайны!

„Но что еще ужаснее, граждане... Он не одинок! Наши агенты следили за тем, как он пробирался с отдаленных планет на Терру, и шли по следу, но им ни разу не удалось схватить его... как только ловушка должна была вот-вот захлопнуться, он тотчас исчезал, ему помогали сообщники на тысячах планет!"

— Всего на девяноста трех, — пробормотал Уайти,— что только передали по другой программе.

„Кто же помогает ему? — гремел Похиола.— Кто вообще способен прийти на помощь тому, кто читает сокровенные мысли других людей...кроме такого же телепата? Вот почему, граждане, мы уверены в том, что телепатов много, что разбросаны они по всей сфере Терры, на каждой планете...включая саму Терру!"

Среди людей пробежал гневный шепоток и угрозы в адрес злодеев. У Дара волосы на затылке встали дыбом. Он оглядел побледневших спутников — все они смотрели на экран, поджав губы. Все, кроме Уайти. Тот просто выглядел грустным.

Похиола молча уставился в камеру, как бы ловя взгляды

зрителей... было очевидно, что все это продумано заранее. Чуть погодя он снова заговорил: „Наша хваленая Служба Безопасности МСЭ не смогла остановить их... и это те миллионы отлично подготовленных специалистов, на которых мы ежегодно тратим триллионы термов! Они что, глупы? Нет! Трусливы или ленивы? Нет! Это смелые, способные воины, каждый из них! Тогда почему, спрашивается, они не могут остановить этот ужас? Потому что в то время, когда телепат прячется где-то в укромном месте, им приходится искать мэрию и предоставлять доказательства того, что его следует взять! Потому что они вынуждены тратить время, чтобы заниматься его непосредственными поисками! Потому что суд не позволит этим замечательным офицерам записать разговоры этого негодяя и его сообщников!"

Он обвел глазами зрителей. „Их останавливают на каждом повороте, мешают в каждом их действии! И в то время, как суд обвиняет их, телепат как ни в чем не бывало проникает на нашу дорогую планету!" Он покачал головой. „Граждане, это слишком далеко зашло! Все эти задержки с крючкотворством привели к тому, что нашим жизням угрожает опасность, как и всему обществу! Никто теперь не может быть уверен, что его тайны и самые сокровенные желания не окажутся известны, будь то мысли о любимом или воспоминания о собственных грехах...в любой момент в ваш разум может пробраться червь и выведать все самое дорогое и личное!"

„Нет! Пора положить всему этому кошмару конец! Пора наказать тех, кто потворствует преступнику в его свободном продвижении! Пора обуздать демонов закона! Не ошибитесь, граждане... огромная тайная организация телепатов обвила вокруг нас свои сети и начинает уничтожать нашу с вами демократию!"

„Одержат ли они победу? Нет! — прогрохотал он.—Мы уничтожим их, сотрем в порошок! Мы не позволим закону мешать поимке преступника!"

Потом глаза его вдруг снова уставились на Дара. „Но это невозможно до тех пор, пока Ответственный Секретарь будет колебаться и выжидать! Нам нужен человек действия, не тратящий попусту время на болтовню о „священном долге" и „конституционности"!"

Он набрал побольше воздуха, стараясь справиться с захлестнувшими его эмоциями, потом спокойно произнес:

„По трем причинам, граждане, я требую вотума доверия в Ассамблее и общих выборов. Мы должны добиться референдума, граждане... иначе проснемся однажды утром и обнаружим, что закованы в цепи! Свяжитесь со своими выборщиками немедленно, сию же минуту и скажите, чтобы они требовали выборов. Мы обязаны это сделать, граждане, нам нужен человек действия, который бы твердо руководил нами, иначе свет демократии померкнет!"

Изображение на экране исчезло.

Вокруг них послышался шквал голосов. Уайти оглядел свою ошеломленную команду — было видно, что и сам он изрядно

взволновал.— Э... мне кажется, нам пора двигаться к основному терминалу... и стараться выглядеть потрясенными, друзья мои.

Это оказалось делом нетрудным. У Дара было такое чувство, будто его швырнуло взрывной волной. Не из-за того, что небольшой корабль превратился в тайную организацию... и не потому, что заговор вот-вот выльется в переворот. Оказалось, что они могут все это сделать легально!

Неплохая возможность, судя по тому, что ему удалось услышать, пока они „пробирались" к терминалу.

— Я-то думал, во всей сфере всего несколько телепатов! — сказал какой-то тучный человек, скорее всего коммерсант.

— Я тоже, — ответил его тощий компаньон, — но я полагал, что это те, о ком они знают... ну, знаешь, легальные.

— Они на самом деле могут прочитать твои самые сокровенные мысли? — Эти слова принадлежали старой карге, у которой все было уже явно позади, но, похоже, она и знать об этом не хотела.

— Ха! Они могут выведать все мои планы, даже самые последние данные о том, какие акции должны подняться! — разгневанно воскликнул тучный тип с одутловатым лицом в дорогом строгом костюме.— Это бесчестное преимущество перед всеми нами!

— Это просто необходимо остановить, — согласился его спутник.— И как можно скорее.

— Они могут захватить все в свои руки! — взволнованно произнесло юное создание, — и воспользоваться этим для того, чтобы вершить зло!

— Телепаты вряд ли захотят, чтобы в головах у людей крутились всякие неприятности.— У ее спутника был вид пользующегося плохой репутацией издателя.— Ну, я хочу сказать, как же насчет гражданских прав?

— А что насчет гражданских прав? — спросил этакий важный седовласый мужчина, от которого веяло самонадеянностью, скорее всего, судья.

— Они исчезнут.— Его спутник был молод, но слеплен из того же теста.— Стань Похиола Ответственным Секретарем, получи полную власть в сложившейся обстановке... и первое, что он предпримет, это отменит конституцию. Через год мы будем жить при настоящей диктатуре.

— Вы двое решили придираться к формальностям в такое время? — Обратился к ним худой, нервный человек.— А вы понимаете, к чему может привести то, что телепаты способны узнать все секреты Департамента Экономики?

Наконец, они оторвались от толпы и оказались перед лифтом. Уайти нажал кнопку — время тянулось ужасно медленно — они ждали, не в состоянии ничего сделать. Потом двери открылись, и хлынул людской поток, обрушивший на них свою болтовню:

— ...угроза всему, во что мы верили...

— ...наверное, приносили в жертву маленьких детей на своих тайных сборищах...

— ...надо голосовать за Похнолу!

— Заходим, друзья мои, — приказал Уайти, и они юркнули в лифт. Двери закрылись, и Уайти нажал на кнопку уровня улиц.

— Мне страшно, дедушка, — тихо сказала Лона.

— Значит, у тебя есть мозги, — рявкнул Уайти.— Я, так вообще в ужасе!

Глаза Сэм округлились от страха, лицо стало впалым, какого-то землистого цвета.

— Эти люди так перепуганы, что действительно готовы отказаться от своих гражданских прав! — вполголоса произнес Дар.

— Именно так! — фыркнул Уайти.— Они совсем не прочь броситься в этот омут с головой!

— Уайти... моя миссия...

— По-прежнему важна, — рявкнул Уайти.— Если они не одержат победу на выборах, они произведут переворот. Им некогда.

Двери открылись.— Идем как ни в чем не бывало, — сказал Уайти. — Не делать ничего необычного. Следуйте за папочкой, и все.

Толпа заметно редела — люди входили и выходили из терминала, но у многих был перепуганный вид. Уайти прошел мимо них, возглавляя команду, невозмутимо получил багаж и направился к транспортному выходу.

Человек в униформе преградил ему дорогу.— Мистер Тамбурин?

У Дара сердце ушло в пятки. Потом он заметил, что у того нет на груди никакого значка, значит, это не Служба Безопасности.

Уайти поднял глаза.— Что угодно?

— Мистер Бочелло приветствует вас, сэр. Не примете ли вы его приглашение погостить у него несколько дней?

— Горацио всегда обладал великолепным чувством времени, — вздохнул Уайти, устраиваясь поудобнее в лимузине.

— А что в этом баре? — Дар указал глазами на панель перед собой.

— Почему бы не поинтересоваться об этом у шофера? — Уайти кивнул в сторону переговорного устройства.

— Действительно, —сказал Дар и нажал кнопку.

— Э...вы не могли бы сказать, что за шкафчик встроен в эту панель?

— Бар, сэр, — ответил шофер.— Прошу вас, не стесняйтесь; надеюсь, вы найдете то, что вам понравится.

— О, все, что дорого, хорошо само по себе, благодарю вас.— Дар открыл дверцу и хмыкнул, увидев перед собой блестящую пластину, потом просмотрел приведенные там коды и выбрал себе „Денеб Диммер".— Следующий заказ?

— „Сирийская Свалка", — сказала Лона.

— „Канопус Концентрат," — сказала Сэм.

— „Шато ля Морг '46", — сказал Уайти.

Дар провел пальцем по списку.— Извините, Уайти, но они могут предложить только '48.

— Ну, что ж, неплохой был год, — вздохнул Уайти.— Пойдет.

Дар нажал код и посмотрел на отца Марко.

— Мне ничего, благодарю.— Священник поднял руку.— Я пью только рано утром.

Дар пожал плечами, взял свой стакан из ячейки и откинулся на спинку сиденья с довольным видом.— Начинаю ощущать преимущества декаданса.— Он начал с интересом разглядывать город, раскинувшийся под ними, потом вдруг нахмурился.— Что это?

Прямо под ними толпа размахивала плакатами и швыряла кирпичи.

— Что? — Уайти прильнул к окну и посмотрел вниз.— Эй, неплохо! Посмотрим, может быть, услышим что-нибудь.— Он нажал на кнопку панели рядом. Раздались приглушенные слова:

— Не позволим чинить зло телепатам!

— Терра! — для телепатов!

— Уайти удовлетворенно кивнул.— Политическая демонстрация. Приятно слышать голоса несогласных.

— кирпичи возвращаются к ним обратно, — заметил Дар.— В чем дело? Силовое поле?

— Да, верно, — заметила Лона.— Это силовое поле. Чтобы демонстранты никому не причинили вреда.

— Вне поля несколько людей Службы Безопасности...

— А ты думал, что они окажутся внутри?

— Но тогда для чего они?

— А кто, как ты думаешь, все это подстроил?

— Кроме того, их присутствие свидетельствует о том, что правительство слышит своих граждан, — сказала Сэм саркастическим тоном.

— Правительство одобряет все это?

— Оно даже поощряет подобные акции. И закон соответствующий имеется — в течение восьми часов каждые сто тысяч граждан могут проводить демонстрации и имеют право голоса в Ассамблее.

Дар посмотрел на нее.— Но это опасно. Таким образом в закон может попасть какая-нибудь прихоть. Или вздор.

— Не забывай, Ассамблея представляет девяности три обитаемых планеты с общим населением в восемьдесят биллионов человек. Нужно иметь сорок восемь голосов, чтобы внести поправку в повестку дня. Не то, чтобы подобное не случается, но редко, очень редко!

— Две программы, основанные на подобных поправках, были включены в закон, — напомнил ей отец Марко.

— Два закона за пять столетий? Что-то маловато, святой отец!

— Ну, для этого требуется, чтобы большинство одобрило поправку.

— Да.— Сэм пододвинулась к Дару и выглянула в окно.— Но хоть какой-то шанс лучше, чем ничего, по-моему. По меньшей мере, это дает оппозиционной культуре иллюзию того, что можно что-то изменить.

Они проехали мимо трех демонстраций по дороге к Бочелло — намного превышающих по численности ту первую, выступавшую в защиту телепатов — эти же все жаждали их крови.

— Почему мы расстраиваемся? — поинтересовался Дар.— Мы же не телепаты!

— Попробуй, докажи это Похиоле, — предложила Сэм.

Их нервы были на пределе, когда лимузин наконец приземлился.

Они вышли — и попали на турнир.

Рыцари спешились, лошади глядели из-за спин хозяев обезумевшими глазами, перебирая ногами и прядая ушами. Рыцари бросились друг на друга, размахивая сверкающими мечами — повсюду слышалось бряцанье металла. Зеленый Рыцарь был облачен с ног до головы в сияющие доспехи, его противник — в кольчугу. Чуть в стороне возвышалось табло, на котором изображались силуэты двух мужчин в схватке. Стоило одному из рыцарей „ранить" противника, как на табло загоралась красная лампочка в том месте, где была „рана", а гонг отсчитывал количество очков.

Вокруг них сидели и стояли сотни людей, одетых по последнему слову моды четырнадцатого столетия. А может быть, двенадцатого. Или десятого. Или девятого?

Они ели печенье и попивали пиво, смеялись и шутили, а разносчики обходили их, предлагая яства, прохладительные и горячительные напитки, трубадуры и шуты развлекали толпу песнями и остротами.

В стороне стоял случайный монах, проклиная греховные игрища.

Лона повернулась к водителю.— Вы уверены, что привезли нас по адресу? Это не больница для умалишенных?

— Что вы! — заверил ее шофер.— Это дом мистера Бочелло.— Вон он, возвышается, видите? За всей этой средневековой толпой... Бесподобная готика — куда больше напоминает музей, чем жилой дом.

— Его крепость — его дом, — пробормотал Дар.

— Мистер Бочелло развлекается, — пояснил шофер.— Так, собрались члены его клуба.

Дар обвел взглядом толпу.— Я представлял себе сборище плутократов иначе.

— О, лишь немногие из них по-настоящему богаты, сэр. Но все разделяют страсть мистера Бочелло к средневековью. Он собрал их, чтобы отпраздновать прибытие на Терру, э, говоря его словами, „самого великого менестреля нашего времени".

Лицо Уайти расплылось в улыбке.— Вот что я называю чтить меня согласно моим вкусам! Я больше менестрель, чем поэт! Пошли, друзья мои... если человек оказывает мне такую честь, давайте отдадим этому должное!

Очень высокий, худощавый человек в одеянии герцога прокладывал путь через толпу, держа на руках крестьянскую девочку.— Тамбурин!

— Челло, старый негодяй!— Уайти пришлось привстать на цыпочки, чтобы похлопать герцога по плечу.— Как тебе удалось собрать всю эту толпу, узнав о моем прибытии лишь вчера?

— Ну, переговорил с их работодателями, и они с удовольствием согласились сделать мне такое одолжение. Ты что, хотел ступить на землю Терры и не попасть на фестиваль, а?

— Ну, по наивности мне казалось, что я смогу остаться незамеченным, прибыв сюда, — заметил Уайти.

— Бочелло приподнял одну бровь.— Что на этот раз — разъяренный муж иди разгневанный шериф?

— Больше похоже на травлю....

— Даже так? — Горацио спустил ребенка с руки и легонько шлепнул под зад.— Беги, дитя мое... сейчас мы будем толковать о вещах, тебе совсем не интересных, ступай вон к тому акробату...— Он повернулся к Уайти, а девочка побежала прочь, весело смеясь.— Ну, друзья, прогуляемся по моим садам?

— С удовольствием! Лучше всего оказаться сейчас на каком-нибудь обширном газоне, чтоб никаких электронных глаз и ушей...

— Э, никто сегодня не может быть полностью уверен.— Горацио взял Уайти под руку и увлек сквозь толпу.— Знаешь, теперь делают потрясающие миниатюрные вещицы, этакие „блохи". Но садовники э... „подметают" газоны каждое утро, так что вряд ли... Кстати, что ты думаешь о последней балладе Гревала?— Они шли, горячо обсуждая работы литературных творцов в добрых традициях критиков-любителей. Гонг звучал все глуше и глуше, по мере того как они удалялись по аллее. Наконец приятели оказались среди травы.

Сэм неотрывно смотрела в одну точку перед собой.

Дар покосился на нее. Что так привлекает ее внимание? Стоит, как завороженная.

Он огляделся, но не увидел ничего необычного. Потом он проследил направление ее взгляда — она смотрела прямо на Горацио!

Дар почувствовал внезапную ревность, что удивило его.

— Ну вот!— Горацио остановился посреди широкого поля.— Места для поединков — самые надежные; здесь нас никто не услышит. По крайней мере до тех пор, пока сюда не нахлынут рыцари. Итак, о чем мы говорили? Кто гонится за вами?

— В данный момент — Солнечный Патруль, — ответил Уайти, усмехаясь.— А его подгоняет осел по кличке Канис Дестинус.

— Что? Канис? — переспросил Горацио.— Но почему именно он охотится за вами?

— Потому что я помогаю другу.— Уайти кивнул в сторону Дара.— А этот самый Канис охотится на него по той причине, что он выполняет некую секретную миссию. Ему нужно хотя бы на несколько минут встретиться с Исполнительным Секретарем.

— Боюсь, раньше следующего вторника вряд ли...— Горацио поджал губы.— Знаешь, к нему очень сложно попасть.

— Особенно если учесть, что Канис во что бы то ни стало попытается помешать этой встрече, — согласился Уайти.— Нельзя сказать с полной уверенностью, но мы предполагаем, что он один из тех, кто поднял на ноги местную полицию на всех планетах, где нам довелось побывать, и науськал ее на нас. На мой арест должно быть не меньше трех ордеров.

— Ну, ничего удивительного, — Горацио поморщился.— Но эти почести воздаются явно несправедливо. Почему он так окрысился?

— Знаешь, мы не совсем уверены... — Уайти помрачнел.— Нам кажется, он пытается убедить ЛОРДОВ в том, что мы — горстка телепатов, и на протяжении всего нашего маршрута нам помогают другие телепаты.

Горацио уставился на него.— Так это вы — Межзвездная Тайная Организация Телепатов?

— Скорее всего, они так и думают, да, — пробормотал Уайти.

Горацио обвел их взглядом; лицо его при этом постепенно приобретало багровый оттенок. Дар похолодел, сердце его бешено заколотилось.

Если Уайти ошибся самую малость в своем друге, они окажутся в тюрьме, пошевели он хоть пальцем. Он уже чувствовал, как поле со всех сторон сужается и давит на него.

Наконец Горацио прорвало.— Подлецы! — взревел он, сжав кулаки.— Грязные свиньи! Охотятся на самого Главного Менестреля, как на какого-то уголовника! И все из-за безумного горячечного бреда жалкого ума! Нет! Хватит! Я стоял в стороне и посмеивался над их играми; я приучил себя к терпению и выдержке в то время, как в нос уже бил запах разлагающейся коррупции...но этого я не потерплю! Нет уж! О какой там добропорядочности правительства может идти речь, когда лучшие из лучших обвиняются невесть в чем?

Терра превратилась в помойку; это шар, на котором невозможны больше веселые песни, притон, в котором невозможно жить... и то же самое можно сказать о всех планетах, находящихся под влиянием Терры!

Уайти ковырял землю носком ботинка, подставив лицо ветру.— Успокойся, успокойся, друг мой! Жизнь продолжается! Пусть сегодня торжествует коррупция, но ведь добрые семена уже брошены, чтобы дать свои всходы!

— Да, но через сколько лет? — Горацио сверкнул на него

глазами.— Нет, столетий? Я не собираюсь успокаиваться и молчать!

Дара охватил страх. Этот сумасшедший решил бунтовать в одиночку или что-то в этом роде?

Но Уайти вдруг спокойно сказал:

— Ладно, если ты действительно считаешь так, лети! Недостатка в звездах типа Солнца нет, как и миров вроде Терры. Раз ты считаешь все известные планеты неподходящими для жизни, поищи что-нибудь неизвестное. Отправляйся в бездонные небеса и найди мир, который ты смог бы оборудовать на свой лад и вкус — мир твоей мечты!

Дар затаил дыхание. То, что предлагал Уайти, серьезно можно либо принять, либо не принять.

Горацио смотрел на Уайти так, будто тот предложил нечто свежее, о чем он сам никогда не думал.— Да, — выдохнул он.— Да, конечно!

Он сорвался и побежал к дому, выкрикивая на бегу:

— Где мои дорогие? Где мои друзья?

Все уставились ему вслед.

— Мне, э, кажется, что следует отправиться за ним, — предложил Уайти.— Когда он пребывает в подобном состоянии, ему нужна поддержка.— Он устремился следом за Горацио.

Команда поспешила за ними.

— Что это с ней? — спросил Уайти у Дара, когда тот поравнялся с ним.

— Что? — Дар посмотрел на Сэм, которая мчалась намного быстрее остальных — глаза ее блестели, она не спускала глаз с Горацио. Дар повернулся к Уайти.— Кажется, ее околдовали. Иногда подобным образом на человека действуют деньги.

Но Уайти покачал головой.— Не думаю, иначе она бы бежала за мной. Ты бы мог сказать, что Сэм импульсивна?

— Ну...в какой-то мере.— Дар снова посмотрел на Сэм, — она явно переменилась.— По крайней мере, раньше она умела управлять собой.

— А Горацио нет.— Уайти кивнул.— Это все и объясняет.

Дар ничего не понял, но хоть такое объяснение, ладно. С другой стороны, его мало интересовали женщины, которые говорили на его собственном языке.

Горацио взлетел по известняковым ступеням, распахнул французские двери и вбежал во дворец. Когда команда нагнала его, он уже прислонился к столу эпохи Людовика XIV и пристально вглядывался в грузного черноволосого мужчину на экране телефона.— Корабль? — спросил тот.— Разумеется, ты можешь купить корабль, Горацио! Флот с удовольствием избавится от списанного корабля, но... зачем?

— Чтоб бежать от зловония! — рявкнул Горацио.— Значит, ты говоришь, у них есть корабли, от которых они с превеликим удовольствием избавятся?

— Да, покупателей оказывается меньше, чем товара. Да

и кому нужен отслуживший свой век военный корабль... без орудий?

— Мне! Чтобы доставить команду колонистов в новый мир, где мы смогли бы очиститься от этого грубого материализма и подняться выше подозрительности и злобы глобального технологического монстра!

— Горацио! — Черный дрозд подозрительно посмотрел на него.— Ты говоришь о том, чтобы основать где-то свое Общество?

— Разумеется, Марконе!

— Я боялся, что именно так и будет.— Марконе вздохнул.— Ты не путай приятные фантазии, турниры и собрания свободных граждан — членов Общества с реальностью, Горацио. Это же безумие!

— А я и не путаю... я просто хочу, чтобы фантазия стала реальностью! Подумай об этом, Марконе... Твой титул барона станет настоящим, вассалы и слуги будут всегда в твоем подчинении!

Глаза Марконе затуманились.— Приятные мечты, Горацио... но всего лишь мечты.

— Да нет же! — настаивал на своем Горацио.— Ты только подумай хорошенько! Что толку от всего нашего богатства? Половину денег можно вложить в экспедицию — купим корабль, сделаем все необходимые приготовления. А на оставшуюся половину можно пока жить здесь. Сколько это будет стоить? Явно не более ста биллионов. А в Обществе у нас, кажется, одних баронов двенадцать!

Марконе смотрел куда-то вдаль.— Можно бы было, конечно... как будто мы проводим бесконечный фестиваль, но не здесь... И можно вернуться, если что...

— Подумай хорошенько, — настаивал Горацио.— У нас совсем нет времени, Марконе. Ты знаешь нестабильность политической обстановки.

Марконе встрепенулся.— Нестабильность? Слабо сказано! У меня никаких сомнений на этот счет, Бочелло. Это ведь только вопрос времени... все может произойти в течение нескольких дней, до того как эти мелкобуржуазные политиканы в Ассамблее изберут Исполнительного Секретаря на благородный пост Диктатора!

— М-да... — протянул Горацио.— Пожалуй... Хотя не думаю, что они так глупы, чтобы дать ему такой титул.

— Нет, но дадут ему такую власть! Они настроены решительно — им нужен только толчок, некая всеобщая угроза, и все с радостью продадут свои свободы ради безопасности — и наши вместе со своими.

— Конечно, конечно... Но ведь известно, как чувствительны низкородные натуры ко всему, что угрожает их благополучию. И эта безграничная и безмозглая верноподданность! Стоит только раструбить, что кто-то покушается на высшую власть, как все

передерутся в борьбе за эту самую власть, а в результате будет безвластие, сущий хаос!

— Да, согласен...и все это заставляет вспомнить последние новости, Горацио.— Марконе пристально посмотрел на него с экрана.— Что ты думаешь об этой Межзвездной Тайной Организации Телепатов?

— Кому, как не мне, распознавать фантазии? Но здесь замешан человек, обладающий сверхъестественным даром, Марконе.

— В самом деле? — Марконе прищурился.— Что это за человек?

— Вы встречались... это самый великий бард всей Земной Сферы, Тод Тамбурин. Правительство охотится за ним, преследует его с дальних планет... Сначала делали это тайно, теперь пошли в открытую, заявив, что он и его люди — телепаты.

— Как, преследуют Тода Тамбурина? — взорвался Марконе.— Ну, это уже слишком, Бочелло! Это переходит всякие границы!

— Согласен, — Горацио кивнул, глаза его пылали гневом.

— Если они охотятся за человеком, которого не в чем упрекнуть, на что же они надеются? Клянусь всеми звездами, Бочелло! Ты хоть понимаешь, что они могут устроить охоту и на нас?

— Логично, мы — отличная мишень для завистливых людишек, — выпалил Горацио.— И чем больше богатства у нас можно конфисковать, тем больший интерес мы можем у них вызвать.

— Все начинается снова? Нам что, наблюдать за тем, как они поднимут кровавый флаг и повезут нас на гильотину?

Тут уж, подумал Дар, они переборщили малость... хотя он не мог не согласиться с тем, что на Терре оставаться опасно, особенно для тех, кто обладает большим состоянием и имеет слишком уж эксцентричные увлечения.

— Мне бы не хотелось испытать все это на своей шкуре, — сообщил Горацио своему собеседнику, хмуря брови.— Я могу купить корабль сам и набрать команду. Что на это скажешь, Марконе? Присоединишься ко мне?

— Согласен. Посмотрим, как владения барона Раддигора превратятся в реальность! Отправляйся, покупай корабль, Бочелло... и не вздумай улететь без меня!

Экран погас. Горацио повернулся к своим гостям, по-волчьи оскалившись.— Итак, это начало! Они согласятся, поверьте мне; двенадцать великих баронов Главного Королевства! Ох, мы купим этот ковчег, снарядимся за день-два, а после, с пассажирами на борту...

Уайти развел руками.— Это была всего-навсего идея.

— Вы не сможете так быстро найти людей, — решительно заявил Дар.— О, допускаю, что вы, двенадцать богачей, и в состоянии, даже с удовольствием готовы бросить все и улететь — вы узнаете, что всегда можете вернуться. Но для простых людей это не так просто. Чтобы принять решение, им потребуется время.

— Думаете? — Горацио вытащил из стола вечное перо и блокнот и направился к французским дверям. Он вышел на террасу, поднял руки и закричал:

— А теперь я говорю вам: ОСТАНОВИТЕСЬ!

Крики и пение смолкли моментально.

— Они преданы, —бросил Горацио через плечо. Затем снова обратился к толпе.— Барон Раддигор и я решили приобрести корабль и отправиться к звездам, чтобы найти мир, который никогда прежде не видел терранцев, и основать там настоящее Главное Королевство... И жить там, как полагается людям веры, силы и стали. Нам потребуются вилланы и йомены, джентльмены и рыцари! Мы отправляемся через два дня. Те, кто не с нами, никогда уже рядом не окажутся! Кто желает присоединиться к нам? Поставьте здесь свои разборчивые подписи!

Он швырнул блокнот в толпу. Все ринулись туда, где он упал, люди вдруг выстроились в очередь, едва сдерживая нетерпение, выказывая желание как можно быстрее покинуть Терру. Торговцы и фокусники расхаживали вдоль этой длинной вереницы.

Горацио оглянулся через плечо и усмехнулся.— Теперь вы видите, какие у меня люди?

— Они передумают к тому времени, когда подойдут к началу очереди, — возразил Дар.

Горацио кивнул.— Некоторые из них да, согласен...но большинство поставят свои подписи. Ничего не желают они так страстно, как жить в мире, где народ — это народ, а владыки заслуживают доверия. А вы как, гости мои? Присоединитесь к нам?

— Без раздумий! — воскликнула Сэм, пожирая его глазами.

Горацио удивленно посмотрел на нее. Потом он вдруг как-то застенчиво улыбнулся.

— Мне кажется, я соглашусь, — раздумчиво произнес отец Марко.— Для священника средние века имеют определенные преимущества.

— Для менестреля тоже.— Уайти улыбнулся во весь рот.— Я думаю, идея великолепная, Горацио, и я приветствую твое начинание...но я всегда был сам по себе.

— Я тоже.— Лона решительно тряхнула головой.— Кажется, это мне не подходит. Жить без электроники? Ужас!

Дар открыл было рот, чтобы дать ответ, но моргнул, услышав какой-то странный звук — он сглотнул, и потом только до него дошло, что звук раздавался из телефона. Лакей в камзоле и рейтузах сделал шаг вперед и объявил:

— Звонит мистер Строганофф, сэр. Просит мистера Тамбурина.

Уайти удивленно посмотрел на окружающих.— Уже? Но еще рано говорить о положительном результате.— Он направился к телефону, Дар последовал за ним.

Строганофф уже смотрел на них с экрана.— В чем дело, Дэйвид? — спросил Уайти, приблизившись к телефону.

— О, ни в чем, абсолютно! Все просто отлично... действительно отлично. Вот в чем дело!

— Рад это слышать... надеюсь. Хочешь сказать мне, что все так раскалилось, что стало холодным?

— Исполнительный Секретарь.— Строганофф сглотнул.— Я послал факс в его офис сразу же после того, как ты уехал. Знаю, как работает бюрократия в правительстве, поэтому решил, что начинать нужно немедленно, если мы хотим добраться до него в течение года.

— Мудрое решение.— Уайти напоминал ястреба, готового к охоте.— И?

— И они дали ответ. Он... он согласен. Но только если мы сделаем это завтра!

Уайти и Дар опешили.

— Важные люди никогда не говорят „да" так быстро! — воскликнул Строганофф — И даже после того, как его удается уговорить, приходится месяцами ждать аудиенции!

— А в самую последнюю минуту они отказываются, — кивнул Уайти, отведя взгляд в сторону.— С другой стороны, у меня определенная репутация...

— Ну, ты, по крайней мере, так же известен, как и он, если имеешь в виду это. Но...

— Но моя известность продлится чуть дольше, — заметил Уайти, — и, судя по последним политическим новостям, я бы сказал, что Секретарь не совсем уверен, что продержится на этом посту несколько месяцев... или даже месяц, если уж на то пошло.

— Неделю! — прогремел Строганофф.

Уайти кивнул.— Итак, он претендует на аморальность. Согласись он на съемку — и ему гарантировано место в постановке Тода Тамбурина в шедевре ЗДТ. Даже если история и забудет его, литература нет.

Строганофф задумчиво кивнул.— Знаешь, логично, Тод.

— Да, но время не терпит.— Уайти состроил гримасу.— Ох, команда должна поторопиться... Запрыгнем в кеб и примчимся к тебе на студию.

Строганофф пожал плечами.— А как насчет первого класса в пассажирском шаттле?

Уайти задумался.— Как хочешь. Ну, а снаряжение?

— Как ты хочешь. Конечно, не имеет смысла тащить его с Луны; мы можем договориться с любой компанией. Знаю даже, с какой. Я пока свяжусь кое с кем, а тебе чуть позже перезвоню.

Уайти хмыкнул.— Всегда хотелось поработать с камерой ЗДТ.

— О, поубавь свой пыл, дружище! — Строганофф поднял ладонь.— Ничего не поделаешь, Тод. Камеры без персонала тебе не видать!

— Но почему? — нахмурился Уайти.— Со мной два электронщика!

— Знаю, знаю, но если Совет выяснит, что ты отснял эпизод

без них, они вообще не выделят тебе никакого технического персонала для филиала студии здесь. Хочешь ты того или нет, но нам придется прибегнуть к их помощи.

— Ладно. Придется с этим смириться.— Уайти вздохнул.— Где и когда их ждать?

— Я дам тебе знать, если мне удастся связаться с ними. Где ты будешь?

— А где мне следует быть?

Строганофф усмехнулся.— Спасибо, Великий Певец. Отправляешься в Гамелон, не так ли? Когда минуете озеро Чэмплейн, позвони мне.

— Вы уверены, что это именно Гамелон?— пробормотал Дар.— Я вижу, что нахожусь внутри Моби Дика.

— Моби Дик был китóм, а не змеей,— бросил через плечо Уайти,— или ты не заметил, сколько поворотов мы прошли?

— Снаружи выглядит не таким большим,— буркнул Дар.

Отец Марко углубился в длинную теологическую дискуссию с двумя молодыми служащими, рьяными атеистами, в одеждах средневековых монахов.

Лона присоединилась к веселой компании, а Сэм оказалась рядом с Горацио. Так они и шли по длинному, похожему на ленту, зданию, возведенному на месте бывших восточных доков Нью-Йорка, минуя всякие непредсказуемые повороты. Это здание занимал Главный Штат Исполнительного комитета МСЭ.

Наконец они остановились перед открытой дверью. Дар заглянул внутрь и встретился взглядом с необъятным мускулистым типом, одетым в рабочий комбинезон.— Чем могу помочь?— прорычал он.

— Да видите ли..— смешавшись, пробормотал Дар. Тут рядом с ним появился Уайти.— Тод Тамбурин,— сказал он, показывая на бирку, которую повесили ему на шею служащие у входа.

— Ах, да, писатель,— скучным тоном произнес силач.— А это кто?

— Мой ассистент

— Ладно Хорошо, входите. Хотя делать вам тут особо нечего: уже почти все готово.

Похоже, он прав. Когда Дар вошел, он увидел огромный стол перед фотофреской звездного поля с паутиной МСЭ, высвеченной над ним. По обеим сторонам стола возвышались две стойки. Вокруг двух камер толпилось самое меньшее человек двенадцать персонала.

Дар обратился к Силачу.— Не возражаете, если я проявлю невежество?

— Для этого я здесь и нахожусь,— ответил здоровяк.

— Для чего так много народа?

— Все очень просто.— Силач стал загибать пальцы.— Двое

операторов, один электрик, по одному инженеру на каждый пульт, один аудиоинженер, один инженер по записи и режиссер.

— Получается всего восемь.

— А ты неплохо считаешь.

— Но здесь не меньше шестнадцати!

— Ну, у каждого должна быть замена. Дублер... Сами понимаете, вдруг сердечный приступ...

— Да, взять хотя бы бухгалтера, который ведет всю отчетность по этому шоу. А вы чем занимаетесь?

— Я цеховой староста.

— Э...спасибо.— Дар повернулся к Уайти.— Вы уверены, что не забрели случайно на фабрику по изготовления матрасов?

Уайти сдвинул брови.— Что ты хочешь этим сказать?

— Настелили перин.

В дальнем углу отворилась узкая дверь и появился маленький человечек в рабочем комбинезоне.— Прошу встать, граждане, идет Исполнительный Секретарь.

Все сидящие — двенадцать на данный момент — встали.

— Не смеши людей, Хирам!— Высокий человек с седыми волосами, приятным волевым лицом стремительно вошел в комнату.

Он был одет в скромный, на первый взгляд, костюм, но, судя по всему, очень дорогой.— К чему все это, мы не на церемонии, право.— В знак доказательства он присел на край стола.

У Дара ком в горле застрял.Сам Исполнительный Секретарь! Даже на такой отдаленной планете, как Волмар, он часто видел изображение этого человека, так что запомнил каждую морщинку на его лице. Ему казалось, что все это происходит не с ним, что находиться в одной комнате с таким человеком просто невозможно.

— Ты проделал, черт подери, путь в сто световых лет для того, чтобы поговорить с этим человеком,— прошептал ему на ухо Уайти.— Давай!— Вслух же сказал:

— Пойди, проверь, все ли в порядке в сценарии.

Дар набрал побольше воздуха и шагнул вперед, прикрываясь сценарием, как щитом.

Он встал за режиссером. Он сознавал, что эта женщина разговаривает с Исполнительным Секретарем, но что она говорит, не слышал.

Наконец, Секретарь кивнул, и режиссер повернулась к Дару.— Можно начинать хоть сейчас.

— Есть какие-нибудь...— Голос Дара прозвучал с надрывом. Секретарь недовольно поглядел на него. Дар кашлянул и продолжил.— Какие-нибудь проблемы со сценарием, сэр?— Понизил голос до шепота и выпалил все остальное на одном дыхании.— Баундбридж, Сатрап и Фосмен не собираются дожидаться выборов. На протяжении нескольких месяцев они готовили заговор. Я могу назвать коды, которые полностью изобличат их. Спасите демократию, сэр!

Лицо Исполнительного Секретаря перекосилось в усмешке.— Запомнили их, не так ли?

Дар сглотнул и кивнул.

Секретарь тоже кивнул и поднялся, схватив Дара за плечо.— Всегда приятно встретить истинного патриота.— Но рука его вцепилась в Дара еще сильнее.— Камеры готовы?

— Да, господин Секретарь,— испуганно ответила режиссер.— Мы подключились к сети. Теперь каждый на Терре, где бы он ни находился, увидит вас.

— Хорошо, хорошо.— Исполнительный Секретарь отпустил Дара, но тут же ему на плечи легли руки потяжелее. Оглянувшись, он увидел цехового старосту и одного из ассистентов — оба нацелили на Дара небольшие, но отнюдь не бутафорские пистолеты. Уайти ждала та же участь; вся группа, за исключением операторов и режиссера, держала в руках оружие.

— Хорошо, снимайте,— сказал Секретарь. Он улыбнулся в камеру, став вдруг таким домашним и уставшим, но печальным. Режиссер подняла руку, глядя куда-то в сторону и прислушиваясь к голосу в наушниках. Она вдруг махнула рукой в сторону Исполнительного Секретаря.

— Друзья мои,— произнес Секретарь,— Мы рады сообщить вам, что арестовали отъявленного телепата, который беспрепятственно пробирался с планеты на планету и попал на Терру. Он здесь.

Красная лампочка на его камере погасла, загорелась такая же лампочка на второй камере... нацеленной прямо на Дара. Он вдруг с ужасом осознал, что сейчас все на Терре видят его.

— Мои люди схватили его как раз вовремя,— продолжал Исполнительный Секретарь,— прямо здесь, в студии, при попытке совершить против меня террористический акт.

Холодок пробежал по всему телу Дара, когда он ощутил в руке холодную рукоятку пистолета. Как?...

Потом вдруг до него дошло, что говорит Исполнительный Секретарь — обвиняет его в том, что он, телепат, пытался убить его!

Он закричал: „Не-е-ет!“ и с силой оттолкнул стоявшего позади. В него снова впились стальные клешни; Дар извивался, пытаясь освободиться, и кричал во весь голос.

— Он знал, что я скажу,— мрачно произнес Исполнительный Секретарь.— Что опасность не миновала. Потому что у него есть сообщники, уважаемые граждане... которые путешествуют так, что их никто не видит и не знает... здесь, на Терре! Мы не можем сказать, где они попытаются совершить следующий террористический акт... и кто будет следующей жертвой. Может быть, я... но вполне вероятно, что кто-то из вас.

Голос его набирал решимость и звучал обвиняюще.

— Их необходимо остановить! Ведь у вас, дорогие граждане, нет телохранителей, которые могли бы вас защищать днем

и ночью. Их надо остановить... Но ваша Гражданская Полиция не может арестовывать никого, в том числе и этих опасных телепатов, потому что есть всякие ограничения в Законе о гражданских правах! Единственный путь покончить со всем этим злом — предоставить мне полную власть, чтобы я мог приказать полиции упрятать преступников за решетку, где им и место. Сегодня я буду просить у Ассамблеи таких полномочий... но мне их не получить без вашей поддержки. Звоните своим выборщикам немедленно! Велите им предоставить мне такую власть; она необходима для вашей же защиты! Чтобы отправить сорвавшихся с цепи злоумышленников, таких, как вот этот, на самую окраину Вселенной!

Он уставился в камеру, изображая из себя этакого хорошего, но обеспокоенного человека до тех пор, пока не погасла красная лампочка.

Потом он поднялся, усмехнулся и повернулся к Дару.— Благодарю вас, молодой человек. Вы отлично справились с поставленной задачей.

— Это вы!— выпалил Дар.— Именно вы один из тех, кто задумал переворот!

— Нет... но я стану тем, кто возьмет власть в свои руки. Если быть диктатору, то им намерен стать я!

— И вы даже не попытаетесь защитить демократию?!

— Что это вы так удивляетесь?— Исполнительный Секретарь одарил его сочувственной улыбочкой... полной презрения.— Бедный, наивный кретин! И ты действительно думаешь, что демократия выше власти?

Дар в ужасе смотрел на него.

Его захлестнул дикий гнев. Он бросился на Секретаря с отчаянным воплем...

Но охранники схватили его еще крепче, а в лицо хлынула какая-то холодная струя, ослепив его,— и все погрузилось в темноту.

. . .

ПОЧЕМУ ВЫ СБЕЖАЛИ С ВОЛМАРА?

Голос рвался в уютное, теплое гнездо бессознательности. Идиотское монотонное пение звучало в правом ухе, а в левом стрекотал сверчок.

КАК ВЫ ПОКИНУЛИ ПЛАНЕТУ ВОЛМАР?

— Сел на пассажирский корабль,— честно ответил Дар.— Он с трудом открыл глаза, щурясь от яркого света.

Красная, зеленая, желтая, синяя и оранжевая стробоскопические вспышки... неритмический звук, но уже не похожий на стрекотание сверчка. Дар закрыл глаза.

КАК ВАС ЗОВУТ?

Смешно, но он думал не об этом. Он мог думать только о том, чтобы отключили свет.— Не знаю!

— ОТЛИЧНО,— воскликнул невидимый обладатель голоса.— КТО ИЗ ВАШИХ СПУТНИКОВ ЯВЛЯЛСЯ ТЕЛЕПАТОМ?

— Кем?

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ НАС ЗАПУТАТЬ! НАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ОДИН ИЗ ВАШЕЙ ГРУППИРОВКИ — ТЕЛЕПАТ. И НЕ СТАРАЙТЕСЬ ЧИТАТЬ НАШИ МЫСЛИ: СЕНСОРНЫЕ РАЗДРАЖИТЕЛИ, ВОЗДЕЙСТВИЕ КОТОРЫХ ВЫ СЕЙЧАС ИСПЫТЫВАЕТЕ, НЕ ПОЗВОЛЯТ ВАМ СКОНЦЕНТРИРОВАТЬСЯ НА ТЕЛЕПАТИИ!

— Надеемся,— раздался чей-то голос рядом.

— Я не умею читать чужие мысли!

— ВИДИТЕ?— пробубнил голос кому-то другому.— СВЕТ И ШУМЫ ДЕЛАЮТ СВОЕ ДЕЛО!

— Я никогда не умел читать мысли других людей! Я не телепат!

Голос на какое-то время смолк, потом забубнил снова.— КОГДА ВЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ БЫЛИ ТЕЛЕПАТОМ?

— Никогда! Никогда, помогите мне!

— Скорее всего, он лжет,— пробормотал голос.

— Только не с этими сенсорными датчиками,— возразил другой голос.— Бедняга даже не может закрыть глаза. Не думаю, чтобы он смог сконцентрироваться до такой степени, чтобы лгать.

— У этой системы другая цель,— заметил первый голос.— Потом он снова пробубнил: НАШИ АГЕНТЫ СЛЕДОВАЛИ ЗА ВАМИ С ВОЛМАРА ДО ТЕРРЫ, РАЗУМЕЕТСЯ. КАК ВАМ УДАЛОСЬ ПРИНУДИТЬ ТОДА ТАМБУРИНА ПОМОГАТЬ ВАМ?

— Я не принуждал его! Нет!— Потом вдруг до него дошло, что это может причинить Уайти вред; Дар добавил:

— Я обманул его!

— Он всего-навсего поэт,— пробормотал другой голос.— Может быть, это правда, кроме того, тебе лучше задать главный вопрос, прежде чем он войдет в кататоническое состояние.

По спине Дара заструился холодный пот.

— Хорошо,— прозвучал голос. Потом,—КТО В ВАШЕЙ ГРУППЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТЕЛЕПАТОМ?

— Никто! Никто! И никогда не было таких!

— НАМ ЛУЧШЕ ЗНАТЬ,— решительно заявил голос.— КТО ЭТО БЫЛ?

Яркая вспышка проникла в его мозг; из уха в ухо пробежала частота в тысячу герц, в то время как беспорядочные щелчки не давали ни одной его мысли оформиться до конца.— Я не могу думать!— завопил Дар.— Я не знаю, кто это мог бы быть! Спасите меня!

— МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ И В САМОМ ДЕЛЕ ДУМАЕТЕ, ЧТО МЫ ВАМ ПОВЕРИМ...— Голос вдруг осекся на полуслове.— КТО ЭТО? ПРИВЕДИТЕ ЕГО СЮДА!

— Мое почтение, джентльмены.— Голос становился все

громче.— Если вы сомневаетесь, можете получить подтверждение через компьютер обо всем, что касается моей личности.

— Что?— фыркнул другой голос.— Конечно, на компьютере... Что? Главный палач?

— Да, мистера Горацио Бочелло.

— Но он же биллионер, а не политик! Для чего ему потребовался палач?

— Промышленный шпионаж, главным образом.

— ПРОМЫШЛЕННЫЙ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ,— фыркнул голос, что был ближе.— ЭТО ОДИН ИЗ СБРЕНДИВШИХ БИЛЛИОНЕРОВ, КОТОРЫЙ ОДЕВАЕТСЯ В ДОСПЕХИ И ВООБРАЖАЕТ, БУДТО И В САМОМ ДЕЛЕ ЖИВЕТ В СЕРЕДИНЕ ВЕКА.

— Но мы не можем позволить гражданскому лицу входить сюда и...

— ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? МОЖЕТ БЫТЬ, У НЕГО В РУКАХ КАК РАЗ ТА ОТКРЫВАШКА, ЧТО НАМ НУЖНА. СНИМАЙТЕ ПЛАЩ И ПРИСТУПАЙТЕ К РАБОТЕ, МИСТЕР РИЧЧИ.

— Благодарю вас, джентльмены. А где вешалка? Ах, вот она. Так, где жерт... э, субъект? Так, ясно...

Отец Марко! Дар чуть не завопил от радости при одном только виде знакомого лица. Но он умудрился сдержаться: некие остатки здравого смысла подсказывали ему, что ни в коем случае нельзя открывать карты.

— Ну что ж, приятель! Когда ты перестал быть телепатом?— спросил священник.

— Когда я? Я никогда им не был!

— Ну, а сейчас ты — телепат?

— Нет, конечно, нет! Я никогда...

— Когда ты в первый раз стал телепатом?

— Никогда, я же сказал вам! Никогда!

— Когда ты начал сотрудничать с телепатами?

— Никогда! Никогда!

— Он начинает упорствовать,— Отец Марко вздохнул,— чего я и боялся. Что ж, уберите все эти шумы и свет... ничего хорошего в них нет.

— НО...НО, МИСТЕР РИЧЧИ...

— Уберите, я сказал! Так мы из него ничего не вытянем... они даже меня сводят с ума! Выключите все это!

— НУ, НАДЕЮСЬ, ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ...

Свет погас, шумы стихли. Дар подумал о священнике с благодарностью.

— Итак! Давайте испробуем старый метод!— Отец Марко хлопнул в ладоши, и на свет вышли двое гигантов. Каждый на голову выше Дара, накачанные. Это очевидно, потому,что оба они были обнажены по пояс. Более того, бритые наголо. И оба — в черных масках.

Они отсоединили провода, подключенные к запястьям, лодыжкам и груди Дара, и поставили его на ноги.— Но... что..

где...— пробормотал Дар. Через секунду он уже знал ответ; они потащили его к двери, в то время как отец Марко кричал за его спиной:

— Тиски для больших пальцев! Колодки! Дыбу!

Они затащили его в камеру пыток — причем волокли так быстро, что он едва успевал перебирать ногами по полу. Позади темнели страшные инструменты, покрытые ржавчиной и паутиной. Сквозь тусклый свет он видел покрытые плесенью старые каменные стены. Они вдруг кинулись к другой двери и потащили его по петляющему коридору...

— Э...я еще не проехал свою остановку?

— Нет,— ответила черная маска справа,— Ты еще не сел в кеб.

Наконец они проскочили последнюю дверь, и Дар действительно увидел пузатый кеб.

— Никто не заметил, что ты уже здесь,— отдуваясь, заверил силач.— Он открыл дверцу, а его напарник запихнул Дара внутрь.— Но...— промычал Дар,— почему?... Я ничего не понимаю!

— Потому что Горацио Бочелло пообещал им места на своем космическом корабле, вот так!— Отец Марко оказался рядом с Даром.— Они не могли устоять против подобного предложения.

— Разумеется,— согласился второй человек, усаживаясь на переднем сиденье.— Если кто-то и хотел бы попасть в средние века, так это палачи.

— Ты прав,— согласился напарник, натягивая кепку шофера.— Эти дурацкие огни и шумы, капающая вода... фу, терпеть не могу! То ли дело слушать, как хрустят кости!

Его приятель хлопнул дверцей.— Можешь уже прекращать всю эту игру.

— Да? Жаль.— Первый вздохнул.— Ну, на самом-то деле я ненавижу такую работу. Даже одного вида мышеловки не выношу! Дайте мне возможность бежать из этого больного общества!

— Ну да,— сказал отец Марко.— Я же обещал вам...

Кеб выбрался из мрака подземелья... был закат — над головами плыли настоящие облака...

Только тут Дар огляделся и узнал бархатную обивку и компьютеризированный бар.— Да это же не кеб... это лимузин Бочелло!

— Ни в жизнь бы не догадался,— сказал палач и стянул с лица маску.

„Кеб" стал спускаться и приземлился на газоне, рядом с чем-то вытянутым и куполообразным, таким большим, что вполне могло быть некрупным космическом кораблем. Когда Дар вышел из лимузина, Лона чуть не сбила его с ног.— Слава Богу, ты жив и невредим! Мы так беспокоились!— Потом она сделала шаг

назад, не выпуская его из рук, и он заметил, что в глазах ее блестят слезы.— Бедный, храбрый, дорогой наш идиот! В следующий раз, когда решишь принести себя в жертву у какого-нибудь алтаря, сделай это ради чего-нибудь действительно стоящего, ладно?

Он не мог позволить тратить силы на ответ; он был занят тем, что смотрел ей в глаза. Она обратила на него внимание...

Тут по спине его похлопал Уайти, а Сэм изогнулась и поцеловала в щеку.— Следовало ожидать, что система тебя заглотит!

Он улыбнулся и сжал Сэм руку.— Да, но вы не позволили ей изжевать меня и выплюнуть!

— Нет.— Сэм взяла Горацио за руку и устремила не него лучезарный взгляд.— Нет, мы не позволили.

— Ну, хвалите своих настоящих спасителей,— Горацио улыбнулся, похлопав отца Марко и одного из палачей по плечу.— Я только дал машину и код, чтобы они могли попасть в Гамелон. Переоденьтесь, ребята, и поторопитесь... Последний шаттл отправляется через десять минут.

Палачи усмехнулись и поспешили прочь.

— Прекрасная работа, святой отец,— усмехнулся Уайти.— Ума не приложу, как вы облапошили настоящих-то палачей?

Отец Марко пожал плечами.— Ну, если даже компьютер утверждает, что я гений...

— Да?— Дар удивленно посмотрел на него.— Но как вам удалось?

— Это все моя талантливая внучка,— Уайти вздохнул.— Каждый раз, когда я переживаю, что она не может сочинить сонет, она выдает что-нибудь, вроде этого.

— О, пустяки,— сердито проворчала Лона.— Я просто сделала небольшую добавку к существующей программе, вот и все.

— Просто небольшую добавку, что позволило включить отца Марко в список проверки благонадежности на самом высоком уровне,— поправил Уайти.

Дар опешил.— И вы обманули блокирующие программы?

— Коммерческая тайна,— быстро проговорила Лона,— хотя я вообще не понимаю, из-за чего вся эта суета. Ну, я хочу сказать, что компьютеры — это, конечно, быстро, но не такие уж они умные, эти создания.

Двое палачей прибежали обратно, одетые в бархатные камзолы, и Горацио повел их к куполу.— На борт яхты, быстро... время не ждет! Не улети мы сейчас, Исполнительный Секретарь станет Исполнительным Диктатором, и нам не позволят покинуть Терру! Поспешите, поспешите... Новый Прекрасный Мир ждет вас!

Он выразился превосходно — Новый Прекрасный Мир, так назывался космический корабль ССС, который приобрели двенадцать плутократов.

Теперь они видели его посреди Моря Спокойствия: длиной в четверть мили и восемьсот футов шириной, поблескивающий и обещающий светлое будущее.

Они приземлились рядом с ним и очутились в подземном переходе с обитыми тканью стенами цвета беж и красной ковровой дорожкой на полу. Горацио провел их по проходу, и они оказались у круглого отсека с двойной дверью в задней стене. Люди в рабочих комбинезонах с грузом на плечах быстро проходили сквозь эти двери, попадая далее в поле отрицательной силы тяжести.

— Ну, вот и наш корабль,— сделал широкий жест Горацио.— С погрузкой уже почти закончили. Вы уверены, что не отправитесь с нами?

— Я с вами,— Сэм преданно посмотрела на него.— Куда бы вы ни отправились.

Он нежно улыбнулся ей.— Очень трогательно, моя дорогая, особенно если учесть, что я совсем не беру с собой денег... Но мне кажется, что вы не будете счастливы там — представьте, примитивное общество...

— Звучит потрясающе,— произнесла Сэм.— Кроме того, я стану женой лорда.

— В продуваемом со всех сторон замке,— напомнил он ей,— где не будет центрального отопления и кондиционеров. Никакой сантехники. Будет очень холодно; представьте, зимним утром просыпаетесь, а вода в тазе для умывания замерзла.

— Привыкну.

— Нет, вы не сможете. Фактически вы прекратите свое существование еще до того, как окажетесь на планете, как и все мы. Сядем под церебральным сканирующим устройством, и весь этот технологический кошмар культуры сотрется из нашего сознания. Потом в нас будут имплантированы несуществующие воспоминания; ведь каждый годами совершенствовал свою роль в Обществе. По пути туда все напишут свои мнимые мемуары, а после очистки сознания эти самые воспоминания и будут внедрены в мозг каждому. Вы не вспомните Сэм, вы будете сознавать себя лишь как леди Лонгъер.

— Леди Лонгъер? О!— Сэм затаила дыхание и вцепилась в него покрепче.— Звучит бесподобно. Покончить с Сэм? Она мне особо и не нравилась.

— Зато нравилась мне,— Горацио вздохнул.— Но заверяю вас, что буду любить леди Лонгъер так же страстно. Что ж, дорогая, тогда вы одна из нас — эмигрантов-романтиков. Мы сменили имена, хватит, старые отслужили свое в Солнечной Системе. Кто-нибудь еще хочет присоединиться к нам?

Лона что-то шепнула отцу Марко на ухо. Он сдвинул брови, покачал головой и прошептал ей что-то в ответ. Она сказала ему еще одну фразу, и лицо его расплылось в улыбке. Он шагнул вперед и сжал руку Горацио.— Замечательная перспектива! Я с вами!

Лицо Горацио посветлело, но слова его прозвучали предостерегающе.— Вы уверены, святой отец? Я знаю, вы катодист, а это означает, что вы либо ученый, либо инженер. Ваша память тоже сотрется, по крайней мере та ее часть, которая имеет отношение к технологии. Мы не хотим, чтобы новое общество имело хоть какую-то связь с декадентской и материалистической культурой.

— Я больше священник, чем инженер,— заверил его отец Марко.— А священник с вами полностью согласен: материализм заразен.

— Извините,— сказала Лона.— Я должна позвонить.— Она направилась, покачивая бедрами, к ближайшей будке-экрану. Дар проследил за ней взглядом.

— Прекрасно!— Горацио потрепал отца Марко по плечу, улыбаясь во весь рот.— По крайней мере, в нашей колонии будет настоящий священник! Как насчет того, чтобы стать архиепископом, святой отец?

— Боюсь, это не для меня.— Отец Марко улыбнулся, довольный предложением.— Но я бы ничего не имел против аббата.

— Как только построим монастырь,— заверил его Горацио.— Мне кажется, что мы могли бы дать вам епископский сан. Я свяжусь с Папой, как только взлетим.

Отец Марко помрачнел.— Не думаю, что так легко можно поговорить с Его Высокопреосвященством.

— Но не для меня: мы вместе учились в школе. Итак, никто больше не хочет присоединиться к нам?

Дар покачал головой.

— Я тоже воздержусь,— сказал Уайти.— Слишком много еще удовольствий в этом мире. Но благодарю тебя за предложение, Челло.

Вернулась Лона.— А вы не забыли мистера Строганоффа?

— Господи!— воскликнул Дар.— Он был нашим продюсером... они подумают, что это он устроил всю нашу затею! Что с ним сделают — будут пытать? Казнят?

— Ни то ни другое,— заверил его Горацио,— конечно, если моему шоферу удалось...

— Удалось.

Они обернулись и увидели Строганоффа, приближающегося к ним по проходу.— Спасибо, что выкрали меня, мистер Бочелло,— выпалил он, запыхавшись.— Наверняка спасли мне жизнь.

— И сделал это с удовольствием,— заверил его Горацио.— Извините, что пришлось поступить бесцеремонно, но нужно было торопиться. Вас известили о нашем путешествии, мистер Строганофф?

— Да, и я желаю всем вам удачи в том мире, который вы откроете. Я с удовольствием отправился бы с вами, если бы мог прихватить с собой камеру ЗДТ, а потом возвратиться... Но я понимаю, что вам не нужна никакая техника, появившаяся позже 1300 года.

— Да, за исключением доспехов; но вы твердо решили, мистер Строганофф? Здесь у вас нет будущего.

— Нет, на Терре и Луне — разумеется,— согласился Строганофф.— Но я бы пожил несколько лет на Волмаре, хочется о многом поговорить там с одним человеком.

Дар усмехнулся.

Горацио пожал плечами. — Что касается нас, то где мы будем жить вне Земной Сферы, не имеет особого значения. Можем подбросить вас.

— А вы уверены, что нам по пути?

— Не совсем, потому что мы и сами не знаем, куда направляемся. И позаботимся, чтобы об этом не узнал никто. Мы сменим направление после того, как высадим вас на Волмаре, но не решим, какое направление выбрать, до тех пор, пока не выйдем из диапазона слышимости. Наша затерянная колония действительно должна надежно затеряться.

К Горацио подбежал человек в униформе.— Капитан передал вам, сэр, кое-какие новости... прямо с ЗДТ. Ассамблея только что постановила большинством голосов передать в руки Исполнительного Секретаря всю полноту власти, и теперь его должность называется Исполнительный Директор.

— Зловещие новости,— пробормотал Горацио.— Мне кажется, нам пора отправляться, пока не поздно. Прощайте, люди добрые!

Последовали рукопожатия, поцелуи, похлопывания по плечу... Сэм посмотрела на Дара и не смогла сдержать слез.— Прощай, приятель, и удачи тебе! Не давай себя в обиду!

— Буду пинаться и брыкаться,— пообещал ей Дар.

— Обещай мне, что не будешь отсиживаться, а попытаешься изменить жизнь вокруг, хорошо?

— Буду бороться, как смогу,— заверил Дар.

Потом Горацио подхватил Сэм и отца Марко под руки и повел их к двери.— Вы не представляете себе, как я рад, святой отец, что вы решили ехать! И вообще, какие средние века без монахов и монастырей?

Они вошли в лифт, и Сэм повернулась, чтобы помахать на прощанье рукой. Потом они скрылись из вида.

Уайти схватил Дара за плечо.— Наверх, быстрее, на наблюдательный пункт! Этот взлет я хочу посмотреть!

Они побежали к небольшому лифту в другом конце перехода и поднялись в наблюдательную башню — просторную круглую комнату с толстым ковром, окнами вместо стен по кругу и прозрачной крышей.

Дар огляделся по сторонам — лунный ландшафт, мешанина из тьмы и света.— Странно, почему они не построили просто прозрачный купол?

— Так дешевле.— Уайти показал рукой на огромную серебряную сигару в четверти мили от них.— Они взлетают, дети мои.

Они молча провожали взглядом Новый Прекрасный Мир— коробль оторвался от лунной поверхности и устремился вверх, уносясь ввысь, превратившись из махины в маленькую серебряную сигару, потом в сигаретку, потом в спичку, а потом в яркую точку. Неожиданно точка вспыхнула, так что трое наблюдавших за полетом корабля отбросили тени на пол, и заскользила дальше.

— Выхлоп,— прошептала Лона.— Теперь все, включили межпланетную систему.

Вспышка стремительно удалялась и вскоре превратилась в полоску света, направляющуюся к невидимой орбите Плутона — миниатюрное солнце в поисках рассвета.

Когда корабль стал одной из миллионов звезд, они с грустью вздохнули.— Ну вот и все.— Дар печально улыбнулся.— Интересно, удастся ли им создать свое чокнутое общество?

— Мне кажется, что да,— пробормотал Уайти.— Когда за дело берется Горацио, у него все получается. Надеюсь, они будут счастливы.

— Я тоже.— Дар задумался.— Особенно отец Марко. Но как он сможет основать катодианский монастырь, если из его мозгов сотрут все знания инженера?

— О, об этом я уже думала,— промурлыкала Лона, улыбаясь.

Уайти пристально посмотрел на нее.— Кисанька, оближи сметанку с усиков и расскажи-ка мне, кого это ты надула в очередной раз?

— Всего-навсего компьютер Нового Прекрасного Мира, дедуля... знаешь, нетрудно вставить несколько цифр, когда знаешь, что сказать Основной Памяти.

— Ну, не совсем... тебе же пришлось сначала пробраться через дюжину мощнейших блокирующих программ!

Лона фыркнула.— Ерунда, простенькая задача!

— Так, ты делаешь успехи. И что же ты сказала Новому Прекрасному Миру?

— О, я просто убедила его в том, что один человек на борту не нуждается в промывке мозгов. Он меня правильно понял и пообещал, что когда придет время этой самой промывки, отца Марко она не коснется.

Уайти кивнул и хитро улыбнулся.— А я-то еще подумал, почему он вдруг возжелал отправиться с ними. Было решил, что катодианец покидает цивилизацию ради Церкви... но техника — это нечто другое.

— Я решила, что какая-то связь с реальностью у них должна быть,— сказала Лона.— И единственным местом, где это возможно, должен стать монастырь, из стен которого никакая реальность в свет не просочится.

— Как благородно с твоей стороны,— пробормотал Уайти.

Лона пожала плечами.— Я люблю развлекаться с компьютерами, дедушка.

— Ну, продолжай в том же духе.— Уайти вздохнул.— Мне

кажется, что наши новоиспеченные лорды и господа несколько иного мнения о развлечениях.

— Да, я как-то не задумывался о будущем здесь,— заметил Дар.— Может быть, Горацио и его приятели вовсе и не сошли с ума.

— Здесь все может оказаться куда скучнее,— согласилась Лона.— Вот почему, когда я отлучилась, чтобы поговорить по телефону, я связалась с компьютером Банка Терры, дедушка, и перевела все деньги на счет банка Максимы.

Довольная улыбка заиграла на лице Уайти.— Как разумно ты поступила, деточка!

Дар удивленно посмотрел на нее.— Максимы? Это то место, где соорудили Векса? Но он говорит, что это сплошные камни!

— С заводами по производству роботов,— напомнила ему Лона,— что включает в себя и компьютеры. И, разумеется, специалистов по компьютерам и кибернетике... то, что мне и надо.

— Но мне казалось, что ты хочешь поучаствовать в жизни декаданса.

— Да, если получится... но если придется выбирать между ним и играми с программами и схемами, я знаю, где меня ждет настоящее развлечение. Кроме того, Максима расположена недалеко от Терры, время от времени я могла бы наведываться сюда.

— Тогда зачем было переводить туда деньги? И притом все?

— Потому что Максима — единственный мир, не позволяющий центральному правительству вторгаться в свои компьютеры,— пояснила Лона.— Значит, деньги там никто не посмеет тронуть, не говоря о частной жизни.

— Частной жизни, ты говоришь? Ты полагаешь, даже ей что-то грозит? Вы действительно думаете, что здесь будет так плохо?

— Это называется полицейским государством,— сказал Уайти.— Уверен, они намереваются включить в него Максиму... теоретически.

— Но не на деле,— заверила его Лона.— По крайней мере, если мне есть что сказать компьютерам Максимы.

— Характером вся в отца, если таковой был!— усмехнулся Уайти.— Твоя мать сказала бы то же самое. Ладно, если ты выбрала Максиму, нам лучше отправляться немедленно.— Он достал передатчик и нажал на кнопку.— Скоро будет здесь.— Он повернулся к Дару.— А как же ты? Хочешь уехать отсюда?

— Да, с радостью бы... спасибо.

— Я так и думал. Знаешь, ты мог бы вернуться на Волмар. Партия ЛОРДОВ постоянно твердит, что пограничные миры слишком дорого обходятся им, что нужно избавиться от них — пусть будут предоставлены сами себе. Может быть, для них наступят трудные времена, зато они сохранят свободу.

Дар кивнул.— Я уже думал об этом. Действительно, я почти уверен, что генерал Шаклар, наш правитель, тоже так подумал. И Майлз Крофт на Фальстафе.

— Ну, что касается Майлза, то он готов идти своей дорогой;

не сомневаюсь, что и Шаклар тоже. Но я так понимаю, что ты не собираешься туда возвращаться.

Дар опустил глаза.— А как вы догадались?

— В противном случае ты составил бы компания Горацио и высадился бы на Волмаре вместе со Строганоффом. Что случилось? Пристрастился к сладкой жизни?..

— Раскусили меня, но как вы догадались?— спросил Дар.

— Хочешь верь, хочешь нет, но и я был когда-то молодым.

— Весь фокус в том, чтобы поверить, что он вообще достиг такого возраста.— Лона приблизилась к Дару, он почти физически ощутил ее присутствие, как некое давление... Глаза ее сияли, она смотрела на него, улыбаясь.— Куда ты собираешься?

— Туда,— ответил Дар,— где мне никогда не придется услышать о Межзвездной Тайной Организации Телепатов.

— Да, ловко нас обманули, не так ли?— хмыкнул Уайти.— Никогда еще не доводилось видеть, чтобы Великая Ложь срабатывала подобным образом! Мне нравится наблюдать, как фантазия выходит из-под контроля.

— Эх, не все здесь фантазия,— заметил Дар.— Есть доля правды.

Уайти пристально посмотрел на него.— Ты уверен?

— Ну, в какой-то мере, вам не кажется?— Дар развел руками.— Ведь во всей этой истории наверняка был один настоящий телепат...

— Вполне может быть.— Лона скептически посмотрела на него.— Но я смотрю на все это несколько иначе. Когда дело касается телепатии, если она без интегрированных схем, я не верю в нее.

— В телепатию?— Дар покосился на нее.— Я бы сказал, что подобный подход у тебя касается и всего остального.

— Доля правды в твоих словах есть,— согласилась Лона.— Я стараюсь не обращать внимания на мечту до тех пор, пока кто-нибудь не попытается претворить ее в жизнь. Телепатия — это мечта, мне кажется... Нечто вроде сверхсветового радио, пока немыслимого... или перестройка соединений в молекуле, если превратить ее в электронную цепь...

Дар изучающе посмотрел на нее.— Так-то ты понимаешь мечту, Лона?

— Ну, такую лишь, о которой можно говорить открыто.— Она посмотрела на него во все глаза.— А у тебя есть мечта?

Дар отвел взгляд и стал рассматривать лунный пейзаж.— Нет... сейчас мне не до мечты. Я просто хочу выбраться с Терры.

Что-то знакомо-неуклюжее спустилось с неба и приземлилось на том месте, откуда стартовал Новый Прекрасный Мир. Оно приподнялось, при помощи автоматики проверило систему шлюзования и мягко опустилось.

— Векс,— сказал Уайти.— Пора, молодежь.

Они вошли в лифт и спустились в проход. По дороге к дверям никто не разговаривал: каждый был погружен в собственные

мысли, понимая, что покидает Терру навсегда. Хотя Лона и строила планы насчет того, что будет наведываться сюда, у нее было свое отношение к планете. Она выросла среди звезд, для нее матушка-Земля была всегда экстравагантной родственницей, которую можно навещать для разнообразия. Дар никогда не бывал на Терре раньше и у него не возникло желания возвращаться сюда вновь. Но для Уайти это была родина, с ней связаны все его воспоминания, теперь же триединый Бог сменил облик; Геката перестала быть матерью или возлюбленной и превратилась в убийцу. Вернись он в ее объятия, ему грозит верная смерть. Дети не знали этого, потому что не знали, что он задумал, но он-то знал.

Они шагнули в большой лифт и оказались в шлюзной камере, в знакомом обшарпанном интерьере Векса.— Наконец-то дома,— вздохнул Уайти,— чего мы только ни натерпелись за эти дни... Векс, как насчет настоящего шотландского виски? Я бы хотел выпить, когда мы взлетим.

— Конечно, мистер Тамбурин. Лона? Дар?

— Неплохо бы вермут,— произнес Дар.

— Просто воды,— решительно сказала Лона,— пока не прибудем на место.— Она опустилась в кресло и пристегнулась. Дар плюхнулся в кресло рядом с ней. Бар мелодично зазвенел, Дар потянулся за напитками.— Нет-нет, я подам, Уайти.

Бард с благодарным вздохом уселся позади Дара. Он пристегнул ремни, потом взял из рук Дара стакан, не отрывая взгляда от иллюминатора,— он смотрел на Терру, огромную на фоне звезд.

— Какой курс установить?— спокойно спросил Векс.

— Нужно принимать решение,— сказала Лона Дару.— Куда ты хочешь отправиться?

Дар заглянул ей в глаза. Она не отвела взгляда. Ее зрачки становились все больше и больше.

— Туда же, куда и ты,— тихо ответил Дар.

Она сидела притихшая какое-то время, потом сказала:

— Ты уверен?

— Да,— ответил он,— даже очень.

Последовала пауза, они не отрывали глаз друг от друга. Уайти кашлянул и неестественно громко произнес:— Ну, знаешь, как это бывает, Векс... когда молодой и все такое прочее.

— В моих банках данных имеются кое-какие данные на сей счет,— ответил компьютер.

— Отправляешься в свой собственный маленький мир мечты,— объяснил Уайти.— Даже если считаешь, что остаешься в мире реальном. Погружаешься в романтику на какое-то время и уже не можешь воспринимать окружающее тебя как действительность.

— Похоже на искусственно индуцированное изменение сознания?

— Ну, это то, что пытаются имитировать наркотики, да... но

знаешь, как много значит имитация... Соприкасаясь с реальностью, они вне досягаемости какое-то время, и дело стариков — следить за ходом вещей до тех пор, пока они не выйдут из этого транса.

— И каким образом вы собираетесь следить за ходом вещей, мистер Тамбурин?

— Ну, полетаем немного над Земной Сферой, попоем невинные, аполитичные песенки... и направимся на Волмар.

— Волмар? Но почему?

— Ну, чтобы снова увидеться со Строганоффом, наверное... и с этим Чолли, о котором с таким энтузиазмом рассказывал Дар. Похоже на то, что у него есть кое-какие интересные идеи. Я не пошел по более легкому пути, не присоединился к Горацио. То есть я имею в виду, что на меня возложена некая ответственность. Я должен убедиться, что эти двое устроятся и будут в безопасности, и только потом могу... Но, судя по их виду, мне придется долго ждать...

— Я думала, ты влюблен в Сэм,— сказала наконец Лона.

Дар покачал головой.— Ни капельки... по крайней мере после того, как увидел тебя. Она была хорошим спутником, когда дела были плохи... но любить? Нет, не любил.

— Да?— сухо спросила Лона — Почему же?

— Потому,— ответил Дар,— что я бы не смог любить человека, который читает мои мысли.

Лона молча сидела несколько секунд, потом сказала:

— Сэм? Настоящий, живой телепат? Она и есть та, на кого охотились?

— Корреляция очевидна,— раздался голос Векса,— если все то, что вы мне рассказывали, верно. Именно она знала наверняка, где искать документы в багаже штата Белабхера, именно она смогла открыть сложную систему замков и вывела Дара по подземелью из темницы на Фальстафе, а взять, к примеру, как она восприняла начало охоты на ведьм. Но самое удивительное — никто из вас ни о чем не догадался раньше.

— И Векс знал все это?— Лона подозрительно уставилась на Дара.— Я не думала, что вы с Вексом так тесно общаетесь.

— Он очень внимательный слушатель,— весело сказал Дар.

— Но никто не просил его выявлять телепата.— Подозрительный взгляд стал задумчивым.— А когда ты понял это?

— Сразу после того, как отец Марко утащил меня с допроса. Я понял, что все эти вспышки и шумы были предусмотрены не просто так — они действительно боялись, что я прочитаю их мысли, значит, верили в существование телепата и в то, что он среди нас. Потом я вспомнил, как подозрительная, замкнутая Сэм по уши влюбилась в Горацио Бочелло, с первого взгляда. Это было так непохоже на нее. Должно быть, она разгадала в нем что-то такое, что никому из нас не доступно... а сделать это она могла только одним способом.

— Заглянув в его мысли.— Лона поджала губы и кивнула.— Ну, просто любовь с первого взгляда, по-моему.

— Исполнительный Директор, однако, не понимает, что ты не телепат,— заметил Векс.— Он наверняка будет продолжать охотиться на тебя до конца своей жизни... и его последователи тоже. Телепат — находка для диктатора.

— Да, я думал об этом. Но мне кажется, можно найти какое-нибудь удаленное место и жить преспокойно, не боясь, что что-то мне угрожает. Конечно, предусмотреть кое-какие меры предосторожности — например, сменить фамилию...

— На какую?

— Да чего тут думать? Сейчас что-нибудь подберем.— Дар вздохнул и откинулся на спинку кресла.— Возьмем мою настоящую и кое-что переставим... ну, к примеру, д 'Арман вместо Дара Мадры. Ну, как?— Он повернулся к Лоне.— Ты тоже должна подумать о том же... ты тоже в их списке.

— Да,— сказала она; глаза ее засияли.— Знаю.

— Сменишь фамилию?

— Да, пожалуй,— ответила она.— д 'Арман мне тоже продходит.

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

Визит к Малой Плантагенет*

Астероид залетел со стороны Козерога, покрутился вокруг солнца типа G, свернул к пятой планете. Такая траектория не слишком типична для астероидов. Он шлепнулся в гравитационную сетку планеты, поносился вокруг нее на трех разных орбитах, а затем вонзился в атмосферу славной падающей звездой. На высоте сотни футов он остановился, а затем рванулся к поверхности — но только к поверхности. Никаких фейерверков, никакого кратера — ничего, кроме примятой травы. Поверхность его была в шрамах и выбоинах, почерневшая от трения об атмосферу, но он был цел. В глубине его недр прогремели слова, которым суждено было изменить судьбу этой планеты:

— Черт бы подрал румбы твоих скородумных мозгов!

Голос оборвался, его владелец нахмурился, прислушиваясь. В каюте стояла полная тишина, без обычного еле слышного гудения. Молодой человек выругался, срывая с себя амортизационную паутину, выбрался из компенсационного кресла, пьяно покачался на пятках, шаря в воздухе, пока рука его не нащупала пластик стены. Поддерживая себя одной рукой, он доковылял до панели на противоположной стороне круглой каюты. Там он высвободил зажимы, бранясь в прекрасном старом стиле галактических матросов, открыл панель, нажал кнопку. Повернувшись, он разве что не упал обратно в кресло. В каюте снова пронеслось тихое гудение. Невнятный голос спросил, модулируя скорость и тон речи:

— Узве — ик! — вудовледворидельно... М'лорр'Родни?

"Все роботы в галактике гладкие и блестящие, — пробурчал милорд.— А мне вот достался эпилептик!„

— Езли м'лорр'боззволид, дод конденсадор м'жно...

— Заменить, — закончил Родни.— А твон цепи выдернуть и перестроить. Нет, спасибо, мне твоя личность нравится такой, какая есть — кроме тех случаев, когда ты устраиваешь приземление, от которого у меня ключицы вылетают!

— Броздиде м'лоррд, в дод кридичезкий момент позадки я принял очень звоеобразные радиоволны, кодорые...

---

*„Visit to small Plantagenet" перекликается с названием пьесы Гора Видала „Visit to small Planet" — „Визит на небольшую планету". *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

— Ты отвлекся, именно это ты пытаешься сказать?

— М'лорд, было крайне необгодимо броанализзировадь...

— Так значит, одна часть тебя изучала радиоволны, а другая часть тебя приземляла корабль, что было как раз чуточку чересчур большим напряжением, и слабый конденсатор сдал... Векс! Сколько раз я тебе должен повторять — занимайся своим непосредственным делом!

— М'лорд выражал жжелание быдь даким, как...

— Как герои Саг о Дальней Разведке, да. Но это не значит, что мне нужны их неудобства.

Электронная система Векса почти оправилась от послеприпадочного истощения.

— Но м'лорд, гонцебция героизма бредболагаед...

— А, забудь об этом, — простонал Родни.

Векс послушно очистил часть своих банков памяти. Векс был очень обязательным.Он был также и антикварным — одним из немногих оставшихся роботов ВКС (Верных Кибернетических Спутников), ранних моделей, ныне уже две тысячи лет как устаревших. Роботы ВКС были запрограммированы на крайнюю преданность и, вследствие этого, толпами гибли, защищая своих хозяев во время кровавого Междуцарствия после крушения древнего Галактического Союза и до прихода власти Пролетарского Эклектического Содружества Терры. Векс — имя, полученное из попыток произнести "ВКС„ единым словом — уцелел благодаря своей эпилепсии. У него был слабый конденсатор, который, подвергаясь перенапряжению, высвобождал всю накопленную энергию огромной волной, длившейся несколько миллисекунд. Когда появлялись предварительные симптомы этого электронного припадка — главным образом, неопределенность в расчетах Векса — включался главный прерыватель цепи, и неисправный конденсатор разряжался в изоляции от остальных цепей Векса; но сам робот при этом выходил из строя, пока прерыватель цепи не ставили на место. Поскольку припадки происходили в моменты сильного стресса — такие, как попытки приземлить космический корабль-астероид, одновременно анализируя заблудившуюся радиоволну, или защитить хозяина от трех убийц одновременно,— Векс пережил Междуцарствие, поскольку когда Пролетарии нападали на его хозяев, он мужественно сражался примерно двадцать пять секунд, а затем впадал в коллапс. Таким образом, он стал редкостью, смелым слугой, который уцелел. Он был одним из пяти все еще функционировавших роботов ВКС. В результате он сделался сокровищем семейства д'Арман, ценимым за свою древность; но даже больше — за свою преданность; истинная верность аристократическим семьям всегда числилась в дефиците. Поэтому, когда Родни д'Арман покинул родной дом в поисках жизни, полной приключений и славы — будучи младшим сыном младшего сына, он мало чего еще мог сделать,— его отец настоял, чтобы он взял с собой Векса. Род часто бывал очень рад обществу Векса, но случались моменты, когда у робота просто чуточку не хватало такта. К примеру, после очень жесткой посадки человеческий желудок склонен быть малость

слабоватым, но у Векса доставало ума спросить: "Что желаете на обед, м'лорд? Скажем, устрицы со спаржей?„

Рода выворачивало наизнанку. Он стиснул челюсти, борясь с тошнотой.

— Нет, — ответил он сквозь зубы, — и можешь просто проглотить это "м'лорд». Мы на заданни, помнишь?

— Я никогда не забываю, Род. Кроме как по приказу.

— Знаю, — проворчал Род.— Это я так образно выражаюсь.— Он скинул ноги на пол и с трудом встал.— Мне не помешал бы глоток свежего воздуха для успокоения желудка, Векс. Есть что-нибудь в наличии?

Робот с миг пощелкал, а затем доложил:

— Атмосфера, пригодная для дыхания. Лучше, однако, надеть свитер.

Род, ворча, натянул пилотскую куртку.

— И почему это у старых слуг семьи развивается комплекс матери-наседки?

— Род, если бы ты прожил столько, сколько прожил я...

— ...я захотел бы, чтобы меня дезактивировали, знаю, "робот всегда прав„. Открой шлюзовую камеру.

Двойные двери шлюзовой камеры распахнулись, показывая черный круг отверстия люка. В каюту ворвался холодный бриз. Род поднял лицо, вдыхая воздух. Глаза его блаженно закрылись.

— Ах, благословенное дыхание земли! Что здесь живет, Векс?

Механизмы загудели, когда Векс прокрутил ленты, заснятые им в электронный телескоп с орбиты, интегрируя визуальные данные во вразумительное описание планеты.

— Земельная масса состоит из пяти континентов, одного острова приличных размеров и множества островков поменьше. Континенты и мелкие острова имеют схожую флору — экваториальный тропический лес.

— Даже на полюсах?

— За пределами ста миль от каждого полюса; ледяные шапки примечательно малы. Видимая фауна ограничивается амфибиями и множеством насекомых, мы можем предположить, что моря изобилуют рыбой

Род потер подбородок.

— Похоже, мы попали в весьма ранний геологический период.

— Каменноугольная эра, — ответил робот.

— А как насчет того небольшого острова? Именно там мы и приземлились, я полагаю?

— Правильно. Туземная флора и фауна отсутствуют. Все жизненные формы типичны для Позднего Земного Плейстоцена.

— Насколько позднего, Векс?

— Исторического периода человека.

Род кивнул.

— Иными словами, кучка колонистов приехала, выбрала себе остров, стерла с лица земли туземную жизнь и засеяла землю земными видами. Есть какие-нибудь идеи, почему они выбрали этот остров?

— Достаточно велик, чтобы содержать население в приличном количестве, достаточно мал, чтобы свести к минимуму проблемы экологической ревизии. Потом, остров расположен в зоне полярного океанского течения, которое понижает местную температуру до чуть ниже земной нормальной.

— Очень сподручно, спасает их от забот по управлению климатом. Есть какие-нибудь остатки того, что могло быть городом Галактического Союза?

— Никаких, Род.

— Никаких! — Глаза Рода в удивлении расширились.— Это не укладывается в схему. Ты уверен, Векс?

Схема развития затерянной или деградировавшей колонии — той, что тысячу лет или больше пребывала вне контакта с Галактической цивилизацией — распадалась на три легко различимые стадии: первая — установление колонии, вторая обрывание связи с Галактической культурой, за этим следует перенаселение городов, которое приводит к массовым миграциям в сельскую местность, и в результате к смещению к аграрной самообеспечивающейся экономике; и третья — утрата технологических знаний, сопровождаемая растущим уровнем суеверий, символизируемая забрасыванием и в конечном итоге табуированием технологии угля-и-пара — общественные отношения костенеют, и появляется кастовая система. Стили в одежде и архитектуре обычно становятся пародиями на образцы Галактического Союза: к примеру, маленькие полусферические деревянные хижины, построенные в попытке сымитировать геодезические сводчатые купола Галактического Союза. Но всегда оставались развалины города, выполняющие роль постоянного символа и основы для мифологии. Всегда.

— Ты уверен, Векс? Ты действительно, в самом деле, уверен, что города нет?

— Я всегда уверен, Род.

— Это правда...— Род дернул себя за нижнюю губу.— Иногда ошибаемся, но никогда не сомневаемся. Ну, отложи вопрос о городе на будущее, может быть, он потонул в приливной волне. Давай просто произведем последнюю проверку, что жизненные формы — земные.

Род нырнул головой вперед через метровый круг шлюза, приземлился с кувырком вперед, поднялся на колени. Он отстегнул от пояса партизанский нож — нож, заботливо сработанный так, что его нельзя было отнести к какой-либо известной культуре — и вытащил его из ножен. Ножны представляли собой четкий конус из белого металла с маленькой шишкой на конце. Род сорвал несколько стебельков травы, бросил их в ножны и повернул шишку. Встроенный в стенки ножен миниатюрный датчик прозондировал траву ультразвуком, чтобы проанализировать ее молекулярную структуру, а затем передал данные Вексу, который определял, не были ли какие-нибудь молекулы несовместимы с человеческим метаболизмом. Если бы трава была ядовитой для Рода, Векс направил бы сигнал обратно к ножнам и белый металл приобрел бы пурпурный оттенок. Но в данном конкретном случае ножны сохранили серебряный цвет.

— Все сходится, — сказал Род.— Это земная трава, предположительно посеянная землянами, и это — земная колония. Но где же город?

— Тут есть крупный городишко — наверное, тысяч тридцать душ — у подножия горного хребта на севере, Род.

— Ну...— потер подбородок Род.— Это не совсем то, что я имел в виду, но лучше, чем ничего. Как он выглядит?

— Расположен на нижних склонах большого холма, на вершине которого находится каменное строение, сильно напоминающее земной средневековый замок.

— Средневековый! — нахмурился Род.

— Сам городок состоит из полудеревянных и оштукатуренных зданий со вторыми этажами, нависающими над узкими улицами — переулки будут лучшим термином, на которых они расположены.

— Полудеревянных! — Род поднялся на ноги.— Минуточку, Векс, эта архитектура напоминает тебе что-нибудь?

Робот с минуту помолчал, а затем ответил:

— Североевропейский Ренессанс.

— Это, — заметил Род, — не типичный стиль ретроградской колонии. Насколько близко эти здания походят на Земной Ренессанс, Векс?

— Сходство, совершенное до последней детали, Род.

— Значит, оно преднамеренное. Что насчет замка? Тот тоже эпохи Возрождения?

Робот помолчал, а затем сказал:

— Нет, Род. Он, похоже, является прямой копией немецкого стиля XIII века н.э.

Род энергично кивнул.

— Что насчет стилей одежды?

— Мы в настоящее время находимся на ночной стороне планеты и находились там же при приземлении. Имеется достаточно света от трех спутников планеты, но относительно мало гуляющих людей... Есть небольшой отряд солдат... скачущих на земных лошадях. Их мундиры — э... копии мундиров английских бифитеров*.

— Отлично! Есть еще кто-нибудь на улицах?

— Гм... пара мужчин в плащах — э... и в камзолах и рейтузах в обтяжку, я считаю, н... да, небольшая группа крестьян, одетых в холщовые рубахи и штаны из оленьей кожи с помочами крест-накрест.

— Этого хватит, — оборвал его Род.— Этакая мешанина, конгломерат стилей. Кто-то попытался воплотить свое представление об идеальном мире, Векс. Ты когда-нибудь слышал об Эмигрантах?

С минуту робот молчал, роясь в своих банках памяти. Затем он принялся зачитывать: «Недовольные изобиловали в конце XXII века н.э. Затосковав от своей "жизни тихого отчаяния„, люди обратили свои взоры, во-первых, к мистицизму, во-вторых, к эскапистской литературе и развлечениям. Постепенно господ-

---

*Бифитеры (англ.) — буквально, мясоеды — гвардейцы-йомены, пешие королевские телохранители.

ствующей формой развлечения стало псевдосредневековье. Наконец группа богатых людей объединила свои средства для покупки устаревшего лайнера ССС* и объявила всему миру, что они являются Романтическими Эмигрантами, что они намерены восстановить блеск средневекового образа жизни на прежде неколонизированной планете и что они примут ограниченное число поселенцев в качестве крепостных и ремесленников. Заявок, конечно, оказалось намного больше, чем можно было удовлетворить. Эмигрантов отбирали за "поэтичность души„ — что бы это ни значило».

— Это значит, что они любили слушать рассказы о привидениях, — сказал Род.— И что произошло дальше?

— Список пассажиров был быстро заполнен. Тринадцать магнатов, организовавших эту экспедицию, заявили, что они в связи с этим отказываются от своих фамилий и принимают вместо них родовые имена великих средневековых аристократов — Бурбон, Медичи и т.п. Затем корабль отбыл, заботливо не уточнив свою конечную цель, дабы "не было никакого заражения со стороны материалистического мира". Больше о них ничего не слышали.

Род мрачно улыбнулся: „Ну, я думаю, мы только что обнаружили именно их. Как это ладит с твоими диодами?".

— Очень хорошо, Род. Фактически, статистический анализ вероятности, показывающий, что это колония Эмигрантов, выходит следующий...

— Пропусти это, — быстро велел Род. Статистика была коньком Векса — дай ему хоть полшанса и он будет часами надоедать тебе.

Род поджал губы и поглядел на ту часть корпуса, где обитал мозг Векса.

— Когда ты это обдумаешь, можешь отослать эту статистику обратно в ПОИСК с нашей обоснованной догадкой, что мы нашли колонию Эмигрантов. Можешь даже заняться этим прямо сейчас; я хочу, чтобы они знали, где мы находимся на случай, если что-нибудь произойдет.

ПОИСК — Почтенное Общество для Искоренения Создающихся Корпоративностей — был организацией, ответственной за розыск утерянных колоний. Пролетарское Эклектическое Содружество Терры (ПЭСТ) проявляло примечательно мало интереса к любой колонии, где отсутствовала современная технология, так что утерянные колонии оставались утерянными до тех пор, пока тоталитарная власть ПЭСТ не была свергнута ДДТ — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. ДДТ быстро укрепил свою власть на Земле, управляя в согласии с почти недосягаемыми идеалами Афинской Демократии. Давно было известно, что неэффективность демократических правительств являлась в основном проблемой средств связи и предрассудков. Но в период свыше двух веков

*ССС — сверхсветовой скорости.

ячейки ДДТ функционировали как подпольные классы, результатом чего явились грамотность и дипломы магистра у семидесяти двух процентов населения; предубеждения, таким образом, присоединились к полимиелиту и раку в списке излеченных болезней. Проблемы же средств связи были решены разработкой в лабораториях ДДТ субмолекулярной электроники, снизившей размеры и цену средств связи до такой степени, что впервые становилось практичным их действительно широкое применение. Таким образом, каждый индивид мог в любой момент пожаловаться своему Трибуну, а будучи образованными, они склонны были много жаловаться, просто исходя из общих принципов, что это очень здраво для демократии. Радиопротесты оказались исключительно эффективными, по большей части благодаря автоматической записи протестов. Проблемы записи данных и другой бюрократической волокиты были разрешены изобретением ред-оксидной звукозаписывающей пленки с дорожками шириной в одну молекулу и разработкой настолько эффективной системы поиска данных, что запоминание фактов стало устаревшим. Образование, таким образом, стало заключаться в обучении концепциям, и успех демократии был гарантирован. После двух веков такой подготовки почвы революция ДДТ явилась всего лишь формальностью. Но когда революция окончена, революционеры всегда не к месту и, вероятно, оказываются смущающим фактором для полицейских сил нового правительства. Поэтому ДДТ решил не быть эгоистичным — скорее, наоборот, он готов был поделиться благами демократии с остатками старого Галактического Союза. Однако демократов редко встречают с распростертыми объятиями на планетах, управляемых тоталитарными правительствами, и едва ли радушнее — на планетах, где преобладает анархия. Это вызвано самой природой демократии, единственного практического компромисса между тоталитаризмом и анархией. Требовалось ничто иное как постоянная организация революционеров, подрывных сил республиканских демократов. Поскольку под рукой имелся большой запас оставшихся без работы революционеров, организация эта была создана быстро и окрещена Почтенным Обществом для Искоренения Корпоративностей. "Создающихся" — было добавлено век спустя, когда все известные обитаемые планеты ниспровергли тоталитарные режимы и присоединились к ДДТ. Бывшие революционеры попрежнему являлись проблемой — даже большей, чем раньше, поскольку их стало больше — и их стали отправлять поодиночке разыскивать утерянные колонии. Так и был создан ПОИСК — организация, чьей заботой было отыскивать отсталые планеты и наставлять их на путь демократии. Поскольку Род нашел средневековую планету, ему, вероятно, надо будет поощрять развитие конституционной монархии. Род, урожденный Родни д'Арман (у него имелось еще пять промежуточных имен, но их было скучно читать), происходил с планеты, населенной исключительно аристократами и роботами, и вступил в ПОИСК в нежном возрасте восемнадцати лет. За десять лет службы он вырос из долговязого, некрасивого юнца в худощавого,

мускулистого, некрасивого мужчину. Лицо его было аристократическим; это о нем можно было сказать — это и не больше. Его отступающая линия фронта волос кончалась на ровном скошенном лбу, который тянулся до костных надбровных дуг, несколько замаскированных кустистыми бровями. Брови нависали над глубокими глазницами, в недрах которых гнездились два несколько суровых глаза — по крайней мере, Род надеялся, что они выглядели суровыми. Глазницы служили порогом к высоким плоским скулам, разделенным лезвием носа, который сделал бы честь орлу. Под скулами и носом находился широкий тонкогубый рот, который даже во сне кривился в сардонической улыбке. Подо ртом пребывали квадратная челюсть и выступающий подбородок. Род хотел бы утверждать, что это было волевое лицо, но оно имело склонность примечательно смягчаться, когда ему улыбалась девушка. Собаки и дети производили тот же эффект, но с куда большей частотой. Он был человеком с Мечтой (некогда это была Девушка-Мечта, но та осталась с его зеленой юностью) — Мечтой о едином правительстве Объединенной Галактики (демократическом, конечно). Межзвездные средства связи были все еще слишком слабыми для истинно демократической федерации: ДДТ был, на самом деле, свободной конфедерацией миров — скорее дискуссионным клубом и служебной организацией, чем чем-либо большим. Но в один прекрасный день адекватные средства связи появятся. Род был в этом уверен, а когда это случится, звезды будут готовы. Он за этим присмотрит.

— Ну, давай займемся делом, Векс. Нельзя сказать, когда что-нибудь может забрести сюда и заметить нас.

Род перемахнул в шлюз и прошел через него обратно в каюту. Он подошел к панели в стене, высвободил зажимы. Внутри находился пульт управления — над ним была сфера из белого металла с тусклым отливом, размером примерно с баскетбольный мяч. С верха сферы тянулся массивный кабель и соединялся со стенкой корабля. Род отвинтил соединение, высвободил фрикционный зажим, удерживавший сферу на месте, и осторожно снял ее.

— Полегче, — попросил голос Векса из наушника, имплантированного в височную кость за правым ухом Рода.— Я, знаешь, хрупкий.

— Немного доверия, пожалуйста, — пробурчал Род. Микрофон донес его слова до Векса.— Я ведь тебя пока еще не ронял, не так ли?

— Пока, — откликнулся робот.

Род обхватил мозг робота одной рукой, оставив другую свободной, чтобы преодолеть шлюз. Снова оказавшись снаружи, он нажал кнопку в борту корабля. На боку псевдоастероида поднялась большая дверь. Внутри на амортизационной паутине висел могучий черный конь с опущенной между ног головой и закрытыми глазами. Род нажал кнопку, из грузового отсека вылез кран, конь покачался на тросе, затем был опущен, пока его копыта не коснулись земли. Род повернул луку седла, и в боку коня открылась панель. Род поместил мозг внутрь

панели, закрутил зажимы и соединения, затем повернул луку седла обратно: панель закрылась. Конь медленно поднял голову, пошевелил ушамаи, дважды моргнул, издал пробное ржание.

— Все как и должно быть, — сказал голос за ухом Рода. Конь пожевал для виду.— Если ты позволишь выбраться из этой колыбели для кошки, я проверю моторные цепи.

Род усмехнулся и освободил его от паутины. Конь встал на дыбы, замер в воздухе, а затем прыгнул и перешел в галоп. Род следил за скачущим роботом, заодно хорошенько осматривая свое окружение. Астероид-корабль приземлился в центре луга, лохматого от летней травы, окруженного дубами, орешником, кленами и ясенями. Стояла ночь, но луг заливало светом трех лун. Робот потрусил обратно к Роду, поднялся на дыбы, чтобы остановиться перед ним. Копыта глухо ударили о землю, большие индиговые глаза повернулись к Роду, уши поднялись.

— Я в форме, — доложил Векс.

Род снова усмехнулся.

— Нет зрелища, подобного виду скачущего коня.

— Что, никакого?

— Ну, почти никакого. Брось, давай зароем корабль.

Род нажал штырьки на стенке корабля; грузовой люк закрылся, шлюз загерметизировался. Корабль начал вращаться, сперва медленно, затем все быстрей и быстрей по мере того, как он погружался в землю. Скоро остался только кратер, окруженный валом из жирной глины, а верх астероида изгибался метром ниже. Род вытащил саперную лопатку из седельной сумки Векса, собрал ее и приступил к выполнению своей задачи. Конь присоединился к нему, резко ударяя копытами по валу. Через десять минут вал уменьшился до десяти дюймов, в центре возник холмик — футов двадцати в поперечнике и в два фута высотой.

— Отойди.— Род вытащил кинжал, повернул рукоять на 180 градусов и направил ее на земляной холмик.

Возник луч красного цвета, глина запылала вишнево-красным, расплавилась и потекла. Род водил лучом медленной дугой над всем кратером вывороченной породы, пока почва не расплавилась на фут ниже уровня земли. Он сгреб остатки вала в яму, соорудив небольшой холмик.

— Ну, вот и все.— Род вытер лоб.

— Не совсем.

Род согнул плечи, у него засосало под ложечкой.

— Ты еще должен переодеться в одежду, соответствующую этому обществу и эпохе, Род.

Род прищурил глаза.

— Я взял на себя смелость упаковать камзол в левую седельную сумку, пока ты испытывал траву, Род.

— Слушай, — заспорил Род.— Ведь моя форма подходит достаточно хорошо, не так ли?

— Рейтузы и военные сапоги сойдут. Но пилотскую куртку никак нельзя спутать с камзолом. Нужно ли мне еще что-нибудь добавлять?

— Нет, я полагаю, не нужно, — вздохнул Род. Он подошел к седельной сумке.— На первом месте стоит забота об успехе задания — превыше и прежде любых хлопот о личных удобствах, достоинстве или... Эй! — Он уставился на нечто длинное и тонкое, висящее на седле.

— Что "эй", Род?

Род снял странный предмет с седла — на одном конце у него была рукоятка, заметил он, и предмет этот бряцал — и протянул его туда, где Векс мог его разглядеть.

— А это что ?

— Елизаветинская рапира, Род. Древнее оружие, своего рода длинный нож, сработанный как для того, чтобы рубить, так и для того, чтобы колоть.

— Оружие.— Род поглядел на робота так, словно сомневался в его нормальности.— Мне полагается носить ее?

— Разумеется, Род. По крайней мере, если ты планируешь использовать одну из твоих обычных легенд.

Род издал вздох, подобающий христианскому мученику, и вытащил из седельной сумки камзол. Он втиснулся в него и пристегнул рапиру к правому боку.

— Нет, нет, Род! Пристегни ее к левому боку. Ты должен выхватывать ее наискось.

— На что я только не иду ради демократии...— Род пристегнул рапиру на левом бедре.— Векс, тебе когда-нибудь приходило в голову, что я могу быть фанатиком?

— Конечно, Род. Классический случай сублимации.

— Я спрашивал твое мнение, а не психоанализ, — проворчал человек. Он оглядел свой костюм.— Эй! Неплохо, совсем неплохо! — Он откинул плечи назад, поднял подбородок и подбоченился. Ало-золотой камзол красиво пылал в лунном свете.— Как тебе это нравится, Векс?

— Фигура у тебя скроена что надо, Род.— В голосе робота почему-то слышались интонации тихого веселья.

Род нахмурился.

— Нужна, однако, накидка, чтобы довершить картину.

— В седельной сумке, Род.

— Обо всем подумал, так ведь? — Род порылся в седельной сумке, вытряхнул объемистый плащ того же цвета электрик, что и его форменные рейтузы.

— Цепочка проходит под левой мышкой и вокруг правой стороны шеи, Род.

Род застегнул плащ и повернулся лицом к ветру, плащ развевался вокруг его широких плеч.

— Вот, готово! Я просто картинка, как думаешь?

— Словно гравюра из шекспировского текста, Род.

— Лесть доставит тебе двойной рацион масла.— Род вскочил в седло.— Направляйся к ближайшему городку, Векс. Я хочу покрасоваться в своем новом наряде.

— Ты забыл засеять кратер, Род.

— Что? О! Да.— Род вытащил мешочек из правой седельной сумки и разбросал его содержимое по кругу

вывороченной земли.— Вот! Дай им грозу и два дня на вырост, и ты не сможешь отличить его от остального луга. Будем надеяться, однако, что никто этой дорогой два дня не пойдет...

Голова коня вскинулась, а уши навострились.

— Что случилось, Векс?

— Слушай, —ответил робот.

Род нахмурился и закрыл глаза.

Издалека, принесенные ветром, долетали юношеские крики и веселый смех.

— Судя по звукам, похоже на компанию ребят на гулянке.

— Они приближаются, — тихо произнес Векс.

Род закрыл глаза и снова прислушался. Звуки и впрямь становились громче. Он повернулся к северо-западу, в направлении, откуда доносились звуки, и просканировал горизонт. Только три луны были в небе. Через одну из лун проплыла тень. За ней последовали еще три. Смех теперь звучал громче.

— Примерно семьдесят пять миль в час, — пробормотал Векс.

— Что?

— Семьдесят пять миль в час. Это скорость, с которой они, кажется, приближаются.

— Хммм.— Род пожевал нижнюю губу.— Векс, как давно мы приземлились?

— Примерно два часа назад, Род.

Что-то прочертило воздух над головой.

Род поднял голову.

— Э, Векс?

— Да, Род?

— Они летят, Векс.

Возникла пауза.

— Род, я должен попросить тебя быть логичным. Подобная культура еще не может создать средства для передвижения по воздуху.

— Они и не создавали. Они летят.

Еще одна пауза.

— Сами люди, Род?

— Именно.— Голос Рода содержал нотку смирения.— Хотя должен признать, что та, что только что пролетела над нами, кажется, летела верхом на помеле. Недурна на вид, между прочим. Фактически, она подтасована, как колода для покера в Лас-Вегасе... Векс?

Ноги коня сковал паралич, голова тихо покачивалась между ног.

— О черт! — зарычал Род.— Только не снова!

Он сунул руку под луку седла и вернул на место предохранитель. Конь медленно поднял голову и несколько раз встряхнул ею.Род схватил узду и направил коня прочь.

— Чтддо злуччилозь, Роооооод?

— У тебя был припадок, Векс. А теперь, что бы с тобой ни творилось, не вздумай ржать. Эта воздушная вакханалия движется в нашу сторону, и есть некоторый шанс, что они могли

прибыть для обследования падающей звезды. Поэтому мы направляемся в этот корабельный лес. И тихо, если позволишь.

Оказавшись под деревьями на краю луга, Род сразу оглянулся проверить, как там летучая флотилия. Молодежь кружилась в небе в полумиле от них, издавая радостные визги и крики приветствия. Ветер кидал Роду одну-другую разборчивые фразы.

— Радуйтесь, дети мои! То леди Гвен!

— Значит, ты пришла, наконец, стать матерью нашего ковена*, Гвендайлон?

— Красы у тебя только прибыло, милая Гвендайлон! Как дела у тебя?

— До сих пор не обольщаю младенцев, Рэндол...

— Звучит так, словно классная дама заскочила на гулянку в Колледж Ведьм, — хмыкнул Род.— Протрезвел, Векс?

— В голове прояснилось, во всяком случае, — признал робот, — и новая концепция дополнена в мой основной алгоритм...

— О, — поджал губы Род.— Мое наблюдение подтверждается?

— Основательно. Они летают.

Воздушный хоровод, казалось, вспомнил о своей первоначальной цели. С криками и взрывами смеха они устремились к лугу, попарили над кольцом недавно вывороченной земли и один за другим попадали в круг около него.

— Ну, не слишком много сомнений, зачем они здесь, не так ли? — Род сел на землю по-скорняцки и привалился спиной к передним ногам Векса.— Остается только ждать, я полагаю.

Он повернул печатку на своем перстне на девяносто градусов и нацелил ее на собравшихся.

— Передавай, Векс.

Перстень с печаткой теперь функционировал как очень мощный направленный микрофон, его сигналы передавались через Векса в наушник за ухом Рода.

— Нам следует рассказать о сем королеве?

— Нет, сие только смятет ее без надобности.

Род нахмурился.

— Ты можешь понять что-нибудь из этого, Векс?

— Только то, что это Елизаветинский английский, Род.

— Вот, — сказал Род, — почему ПОИСК всегда посылает человека с роботом. Ладно, давай начнем с очевидного: язык подтверждает, что это колония Эмигрантов.

— Ну, конечно, — пробурчал Векс, несколько задетый.

— Ну, ну, старый симбиот, не ворчи. Я знаю, что ты не считаешь, будто стоит докладывать об очевидном; но проглядывание очевидных фактов приводит иногда к проглядыванию скрытых тайн, находящихся прямо на виду, не так ли?

---

*Слово "ковен" обычно переводят как шабаш, но это скорее просто союз ведьм и колдунов.

— Ну...

— Правильно. Итак. Они упомянули королеву. Таким образом, правительство — монархия, как мы и подозревали. Эта группа подростков называла себя ковеном, следовательно, они считают себя колдунами и ведьмами... Учитывая их форму передвижения, я склонен согласиться. Но...— Он предоставил этому "но" повисеть несколько мгновений в воздухе. Векс навострил уши.— Они также говорили о том, чтобы рассказать королеве. Следовательно, они должны иметь доступ к королевскому уху. Что это, Векс? Королевское одобрение колдовства?

— Не обязательно, — рассудительно заметил Векс.— Применимым прецедентом может быть случай с царем Саулом и Андорской волшебницей...

— Но есть шансы, что они приняты при дворе.

— Род, ты торопишься с выводами.

— Нет, напротив, просто выступаю с блестящими молниеносными озарениями.

— Вот, — сказал Векс, — почему ПОИСК всегда посылает робота с человеком.

— Туше*. Но они также сказали, что сообщение королеве смятет ее без надобности. Что означает "смятет", Векс?

— Вызовет беспокойство, Род.

— Гм. Значит, эта королева может оказаться как раз волнительного типа.

— Да, может быть.

В поле грянула музыка — шотландские волынки, наигрывающие аккомпанемент старой цыганской мелодии. Молодежь пустилась в пляс на расчищенной земле и в нескольких футах над ней.

— Баварский крестьянский танец, — произнес Векс себе под нос.

— Где земля кончается, тама все встречается, — процитировал Род, вытягивая ноги.— Сборная культура, заботливо комбинирующая все самое худшее, что могла предложить старушка Земля.

— Несправедливое суждение, Род.

Род вскинул брови:

— Тебе нравятся волынки?

Он сложил руки на груди, опустил подбородок, предоставляя Вексу бдительно следить, не произойдет ли чего-нибудь значительного. Робот следил пару часов, терпеливо пережевывая свои данные. Когда музыка заглохла и замерла, Векс поставил копыто Роду на бедро.

— Р-р-р-р! — прорычал Род и мгновенно скинул всякую дремоту, как и подобает тайному агенту.

— Гулянка окончена, Род.

Молодежь подскакивала в воздух, устремляясь на северо-восток. Одно помело метнулось в сторону, перпендикулярно к основной группе, за ней рванулась юношеская фигура.

— Не покидай больше нас столь надолго, Гвендайлон.

---

*Туше (франц.)— задет; фехтовальный термин.

— Рэндол, если бы ты был мышонок, ты бы посватался к слонихе! Прощай и смотри, отныне ухаживай за девами, которые только на шесть лет старше тебя!

Помело направилось прямо к Роду, взмыло над лесом и исчезло.

— Ммм, да! — Род облизнул губы.— На этой девице определенно держится многое. И судя по тому, как она говорит, она чуточку постарше, чем эти куриные мозги...

— Я думал, что теперь-то уж, Род, ты выше мелких побед.

— То есть, вежливо говоря, она не имеет ко мне ни малейшего отношения. Но даже если я не обладаю покупательской способностью, я все же могу взглянуть на витрину.

Молодежный ковен уплыл за горизонт, их смех растаял.

— Ну, значит, вот так.— Род поджал под себя ноги.— Гулянка окончена, а мы не стали мудрее.— Он поднялся на ноги.— Ну, по крайней мере, мы сохранили тайну, никто не знает, что под этим кругом земли космический корабль.

— Нет, не так, — засмеялся звонкий, как у фей, голосок.

Род замер, повернул голову и обомлел. Там, среди корней старого дуба, стоял человек — широкоплечий, ухмыляющийся и всего двенадцати дюймов ростом. Он был одет в камзол и рейтузы разных оттенков коричнего цвета и обладал очень белыми зубами и общим видом озорного чертенка.

— Король эльфов будет извещен о вашем присутствии, милорд чародей, — хихикая, пообещал чертик.

Род метнулся вперед. Но человечек уже исчез, оставив после себя только смех. Род стоял, уставясь в пустоту, слушая, как ветер беседует с дубовыми листьями и последний слабый смешок замирает среди корней дуба.

— Векс, — произнес он.— Векс, ты видел это?

Никакого ответа. Род нахмурился, оборачиваясь:

— Векс? Векс!

Голова робота тихо покачивалась между бабок.

— О черт!

Глухого тона колокол возвестил наступление девяти часов где-то в большом ветхом городке, являющемся, насколько могли определить по скорости и азимуту Род с Вексом, родной базой юных колдунов и ведьм. Ввиду их замечания о королеве Род лелеял надежду, что город окажется столицей острова.

— Это только догадка, конечно, — поспешно добавил он.

— Конечно, — пробормотал про себя Векс. Голос робота производил отчетливое впечатление терпеливого вздоха.

— На более непосредственном уровне, под каким именем я сойду в этой культуре?

— Почему же не Родни д'Арман VII? Это один из немногих случаев, где подходит твое настоящее имя.

Род покачал головой.

— Слишком претенциозно. Мои предки так никогда и не смогли преодолеть своих аристократических устремлений.

— Они были аристократами, Род.

— Да, но также и все остальные на планете, Векс, кроме

роботов. А они так долго прожили в семье, что имеют право претендовать на некоторую честь.

— Было достаточной честью...

— Позже, — оборвал его Род.

У Векса имелась стандартизованная проповедь по традиции "положение обязывает" роботов Максимы, которую он с радостью прочел бы, дай ему хоть капельку чего-либо, напоминающего намек.

— Есть маленькая проблема с именем, не забыл?

— Если ты настаиваешь.— Векс не мог скрыть своего недовольства.— Опять наемник?

— Да. Это дает мне предлог путешествовать.

Векс содрогнулся.

— Ты мог бы прикинуться бродячим менестрелем...

Род покачал головой.

— Менестрелям полагается быть в курсе текущих событий. Однако добыть лютню, может быть, и неплохая идея — особенно если правитель — женщина. Песни могут дать доступ туда, куда не смогут мечи...

— Каждый раз мы проходим через это... Гэллоуглас подойдет тебе, Род? Это был ирландский термин, означающий наемного солдата.

— Гэллоуглас...— Род покатал это слово на языке.— Неплохо. В нем есть что-то энергичное.

— Как и в тебе.

— Я замечаю здесь оттенок иронии? Но оно-таки хорошее, солидное слово... И оно не совсем то, что назовешь красивеньким...

— Определенно, как и ты, —пробормотал под нос робот.

— Смею надеяться. Да. Род Гэллоуглас подходит. Тпру!

Род, хмурясь, натянул поводья. Откуда-то впереди доносился глухой ропот толпы.

— Это что еще за хай? — нахмурился Род.

— Род, позволь мне порекомендовать осторожность...

— Неплохая идея. Газуй дальше, но полегче с копытами, пожалуйста.

Векс перешел на шаг по узкой освещенной лунным светом улице, держась ближе к видавшей виды стене здания. Он остановился на перекрестке и высунул свою лошадиную голову за угол.

— Что ты видишь, сестрица Анна?*

— Толпу, — ответствовал Векс.

— Проницательное замечание, Ватсон. Что-нибудь еще?

— Свет факелов и молодого человека, влезающего на помост. Если ты извинишь такую аналогию, Род, это сильно похоже на митинг-накачку в твоей альма матер.

— Может быть, как раз она и есть.— Род соскочил с седла.— Ну, оставайся здесь, большой парень. Я разведаю местность.

Он завернул за угол и зашагал по-солдатски, вразвалку

*Цитата из сказки "Синяя борода"

держа руку на эфесе шпаги. Неплохая мысль, судя по виду толпы. Должно быть, шел митинг местного профсоюза бродяг. Ни одного нелатаного камзола среди них. Он наморщил нос: мытые тела попадались и того реже. Определенно, темная компания. Местом митинга была большая открытая площадь, ограниченная с одной стороны широкой рекой — там были видны верфи с деревянными кораблями, покачивающимися на причальных концах. С других трех сторон площадь окружали дешевые обшарпанные меблирашки, магазины такелажа и другие дешевые лавки и склады. Склады, по крайней мере, были в хорошем состоянии. Все здания были полудеревянными, с характерным нависающим над улицей вторым этажом. Всю площадь заполняла орущая, толкающаяся толпа. Пламенеющие сосновые факелы придавали сцене демоническое освещение. Более близкий взгляд на толпу обнаружил повязки на глазах, обрубленные конечности, головы-минус-уши — странный контраст со стоявшим на наспех сколоченном помосте человеком. Он был молод, широкоплеч и белокур. Лицо его было чистым и без шрамов, курносое и голубоглазое. Это было округлое, почти невинное лицо, открытое и честное, залитое мрачным отсветом Человека с Миссией. Его камзол и рейтузы были на удивление чистыми и хорошо пошитыми из приличной ткани. На бедре у него висела шпага.

— Паренек из приличной семьи, — произнес про себя Род.— Что, во имя Седьмого Круга Ада, он делает в этой крысиной норе?

Юноша вскинул руки вверх, толпа заревела, сосновые факелы хлынули вперед, чтобы осветить его.

— Чьи плечи несут самое тяжкое бремя? — крикнул парень.

— Наши! — взревела толпа.

— Чьи руки — изнуренные и все в шрамах от черной работы?

— Наши!

— Кто создал все богатства, кои расточают вельможи?

— Мы!

— Кто воздвиг их высокие замки из гранита?

— Мы!

— Разве вам не положена доля в этих богатствах и роскоши?

— Положена!

— Да ведь даже в одном из этих замков, — заревел юный оратор, — хватит богатства, чтобы сделать каждого из вас королем!

Толпа неистовствовала.

— Ты улавливаешь это, Векс?

— Да, Род. Это звучит, словно смесь Карла Маркса и Хью Лонга.

— Странный синтез, — пробормотал Род.— И все же, коли поразмыслить об этом, может, не такой уж и странный.

— Это ваше богатство, — крикнул юноша.— Вы имеете право на него.

Толпа снова взвыла.

— Отдадут ли они вам должное?

Толпа вдруг затихла. Начался зловещий ропот

— Нет, — проревел молодой человек.— Значит, вы должны потребовать этого, ибо это ваше право!

Он снова вскинул руки вверх.

— Королева дала вам хлеб и вино, когда на вас напал голод! Королева дала мясо и доброе вино колдунам и ведьмам, коих она укрывает!

Толпа снова стала смертоносно тиха. Но по ее рядам пробежал шепот: "колдуны!", "ведьмы!".

— Да! — прорычал оратор.—Даже колдуиам и ведьмам, отверженным и презираемым. Насколько же более тогда даст она вам, кто терпит дневную жару и ночной холод? Она отдаст вам должное!

Толпа откликнулась на его рык криком.

— Куда вы отправитесь? — крикнул юный Демосфен.

— К замку! — заорал кто-то, и другие голоса подхватили крик:— К замку! К замку!

Этот вопль перешел в ритмическое скандирование:

— К замку! К замку! К замку!

Скандирование прорезал высокий, пронзительный вой. Толпа замолкла. Тощая кривобокая фигура прохромала на крыльцо склада и крикнула через всю площадь:

— Солдаты, рота, а то и поболе!

— Расходитесь по переулкам и верфям! — проревел юноша.— В Доме Хлодвига мы встретимся через час!

К изумлению Рода толпа осталась безмолвной. Струйки людей начали вытекать в кривые переулки. Не было никакой паники, никакой давки. Род вжался в дверной проем и смотрел, как затаптывают факелы. Десятки и десятки людей пробегали мимо него, легкие на ногу и молчаливые, и проглатывались темными пастями переулков. Площадь опустела, слабые звуки бегства растаяли. Во внезапной тишине Род услышал дробь приближающихся копыт — солдаты, направляющиеся обуздать верноподданных королевы. Род ступил на мостовую и пустился бежать, ступая на пятки, за угол, где стоял в ожидании Векс. Не сбавляя шага, он вскочил в седло.

— В приличную часть города, — прошептал он.— Быстро и тихо.

Векс мог вытолкнуть из своих копыт резиновые подушки дюймовой толщины, когда требовалась бесшумность, у него также была в памяти фотокарта города из их орбитального наблюдения. У робота-коня есть свои преимущества. Они мчались через город; почва под ними стала повышаться, взбираясь на холм, увенчанный королевским замком. Качество зданий постепенно улучшалось, они въезжали в более богатые районы.

— Какой вывод ты делаешь из всего этого, Векс?

— Бесспорно, тоталитарное движение, — ответствовал робот.— Демагог, несомненно жаждущий власти, который поведет народ предъявить требования правительству, требования, кото-

рые не могут быть удовлетворены. Отказ короны будет использован для подстрекательства толпы к насилию — и ваша революция сделана.

— А разве это не может быть просто честолюбивый аристократ, пытающийся узурпировать корону?

— Узурпация черпает себе поддержку в высших классах, Род. Нет, это — пролетарская революция, прелюдия к тоталитарному правительству.

Род поджал губы.

— А ты бы не сказал, что тут было доказательство вмешательства со стороны более развитого общества? Я имею в виду, ведь пролетарских революций обычно не находишь в такого рода культурах, не так ли?

— Редко, Род, и когда они случаются, пропаганда рудиментарна. Агитация в средневековом обществе никогда не ссылается на основные права: такая концепция чужда данной культуре. Вероятность вмешательства крайне велика...

Губы Рода раздвинулись в недоброй усмешке.

— Ну, старый механизм, похоже, мы прибыли в подходящее место, чтобы открыть свою лавочку.

На верхнем уступе холма, служившего городку фундаментом, они наткнулись на беспорядочную двухэтажную постройку, окружавшую с трех сторон освещенный факелами двор. Четвертую сторону замыкал деревянный частокол с воротами. Из ворот вышла компания смеющихся, хорошо одетых молодых людей. Род уловил обрывки пьяной песни. Гремела посуда, и голоса требовали мяса и эля.

— Я так понимаю, что мы нашли один из лучших постоялых дворов.

— Я бы сказал, что это оправданное предположение, Род.

Род откинулся в седле.

— Выглядит неплохим местом для ночлега. В этой культуре возможна колбаса с чесноком, Векс?

— Робота передернуло.— Род, у тебя крайне странные вкусы!

— Дорогу! Дорогу! — протрубил голос у него за спиной.

Обернувшись, Род увидел рысью едущий в его сторону отряд солдат-кавалеристов, за ними катилась позолоченная с богатой резьбой карета. Перед солдатами скакал герольд.

— Посторонись с дороги, парень! — крикнул он.— Едет карета королевы!

— Королевы! — Брови Рода взлетели ко лбу.— Да, да! Во всех смыслах, давай посторонимся!

Он ткнул Векса коленом. Конь свернул с дороги и прискакал к месту на обочине, дававшему Роду возможность хорошо рассмотреть королевскую свиту. Занавески в карете были полузадернуты, но осталось пространство для обзора. Фонарь отбрасывал теплый желтый свет внутрь кареты, позволяя Роду бросить короткий взгляд, когда карета проехала мимо. Стройная хрупкая фигура, закутанная в темный дорожный плащ с капюшоном, бледное с мелкими чертами лицо,

обрамленное белокурыми, почти платиновыми волосами, большие темные глаза и маленькие, очень красные, сердито надутые губы. И молода, и очень молода — едва миновала детство, подумал Род. Она сидела, выпрямившись, словно штык проглотив, выглядя очень хрупкой, но также и очень решительной и каким-то образом всеми покинутой, с той враждебной, вызывающей осанкой, которая так часто сопровождает страх и одиночество.

Род уставился вслед удаляющемуся отряду.

— Род.

Род вздрогнул, тряхнув головой, и сообразил, что карета уже давным-давно скрылась из виду.

Он сердито посмотрел на затылок коня.— Что такое, Векс?

— Я загадал, не заснул ли ты.

— Черная голова повернулась к Роду, большущие глаза едва заметно смеялись.

— Нет.— Род развернулся в седле, оглянувшись на поворот, за которым скрылась карета.

Векс принудил свой голос к терпению.— Опять Мечта, Род?

Род нахмурился.— А я думал, у роботов нет эмоций.

— Нет. Но у нас есть-таки врожденная неприязнь к отсутствию того качества, которое часто называют здравым смыслом.

Род бросил ему кислую улыбку.— И конечно, оценка этого качества именуется иронией, поскольку оно в основе своей логично. А ирония предполагает...

— ... чувство юмора, да. И ты должен признать, Род, что есть что-то неистребимо юмористическое в человеке, который полгалактики преследует плод своего собственного вымысла.

— О да, разумеется, это гомерический хохот. Но разве не в этом разница между человеком и роботом, Векс?

— В чем? В способности создавать воображаемые конструкции?

— Нет, в способности увлекаться ими. Ну, давай-ка посмотрим, нельзя ли нам найти тебе тихое стойло, где ты сможешь спокойно пережевывать свои данные.

Векс повернулся и потрусил в ворота постоялого двора. Когда Род спешился, из конюшни выбежал конюх. Род бросил ему поводья и велел:

— Не давай ему слишком много воды, — а затем прошел в большой зал таверны.

Род не знал, что в помещении может быть дымно и без табака. Строительство дымоходов на этой планете явно числилось среди недоразвитых искусств. Однако клиенты, похоже, не возражали. Помещение было заполнено голосами. Люди были заняты громкими разговорами. Огромный зал вмещал двадцать с чем-то столов — больших и круглых, впрочем, было и несколько столиков поменьше, занятых людьми, чья одежда отмечала их как находящихся выше простонародья (но недостаточно высоких, чтобы останавливаться в замке). Освещение состояло из сосновых факелов, которые усиливали общую задымленность, сальных свечей, которые мило капали на

гостей, и огромного очага, пригодного для того, чтобы зажарить целого быка, чем именно он в данный момент и занимался. Небольшая орда мальчиков и крестьянских девушек поддерживала постоянный поток еды и питья, проходивший между столами и кухней; многие из них демонстрировали немалое искусство в беге по пересеченной местности. Рослый лысоватый человек в завязанном на широкой талии фартуке выскочил из кухни с дымящейся деревянной тарелкой — трактирщик, надо полагать. Дела сегодня ночью шли хорошо. Человек поднял взгляд, увидел Рода, мигом узрел ало-золотой камзол, шпагу и кинжал, общий явно авторитетный вид, туго набитый кошель — особенно кошель — и сунул тарелку ближайшей служанке. Он подлетел к Роду, вытирая руки о фартук.

— Чем могу служить вам, добрый мастер?

— Кружкой эля, куском мяса толщиной с оба твоих больших пальца и столиком на одного.— Род улыбнулся, говоря это хозяину.

Тот уставился на него, его губы сложились в круглое "о" — Род явно сделал что-то неординарное. Затем взгляд старика принял расчетливое выражение, то, которое Род видывал и раньше: оно обычно сопровождалось замечанием официанту вполголоса: легкая добыча, выуди у него все, что он стоит.

Род улыбнулся. Ему следовало бы знать, что этого лучше не делать. Некоторые вещи можно, однако, и переделать. Род дал своей улыбке перейти в мрачность.

— Ну, чего ж ты ждешь! — рявкнул он — И побыстрей с этим, или я пообедаю вырезкой из твоей спины!

Хозяин подпрыгнул, затем раболепно часто закланялся.

— Ну конечно, м'лорд, конечно! Все будет быстро, добрый мастер, да, безусловно быстро! — Он повернулся бежать.

Рука Рода зажала ему плечо.

— Столик, — напомнил он.

Трактирщик сглотнул, дернув головой, отвел Рода к столику рядом с поставленным на попа бревном, служившим опорой зданию, и рванул прочь — несомненно, ругаясь под нос. Род ответил не менее любезно, но расширил тему, включив в нее все, что олицетворял собой трактирщик, а именно корыстные наклонности человека. И конечно же кончил тем, что принялся ругать себя за ублажение Маммоны, поскольку становился скупым. Ну, что он мог поделать? Агентам ПОИСКА полагалось оставаться незаметными, а мягкосердечный средневековый буржуа был вопиющим противоречием. Выяснилось, однако, что, когда трактирщик говорил быстро, он это и имел в виду. Мясо и эль появились чуть ли не прежде, чем Род уселся. Хозяин стоял, вытирая руки фартуком и с очень обеспокоенным видом. Вероятно, ожидая, как Род примет его стряпню. Род открыл было рот, чтобы его успокоить, и остановился, прежде чем хоть одно слово успело пройти через его носоглотку. Нос его зашмыгал, по лицу медленно расползлась улыбка. Он поднял взгляд на трактирщика.

— Я чую запах колбасы с чесноком?

— О, да, ваша милость! — снова закивал трактирщик.— Это колбаса с чесноком, ваша милость, и очень хорошая колбаса с чесноком к тому же, если мне позволено будет сказать это. Если вашей милости угодно...

— Моей милости угодно, — снизошел Род.— И престо аллегро*, с-мерд.

Трактирщик шарахнулся от него, напомнив Роду вексовское отношение к силлогизму, и убежал.

— *Ну, и что бы это значило?* — гадал Род. Должно быть, дело в чем-то, сказанном им. А он-то довольно-таки сильно гордился этим "смерд"...

Он попробовал мясо и только стал заливать его элем, как на стол бухнулась тарелка с чесночной колбасой.

— Отлично, — похвалил Род.— И мясо приемлемо.

Лицо трактирщика расплылось в улыбке облегчения, он повернулся было, чтобы уйти, затем снова обернулся.

— Ну, что еще? — спросил Род, набив полный рот колбасой с чесноком.

Руки трактирщика снова принялись мять фартук.

— Прошу прощения, мой мастер, но...— Губы его тоже замялись, а затем он выпалил:— Мастер часом не чародей?

— Кто? Я? Чародей? Смешно! — Чтобы подчеркнуть сказанное, Род ткнул столовым ножом в направлении трактирщика.

Огромный живот изумленно съежился, а затем умчался, прихватив с собой и своего владельца.

Ну, а с чего он взял, что я чародей? — подумал Род, пережевывая большой кусок мяса.— *Никогда не ел мяса лучше,* — решил он.— *Должно быть, дело в дыме. Интересно, какое дерево они употребляют? Дело, наверное, в этом престо аллегро. Он, вероятно, подумал, что это волшебные слова...*

Ну, они-таки сотворили чудеса. Род откусил чесночной колбасы и хлебнул эля. Он — чародей? Никогда! Он, может быть, и младший сын младшего сына, но до такого отчаяния он не дошел. Кроме того, чтобы стать чародеем, требовалось подписать кровью контракт, а у Рода лишней крови не было. Он без конца проливал ее в самых неподходящих местах... Он осушил кружку и с треском поставил ее на стол. Материализовавшийся трактирщик с кувшином снова налил доверху стакан. Род начал было благодарно улыбаться, да вспомнил свое положение и изменил улыбку на усмешку. Пошарив в кошеле, он нащупал неправильной формы самородок золота — приемлемая валюта в средневековом обществе, вспомнил, как быстро в таких заведениях обдирают щедрых, и пропустил самородок в пользу обрезка серебра. Трактирщик уставился на маленькую белую полоску на своей ладони, глаза его при этом предпринимали доблестную попытку превратиться в полусферы. Он издал булькающий звук, заикаясь, рассыпался в благодарностях и шмыгнул прочь. Род с досадой закусил губу. Очевидно, даже

---

*Престо аллегро (муз.) — в очень быстром темпе.

столь маленький кусочек серебра был достаточно велик, чтобы вызвать оживленные комментарии. Налет гнева, однако, быстро растворился: фунт-другой мяса в желудке склонны заставить мир выглядеть лучше. Род выставил ноги в проход, потянулся и откинулся на спинку стула, ковыряя в зубах столовым ножом. В этом пивном зале было что-то до странности не так. Счастливые здесь были немного слишком профессиональными в этом, голоса — чуточку слишком громкими, смех — малость натянутым, с темным эхом. Мрачные, напротив, действительно были мрачными, их черные думы были похожи на стены из мореного дуба. Страх. Взять хотя бы вон ту парочку головорезов за третьим столиком справа — они жутко серьезно относились к тому, о чем сейчас балакали. Род незаметно повернул перстень и направил его на этих двоих.

— Но от таких собраний нет ничего хорошего, если королева продолжает посылать против нас своих солдат!

— То правда, Эдам, то правда, она не услышит нас, потому что, ежели отбросить всю шелуху, она не позволит нам достаточно приблизиться, чтобы все высказать.

— Так тогда ее надо заставить выслушать!

— Да. Но что в том толку? Ее вельможи не позволят ей дать то, что мы требуем.

Эдам хлопнул ладонью по столу.— Но мы имеем право быть свободными, не становясь ворами и нищими! Долговым тюрьмам тоже должен быть положен конец, а с ними и налогам!

— Да, так же должно быть с отрубанием уха за кражу ломтя хлеба.— Он потер правую сторону головы с виноватым выражением на лице.— И все же она жертвует нам.

— Да, а теперь эта затея со своими собственными судьями. Великие Лорды не будут более вершить каждый свое правосудие, на свой собственный лад и вкус.

— Вельможи этого не потерпят, и ты это знаешь. Судьи долго не протянут.— Лицо одноухого было мрачным, и он очертил круг на мокрой поверхности стола.

— Да, вельможи не станут терпеть никаких замыслов королевы! — Эдам вонзил в стол нож.— Неужто Логайр не видит этого?

— Нет, не говори против Логайра! — Лицо одноухого потемнело.— Если бы не он, мы бы досель были ордой оборванцев, без всякой общей цели! Не говори против Логайра, Эдам, потому как без него у нас не было бы ни медяшки, чтобы сидеть в этом трактире, где солдаты королевы лишь гости!

— О да, да. Он собрал нас вместе и сделал из нас, воров, людей. И все же теперь он держит наше новоприобретенное мужество в оковах; он алчет удержать нас от драки за то, что наше!

Рот одноухого натянулся по углам.

— Ты слишком много наслушался праздной и завистливой болтовни Пересмешника, Эдам!

— И все же нам придется драться, попомни мои слова! — воскликнул Эдам, стискивая кулак.— Должна быть пролита

кровь, прежде чем мы добьемся своего. Кровь должна ответить за кровь, и та кровь, что выпустили вельможи из...

Что-то тяжелое врезалось в Рода, стукнуло его о стол, наполняя ему голову запахом пота, лука и дешевого вина. Род уперся рукой о стол и пихнул плечом. Тяжелая фигура откачнулась с громким "уф". Род вытащил кинжал и, нащупав печатку перстня, отключил его. Над ним вырисовывался человек, выглядевший ростом футов на восемь, и широкий, как фургон.

— Ну вот! — зарычал он.— Почему ты не смотришь, куда я иду?

Нож Рода крутанулся, отбрасывая зайчик в глаза великану.

— Отойди, друг, — мягко сказал он.— Дай честному человеку спокойно допить свой эль.

— Да уж, честный человек, — грубо расхохотался рослый крестьянин.— Солдат, называющий себя честным человеком!

Его ржание подхватили за другими столами. Держу пари, решил Род, что чужаки здесь непопулярны. Совершенно неожиданно смех прекратился.

— Нет, ты положи свою игрушку, — сказал, вдруг отрезвев, великан.— И я покажу тебе, что честный крестьянин может одолеть в драке солдата.

По спине Рода пробежала колючая дрожь, так как он понял, что это все подстроено. Трактирщик уведомил этого здорового быка о местонахождении тяжелого кошеля...

— Я с тобой не ссорился, — пробормотал Род. И сообразил чуть ли не раньше, чем эти слова слетели у него с языка, что это было самое худшее, что он мог сказать. Великан злобно посмотрел на него горящими глазами.

— Не ссорился, он теперь грит. Кидается тут на пути бедного подвыпившего человека так, что тот не может не налететь на него. Но он грит " не ссорился", как увидел Большого Тома.— Огромная мясистая рука зарылась в ткань на горле Рода, поднимая его на ноги.— Нет, я те покажу ссору, — прорычал Большой Том.

Правая рука Рода метнулась вперед, рубанув великана по локтю, а затем отскочив. Рука, сжимавшая его горло, разжалась и упала, временно онемев. Большой Том уставился на свою руку с таким видом, точно его предали. Род сжал губы и сунул кинжал в ножны. Он шагнул назад, размял колени, потер правым кулаком о ладонь левой. Крестьянин был рослым, но он, видимо, ничего не понимал в боксе. Жизнь вернулась в руку Тома, а с ней и боль. Великан заревел от гнева, его рука сжалась в кулак, нацелилась на Рода в широком матросском замахе, который изничтожал все, во что попадал. Но Род прыгнул под него и в сторону, а когда кулак прошел мимо него, дотянулся сзади до плеча Большого Тома и дал сильный толчок, чтобы добавить к инерции замаха. Большой Том развернулся, Род поймал его правое запястье, вывернул его за спину Тома и рванул немного повыше: Большой Том взвыл. Пока он выл, рука Рода проскользнула у Тома подмышкой и поймала шею

в полунельсон. Неплохо, подумал Род. Покамест ему не было нужды боксировать. Он всадил колено в спину Тома и освободил свой захват. Том вылетел на открытое пространство перед очагом, попытался восстановить равновесие, но не сумел. Перевернутые столы заклацали и застучали по полу, тогда как клиенты поспешили удрать все как один, будучи чересчур рады предоставить место у огня Большому Тому. Тот бухнулся на колени, помотал головой и поднял взгляд, чтобы увидеть Рода, стоящего с мрачной улыбкой перед ним в стойке борца и манящего его к себе обеими руками. Том глухо зарычал и уперся ногой в плиту очага. Он рванулся на Рода головой вперед, как бык. Род шагнул в сторону и подставил ногу. Большой Том пошел молотить прямо по первому ряду столов. Род зажмурил глаза и стиснул зубы. Раздался треск, словно при четырех одновременных попаданиях на кегельбане. Род содрогнулся. Он открыл глаза и заставил себя посмотреть. Из месива деревянных обломков появилась голова Большого Тома с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Род печально покачал головой, зацокал языком:

— У тебя была тяжелая ночь, Большой Том. Почему бы тебе не пойти домой и не проспаться?

Том поднял себя — голень, запястье, ключицу — и снова собрал все это, потратив какое-то время на инвентаризацию тела. Удовлетворенный тем, что он снова целый, он притопнул ногой, уперся кулаками в бедра и посмотрел на Рода.

— Ну вот, парень! — пожаловался он.— Ты не дерешься и наполовину, как честный джентльмен!

— Едва ли вообще, как джентльмен, — согласился Род.— Что ты скажешь, если мы попробуем еще один бросок, Том? Вдвое больше или ничего!

Великан оглядел свое тело, словно сомневаясь в его прочности, испытующе пнул остатки дубового стола, трахнул кулаком по собственным, толщиной со ствол дерева, бицепсам и кивнул.

—Я позволю себе, потому как я в форме, — сказал он.— Давай, малый.

Он шагнул на расчищенный пол перед очагом, осторожно обошел вдоль периметра, косясь гибельным взглядом на Рода.

— Наш добрый хозяин сказал тебе, что у меня в кошеле есть серебро, не так ли? — сверкнул глазами Род.

Большой Том не ответил.

— И сказал, к тому же, что я легкая добыча, — задумчиво рассуждал Род.— Ну, он был не прав в обоих пунктах.

Глаза Тома выпучились. Он издал огорченный рев:

— Никакого серебра?

Род кивнул.

— Я так и думал, что он сказал тебе.— Его глаза стрельнули в сторону трактирщика, держащегося у стола с пепельным лицом.

И, взглянув обратно, успел заметить, что стопа Большого Тома направляется прямо к его животу. Род отпрянул назад,

взметнув вперед обе руки, чтобы поймать пятку Большого Тома и вдохновить ее на большие высоты. Стопа Тома описала четкую дугу. На какой-то миг он повис в воздухе, молотя руками, затем покатился по полу. Глаза Рода наполнились болью, когда Большой Том забарахтался, борясь за дыхание, вышибленное из него полом. Род шагнул вперед, схватил Тома за грудки, уперся ногой в его стопу и бросил свой вес назад, силком подымая великана на ноги. Том медленно повалился вперед. Род втиснулся плечом Тому в подмышку и толчком вернул великана в вертикальное положение.

— Эй, хозяин! — крикнул он.— Бренди — и живо!

Род любил думать о себе как о человеке, на которого люди могли опереться, но в данном случае это было смешно. Когда Большой Том несколько ожил и ответил на короткие насмешки своих собутыльников и посетители несколько восстановили порядок в помещении и вернулись на свои места, а Род все еще не свершил над трактирщиком чего-либо, напоминающего месть, глаза этого достопочтенного человека заискрились надеждой. Он снова появился перед Родом, выпятив вперед подбородок и опустив углы рта.. Род вытянул себя из глубины размышлений, довольно циничных, о природной доброте человека и сосредоточился на трактирщике.

— Ну, что тебе надо?

Трактирщик с трудом сглотнул.

— Если ваша милость позволит, есть небольшое дело о нескольких сломанных столах и стульях...

— Столах, — произнес Род.— Стульях...

Он наступил трактирщику на ногу и обвил рукой его шею.

— Ах ты, грязный маленький скупердяй! Ты натравил на меня этого буйвола, ты пытался меня ограбить и ты еще имеешь наглость стоять тут и говорить мне, что я должен тебе деньги?

Он подчеркивал каждый свой довод, тряся шею трактирщика, медленно подталкивая его спиной к столбу. Тот сделал мастерскую попытку слиться с корой дерева, но преуспел только в том, чтобы расползтись по столбу.

— И венец всего этого — мой эль нагрелся! — закричал Род.— Ты называешь себя трактирщиком и так обращаешься с джентльменом, имеющим герб?

— Простите, мастер, простите, — застучал зубами трактирщик, вцепившись в руку Рода с похвальным усилием и негативным эффектом.— Я не хотел никакого вреда, ваша милость! Я хотел только...

— Да, только ограбить меня! — фыркнул Род, выпуская его и отшвыривая спиной на стол.— Берегись этой породы, потому что, когда ты становишься у них на пути, они становятся жестокими. Итак! Кубок горячего вина с пряностями к тому времени, когда я сосчитаю до трех, и я, может быть, удержусь от вытягивания твоих ушей и завязывания их у тебя под подбородком. Мигом!

Он сосчитал до трех с двухсекундной паузой между цифрами, и кубок очутился в его руке. Трактирщик шмыгнул прочь, прижав ладони к ушам, а Род сел, потягивая вино и размышляя о том, какой скупердяй трактирщик. Оторвавшись от кубка, он увидел, что на столе лежит половина чесночной колбаски. Он взял ее тяжелой рукой и запихнул в кошель. Вполне можно прихватить ее с собой; это было единственно хорошим, что случилось сегодня. Он встал и крикнул:

— Эй, хозяин!

Трактирщик подскочил в тот же миг.

— Комнату на одного, с толстым одеялом!

— Комнату на одного, сэр! Тотчас же, сэр! — Трактирщик шмыгнул вон, все еще кланяясь.— Толстые одеяла, сэр! Безусловно, сэр!

Род скрипнул зубами и повернулся к двери. Он шагнул вон и прислонился спиной к косяку, уронив голову на грудь и закрыв глаза.

— Закон джунглей, — пробормотал он про себя.— Если оно выглядит слабым — терзай его. Если оно окажется сильным — склоняйся перед ним, дай ему терзать себя и надейся, что оно тебя не сожрет.

— Все же у каждого человека есть своя гордость, — произнес голос у него за ухом.

Улыбнувшись, Род поднял голову.

— Это ты, старый крот?

— Клянитесь!* — ответил Векс.

Род испустил поток брани, оказавшей честь и матросу с похмелья.

— Теперь лучше себя чувствуешь? — осведомился позабавленный Векс.

— Ненамного. Где человек, вроде трактирщика, прячет свою гордость, Векс? Он, черт возьми, безусловно не дает ей показаться. Подобострастность — да, скупость — да, но самоуважение? Нет. Этого я в нем не видел.

— Гордость и самоуважение — необязательно синонимы, Род.

Кто-то потянул Рода за локоть. Он резко повернул голову, напрягая мускулы. Это был Большой Том, согнувший свои шесть футов пять дюймов в доблестной попытке понизить свою голову до одного с Родом уровня.

— Добрый вечер, мастер.

На миг Род уставился на него, не отвечая.

— Вечер добрый, — ответил он, заботливо-нейтральным голосом.— Что я могу сделать для тебя?

Большой Том согнул плечи и почесал в основании черепа.

— Эх, мастер, — пожаловался он.— Вы недавно малость сделали из меня дурака.

— О? — поднял бровь Род.— Ты заметил!

---

*Шекспир, "Гамлет", акт I, сц. 5.

— Да, — признался великан.— И... ну... — Он стащил с головы шляпу и закрутил ее в руках.— Ведь, кажется, похоже... Ну, мастер, вы кончили меня здесь, и это верно, как евангелие.

Род почувствовал, что спина его распрямляется.

— И мне полагается возместить тебе это, не так ли? Оплатить за твои повреждения, я полагаю?

— Э, нет, мастер! — отшатнулся Большой Том.— Дело не в этом, совсем не в этом! Просто... ну... я решил, что я, если вам может... то есть... Я...— Он крутил шляпу, придавая ей такие вращения, которые поразили бы тополога; затем слова вышли единым духом.— Я думал, не может ли вам понадобиться слуга, знаете — своего рода грум или лакей — и...— Его голос оборвался. Он искоса поглядел на Рода, полный страха и надежд.

Миг-другой Род стоял замерев. Он рыскал глазами по открытому, почти обожающему лицу великана. Затем он скрестил руки на груди и снова привалился к косяку.

— Это как же это так, Большой Том? Не прошло и получаса, как ты пытался ограбить меня? А теперь предлагаешь мне доверять тебе как оруженосцу?

Большой Том, нахмурясь, зажал меж зубов нижнюю губу.— Я знаю, мастер, это не кажется правильным, но...

— Он сделал неопределенный жест руками.— Ну, дело в том, что вы единственный человек из всех, на кого я поднимал руку, который смог побить меня, и...

Голос его снова сник. Род медленно кивнул, не сводя глаз с Большого Тома.

— И, следовательно, ты должен мне служить.

Большой Том обиженно оттопырил нижнюю губу.

— Не должен, мой мастер, я хочу.

— Грабитель, — произнес Род.— Разбойник. И я должен тебе доверять.

Шляпа Большого Тома снова завертелась.

— У тебя открытое лицо, — размышлял вслух Род.— Не такое, чтобы прятать свои чувства.

Большой Том широко улыбнулся, кивая.

— Это, конечно, ничего не значит, — продолжал Род.— Я знал немало кажущихся невинными девушек, оказавшихся первоклассными суками.

Лицо Тома вытянулось.

— Так что ты можешь быть честным — или ты можешь быть основательным негодяем. Загадка — В Е К Сиди думай.

Голос у него за ухом произнес: „Предварительная интерпретация доступных данных указывает на простоватую в основном структуру личности. Вероятность того, что этот индивидуум послужит надежным источником информации по местным социальным переменным, превосходит вероятность того, что индивидуум будет практиковать серьезную двуличность".

Род медленно кивнул. Он удовольствовался бы и равным шансом. Он выудил из кошеля обрезок серебра — тот слегка пах чесноком — и хлопнул его в ладонь великана. Тот уставился на

серебро в своей руке, затем на Рода, потом снова на металл. Внезапно его рука сжалась в кулак и слегка задрожала. Его пристальный взгляд снова встретился с глазами Рода.

— Ты принял мою монету, — пояснил Род.— Ты — мой человек.

Лицо Большого Тома раскололось в усмешке от уха до уха.

— Да, мастер! Благодарю вас, мастер. Навек благодарен вам, мастер! Я...

— Сообщение принял.— Роду было крайне неприятно видеть, как пресмыкается взрослый человек.

— Ты поступаешь на службу прямо сейчас. Скажи мне, какие есть шансы получить работу в армии королевы?

— О, самые блестящие, мастер! — ухмыльнулся Большой Том.— Они всегда нуждаются в новых солдатах.

Дурной знак, решил Род.

— О'кей, — сказал он.— Дуй обратно в трактир, выясни, которая комната отведена нам, и удостоверься, что там нет в шкафу какого-нибудь головореза.

— Да, мастер! Счас же! — Большой Том заторопился обратно в трактир.

Род улыбнулся, закрыв глаза, и привалился затылком к косяку. Он помотал головой из стороны в сторону, молча смеясь. Он никогда не перестанет изумляться психологии грубиянов: как этот человек мог меньше чем за десять минут перейти от надменности к верности, ему никогда не понять. Ночной воздух прорезал низкий вой, переходящий в пронзительный визг. Глаза Рода резко распахнулись. Сирена? В этой культуре? Звук доносился слева, он поднял взгляд и увидел там замок на вершине холма. И там, у основания башни, что-то пылало и пронзительно визжало, словно "черный ворон", оплакивающий смерть нескольких патрульных машин. Посетители в беспорядке выбежали из трактира и столпились во дворе, глазея и тыча пальцами.

— То баньши!

— Снова!

— Нет, все будет хорошо. Разве он не появлялся уже трижды? А королева все жива!

— Векс, — осторожно позвал Род.

— Да, Род.

— Векс, там баньши. На стене замка. Баньши, Векс. Ответа не было. Затем за ухом Рода зарычало хриплое гудение, нараставшее до тех пор, пока не стало угрожать разорвать ему голову, и оборвалось... Род помотал головой и постучал себя по макушке ладонью.

— Придется мне сделать этому парню капитальный ремонт, — пробурчал он.— У него, бывало, случались тихие приступы.

Для Рода было бы глупо идти в конюшню вновь включать Векса, пока во дворе было полно зевак: он бы сильно бросался в глаза. Поэтому он поднялся в свою комнату полежать, пока все малость не поутихнет; и, конечно, к тому времени, когда

двор опустел, Род уже слишком удобно устроился, чтобы брать на себя труд спускаться в конюшню. В любом случае нет никакой причины включать робота, ночь будет тихой. В комнате было темно за исключением длинной полосы света самой большой луны, струившегося из окна. Из пивного зала доносилось приглушенное бормотание и клацанье — загулявшие клиенты-полуночники пили допоздна. В комнате Рода было очень мирно. Однако не тихо. Большой Том, свернувшийся на тюфяке в ногах постели, храпел, как бульдозер на холостом ходу, издавая больше шума во сне, чем учинял бодрствуя. Вот тут была загадка — Большой Том. Род никогда не участвовал в драке, где его не ударили хотя бы раз. Большой Том всякий раз подставлял себя под удар; и разумеется, он был рослым, но он не должен был оказаться таким неуклюжим. Рослые люди могут быть быстрыми... Но зачем тогда Большой Том затеял драку? Чтобы Род взял его слугой? И что насчет Эдама и Одноухого? Их разговор, кажется, указывал на то, что они были на митинге-накачке у верфи, что означало, в свою очередь, их принадлежность к пролетарской партии. Как там ее называл тот юный демагог? Да, Дом Хлодвига. Но если Эдам и Одноухий были представительными образчиками, Дом Хлодвига был домом, разделившимся в самом себе. Там, кажется, существовало две фракции: одна, поддерживающая Логайра — юного оратора, и другая, возглавляемая Пересмешником, кто бы там он ни был. Обычные две фракции, ненасильственная и насильственная, язык и меч. Так вот почему вдруг Большому Тому захотелось получить работу дворецкого? Может быть, он хочет подняться по социальной лестнице? Нет, он был не подхалимного типа. Лучшее жалованье? Но он, кажется, умеренно преуспевал как районный тяжеловес. Чтобы не спускать глаз с Рода? Род перекатился на бок. Том вполне мог быть немаловажным членом Дома Хлодвига. Но зачем Дому держать его под колпаком? Они ведь не могли ничего подозревать, не так ли? Если догадка Векса была верна и Дом поддерживала инопланетная сила, они определенно могли что-то заподозрить — не важно как. Но не позволял ли Род снова разгуляться своей паранойе? У него начисто пропал сон, все мускулы напряглись. Он вздохнул и скатился с постели; теперь он не мог уснуть. Лучше включить Векса и поговорить. Род нуждался в электронной объективности робота, собственной у него было слишком мало. Большой Том зашевелился и проснулся, когда Род поднял ржавый дверной засов.

— Мастер? Камо грядеши?

— Просто немного тревожусь за своего коня, Большой Том. Думаю пробежаться до конюшни и удостовериться, что конюх обращается с ним правильно. Спи.

С миг Большой Том только пялил глаза. — Воистину, — произнес он, — вы крайне заботливы, мастер.— Он перевернулся и зарылся головой в складки плаща, используемого в качестве подушки.— Чтобы так сильно беспокоиться за коня, — сонно пробормотал он и снова захрапел.

Род усмехнулся и выбрался из комнаты. Он нашел черную лестницу в нескольких шагах — темную и старую, но ближе к конюшне, чем главная дверь. У подножия лестницы находилась дверь, та, что не часто использовалась; когда он открывал ее, она застонала, словно лягушка-бык в течке. Двор заливал мягкий, золотистый свет трех лун. Самая большая луна была лишь немногим меньше земной, но располагалась намного ближе; она заполняла собой целых тридцать градусов неба, вечное полнолуние перед равноденствием.

— Отличная планета для влюбленных, — задумчиво произнес Род, и из-за того, что его глаза приклеились к луне, он не заметил серой полоски шнура, натянутого чуть выше порога. И споткнулся. Его руки метнулись вперед, шлепнув по земле, чтобы смягчить падение. Что-то твердое ударило его по затылку, и мир растворился в снопе искр. Вокруг него было красноватое свечение, а в голове пульсирующая боль. Что-то холодное и мокрое прошлось по его лицу. Он содрогнулся и полностью пришел в сознание. Род лежал на спине; над ним был сводчатый потолок из известняка, мерцавшего блестками отраженного света. С потолка до зеленого ковра тянулись тощие известковые колонны — сталактиты и сталагмиты. Зеленый ковер простирался во всех направлениях по меньшей мере на милю. Свет, казалось, исходил отовсюду — пляшущий, колеблющийся свет, зажигавший искры на потолке в запутанном танце. Зеленый ковер расстилался и под ним; он чувствовал его холодный и пружинящий, влажный под его спиной мох толщиной в три дюйма. Он попытался вытянуть руку и коснуться мха, но обнаружил, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Подняв голову, он поискал взглядом связывающие его веревки, но тут не было и нити. Он помотал головой, пытаясь вытряхнуть из нее боль так, чтобы суметь мыслить ясно.

— Векс, — прошептал он, — где я?

Ответа не было. Род закусил губу.

— Брось , железный конь! Ты спишь при кризисе?

При кризисе... У Векса был приступ. Род отправился вновь включить его. Он был предоставлен самому себе. Он вздохнул и улегся на зеленый ковер мха. Справа от него начал что-то напевать глухой голос.

Род посмотрел. В голом каменном круге мерцал огонь. Над ним стояла тренога, поддерживавшая котел — котел с крышкой, весело бурлящий, с выходящей из дырки в крышке трубой. С потолка падали капли воды, ударяя по трубе, а под противоположным концом трубы стояла чаша, собиравшая капли. Примитивный перегонный куб. И самогонщик — наверное, восемнадцати дюймов ростом — очень широкоплечий и вообще коренастый, одетый в камзол и рейтузы. У него было округлое веселое лицо, блестящие зеленые глаза, курносый нос и очень широкий рот, изогнутый в озорной улыбке. И венец всего — на нем была робингудовская шляпа с ярким красным пером. Зеленые глаза посмотрели и поймали взгляд Рода.

— Ха, — произнес человечек гудящим баритоном.— Ты пришел в чувство, чародей!

— Чародей? — нахмурился Род.— Я не чародей!

— Разумеется, — согласился человечек.— Не чародей. Ты являешься в падающей звезде и имеешь коня, сделанного из холодного железа...

— Минуточку, — перебил Род.— Откуда ты знаешь о том, что конь мой сделан из холодного железа?

— Мы — Крошечный Народ, — ответил невозмутимый человечек.— Мы живем Дубом, Ясенем и Терном, Лесом, Воздухом и Дерном; а те, кто живет холодным железом, алкают покончить с нашими лесами. Холодное железо — это знак всего того, что не может нас терпеть, и потому мы узнаем холодное железо — в любом виде.— Он повернулся обратно к своему котелку, приподнял крышку и проверил сусло.— И потом, ты можешь слышать сказанное в доброй полумиле от тебя, а твой конь может мчаться столь же бесшумно, как ветер, и быстрее, чем сокол, когда у него есть причины. Но ты не чародей, да?

Род покачал головой.

— Нет. Я пользуюсь наукой, а не магией!

— Разумеется, — поддакнул человечек.— Что зовем мы розой и под другим названьем... * Нет, ты чародей, и как таковой известен уже всюду, вдоль и поперек по всему Грамарию.

— Грамарий? Что это такое?

Человечек в удивлении уставился на него.

— Да этот самый мир, чародей! Мир, в котором мы живем, земля между Четырьмя Морями, царство королевы Катарины!

— О, она правит всем миром?

— Истинно так, — подтвердил эльф, бросив на Рода косой взгляд.

— А как называется ее замок? И город вокруг него?

— Раннимед. Воистину, ты самый необразованный чародей!

— Именно это я и пытался тебе сказать, — вздохнул Род.

Человечек отвернулся, качая головой и что-то бурча под нос. Он открыл краник на сборной чаше и нацедил немного жидкости в кружку размером с мензурку.

Род вдруг понял, что его мучает жажда.— Э, слушай, что ты там варишь? Ведь это не бренди, не так ли?

Эльф покачал головой.— Джин? Ром? Водка?

— Нет, то спиртное другого вида.— Он подскочил к Роду и поднес миниатюрную кружку к губам человека.

— Спасибо.— Род пригубил, возвел глаза к потолку и причмокнул губами.— На вкус словно мед.

— Там, где сосут дикие пчелы, сосу и я.— Человечек заскакал обратно к огню.

— Совсем неплохо. Ты не мог бы поделиться рецептом?

— Ну разумеется, — улыбнулся эльф.— Мы же сделаем для гостя все, что в наших силах.

---

*Шекспир, "Ромео и Джульетта", акт II, сц. 2.

— Гостя! — фыркнул Род.— Мне крайне неприятно оспаривать ваше гостеприимство, но делание меня неподвижным не совсем то, что я называл бы распростертыми объятиями.

— О, это мы вскоре исправим.— Человек снял крышку с котла и помешал сусло.

Что-то щелкнуло в голове Рода. Волосы у основания черепа начали становиться дыбом.— Э, скажи-ка, э... Но, по-моему, нас не представили друг другу, однако... Тебя ведь зовут Робин Добрый Малый, не так ли? Он же Пак?*

— Верно говоришь.— Эльф с клацаньем задвинул крышку.— Я тот самый ночной бродяга шалый.

Род повалился на мшистый ковер. Это будет великолепная история для рассказа внукам; никто другой ей не поверит.— Скажи, Пак, ты не против, если я буду называть тебя Пак?

— О, нет.

— Спасибо, э... А я Род Гэллоуглас.

— Мы это знаем.

— Ну, я просто подумал, что мне следовало бы сделать это официально. Так вот, ты, кажется, не питаешь ко мне никаких злых чувств, поэтому, э, могу я спросить... э... почему я парализован?

— Ах, это, — ответил Пак.— Мы должны выяснить, белый ты чародей или черный.

— О.— Род пожевал щеку изнутри.— А если я белый маг, вы... гм... отпустите меня?

Пак кивнул.

— А что случится, если вы решите, будто я черный маг?

— Тогда, Род Гэллоуглас, ты будешь спать до Трубы Судного Дня.

У Рода возникло такое чувство, словно к его челюсти приложили электрод со слабым током.— Великолепно. Козырь Судного Дня. А я всегда был не очень силен в бридже...**

Пак нахмурился.— Как это?

— Замнем это. "Спать до Судного Дня". Очень изящный эвфемизм. Почему бы вам не подойти прямо и не сказать просто, что убьете меня?

— Нет, — оттопырил нижнюю челюсть Пак, качая головой.— Мы тебя не убьем, Род Гэллоуглас. Просто ты будешь вечно спать, видя приятные сны.

— Понимаю, взвешенный анабиоз?

Пак нахмурил лоб.

— Этого слова я не знаю. И все же успокойся, тебя не повесят. Крошечный Народ не питает любви к повешению.

— Ну, я полагаю, это некоторое утешение. Так как же мне доказать, что я белый маг?

---

*По английской мифологии Пак — эльф, дух-проказник. См. повесть Киплинга "Меч Виланда" или "Сон в летнюю ночь" Шекспира.

**Игра слов: Trump означает и "труба", и «козырь»; Bridge — название карточной игры и "мост".

— Ясно как, — ответил Пак.— Как только мы разчаруем тебя.

Род уставился на него.

— Это как это так? Разве я и так уже не достаточно разочарован?

Лицо эльфа расплылось в широкой усмешке.

— Нет! Нет! Разчаруем тебя! Удалим заклинание, что связывает тебя!

— А.— Род улегся со вздохом облегчения. Затем он рывком сел.— Освобождением меня? Это докажет, что я белый маг?

— Само по себе — нет, — сказал Пак.— Вопрос в том, где мы освободим тебя.

Он хлопнул в ладоши. Род услыхал шорох десятков бегущих к нему ножек сзади; на его глаза была натянута повязка из темной ткани и завязана на затылке.

— Эй, — запротестовал он.

— Мир, — успокоил его Пак.— Мы только отнесем тебя к свободе.

Множество крошечных рук подняли Рода. Он покорился и расслабился, готовый насладиться путешествием. Это был довольно приятный способ передвижения, в самом деле — вроде как на пружинящем матрасе с четырьмя колесами. Ноги его задрались выше головы и скорость бегущих ног под ним замедлилась — они поднимались вверх по склону. В лицо ему ударил влажный воздух; он услышал вздох бриза в листьях, сопровождаемый полным набором цикад, с совой и, возможно, кроншнепом, завершающим гармонию. Тут его бесцеремонно уронили; повязку сорвали с его глаз.

— Эй, — запротестовал он.— Что я, по-вашему, мешок с картошкой?

Он слышал журчащий слева от него ручей.

— Теперь ты свободен, Род Гэллоуглас, — прошептал ему на ухо голос Пака.— Да будет с тобой Господь!

И эльф ускакал. Род сел, разминая конечности, чтобы заставить их уразуметь, что они снова могут двигаться. Он огляделся. Это была залитая светом луны лесная поляна со струящимся слева серебристым ручьем. Деревья выделялись стальными стволами и блестками листьев, а черные тени среди стволов... Одна из теней двинулась. Она шагнула вперед — высокая фигура в темной монашеской рясе с капюшоном. Фигура медленно двинулась к Роду, остановилась в трех метрах и откинула капюшон. Дикие, спутанные волосы над длинным тонким лицом с впадинами под скулами и пещерными глазницами с двумя горящими угольями в глубине их. И все лицо дергалось, кривилось от злобы. Голос был ровным и тонким — почти шипением.

—Ты, значит, так устал от жизни, что пришел в клетку вервольфа?

— Вервольф! — уставился на него Род.

Ну а почему бы и нет! Если основным исходным пунктом являлись эльфы...

Затем Род нахмурился.— Клетку? — Он огляделся.— Мне это кажется похожим на лесные просторы.

— Вокруг этой рощи — магическая стена, — прошипел вервольф.— То тюрьма, созданная для меня Крошечным Народом, и они не кормят меня надлежащим образом.

— О? — Род оглядел вервольфа уголком глаза.— И чем же тебя надлежит кормить?

— Красным мясом, — осклабился вервольф, демонстрируя полный рот клыков.— Сырым красным мясом и кровью вместо вина.

По спине Рода пробежало что-то со множеством холодных ножек.

— Примирись со своим Богом, — сказал вервольф.— Ибо час твой настал.

На тыльной стороне его рук появился мех, а ногти его росли, изгибаясь. Лоб и щеки опушились шерстью. Нос, рот и подбородок срослись и вытянулись, заостряясь в морду. Уши его переместились на макушку и тоже заострились. Он отшвырнул темный плащ; все его тело было покрыто серебристой шерстью, ноги стали задними лапами. Он упал на четвереньки. Кисти рук у него укоротились, предплечья удлинились; руки тоже стали лапами. Пробился хвост и вырос в длинный серебристый хвостище. Серебристый волк припал к земле, зарычал, заурчал глубинами горла и прыгнул. Род крутнулся в сторону, но волк сумел как раз достаточно изменить курс прямо в воздухе; его зубы разодрали Роду предплечье от локтя до запястья. Волк приземлился и закружился с радостным воем. Он пригнулся, высунул язык, а затем снова прыгнул. Род нырнул, упав на колено, но волк поправился прямо в полете и обрушился на него сверху. Его задние лапы царапали ему грудь; огромные челюсти нащупывали, как бы вцепиться ему в хребет. Род с трудом поднялся, наклонился вперед и изо всех сил пихнул волка в брюхо. Волк полетел, но когти его разодрали Роду спину. Волк приземлился на спину, крепко ударился и взвыл от боли. Но поднялся на ноги и принялся кружить вокруг Рода, кровожадно рыча. Род поворачивался, держась лицом к волку. Как можно управиться с вервольфом? Векс сказал бы, он должен знать, но Векс все еще пребывал в отключке. Волк зарычал и прыгнул, целясь Роду в горло. Род низко пригнулся и сделал выпад твердой ладонью. Его пальцы попали волку прямо в солнечное сплетение. Род отпрыгнул назад, принимая стойку. Волк заскреб землю, стараясь восстановить дыхание, пока жизнь снова вливалась в его нервы. Род кружил вокруг него, против часовой стрелки, наудачу. Чем бороться с вервольфом? Волчником, очевидно. Но Род без учебника ботаники не смог бы отличить волчник от ядовитого плюща. Вервольф испустил долгий скрежещущий вздох и поднялся в стойку. Он зарычал и начал рыскать, тоже против часовой стрелки, вокруг Рода, высматривая возможность броситься на него. Вот и все в пользу

кружения против часовой стрелки, подумал Род и изменил направление, кружась теперь по часовой стрелке в попытке подойти к волку сзади. Волк прыгнул. Род развернулся в сторону и сделал выпад правой в челюсть волку, но волк поймал его кулак зубами. Род заревел от боли и пнул зверя в брюхо. Клыкастый снова отправился передохнуть, освободив руку Рода, когда челюсти распахнулись, глотая воздух. Серебряные пули. Но химическое огнестрельное оружие уже тысячи лет как вышло из моды, а ДДТ отделался от серебряного стандарта куда как раньше. Распятие. Род принял твердое решение взяться за религию. Все равно ему нужно хобби. Тем временем его лохматый друг снова собрался с силами. Задние ноги напряглись, и он прыгнул. Род шагнул в сторону, но волк явно и рассчитывал на такой шаг. Он распростерся на груди, покрытые слюной челюсти щелкали, стремясь к яремной вене Рода. Род упал на спину. Он подтянул к груди ноги, всадил ступни в брюхо волка и лягнул, катапультировав представителя семейства собачьих подальше от своего тела. Волк тяжело упал и заизвивался, подсовывая лапы под тело. Чего еще не любят вервольфы? Чеснок. Род закружил вокруг волка, нащупывая в кошеле оставшуюся от обеда колбасу с чесноком. Волк разинул пошире челюсти и откашлялся. Род зачавкал, набив рот колбасой. Волк поднялся на ноги со злым, очень решительным рычанием. Он напрягся и прыгнул. Род поймал зверя под передние лапы, закачавшись под тяжестью его тела, и дыхнул ему прямо в морду. Затем он бросил волка и отпрыгнул. Волк покатился, отплевываясь, кашляя, с содроганием втянул в себя воздух и рухнул пластом. Его фигура вытянулась, расслабилась и снова медленно вытянулась — в траве лежал, лицом вниз, высокий жилистый голый мужчина, бессознательное тело, дышащее с трудом. Род опустился на колени. Спасен колбасой с чесноком! Трава зашевелилась у его колена; он смотрел в улыбающиеся глаза Робина Доброго Малого.

— Возвращайся с нами, коли желаешь, Род Гэллоуглас, ибо отныне наши тропы — твои, можешь ходить по ним в свое удовольствие.

Род устало улыбнулся.— Он мог убить меня, — произнес он, кивая на лежащее без сознания тело вервольфа.

Пак покачал головой.

— Мы следили и предотвратили бы смерть любого из вас, а что до твоих ран — пустяки! Мы их быстро вылечим.

Род поднялся, недоверчиво кивая головой.

— И потом, — добавил Пак.— Мы также знали, что ты такой могучий чародей, что сможешь нанести ему поражение...

— О? — вскинул бровь Род.— А что, если бы я им не был? Что, если бы я оказался черным магом?

— Тогда, ясно, — усмехнулся Пак, — ты бы вступил с ним в союз против нас и попытался бы выбраться из тюрьмы.

— Гм,— Род пососал нижнюю губу.— А разве это не поставило бы вас в довольно деликатное положение?

— Нет, — снова усмехнулся Пак.— Волшебству двунадеся-

ти эльфов никогда еще не равнялись силы двух чародеев.

— Понятно, — потер подбородок Род.— Оградили свои ставки, не так ли? Но вы, конечно, не могли дать мне знать. Поскольку я пребывал во тьме, борьба с вервольфом доказала, что я отношусь к славным парням?

— Частично.

— О? А что за другая часть?

— Да ведь у тебя, Род Гэллоуглас, было несколько случаев, когда ты делал вервольфа беспомощным, но не убивал его.

— И это показывает, что у меня доброе сердце.

— Сие, — согласился Пак, — а также то, что ты достаточно уверен в собственном могуществе, что можешь быть милостив. И вот это-то и есть доказательство тому, что ты — белый, но еще большее доказательство тому, что ты чародей.

Род зажмурил глаза. Он произнес с преувеличенным терпением: «Конечно, дело может быть просто в том, что я тренированный боец».

— Может, — согласился Пак.— Но одолел-то ты его колдовством.

Род глубоко вздохнул.— Послушайте, — раздельно произнес он.— Я не чародей. Я никогда не был чародеем. Я никогда не хотел быть чародеем. Я просто наемный солдат, которому случилось научиться нескольким трюкам.

— Разумеется, мастер чародей, — весело ответил Пак.— Не вернешься ли в пещеру? Мы проводим тебя к постоялому двору.

— А, ладно, — проворчал Род.

Но он обернулся посмотреть на злополучную коллекцию костей и жил, что были лежащим в центре поляны спящим вервольфом.

— Мастер Гэллоуглас? — Голос Пака был озабоченным и встревоженным.— Что тебя беспокоит?

Род встряхнул головой, выходя из состояния задумчивости.— Ничего, — ответил он, отворачиваясь.— Просто подумалось.

— О чем, чародей?

— Когда я был школьником, меня, бывало, называли одиноким волком... Неважно. В какой стороне, говоришь, пещера?

Звезды катились к рассвету, когда сбивший ноги и усталый Род поплелся через двор трактира к конюшне. Освещавший ряд стойл единственный фонарь со свечой служил только сгущению тени. Перебросив руку через спину Векса для устойчивости, Род нащупал другой рукой на холке робота увеличенный позвонок, который и был отключенным предохранителем. Он нажал: под камуфляжем конской шкуры зашевелилось стальное тело. Бархатная черная голова поднялась, дважды мотнулась, глянула через плечо, большие карие глаза сфокусировались на Роде. С миг робот молчал, затем голос за ухом Рода проговорил с оттенком упрека:

— Ты оставил меня деактивированным на долгое время, Род. У меня нет никаких постэффектов от припадка.

— Извини, Старый Железняк.— Род оставил руки на спине коня; ноги его казались чуточку шаткими.— Я как раз отправился включать тебя, когда меня шандарахнули.

— Шандарахнули! — Голос Векса терзал стыд.— Пока я спал. Да будет мой корпус лежать, ржавея, на свалке! Да отправят мой германий в конвертер для переплавки! Да будет...

— А, кончай с этим, — пробурчал Род.— Это была не твоя вина.— Он шагнул прочь от коня и выправил плечи.— Все равно я не подвергался никакой опасности. Просто деловая ночь, вот и все.

— Как так, Род?

Род начал было отвечать, потом переменил решение.

— Я скажу тебе утром, Векс.

— Я переориентировал свои цепи принимать противоречия между общепринятой теорией и действительно происходящим, Род. Ты можешь довериться мне, не страшась перегрузки.

Род покачал головой и повернулся к выходу из стойла.

— Утром, Векс. Может, ты и способен поверить в это прямо сейчас, но я не уверен, что смогу сделать то же.

Род расположился за столом, поглощая обильный завтрак, но по сравнению с Большим Томом он сидел на голодной диете. Этот человек окружил себя невероятным количеством пищи. Кое-что из нее было Роду знакомо — яйца, блины и ветчина. У блинов был, однако, легкий чуждый привкус, а у яиц трехдюймовый желток. Какого-то рода злаки имелись на любой населенной людьми планете; они происходили, обычно, от земных, но почва чуждой планеты иногда производила странные превращения с зерном. Всегда бывала какая-нибудь домашняя птица, но чаще всего это были местные формы жизни. Свиньи, конечно, встречались повсеместно: они попадались на планетах земного типа даже постоянней, чем собаки. Род иногда задумывался о виде, к которому принадлежал. Вся пища, конечно, была удобоваримой и, вероятно, питательной: генетические отклонения не могли так уж сильно изменить человеческого метаболизма. Но рассеянные элементы — это другое дело. Род проглотил универсальную пилюлю, просто на всякий пожарный случай. Большой Том заметил это.— Что это, мастер?

Род выжал улыбку.— Просто мелкое заклинание. Пусть тебя это не беспокоит, Том. Тот уставился на него, затем опустил глаза на тарелку, бормоча под нос быструю молитву. Затем набросился на блины двузубой вилкой. Поев, великан начал было говорить, но голос его треснул. Он прочистил горло и попробовал снова.

— Что же принесет новый день, добрый мастер?

— Путешествие в замок, — ответил Род.— Посмотрим, не требуется ли королеве новый солдат.

Том протестующе завыл:

— Солдат королевы! Нет, мастер, это не ремесло для честного человека!

Род вскинул бровь.

— Ты пытаешься сказать, что один из нас может быть честным?

Большой Том заткнулся. У трактирщика имелся лишний конь, или он это внезапно вспомнил, когда Род положил руку на эфес кинжала. Это был старый вислобрюхий сивый мерин со слегка более длинной шеей и меньшими ушами, чем у стандартного земного аналога. Что было плохо, поскольку привлекало определенное внимание к Векcу, но, впрочем, огромный черный конь все равно был не совсем чтобы непримечательным. Церковные колокола зазвонили, когда они выехали со двора. Род на Векcе, а Том на древнем доходяге. Звук колоколов напомнил Тому, что час ранний, и он начал ворчать о хозяевах, встающих в неразумное время. Но его жалоба оборвалась, когда они поднялись по склону над городом, где они могли посмотреть на горизонт и увидеть восток, беременный утренним солнцем. Том глубоко вдохнул зарю и ухмыльнулся Роду через плечо.

— Эх, мастер! Прекрасный будет денек!

— И холодный, — добавил Род, поднимая ворот, потому что ветер дул ему в спину.

— Да, да! Разве я не сказал, что он будет прекрасным?

— Я не совсем разделяю твой энтузиазм к низким показаниям термометра, — пробурчал Род.— Веселей, Том, мы почти у замка.

— Остановись и назови себя! — крикнул часовой на подъемном мосту.

— О Боже, — закатил глаза к небу Род.

— Твое имя и твое дело в замке королевы.

— Немножко переусердствуем, а?— Род искоса поглядел на часового.

Углы губ часового резко загнулись.

— Не твоя печаль, — рявкнул он.— Я ратник королевы, и ты будешь говорить со мной уважительно.

— Вряд ли, — милостиво улыбнулся Род.— Мое имя Род Гэллоуглас.

— Гэллоуглас? — нахмурился часовой.— Ты зря теряешь время, у королевы уже есть шут.

— Судя по твоему виду, я бы сказал, что у нее их много, — хмыкнул Род.— Мое ремесло — солдат, и у моего слуги тоже. Вызови главстаршину, и пусть он зачислит меня в армию.

Часовой смерил его сердитым взглядом.

— В армию королевы так легко не вступают.

— Да ну, вот так так!! — нахмурился Род.— Я должен доказать, что я солдат?

— Он спешился, смахнув с седла на землю всего лишь в ярде от часового.

— Если ты и солдат, то плохой, — презрительно фыркнул часовой.— Иначе ты не оставил бы своего коня без привязи.

Род послал ему сахарную улыбку и крикнул: „Векс,

отступи на четыре фута, сделай полшага налево, пройди четыре фута вперед, а потом стой, пока я тебя не позову".

Часовой уставился, разинув рот, пока Векс с машинной точностью выполнял маневр.

— Я солдат, — бросил Род.— И хороший.

Рот часового снова открылся и закрылся, словно у рыбы. Глаза его выпучились, обегая взглядом худощавую фигурку Рода с рукой в черной перчатке на эфесе шпаги.

— Понимаешь, — объяснил Род, — конь мне может понадобиться. Лучше дать ему возможность в случае надобности прискакать ко мне.

Его правая рука метнулась, делая финт. Солдат крякнул от удивления и шагнул назад, в то время как нога Рода прокралась и зацепила его за лодыжку. Часовой свалился с лязгом, свойственным жестяным изделиям.

Род выкрутил алебарду из рук часового, когда тот упал, и бросил ее под опускную решетку.

— Ну, — осведомился он.— Давай попробуем снова, а?

— Отлично, во! Отлично сделано, мой мастер! — Большой Том замолотил по холке свою клячу, ухмыляясь от уха до уха.

Часовой поднялся на ноги, крича: „На помощь! На помощь!"

— О, нет! — Род уронил лицо в ладони.— О, нет! — замотал он головой.

Он привалился спиной к плечу Векса и сложил руки на груди. Подбежали трое гвардейцев с алебардами наперевес. Главный переводил взгляд с Рода на часового, обратно на Рода, потом снова на часового.

— Чему тут нужно помогать? — нахмурился он.

Часовой ткнул дрожащим пальцем в неопределенном направлении, в сторону Рода.

— Этот человек...

— Да? — улыбнулся Род.

— Да, он сшиб меня, вот что он сделал, и алебарду у меня отнял.

— Я бы не хвастался этим, будь я на твоем месте, — проворчал Род.

Большой Том согнулся над лукой седла в конвульсиях от подавляемого смеха.

— Это правда, парень? — Главный сердито посмотрел на Рода.

— Правда, — склонил голову Род.

— Ну тогда! — Главный выпрямился, уперев кулаки в бедра и нахмурился.

— Ну, что тогда? — поднял бровь Род.

Главный начал волноваться.

— Ну, а по какой причине?

— Я желаю вступить в армию королевы. А этот ратник указал, что мне следует показать себя.

Главный перевел взгляд с пораженного часового на Рода и кивнул.

— Ты получишь свой шанс, — сказал он.— Идем.

Шанс состоял из дородного сержанта, вооруженного мечом и круглым щитом.

— Ты не возьмешь щита, парень? — проворчал старый рыцарь, бывший капитаном гвардии.

— Нет, спасибо.— Род вынул кинжал из ножен.— Вот это отлично мне послужит.

— Всего лишь с кинжальчиком и соломинкой-мечом против меча и щита! — Сэр Мэрис печально покачал головой.— Ты, видно, и впрямь желаешь умереть молодым!

Глаза Рода удивленно расширились.

— Благодарю вас, — сказал он.— Мне не говорили, что я молодо выгляжу, с тех пор как мне стукнуло тринадцать.

— Ну, скрестите мечи, — вздохнул сэр Мэрис.

Род и сержант так и сделали. Сэр Мэрис прохромал к ним, подняв собственный меч, чтобы разделить их клинки. Меч сержанта взлетел для удара во весь мах. Род воспользовался преимуществом мгновенной задержки, чтобы сделать финт в живот сержанту. Щит упал вниз, чтобы отразить кончик кинжала, и клинок Рода перепрыгнул через руку сержанта и распорол ткань над его сердцем.

— Стой! — крикнул сэр Мэрис, и меч сержанта остановился посередине удара.

Сержант выронил щит, глазея вокруг.

— Что случилось?

— Не дерись этот Гэллоуглас просто для забавы, — ответил сэр Мэрис, — ты был бы сегодня покойником, сержант Хэпвид.

Тот озадаченно нахмурился, глядя на Рода.

— Кто бы подумал использовать острие меча?

— Проделать это снова? — Клинок Рода свистнул в воздухе и шлепнул его по ноге.

Сэр Мэрис изучал лицо Рода, хмуря брови.— Нет, — решил он, поднимая голову.— Я подтверждаю, что ты — фехтовальщик.

— Да, — пробормотал про себя Большой Том, и сэр Мэрис поглядел на него, но великан только сиял от гордости.

Капитан гвардии повернулся и поднял дубинку.

— Вот! — Он кинул Роду дубинку.— Мы попробуем тебя в этом.

Род сунул кинжал в ножны, поймал дубинку за середину и отбросил шпагу.

— Сходитесь! — скомандовал сэр Мэрис, и рослый сержант шагнул вперед, сделал, разминаясь, три быстрых удара, а затем полусогнул колени с дубинкой наготове.

Род последовал его примеру. Внезапно он оказался посреди дубового града ударов сержантской дубинки. Он колотил его по голове и плечам, выискивая открытое место, полусекундное отсутствие защиты у Рода. Род стиснул челюсти и старался не отставать от сержанта, отбивая удары столь же быстро, как они производились, но только еле-еле. Желудок его сжался, так как он понял, что весь ушел в защиту. Он блокировал удар по

голени, отбил отскок в голову, взмахнул нижним концом дубинки, чтобы отразить ответный удар в живот... но удар так и не нанес. Это был финт. Он лихорадочно попытался вновь прикрыть голову, но сержант получил свои полсекунды. Род уголком глаза увидел обрушивающуюся на него тяжелую дубовую палку. Он отпрянул, спасаясь от удара, но тот треснул ему по черепу, словно раскат грома. В помещении потемнело, все заполнилось пляшущими точками света, в ушах Рода стоял звон. Он отступил, чисто рефлекторно блокируя удары сержанта, и услышал победный крик следивших за боем солдат. *Совсем не гожусь,*— кружились мысли в голове у Рода. Его обучали драться на дубинках, но у него год как не было ни одной схватки, тогда как сержант обладал всем умением человека, у которого это любимое развлечение. Для него, вероятно, это была просто игра, так же как фехтование для Рода. Сержант был хозяином положения и знал это. Существовал единственный шанс. Род отпрыгнул назад, его руки скользнули к середине дубинки, он начал вращать ею, крутя,словно жезл регулировщика. Род стиснул челюсти и приложил к этому делу все мускулы. Его дубинка превратилась в вихрь, свистящее смазанное пятно. Это был французский фехтовальный прием, мулине. Сержант, вероятно, знал его ничуть не хуже Рода, но все шансы были за то, что он нисколько не лучше натренирован в нем, чем Род. Это был довольно экзотический вид боя, если ты не француз. А с таким именем, как сержант Хэпвид... Сэр Мэрис и К° разинули рты. Пораженный сержант сделал шаг назад. Затем на его лице появилась осторожность, и его дубинка превратилась в вихрь. Так значит,он знал этот стиль. Но он не был мастером, фактически Род имел преимущество. Дубинка сержанта стала пятном, но четким пятном. Дубинка Рода делала очень милую имитацию циркулярной пилы. Он имел превосходство над сержантом в угловой скорости и, соответственно, в ударной силе. Сержант Хэпвид знал это, мускулы у него на шее сплелись в узлы, когда он попытался ускорить вращение. Сейчас! Род прыгнул вперед. Его дубинка выскочила из своего круговорота и рванулась вниз встретить вращение дубинки сержанта. Дубинки сошлись с треском винтовочного выстрела и таким содроганием, что у Рода зубы задребезжали. Он оправился на миг раньше сержанта и обрушил на его дубинку два быстрых удара, выбив ее из рук противника. Род выпрямился, испустив глубокий вздох, и дал напряжению вытечь из него, когда опустил наземь конец дубинки. Онемевший сержант уставился на свои руки. Род протянул руку вперед, мягко постучал его по макушке дубинкой.

— Бац! Ты убит.

— Стой! — крикнул сэр Мэрис, делая результат официальным.

Род снова опустил дубинку и оперся на нее. Сэр Мэрис нахмурился, блестя глазами из-под кустистых бровей.

Род бросил ему натянутую улыбку.

Сэр Мэрис медленно кивнул.

— Мне испытать тебя с большим луком?

Род, блефуя, пожал плечами. С арбалетом — может быть, но с большим луком...

Со стропил раздался глухой, воющий смех. Капитан гвардии и вся его рота подпрыгнули. Большой Том упал на колени, закрыв голову руками. Род вскинул голову, ища глазами источник смеха.

На одной из дубовых балок, пересекающих зал, сидел карлик, барабаня пятками по дереву. Голова у него была такой же большой, как у Рода, а плечи шире. Его руки и ноги были такими же толстыми, как у Рода.

Он был бочкогрудым, широкоплечим и с шеей, как у быка. Лохматая черная голова казалась странно большой для такого усеченного тела. Черные кудрявые волосы свисали до края челюсти и шеи, кустистые черные брови выпирали из плоского покатого лба. Большие, угольно-черные глаза в данный момент искрились весельем. Их разделял ястребиный клюв носа, под которым угадывались сквозь окладистую черную бороду толстые мясистые губы. Квадратные, ровные зубы блестели сквозь бороду.

Кто-то попытался затолкать великана в бочонок для гвоздей и почти добился успеха.

— С большим луком! — прогремел тот басом.— Нет, голову кладу, он такой же хороший стрелок, как сельский баран весной!

Сэр Мэрис поднял серьезный взгляд на карлика.

— Чума на тебя и твою повадку подкрадываться, Бром О'Берин! Неужто в моих волосах и так недостаточно седины, что тебе надо совсем побелить их своими выходками?

— Повадка подкрадываться! — возмутился карлик.— Вот уж воистину будь у тебя хоть какая-то гордость своим призванием, сэр Мэрис, ты бы поблагодарил меня за демонстрацию твоего же собственного отсутствия бдительности!

— Бром! — пробормотал пораженный Род.— О'Берин?

Карлик обратил сердитый взгляд на Рода.

— Да, Черный Бром О'Берин.

— Это, э, комбинация голландского, ирландского и русского, если я правильно понял.

— Что еще за чушь? — прорычал карлик.

— Ничего.— Род отвернулся, качая головой.— Мне следовало предвидеть, что это случится. Мне следовало ожидать всего, что угодно, на этой сумасшедшей... э... в Грамарие!

Карлик усмехнулся, озорно сверкнув глазами.

— Если я в себе не ошибся, это кажется опорочиванием великой страны Грамарий!

— Нет, нет! Я не... я хотел сказать...— Род замолк, вспомнив, что в этой культуре оправдания не подобали бойцу. Он выпрямился, задрав подбородок.— Ладно, — сказал он.— Это было оскорбление, если тебе так больше нравится.

Карлик радостно взвыл и вскочил на ноги на балке.

— Теперь ты должен с ним драться, Гэллоуглас, — прогремел сэр Мэрис.— И тебе понадобится все твое умение до крохи.

Род уставился на капитана гвардии. Неужели он серьезно? Карлик даст Роду тяжелый бой? Карлик глухо хохотнул и соскользнул с балки. Это был двенадцатифутовый прыжок на каменный пол, более чем втрое превышающий рост Брома, но он легко ударился об пол, казалось, чуть ли не отскочив, и оказался в стойке борца. Он выпрямился и, озорно гогоча, направился к Роду. Позади Рода раздался рык, и Большой Том рванулся вперед.

— Это ловушка, мастер! — проревел он.— Колдовство есть в этой земле, и он наихудший колдун из всех! Никто и никогда не бил Черного Брома! И все же я готов...

Все солдаты, находящиеся в помещении, набросились на Большого Тома в орущем хаосе гнева и насилия. С миг Род стоял в оцепенении. Затем он бросил свою дубинку и ринулся в свалку, руки его замелькали, нанося удары каратэ. Солдаты попадали на пол.

— *Стой!* — грянул голос Брома. Все замерли. Бром каким-то образом снова очутился на стропилах.

— Спасибо вам, ребята, — проворчал миниатюрный геркулес.— Но этот большой парень не желал никому вреда, отпустите его.

— Никому вреда! — тявкнуло с полдюжины возмущенных голосов.

Бром глубоко вдохнул и выдохнул.

— Да, никому. Он только желал защитить своего хозяина. А этот Гэллоуглас желал только защитить своего слугу. А теперь отойдите от них: они оба безвредны.

Солдаты неохотно подчинились.

Род хлопнул Тома по плечу и прошептал:

— Спасибо, Большой Том. И не беспокойся обо мне: этот голландский ирландец только человек, как ты и я. А если он человек, я могу побить его.

У карлика был, должно быть, очень острый слух, потому что он прогремел:

— Ах, ты можешь, да? Это мы посмотрим, мой мальчик.

— Эх, мастер, — простонал Большой Том, вращая глазами.— Вы не знаете, о чем говорите. Этот эльф — отродье самого дьявола.

— Чародей? — презрительно фыркнул Род.— Таких зверей нет.

Сэр Мэрис отступил к своей рати, сердито глядя ледяным взглядом: „Тронь хоть волос на его голове, и мы запорем тебя".

— Не бойся, — хохотнул Бром О'Берин.— Не бойся, Гэллоуглас, сделай все, чтобы одолеть меня. Будь уверен, ничего у тебя не выйдет. А теперь позаботься о себе.

Он подпрыгнул на балке, заревев: *„Давай!"*

Род мигом принял стойку, откинув руки для рубящих

ударов. Бром стоял на балке, уперев кулаки в бедра и кивая огромной головой.

— Да, держись наготове. Но...— Глаза его зажглись злым блеском, он хохотнул.— Бром О'Берин не легкий человек.

Он спрыгнул с балки ногами вперед, прямо на голову Рода. Род попятился, пораженный внезапностью атаки карлика. Сработал рефлекс, его руки взметнулись ладонями вверх, поймали Брома за пятку и сделали ему сальто-мортале. Затем, ожидая, что карлик приземлится прямо спиной на гранитный пол, Род прыгнул вперед поймать его, но Бром провернул сальто и приземлился с отскоком на ноги. Быстрым сильным ударом он отбросил руки Рода.

— Учтивый жест, но глупый, — прогрохотал он.— Твоя защита снята. Прибереги мягкость для тех, кто в ней нуждается, приятель Гэллоуглас.

Род шагнул назад, снова приготовившись к атаке, и посмотрел на маленького человека с растущим уважением.

— Я, кажется, недооценил тебя, господин О'Берин.

— Не называй меня господином! — заревел карлик.— Я никому не господин — я всего лишь шут королевы!

Род медленно кивнул.— Шут. — Он сделал приглашающий жест обеими руками.— Ну ладно, тогда — мудрый шут.

Бром с миг постоял на месте, смерив Рода хмурым взглядом. Он хмыкнул, растягивая рот в тугой улыбке. Затем он прыгнул, выбросив ноги в воздухе, целясь прямо в подбородок Роду. Род вскинул руку, снова поймал Брома за пятки, пробурчав:

— Я-то думал, ты научился.

Он снова толкнул ноги карлика вверх, но на сей раз Бром хлестнул головой по подбородку Рода. У него была твердая голова. Род отшатнулся от удара, в то же время крепко обвивая руками тело Брома О'Берина. Карлик затрясся от веселья.

— А что теперь? — глухо засмеялся он.— Вот ты сейчас схватил меня, и что ты теперь со мной станешь делать?

Тяжело дышащий Род промолчал. Это был хороший вопрос. Если он хоть на миг ослабит захват, то может быть уверен, что Бром извернется и пнет его в живот. Он мог уронить этого человека или бросить его, но Бром имел тенденцию подскакивать и, вероятно, врезался бы в отскоке прямо Роду в подбородок. Ну, коль сомневаешься, сперва бей, а уж потом думай. Род упал на пол, пихая тело Брома под прямым углом к своему собственному, ловя колено и шею карлика для захвата на манер младенца. Но Бром двигался самую малость быстрей. Его правая рука обвилась вокруг левой руки Рода; он поймал локоть Рода в захват, подобный тискам, и нажал. Спина Рода выгнулась от боли в локтевом суставе. Теперь у него был простой выбор: разжать левую руку или отключиться от боли. Вот и решай тут! Род рискнул положиться на свою выносливость, он уплотнил свой зажим вокруг шеи Брома. Тот крякнул от удивления:— Другой бы заскулил от боли и отпрыгнул от меня, приятель Гэллоуглас.

Колено Брома изогнулось назад, его стопа уперлась Роду в грудь, скользнула под подбородок и продолжала жать дальше. Род издал придушенный звук, шею его пронзило огнем, когда позвонки затерлись друг о друга. В помещении потемнело, оно заполнилось точками разноцветных огней.

— Теперь тебе придется выпустить меня, Гэллоуглас, — процедил Бром.— Допрежь у тебя не откажет зрение и ты не заснешь.

Неужели этот проклятый полпинты должен быть всегда прав? Род попытался что-то свирепо прохрипеть в смысле ответа, но в помещении и впрямь тревожно быстро меркло. Точки света становились спицами, и это, кажется, указывало на скорую потерю сознания. Он выпустил свой захват, оттолкнулся руками от пола и, шатаясь, поднялся на ноги. Его уши наполнил глухой смех. Потому что Бром сохранил свой захват на руке Рода и, обвив другой рукой ворот его камзола, тянул Рода своим весом обратно на пол. Ноги Брома коснулись пола, он оттолкнулся, бросив Рода назад. Род закачался, потеряв равновесие, и упал, но привычка снова взяла свое. Он вжал подбородок в грудь и шлепнулся на предплечье, смягчив свое падение. Бром взвыл от радости, увидев, что Род все еще в сознании, и прыгнул. Род сделал тот малый вздох, что ему остался, и произвел резкий выпад ногой. Он попал Брому в живот, схватил молотящую руку и резко оттолкнул, выпустив ее. Бром полетел вверх тормашками, пронесся в двадцати футах от Рода и приземлился на каменные плиты, крякнув от удивления. Приземлился он, конечно, на ноги и мигом обернулся с громким ржанием.

— Очень ловко, малыш, очень ловко! Но недостаточно...

Род снова был на ногах, тяжело дыша и мотая головой. Бром скакнул к нему, а затем прыгнул. Род пригнулся как можно ниже в тщетной надежде, что Бром, возможно, окажется способен хоть раз промахнуться, но длинная рука маленького человечка хлестанула вниз и схватила Рода поперек горла, а колода тела, пометавшись туда-сюда, устроилась между плеч Рода. Одна стена надавила Роду меж лопаток, обе руки потянули, выгибая шею назад. Род захрипел, поднимаясь на ноги и изгибаясь назад под тяжестью Брома. Он схватил карлика за предплечья, а затем быстро нагнулся вперед, рванув руки Брома. Бром перелетел через голову Рода и сделал сальто. Он закукарекал, когда его ноги ударились об пол.

— Превосходно проделано, малыш! Превосходно!

Он повернулся, все еще с озорным блеском в глазах.

— Но мне эта игра начинает надоедать. Давай-ка кончать с ней.

— Поп-пробуй, — выдохнул Род.

Бром нагнулся вперед, его длинные руки заколотили, отбивая защиту Рода.

Он попытался схватить Рода за колено. Тот рубанул правой рукой, чтобы блокировать эту попытку, затем обхватил левой плечи Брома, пытаясь толкнуть его вперед, чтобы тот потерял

равновесие, но руки карлика, казалось, снова опутали Роду горло. Род выпрямился, пытаясь сбросить Брома, рубя ему ребрами ладоней по локтям — захват Брома только уплотнился. Бросив вперед весь свой вес, Род споткнулся и увидел надвигающийся на него пол. Бром прыгнул мимо него, поймав по пути стопу Рода. Тот заплясал на каменном полу танец живота, но хлопнулся на предплечья и не дал голове удариться о камень. Он попробовал было подняться, но кто-то привязал к его плечам мельничный жернов. Под его левой рукой проскользнула змея и прижалась к его шее. Род попытался покатиться и разорвать этот полунельсон, но на его правом запястье сомкнулись клещи и сделали ему "гусиную лапку".

— Сдавайся, малыш, — прошептал ему в ухо голос Брома.— Сдавайся, ибо теперь ты не сможешь избавиться от меня.

Он толкнул вывернутую руку Рода повыше, чтобы подчеркнуть сказанное. Род скрипнул зубами от боли. Каким-то образом он все же сумел подняться на ноги и попытался стряхнуть маленького человечка. Но ноги Брома сцепились вокруг его талии.

— Нет, — выдохнул сквозь зубы карлик.— Я же сказал тебе, что ты от меня не избавишься.

Род встряхнулся, как терьер, но Бром держался, будто бульдог. С минуту Род прикидывал, а не упасть ли ему на спину и не раздавить ли под собой Брома. Крайне раздражало оказаться побитым человеком в одну треть твоего роста. Однако он быстро отбросил эту мысль: в этой схватке было много случаев, где Бром мог применить к Роду равно нечестные приемы. Значит, Бром обладал сильным чувством честной игры, и будь Род проклят, если он окажется мельче, чем карлик.

— Не сдашься, приятель? — прокартавил в его ухо Бром, и Род ахнул, когда его правая рука попыталась коснуться шеи.

Затем Бром сильно нажал Роду на шею, вынуждая его подбородок опуститься до соприкосновения с ключицей. Род зашатался, накренился вперед и выбросил ногу, чтобы удержаться от падения. Мускулы его спины и шеи визжали от этой пытки; правая рука умоляла его сдаться. Его диафрагма сложилась пополам, упрямо отказываясь втянуть еще один глоток воздуха. Дыхательное горло скривилось в судороге, а легкие требовали воздуха. В одно странное обособленное мгновение он заметил, что, похоже, совершенно неожиданно наступила ночь и, еще более странно, что звезды беспорядочно метались. По его лицу плескала холодная вода. Между его губ ткнулось горлышко бутылки, казавшееся огромным, словно тележное колесо. Жидкость заструилась по его языку и дальше в живот, где она взорвалась огнем. Он мотнул головой и заметил, что под спиной у него холодный камень. Ну-ка, что он, черт возьми, делает, пытаясь уснуть на каменном полу? В голове у него звенели голоса. Он открыл глаза, увидел глядевшее на него круглое лицо с большими карими глазами, обрамленное лохматыми черными волосами и бородой. Голова уплыла прочь, и вокруг него завертелись серые каменные блоки.

Род вздохнул, уставился на отблеск света от наконечника копья, и помещение медленно устоялось. В его ухе прогремел голос:

— Он — чудо, сэр Мэрис! Он заставил меня попотеть!

Массивная рука обняла голову и плечи Рода, подымая их с камня. В поле зрения вплыло великанское округлое лицо Большого Тома с озабоченно сведенными бровями.

— Вы целы, мастер?

Род крякнул что-то, махнув рукой и кивнув.

Затем тут очутилась та же лохматая голова с телом шимпанзе, и тяжелая от мускулов рука сжала его руку

— Хорошо дрался, малыш, — прогрохотал Бром О'Берин.— Я не видел такой схватки с тех пор, как стал мужем.

Род стиснул руку карлика и попытался усмехнуться. Затем над ним склонилось седобородое, в шрамах, лицо сэра Мэриса, его старческая ладонь сжала Роду предплечье, поднимая его на ноги.

— Брось, малыш, не вешай носа! Ибо теперь ты - ратник армии королевы!

— Армии королевы, — прогудел Бром, каким-то образом снова очутившийся на стропилах. Помещение затряслось от его смеха.— Нет, сэр Мэрис, на этого малыша претендую я! Ему быть личным телохранителем королевы!

— Нет, черт побери, Большой Том, отвяжись от меня с этой штукой!

— Но, мастер! — Том погнался за ним, протягивая панцирь.— Должны же вы надеть хоть какие-нибудь доспехи!

— Укажи мне хоть одну вескую причину, зачем, — проворчал Род.

— Да чтобы отбивать стрелы и мечи, мастер!

— Мечи я легко могу отбивать своим собственным. От стрел я могу уклониться. А против арбалетных стрел от него все равно толку ни черта. Нет, Большой Том! Он всего лишь замедлит меня.

Дверь в караульную заскрипела на петлях и с грохотом захлопнулась. Бром О'Берин стоял, наблюдая за ними, уперев руки в бедра; одно его плечо окутывало серебристое мерцание.

— Как же это так, Род Гэллоуглас? Ты не станешь носить ливрею королевы?

— Я буду носить ливрею, если будешь и ты, пестрый ты манекен!

Карлик усмехнулся, сквозь дикие заросли бороды блеснули белые зубы.

— Задел, определенно задел! Но я не гвардеец, Род Гэллоуглас.— Я шут, а пестрое — ливрея шута. Брось, солдат, облачайся в свои цвета!

— О, я буду носить цвета королевы, не беспокойся. Фактически, я вообще неравнодушен к пурпурно-серебряному. Единственное, что я имею против нее — это то, что она ливрея, но я надену ее. Однако, черт возьми, Бром, я абсолютно отказываюсь иметь какое-либо отношение к этому карцеру, который вы называете доспехами!

Лицо карлика посерьезнело, он медленно кивнул, не сводя глаз с Рода.

— О, да. Я так и думал, что ты тех же убеждений.

Серебристая ткань со звоном слетела с его плеч и шлепнулась на грудь Рода. Тот поймал ее, отстранил от себя, нахмурясь, проинспектировал ее.

— Ты наденешь кольчужную рубашку, Род Гэллоуглас?

— Я бы скорее надел власяницу, — проворчал Род, но все же втиснулся в железную фуфайку.— Хорошо сидит.

Он проворчал и бросил на кольчужную рубашку гибельный взгляд, но грудь у него выпятилась, плечи распрямились почти так, словно он был на параде.

Его взгляд вонзился в Брома О'Берина.

— Как это так, Бром? Как понимать, что ты возжелал, чтобы мне сошло с рук отсутствие панциря? Ведь я буду без мундира, не так ли?

— Отнюдь, — пророкотал Бром.— Ибо доспехи скрыты под ливреей. И ты единственный человек в гвардии, который не пожелал нагрудного панциря.

Род посмотрел уголком глаза на маленького человечка.

— Откуда ты знаешь, что я не захотел панциря?

Бром тихо хохотнул в бороду.

— Да я же дрался с тобой, Род Гэллоуглас, и ты хорошо дрался со мной, на мой лад.— Улыбка его исчезла.— Нет, ты надел бы доспехи не раньше, чем я.

Род нахмурился, изучая большое бородатое лицо.

— Ты еще не совсем доверяешь мне, не так ли?

Бром улыбнулся, натянуто, с гримасой.

— Род Гэллоуглас, нет такого человека, которому я доверяю, и я смотрю с подозрением на любого гвардейца королевы, пока тот не отдаст свою жизнь, чтобы спасти ее. Род кивнул. — И сколько таких?

Глаза Брома прожгли его.— Семь, — ответил он.—За последний год я стал доверять семерым гвардейцам.

Род дернул левой стороной рта в тяжелой улыбке.

Он поднял серебристо-белый камзол и натянул его.

— Так, значит, если ты действительно высокого мнения обо мне, то можешь позволить мне пробовать пищу королевы и проверять, не отравлена ли она.

— Нет, — проворчал Бром.— Это мое удовольствие, и только мое.

С минуту Род молчал, глядя в глаза коротышки.

— Ну, — произнес он и повернулся застегнуть пурпурный плащ.— Я замечаю, что ты еще жив.

Бром кивнул. — Хотя несколько раз я был болен — всерьез болен, мой мальчик. Но я способен определить яд на вкус, мне не нужно дожидаться смерти для доказательства.— Он усмехнулся и, пройдя через помещение, хлопнул Рода по одетому в железо животу.— Не тужи, нет причины быть мрачным. Тебе придется сталкиваться всего лишь с мечами и, наверное, время от времени с арбалетами, так что будь бодр и весел.

— О, я просто дрожу он нетерпения, — пробурчал Род.

Бром повернулся кругом и направился к двери.

— А теперь — до палаты королевы! Идем, я покажу тебе твой пост.— Он обернулся, показав на Большого Тома.— Эй, там, ратник Том! Возвращайся к себе в казарму, твой мастер вызовет тебя, если ты понадобишься.

Том взглянул на Рода, испрашивая подтверждения.

Род кивнул. Бром со стуком распахнул дверь и вышел. Род покачал головой, улыбнулся и последовал за ним.

Палата Совета королевы была большой круглой комнатой, заполненной, в основном, огромным круглым столом двадцати футов в диаметре. На южной стороне, восточной и западной находились тяжелые двери, северную занимал зияющий камин, где потрескивал небольшой костер. Стены были увешаны крикливыми гобеленами и богатыми мехами. Над камином висел огромный щит, украшенный королевским гербом. Потолок был сводчатым, почти куполообразным, и пересекался большими резными балками. Стол был из полированного орехового дерева Вокруг него сидели двенадцать Великих Лордов королевства: герцог Медичи, граф Романов, герцог Глостер, князь Борджиа, граф Маршалл, герцог Стюарт, герцог Бурбон, князь Габсбург, граф Тюдор, баронет Раддигор, герцог Савойский и величественный старый седовласый герцог Логайр. Все были тут, заметил Род, слушая, как герольд зачитывает их имена со свитка — все, кроме королевы, Катарины Плантагенет. Рядом с каждым из Великих Лордов сидел тощий, жилистый, сморщенный человечек, старичок, у каждого было почти истощенное лицо с горящими голубыми глазами и несколькими прядями волос, гладко зачесанных по кожистому черепу Советники? — гадал Род. Странно, что все они выглядят настолько схожими... Все сидели в массивных, изукрашенных резьбой креслах из темного дерева. Более крупное позолоченное кресло стояло пустым в восточной вершине стола. Зарокотал барабан, заиграла труба, и лорды с советниками поднялись на ноги. Огромные двойные створки восточной двери широко распахнулись, и в палату вошла Катарина. Род стоял на посту у западной двери, у него был превосходный обзор, да такой, что вызвал у него перебои в сердце. Облако серебристых волос вокруг изящно изваянного недовольного лица; большие голубые глаза и розовые губы; стройное детское тело с набухающими грудями и кошачьими бедрами под облегающим шелком, прижимаемым к ней еще туже широким ремнем пояса в виде буквы „Y" от бедер до пола. Жестко выпрямив спину, она села в пустующее кресло и положила руки на подлокотники. Бром О'Берин вскочил на табурет справа от нее. Прямо напротив королевы в западной точке стола сидел герцог Логайр. Его советник нагнулся поближе, что-то шепча. Герцог нетерпеливым жестом велел ему заткнуться. Бром О'Берин кивнул герольду.

— Великий Совет королевы открыт, — провозгласил герольд.— Высокие и великие страны Грамарий собрались. Пусть

все среди них, кто добивается восстановления справедливости, подадут сейчас прошение королеве в присутствии равных себе.

Комната наполнилась молчанием. Герцог Бурбон неловко зашевелился и откашлялся. Голова Брома повернулась к нему:

— Милорд Бурбон, — прогрохотал он.— Вы будете обращаться к королеве?

Герцог медленно поднялся. Камзол его был украшен гербом лилии, но волосы и усы были белокурыми.

— Ваше Величество.— Герцог степенно поклонился королеве.— И братья мои, лорды.— Он кивнул головой столу вообще, затем поднял подбородок, выпрямил плечи.— Я должен протестовать,— прорычал он.

Катарина накренила спину так, что производила впечатление смотрящей на высокого вельможу сверху вниз.

— Против чего вы должны протестовать, милорд?

Герцог Бурбон опустил взгляд на ореховую поверхность стола.

— Со времен наших предков, прибывших сюда из-за звезд, крестьяне были подданными своих лордов, а лорды были подданными Великих Лордов. Великие Лорды, в свою очередь, были подданными короля... королевы, — поправился он с легким поклоном Катарине.

Губы ее сжались в тугую тонкую строчку, но она проявила выдержку и пренебрегла этим фактом неуважения.

— Сие, — резюмировал герцог, — естественный порядок человечества, дабы каждый человек был подданным человека выше его, дабы правосудие и порядок были заботой лорда; в пределах своего домена он есть и должен быть законом, подчиненным, конечно, королеве.

Снова вежливый кивок Катарине, и снова она стерпела неуважение, но руки ее крепко стиснули подлокотники кресла, так что побелели костяшки пальцев.

— И все же ныне Ваше Величество ниспровергает этот великий и длительный порядок и определяет нам судей, назначенных вами справлять правосудие в наших доменах, вопреки мудрости вашего отца, благородная королева, и его отца допрежь его, и всех ваших предков с начала рода вашего. Если мне дозволительно говорить прямо, я нахожу это почти насмешкой над нашими предками, великими и благородными, и, говоря лично за себя, я не могу потерпеть этого вашего мужлана-подчиненного, который думает помыкать мною в моем собственном доме!

Он закончил речь почти криком, пылая побагровевшим лицом на королеву.

— Вы кончили? — спросила Катарина тоном, который она хранила в леднике именно для такого случая.

Герцог Бурбон медленно склонил голову: „Да“, — и сел. Катарина на миг закрыла глаза, потом посмотрела на Брома О'Берина и едва заметно кивнула.

Бром встал.

— Кто-нибудь выскажется в поддержку милорда Бурбона?

На ноги поднялся молодой человек с огненно-рыжими волосами.

— Я согласен со всем, что сказал милорд Бурбон. Более того, я добавлю, что королеве было бы не худо обдумать возможность продажности назначенных ею судей, ибо человека, не имеющего ни земель, ни средств, ни родового имени, честь коего надо поддерживать, можно будет легко искусить торговать своим правосудием.

— Если они сделают это, — отрезала Катарина, — то будут повешены на самой высокой виселице, и люди, которым они учинили несправедливость, послужат им палачами.

Она хранила молчание ровно три вздоха, сцепившись глазами с вельможей; затем Бром О'Берин прорычал:

— Выражаем нашу благодарность герцогу Савойскому.

Молодой человек поклонился и сел.

— Кто еще выскажется в пользу милордов Бурбона и Савойского?

Один за другим остальные десять лордов поддержали герцога Бурбона. Великий Совет королевы был единогласно против нее. С миг Катарина держала глаза закрытыми, плотно сжав губы. Открыв их, она обвела стол пылающим взглядом.

— Я глубоко огорчена, милорды, находя всех вас столь сильно противящимися королевскому правосудию.— Она подарила им натянутую улыбку.— Благодарю вас за ваш честный совет. И все же я не отступлю от своего намерения, мои судьи останутся в ваших владениях.

Вельможи зашевелились в своих креслах, перешептываясь друг с другом низкими хриплыми голосами. Они, казалось, составляли одного большого, рычащего, потревоженного зверя. Старый герцог Логайр медленно поднялся и тяжело оперся на стол.

— Моя королева, — прогромыхал он.— Подумайте: даже короли могут ошибаться в суждениях, а вы еще молоды в делах государства. Известно, что много умов вместе могут обрести более ясное знание, чем один ум в одиночку, а здесь, с вами, собрались двенадцать человек из наиболее древних и достопочтенных родов, из семей, поседевших, занимаясь делами государства; старые люди из старых семей и, надо надеяться, умудренные грузом своих лет. Ужель вы будете настаивать на своем, когда столько человек столь уверены в том, что вы не правы?

Лицо Катарины стало бледным, почти пергаментно-белым. Глаза ее горели.— Да, — спокойно ответила она.

Долгий миг лорд Логайр смотрел ей в глаза, а затем медленно сел. Катарина обвела взглядом окружающие ее лица, не жалея времени, чтобы заглянуть поглубже в каждую пару глаз. Затем, вздев подбородок, заявила:

— Мои судьи останутся в ваших владениях, милорды. Что же касается их возможной продажности, то вы найдете их почти святыми в пренебрежении к деньгам, винам и... удобствам. Их заботит лишь одно — только правосудие.

Она помолчала, давая время дойти своим словам до лордов, и Род заметил, что среди Великих Лордов было несколько свекольно-красных лиц. Он догадался, что правосудие во владениях некоторых из них было совсем не таким праведным, как слёдовало бы. Лицо герцога Логайра не покраснело. Единственное чувство, которое могло быть прочтено на нем, — горе.

— Однако все это дело с судьями второстепенно по сравнению с целью, ради которой я созвала вас сюда сегодня.— Катарина улыбнулась с больше, чем намеком на злость.

Головы вокруг всего стола вскинулись в тревоге. Бром О'Берин выглядел более потрясенным, чем все прочие. Катарина явно не проконсультировалась со своим Первым Советником, даже Брому преподнесли сюрприз. Каждый лорд нагнул голову для быстрого, шепотом, совещания со своим советником, и выражение тревоги на их лицах углубилось до мрачного гнева.

— В каждом из ваших владений, — начала Катарина, — есть монастырь. Вы привыкли назначать священников в свои приходы из своих собственных монастырей. — С минуту она глядела на стол, затем снова подняла голову.— Здесь, в этом замке, я собираю лучших теологов из всех монастырей. Вы наберете из своих монахов молодых братьев, по одному на каждый ваш приход, и пошлете их сюда, ко мне, для обучения моими монахами. Если в каком-либо случае я не одобрю вашего выбора, я отошлю их обратно к вам и потребую на их место других. Когда они закончат свое обучение и вступят в свои Ордена, я верну их вам служить вашими приходскими священниками.

Лорды с грохотом вскочили на ноги, крича и жестикулируя, грохоча кулаками по столу.

Этот гам прервал голос Катарины:— Хватит! Молчать!

Медленно, один за другим, Великие Лорды впадали в мрачное молчание и, пылая взорами, погружались в свои кресла, но лица советников, казалось, вспыхнули от подавляемой радости, глаза их горели, и на каждом лице играла улыбка, только-только не переходящая в ухмылку.

— Я сказала, — произнесла Катарина с холодом и в голосе и в глазах.— Это будет сделано.

Поднялся дрожа старый лорд Логайр.

— Не будет ли Ваше Величество...

— Нет.

Бром О'Берин прочистил горло:

— Не разрешит ли Ваше Величество...

— Нет.

В палате Совета воцарилось молчание. Катарина снова обвела взглядом лица лордов и их советников.

Затем, повернувшись налево, она склонила голову:

— Милорд Логайр.

Старый вельможа поднялся, крепко сжав челюсти под седой бородой, его кулак в красновато-коричневых пятнах пульсиро-

вал от едва сдерживаемого гнева. Он отодвинул назад большое позолоченное кресло, и Катарина встала. Он прошел обратно на свое место.

Катарина повернулась, и огромные дубовые двери широко распахнулись. Гвардейцы выстроились впереди и позади нее. Она остановилась в дверях и обернулась.

— Подумайте, милорды, — посоветовала она.— И соглашайтесь, ибо вы не можете выстоять против меня.

Огромные двери захлопнулись за ней. В палате Совета разверзся ад кромешный.

— Да брось ты! Это классическая картина, вплоть до последнего оскорбленного взгляда! Закончив дневное дежурство, Род ехал на Векссе обратно к постоялому двору с намерением перехватить немного сплетен и много пива. Большой Том занимался домашним очагом в королевском замке с приказом держать уши открытыми для лакомых кусочков информации.

— Я не согласен, Род. Это классическая картина, но с некоторыми добавлениями.

— Вот упрямый бык! Это простая преждевременная попытка централизации власти. Катарина пытается объединить Грамарий под единым законом и одним правительством, вместо двенадцати почти независимых герцогств. Это дело с судьями означает именно это, и ничего более. Пять к десяти, что некоторые из этих лордов разыгрывают из себя богов в своих владениях, вынуждая половину женщин спать с ними и зажимая налогами всех и все, что им приходит в голову. Катарина — реформатор, вот и все; она пытается исцелить все зло, что может найти, делая себя единственным законом в Грамарие — и у нее ничего не выйдет. Знать этого попросту не потерпит. Ей могло бы сойти с рук дело с судьями, но эта затея с попами наверняка вызовет мятеж. В такого рода обществах священник имеет больше влияния на народ, чем любые другие чиновники. Если она сделает их ответственными перед ней и только перед ней, она действительно вырвет у вельмож зубы, и они это знают И они не сдадутся без боя.

— Пока что я с тобой согласен, — сказал робот.— Пока что это классическая картина, очень похожая на попытку английского короля Джона централизации власти в стране прежде, чем такой проект мог бы иметь успех.

— Да, — кивнул Род.— И мы можем надеяться, что, подобно вельможам короля Джона, Великие Лорды будут настаивать на Великой Хартии.

— Но...

Род принял вид мученического терпения.

— Что "но", Векс?

— Но есть чужеродный элемент: группа советников Великих Лордов. Группа, которая кажется очень сплоченной.

Род нахмурился.— Ну да. Это есть.

— И судя по тому, что ты мне рассказал о сцене после ухода Катарины...

— Иэх! — Род содрогнулся.— Выглядело так, словно она бросила им перчатку, а все герцоги вышли посмотреть, кому достанется честь поднять ее. Девочка, может, и знакома с элементарной политологией, но она наверняка совершенно не знакома с дипломатией! Она просто поощряет их драться с ней!

— Да, а советники очень умело подстрекали их — каждый советовал своему лорду не драться, потому что он слишком слаб... а потом говорили, что если он хочет драться, ему лучше вступить в союз с другими лордами, потому что каждый также слишком слаб, чтобы выстоять в одиночку. Опытное использование оборотной психологии. Можно подумать, что советники затеяли полностью ликвидировать центральную власть.

— Да, — задумчиво произнес Род, нахмурясь.— Это не совсем обычно в такого рода обществе, не так ли, Векс?

— Да, Род. Теория анархии обычно не возникает до тех пор, пока культура не достигнет намного более высокой степени развития.

Род пожевал губу.— Может, постороннее влияние?

— Наверняка. И это приведет к народному тоталитаристскому движению, еще одной аномалии. Нет, Род, это не классическая картина.

— Да, черт возьми. Мы имеем три группы борющихся за власть: крестьян, герцогов с их советниками и королеву с теми, кто там ее поддерживает. В данный момент эта поддержка, кажется, ограничивается Бромом О'Берином.

— Тоталитаристы, анархисты и королева посередине, — перечислил Векс.— А кого поддерживаешь ты, Род?

— Катарину, черт возьми! — усмехнулся Род.— Я затеял посадить семена демократии, а все выглядит так, словно единственный шанс этого добиться — это создать конституционную монархию.

— Я могу и ошибиться, — произнес Векс.— Но я считаю, что ты в восторге, обнаружив, что должен поддерживать ее.

Несколько огней вокруг них померкли в вечерней мгле, стена тумана окутывала все в тридцати футах от них. Род ехал один через мир дыма, копыта Векса странно жутко цокали в гулком безмолвии. Ночь разорвал протяжный крик, за которым последовал звон мечей.

— На помощь! На помощь! — кричал молодой голос.

Род замер с рукой на эфесе шпаги, затем вонзил каблуки в металлические бока Векса, и огромный черный конь поскакал к месту схватки. В горловине переулка едва тлел сквозь туман факел. Там, в его дымчатом свете, один человек бился с тремя, стоя спиной к стене. Род заревел и врезался прямо на коне в эту свалку. Он закрутил вокруг себя плашмя шпагой, воя, словно индеец, учащийся быть солдатом конфедерации. Он вырвал из-за спины кинжал как раз вовремя, чтобы отразить удар рапиры слева. Его собственная шпага описала дугу над головой и лязгнула о сталь, когда противник отбил удар. Затем остальные острия принялись колоть его, словно жала. Род был вынужден перейти к обороне, отметая в сторону клинки. Но тут

намеченная жертва испустила вопль, которого не постыдился бы и баньши, и напала с тылу. И..., а владельцы трех шпаг поспешили скрыться в переулке. С миг Род сидел ошеломленный, затем заорал, и Векс поскакал вдогонку за убегающими фигурами. Но они уже добрались до темноты в конце переулка, и когда Род было уж настиг их, камни были пусты. Это был тупик — они исчезли в одну из затемненных, дурно пахнущих дверей. Их несостоявшаяся жертва подбежала сзади, оглядываясь кругом и тяжело дыша.

— Ушли, и бесполезно их искать. Они будут в пяти лигах отсюда через столько же минут.

Род выругался и со стуком бросил шпагу в ножны. Он вздрогнул и крайне осторожно коснулся предплечья, одна из рапир порезала ему камзол и рассекла кожу. Род повернулся к незнакомцу:

— У вас все цело?

Молодой человек кивнул, пряча шпагу в ножны. На Рода смотрело открытое, курносое голубоглазое лицо со сверкающей сквозь туман усмешкой. Скулы были широкие, а глаза — большие и с выражением невинности. Белокурые волосы были подстрижены "под горшок". Это было молодое, неопытное, очень красивое лицо. Род почувствовал прилив негодования. Он спрыгнул с коня. Макушка головы незнакомца была примерно на уровне глаз Рода, но что у мальчика недоставало в росте, компенсировалось сложением. Бочкообразная грудь переходила в бычьи плечи — на добрых шесть дюймов шире, чем у Рода. Руки выглядели бы более уместными у медведя или гориллы, а ноги были слишком маленькими стволами деревьев, вогнанными в узкие бедра. Он носил кожаный колет поверх белой рубахи, широкий черный пояс, рейтузы и высокие мягкие сапоги.

Незнакомец нахмурился, увидев кровь на рукаве Рода.

— Вы ранены?

— Царапинка, — презрительно фыркнул Род и нашарил в седельной сумке Векса антисептический бинт. Он перевязал бинтом предплечье, бросив юноше твердую усмешку.— Вы, однако, можете оплатить счет портному.

Парень кивнул, глаза его посерьезнели.

— Это я с радостью, ибо они вырезали бы мне сердце, не подоспей вы вовремя на помощь. Туан Макриди у вас в долгу.

Род осмотрел его с ног до головы, медленно кивая. Хороший паренек, подумал он.

— Род Гэллоуглас, к вашим услугам, — протянул он руку.— И никаких долгов. Всегда рад помочь одному против троих.

— А, конечно, но долг все же есть! — не согласился парень, стискивая руку Рода захватом, напоминающим тиски.

— Вы должны, по крайней мере, позволить мне купить вам кружку эля!

— Почему бы и нет? — пожал плечами Род.— Все равно я сейчас как раз направляюсь в таверну, идем со мною!

К его удивлению, Туан заколебался.— С вашего позволения, дорогой мастер Гэллоуглас... в этом городе есть только

один дом, где я желанный гость. Все прочие давно знают мой обычай, и... — округлое лицо вдруг расколола усмешка, — ...мой образ жизни не доставляет удовольствия мирным и добропорядочным.

Род кивнул и состроил гримасу.

— Post iocundum iuventutem*. Ну, я полагаю, один трактир ничуть не хуже другого.

Дорога к Туанову трактиру нисколько не шла к его внешности юноши из хорошей семьи. Они прошли два темных переулка, протиснулись через брешь в кирпичной стене и вышли на широкий, освещенный лунным светом двор, бывший в свое время элегантным. Время это, должно быть, приходилось на век-другой назад. В центре потрескавшихся плит булькали остатки фонтана, благоухая вонью примитивного водопровода. Сорняки, сами в состоянии страшной нищеты, всюду лезли из всех трещин. Кирпич стен потрескался и покололся, известка крошилась. У стен и по углам лежали кучи мусора со случайными горстками отбросов то тут, то там. Сам постоялый двор был шелудивым гранитным блоком с полуразрушенным карнизом. Нависающий второй этаж подпирался грубо обтесанными бревнами, которым из-за ветхости, обязанной их возрасту, нельзя было доверять. Окна были забиты досками, потрескавшимися, заплесневелыми и пораженными грибком. Массивная дубовая дверь была единственным здоровым куском дерева в поле зрения, но даже и она осела.

— А здесь твое поведение терпят? — спросил Род, осматривая запущенный двор, когда Туан постучал по двери рукояткой кинжала.

— Да, терпят, — ответил Туан.— Хотя даже их гостеприимство иногда вымученное.

Род почувствовал холодок меж лопаток и гадал, на какого же именно юношу со скромными манерами он наткнулся. Туан снова постучал. Род думал, чего он ждет в ответ, сквозь осевшие доски окна не выскальзывало ни малейшего проблеска света. Судя по его виду, дом был совершенно пуст. Но дверь начала двигаться и застонала, доказывая, что она собирается забастовать, требуя смазки, до тех пор, пока не открылась ровно настолько, чтобы пропустить двух человек.

— Твой трактирщик, — весело представил Туан.— Пересмешник.

Искривленная, горбатая, иссохшая пародия на человеческое существо выглянула из-за двери, издавая горловые глотательные звуки. Одно ухо представляло собой что-то типа цветной капусты, а другое отсутствовало; по пораженному паршей черепу было раскидано несколько прядей маслянистых волос. Нос картошкой, рот — щель в массе бородавок, глаза — злорадные блестящие белки. Она, эта пародия, была одета в коллекцию лохмотьев и заплат, которые некогда могли претендовать на звание камзола и рейтуз, неуклюже висевших на фигуре чучела. Тролль шмыгнул в дурно пахнущую тьму

---

* После юности прекрасной (лат.) — строка из „Гаудеамуса"

своего логова. Туан широким шагом последовал за ним. Род сделал глубокий вдох, расправил плечи и оглянулся через плечо, удостоверившись, что Векс все еще стоит там, у фонтана, опустив голову в хорошей имитации пасущейся лошади. На миг Род позавидовал способности робота отключать свои обонятельные рецепторы. Затем, подняв подбородок, он последовал за Туаном в трактир. Дверь со скрипом закрылась за ними; раздался шуршащий звук, когда Пересмешник побежал впереди них открывать следующую дверь. Эта открылась легко, хлопнув о стену и затопив их вспышкой факельного света и взрывами хриплого буйного смеха. Род выпучил глаза. Они прошли через дверь, и Род огляделся. Это был большой пивной зал с четырьмя ревущими открытыми очагами и десятками факелов, воткнутых в стены. Над очагами висело жарящееся мясо, слуги просачивались сквозь толпу с кружками для эля и вина, наполняемыми из двух огромных истекающих бочек, господствующих на противоположной стороне зала.

Клиентурой были подонки города. Их одежда была грязной, латаной и кем-то выброшенной. Тела их носили следы примитивного правосудия: у этого не хватало уха, у того — глаза. Лица их были искажены и отмечены болезнями. И все же здесь, в своем собственном логове, они весело ржали; все как один ухмылялись, хотя в их глазах блеснула злоба, когда они увидели Рода. Но злоба растаяла, преобразившись во что-то почти похожее на преклонение, едва они заметили юного Туана.

— Говорят, — и парень ухмыльнулся, — что нет чести среди воров, но здесь, среди нищих Грамария, есть, по крайней мере, сродство. Добро пожаловать, Род Гэллоуглас, в Дом Хлодвига.

Волосы у Рода на голове встали дыбом. Он вспомнил толпу, виденную им ночью ранее в порту.

Глаза его расширились, он уставился на Туана. Он не мог быть. Не мог. Однако ж он смог. Да, смог. Туан Макриди был демагогом, подстрекавшим толпу к походу на замок. Этот краснощекий здоровый юноша был первой крысой в местной клоаке. Толпа разразилась грубым, веселым гамом, приветствуя своего Галахада. Туан ухмыльнулся и помахал рукой. От воротника ко лбу поползла лёгкая краска. Он казался почти смущенным таким приемом. Он провел Рода в темный угол в дальней части зала. Он не сказал ни слова Пересмешнику, но две курящиеся кружки подогретого вина со специями стукнулись о стол чуть ли не сразу, как они сели. Хозяин удрал, не получив платы. Род следил за его уходом, цинично подняв бровь. Он повернулся к Туану.

— Вы здесь не пользуетесь деньгами?

— Нет, — улыбнулся Туан.— Все приходящие в Дом Хлодвига приносят те немногие деньги, какие у них есть. Их складывают в общую копилку, а мясо и вино выдают всем по потребности.

— И место для сна, я полагаю?

— Да, и одежду. Это бедный стол, по меркам дворянина, но огромное богатство для этих моих нищих собратьев.

Род изучил лицо Туана и решил, что парень мог не шутить, когда сказал "собратьев".

Он откинулся на спинку стула и скрестил ноги.

— Ты бы назвал себя религиозным человеком?

— Я? — Туан попытался придушить смех и почти преуспел в этом.— О, нет! Должен бы быть, но меня не видели в церкви трижды двунадесять воскресений, а то и больше!

Значит, решил Род, его мотивы помощи бедным, вероятно, были не слишком лицемерными, какими бы они ни могли оказаться. Он посмотрел в свою кружку.

— Так ты кормишь и одеваешь этих людей на принесенные ими гроши, да?

— Нет, это только начало. Но со столь веским серьезным доказательством наших добрых намерений наша благородная королева нашла нас заслуживающими средств к существованию.

Род уставился на него.— Ты имеешь в виду, что королева выкладывает вашей компании на вспомоществование?

Туан озорно усмехнулся.

— Да, хотя она и не знает, кому помогает. Она не знает Дом Хлодвига по имени, знает только, что дает доброму старому Брому О'Берину деньги, чтобы позаботиться о бедняках.

— А Бром дает их вам.

— Да, а он, со своей стороны, благодарен, что стало меньше краж и убийств в темных переулках.

Род кивнул.

— Очень хитро. И все это дело — твоя идея, верно?

— О нет! Это придумал Пересмешник, но его никто бы и слушать не стал.

Род уставился на него.

— Пересмешник? Ты хочешь сказать, что этот вывернутый беглец из передачи после полуночи — босс этой операции?

Туан нахмурился, покачав головой.

— Люди не последуют за ним, друг Гэллоуглас, в нем нет ничего авторитетного. Он — трактирщик, держит постоялый двор, выдает в помощь нужное им добро — слуга и только слуга, но хороший. Ты найдешь его более умным чиновником, чем любого другого — да, даже Лорда-Казначея королевы.

— Понятно, только слуга.

Но также и человек, который держит бумажник, мысленно добавил Род. *И мозги компании, к тому же. Туан, может, и знает, как заставить людей делать то, что он хочет, но знает ли он, чего он хочет? Да, конечно, знает. Разве Пересмешник не сказал ему? Что делает Пересмешника местным политэкономом и, вероятно, составителем речей Туана.*

Род откинулся на спинку стула, потирая подбородок.

— И тебе удается держать их в этой декадентской роскоши только на приносимую нищими милостыню? Плюс, конечно, шиллинги королевы?

Туан застенчиво улыбнулся и, кивнув, нагнулся вперед.— Это не так-то легко сделать, Род Гэллоуглас. Эти нищие терпеть не могут, чтобы им указывали. Утомительный это

труд — упрашивать, угрожать, улещивать: человек изматывается от этого. И все же им вполне стоит заниматься. Род кивнул.— Для этого требуется человек без ложной гордости и с еще меньшей долей ложного стыда, и такой, который может заглянуть в сердце своего собрата.

Туан покраснел.

— Такой человек,— заметил Род,— мог бы сделаться королем нищих.

Но Туан покачал головой, закрыв глаза.

— Нет, здесь нет короля, друг Гэллоуглас. Хозяин дома, наверно, но ничего более.

— Разве ты не хочешь быть королем?

Плечи Туана затряслись от смеха.

— Нищие об этом и слушать не станут!

— Я спрашиваю не об этом.

Глаза Туана сцепились с глазами Рода, улыбка сползла с мальчишеского лица. Затем Туан уловил смысл слов Рода, и его глаза посуровели.

— Нет! — выплюнул он.— Я не жажду трона.

— Тогда зачем же ты пытаешься повести нищих против королевы? — сделал выпад Род.

Лицо Туана снова осветилось улыбкой; он откинулся на спинку стула, выглядя очень довольным собой.

— А, ты не знаешь о моем замысле! Тогда можно мне напрямик спросить тебя, друг Род, ты присоединишься к нам, когда мы пойдем на замок?

Род почувствовал, что его лицо застывает как гипс, глаза его снова встретились с глазами Туана, голос был очень спокоен:

— Почему я?

— Нам понадобится как можно больше друзей в гвардии королевы.

— У вас и так уже, должно быть, их там немало,— пробурчал Род.— Если вы уж знаете, что я сегодня вступил в гвардию.

Улыбка Туана расширилась, веки опустились.

Случайный факт со щелчком стал на место в голове Рода.

— Если бы я поискал в этом зале,— осторожно произнес он,— то нашел бы трех человек, которые напали на тебя сегодня.

Туан кивнул, глаза его бегали.

— Подстроено,— кивнул вместе с ним Род.— Небольшой спектакль, устроенный только ради меня и с единственной целью заманить меня сюда для вербовочной лекции. Ты-таки знаешь, как управлять людьми, Туан Макриди.

Туан покраснел и опустил глаза.

— Но что, если я не захочу присоединиться к вам, Туан Макриди? Покину ли я живым Дом Хлодвига этой ночью?

Туан поднял голову, вонзив взгляд в Рода.

— Только,— ответил он,— если ты превосходный фехтовальщик и чародей с головы до пят.

Род медленно кивнул, в голове у него вихрем пронеслись события последних двух дней. На миг у него возникло искушение присоединиться, он, несомненно, смог бы пробраться на трон после революции. Но нет, то, что сказал Туан, было правдой. Чтобы управляться с нищими, требовался человек с врожденным даром массового гипноза. Род мог занять трон, но нищие — и Пересмешник, и кто бы ни стоял за ним — не позволят ему сохранить его. Нет, структура власти должна оставаться такой, какая есть: конституционная монархия была единственной надеждой на демократию для этой планеты.

И потом, к тому же, была еще и Катарина... Мысли Рода стала резать диссонансная нота в партитуре событий. Он, вероятно, втюрился в Катарину — она была Мечтой. Но Туан понравился ему с первого взгляда. Как они могли оба ему нравиться, если они действительно работали друг против друга? Конечно, честное обаяние Туана могло быть игрой, но Род как-то сомневался в этом. Нет. Если Туан действительно жаждал трона, он мог бы поухаживать за Катариной; и он мог завоевать ее сердце — в этом Род ничуть не сомневался. Так, значит, Туан поддерживал королеву. Как он вычислил, что его демагогия может помочь ей, Род определить не мог, но это имело какой-то смысл, раз Туан считал, будто он добьется именно этого. Тогда зачем же такой тщательный розыгрыш, чтобы заполучить Рода в Дом Хлодвига? Чтобы испытать его, конечно, чтобы выяснить, можно ли доверять ему быть рядом с королевой. Что имело смысл, если паренек имел дело с Бромом О'Берином. Это было бы как раз похоже на Брома — попытаться разжечь народную поддержку королеве именно таким образом. Но зачем тогда пропаганда похода на замок? У Туана, наверно, был на это ответ, и если уж речь зашла об ответах, Роду было самое время дать таковой.

Он бросил Туану недобрую усмешку и поднялся, положив руку на шпагу.

— Нет, спасибо. Я рискну попробовать свои шансы в фехтовании и колдовстве.

Глаза Туана вспыхнули радостью, он схватил Рода за руку.

— Хорошо сказано, друг Гэллоуглас! Я надеялся, что ты так и ответишь. А теперь сядь и выслушай правду о моем замысле.

Род стряхнул его руку.

— Вынимай шпагу,— произнес он сквозь зубы.

— Нет, нет! Я не обнажу шпаги против друга. Я низко обманул тебя, но ты не должен гневаться. То было для благой цели. Но сядь, и я расскажу тебе.

— Я слышал все, что хотел.— Род начал было вынимать шпагу.

Туан снова схватил Рода за предплечье, и на этот раз его руку было не стряхнуть. Род посмотрел в глаза Туану, сжав челюсти и напрягая мускулы руки, но медленно и неуклонно его шпагу вынуждали убраться обратно в ножны.

— Сядь,— сказал Туан и вынудил Рода опуститься обратно на стул столь же легко, словно Род был ребенком.— А теперь выслушай мой замысел.— Туан выпустил руку Рода и улыбнулся столь же тепло, словно ничего не случилось.— Королева дает нам деньги, и нищие знают, что она это делает, но принятие подарков вызывает в принимающем лишь горячий гнев. Если мы хотим завоевать друзей для королевы, мы должны найти способ превратить этот гнев в благодарность.

Род мрачно кивнул.

— Таким образом, мы должны превратить шиллинги королевы во что-то иное, чем подарки.

— И ты нашел способ сделать это.

— Не я,— признался Туан,— но Пересмешник. "Когда подарок не подарок? — загадал он мне загадку и сам ответил:— Да когда это право".

Туан откинулся на спинку стула, разведя руки в стороны.

— И вот как это будет столь легко сделано. Нищие отправятся к замку и покричат королеве, что она должна дать им хлеб и вино, ибо это их право. А она даст им их, и они будут ей благодарны.

Род улыбнулся, потирая подбородок.

— Очень хитро,— кивнул он. Но про себя добавил:

"Если это сработает. Но этого не будет — люди, у которых есть деньги, любят отдавать их на благотворительность, но они не дадут ни гроша, если скажешь им, что они обязаны это сделать. А сколь благодарны будут нищие, когда она им откажет и позовет армию выгнать их взашей? И даже если она уступит их требованиям, что тогда? Что насчет чувства силы, которое это придаст им? Нищие, вынуждающие королеву поделиться! Они не остановятся на хлебе и мясе, нет, они вернутся через неделю с новыми требованиями, с Туаном или без него. О, да, это очень хитрый план, и Туана прекрасно засосало в него. Пересмешник не может проиграть, и точно так же не могут стоящие за ним инопланетные тоталитаристы.

Но Туан худого не желал. Намерения у него были самые благие.

Он был немного слабоват в политической теории, но намерения у него были прекрасные. Род поднял кружку для приличного глотка, затем уставился в нее, следя за коловращением подогретого вина.

— И все же некоторые говорят, что Дом Хлодвига стащит Катарину с трона.

— Нет, нет! — ответил шокированный Туан.— Я люблю королеву!

Род изучил искреннее, открытое лицо парня и сделал собственную интерпретацию данного заявления.

Он снова посмотрел в кружку.

— Так же, как и я,— сказал он с куда большей правдивостью, чем ему понравилось бы.— Но даже при этом я вынужден признать, что она, скажем... действует не совсем мудро...

Туан испустил тяжелый вздох и стиснул руки.

— Это верно, ох, как верно. У нее такие хорошие намерения, но она так плохо их проводит.

На себя лучше посмотри, философ, подумалось Роду. Вслух же он сказал: „Это как же так?"

Туан печально улыбнулся.

— Она хочет в один день исправить то, что ее праотцы натворили за века. Много зла есть в нашем королевстве, это я охотно признаю. Но кучу навоза не убрать одним взмахом лопаты.

— Верно,— признал Род.— Да и селитра под ним может оказаться взрывоопасной.

— Великие Лорды не видят, что она изгоняет дьявола,— продолжал Туан.— Они видят только то, что она хочет наполнить эту страну одним голосом, только одним — своим собственным.

— Ну.— Род поднял кружку с мрачным от неизбежности лицом.— Выпьем за нее, будем надеяться, что у нее это выйдет.

— И ты думаешь, что это возможно,— произнес Туан.— Ты — еще больший дурак, чем я, а я известен далеко и широко как самый исключительный дурак.

Род опустил кружку, не пригубив.— Ты говоришь из общего убеждения, или у тебя на уме что-то особое?

Туан свел указательные пальцы вместе.

— Трон покоится на двух ножках: primo, знать, которую оскорбляет все новое, и таким образом враждебная королеве.

— Спасибо,— поблагодарил Род с горькой улыбкой,— за открытие этой тайны.

— Предоставленные самим себе,— невозмутимо продолжал Туан,— вельможи могли бы и стерпеть ее ради любви к ее отцу, но есть советники.

— Да,— Род зажал нижнюю губу меж зубов.— Я так понимаю, что лорды делают все, что там ни скажут их советники?

— Или то, что они говорят лордам не делать, что приводит к тем же результатам. А советники говорят одним голосом — Дюрера.

— Дюрера? — нахмурился Род.— Кто он?

— Советник милорда Логайра.— Рот Туана горько скривился.— Он обладает некоторым влиянием на Логайра, что просто чудо, ибо Логайр самый упрямый человек. Таким образом, пока жив Логайр, Катарина может устоять. Но когда Логайр умрет, Катарина падет, ибо наследник Логайра ненавидит королеву.

— Наследник? — поднял брови Род.— У Логайра есть сын?

— Двое,— ответил Туан с натянутой улыбкой.— Младший — дурак, который любит своего злейшего врага, а старший — горячая голова, который любит лесть Дюрера. А посему — что скажет Дюрер, то Ансельм Логайр сделает.

Род поднял кружку.

— Давай пожелаем Логайру долгой жизни.

— Да,— пылко согласился Туан.— Ибо Ансельм давно затаил обиду на королеву.

Род нахмурился.— Какую обиду?

— Не знаю.— Лицо Туана обмякло, и он стал похож на гончего пса, страдающего от свища.— Не знаю.

Род откинулся на стуле, положив руку на эфес шпаги.— Значит, и он и Дюрер одинаково хотят падения королевы. А другие Великие Лорды последуют за ними, если умрет старый лорд Логайр. Вот и все в пользу одной ножки трона. Что же с другой?

— Secundo,— произнес Туан с салютом малолетнего бойскаута,— народ: крестьянство, ремесленники и купцы. Они любят ее за это новообретенное облегчение их забот, но они страшатся ее из-за ведьм и колдунов.

— Ах. Да. Э-э-э... ведьм и колдунов.— Род нахмурился, сумев выглядеть внимательным, востроглазым и компетентным, в то время как в мозгу у него все крутилось: *ведьмы как политический фактор?*

— ...веками,— говорил между тем Туан,— ведьм и колдунов предавали пыткам, пока они не отрекались от дьявола, или подвергали испытанию водой или, потерпев неудачу во всем остальном, сжигали на костре.

На миг Род испытал укол сочувствия к поколениям эсперов.

— Но теперь королева укрывает их, и некоторые говорят, что она сама ведьма.

Род сумел стряхнуть мысленный туман на достаточно долгий срок, чтобы прохрипеть:

— Как я понимаю, это не совсем вдохновляет народ с неослабевающим рвением сражаться за королеву и ее дело.

Туан закусил губу.

— Давай скажем так, что люди не уверены.

— Чертовски напуганы,— перевел Род.— Но я замечаю, что ты не включил нищих в состав народа.

Туан покачал головой.— Нет, они в стороне, на них косо смотрят и плюют все. И все же из этого источенного дерева я надеюсь вытесать третью ножку для трона королевы.

Род переварил эти слова, изучая лицо Туана. Он откинулся на стуле, подняв кружку.— Ты, может, как раз то, что нужно королеве, вот.— Он выпил. Опуская кружку, он сказал:— Я полагаю, что советники делают все от них зависящее, чтобы усугубить этот страх народа?

Туан покачал головой, озадаченно поморщив лоб.

— Нет, они не делают ничего подобного, можно почти подумать, будто они и не ведают, что народ жив.— Он нахмурился, глядя в свою кружку, омывая вином внутренние стенки.— И все же мало нужды говорить народу, чего он должен страшиться.

— Он и так это слишком хорошо знает?

— Да, ибо люди видели, что все ведьмы и колдуны не могут отвадить баньши от ее замка.

Род озадаченно нахмурился.

— Ну и пусть себе протопчет борозду, если ему охота! Он же не причиняет никакого вреда, не так ли?

Удивленный Туан поднял взгляд:

— Разве ты не ведаешь значения баньши, Род Гэллоуглас?

Желудок у Рода сжался, нет ничего хуже демонстрации своего неведения о местных легендах, когда ты пытаешься быть неприметным.

— Когда на крыше появляется баньши,— растолковал Туан,— кто-то в доме умрет. И каждый раз, когда баньши гулял по стене, Катарина была на волосок от смерти.

— Вот как? — поднял бровь Род.— Кинжал? Упавшая черепица? Яд?

Род откинулся на стуле, потирая подбородок.

— Яд — оружие аристократа, бедный не может его себе позволить. Кто же среди Великих Лордов так сильно ненавидит Катарину?

— Да никто,— в шоке уставился на него Туан.— Среди них нет ни одного, кто унизился бы до яда, Род Гэллоуглас. Он стал бы лишенным чести.

— Честь здесь еще считается за что-то, да? — Видя оскорбленное выражение на лице Туана, Род поспешил продолжить.— Это отбрасывает вельмож, но фокусничает кто-то с их стороны. Не советники ли это, а?

В глазах Туана появились понимание и сдержанный гнев. Он кивнул.

— Но чего они достигнут ее смертью? — нахмурился Род.— Если один из них не хочет короновать своего лорда и стать королевским советником...

Туан кивнул.

— Возможно, все они этого желают, друг Гэллоуглас.

У Рода возникло неожиданное видение Грамария, разорванного на двенадцать частей — малых королевств, постоянно воюющих друг с другом, каждое управляемое своим властителем, которым правит его советник. Японская узурпация, человек, стоящий за троном, и анархия. В Грамарие действовала внешняя сила, работали агенты с более высокой технологией и изощренной политической философией. Великие вельможи постепенно разделялись, а народ посредством Дома Хлодвига восстанавливался против знати. Двенадцать мелких королевств расколятся на воюющие графства, а графства — на приходы, и так далее, пока не возобладает всеобщая анархия. Этой внешней силой, заботливо организующей состояние анархии, были советники.

Но почему? "Почему" это могло и подождать. Сейчас важно было то, что плелся какой-то тайный заговор, и сидел он рядом с лордом Логайром, и звали его Дюрер. И его главной целью была смерть Катарины.

Замок, когда Род ехал обратно, обрисовался черным на фоне неба, и подъемный мост и опускная решетка были залиты

светом факелов. Копыта Векса глухо застучали по подъемному мосту.

Тень отделилась от полного мрака под аркой ворот — тень, что протянула руку и зажала голень Рода в тиски.

— Стой, Род Гэллоуглас!

Род опустил взгляд и, улыбнувшись, кивнул.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— Возможно,— ответил карлик, окидывая взглядом лицо Рода.— Ты должен предстать перед королевой за сие ночное дело, Род Гэллоуглас.

Когда они шли в палату аудиенций королевы, Род все еще гадал, откуда Бром мог узнать, где он был. У Брома, конечно, был шпион в Доме Хлодвига, но как сообщение могло столь быстро дойти до Брома? Дверь была массивная, дубовая, обшитая железом и задрапированная бархатом, зелено-золотым, цветом Дома королевы. Бром пробежался тренированным взглядом по двум часовым, проверяя, вся ли кожа надраена и весь ли металл сверкает. Род подарил им кивок — их лица остались деревянными. Не находится ли он под подозрением в государственной измене?

По кивку Брома один из гвардейцев постучал по двери тыльной стороной ладони. Три медленных тяжелых стука, затем широко распахнулась дверь. Род последовал за Бромом в помещение. Дверь за ним со стуком закрылась. Помещение было маленьким, но с высоким потолком, обшитым панелями из темного дерева и освещаемым только четырьмя большими свечами, стоящими на одетом в бархат столе в центре комнаты, и слабым огнем в кафельном очаге. Противоположную стену комнаты занимал огромный книжный шкаф. По обеим сторонам очага стояли два тяжелых резных кресла, еще два были придвинуты к столу. В одном из них сидела Катарина, склонив голову над большой старинной книгой в кожаном переплете. Рядом с ней лежали открытыми еще пять-шесть. Ее белокурые волосы свободно спадали ей на плечи, контрастируя с темно-коричневым платьем. Она подняла голову, ее глаза встретились с глазами Рода.

— Добро пожаловать.— Ее голос был мягким, чуть хрипловатым контральто, столь отличным от резкого сопрано в палате Совета, что Род на мгновение потерялся в догадках, может ли это быть та же самая женщина.

Но глаза были настороженными, надменными. Это была Катарина, что и говорить. Однако тяжелая корона лежала на столе рядом с ней, и она казалась несколько ниже.

— Был в Доме Хлодвига? — требовательно спросила она. Ее глаза словно вручили повестку в суд.

Род обнажил зубы в насмешливой улыбке и склонил голову в кивке.— Все именно так, как вы говорили, моя королева.— В голосе Брома звучали мрачные обертоны.— Хотя как вы узнали...

— ... не твое дело, Бром О'Берин.— Она бросила на

карлика грозный взгляд, Бром мягко улыбнулся и склонил голову.

— Как? — фыркнул Род.— Да от шпионов, конечно. Великолепная разведслужба, раз столь быстро доставила ей сообщение.

— Нет,— нахмурился Бром озадаченно.— Наши шпионы достаточно немногочисленны, ибо в сей темный век верность встречается редко, и мы совсем не держим шпионов в Доме Хлодвига.

— Никаких шпионов,— согласилась Катарина.— И все же я знаю, что ты перемолвился словом в сей день с Туаном нищих.— Голос ее смягчился, взгляд стал почти нежен, когда она посмотрела на карлика.— Бром?..

Карлик улыбнулся, склонив голову, и повернулся к двери. Он стукнул по дереву ладонью. Дверь распахнулась; Бром обернулся стоя одной ногой на пороге, и пронзил Рода недобрым взглядом из-под опущенных бровей, затем дверь за ним захлопнулась.

Катарина поднялась и скользнула к очагу. Она стояла, уставясь на пламя, сцепив руки на талии. Плечи ее опустились, и на мгновение она стала похожей на маленькую и всеми покинутую девочку — и такой прекрасной в свете очага, струящемся словно туман вокруг ее лица и плеч, что у Рода на старый знакомый лад перехватило горло. Затем ее плечи выпрямились, а голова резко повернулась к нему.

— Ты не то, чем кажешься, Род Гэллоуглас.

Род потерял дар речи. Рука Катарины блуждала по шее, играя с медальоном на горле.

Род прочистил горло чуть нервозно.

— Вот надо же, я — обыкновенный простой солдат без герба на щите, просто выполняющий свой приказ и получающий свое жалованье, и меня три раза за тридцать часов обвинили в том, что я являюсь чем-то таинственным.

— Тогда я должна думать, что это правда.— Рот Катарины скривился в насмешливой улыбке.

Она села в одно из больших дубовых кресел, крепко сжав подлокотники, и несколько минут изучала Рода.

— Кто ты, Род Гэллоуглас?

Род развел руки, пытаясь принять вид оскорбленной невинности.— Щит без герба, моя королева! Солдат удачи, не более!

— "Не более",— передразнила Катарина со злостью в голосе.— Какое у тебя ремесло, Род Гэллоуглас?

Род нахмурился, начиная чувствовать себя грызуновой стороной в игре в кошки-мышки.— Солдат, моя королева.

— Это твое развлечение,— сказала она,— твое удовольствие и твоя игра. А теперь скажи мне о своем ремесле.

Эта женщина была: а) жуткой и б) сукой, решил Род. Беда в том, что она была прекрасной сукой, а к ним Род питал слабость. Мозг его усиленно работал; он отбросил несколько

вымыслов и выбрал наиболее очевидный и, главное, правдоподобный.

— Мое ремесло — сохранять жизнь Вашего Величества.

— В самом деле! — Катарина глазами смеялась над ним.— И кто же обучил тебя этому ремеслу? Кто же столь верен, что прислал мне тебя?

Неожиданно Род вдруг увидел сквозь эту насмешливость и воинственность, что все это было маской, щитом, за которым скрывалась очень испуганная, очень одинокая девочка, та, которая хотела иметь кого-то, кому можно довериться, жаждавшая кому-то довериться. Но слишком много было предательств; она больше не могла позволить себе доверять. Он посмотрел ей в глаза, посылая ей свой самый мягкий, самый искренний взгляд, и сказал в своей лучшей психоаналитической манере.

— Я не называю господином ни одного человека, моя королева. Я сам прислал себя из любви к королеве Катарине и преданности стране Грамарий.

В ее глазах промелькнуло что-то отчаянное, ее руки стиснули подлокотники кресла.

— Любви,— прошептала она. Затем в ее взгляд снова вернулась насмешливость.— Да, любви — к королеве Катарине.— Она отвернулась, глядя на огонь.— Может, это и так. Но я думаю, что ты самый истинный друг, хотя почему я так считаю, не могу сказать.

— О, вы можете быть уверены, что я таков! — улыбнулся Род.— Вы знаете, что я был в Доме Хлодвига, хотя не хотите сказать, откуда, и вы в этом правы.

— Молчать! — оборвала она. Затем ее глаза медленно заполнили его.— И какие же дела привели тебя сей ночью в Дом Хлодвига?

Мысли она, что ли, читает?

Род почесал челюсть, микрофон в ней уловил звук...

— В моей голоВ Е, К Стыду моему, имеется некоторое смущение,— сказал он.— Как вы узнали, что я был в Доме Хлодвига?

"Здесь, Род",— откликнулся голос у него за ухом.

Катарина бросила на него взгляд, в котором явно сквозило презрение.— Да я же знала, что ты говорил с Туаном Логайром. Так где же ты мог быть, как не в Доме Хлодвига?

Очень ловко, только откуда она узнала, что он был с Туаном... Логайром? Логайр? Род уставился на нее.

— Извините, но... э... вы сказали, Туан Логайр?

Катарина нахмурилась.

— Я думал, что его звали, э... Макриди.

Катарина чуть не рассмеялась.— О, нет! Он младший сын милорда Логайра! Разве ты не знал?

Младший сын! Тогда сам Туан и был тем человеком, которого он осуждал как дурака! А его старший брат был тем человеком, который "давно затаил злобу на королеву" и являлся крупной угрозой трону.

— Нет,— ответил Род.— Я не знал.

Голос Векса прошептал: „Данные указывают на существование великолепной системы шпионажа".

Род мысленно застонал. Эти роботы оказывают огромную помощь! Он поджал губы, уставясь на Катарину.

— Вы говорите, что у вас нет никаких шпионов в Доме Хлодвига,— сказал он.— И если я допущу, что вы говорите правду, тогда это значит...

Он оставил предположение незаконченным — Векс заполнит пробел.

Миг стояла тишина, затем за ухом Рода раздалось громкое гудение, закончившееся резким щелчком. Род мысленно выругался.

Если у Катарины не было шпионов, то она, по логике, не могла знать того, что знала. Он выдал Вексу еще один парадокс, и цепи робота перегрузились. Роботы-эпилептики могли быть очень неудобными.

Катарина обожгла его взглядом.

— Разумеется, я говорю правду!

— О, я ничуть не сомневаюсь! — поднял руку Род.— Но вы же правительница и были воспитаны для этого, а один из главных уроков, который вы должны были усвоить, это лгать с невозмутимым лицом.

Лицо Катарины застыло, затем она медленно опустила голову, глядя на свои руки.

Когда она подняла взгляд, лицо ее было искажено, маска была сорвана, глаза стали прозрачными.

— И снова мое знание оказалось верным,— произнесла она, словно про себя.— Ты знаешь больше, чем солдатское ремесло, Род Гэллоуглас.

Род тяжело кивнул. Он допустил ошибку — солдаты со щитами без герба не разбирались в политике.

— Так расскажи мне,— прошептала она,— как ты попал сей ночью в Дом Хлодвига.

— Моя королева,— степенно начал Род.— На одного человека в переулке напали трое. Я помог ему отбиться. Он взял меня в Дом Хлодвига — отблагодарить стаканом вина. Вот как я повстречался с Туаном Логайром.

Брови сошлись в легкой обеспокоенной нахмуренности.

— Если бы я только могла поверить в правдивость твоих слов.

Она поднялась и подошла к очагу. Плечи ее вдруг как-то сразу поникли, а голова склонилась вперед.

— Мне понадобятся все мои друзья в этот грядущий на нас час,— произнесла она хриплым голосом.— И я думаю, ты самый истинный из моих друзей, хотя и не могу сказать почему.

Она подняла голову и посмотрела на него, и он сразу понял, что ее глаза залиты слезами.— Есть еще кому охранять меня,— произнесла она так тихо, что он едва расслышал, но глаза ее сияли сквозь слезы, и грудь Рода сжало невидимым ремнем. Горло ему тоже перехватило, глаза его горели.

Она отвернулась, закусив стиснутый кулак. Через минуту она снова заговорила дрожащим голосом:

— Скоро придет время, когда каждый из Великих Лордов провозгласит себя за или против меня, и я думаю, немногочисленны будут те, кто выйдет под моим знаменем.

Она остановилась как раз перед ним, снова коснувшись рукой медальона у себя на шее, и прошептала:

— Ты встанешь рядом со мной в тот день, Род Гэллоуглас?

Род неуклюже кивнул и выдавил что-то утвердительное В тот особый момент его ответ, вероятно, был бы тем же самым, даже если бы она потребовала его душу.

Затем она вдруг оказалась в его объятиях, он стиснул ее, и губы ее, прижавшиеся к его губам, были влажными и полными. Какое-то безвременное мгновение спустя она опустила голову и неохотно отодвинулась, держась за его руки, будто для опоры.

— Нет, я только слабая женщина,— ликующе прошептала она.— Теперь ступай, Род Гэллоуглас, с благодарностью королевы.

Она сказала что-то еще, но Род не совсем уловил, что именно; каким-то образом он очутился по ту сторону двери, идя по широкому холодному освещенному факелами коридору. Он остановился, встряхнулся, сделал доблестную попытку собраться с мыслями и пошел дальше не совсем твердым шагом.

Что бы ты ни думал о ее политических способностях, эта девица, безусловно, знает, как заставить человека служить себе.

Он споткнулся и попытался восстановить равновесие; препятствие, о которое он споткнулся, уперлось рукой ему в бедро, чтобы придать устойчивости.

— Эй, следи за своими ножищами,— проворчал Бром О'Берин,— покуда ты не полетел кувырком и не испачкал пол.

Карлик обеспокоенно изучил взглядом глаза Рода, нашел то, что искал, где-то между зрачком и роговой оболочкой глаза, и удовлетворенно кивнул. Он взял Рода за рукав и, повернувшись, повел его вперед по коридору:

— Что ты получил от Катарины, Род Гэллоуглас?

— Получил от нее? — Род нахмурился, его глаза расфокусировались.— Ну, она взяла у меня вассальную присягу...

— А!— Бром кивнул, словно соболезнуя.— Чего еще ты мог просить, Род Гэллоуглас?

Род быстро покачал головой, широко открывая глаза. Чего еще, он, черт возьми, мог просить в любом случае? Чего, во имя неба, он ожидал? И с чего, во имя седьмой улыбки Цербера, он так ошалел? Челюсти его сжались, в нем поднимался мрачный гнев. Эта сука была для него ничто — просто пешка в Великой Игре, орудие, которое можно будет использовать для установления демократии. И какого черта он сердится? На это он тоже не имел права... Черт! Ему требовался объективный анализ.

— Векс!

Он хотел прошептать это, но у него вышел крик. Бром О'Берин поднял на него нахмуренный взгляд.

— Что за векс?

— Ненадежная зубчатая передача с шатунами,— сымпровизировал Род. Куда, в любом случае, делся этот проклятый робот? Затем он вспомнил. У Векса случился припадок.

Но Бром О'Берин остановился и изучал лицо Рода подозрительным взглядом.

— Что это за слова, Род Гэллоуглас? Что такое "зубчатая передача"? И что такое "шатун"?

Род сжал губы и мысленно сосчитал до десяти. *Осторожней, парень, осторожней! Ты на краю! Ты же сорвешь дело!*

Он встретил взгляд Брома.

— Зубчатая передача — это вьючный мул, используемый рыцарем для перевозки его доспехов и оружия, — пробурчал он. —А шатун — это полоумный оруженосец.

— Полоумный? — озадаченно нахмурился Бром.

— Ну, в некотором роде эксцентричный. В моем случае, это все складывается в коня.

— Коня? — уставился на него совершенно запутавшийся Бром.

— Да. Мой конь, Векс. Сумма и итог всего моего земного имущества и тыловая часть. А также единственная душа, ну, во всяком случае, создание, которому я могу поведать о своих неприятностях.

Бром уловил последнюю фразу и вцепился в нее со всей силой утопающего. Глаза его помягчели, он понимающе улыбнулся.— Ты теперь один из нас, Род Гэллоуглас, из тех немногих, кто стоит за королеву.

Род видел сочувствие в глазах Брома и гадал, что привязало деформированного маленького человечка к службе Катарине — и вдруг возненавидел Катарину за то, что она была из тех сук, которым нравится использовать людей. Он двинулся широким шагом по коридору. Бром перешел на бег, чтобы не отстать от него.

— Если я не ошибаюсь в своем суждении о человеке,— пробурчал сквозь зубы Род,— у королевы есть еще один друг в Доме Хлодвига, и все же она называет его своим врагом. Почему так, Бром? Просто потому, что он сын ее врага герцога Логайра?

Бром остановил его, уперевшись рукой в бедро, и с полуулыбкой заглянул в глаза Роду.

— Не врага, Род Гэллоуглас, а того, кого она искренне любит: ее дяди, кровного родственника, который дал ей приют и заботился о ней пять лет, пока ее отец укрощал мятежных северных лордишек.

Род медленно поднял голову, не отрывая взгляда от глаз Брома О'Берина.

— Она выбирает странные способы показывать свою любовь.

Бром кивнул.— Да, истинно крайне странные, и все же она несомненно любит их, и герцога и его сына Туана. С миг он смотрел в глаза Роду, не говоря ни слова, потом повернулся и медленно зашагал по коридору. С минуту Род смотрел ему вслед, а потом пошел за ним.

— Эта повесть долгая и запутанная,— задумчиво произнес Бром, когда Род догнал его.— А конец и начало и ядро ее — Туан Логайр.

— Король нищих.

— Да,— тяжело кивнул Бром.— Лорд Дома Хлодвига.

— И тот, кто любит королеву?

— О, да!— Бром откинул голову, закатив глаза кверху.— Тот, кто безусловно любит королеву, будь уверен, это он тебе скажет!

— Но ты ему не веришь?

Бром сцепил руки за спиной и затопал, опустив голову.— Он либо правдив, либо самый великолепный лжец, а если он лжец, то он научился этому очень быстро. В доме отца его обучали только правде. И все же он лорд Дома Хлодвига, тех, кто утверждает, что правителя следует выбирать, как был избран, по крайней мере по их словам, древний король Хлодвиг — с одобрения тех, кем он правил.

— Но тут они малость исказили историю,— пробормотал себе под нос Род.— Но как я понимаю, их планы требуют стащить Катарину с трона?

— Да, и как же я могу тогда верить ему, когда он говорит, что любит ее?— Бром печально покачал головой.— Он самый достойный молодой человек, благородный и честный, и трубадур, который начнет воспевать вам красоты глазного зуба своей дамы столь же быстро, как выбьет шпагу из ваших рук своей рапирой. Он всегда и во всем был джентльмен, и в нем не было ничего от обмана.

— Похоже, ты знал его весьма хорошо.

— О да! Я знал, еще как знал! Но знаю ли я его теперь?— Бром испустил тяжелый вздох, покачав головой.— Они встретились, когда ей было только семь лет от роду, а ему только восемь, в замке милорда Логайра на юге, куда отец отправил ее для безопасности. Там встретились двое детей и резвились и играли — на моих глазах, ибо я должен был всегда стеречь их. Их было только двое их возраста во всем замке, а я...— он улыбнулся и горько рассмеялся,—... я был чудом, взрослым, который был меньше, чем они.— Бром улыбнулся, откинув голову назад и глядя сквозь стены коридора на давно умершие годы.— Они были тогда так невинны, Род Гэллоуглас! Да, так невинны и так счастливы! И он поклонялся ей, он рвал ей цветы на венок, хотя садовник бранил его. Ей докучает солнце? Он сделает полог из листьев! Она разбила хрустальный кубок миледи? Он возьмет вину на себя.

— Избаловал ее до испорченности,— пробурчал Род.

— Да, но он не первый разыграл для нее Тома Дурака, ибо

даже тогда она была самой прекрасной принцессой, Род Гэллоуглас. И все же над их счастьем нависала темная мрачная тень — паренек четырнадцати лет, наследник замка и владений — Ансельм Логайр. Он смотрел на них с башни, следил, как они играли в саду, с кривящимся и крайне угрюмым лицом, и один он во всей стране ненавидел Катарину Плантагенет — почему, никто не может сказать.

— И он по-прежнему ненавидит ее?

— Да, и тем самым позволяет нам желать милорду Логайру долгой жизни. Почти пять лет ненависть Ансельма мучила его, но потом он, наконец, все-таки восторжествовал. Ибо лорды севера были подавлены, и отец призвал ее обратно к себе, сюда, в свой замок. И тогда они дали обет, Туан и Катарина, она в одиннадцать лет, он в двенадцать, что они никогда не забудут друг друга, что она будет ждать, пока он не придет за ней.— Бром печально покачал своей большой лохматой головой.— Он приехал за ней, отрок девятнадцати лет, золотой принц, примчавшийся с юга на большом белом скакуне, широкоплечий, златовласый и красивый, с мускулами, заставляющими язык любой женщины заплетаться и прилипать к небу. Трубадур с лютней за плечами и шпагой на боку и тысячей экстравагантных похвал ее красоте. А его смех был таким же чистым, сердце таким же открытым и характер таким же резвым, как и тогда, когда ему было двенадцать.

Он улыбнулся Роду.

— Ей было восемнадцать, Род Гэллоуглас, и жизнь ее была спокойной и гладкой, как летний ручей. Восемнадцать лет, и созрела для мужа, и голова полна легкомысленных призрачных мечтаний, коим девушка учится из баллад и книг.

Взгляд его стал острым, но голос остался мягким, странно разносившимся в гулкой пустоте.— Разве у тебя никогда не было мечты о принцессе, Род Гэллоуглас?

Род ожег его взглядом и с трудом сглотнул.

— Продолжай,— сказал он.

Бром отвернулся, пожимая плечами.— Что тут продолжать? Она полюбила его, конечно, какая женщина не полюбила бы? Он не знал, для чего существует женщина, и я готов поклясться, что и она тоже не знала, но могло выйти так, что вместе они выяснили бы; можешь быть уверен, что у них был верный шанс.

Нахмурясь, он покачал головой.— Если бы случилось так, это увенчало бы последние дни ее юности, ибо именно той весной умер ее отец, и скипетр перешел в ее руки.

Он замолк, измеряя коридор шагами, и молчал столь долго, что Род почувствовал необходимость что-то сказать.

— Здесь нет никакой причины для ненависти, Бром О'Берин.

— О, да! Но выслушай конец сей повести, ибо только когда на ее голове оказалась корона, Катарина вдруг увидела, что Туан был младшим сыном, что он, таким образом, наследовал честь семьи, но не более. Она заявила тогда, что он не любил ее,

что он только желал ее трона, что она больше не хочет его знать, и в гневе и презрении она отослала его прочь — без должной причины, как казалось, хотя только они двое могли знать правду об этом. Она изгнала его в Дикие Земли и объявила награду за его голову, чтобы он не вернулся, и предоставила ему жить там среди зверо-людей и эльфов или умереть.

Он снова замолчал.

— И милорд Логайр поднялся во гневе,— поторопил его Род.

— Да,— проскрежетал Бром,— а с ним его вассалы, и половина знати королевства заодно. Если Туан потерпел неудачу в своих ухаживаниях, то гнев и презрение он заслужил, молвил Логайр, но изгнание полагается только за измену.

— А разве это не измена? — горячо ответила Катарина.— Посягать на мою корону?

Тогда Логайр встал высоко в холодной гордости и заявил, что Туан желал только любви Катарины, но слова его прозвенели в пустоте, ибо тот, за кого Катарина выйдет замуж, должен царствовать, и это-то и сказала ему Катарина. В ответ Логайр печально проговорил, что его сын был не изменник, а всего лишь дурак, что ухаживал за глупым избалованным ребенком, и тут Катарина снова закричала бы "измена!", не помешай ей я.

— И все же ты говоришь, что она любит их, и Логайра, и Туана?

— Да, почему же еще такая резкость?

Бром снова замкнулся в молчании.

Род прочистил горло и сказал:— Туан, кажется, не слишком долго оставался изгнанным...

— Да.— Углы рта Брома опустились.— Этот дурак будет неподалеку от нее — так он поклялся ей — даже если поплатится головой. Но с наградой за свою жизнь он должен жить, словно убийца или вор.

Род кисло улыбнулся.— И где-то он приобрел идею, что нищие вызовут меньше хлопот, если кто-то позаботится о них.

Бром кивнул. — И таким образом нищие стали некоторой силой, но Туан клянется, что он бросит все свои войска охранять тыл королевы. Он утверждает, что по-прежнему любит ее, что он будет любить ее, даже если она отрубит ему голову.

— А она, конечно,— рассудил Род,— утверждает, что нет ни одной причины в мире, по которой бы он не должен ненавидеть ее.

— И в этом она права, и все же я думаю, что Туан ее любит.

Они подошли к двери караульной, Род положил руку на засов и, обернувшись к Брому О'Берину, улыбнулся и печально покачал головой.

— Безмозглые,— произнес он.— Что она, что он.

— И самые нежно-любящие враги,— улыбнулся Бром

с оттенком раздражения.— А вот и твоя квартира, спокойной ночи.

Бром круто повернулся и ушел строевым шагом.

Род поглядел ему вслед, качая головой и мысленно ругая себя.

— Ну и дурак же я,— пробормотал он себе под нос.— Я-то думал, что он стоял за нее оттого, что в нее влюблен. А, ладно, Векс тоже, бывает, ошибается...

Большая свеча в казарме сгорела до огарка. Время в Грамарие измерялось по огромным свечам в красно-белую полоску — шесть красных колец и шесть белых. Одна свеча зажиталась на рассвете, другая — двенадцать часов спустя. Согласно этой свече было три часа утра.

Веки Рода внезапно сделались очень тяжелыми. Они казались прямо-таки свинцовыми, когда он вспомнил, что час на Грамарие был примерно равен часу двадцати минутам Галактического Стандарта. Он поплелся до своей койки и споткнулся. Предмет, за который он зацепился, издал приглушенное кряканье, Род забыл, что Большой Том спал в ногах постели, на полу.

Великан сел, зевнул и, почесываясь, поднял голову и увидел Рода.

— А, добрый вечер, мастер! Который час?

— Девятый час ночи,— тихо ответил Род.— Спи себе, Большой Том. Я не хотел тебя будить.

— Да я здесь именно для этого, мастер.— Он потряс головой, сбрасывая с себя остатки сна. Что было несколько странно, как внезапно понял Род, поскольку глаза у Тома были отнюдь не заспанными. В мозгу у Рода щелкнул синапс, и он стал достаточно внимательным и осторожным, как и подобает тайному агенту. Поэтому, чтобы не возбудить у Большого Тома подозрений, он попытался казаться даже более сонным, чем был.

— Это была длинная ночь, Большой Том,— сонно пробормотал он и упал лицом на койку. Он надеялся, что Большой Том оставит дела такими, как есть, и вернется ко сну, но он услышал глухой теплый смешок у подножия постели, и Большой Том принялся стаскивать с Рода сапоги.

— Немного покуралесили, а, мастер?— шепотом спросил он.— Да и деваха-другая за поясом, ручаюсь.

— Разбуди меня при зажигании свечи,— пробубнил в подушку Род.— Я должен ждать выхода королевы к завтраку.

— Да, мастер.— Большой Том стянул другой сапог и, посмеявшись, улегся. Род подождал, пока Том снова не начал храпеть, затем приподнялся на локтях и оглянулся через плечо. В общем, этот большой увалень казался вполне верным и восхитительно глупым, но бывали времена, когда Род гадал... Он дал голове плюхнуться обратно на подушку, закрыл глаза и приказал себе уснуть. К несчастью, сегодня ночью положение "дух-вышематерии„ не срабатывало. Все его чувства казались

обостренными до максимума. Он был готов поклясться, что ощущает каждую нить в подушке под щекой, слышит грызущую плинтус мышь, квакающую во рву лягушку, доносимый ветром веселый смех. Веки его распахнулись. Веселый смех? Он скатился с постели и подошел к высокой щели окна. Кто там, черт возьми, гулял в такое время? Луна стояла за зубчатой северной башней, через ее поверхность проносились силуэты, юные фигуры в трехмерном танце, и некоторые, казалось, оседлали помело. Ведьмы. И колдуны. В северной башне...

Род подымался по истертым ступеням винтовой лестницы башни. Гранитные стены, казалось, становились все ближе и ближе по мере того, как он поднимался. Он напоминал себе, что будучи провозглашенным эльфами чародеем — безмозглые негодники! — он подходил для членства в этом обществе. Но его желудок не принимал сообщения, он все еще требовал "драмамин„. Во рту у него пересохло совсем. Разумеется, эльфы его одобрили, но уведомили ли они об этом колдунов и ведьм? Снова нахлынули все старые сказки его детства, свободно перемешанные с образами сцен с ведьмами из "Макбета„. Теперь, когда он поразмыслил над этим, он что-то не мог вспомнить ни одного примера филантропствующей ведьмы, кроме Глинды Доброй*, а ее, собственно, нельзя было назвать ведьмой. В его пользу одно: эти колдуны и ведьмы казались достаточно счастливыми. Музыка, плывшая по лестничному колодцу, была старой ирландской джигой, и была она просолена смехом — молодым и жезнерадостным. Стена перед ним заблестела от факельного света. Он повернул за последний изгиб спирали и вошел в большую башенную комнату. В комнате был в разгаре круговой, или, скорее, шаровой танец, своего рода трехмерный хоровод. Сквозь тучи факельного дыма он разглядел пары, танцующие на стенах, на потолке, в воздухе и, при случае, на полу, то там, то тут были кучки стоящих хихикающих людей. Одежда их была яркой до предела — ну, черт возьми, она была попросту крикливой. Большинство из них держали кружки, наполняемые из большого бочонка рядом с лестницей. Они были все молоды, чуть ли не подростки. Он не мог найти ни одного лица, выглядевшего достаточно взросло, чтобы голосовать**. Род остановился на пороге, охваченный отчетливым ощущением, что ему здесь не место. Он чувствовал себя, словно классная дама на выпускном балу в средней школе, необходимым злом. Юнец, починавший бочонок, увидел Рода и ухмыльнулся.

— Привет!— крикнул он.— Ты запоздал с приходом.

В руку Рода плюхнулась полная кружка.

— Я не знал, что приду,— пробормотал Род.

---

*Глинда Добрая — волшебница из страны Оз. Волков в "Изумрудном городе„ переделал ее в Стеллу.

**В 1969 году, когда был издан роман, в США право голоса предоставлялось с 21 года.

— Будь спокоен, мы знали,— усмехнулся юноша.— Молли это предвидела, но она сказала, что ты здесь будешь полчаса назад.

— Сожалею.— Глаза Рода чуть остекленели.— Столкнулся с парой препятствий.

— А, не думай об этом. То был ее неточный вызов, а не твой, из-за вина, несомненно, и все же мы ждали тебя с тех пор, как ты ступил в замок. Эльфы сказали нам прошлой ночью, что ты чародей.

В голове у Рода мигом прояснилось.

— Ерунда! Я не более чародей, чем ты... я имею в виду...

— О, ты чародей.— Парень мудро кивнул.— Чародей, и самый могущественный. Разве ты не явился в падающей звезде?

— Это наука, а не волшебство! И я не чародей!

Юноша плутовато улыбнулся. — Знающий иль нет, ты наверняка чародей.— Он отсалютовал Роду кружкой. — И значит, один из нас.

— Э...ну, спосибо.— Род ответил таким же салютом и отхлебнул из кружки. Это было подогретое вино со специями.

Он оглядел комнату, пытаясь привыкнуть к постоянному гаму и вопиющим нарушениям законов Ньютона. Глаза его вспыхнули при виде парочки, сидевшей под одним из окон, углубившись в разговор, то есть она говорила, а он слушал. Она была красоткой с готовым лопнуть лифом, а он был худ и внимателен, его глаза горели, когда он смотрел на нее. Род цинично улыбнулся и подумал об истинных мотивах парня для такой стойкой привязанности. Девушка вспыхнула и, резко повернувшись, обожгла Рода негодующим взглядом. У Рода отвисла челюсть. Потом он, заикаясь, начал было бормотать извинения, но прежде чем они достигли его уст, девушка, смягчившись, улыбнулась, грациозно склонила голову в его сторону и отвернулась обратно к своей аудитории из одного человека. У Рода снова отвисла челюсть. Затем он протянул руку, нащупывая рукав наливающего вино, не отводя глаз от девушки. Парень положил руку на его плечо, голос его был обеспокоенным:

— Что тебя тревожит, друг?

— Та...та девушка, она может читать мои мысли?

— О, да! Мы все можем в какой-то мере, хотя она лучше большинства.

Род положил руку на голову, чтобы остановить головокружение. Телепаты. Целая комната, полная ими. Предполагалось, что во всей известной галактике было около десятка доказанных телепатов. Он снова поднял взгляд. Это была мутация или генетический дрейф, или что-то подобное. Он потянулся и прочистил горло.

— Скажи-ка, приятель...э, кстати, как тебя зовут?

— Увы мне!— Парень стукнул себя по лбу.— Чума на мою голову. Я — Тобиас, мастер Гэллоуглас, и ты должен познакомиться со всеми нами.

Он увлек Рода к ближайшей группе.

— Но... но я только хотел сказать...

— Это — Нелл, это — Андрей, это — Брайан, это — Дороти...

Спустя полчаса и пятьдесят три представления Род рухнул на деревянную лавку. Он запрокинул кружку и выпил остатки.

— Теперь,— сказал он, стукнув ею о колено,— мы оба опустошены

— А позволь мне принести тебе другою!— Тоби выхватил из его руки кружку и улетел. Буквально.

Род посмотрел, как тот плывет через комнату, в трех метрах над полом, и покачал головой. Теперь уж его ничем не поразить. Кажется, он имел на руках многообещающую колонию эсперов — левитирующих, предвидящих и телепатирующих. Но если все они могли левитировать, то как вышло, что все девушки разъезжали на помеле? Тоби появился у локтя Рода с легким звуком смещенного воздуха. Род выпучил на него глаза, затем принял вновь наполненную кружку.

— Э, спасибо. Скажи-ка, вы можете, э, левитировать и телепортироваться?

— Извиняюсь?— непонимающе нахмурился Тоби.

— Вы можете...э...летать? И...э...посылать себя из одного места в другое?

— О, да!— улыбнулся Тоби.— Это мы все умеем делать.

— Что? Летать?

— Мы все можем посылать себя из одного места в другое, нам известное. Все ребята могут летать, девушки не могут.

Ген, сцепленный с полом, подумал Род. Вслух же он сказал: "Вот потому-то они и ездят на помеле?„

— Да. Их сила — заставлять безжизненные предметы делать то, что они им велят. Мы, мужчины, не можем этого.

Ага! Еще одна сцепка, телекинез шел с Х-хромосомами, левитация — с Y. Но они все могли телепортироваться и читать мысли. Бесценная колония эсперов. И если их жизнь была сколь-нибудь похожей на жизнь всех телепатов вне этой планеты...

— И простой народ ненавидит вас за это?

Юное лицо Тоби посерьезнело до мрачности.

— Да, и знать тоже. Они говорят, что мы вступили в союз с Дьяволом. Нас ждало испытание водой или самое отвратительное поджаривание, пока не взошла на трон наша добрая королева Катарина.— Повернувшись, он крикнул:— Эй, Бриджит!

Юная девушка, самое большое тринадцати лет, вывернулась от своего партнера по танцу и появилась рядом с Тоби.

— Друг Гэллоуглас хочет узнать, как люди нас любят,— проинформировал он ее.

С детского лица слетела вся радость, глаза ее расширились и округлились, она закусила нижнюю губу. Расстегнув сзади блузку от шеи до лифа, она повернулась к ним спиной. Спина была вдоль и поперек покрыта шрамами, паутиной

рубцов — следами кошки-девятихвостки. Она повернулась обратно к Роду, когда Тоби снова застегнул ей блузку, со все еще округлыми и трагичными глазами.

— Это,— прошептала она,— всего лишь из-за подозрения, а я-то всего только была ребенком десяти лет от роду.

Желудок Рода попытался вывернуться наизнанку и выйти наружу через пищевод. Он сделал ему строгое предупреждение, и тот опустился обратно на свое обычное место. На языке остался кислый привкус желчи. Бриджит резко отвернулась и исчезла, но секунду спустя опять была со своим партнером, снова став полной легкомыслия и бьющей через край энергии. Род задумчиво нахмурился ей вслед.

— Так что сам понимаешь,— продолжил разговор Тоби,— мы крайне благодарны нашей доброй королеве.

— Она покончила с системой огня-и-воды?

— О, она отменила этот закон, но сжигание ведьм продолжается — тайком. Был только один способ защитить нас, и его-то она и выбрала: дать убежище любому из нас, кто придет сюда и попросит его.

Род медленно кивнул. — Она все же не без мудрости.

Глаза его снова набрели на Бриджит там, где она танцевала.

— Что тебя беспокоит, друг Гэллоуглас?

— Она их не ненавидит,— прохрипел Род.— У нее есть все причины в мире ненавидеть нормальных людей, но она не ненавидит.

Тоби, тепло улыбнувшись, покачал головой. — Ни она, ни любой из нас. Каждый, кто приходит в приют ковена королевы, сперва клянется жить по Христову закону.

Род медленно перевел взгляд к нему. — Понимаю,— произнес он после минутной паузы.— Ковен белых магов.

Тоби кивнул.

— Все грамарийские маги белые?

— Стыдно сказать, нет. Есть некоторые, озлобленные большими страданиями, чем наши — потерей уха, или глаза, или любимого человека, или всего вместе — они спрятались в горах Диких Земель и оттуда мстят всему человечеству.

Рот Рода растянулся в тонкую мрачную строчку, углы губ опустились.

— Их численность едва более двунадесяти,— продолжал Тоби.— Есть только трое в расцвете лет, все остальные — высохшие старухи и сморщенные старики.

— Сказочные ведьмы и колдуны,— пробурчал Род.

— Истинно, такие и есть, и о делах их шумят как раз достаточно, чтобы перекрыть рассказы о любых добрых делах, что можем совершить мы.

— Так значит, в Грамарие есть два вида колдунов и ведьм: старые и злые в горах и молодые белые — в замке королевы.

Тоби покачал головой и улыбнулся, его глаза снова вспыхнули. — Нет, кроме нас есть почти трижды двунадесять белых магов, не доверяющих королевскому обещанию убежища.

Они — лет тридцати-сорока, все хорошие люди, на самом деле, но не спешащие доверять.

Понимание осенило Рода со всей силой Откровения. Он откинулся назад, рот его сформировал безмолвное "О„, затем, часто закивав, он нагнулся вперед и сказал: «Так вот почему вы все так молоды! Приглашение королевы приняли только те ведьмы и колдуны, в которых еще осталось какое-то безрассудство и доверие! Так значит, ей досталась стайка подростков!»

Тоби ухмыльнулся от уха до уха, закивав от волнения.

— Так значит, зрелые колдуны и ведьмы,— продолжал Род,— люди очень хорошие, но они также и очень осторожны!

Тоби кивнул. Лицо его чуть отрезвело.

— Среди них есть один-два достаточно смелых, чтобы прилетать сюда. Была одна самая мудрая ведьма из всех, с юга. Она уже совсем старая. Ей ведь должно было быть довольно близко к тридцати!

Эта реплика настигла Рода прямо посреди глотка. Он поперхнулся, разинул рот, закашлялся, зачихал и вытер глаза.

— Что случилось, друг Гэллоуглас?— спросил Тоби с заботливостью, припасаемой обычно для восьмидесятилетних.

— О, ничего,— выдохнул Род.— Просто путаница между пищеводом и трахеей. От нас, стариков, знаешь ли, приходится ждать некоторых вывертов. Почему же эта мудрая ведьма не осталась?

Тоби улыбнулся, понимание и доброта просто сочились из него. — А она сказала, что мы чересчур сильно заставляем ее чувствовать свой возраст, и вернулась на юг. Если ты там попадешь в беду, то только кликни ее имя, Гвендайлон, и она тут же окажет тебе больше помощи, чем тебе надо.

— Я это запомню,— пообещал Род, немедленно забыв, так как представил себя зовущим на помощь женщину. Он чуть не зашелся в новом приступе кашля, но не посмел смеяться, так как помнил, каким он сам был чувствительным в отрочестве. Он сделал еще один глоток вина, чтобы залить свой смех, и ткнул кружкой в сторону Тоби. — Есть только еще один вопрос: почему королева вас защищает?

— Разве ты не знаешь?— уставился на него Тоби.

— Да вот, не знаю,— сладко улыбнулся Род.

— Да она же сама ведьма, дорогой друг Гэллоуглас!

Улыбка Рода растаяла.— Гм.— Он почесал кончик носа.— До меня доходили слухи на этот счет. Они верны, да?

— Вполне верны. Ведьма необученная, но тем не менее ведьма.

— Необученная?— поднял бровь Род.

— Да. Наш дар нужно разминать и упражнять, тренировать и обучать, чтобы довести до всей полноты. Катарина — природная ведьма, но необученная. Она может слышать мысли, но не в любое время, когда пожелает, и нечетко.

— Хм. Что она еще умеет делать?

— Насколько мы знаем — ничего. Она умеет только слышать мысли.

— Так, значит, она, можно сказать, удовлетворяет минимальным требованиям для вступления в профсоюз.— Род почесал за ухом.— Своего рода сподручный талант для королевы. Она должна знать все, что происходит в ее замке.

Тоби покачал головой.

— Разве ты можешь расслышать пятерых говорящих, всех сразу, друг Гэллоуглас? И слышать их все время подряд? И еще быть способным запомнить, что они говорили?

Род нахмурился и почесал подбородок.

— Можешь повторить хотя бы один разговор?— Тоби снисходительно улыбнулся и покачал головой— Конечно, не можешь. И наша королева тоже не может.

— Она могла бы записывать их...

— Да, но вспомни, она необученная, а чтобы делать из мыслей слова, нужна интенсивная тренировка даже выдающегося дара.

— Погоди,— поднял руку Род.— Ты хочешь сказать, что вы не слышите мысли как слова?

— Нет, нет, мгновенной мысли достанет на книгу слов, друг Гэллоуглас. Разве тебе нужно выкладывать мысли словами для того, чтобы иметь их?

— Понятно,— кивнул Род.— Квантовая механика мысли.

— Странно,— пробормотал чей-то голос.

Подняв взгляд, Род обнаружил, что находится в центре приличных размеров группы юных ведьм и чародеев, явно прилетевших послушать интересный разговор. Он посмотрел на говорившего плотного юного чародея и улыбнулся с оттенком сарказма.

— Что странно?— Он гадал, как там звали этого паренька.

Парень усмехнулся.— Мартин меня зовут.— Он помолчал, чтобы посмеяться над пораженным взглядом Рода, тот все еще не привык к чтению мыслей.— А странно, что ты чародей, а не знаешь азов слышания мыслей.

— Да,— кивнул Тоби,— ты единственный известный нам чародей, друг Гэллоуглас, который не может слышать мысли.

— Э, да.— Род провел по щетине.— Ну, как я упомянул немного ранее, я не настоящий чародей. Видите ли...

Его прервал дружный взрыв смеха. Он вздохнул и покорился своей репутации.

Затем он вернулся к прежней линии расспросов.

— Я так понял, что некоторые из вас могут слышать мысли, как слова.

— О, да,— подтвердил Тоби, вытирая глаза.— Есть у нас одна такая.

Он повернулся к кольцу слушателей.

— Олдис здесь?

Пухленькая хорошенькая шестнадцатилетняя девушка протолкалась в передний ряд.

— Кого мне надо для вас послушать, сэр?

В мозгу Рода промелькнула искра. В его глазах появился злой блеск.— Дюрера. Советника милорда Логайра.

Олдис сложила руки на коленях, устроилась поудобнее, сидя очень прямо. Она уставилась на Рода, глаза ее потеряли фокусировку. Затем она принялась говорить высоким монотонным, в нос, голосом.

— Как вам угодно, милорд. И все же я не могу понять, истинно ли вы верны?

Голос ее упал на две октавы по тону, но сохранил свою монотонность.

— Негодяй! Ты имеешь наглость оскорблять меня в лицо?

— Нет, милорд,— поспешно ответил высокий голос. — Я не оскорбляю вас, а только ставлю под вопрос мудрость ваших действий.

Дюрер, подумал Род. Высокий голос принадлежал Дюреру, практиковавшемуся в своем занятии — заботе о манипуляции герцогом Логайром.

— Вспомните, милорд, она всего лишь ребенок. Добро ли это по отношению к ребенку — дозволять ему своевольничать? Или добром будет отшлепать ее, когда она в этом нуждается?

С минуту стояло молчание, затем более глухой голос лорда Логайра медленно ответил: "В том, что ты говоришь, есть какая-то доля истины. Разумеется, в ее попытке взять власть в свои руки в вопросе назначения священников есть что-то от избалованного ребенка.„

— Но, милорд,— пробормотал высокий голос.— Это же идет вразрез с традициями и мудростью людей намного старше ее самой. Воистину, как это ни горько, но это действия непослушного ребенка.

— Возможно,— прогромыхал Логайр.— И все же она королева, а слово королевы — закон.

— Даже если королева издает дурные законы, милорд?

— Ее действия не дурные, Дюрер.— Глухой голос принял угрожающий оттенок.— Неверные, безрассудные и необдуманные, плохо рассчитанные, ибо добро, кое они принесут сегодня, может завтра принести гибель на наши головы. Наверное, глупые законы, но дурные — нет.

Высокий голос вздохнул. — Возможно, милорд. И все же она угрожает чести своих вельмож. Разве это не дурно?

— Это,— прогромыхал Логайр.— Как же это так? Да, она была надменна, более высокомерна, чем возможно, но она раньше не сделала ничего такого, что можно было бы истолковать как оскорбление.

— Да, милорд, пока еще нет.

— Ты что этим хочешь сказать?

— День этот придет, милорд.

— Какой такой день, Дюрер?

— Когда она поставит крестьян впереди знатных, милорд.

— Прекрати свои изменческие речи!— зарычал Логайр.— На колени, ничтожество, и благодари своего Бога, что я не оставляю тебя без головы!

Род глядел в лицо Олдис, все еще не отойдя от потрясения, вызванного слышанным диалогом двух бестелесных мужских

голосов, исходящих из уст хорошенькой девушки. Ее глаза постепенно снова сфокусировались. Она испустила долгий вздох и улыбнулась ему.

— Ты слышал, друг Гэллоуглас?

Род кивнул. Она развела руки, пожав плечами.

— А я ни слова не могу вспомнить из того, что говорила.

— Пусть это тебя не беспокоит, я помню все.— Род потер щетину на подбородке.— Ты действовала как канал, медиум в чистейшем смысле этого слова.

Он запрокинул голову, осушив свою кружку и кинул ее одному из юных колдунов. Юноша поймал ее, исчез и вновь появился, вручив до краев полную кружку Роду, который в притворном отчаянии покачал головой. Он откинулся назад и пригубил вино, подняв взгляд на окружавшие его юные лица, улыбающиеся и заметно сияющие от сознания своей силы.

— Вы когда-нибудь проделывали это раньше?— спросил Род.— Я имею в виду, слушали подобные внутричерепные заседания.

— Только врагов королевы,— ответила Олдис, вскинув голову.— Мы часто слушаем Дюрера.

— Вот как?— приподнял бровь Род.— Что-нибудь узнали?

Олдис кивнула.

— Он в последнее время сильно озабочен крестьянами.

Мгновение Род был совершенно неподвижен.

— Что у него за интерес к ним?

Тоби знающе усмехнулся.

— Ну, вот его последний подвиг! Он заварил свару между двумя крестьянами из личных владений королевы. Один молодой крестьянин хотел жениться на дочери старого фермера, а старик сказал — нет. И юнец воздел бы руки в отчаянии и спокойно остался бы с разбитым сердцем. Но Дюрер днем и ночью преследовал юнца, ибо известие о сватовстве парня распространилось по всем деревням, и присмотрел за тем, чтобы слух пересказывали с добавлением вопроса: разве мог юноша считаться мужем, коль позволил дряхлому болвану лишить себя любимой девушки?

Род кивнул.

— И другие крестьяне принялись задавать этот же вопрос пареньку.

— Само собой. Ехидство, издевки, насмешки — и парень однажды ночью взял да и похитил девушку и сделал ей ребенка.

Род поджал губы.

— Как я представляю, папа немножко разволновался.

Тоби кивнул.— Он приволок парня к деревенскому попу и потребовал, чтобы паренька повесили за насилие.

— А поп сказал?..

— Что это была любовь, а не насилие, и подходящим наказанием был бы брак, а не повешение.

Род усмехнулся. — Держу пари, что дети были крайне опечалены таким оборотом дела.

— Их горе было так велико, что они пустились в пляс,— хохотнул Тоби.— А старик испустил тяжелый вздох, рассудив, что такова, видно, премудрость божия, и благословил их.

— И тут снова встрял Дюрер.

— Само собой. Он поднялся перед королевой, когда та была за столом, перед всеми лордами и их леди, крича, что королева должна показать справедливость своего нового порядка, постановив сама, что было справедливо в этом деле, ибо разве эти крестьяне не были из личных владений королевы?

Род ухмыльнулся и хлопнул себя по бедру.

— Она, должно быть, готова была плюнуть ему в глаза.

— О, ты не знаешь нашу королеву!— Тоби закатил глаза к потолку.— Она бы с удовольствием воткнула ему нож меж ребер. Но на брошенный вызов надо отвечать: ей придется самой заслушать это дело, когда она в следующий раз будет держать Общий Суд.

— Общий Суд?— нахмурился Род.— Это что, черт возьми, такое?

— На один час каждый месяц королева открывает свой двор для всех своих подданных, кто желает, чтобы она их выслушала; и крестьяне, и дворяне, и духовенство являются к ней в Большой Зал. Большинство Великих Лордов только смотрят, в то время как мелкое дворянство и крестьяне приносят свои жалобы и обиды. А при следящих Великих Лордах можешь быть уверен, что обиды, на которые жалуются, будут, безусловно, мелкие.

— Вроде этого случая,— кивнул Род.— Когда будет следующий Общий Суд?

— Завтра,— ответил Тоби.— И я думаю, что Великие Лорды велят своим приученным крестьянам и духовенству протестовать против новых судей и священников королевы. Лорды, конечно, сперва подадут свой протест, а другие, попроще, откликнутся на него эхом.

Род кивнул.

— Придадут всему делу общественную огласку. Но что Дюрер надеется приобрести выталкиванием этого дела о соблазнении?

Тоби пожал плечами.— Это может знать только Дюрер.

Род, нахмурясь, откинулся к стене и отхлебнул из кружки. Он изучил окружавшие его юные лица и почесал в затылке.

— Мне это кажется сведениями, которые желательно бы знать королеве. Почему вы ей не сообщили?

Лица отрезвели. Тоби закусил губу и уставился в пол.

Род нахмурился. — Почему вы не сообщили ей, Тоби?

— Мы пытались, друг Гэллоуглас!— Парень посмотрел на Рода с немым призывом.— Мы пытались, и все же она нас не желает слушать.

Лицо Рода одеревенело. — Это как так?

Тоби беспомощно развел руками.— Посланный к ней паж вернулся со словами, что нам следует быть благодарными за

предоставленную нам ею защиту и не быть столь бестактными и наглыми, чтобы пытаться вмешиваться в ее управление.

Род задергал головой в быстрых кивках, растянув рот в мрачной усмешке.— Да, это похоже на Катарину.

— А может,— задумчиво произнес один из ребят,— это все к лучшему, ибо у нее хватает забот и без наших роковых предупреждений.

Род невесело усмехнулся.

— Да. Из-за знати и нищих у нее беспокойства больше, чем достаточно, для того, чтобы она была занята по горло.

Тобн кивнул с мудрым и серьезным видом.— Да, у нее достанет хлопот из-за советников, Дома Хлодвига и баньши у нее на крыше. У нее есть важные причины очень бояться.

— Да.— Голос Рода стал тугим, скрежещущим.— Да, у нее есть веские причины, и я думаю, что она основательно напугана.

Большой Том спал очень чутко, он сел на тюфяке, когда Род на цыпочках подошел к своей койке.

— Здоров, мастер?— прошептал он скрежещущим голосом, в котором было примерно столько же секретности, что и у лягушки-быка в течке.

Род остановился и, нахмурившись, поглядел на своего слугу.

— Да, вполне здоров. Почему бы мне не быть здоровым?

Большой Том глуповато усмехнулся. — Ты мало спишь,— объяснил он.— Я думал, может, это лихорадка.

— Нет,— с облегчением улыбнулся Род, качая головой. Он протиснулся мимо Тома.— Это не лихорадка.

— А что же такое?

Род упал спиной на постель, заложив руки за голову.— Ты, Том, когда-нибудь слышал об игре под названием "крикет"?

— Сверчок?*— нахмурился Том. — Это существо, стрекочущее на очаге, мастер.

— Да, но это также и название игры. Центр игры, понимаешь, это воротца, и одна команда пытается сбить воротца, бросая по ним мяч. Другая команда пытается защитить воротца, отбивая мяч лаптой.

— Странно,— пробормотал Большой Том, широко раскрыв глаза от удивления.— Крайне странная манера игры, мастер.

— Да,— согласился Род.— Но дальше еще хуже. Команды, понимаешь ли, меняются местами, и та команда, что прежде атаковала воротца, теперь защищает их.

Он посмотрел сквозь пальцы ног на круглое, словно в пятнах от оспы, лицо Тома.

— Нет,— пробормотал великан, смущенно мотая головой.— Какой же смысл всего этого, мастер?

Род потянулся и резко расслабился. — Смысл тот, что неважно, кто победит, но воротцам придется туго.

---

*Cricket (англ.) — сверчок.

— Да!— энергично закивал Большой Том.— Это наверняка, мастер.

— Так вот, у меня такое чувство, что здесь идет колоссальная игра в крикет, только играют три команды: советники, нищие...

— Дом Хлодвига,—пробормотал Том.

Род удивленно вскинул брови.

— Да, Дом Хлодвига. И, конечно, королева.

— Кто же тогда воротца?— спросил Большой Том.

— Я.— Род перекатился на бок, трахнул кулаком по подушке, и с блаженным вздохом опустил на нее голову.— А теперь я собираюсь поспать. Спокойной ночи.

— Мастер Гэллоуглас,— пропищал голос пажа.

Род закрыл глаза и помолился о ниспослании ему сил свыше.

— Да, паж?

— Вас зовут дожидаться выхода королевы к завтраку, мастер Гэллоуглас.

Род заставил веки подняться и поглядел в окно, небо уже порозовело от близкого рассвета. Он нахмурился и сосчитал до десяти, едва не задремав по ходу дела. Потом сделал вдох, который наполнил бы бездонную шахту, скинул ноги с постели и сел.

— Ну, отдыха нет для воротцев. Что мне делать с моей проклятой формой, Том?

Род был вынужден признать, что Катарина Плантагенет обладала хорошим драматическим инстинктом и, более того, знала, как использовать его при своем дворе. Часовые были расставлены на своих постах в обеденной зале еще до восхода солнца. Лорды и леди, имевшие привилегию — или, точнее, несчастье — разделять стол с королевой, прибыли прямо после петушиного крика. Катарина совершила свой выход только тогда, когда все собрались и прождали некоторое время, глазея на поданное мясо. И только тогда она вышла к ним. Двери в зал широко распахнулись, открывая стоящую в море факельного света Катарину. Шесть герольдов затрубили в фанфары, при звуке которых все лорды и леди поднялись, а Род содрогнулся, высота тона в этой культуре была более-менее делом вкуса. Затем Катарина вошла в зал, высоко подняв голову и откинув назад плечи. Она прошла четверть пути к большому позолоченному креслу во главе стола у стены. Герцог Логайр шагнул вперед и отодвинул кресло. Катарина опустилась с грацией и легкостью перышка. Логайр сел по правую руку от нее, и остальное общество последовало их примеру. Катарина взяла двузубую вилку, и общество сделало то же, в то время как из четырех углов зала налетели слуги в ливреях с деревянными тарелками, наполненными беконом и колбасой, маринованной селедкой, белыми булочками и мисками с чаем и супом. Каждую тарелку сперва подносили Брому О'Берину, туда, где он сидел, слева от королевы. Бром брал

пробу с каждой тарелки, съедал кусочек каждого блюда и помещал оставшееся на тарелке перед собой. Затем огромные деревянные тарелки были расставлены по всему столу. К этому времени Бром, обнаружив, что он еще жив, передал наполненное блюдо Катарине.

Общество со смаком принялось за еду, и желудок Рода напомнил ему, что все, попавшее туда этой ночью, было вином со специями.

Катарина изысканно отправляла в рот свою еду с оригинальным, не лучше, чем у пичужки, аппетитом. Ходили слухи, что она перед официальным застольем перекусывала в уединении своих апартаментов. Даже если и так, она была такой худенькой, что лично Род находил этот слух сомнительным.

Слуги носились туда-сюда с бутылями вина и огромными мясными пирогами.

Род стоял на посту у восточной двери. Таким образом, у него был достаточно хороший обзор Катарины там, где она сидела, в северном конце стола, милорда Логайра по правую руку от нее, Дюрера по правую руку от Логайра и затылка Брома О'Берина. Дюрер нагнулся и зашептал что-то своему лорду. Логайр нетерпеливо отмахнулся и кивнул. Он в один прием оторвал от мяса здоровенный кусок, пережевал, проглотил и залил глотком вина. Опустив кубок на стол, он повернулся к Катарине и прогрохотал:

— Ваше Величество, я озабочен.

Катарина бросила на него холодный взгляд.

— Мы все озабочены, милорд Логайр. Мы должны нести бремя своих забот, насколько это в наших силах.

Губы Логайра плотно сжались, его рот почти что затерялся между усами и бородой.— Моя забота,— ответил он,— о вашей особе и благополучии вашего королевства.

Катарина вернулась к своему блюду, с большой заботой отрезая кусок свинины. — Я должна надеяться,что благополучие моей особы и впрямь повлияет на благополучие моего королевства.

Шея Логайра побагровела, но он упрямо гнул свое.

— Я рад, что Ваше Величество понимает, что угроза вашему благополучию есть угроза нашему королевству.

Кожа меж бровей Катарины наморщилась, она обратила нахмуренное лицо к Логайру.— Я и впрямь понимаю.

— Зная, что жизни королевы угрожают, народ испытывает сильное беспокойство.

Катарина положила вилку и откинулась на спинку кресла. Голос ее был мягким, даже ласковым.

— Значит, моей жизни угрожают, милорд?

— Кажется, так,— осторожно промолвил Логайр,— ибо баньши снова был на вашей крыше прошлой ночью.

Род навострил уши. Губы Катарины спрятались, зажатые меж зубами, а глаза закрылись. За столом воцарилось молчание. Во внезапной тишине прогремел голос Брома О'Берина:

— Баньши часто видели на стене замка Ее Величества, и все же она еще жива.

— Молчать!— оборвала его Катарина. Плечи ее выпрямились, она нагнулась вперед и взяла свой кубок.— Я не желаю слышать о баньши.

Она осушила кубок, а затем отставила руку с ним в сторону. — Слуга, еще вина!

Дюрер сорвался со своего места и в один миг очутился рядом с королевой. Выхватив кубок из ее руки, он повернулся к подбежавшему слуге. Он держал кубок, пока слуга наполнял его из кувшина, а весь двор пялил глаза — такая любезность по отношению к королеве была со стороны Дюрера несколько необычной. Кубок наполнился, и Дюрер, опустившись на колено, протянул его королеве. Катарина уставилась на него, затем медленно приняла кубок.

— Благодарю вас, Дюрер, и все же должна признаться, что никак не ожидала от вас такой любезности.

Глаза Дюрера блеснули. Он поднялся с насмешливой улыбкой и очень низко поклонился.

— Пейте на здоровье, моя королева.

Но Род был чуточку менее доверчив, чем королева, более того, он видел, что Дюрер провел левой ладонью над кубком перед тем, как слуга начал наполнять его. Род покинул свой пост и поймал кубок как раз тогда, когда Катарина поднесла его к губам. Она, побледнев, уставилась на него, в глазах ее разгорелась ярость.

— Я вас не звала, сударь.

— Прошу прощения, Ваше Величество.— Род отстегнул от пояса кинжал, выкинул клинок на стол и наполнил коническое ножны вином. Слава небесам, он принял меры предосторожности, снова включив Векса, прежде чем заступил на дежурство!

Он протянул руку вперед, держа серебряный рог, и сказал:

— ЧелоВ Е К Слаб, Ваше Величество. Со стыдом признаюсь, что я не могу проанализировать своих действий, дело лишь в том, что я опасаюсь за жизнь Вашего Величества.

Весь гнев Катарины растворился в завороженности от действий Рода.

— Что,— показала она на серебряный рог,— что это такое?

— Рог единорога,— ответил Род и, подняв взгляд, посмотрел в глаза Дюрера, горящие яростью.

— Анализ завершен,— прошептал голос у него за ухом.— Субстанция ядовита для человеческого метаболизма.

Род мрачно улыбнулся и нажал мизинцем на шишку на конце рога..."Рог единорога" стал пурпурным. Весь двор ахнул от ужаса, так как все знали легенду, что рог единорога становится пурпурным, если в него поместить яд. Катарина побледнела, она стиснула кулаки, чтобы скрыть дрожь. Рука Логайра сжалась в огромный кулак, глаза его сузились, когда он прожег взглядом Дюрера.

— Ничтожество, если ты как-то участвовал в этой измене...

— Милорд, вы же видели.— Голос Дюрера стал ломаться.— Я только подал кубок.

Но его горящие глаза не отрывались от глаз Рода, казалось, намекая, что Род может избавиться от многих бед и мучений, если попросту тут же на месте выпьет это вино. Роду было поручено вместе с тремя другими гвардейцами сопровождать Катарину из ее апартаментов в Большой Зал Общего Суда. Их четверка ждала перед палатами, пока не открылась дверь и не вышел, предшествуя королеве, Бром О'Берин. Двое солдат поместились впереди королевы и позади Брома, а Род и еще один гвардеец пристроились сзади нее. Они медленно двинулись направо по коридору, приноравливаясь к шагу Катарины, а королева, закутанная в тяжелый меховой плащ и обремененная тяжелой золотой короной, двигалась очень медленно. Каким-то образом она ухитрялась при этом выглядеть скорее величавой, чем неуклюжей. Когда они приблизились к Большому Залу, откуда-то выскочила одетая в бархат фигура — Дюрер.

— Прошу прощения,— обратился он, трижды поклонившись,— но я должен поговорить с Вашим Величеством.

Губы его были туго сжаты, а в глазах — гнев.

Катарина остановилась и вытянулась во весь свой рост.

А готовность-то к бою у нее номер один, подумал Род.

— Так говори же,— ответила она, глядя сверху вниз на склонившегося перед ней человечишку.— Но говори быстро, смерд.

Глаза Дюрера вспыхнули при этом обращении, термин "смерд" был зарезервирован за крестьянами. Однако он сумел сохранить почтительный вид.

— Ваше Величество, умоляю вас не терпеть никакой задержки в заслушивании петиции Великих Лордов, ибо они крайне сильно возбуждены.

— С чего бы мне задерживаться с этим?— нахмурилась Катарина.

Дюрер закусил губу и отвел взгляд.

Глаза Катарины загорелись гневом.

— Говори, смерд,— резко приказала она.— Или ты смеешь предположить, что королева страшится выслушать свою знать.

— Ваше Величество...— проговорил с большой неохотой Дюрер, а затем снова обрушился, как лавина:— Я слышал, что сегодня при дворе должно быть заслушано дело двух крестьян.

— Да.— Рот Катарины отвердел.— Это дело порекомендовано мне тобой, Дюрер.

— Глаза человечишки стрельнули в нее злым блеском, затем он снова стал сплошным подхалимским унижением.

— Я думал... я слышал... я страшился...

— Чего ты страшился?

— Ваше Величество были в последнее время более всего озабочены вашими крестьянами...— Дюрер поколебался, а затем, заикаясь, продолжил...— Я страшился... что Ваше Величество может... наверное...

Взгляд Катарины сделался жестким.

— Что я могу выслушать этих двух крестьян прежде, чем склоню свой слух к петиции моих вельмож?

— Вы не должны, Ваше Величество!— рухнул на колени Дюрер, умоляюще сложив руки.— Вы не должны сегодня идти на риск оскорбить Великих Лордов! Самой жизни вашей угрожает опасность, если вы...

— Смерд, ты что, смеешь думать, будто я страшусь?

Род закрыл глаза, сердце у него замерло в груди.

— Ваше Величество!— воскликнул Дюрер.— Я только хотел сказать, что...

— Довольно!— Катарина резко повернулась, презрительно оттолкнув тощую фигуру советника. Бром О'Берин и гвардейцы двинулись вместе с ней. Огромные дубовые двери распахнулись перед ними. Род рискнул бросить быстрый взгляд через плечо. Лицо Дюрера исказила гримаса злобной радости, глаза победоносно сверкали.

Наилучший способ заставить девчонку что-то сделать, это сказать ей: "Не делай этого".

Бром привел королевскую свиту в большое сводчатое помещение, освещенное рядом арочных окон с обеих сторон. Пятнадцатью метрами выше через зал тянулась, словно хребет, потолочная балка с отходящими к гранитным стенам дубовыми ребрами. С потолка свисали две большие люстры из сварного железа с горящими в канделябрах свечами. Они поднялись на тронное возвышение в десяти футах над полом зала. Перед ними стоял огромный золоченый трон. Бром провел их вокруг края возвышения к трону. Там гвардейцы расположились по обеим сторонам трона, а Катарина сделала последние полшага и встала, стройная и гордая, перед троном, глядя на множество людей, собравшихся внизу. Это множество выглядело образчиками всех слоев населения. Они заполнили Большой Зал — от лестницы тронного возвышения до тройных дверей в противоположном конце зала. Впереди расположились двенадцать великих вельмож, сидевших полукругом в деревянных креслах, напоминающих формой песочные часы, в двенадцати футах от ступенек трона.За ними стояли сорок-пятьдесят пожилых людей в коричневых, серых или темно-зеленых одеждах с бархатными воротниками и в маленьких квадратных фетровых шляпах. На их обширные животы спадали серебряные или золотые цепи. Бюргеры, догадался Род, местные купцы, чиновники, мастера гильдий— буржуазия. Позади них находились черные с капюшонами рясы духовенства, а за ними серовато-коричневого цвета латаная одежда крестьянства, большая часть которого, Род был уверен в этом, была прислана с замковой кухни. Таким образом, на Общем Суде присутствовали представители всех классов. Но в центре группы крестьян расположились четверо солдат в зелено-золотом — цветах королевы — а между ними стояли двое крестьян, один молодой, другой старый, оба выглядевшие перетрусившими и перепуганными почти до грани паники,

вертевшие в мозолистых руках шляпы. У старика была длинная седая борода, юнец же был чисто выбрит. Оба были в темно-коричневых рубахах из грубой ткани, тот же самый материал обвязывал их ноги, служа им брюками. Рядом с ними стоял священник, выглядевший почти настолько же не в своей тарелке, как и они.

Все глаза смотрели на королеву. Катарина очень хорошо это сознавала; она выпрямилась и сохраняла свою позу, пока в зале не наступила полная тишина. Затем она медленно села, и Бром уселся по-турецки у ее ног. Тупые концы алебард глухо стукнули о камень, когда Род и трое других гвардейцев стали вольно, отставив пики под углом в двадцать градусов.

По залу прогремел голос Брома:

— Кто в сей день предстанет перед королевой?

Вперед шагнул герольд с пергаментным свитком и зачитал список из двадцати петиций. Первой была петиция вельмож, последней — петиция двух королевских крестьян.

Руки Катарины сжали подлокотники трона. Она произнесла высоким, ясным голосом: „Господь наш сказал, что униженные будут возвышены, последние станут первыми, и посему давайте сперва заслушаем показания этих двух крестьян."

Наступил миг потрясенного молчания, старый герцог Логайр с ревом вскочил на ноги. — Показания! Вы так сильно нуждаетесь в их показаниях, что ставите эту деревенщину впереди своих высочайших вельмож!

— Милорд,— окрысилась Катарина.— Вы забываете свое место при моем дворе.

— Нет, это вы забываете! Это вы забываете уважение и традиции, и все законы, с детства усвоенные вами от вашего отца!

Старый лорд вытянулся во весь рост, пылая гневом.— Никогда,— прогремел он,— старый король не обесчестил бы так своих вассалов!

— Открой глаза, старик!— Голос Катарины был холоден и надменен.— Я хотела бы, чтобы мой отец был все еще жив, но он умер, и теперь царствую я.

— Царствую!— Губы Логайра скривились в кислой усмешке.— То не царствование, но тирания!

Потрясенный зал умолк. Затем, все нарастая, пополз шепот: „Измена! Изменаизменаизмена!"

Поднялся дрожащий Бром О'Берин.— Теперь, милорд Логайр, ты должен пасть на колени и попросить прощения у миледи королевы или же будешь навек осужден, как изменник трону.

Лицо Логайра окаменело, он вытянулся, выпрямил спину и задрал подбородок, но прежде, чем ответить, Катарина произнесла тугим, дрожащим голосом: „Никакого прощения не будет ни спрошено, ни дано. Ты, милорд Логайр, принимая во внимание оскорбления, нанесенные нашей королевской особе, отныне изгоняешься из нашего Двора и Присутствия, дабы никогда больше к нам не приближаться."

Медленно взгляд старого герцога встретился с глазами Катарины.

— Как же так, дитя?— пробормотал он, и Род с потрясением увидел слезы в уголках глаз старика.— Дитя, ты обойдешься с отцом так же, как обошлась с сыном?

Лицо Катарины стало мертвенно-бледным. Она привстала.

— Поспеши покинуть место сие, милорд Логайр!— Голос Брома дрожал от ярости.— Поспеши покинуть место сие, или же я спущу на тебя собак!

Взгляд Логайра медленно опустился на Брома. — Спустишь собак? Да, ибо ты — самый верный пес нашей королевы!— Он снова поднял глаза на Катарину.— Ах, леди, леди! Я надеялся умилостивить тебя борзым щенком, прежде чем умру.

Катарина снова села, гордо вытянувшись.— У меня есть мастифф, милорд, и пусть мои враги берегутся!

Старик медленно кивнул, его полные горя глаза никак не могли оторваться от ее лица.

— Значит, ты будешь называть меня врагом...

Катарина чуть выше вскинула подбородок.

Он круто повернулся и пошел через весь зал к выходу. Толпа раздалась перед ним, открыв широкий проход. Гвардейцы по обеим сторонам от большой центральной двери вытянулись по стойке „смирно" и распахнули порталы. Герцог резко остановился на пороге и обернулся бросить взгляд над толпой на Катарину. Его тяжелый старческий голос в последний раз наполнил зал. И голос этот был каким-то мягким, почти добрым.— И все же прими сие от меня, Катарина, кою я некогда называл своей племянницей — тебе нечего страшиться армий Логайра, пока я жив.

Он постоял с миг, не двигаясь, выдерживая взгляд Катарины. Затем он резко повернулся, взметнув полами плаща, и исчез.

Целых три вздоха двор хранил молчание, затем все, как один, поднялись одиннадцать оставшихся Великих Лордов и двинулись гуськом по проходу к большой центральной двери и последовали за Логайром в изгнание.

— Так как же она решила дело двух крестьян?— спросил Векс.

Род ехал на роботе-коне по склону за замком „для выездки",или, во всяком случае, так он сказал конюху. На самом деле ему нужен был совет Векса относительно того, Что Бы Все Это Значило.

— О,— ответил он.— Она поддержала решение приходского священника: подобающим наказанием для паренька был брак. Старику это не слишком понравилось, но Катарина держала туза в рукаве — парень должен будет содержать своего тестя на старости лет. При этом старик ухмыльнулся, а парень вышел с таким видом, словно он был совсем не уверен, что он, в конце концов, вышел победителем.

— Превосходное решение,— пробурчал Векс.— Наверное, юной леди следует поискать карьеры в юриспруденции.

— Что угодно, лишь бы это держало ее подальше от политики... Славные закаты на этой планете.

Они ехали к заходящему солнцу, красный шар разрисовал небо в красновато-золотые цвета от горизонта и почти до зенита.

— Да,— снабдил его информацией робот.— Превосходные закаты, благодаря плотности атмосферы, которая составляет почти одну и пять десятых земной нормальной. На этой широте, однако, из-за наклона оси, который равен...

— Да, да. Я записал все это в судовой журнал, когда мы приземлились. Сделай милость, оставь их в покое... Я заметил, что лучи солнца стали почти кроваво-красными...

— Соответственно,— пробормотал Векс.

— Хмм, да. Это возвращает нас к сути, не так ли? Что насчет еще одного предстоящего убийства?

— Не убийства, Род, покушения.

— Ладно, покушения. Прости мне мои термины и переходи к делу.

Векс с минуту помолчал, подставляя данные в заранее подготовленный доклад.

— Политическая ситуация на острове Грамарий заключает в себе три явные фракции: одну роялистскую и две антироялистские. Роялистская фракция состоит из королевы, ее главного советника — некоего Брома О'Берина, духовенства, королевской армии, телохранителей королевы и группы эсперов, известных под местным термином „маги".

— А как насчет судей?

— Как я собирался сказать, государственные служащие могут быть включены в роялистскую партию,за исключением тех чиновников, чья продажность делает их противниками реформы королевы.

— Хмм, да. Я забыл об этой оговорке. Есть еще кто-нибудь на стороне Плантагенетов?

— Да. Подвид Гомо Сапиенс, характеризуемый крайней карликовостью и упоминаемый под местным термином „эльфы".

— Ну, они, во всяком случае, кажется, не против нее,— пробормотал Род.

— Антироялистские партии многозначительно не объединены своей общей оппозицией трону. Первая из этих фракций — аристократическая, возглавляемая двенадцатью герцогами и графами, которых, в свою очередь, возглавляет герцог Логайр. Стоит отметить, что аристократы единодушны в своей оппозиции королеве. Такое единодушие среди аристократов феодальной культуры совершенно беспрецедентно и, таким образом, должно рассматриваться как аномалия.

— И откуда взялся этот странный объединенный фронт?

— Это единодушие может быть отнесено к присутствию группы, называемой советниками, каждый из которых служит

в качестве консультанта одному из двенадцати Великих Лордов. Физическая согласованность данной группы указывает...

Род резко повернул голову, уставясь на уши робота-коня.

— Что-что?

— Каждый из советников физически характеризуется сутулостью, крайней худобой, скудными черепными волосами, бледной кожей и общим видом пожилого возраста.

— Оч-чень интересно!— поджал губы Род.— Я что-то не уловил в этом какого-либо значения.

— Такая физическая внешность характерна для крайне развитого технологического общества, в котором взяты под контроль проблемы долгожительства, метаболической регулировки и подверженности воздействию ультрафиолета.

— Современная медицина и салон красоты при баре,— кивнул Род.— Но что, по-твоему, объясняет их горбатую фигуру?

— Мы можем предполагать, что это часть подобострастной манеры, применяемой данной группой. Крайности данного поведения указывают, что оно неестественно для упомянутых людей.

— Финалев закон реверса,— кивнул Род.— Дальше.

— Целью роялистской фракции является увеличение мощи центральной власти. Цель советников, похоже, заключается в ликвидации центральной власти, результатом чего будет такая форма политической организации, которая известна как власть военачальников.

— Которая,— заключил Род,— своего рода анархия.

— Именно, и мы, таким образом, должны допустить возможность, что советники могут лелеять замысел политического раскола воеводства через приходы, дабы прийти к полной анархии.

— И поэтому-то они и затеяли убить Катарину.

— Точное наблюдение; ухватятся за любой шанс ликвидировать центральную власть.

— А это означает, что она в опасности. Давай-ка возвратимся в замок.

Он натянул поводья, но Векс отказался поворачивать.

— Она не в опасности, Род, пока еще нет. Мифология данной культуры требует, чтобы перед смертью на крыше жилища должен был быть замечен призрак, известный как баньши. А баньши не может появиться до наступления ночи.

Род посмотрел на небо. Были сумерки; на горизонте все еще виднелся отблеск пылания заката.

— Ладно, Векс. У тебя есть пятнадцать минут, может быть, полчаса.

— Доказательства происхождения советников из высокотехнического общества,— монотонно продолжал робот,— указывают, что группа прибыла с другой планеты, поскольку единственная культура на данной планете — это культура Королевства Катарины, которая характеризуется средневековой

технологией. Другая антироялистская партия также носит признаки инопланетного происхождения.

— По-моему, я уже это слышал,— задумчиво произнес Род.— Прокручиваем заново, да?

— Конечно, вторая антироялистская фракция известна как Дом Хлодвига — название, происходящее от предполагаемого элективного процесса избрания древних королей. Рядовой состав Дома Хлодвига включает нищих, воров и других преступников и отверженных. Номинальный лидер — изгнанный аристократ Туан Логайр.

— Минутку,— прервал его Род.— Номинальный лидер?

— Да,— подтвердил Векс.— Поверхностная структура Дома Хлодвига, кажется, граничит с толпой, но более глубокий анализ открывает жесткую суборганизацию, одна из функций которой — добыча пропитания и одежды для членов Дома.

— Но именно этим и занимается Туан!

— Разве? Кто снабжает Дом Хлодвига всем необходимым для жизни, Род?

— Ну, Туан дает деньги трактирщику, той кривобокой мартышке, которую они зовут Пересмешником.

— Именно.

— Так ты говоришь,— медленно произнес Род,— что Пересмешник использует Туана как добывателя фондов и марионеточного вождя, в то время как настоящий босс — это Пересмешник.

— Именно на это,— сказал Векс,— кажется, и указывают данные. Какова физическая внешность Пересмешника, Род?

— Отталкивающая.

— А как он заработал свою кличку "Пересмешник"?

— Ну, предполагается, что он своего рода Человек с Тысячью Лиц...

— Ну, все же, какова его физическая внешность, Род?

— Э...— Род откинул голову, закрыл глаза, представляя себе Пересмешника.— Я бы сказал, что он ростом примерно с метр восемьдесят семь, все время горбится, словно у него искривлен позвоночник, хрупкого телосложения — очень хрупкого, выглядит так, словно он съедает, может быть, двести калорий в день — мало волос...

Глаза его расширились.

— Эй! Да он же выглядит, словно один из советников!

— И таким образом, предположительно, выходец из высокотехнического общества,— согласился Векс.— И следовательно, тоже с другой планеты. Это заключение подтверждается его политической философией, проглядывающей в речах Туана Логайра перед толпой черни...

— Так значит, Туан к тому же и рупор,— задумчиво произнес Род.— Ну, конечно же, он никогда не смог бы сам додуматься до пролетарского тоталитаризма.

— Стоит также отметить, что Пересмешник — единственный член Дома Хлодвига этого особенного физического типа.

— Да-а-а-а!— кивнул Род, потирая подбородок.— Он игра-

ет в одиночку. Весь его штат — это обученные поддерживать его местные бродяги.

— Его долгосрочной целью,— продолжил Векс,— можно считать установление диктатуры. Следовательно, ему желателен на троне кто-то, кого он сможет контролировать.

— Туан.

— Именно. Но сперва он должен ликвидировать Катарину.

— Так значит, и советники и Дом Хлодвига жаждут крови Катарины.

— Верно, и все же нет никаких указаний, что они объединили силы. Если что-то и есть, так оно, кажется, указывает на их взаимное противостояние.

— Дубликация усилий — очень неэффективно. Но, Векс, что они здесь делают?

— Мы можем предположить, что они происходят из двух противоположных обществ, одновременно желающих контролировать какие-то богатства, которые могут быть найдены на Грамарие.

Род нахмурился.

— Я что-то не слышал ни о каких редких минералах в здешней округе.

— Я думал о человеческих ресурсах, Род.

Глаза Рода расширились.

— Эсперы, конечно! Они здесь из-за колдунов и ведьм!

— Или эльфов,— напомнил Векс.

Род нахмурился.

— Что им может понадобиться от эльфов?

— У меня нет никакой доступной гипотезы, и все же эту логическую возможность приходится допускать.

— Ладно,— фыркнул Род.— Держись логической возможности, а я остаюсь с ведьмами и колдунами. Всякий, кто сможет сделать корнер на рынке телепатов, сможет контролировать галактику. Эй!— в ужасе оторопел он.— Они, вероятно, и впрямь могли бы контролировать Галактику.

— Ставки,— пробормотал Векс,— высоки.

— У меня будут свои...— начал было Род, но его прервал громкий парящий вой, скрежещущий, словно гвоздем по стеклу.

Векс развернулся. Род поглядел обратно на замок.

На стене пылала тусклая фигура, как раз ниже восточной башни. Словно светящаяся гнилушка или блуждающий огонек. Она, должно быть, была огромной, даже на таком расстоянии Род мог различить детали. Она была обряжена в лохмотья савана, сквозь которые Род различал пышное женское тело, но голова была кроличья, и у морды были заостренные зубы.

Баньши снова принялся выть низким стоном, который поднялся до пронзительного крика, затем попытался дойти до визга — визга, который стоял, стоял и стоял, пока Род не почувствовал, что у него готовы лопнуть барабанные перепонки.

— Векс,— выдохнул он.— Что ты видишь?

— Баньши, Род.

Род проскакал, пробежал сквозь и через пять пар часовых

по дороге к покоям королевы. Но там, в дверях, он встретил непреодолимый шлагбаум трехфутовой высоты — Брома О'Берина, стоявшего широко расставив ноги и уперев руки в бока.

— Ты долго ехал,— пробурчал коротыш. Лицо его было свекольно-красным от гнева, но в глубине глаз таился страх.

— Я прискакал как только мог быстро,— тяжело дыша, ответил Род.— Она в опасности?

Бром хмыкнул.— Да, в опасности, хотя пока еще нет никаких признаков ее. Ты должен стоять на страже сей ночью рядом с ее постелью, чародей.

Род напрягся. — Я,— сказал он,— не чародей, я простой солдат удачи, которому довелось немного узнать науки.

Бром нетерпеливо махнул рукой.

— Не время перебрасываться словами. Называй себя как угодно: поваром, плотником или каменщиком, все равно ты обладаешь чародейской силой. Но мы теряем время.

Он постучал тыльной стороной ладони по двери, та распахнулась, и вышел часовой. Он отдал честь и посторонился. Бром мрачно улыбнулся и прошел через дверь.

— Все еще не доверяешь мне находиться у тебя за спиной, а?

— Не совсем.

— Именно это я и сказал.

Часовой вошел следом за ними и закрыл дверь. Комната была большая, с четырьмя узкими закрытыми ставнями окнами по одной стороне. Пол был покрыт меховыми коврами, стены завешаны шелком, бархатом и гобеленами. В небольшом очаге трещал огонь. Катарина сидела на широкой постели с пологом на четырех столбах, прикрытая до пояса стеганым одеялом и мехами. Ее распущенные волосы спадали на плечи бархатного, с горностаевой оторочкой, халата. Она была окружена щебетанием фрейлин, нескольких служанок и двух пажей. Род опустился на колени рядом с постелью.

— Ваше Величество, простите мою медлительность!

Она бросила на него ледяной взгляд:

— Я не знала, что вас звали,— и отвернулась.

Род мрачно осмотрел ее. Она сидела, привалившись к восьми или десяти пуховым атласным подушкам, веки ее были опущены в ленивом довольстве, на губах ее играла полуулыбка. Она наслаждалась единственным за весь день моментом настоящей роскоши. Она могла быть в смертельной опасности, но она, безусловно, об этом не знала. Бром снова хранил тайну. Она протянула руку к одной из фрейлин, та подала ей кубок подогретого вина. Катарина грациозным движением поднесла его к губам.

— Тпру!— Род вскочил на ноги, перехватил кубок на пути к ее губам и выхватил его левой рукой, в то время как правой он вытащил свой „рог единорога".

Катарина в изумлении уставилась на него, затем глаза ее сузились, а лицо покраснело. — Что это значит, сударь?

Но Род глядел во все глаза на ножны кинжала — „рога единорога". Голос Векса произнес у него за ухом:

— Субстанция в аналитическом приборе токсична для человеческого метаболизма.

Но ведь Род еще не налил вино в рог. В нем ничего не было. Просто воздух. Род нажал шишку, превратившую рог в пурпурный. Катарина в ужасе уставилась на поверхность ножен кинжала, окрасившуюся в фиолетовый цвет.

— Сударь,— ахнула она,— что это значит?

— Ядовитый воздух,— отрезал Род. Он сунул кубок служанке и оглядел комнату. Что-то здесь испускало ядовитый газ.

Очаг. Род перешел к камину и подержал рог перевернутым над пламенем, но цвет ножен померк до бледно-лилового.

— Не тут.— Род развернулся, поднялся на ноги. Он прошел через комнату, держа рог перед собой, словно свечку. Он остался бледно-лиловым.

Род нахмурился и почесал в затылке. Куда лучше всего положить гильзу с ядовитым газом? Как можно ближе к королеве, конечно. Он повернулся, медленно двигаясь к кровати с балдахином. Когда он подошел ближе к Катарине, цвет рога потемнел до фиолетового. Катарина в ужасе и завороженно уставилась на рог. Род медленно опустился на колени. Цвет рога потемнел до пурпурного и начал переходить в черный. Род откинул простыни и взглянул под кровать. Там, перед ним, на каменном полу курилась жаровня. Род схватил за длинную рукоятку и рванул жаровню к себе. Он повернул рог над дырочками в крышке — если ему не изменяла память, жаровни обычно дырочек не имели... Рог превратился в траурно-черный. Он поднял взгляд на Катарину. Та закусила зубами костяшки пальцев одной руки, чтобы не закричать.

Род повернулся и протянул часовому жаровню.

— Возьми это,— велел он,— и вышвырни в ров.

Часовой выронил копье, схватил жаровню и вылетел вон, держа ее как можно дальше от себя.

Род медленно повернулся к Катарине.

— Мы снова обманули баньши, моя королева.

Рука Катарины, отнятая ото рта, дрожала. Затем губы ее плотно сжались, глаза крепко зажмурились, кулачки стиснулись так сильно, что побелели костяшки пальцев. Затем глаза медленно раскрылись, в них был дикий свет, а по губам скользнула слабая улыбка.

— Мастер Гэллоуглас, останьтесь со мной. Все остальные, удалитесь!

Род сглотнул и почувствовал, что у него размякают суставы. В этот миг она была самой прекрасной женщиной, какую он когда-либо видел. Гвардейцы, фрейлины и пажи были уже в движении, устремляясь в зарождающуюся в дверях пробку. Бром проорал приказ, и пробка не успела возникнуть. Через тридцать секунд комната была очищена, если не считать Рода, королевы и Брома О'Берина.

— Бром,— резко скомандовала Катарина, не сводя глаз с лица Рода. Сквозь ее улыбку начали показываться зубы.— Бром О'Берин, ты тоже оставь нас.

С миг Бром возмущенно смотрел на нее, затем плечи его поникли, и он тяжело поклонился. — Хорошо, моя королева.

Дверь тихо закрылась за ним.

Катарина медленно снова откинулась на подушку. Она потянулась с роскошной ленивой грацией и протянула руку к Роду. Стиснувшая его ладонь рука была очень мягкой.

— Уже дважды ты подарил мне жизнь, мастер Гэллоуглас.

Голос ее звучал бархатным мурлыканьем.

— Очень... большая честь для меня, моя королева.— Род выругал себя, он был неуклюж, словно подросток, пойманный за чтением „Фанни Хилл"*.

Катарина мило нахмурилась, подняв подбородок и коснувшись губ указательным пальцем. Затем она улыбнулась и перекатилась на бок. Бархатный халат приоткрылся. Тут явно существовал обычай спать нагишом.

Помни, парень,— сказал себе Род,— *ты всего лишь странствующий коммивояжер. Ты проснешься утром и отправишься дальше в путь. Ты здесь для того, чтобы продавать демократию, а не ухаживать за королевами. Нечестно пользоваться тем, что она тебе сейчас благодарна, если ты не собираешься остаться здесь и воспользоваться этим по-настоящему...*

Разве это имеет смысл?

Катарина играла с висящим у нее на шее амулетом. Зубы ее теребили нижнюю губу. Она оглядела его, словно кошка, прикидывающая размер канарейки.

— У солдат со щитами без герба,— произнесла она,— имеется соответствующая репутация...

Губы ее были влажными и очень полными.

Род почувствовал, что его губы шевелятся, услышал собственный голос, произносивший, запинаясь: „Как... как моя королева алчет исправить неполадки в своей стране, я... я надеюсь исправить репутацию солдат. Я сделаю... только то, что будет служить для блага Вашего Величества."

На миг казалось, что самая кровь Катарины, должно быть, перестала течь, так неподвижно она лежала. Затем ее глаза посуровели, и молчание в комнате растянулось, пока не стало очень-очень тонким. Она села, подбирая халат.

— Ты заслуживаешь больших похвал, мастер Гэллоуглас. Я и впрямь счастлива иметь вокруг себя столь верных слуг.

К ее большой чести при данных обстоятельствах, подумал Род, служило то, что в голосе был только легкий оттенок насмешливости.

Ее глаза снова встретились с его взглядом.

— Прими благодарность королевы за спасение ее жизни.

Род припал на колено.

---

* Роман Клиланда; считается классикой порнографии.

— Я и впрямь счастлива,— продолжала Катарина,— что мне верно служат. Ты подарил мне жизнь, и я думаю, что немногие солдаты устроили бы мне доставку в *целости* и сохранности, как это сделал ты.

Род отпрянул, как от удара.

Она улыбнулась, на миг ее глаза сверкнули злобой и удовлетворением. Затем ее взгляд упал на руки.

— А теперь оставь меня, ибо у меня завтра будет утомительный день, и я должна хорошо использовать ночь для сна.

— Как пожелает королева,— ответил Род с невозмутимым лицом. Он поднялся и повернулся к двери. В животе у него кипело от гнева — на себя. Не ее это вина, что он был дураком. Он закрыл за собой дверь, затем развернулся и всадил кулак в жесткий камень стены у входа. Нервные окончания его кулака завизжали от мучительной боли. С ноющим от боли предплечьем он повернулся лицом к коридору; там стоял дрожащий Бром О'Берин со свекольно-красным лицом.

— Ну, мне опускаться перед тобой на колени? Ты наш новый король?

Гнев в животе Рода выплеснулся в направлении Брома О'Берина. Род плотно сжал челюсти, чтобы удержать его внутри. Сузив глаза, он прожег Брома взглядом.

— Я лучше использую свое время, Бром О'Берин, чем обольщая младенцев королевской крови.

Бром уставился на него, ярость и кровь отхлынули от его лица. — То правда,— пробормотал он, кивая.— Клянусь всеми святыми, я верю, что это правда! Ибо я вижу по твоему лицу, что ты полон фурий, кричащее бешенство есть в мужестве твоем!

Род плотно зажмурил глаза. Челюсти его стиснулись так, что возникло ощущение, словно вот-вот сломаются коренные зубы. Что-то должно было сломаться. Что-то где-то должно было поддаться.

Откуда-то издалека он услышал слова Брома О'Берина: „У этого есть послание для тебя, от ведьм и колдунов в башне..."

Бром смотрел вниз и налево. Последовав за его взглядом, Род увидел эльфа, сидящего по-скорняцки у ног Брома. *Пак.* Род выпрямил плечи. Задуши гнев, дай ему выход позже. Если ведьмы и колдуны отправили сообщение, оно, вероятно, было крайне важным.

— Ну так выкладывай,— буркнул он.— Что за сообщение от ведьм?

Но Пак только покачал головой и пробормотал:

— Господи! Какие же дураки эти смертные!

Он отскочил в сторону на долю секунды раньше, чем кулак Рода вонзился в стену там, где он сидел. Род взвыл от боли и развернулся. Он увидел Пака и снова сделал выпад. Но Пак сказал: „Тихо", и нечто огромное шартрезно-мохнатое и розовое наполнило коридор: полномасштабный настоящий огнедыша-

щий дракон, ставший на дыбы и мечущий пламя. Род выпучил глаза. Затем он ухмыльнулся, оскалив зубы в жесткой радости. Дракон изрыгнул пламя и нанес удар. Род нырнул под пламя и выскочил под головой у чудовища. Его руки сомкнулись на чешуйчатой шее, большие пальцы принялись нащупывать сонную артерию. Дракон вскинул головой и хлестнул шеей, словно кнутом. Род мрачно держался, держался и держался, пока дракон молотил его о гранитные стены. Голова его хлопнулась о камень, и он заорал от боли, увидев звезды и тьму перед глазами, но лишь уплотнил свой захват. Огромная шея наклонилась и громадные когти ног скребнули по животу Рода, разрывая его от ключицы до бедра. Кровь хлынула фонтаном, и Род почувствовал себя проваливающимся в черноту, но держался, твердо решив уволочь дракона за собой в могилу. *Да, в могилу*, подумал он, изумленный, и был оскорблен тем, что умрет в результате жалкого приступа гнева, гнева из-за худенькой суки-девчонки. Но, по крайней мере, он попадет в Страну Мертвых верхом. Когда темнота уже засасывала его, он почувствовал, что огромная голова опадает, опускается все ниже и ниже, следуя за ним в могилу. Его ноги ощутили твердую землю и — просто чудо!— они удержали его. Сквозь окружающую тьму просочился свет, просочился и собрался и вырос, и он увидел зверя, лежащего мертвым у его ног. Тьма уплывала от дракона, свет показал Роду гранитные стены и парчовые драпировки, и коридор замка поплыл вокруг него, покачался и, наконец, стал устойчивым. У его ног драконьи цвета растаяли. Его контуры стали неопределенными и померкли, и зверь исчез, под ногами у Рода был только чистый черный камень. Он посмотрел на свою грудь и живот, камзол его был цел, даже без единой морщинки. Ни одного следа крови, ни царапинки на нем. Он сжал локоть, ожидая боли от ушибов — ничего. Голова у него была ясная и тоже без признаков боли. Он медленно поднял глаза на Пака. Эльф посмотрел на него большими и печальными глазами. Изумительно — он не улыбался. Род закрыл лицо руками, затем снова поднял взгляд.— Чары?

Пак кивнул.

Род отвернулся.— Спасибо.

— Ты в этом нуждался,— ответил Пак.

Род расправил плечи и глубоко вздохнул.

— У тебя есть послание для меня?

Пак снова кивнул. — Тебя зовут на собрание ковена.

Род нахмурился, покачав головой.— Но я не член союза.

Бром О'Берин хохотнул, словно включенный дизель.

— Нет, ты один из них, ибо ты — чародей.

Род открыл было рот, чтобы ответить, но подумал, что лучше не стоит, и с треском захлопнул его. Он воздел руки в жесте покорности. — Ладно, будь по-вашему. Я чародей. Только не ждите, что я в это поверю.

— Ну, ты, по крайней мере, больше не станешь этого отрицать.— Тоби наполнил Роду кружку горячим вином со

специями.— Мы знали, что ты чародей, даже прежде, чем в глаза тебя увидели.

Род пригубил вино и огляделся вокруг. Если он думал, что прошлой ночью тут шла гулянка, то это лишний раз доказывало его наивность. То были посиделки. На этот раз ребята действительно гудели. Он повернулся обратно к Тоби, проревев, чтобы услышать собственный голос:

— Не пойми меня превратно; я не хочу быть ушатом холодной воды, но по какому случаю? С чего все это празднование?

— Да ведь королева осталась в живых!— крикнул Тоби.— И ты — герой ночи! Ты послал баньши в баню!

— Герой...— откликнулся Род, перекосив лицо в кривой улыбке. Он поднял кружку и сделал большой-большой глоток.

Вдруг он резко опустил кружку, отплевываясь и кашляя.

— Что тебя беспокоит?— спросил Тоби озабоченно. Он поколотил старшего товарища по спине, пока тот не засопел и не охнул.

— Оставь,— сказал он, пожимая руку.— Я — о'кей. Просто кой о чем подумал, вот и все.

— О чем твоя дума?

— Что баньши не настоящий.

— Что ты сказал?— уставился на него Тоби.

Род сжал шею Тоби и притянул ухо парня на свой уровень.

— Слушай,— крикнул он.— Баньши появляется только перед тем, как кто-то умирает, верно?

— Да,— подтвердил озадаченный Тоби.

— Перед тем, как кто-то умирает, а не когда кому-то угрожает смерть. А королева все еще жива!

Тоби отодвинулся, уставясь на Рода.

Род улыбнулся, глаза его плясали. — Ему полагается показываться только тогда, когда смерть неизбежна.

Он повернулся, осматривая большое башенное помещение. Колдуны и ведьмы танцевали на стенах, на потолке, на полу и в воздухе с полнейшим презрением к законам гравитации. Они проворачивали такие кульбиты, которые вызвали бы и у змеи тройной прострел.

Подняв бровь, Род посмотрел на Тоби.

— Не очень-то похоже на похороны.

Тоби нахмурился, затем его лицо раскололось в усмешке.— Я думаю, ты не видел грамарийской тризны,— крикнул он.— И все же ты прав, мы пляшем сей ночью ради жизни, а не смерти.

Род недобро усмехнулся, отхлебнул еще из своей кружки и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Так вот, если это подделка, а это так, то следующий вопрос таков: кто поставил его туда?

У Тоби отвисла челюсть. Он вытаращил глаза.

— Доставь мне Олдис,— гаркнул Род.

Тоби закрыл рот, сглотнул и кивнул. Он закрыл глаза, миг

спустя Олдис спикировала вниз и привела свое помело в положение для приземления на две точки.

— Что пожелаешь?— выдохнула она.

Она раскраснелась, лицо ее светилось возбуждением и радостью. Вид ее вызвал у Рода неожиданный укол траура по собственной потерянной юности.

Он нагнулся вперед.— Посмотри, не сможешь ли ты настроиться на Дюрера, главного советника Логайра.

Она кивнула и закрыла глаза. Через несколько минут она снова открыла их и в страхе уставилась на Рода. — Они сильно разгневаны, что королева не умерла. Но они еще больше разгневаны тем, что не знают, кто поставил баньши на крышу сей ночью.

Род кивнул, сжав губы в тугую тонкую строчку. Он хлебнул последний раз из кружки и поднялся, повернувшись к лестнице.

Тоби протянул руку, схватив его за рукав.— Куда ты идешь?

— На стены,— откликнулся Род.— Где же еще искать баньши?

Ночной бриз резал холодом сквозь одежду, когда Род поднялся на стены. Луна над его головой заставляла тень шагать впереди него. Стены вытянулись перед ним, словно огромный ряд разделенных промежутками зубов.

— Векс,— тихо позвал Род.

— Здесь, Род,— прошептал голос у него за ухом.

— Этот баньши кажется, любит один отрезок стены больше других?

— Да, Род. В период нашего пребывания на Грамарие баньши появлялся под восточной башней.

— Всегда?

— Судя по неадекватным образцам — да.

Род свернул налево, зашагав на восток. — Ну, собирай себе адекватные образцы, пока я кое-что на этот счет предприму.

— Да, Род,— послушно согласился робот, сумев как-то добиться тона мученического терпения.

Род посмотрел со стен на город, расположившийся ниже них, у подножия большого холма, служившего замку фундаментом. От города к подъемному мосту извивалась длинная белая дорога с разбросанными там и сям постоялыми дворами. И там же, внизу, в гниющем сердце города стоял, словно какой-то огромный базальтовый надгробный камень, Дом Хлодвига.

Позади него раздались спотыкающиеся и шаркающие шаги. Род мигом принял стойку борца с отражающим лунный свет кинжалом в руке. Большой Том, спотыкаясь, вышел с винтовой лестницы с чем-то, обернутым поперек руки. Он остановился, оглядываясь с широко раскрытыми побелевшими глазами, вгоняя с хрипом воздух в легкие. Потом он повернулся, увидел Рода и подбежал с огромным облегчением на лице.

— Ах, мастер, ты еще цел!

Род расслабился и выпрямился, вбрасывая кинжал в ножны.

— Конечно, цел! А что ты здесь делаешь, Большой Том?

Великан остановился, на его лице заколебалась усмешка. Он опустил взгляд на холодные каменные плиты, пошаркал ногами. — Черт побери, мастер, я услышал...я...ну...— Он поднял взгляд, и слова сорвались залпом:— Ты не должен идти супротив баньши, но если ты все же идешь, то пойдешь не один.

Род долгий миг изучал лицо великана, гадая, откуда взялась вдруг такая глубокая привязанность.

Затем мягко улыбнулся.— Колени твои превратились в желе при одной лишь мысли об этом чудовище, но ты все же не отпустишь меня одного.— Усмехнувшись, он хлопнул Тома по плечу.— Ну, что же, тогда идем, Большой Том, и не стану от тебя скрывать — я, право, рад твоему обществу.

Том усмехнулся и снова опустил взгляд на каменные плиты. В лунном свете трудно было сказать наверняка, но Роду подумалось, что от ворота великана поползла по лицу легкая краска. Он повернулся и направился к башне. Том побрел рядом с ним.

— Да, вот, мастер, а то замерзнешь.— И Том нахлобучил на плечи Рода принесенный им плащ.

Теплый, дружеский жест, подумал Род, мысленно благодаря Тома. Его тронуло, что эта неуклюжая горилла беспокоится о нем — но он также сознавал, что плащ стеснял движения его ножевой руки, и был весьма уверен в том, что Том это тоже сознает.

— Не боишься, мастер?

Род, нахмурившись, обдумывал этот вопрос.

— Ну, нет, не очень-то. В конце концов, никогда не слышали, чтобы баньши причинил кому-то вред. Он просто, ну, предвещает, понимаешь? Герольд смерти и все такое.

— А все же, то чудно, что ты не боишься. Ты даже не пойдешь в тени стены, мастер?

Род мрачно посмотрел на тень вдоль зубчатой стены.

— Нет, я, когда могу, выбираю середину дороги. Я всегда предпочитаю идти прямо под солнцем, чем красться в тени по обочине дороги.

Большой Том на минуту замолк, спрятав глаза в тени.

— И все же,— заметил он,— в то или иное время человек, по необходимости, должен проходить через тень.

Род с потрясением сообразил, что Том уловил и подхватил аллегорию. Неграмотный крестьянин, разумеется! Он кивнул с таким серьезным видом, что это выглядело почти комично.

— Да, Большой Том. Бывают времена, когда приходится выбирать ту или иную сторону дороги. Но лично я остаюсь на обочинах только тогда, когда вынужден. Я предпочитаю свет.— Он усмехнулся.— Хорошая защита против духов.

— Духов!— фыркнул Том. Он быстро бросил Роду косую усмешку и отвернул взгляд, нахмурившись.— И все же, мастер,

я дивлюсь, что ты выбираешь середину дороги, ибо там на человека могут напасть с обеих сторон. И что более существенно, он не может сказать, выбрал ли он правую или левую сторону.

— Да,— согласился Род.— Но он может сказать, что выбрал середину. А что касается нападения; если дорога построена хорошо, то центр — самая высокая ее часть; мостовая склоняется направо или налево, а обочина мягкая и может поддаваться под твоей тяжестью. Человек посередине может видеть, откуда надвигаются его враги, и там твердое подножие. Обочины дороги — ненадежны. Разумеется, это — открытая позиция. Вот почему не слишком многие имеют смелость идти по ней.

С минуту они шли молча, затем Род вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о диалектическом материализме, Большой Том?

— Как?..— Голова великана вскинулась в удивлении, почти в потрясении. Он отошел, нахмурился и энергично замотал головой, бормоча:— Нет, нет, мастер, никогда, никогда.

Разумеется, Большой Том, подумал Род. Вслух же он сказал:

— Это философия Земли, Большой Том. Происхождение ее теряется в Темных Веках, но некоторые люди все еще придерживаются ее.

— А что такое Земля?— проворчал великан.

— Мечта,— вздохнул Род. — И миф.

— И ты тот, кто живет ею, мастер?

Пораженный, Род поднял взгляд.

— Чем? Мечтою о Земле?

— Нет, этим диалек... Каким волшебным словом ты ее нарек?

— А, диалектическим материализмом?— усмехнулся Род.— Нет, но я нахожу некоторые его концепции очень сподручными, вроде идеи синтеза. Ты знаешь, что такое синтез, Том?

— Нет, мастер,— покачал головой Том, округлив от удивления глаза.

Удивление, по крайней мере, было наверняка настоящим. Последнее, что мог ожидать Том, это то, что Род примется толковать и цитировать тоталитаристскую философию.

— Это средний путь,— пояснил Род. — Правая сторона дороги — это теза, а левая,— антитеза. Соедини их, и ты получишь синтез.

— Да,— кивнул Большой Том.

Весьма быстрая сообразительность для тупого крестьянина, отметил Род и продолжал:

— И теза, и антитеза в равной мере частично ложны, так что ты отбрасываешь их ложные части и соединяешь истинные — берешь от них самое лучшее, называешь результат синтезом и получаешь истину. Понимаешь?

В глазах Тома появилось осторожное выражение. Он начал понимать, куда клонит Род.

— И синтез — это середина дороги. И будучи истиной, она, естественно, неудобна.

Он поднял взгляд. Над ним вырисовывалась восточная башня. Они стояли в тени.

— Ну, хватит философствовать. Давай приниматься за работу.

— Моли небеса, чтобы баньши не свалился на нас,— простонал Большой Том.

— Не беспокойся, он показывается только раз в день, вечером, чтобы предсказать смерть в ближайшие двадцать четыре часа,— сказал Род.— Он не должен снова появляться до завтрашнего вечера.

В тени вдруг раздался неожиданный шорох. Большой Том отпрыгнул с внезапно появившимся в руке ножом.— Баньши!

Род тоже выхватил нож, пронзая взглядом темень. Глаза его встретились с двумя огненными точками у подножия стены. Род шагнул вперед, согнувшись в стойке и перебрасывая нож из правой руки в левую.

— Назови себя,— произнес он нараспев.— Или умри!

Визг и бросок, и огромная крыса стремглав пронеслась мимо него, затерявшись в тени рядом с внутренней стеной.

Большой Том чуть не рухнул от вздоха.

— Да сохранят нас святые угодники! То была только крыса.

Род попытался скрыть дрожь в собственных руках, когда нож вернулся в свои ножны.

— Кажется, многовато крыс на стенах этого замка.

Большой Том снова выпрямился, напряженный и настороже.

— Но я кое-что заметил, когда крыса побежала ко мне.— Голос Рода смолк, когда он опустился на колени у наружной стены, слегка пробежавшись ладонями по камню.— Вот!

— Что это, мастер?— овеяло щеку Рода чесночное дыхание Большого Тома.

Род взял руку великана и приложил ее к своей находке. Том с дрожью втянул в себя воздух и отдернул руку.

— Оно холодное.— Голос его трепетал:— Холодное и квадратное, и оно укусило меня!

— Укусило!— нахмурился Род и провел пальцами по металлическому ящику. Он ощутил укол слабого электрического тока и отдернул пальцы. Кто бы там ни подсоединял этот прибор, он был самым рядовым из любителей. Его даже не заземлили как следует. Ящичек было легко увидеть, коль скоро ты знал, где его искать. Он был из белого металла со стороной примерно в восемь дюймов, в два дюйма высотой, с таким углублением, чтобы его перед и верх заполнялись камнем посередине между двумя зубцами. Но если поразмыслить, это отвратительное заземление могло быть намеренным, чтобы удержать людей от вмешательства. Род вытащил кинжал, радуясь изолированной рукояти, и осторожно потыкал, открыв ящик спереди. Он смог разобрать серебристые нити печатной

схемы и плоскую квадратную коробочку интегральной микросхемы, но весь расклад занимал не больше места, чем ноготь его большого пальца. Волосы у него на голове вздыбились от беспокойства. Кто бы там ни создал это устройство, он знал о молекулярных схемах малость больше, чем инженеры на его родине. Но зачем такой большой ящичек для такой маленькой схемы? Ну, остаток ящичка был заполнен каким-то аппаратом с красивым, но совершенно не знакомым Роду механизмом. Он осмотрел верх ящичка — в его центре был установлен прозрачный кружок. Род нахмурился. Он никогда раньше не сталкивался ни с чем и близко похожим на это. Он догадывался, что схема была частью управляемой на расстоянии системы, а механические части были — чем?

— Мастер, что это?

— Не знаю,— пробормотал Род.— Но у меня подозрение, что это имеет какое-то отношение к баньши.

Он прощупал механизм кинжалом, пытаясь найти подвижную часть. Он чувствовал себя надменно-безрассудным, прибор очень легко мог оказаться разрушительным устройством, способным переместить всю эту секцию стен на полпути до Солнца. Зондирующее устройство что-то нашло — машина щелкнула и начала гудеть почти в субзвуковом диапазоне.

— Прочь, мастер!— крикнул Большой Том.— Оно проклято!

Но Род остался, где был, с рукой, замершей от страха, оттого, что острие ножа потеряет какой-то замкнутый контакт. Из прозрачного круга волнами поднялся дым, взвился на три метра в воздух, затем спал. Меньше чем за минуту сформировалось маленькое локализованное облачко. Щелкнула вторая машина где-то перед Родом, и с наружной стороны стены тьму прорезал луч света, направленный вверх, к Роду, пронзивший выше облачко дыма. Луч света рассеялся в веер.

— Баньши!— в ужасе взвыл Большой Том.— Беги, мастер, ради своей жизни!

Подняв взгляд, Род увидел возвышавшегося на десять футов над ним баньши. Казалось, что он почти мог почувствовать запах гнилых лохмотьев савана, покрывавших пышное женское тело. Кроличий рот открылся, показывая длинные заостренные зубы. Загудел, оживая, спрятанный динамик, призрак готов был начать свои завывания. Род поднял кинжал на несколько миллиметров, световой веер погас, шипение механического кувшина с дымом заглохло. Ветер зашуршал по стенам, рассеивая последние остатки дымового облака. Род неподвижно стоял на коленях, все еще глядя вверх, затем, встряхнувшись, он поднял последнюю часть ящичка и вернул ее на место.

— Мастер,— прошептал Большой Том.— Что это было?

— Заклинание,— ответил Род.— А вызванный им баньши был подделкой.— Он встал, барабаня пальцами по камню. Ткнул кулаком в стену.— Ничего не поделаешь. Давай, Большой Том, держи меня за голени.

Он лег лицом вниз между двух огромных гранитных блоков, подняв колени над машиной-кувшином-с-дымом.

— Что, мастер?

— Держи меня за голени,— отрезал Род.— Я должен посмотреть снаружи у стены. А ты должен удержать меня от падения в ров.

Том не ответил.

— Давай, давай!— оглянулся через плечо Род.— У нас не вся ночь впереди.

Большой Том медленно подошел, огромная неуклюжая фигура в тени. Его огромные ручищи сомкнулись на голенях Рода. Род осторожно двинулся вперед, пока его голова не оказалась вне камня. Там, как раз у него под подбородком, находился маленький квадратный ящичек с коротким рыльцем: миниатюрный проектор, выстреливающий заранее записанную баньши на дымовое облако, придававшее иллюзии трехмерность — очень компактный проектор и перемещаемый экран, и все чувствительно к дистанционному управлению. Откуда? Род вытянул шею. Все, что он мог разглядеть, это серый камень.

— Держи покрепче, Большой Том.

Он пополз вперед, надеясь, что угадал правильно насчет рослого крестьянина. Он перестал ползти, когда почувствовал, что гранитный край стены прижимается к пряжке его ремня. Верхняя половина его тела свободно выступала за стену замка, не имея под собой ничего, кроме воздуха, и далеко внизу — рва. Он посмотрел вниз. М-да, до рва долгий путь, не так ли? А что случится, если он неправильно судил о Большом Томе? Если вопреки его ожиданиям этот здоровенный подъемный кран выпустит голени Рода? Ну, если это случится, Векс отправит доклад в штаб-квартиру ПОИСКа, и они пришлют другого агента. Незачем беспокоиться. Хриплое, тяжелое дыхание Большого Тома звучало очень громко у него за спиной.

Кончай с этим по-быстрому, парень. Род просканировал стену под собой.

Вот она, как раз под проектором, глубокая с серебристыми линиями чаша, утопленная в стену,— гиперболическая антенна. *Почему гиперболическая* — хотелось бы ему знать. Чтобы радиоимпульс, включающий механизм проекции, мог быть очень-очень маленьким, невозможным для обнаружения за пределами прямой линии между передающей и принимающей антеннами.

Так что если хочешь найти передающую антенну, просто смотри вдоль оси приемной. И глядя вдоль этой линии и давая поправку на параллакс, он оказался глядящим прямо на гниющую базальтовую кучу Дома Хлодвига. С миг он просто смотрел, ошарашенный. Так значит, в конце концов это устроили не советники. Затем он вспомнил дюрерову попытку отравления за завтраком и поправился: это были не все время советники. И если поразмыслить над этим, выкинуть тот фокус с жаровней было намного легче слуге, чем советнику. Из этих

размышлений его вывели довольно внезапно: руки Большого Тома задрожали на его голенях.

Черт возьми, я вешу не так уж много, подумал он; но еще думая об этом, уже лез обратно.

Ему подумалась, что он услышал вздох облегчения, когда Большой Том втянул его. Род поднялся и повернулся. По лицу Большого Тома струился пот, кожа его выглядела весьма похожей на грязную воду после мытья посуды, а нижняя губа у него дрожала, когда он с шумом глубоко втянул в себя воздух. Род долгий миг смотрел в глаза великану, ничего не говоря, затем пробормотал:

— Спасибо.

Том еще с миг выдерживал взгляд Рода, а потом отвернулся. Род зашагал рядом с ним. Они были на полпути обратно к лестнице, прежде чем Большой Том произнес:

— И ты знаешь, кто послал эти чары, мастер?

Род кивнул. — Дом Хлодвига.

— Почему же ты не уничтожил их?

Род пожал плечами.— Это хорошее предупреждение, что королева в опасности, если опять появится баньши.

— Тогда кому же ты скажешь о них?

Род посмотрел на звезды.— Своему коню,— медленно ответил он.

— Коню?— нахмурился Большой Том.

— Да, своему коню. И никому более, пока не вычислю, за кого именно стоит Туан Логайр: за королеву или против нее.

— А.— Большой Том, казалось, счел это достаточным объяснением.

Род резко поднял свою оценку статуса Большого Тома. Очевидно, этот человек знал о том, что здесь происходит, куда основательнее Рода. Большой Том молчал, пока они не дошли до лестницы.

— Ты был на волоске от смерти этой ночью, мастер.

— О, я этого не думаю.— Род сложил руки на груди и прислонился к стене.— Это был всего лишь ложный баньши, он не мог причинить нам вреда. А даже будь он настоящий, я знаю заклинание, которое избавило бы нас от него.

— Я говорю не о баньши, мастер.

— Я знаю.— Род посмотрел Тому прямо в глаза.

Затем он повернулся и принялся спускаться по лестнице. Он прошел шесть ступенек, прежде чем сообразил, что Большой Том не следует за ним. Он оглянулся через плечо: Том глазел ему вслед, разинув рот от потрясения.

Затем рот закрылся, лицо застыло.

— Ты знал свою опасность, мастер?

— Знал.

Том очень медленно кивнул. Затем он опустил взгляд на ступеньки и пошел вниз.

— Мастер,— произнес он после первой лестничной площадки.— Ты либо наихрабрейший человек, либо величайший дурак, каких я когда-либо встречал.

— Вероятно, и то и другое,— сострил Род, не сводя глаз с освещенных пламенем факелов ступенек лестницы.

— Тебе следовало бы убить меня, когда ты впервые догадался.— В голосе Тома звучала резкость.

Род без слов покачал головой.

— Почему же нет?— рявкнул Том.

Род запрокинул голову и вздохнул.

— Давным-давно, Том, и далеко-предалеко... Господи! Как предалеко!

— Сейчас не время для сказок!

— Это не сказка. Это легенда и — кто знает?— возможно, быль. Один король по имени Хидэеси правил страной, называемой Япония; а величайшего герцога в той стране звали Иэясу*.

И герцог желал стать королем.

— Я вижу, ты знаком с основной техникой. Но Хидэеси не хотел убивать Иэясу.

— Он был дурак,— пробурчал Том.

— Нет, он нуждался в поддержке Иэясу. Поэтому он пригласил Иэясу прогуляться с ним по саду — только они двое, одни.

Том остановился, повернулся, оглядев Рода. Глаза его сверкнули в свете факелов. — И они подрались.

Род покачал головой.— Хидэеси сказал, что он становится стар и слаб, и попросил Иэясу понести ему меч.

Том выкатил глаза. Затем его язык быстро прошелся по зубам. Он сглотнул и кивнул: „Да. И что случилось?"

— Ничего. Они поговорили, а потом Иэясу снова отдал меч Хидэеси, и они вернулись в замок.

— И?

— И Иэясу был верен, пока старик не умер.

Глаза Большого Тома не мигали, он мог сойти за деревянного. Затем он кивнул, сомкнув губы.

— Рассчитанный риск.

— Весьма напыщенный язык для крестьянина.

Том зарычал и отвернулся. Род постоял, с миг глядя ему вслед. Затем улыбнулся и отправился за ним. Они почти вернулись в караулку, когда Том положил руку Роду на плечо. Род повернулся лицом к нему.

— Что ты?— прорычал Том.

Род улыбнулся краем рта.

— Ты имеешь в виду, на кого я работаю? Только на себя, Большой Том.

— Нет,— покачал головой Том.— Я этому не верю. Но я спрашиваю не об этом.

— Вот как?— поднял бровь Род.

— Вот так. Я имею в виду, что ты есть, ты, личность, что ты за человек?

---

*Тоетоми Хидэеси и Токугава Иэясу — японские сегуны; рассказ относится примерно к 1585 году.

— Во мне нет ничего столь уж странного,— нахмурился Род.

— Нет, есть. Ты не убьешь крестьянина между делом.

— Вот как?— уставился на него Род и поджал губы.— Это столь неординарно?

— Само собой разумеется. И ты вступишь в бой за своего слугу. И доверяешь ему. И говоришь с ним, а не просто приказываешь. Кто ты, Род Гэллоуглас?

Род покачал головой и развел руками в замешательстве, глухо рассмеявшись.— Человек. Просто человек.

Том долгий миг глядел ему в глаза.

— Да. Это так,— произнес он.— Я получил ответ.

Он повернулся к двери караульной и распахнул ее

— Мастер Гэллоуглас,— сказал паж.— Вас зовет королева.

Одно из величайших и наименее дорогих сокровищ жизни — это заря. Мир лежит, дожидаясь солнца, освещенный пылающим небом, холодный и свежий, заполненный переливами птичьего пения.

Большой Том сделал один долгий, глубокий вдох утреннего воздуха, наполнив свои легкие невинностью, которой никогда не знал.

— Эх, мастер!— крикнул он через плечо.— Вот этот мир — для человека!

Род ответил слабой улыбкой, когда Большой Том отвернулся и поскакал впереди Рода, торжествующе и со смаком напевая, хотя и несколько не в тон. К несчастью, Род не был в состоянии оценить эстетическое качество рассвета, имея около трех часов сна за последние сорок восемь часов. И потом также была еще и Катарина. Беседа была краткой и кислой. Она приняла его в палате аудиенций, но не отводила глаз от огня, ни разу не взглянула на него. Лицо ее было холодным, губы плотно сжаты.

— Я страшусь за моего дядю Логайра,— сказала она.— Вокруг него есть люди, которые возрадуются, узнав, что герцогом стал его старший сын.

Род ответил в том же жестком официальном тоне.

— Если он умрет, вы потеряете своего сильнейшего друга среди лордов.

— Я потеряю того, кто мне дорог,— отрезала она.— Меня не волнует дружба среди лордов, но я очень волнуюсь за своего дядю.

И это, размышлял Род, вероятно, было правдой — к ее чести как женщины и в ущерб как правительницы.

— Вы,— резюмировала она,— сей же час поскачете на юг во владения Логайра и присмотрите за тем, чтобы никто не причинил ему вреда.

И это крайне официальное расставание было все. Самая глупая фурия в аду — ничто в сравнении с брошенной

женщиной, подумал Род. Она отсылала как можно дальше своего самого компетентного телохранителя.

— Векс?

— Да, Род?— Конь повернул голову посмотреть на своего всадника.

— Векс, я, несомненно, величайший олух из всех рожденных.

— Ты — великий человек, Род, из рода великих людей.

— О, да, я такой великий! Вот я, предположительно превращающий это королевство в конституционную монархию, и пока я весело скачу на юг, советники рвут на части любую возможность конституции, в то время как Дом Хлодвига на грани убийства монарха! И вот я скачу на юг, со слугой, который, вероятно, с радостью воткнет мне нож меж ребер, когда его чувство долга хоть на полминуты возьмет верх над его совестью. И чего я достиг? Я установил, что в этих местах полно призраков, эльфов, ведьм, колдунов и множество других чудищ, которые не могут существовать; я вызвал у тебя пять-шесть припадков, и чтобы увенчать все это, прекрасная женщина сделала мне предложение, а я отказал! О, я такой великий, что просто невероятно! Если бы я был всего лишь чуточку поэффективней, я бы уже сумел обстряпать это дело. Векс, а не лучше ли бы я поступил, если бы просто сдался?

Робот начал тихо напевать:

Я человек постоянной печали. Видел беду я все свои дни...

— А, заткнись.

Рассвет застал их среди укосов, наполовину скошенных и тяжелых от росы. Род огляделся вокруг с вершины пригорка, рассматривая раскинувшиеся угодья и аккуратно подстриженные живые изгороди с теснящимися то тут, то там на фоне восходящего солнца деревьями.

— Большой Том!

Том повернулся в седле и оглянулся, затем натянул поводья своего коня, когда увидел, что Род остановился.

— Завтрак!— крикнул, спешившись, Род.

Он отвел Векса с дороги к скальному выступу под густой порослью дрока. Том пожал плечами и завернул коня.

К тому времени, когда Большой Том остановил своего конька и пустил его пастись, Род уже разложил и разжег костер. Великан в изумлении уставился на Рода, достающего сковородку и кофейник, затем, повернувшись, удивленно покачал головой и вытер место для сиденья на уровне ниже по склону. Он принюхался к запаху жарившейся ветчины, вздохнул и достал пачку сухарей. Род, нахмурившись, поднял взгляд и увидел, что Том сидит на мокрой траве с сухарем и бурдюком эля.

Он свел брови и крикнул: „Эй!"

Крик застал Большого Тома посреди глотка, он поперхнулся, закашлялся и поднял голову. — А, мастер?

— Моя пища недостаточно хороша для тебя?

Большой Том уставился на него, разинув рот.

— Брось, иди сюда.— Род нетерпеливо помахал рукой.— И принеси сюда эти сухари, они хорошо пойдут, зажаренные в ветчинном жире.

Большой Том несколько раз открыл и закрыл рот, затем неопределенно кивнул и встал.

Вода закипела, Род приподнял крышку кофейника и бросил туда горсть молотого кофе.

Он поднял взгляд на подошедшего Большого Тома, нахмурившего лоб и выпучившего глаза.

Уголок рта у Рода опустился. — Ну, чего глядишь? Никогда раньше не видел костра на привале?

— Ты предлагаешь мне есть вместе с моим мастером?

— Это какое-то крупное чудо?— удивился Род.— Вот, дайка хлебнуть из этого бурдюка, ладно? Дорога-то становится пыльной.

Том кивнул, все еще не сводя глаз с Рода, и протянул бурдюк. Род отхлебнул, поднял взгляд и нахмурил брови.

— Что случилось? Никогда не видел, как человек пьет? Я что, какое-то чудовище?

Рот Тома закрылся. Глаза его стали темными и задумчивыми. Затем он ухмыльнулся, рассмеялся и присел на камень.

— Нет, мастер, нет. Ты на редкость хороший человек и только, да, и только!

— Вот так так!— нахмурился Род.— Чего во мне такого редкого?

Том бросил два сухаря на сковородку и усмехнулся, подняв взгляд.— В этой стране, мастер, дворянин не принимает пищу вместе со своим слугой.

— Ах, это!— отмахнулся Род.— Здесь, на дороге, только ты да я. Мне незачем заниматься этой чепухой.

— Да,— засмеялся Большой Том.— Как я сказал, чудесно редкий человек.

— И дурак, да?— Род положил два ломтя ветчины на деревянные блюда.— Полагаю, что будем есть ножами, Том. Начинай.

Они ели в молчании. Род хмуро смотрел в свою тарелку. Том откинулся назад и разглядывал местность. Они находились в начале маленькой долины, наполненной сейчас утренним туманом — ловушкой для солнечных лучей. Солнце таилось за живыми изгородями и золотило туман. Том усмехнулся, дожевал и ткнул большим пальцем в сторону долины.

— Это конец радуги, мастер.

— Хм?— вскинул голову Род. Он кисло улыбнулся — это был, в конце концов, куда больший кувшин с золотом, чем он имел право ожидать.*

Том издал рокочущее рыгание и поковырял в зубах кинжалом. — Золотистый туман, мастер, и в нем, возможно, золотистые девушки.

---

*Согласно поверью, под концом радуги зарыт кувшин с золотом.

Род быстро сглотнул и возразил: „О нет! В этом путешествии никаких похождений на стороне, Большой Том! Мы должны попасть на юг и попасть туда быстро."

— Эх, мастер,— завыл Том в потрясенном протесте. Какой вред от еще одного часа или четырех? Кроме того,— он выпрямился и, усмехнувшись, ткнул Рода пальцем в ребро,— голову дам на отсечение, что ты превзойдешь меня. Каких девушек не может взять чародей? Э, что случилось?

Род засопел и стукнул себя в грудь. — Просто кусок сухаря вступил в спор с моим пищеводом. Том, в черт знает какой непечатный последний раз говорю, я не чародей!

— О, да, мастер, само собой!— сказал Большой Том с широченной усмешкой.— И можешь быть уверен, что ты такой же скверный лжец, как я палач!

Род нахмурился.

— Я не убил ни одного человека за то время, что был здесь!

— Да, именно это я и имел в виду.

— А.— Род повернулся и посмотрел на поля.— Ну ты, Том, вполне можешь добавить любовника к перечню дел, в которых я не хорош.

Великан выпрямился и, нахмурив брови, обыскал взглядом лицо Рода.— Воистину, по-моему, он это всерьез!

— Уж будь уверен.

Том посидел, изучая своего хозяина и подбрасывая кинжал, ловя его то за рукоять, то за лезвие.

— Да, ты говоришь то, что думаешь.— Он выпрямился, глядя Роду в глаза.— И поэтому я осмелюсь дать тебе совет

Род усмехнулся и издал глухой смех.

— Ладно, посоветуй мне. Расскажи мне, как это делается.

— Нет,— поднял ладонь Том.— Это-то, я уверен, ты знаешь, но я должен тебя предостеречь насчет этих сельских девушек, мастер.

— Вот как?

— Да, они...— Лицо Тома расплылось в широкой улыбке.— О, они великолепны, мастер, хотя и простоваты. Но...— Он снова нахмурился.— Никогда не давай им надежды.

Род тоже нахмурился.— Почему бы и нет?

— Это будет твоей погибелью. Ты можешь спокойно любиться с ними, мастер, один раз — но только один. Потом ты должен их оставить, по-быстрому, и никогда не оглядывайся.

— Почему? Превращусь в соляной столб?

— Нет, хуже, ты превратишься в мужа. Ибо, коль скоро дашь им хоть малую тень надежды, мастер, эти деревенские девушки прицепятся к тебе крепче пиявок, и ты никогда от них не избавишься.

— Был бы у меня шанс побеспокоиться об этом!— фыркнул Род.— Пошли, допивай свой кофе и по коням.

Они погасили костер и упаковались, затем поскакали в красно-золотистый туман. Они проехали, наверное, ярдов триста, когда их приветствовал протяжный альтовый голос. Род

поднял взгляд, напряженный и осторожный. На одном из полей стояли, смеясь и размахивая руками, две рослые крестьянские девушки с вилами в руках. Глаза Большого Тома зацепились за них с почти слышным щелчком.

— Эх, мастер, хорошенькие телочки, правда?

Они были хорошенькие, вынужден был признать Род, хотя никак не телочки, разве что телки. Обе они были с полными грудями и полными бедрами, одетые в свободные блузки с низким вырезом и простые юбки, с повязанными платком волосами.

Юбки у них были подоткнуты, чтобы те не промокли от росы на сене. Они призывно махали им, в их смехе слышался насмешливый вызов. Одна из них положила руки на бедра и выполнила медленное вращательное движение тазом. Большой Том с шумом втянул в себя воздух, довольно-таки сильно выпучив глаза.

— Э... мастер, ну,— взмолился он,— неужели мы так уж спешим?

Род вздохнул, закатив глаза к небу, и покачал головой.— Ну, мне было бы крайне неприятно увидеть их страдающими от пренебрежения, Большой Том. Действуй.

Том с радостным криком пришпорил коня, перемахнул через канаву и понесся галопом по полю. Он выскочил из седла прежде, чем конь замедлил бег и несся еще на рыси, поймал в каждую руку по девушке, поднял их и закружился с ними. Род медленно покачал головой, отсалютовал Тому и его подругам, затем повернул прочь, отыскивая соседний стог сена, где он мог спокойно вздремнуть.

— Род,— произнес тихий голос у него за ухом.

— Да, Векс?

— Твое поведение беспокоит меня, Род. Оно неестественно для здорового молодого мужчины.

— Это не первый раз, когда мне говорят это, Векс. Но я методичен, я не могу держать в голове сразу двух девушек.

Он нашел еще один стог сена как раз за следующей изгородью.

Род припарковался в тени, разнуздал Векса, который для поддержания вида принялся щипать сено. Род снова влез на коня, прыгнул на верхушку стога и с блаженным вздохом повалился в мягкое душистое сено. Острый запах недавно скошенного сена наполнил его голову, возвращая его в детство на поле у отцовского поместья. во время сенокоса — настоящий Эдем, без всяких там мягких половозрелых проблем, бегающих кругом и вносящих беспорядок, только роботы... Он наблюдал за проплывающими по бирюзовому небу облаками и не заметил, как задремал. Род резко проснулся и остался совершенно неподвижен, гадая, что же его разбудило. Он пробежал по каталогу ощущений, способных включить будильник, зазвонивший у него в голове. Поблизости кто-то был.. Его глаза резко распахнулись, каждый мускул тела напрягся для схватки. Но оказалось, что глядит он в лиф с низким вырезом.

Он оторвал взгляд от этого приятного пасторального зрелища — задача, требовавшая немалой силы воли — и увидел глядевшие на него два больших зеленых, как море, глаза. Они были влажные, с длинными ресницами, и выглядели обеспокоенными. Сфокусировалось и их окружение: изогнутые брови, усыпанный веснушками курносый нос, очень широкий рот с полными красными губами — все это на округлом лице, обрамленном развевающимися волосами. Полные губы были надуты, а глаза встревожены. Род улыбнулся, зевнул и потянулся.

— Доброе утро.

Надутые губы расслабились в полуулыбке.

— Доброе утро, прекрасный джентльмен.

Она сидела рядом с ним, оперевшись на одну руку и глядя ему в глаза. — Почему вы спите здесь один, сэр, когда рядом женщина только и ждет вашего слова?

Ощущение было такое, словно кто-то только что влил горькую настойку в кровеносную систему Рода, дрожь, и не совсем приятная, затопила его.

Он улыбнулся, пытаясь сделать улыбку теплой.

— Спасибо, девушка, но я сегодня не чувствую себя игривым.

Она улыбнулась, но между бровей у нее все еще заметна была суровость.— Благодарю вас за доброту, сэр, но я едва ли могу поверить вашим словам.

— Почему?— нахмурился Род.— Неужели для мужчины так уж невозможно не желать порезвиться?

Девушка издала одинокий смешок.

— О, такое может быть, милорд, но вряд ли вероятно. Даже с крестьянином вряд ли, и еще меньше с лордом.

— Я не лорд.

— Тогда дворянин. Им уж ты наверняка являешься. И значит, наверняка не будешь страдать отсутствием интереса.

— Вот так?— поднял бровь Род.— Почему?

Она печально улыбнулась.

— Но, милорд, крестьянин может страшиться вынужденного брака, но лорд — никогда.

Род снова нахмурился и изучил лицо девушки. Он подумал, что она была не намного моложе его, около двадцати девяти или тридцати. А для крестьянской девушки в такого рода обществе быть до тридцати лет незамужем...

Он выбросил руку.— Подойди сюда, девушка.

На миг в глазах девушки зажглась надежда, но она быстро растаяла, сменившись смирением. Она со вздохом упала в сено рядом с ним, перекатилась на бок и положила голову ему на плечо. Надежда, думал Род, очень даже осознавая прижавшиеся к его боку груди и бедра. Надежда быть измятой и выброшенной прочь. Он содрогнулся, и девушка озабоченно подняла голову.

— Замерз, милорд?

Он повернулся к ней и улыбнулся, неожиданная волна

благодарности и нежности комом встала в горле. Он крепче прижал ее к себе, закрыв глаза, чтобы полнее ощутить прикосновения ее тела к своему. Голову его наполнил аромат, не розового масла или сирени, а просто солено-сладкий запах женщины. Из него вытекала внутренняя боль, понял он с легким удивлением, боль, о существовании которой он не знал, пока она не стала покидать его. Она прильнула к нему, стиснув в кулачках ткань его камзола и уткнувшись щекой ему в шею. Затем, постепенно, он стал расслабляться, высвободив свои объятия. Он лежал совершенно неподвижно, давая своему фокусу медленно расшириться, снова открыть его для окружающего мира, он смутно услышал вдали птичье пение и шепот ветра по кустам и деревьям. Где-то рядом с его головой стрекотал в сене кузнечик. Ее объятия освободились одновременно с его, ее руки и голова лежали теперь на нем свинцовой тяжестью. Он не открывал глаз, солнце давило ему на веки, он лежал в алом свете, „видя" мир ушами. Раздался шорох, и ее тело отодвинулось, поднявшись от него, теперь она сидела. Должно быть, она смотрит на него, в глазах боль, нижняя губа дрожит, по щеке крадется слеза. Его захлестнула жалость, жалость к ней, гнев на себя, не ее это вина, что ему хотелось сейчас всего лишь покоя, а не романа. Он открыл глаза, перекатившись на бок, и хмуро поглядел на нее. Но не было никакой боли в ее глазах — только серьезное глубокое приятие и озабоченность. Она поднесла кончики пальцев к его щеке, робко, едва касаясь его кожи. Он поймал ее руку, приложил ладонь к челюсти и был изумлен, какой маленькой оказалась ее рука в его собственной. Он закрыл глаза, еще крепче сжав ее руку.

Голос ее был низким и очень нежным.— Милорд, используй меня, как тебе угодно. Большего я не прошу.

Большего я не прошу... Любовь, она должна получить любовь хотя бы только на минутку, даже если следом за ней тут же придет расставание, даже если, оглядываясь назад, она должна будет понять, что это было вожделение, а не любовь. Даже если это принесет только печаль и боль, она должна получить любовь. Он посмотрел ей в глаза, в них стояли слезы. Он снова закрыл глаза, и перед ним возникло лицо Катарины, а рядом с ним лицо Туана. Часть его оставалась в стороне, поодаль, и созерцала эти лица, она отмечала, как хорошо они выглядели вместе, прекрасная принцесса и доблестный юный рыцарь.

Затем рядом с Туаном появилось его собственное лицо, и СРАВНИ прошептала отстраненная часть его. СРАВНИ.

Руки Рода стиснулись, и он услышал, как крестьянская девушка издала легкий вскрик от внезапной боли. Он выпустил ее руку и посмотрел на нее, и лицо Катарины всплыло рядом с ее лицом. Он смотрел на них обеих, одну — склонную использовать его, другую — склонную быть использованной им, и неожиданно в его груди вспыхнул душный гнев, гнев на Катарину, и ее уверенность в своей правоте, и ее

решимость согнуть весь мир перед своей волей, и на эту крестьянскую девушку за ее немое приятие и глубокое смирение, за глубину ее тепла и нежности. Душившая его петля гнева сжималась все туже и туже — гнева на себя за зверя в себе самом, когда его пальцы впились в ее плечи и он притянул ее на сено. Она охнула от боли, тихо плача, пока его губы не прильнули к ее, давя, кусая и сокрушая, его пальцы сжали концы ее челюстей, вынуждая ее рот открыться и его язык с силой вонзился под ее язык. Его рука ощупывала ее тело, пальцы глубоко вонзились в плоть, все ниже и ниже, отмечая и пытая. Затем ее ногти впились в его спину, когда все ее тело сплелось узлом в едином спазме боли. Потом она высвободилась, и ее грудь тяжело поднималась и опускалась под ним в одном огромном рыдании. Половина его гнева испарилась в ничто, другая половина повернулась кругом и пронзила его, проткнув в нем что-то, высвободившее прилив раскаяния. Он перекатился на бок, сняв с нее свой груз. Губы его стали вдруг нежными и теплыми, руки его стали мягкими, медленно и утешающе ласкающими. Она втянула в себя воздух, тело ее снова напряглось.

Дурак, насмешливо бросил голос внутри него. *Дурак! Ты же только еще больше обижаешь ее!*

Готовый со стыдом отвернуться от нее, он посмотрел ей в глаза... и увидел горящую там обнаженную страсть, умолявшую и требовавшую, затягивавшую его в мощный водоворот, бушующий в нем. Губы ее раскрылись, влажные, нежные и теплые, притягивающие и податливые, увлекающие его вниз и вниз в слепые, залитые светом глубины, где не было ни зрения, ни слуха, а только осязание на осязании. Род приподнялся на локте и посмотрел на лежавшую рядом с ним обнаженную девушку с одним лишь его плащом в качестве довольно неадекватного покрывала. Он обрисовывал ее контуры, и глаза Рода блуждали по ним, упиваясь ее видом, фиксируя в уме каждую черту ее тела. Это была картина, которую он не хотел утратить. Он принялся мягко и очень нежно ласкать ее. Она улыбнулась, пробормотала что-то неразборчивое и позволила своей голове перекатиться набок. Затем ее глаза снова открылись, она искоса посмотрела на него, губы у нее были тяжелыми и томными.

— У тебя изумрудные глаза,— прошептал Род.

Она роскошно потянулась с чуть заметной улыбкой, обвила руками его шею и притянула к себе, целуя его медленно, почти сонно, и долго. Род посмотрел ей в глаза, чувствуя себя крайне удовлетворенным и очень даже в мире со всем миром. Черт, да мир мог хоть повеситься! Он снова приподнялся, глядя на нее, затем медленно отвел глаза и осмотрелся вокруг: на выгнувшуюся над головой голубизну неба...на горку одежды по обеим сторонам. Он снова опустил взгляд, теперь перед лицом у него не было ничего, кроме нее, и слегка удивленный, он обнаружил, что ему понравилось такое положение. Покой внутри него был огромным, он чувствовал, что был цельным, совершенно

довольным всем миром, жизнью, в единстве с ними и с богом, и в особенности с ней. Он дал своей руке задержаться на прикрытой плащом поверхности ее груди. Она закрыла глаза, что-то бормоча, затем, когда его рука застыла, снова посмотрела на него. Ее улыбка растаяла, в глаза ее закралась озабоченность. Она начала было что-то говорить, но остановилась и сказала вместо этого почти тревожно:

— Тебе хорошо, милорд?

Он улыбнулся с очень серьезными глазами, затем закрыл их и медленно кивнул— Да. Мне очень хорошо.

Он нагнулся, снова поцеловал ее, медленно, почти осторожно, затем приподнялся.— Да, мне хорошо. Удивительно хорошо, куда лучше, чем когда-либо бывало.

Лицо ее снова ненадолго осветилось улыбкой, затем она отвела взгляд, посмотрела на свое тело, потом снова на него взглядом, тронутым страхом. Он стиснул ее в объятиях и перекатился на спину. На миг ее тело напряглось, а потом расслабилось, она издала легкий вскрик — полурыданье-полувздох — и застыла, уткнувшись лицом в его плечо. Он оглядел разметавшиеся по его груди ее золотистые волосы, лениво улыбнулся и позволил своим глазам незаметно закрыться.

— Род,— прошептал у него за ухом голос Векса, и мир нахлынул снова. Род напрягся и щелкнул зубами, давая понять, что слышал.— Большой Том снова одет и идет к твоему стогу. Род резко выпрямился, прищурился на солнце, оно было почти в зените. Время и расстояние снова принялись донимать его.

Ну, вернемся в мир живых,— проворчал он и потянулся за одеждой.

— Милорд?

Она печально улыбнулась, но глаза ее были напряжены от боли — боли, растаявшей в покорности и смирении прямо у него на глазах.

— Память об этих мгновениях будет дорога для меня, милорд,— прошептала она, прижимая палец к груди и расширяя глаза.

Это была обреченная мольба о разуверении, которого он по-честному не мог дать, потому что никогда больше не увидит ее.

Тут до него дошло, что она ожидала отказа от всякого разуверения, ожидала, что ее выбранят за дерзость предполагать, что она чего-то стоит, что она стоила благодарности. Она знала, что мольба принесет ей боль, и все же молила, потому что женщина живет любовью, а это была женщина тридцати лет в стране, где девушки выходили замуж в пятнадцать. Она уже смирилась, что в ее жизни не будет никакой продолжительной любви. Она должна была существовать на те немногие крохи, которые могла собрать. Сердце его потянулось к ней, подтолкнутое в какой-то степени уколом самоупрека. Поэтому, конечно, он сказал ей ложь такого сорта, какую мужчины говорят женщинам только для того, чтобы утешить их, а позже понять, что это была правда.

Он поцеловал ее и сказал:

— Это была не жизнь, девушка, это было то, для чего живут.

А потом, когда он сел на коня и обернулся посмотреть на нее, в то время как Большой Том весело махал своей девахе, Род снова заглянул ей в глаза и увидел отчаяние, оттенок страха перед его отъездом, безмолвную неистовую мольбу о клочке надежды. Клочка, говорил Том, слишком много, но Род, вероятно, никогда больше не увидит этой девушки. Даже не искру надежды, только отблеск, какой от этого может быть вред?

— Скажи мне, как твое имя, девушка?

Только искорка, но она вспыхнула в ее глазах пожаром.

— Меня зовут Гвендайлон, милорд.

И когда они свернули за поворот дороги и девушка скрылась из вида за холмом позади них, Том вздохнул.

— Ты сделал слишком много, мастер. Теперь тебе никогда от нее не избавиться.

Одно можно было сказать в пользу любовных игр в сене: они достаточно истощили жизненные силы Большого Тома, чтобы он больше не пел. Разумеется, он все еще насвистывал под нос, но он скакал достаточно далеко впереди, чтобы Род не мог его слышать. Род ехал молча, неспособный выкинуть из памяти пламенные волосы и изумрудные глаза. Поэтому он тихонько клял это неотвязное видение, но его отстраненному „я" казалось, что в его проклятиях чего-то недоставало: убежденности, наверное. И конечно, искренности. Эта попытка браниться была неубедительна, обвиняло его отстраненное „я". Род был вынужден признать это. Он все еще очень сильно ощущал свое единство с мирозданием. В тот момент он не смог бы рассердиться и на своего палача... И это его беспокоило.

— Векс.

— Да, Род?— Голос, казалось, исходил изнутри его головы немного громче, чем обычно.

— Векс, я чувствую себя как-то не так.

Робот помолчал, затем спросил: «А как ты себя чувствуешь?»

Было что-то в том, как Векс это сказал...Род остро поглядел на голову псевдоконя.

— Векс, ты смеешься надо мной?

— Смеюсь?

— Да, смеешься. Ты слышал меня. Посмеиваешься себе в бороду.

— Это тело не снаряжено бородой.

— Кончай комедию и отвечай на вопрос.

С чем-то, похожим на вздох, робот сказал:

— Род, я должен тебе напомнить, что я только машина. Я не способен на эмоции... Я лишь замечаю противоречия.

— Ах вот как!— прорычал Род.— Могу я спросить, какие?

— В данный момент — противоречия между тем, чем человек является в действительности, и тем, чем он желает себя считать.

Верхняя губа Рода завернулась и прижалось к зубам.

— И чем же это я желаю себя считать?

— Ты желаешь считать себя эмоционально независимым от этой крестьянки.

— Ее имя — Гвендайлон.

— От Гвендайлон. От любой женщины, если уж на то пошло. Ты желаешь считать, что ты эмоционально независим, что больше не наслаждаешься тем, что называется „быть влюбленным".

— Любовью я очень даже наслаждаюсь, спасибо!

— Это совсем другое дело,— пробурчал робот,— чем быть влюбленным.

— Черт побери, я говорил не о занятии любовью!

— И я тоже.

Губы Рода сжались в тонкую белую полоску.

— Ты говоришь об эмоциональном опьянении. И если ты имел в виду именно это, то нет, я не влюблен. И если мой голос в этом деле что-то значит, никогда больше не влюблюсь!

— Именно в это, как я и говорил, ты и желаешь верить.

Род скрипнул зубами и подождал, пока пройдет приступ гнева.

— Итак, что есть истина относительно меня?

— Что ты влюблен.

— Черт побери, человек или влюблен или нет, и он, черт возьми, обязательно знает, что именно с ним.

— Согласен, но он может быть неготовым признаться в этом даже самому себе.

— Слушай,— отрезал Род.— Я был влюблен прежде, и я знаю, что это такое. Это... ну...

— Продолжай,— подтолкнул робот.

— Ну, это вроде как...— Род поднял голову и огляделся по сторонам.— Ты знаешь, что мир вон там существует, и знаешь, что он реален, но тебе наплевать, потому что ты наверняка знаешь, что ты — центр мира, самый важный предмет в нем.

— Ты испытывал в недавнее время подобные чувства?— спросил Векс.

— Ну... да, черт возьми.— Род дернул уголком рта.

— С Катариной?

Род уставился на затылок коня и прожег его взглядом.

— А ты откуда знаешь, черт побери?— и сузил глаза.

— Логика, Род.— В голосе коня-робота звучал налет надменности.— Только логика. А какие ты испытывал чувства, пока был с Гвендайлон?

— О...— Род расправил плечи и выпрямился.— Великолепные, Векс. Я чувствовал себя лучше, чем когда-либо раньше. Мир стал яснее, а день — моложе. Я чувствовал себя таким здоровым, а голова была такая ясная, что просто не мог поверить. Это прямо противоположно тому, что я чувствовал, когда бывал влюблен, но мне это нравится.— Род хмуро посмотрел в затылок Вексу. — Ну?

Робот брел себе дальше, не отвечая

— Язык проглотил?

— Я не снаряжен языком, Род.

— Не ускользай от темы.

Конь помолчал с минуту, затем сказал:

— Я ошибся, Род. Ты любишь и любим, но не влюблен.

Род обратил хмурый взгляд на дорогу.

— Это почему же, Векс?

Робот издал звук, похожий на вздох.

— В чем разница между двумя этими женщинами, Род?

— Ну...— Род пожевал щеку.— Гвендайлон — человек. Я имею в виду, что она просто обыкновенная заурядная женщина в той же степени, как я — обыкновенный мужчина.

— Но Катарина — больше?

— О, она женщина такого рода, каких я склонен возводить на пьедестал, нечто такое, чему поклоняются, а не ухаживают...

— И не любят?— дополнил Векс.— Род, которая из этих женщин лучший человек?

— Э... Гвендайлон.

— Обвинению,— сказал робот-конь,— нечего добавить.

Домен Логайров был огромной широкой равниной между горами и морем. Низкие, пологие горы стояли на северном краю и восточном, берег врезался широким полукругом в него, а на северо-западе возвышался крутой стофутовый утес. Океан молотил по его стороне, обращенной к морю, с другой стороны стекал водопад. Длинная древняя река петляла по равнине, направляясь к морю. Сама равнина была расшита заплатами полей с попадающимися то тут, то там скоплениями крестьянских хижин людей Логайра.

Том и Род стояли на опушке одного из горных лесов, где на вершину выходила дорога с севера.

Род медленно повернул голову, обозревая весь домен.

— А где же,— спросил он,— замок?

— Да за водопадом, мастер.

Голова Рода резко повернулась, уставясь на Тома, затем он проследовал взглядом вдоль дороги. Она петляла по равнине до подножия водопада; там, где утесы встречались с равниной, в скале были высечены огромные ворота в комплекте с опускной решеткой, подъемным мостом через естественный ров, образованный излучиной реки. Лорды Логайры источили утес ,как голландский сыр, строя себе дом.

Между бровей Рода образовался восклицательный знак, когда они сошлись. — Это не дамба ли по обеим сторонам подъемного моста, Большой Том?

— Да, мастер, и в ней, говорят, пороховые заряды.

Род медленно кивнул. — И земля перед опускной решеткой ворот проседает. Так что если рискнут постучаться незваные гости, ты взрываешь дамбу и твоя парадная дверь прикрыта тридцатью футами воды. Очень ловко. А потом просто сидишь и пережидаешь осаду. Водопад дает массу пресной воды, так что беспокоиться приходится только о пище.

— Говорят, в замке есть сады,— любезно снабдил его информацией Большой Том.

Род в молчаливом уважении покачал головой.— Так, значит, ты там совершенно защищен и обеспечен запасами для десятилетней осады. Этот замок когда-нибудь бывал взят, Том?

— Никогда, мастер,— покачал головой Том и усмехнулся.

— Интересно, не был ли старикан, построивший этот замок, может, самую малость параноиком?.. Надо полагать, у них найдется в этом замке комната для пары уставших путников, верно?

Большой Том поджал губы.

— Да, мастер, если они знатные. Гостеприимство Логайров широко известно. Но для таких, как я и даже вы, который не больше, чем сквайр, мастер, это гостеприимство находится в хижине.

Солнце мигнуло. Нахмурившийся Род, прищурившись, посмотрел на небо.

— Опять эта проклятая птица. Неужто она не понимает, что мы слишком крупны для завтрака?

Он снял с плеча арбалет, натянул его и вскинул.

— Нет, мастер,— поднял руку Большой Том,— ты и так уже истратил на нее четыре стрелы.

— Просто мне не нравится все то, что следует за мною по воздуху, Том. Оно не всегда то, чем кажется.

Том нахмурился при этом загадочном заявлении. Род приложил приклад к плечу.

— Кроме того, последние четыре дня я делал в нее по одному выстрелу в день, это входит в привычку.

Арбалет загудел, и стрела вылетела вверх, но птица поднялась быстрее, чем стрела,— та пронеслась сквозь то место, где прежде была птица, поднялась еще на пятьдесят футов, достигла вершины своей траектории и начала падать. Птица, находившаяся пятьюдесятью футами выше, следила за ее падением.

Большой Том поднял бровь и дернул уголком рта.

— Ты никогда не попадешь в нее, мастер. Эта птица понимает назначение арбалета.

— И впрямь кажется, что понимает.— Род закинул арбалет за спину.— Что за страна с эльфами под каждым деревом и тенью следующим за тобой ястребом.

— То не ястреб,— возразил Большой Том.— То скопа.

Род покачал головой.— Она начала следовать за нами на второй день нашего пути. Что делать здесь птице, питающейся рыбой, так далеко от моря?

— Лично я не могу сказать. Ты, мастер, можешь, однако, спросить у нее.

— И я в самом деле не так уж удивился, если бы она ответила,— задумчиво произнес Род.— Ну ладно, она не причиняет нам никакого вреда, а у нас в данный момент есть проблемы поважнее. Мы приехали сюда, чтобы попасть в этот замок. Ты умеешь петь, Большой Том?

Том внимательно посмотрел на него. — Петь, мастер?

— Да, петь, или играть на волынке, или еще что-нибудь.

Том, нахмурившись, дернул себя за нижнюю губу.— Я могу издавать какие-то звуки на пастушьем рожке, и полумертвый обозначил бы это словом „музыка“. Но что это за глупость, мастер?

— Глупость шута.— Род расстегнул седельную сумку и достал маленькую лютню.— Отныне мы — менестрели. Будем надеяться, что у обитателей утеса в настоящий момент дефицит по части музыки.— Он вынул из сумки автозаписывающий альт и отдал его Тому. — Я надеюсь, это достаточно похоже на твой пастуший рожок, чтобы вышло что-нибудь приличное.

— Да, мастер. Очень похоже, но...

— О, не беспокойся, они нас впустят, народ в такой-то дали от столицы вынужден пребывать вне цивилизации, они жаждут новостей и новых песен, а менестрели несут и то, и другое. Ты знаешь „Эддистоун Лайт“?

— Нет, мастер.

— Очень жаль, это всегда хорошо идет в припортовом городе. Ну, неважно, я могу научить тебя ей по дороге.

Они тронулись в путь, распевая с альтерациями, неизвестными ни в каких человеческих ладах и гаммах.

Скопа закричала и круто взмыла вверх.

— Принесли новости с севера?— нетерпеливо спросил часовой. И Род, вспомнив, что менестрели были ближайшим средневековым эквивалентом репортеров, ответил утвердительно.

Они с Томом стояли перед собранием из двадцати восьми вельмож, их жен и слуг всех возрастов, от хорошеньких служаночек лет четырнадцати до девяностолетнего графа Валлендери — все с одинаковым нетерпением, голодным блеском в глазах, а Род без единого обрывка новостей для сообщения им. Ну, неважно, он их выдумает по ходу дела. Он будет не первым репортером, совершившим подобный фокус.

Старый герцог Логайр закостенело сидел в центре общества, в большом дубовом кресле; он, кажется, не узнал Рода. Но Дюрер-то узнал. Он стоял, согнувшись над левым плечом Логайра, излучая взглядом ненависть к Роду. Но разоблачение Рода не принесло бы ему никакой пользы, и он это знал.

Логайр все еще любил свою племянницу, хотя и был не в ладах с ней. Он принял бы Рода с почетом за то, что тот спас Катарине жизнь.

Именно Логайр огласил вопрос за всех своих вассалов, и Род, рассудив, что у герцога имелись очень личные причины жаждать услышать о Доме Хлодвига, ответил, что покамест на севере все тихо. О, разговоры ходят, и знаки Дома видели, но это были разговоры, и только разговоры — пока. Затем они с Томом принялись с притопыванием исполнять „Эддистоун Лайт“. С минуту собрание стояло в пораженном молчании, потом по лицам расползлись улыбки, а руки начали хлопать в ритме песни.

Получив такое поощрение, Большой Том набрал и громкость и темп, Род старался не отставать от него, одновременно сканируя лица зрителей. Старый герцог попытался глядеть строго и неодобрительно, без особого успеха, впрочем. Позади правого плеча старика стоял высокий молодой человек примерно того же возраста, что и Род. Пока он слушал песню, на губах у него появилась улыбка, а в глазах — блеск, сменив гримасу недовольства, жалости к себе и злости. Старший сын, догадался Род, с сонмом слабостей, на которых мог играть Дюрер. Было легко выделить вассальных лордов Логайра: все были богато одетыми и сопровождались даже более богато разодетыми жилистыми людьми — советниками, молодчиками Дюрера. Род испытывал странную уверенность, что все предложенное Дюрером будет поддержано всем юго̀м, с одним несогласным — Логайром.

Но Логайр, конечно, имел на один голос больше, чем все вассальные лорды вместе взятые. Род вспомнил непрошеное обещание Логайра Катарине:

„Пока я жив, королеве не будет учинено никакого вреда..."

Пока я жив...

Представление имело буквально громовой эффект. Род сумел удержать его скорее на фривольном, чем на политическом уровне, идя по тонкой грани между рискованным и порнографическим. Зрителям это очень понравилось. Род решил, что немузыкальный слух был, должно быть, генетической доминантой на Грамарие. Он заметил также, что взоры всех служанок были прикованы к нему и Большому Тому, и он все еще пытался понять, почему. Однако это, кажется, не причиняло никакого вреда эго Большого Тома.

Время от времени один из советников задавал вопрос, от которого нельзя было отделаться, и когда Род отвечал слухами, что Дом Хлодвига поднимается против королевы, в их глазах вспыхивала бешеная радость. Это-то он, по крайней мере, понимал. В революции важно начать ее, контроль над ней всегда можно захватить позже. Понимать-то он понимал, но теперь, по окончании пения, когда он шел на сеновал, временно предоставленный в его с Томом распоряжение, он все еще размышлял о выражении лиц служанок, когда они смотрели на Тома. Он был совершенно уверен, что сие что-то значило— он ожидал обнаружить полностью занятый сеновал к тому времени, когда прибудет туда, поскольку Большой Том пошел первым. Но такой взгляд не мог означать то же самое, когда относился к нему самому — если занятие менестреля не имело куда большего престижа, чем он ожидал. Поэтому, в общем и целом, он был скорее смущен, чем удивлен, когда одна из служанок перехватила его с чашей для пива.

— Мазь для пересохшего горла, мастер менестрель,— предложила она, с сияющим взором протягивая ему чашу.

Он посмотрел на нее уголком глаза и неохотно принял чашу: не было нужды в плохих манерах, не так ли?

— И,— тихонько произнесла она, когда он выпил,— тепло для вашей постели, если вам угодно.

Род поперхнулся, опустил чашу и прожег ее взглядом, потом быстро оглядел ее с ног до головы. Она была пышной, с высокими грудями и широким полногубым ртом — очень похожа на Гвендайлон в некоторых отношениях... Охваченный вдруг подозрением, Род посмотрел на нее внимательнее, но нет, наружные углы глаз у этой девушки смотрели вверх, и нос был прямым и длинным, а не курносым, кроме того глаза и волосы у нее были черными. Он криво улыбнулся, выпил то, что было в чаше, и вернул ее.

— Спасибо тебе, девушка, премного благодарен.

Показательно, что она обратилась к нему, а не к Большому Тому, подумал он. Том был, безусловно, более привлекательным образчиком мужчины, но Род явно был тем, кто обладал определенным статусом. Сука, как и все они, подумал он, ей наплевать, кто он, лишь бы его положение — то, чем он является — было выше, чем у нее.

— Спасибо тебе, — снова поблагодарил он.— Но я слишком долго был в дороге и едва не валюсь с ног от усталости.

Очень хорошая речь, подумал он. И на здоровье, пусть себе будет невысокого мнения о моей мужественности. По крайней мере, оставит меня в покое.

Служанка опустила глаза, закусив губу:

— Как угодно, добрый мастер,— и повернулась прочь, оставив Рода пялиться ей вслед.

Ну, не потребовалось долго отвязываться. Если подумать, он был немножко унижен... но не было ли легкого намека на торжество в ее глазах, искорки радости? Род продолжил свой путь, гадая, не ступил ли он непредумышленно на страницы макиавеллиевского учебника. Дверь на сеновал, как и предполагал Род, была закрыта, приглушенный женский визг, а затем басовитый смех Тома еще больше подтвердили его догадки. Поэтому он философски пожал плечами, перекинул лютню через плечо и снова свернул на длинную винтовую лестницу. В любом случае он мог хорошо воспользоваться временем. Замок столь явно был построен параноиком, что наверняка должен иметь тайные ходы. Насвистывая, он фланировал по главному коридору. Гранитные стены были выкрашены охрой, украшены то тут, то там доспехами и гобеленами, некоторые из коих были огромными и тянулись от пола до потолка. Род старательно отметил в уме их местоположение. Они очень легко могли скрывать потайные двери. Главный коридор пересекали под прямым углом двенадцать коридоров поменьше. Когда он приблизился к седьмому, то заметил, что его шаги, кажется, приобрели эхо — очень любопытное эхо, делавшее два шага на каждый его. Он остановился посмотреть на гобелен, эхо сделало еще два шага и тоже остановилось. Поглядев уголком глаза, Род уловил мелькнувшее богато разодетое чучело, ему подумалось, что он узнал Дюрера, но по периферийному зрению судить было трудно.

Он отвернулся и прошествовал дальше, насвистывая под нос „Я и моя тень". Эхо тронулось снова.

Ну, Род был умеренно общительным, он вообще-то не возражал против компании. Но можно спокойно держать пари, что ему не узнать слишком много с Дюрером на хвосте. Следовательно, он должен вычислить какой-то способ оторваться от своего спутника. Это будет нелегко, поскольку Дюрер наверняка знает весь замок вдоль и поперек, в то время как Род не знал его вовсе. Но девятый коридор казался вроде бы самым пригодным для этой цели — он был неосвещенным. Странно, подумал Род. Во всех других коридорах факелы горели через каждые несколько шагов. Но в этом было темно, как в Карлсбаде до приезда туристов, в нем также лежал густой покров пыли без единого отпечатка следов. С потолка густо свисала паутина, по стенам тянулись влажные дорожки, питающие водой пятна мха.

Но главной чертой была тьма. Он оставил премилый след в пыли, но тьма давала шанс нырнуть в какую-нибудь комнату или боковой коридор, к тому же Дюрер не сможет удачно притворяться, что он просто случайно шел той же дорогой. Род свернул по коридору, зачихав в поднятой им туче пыли, и услышал за спиной неожиданные торопливые шаги. В плечо ему впились когти, он повернулся к человеку, готовый к удару. Да, это был Дюрер, прожигающий Рода взглядом с его обычной смесью ненависти и подозрения.

— Что ты здесь ищешь?— прохрипел он.

Род стряхнул с плеча костлявую руку и прислонился к стене.

— Ничего особенного, просто осматриваюсь. У меня в данный момент не слишком много занятий, если ты не хочешь песню.

— Черт бы подрал твои кошачьи концерты!— огрызнулся Дюрер.— И можешь бросить прикидываться менестрелем, я признал в тебе то, что ты есть.

— Вот как?— поднял бровь Род.— Почему ты так считаешь, может, я и в самом деле менестрель?

— Я слышал твое пение. А теперь ступай в свою комнату, если у тебя нигде больше нет дела.

Род почесал нос.— А... насчет этой комнаты,— деликатно сказал он.— Мой спутник, кажется, нашел, э, лучшее употребление для нее, чем спальня. Так что я, своего рода, э, оставлен на холодке, если ты меня понимаешь.

— Разложение!— прошипел советник.

— Нет, я подозреваю, что Большой Том занимается этим в очень здоровой манере. А поскольку мне в данный момент негде остановиться, то я подумал, что никто не будет возражать, если я прогуляюсь.

Дюрер прожег его взглядом, словно лучом лазера. Затем, очень нехотя, отступил на шаг-другой.

— Верно,— сказал он,— здесь нет никакой тайны, чтобы ты совал свой нос.

Род сумел ограничить свой смех умеренными конвульсиями в глубинах живота.

— Но разве ты не знаешь,— продолжало чучело,— что эта часть замка населена привидениями?

Род вскинул брови.— Да что вы говорите.— Он дернул себя за нижнюю губу, задумчиво глядя на Дюрера.— Ты, кажется, весьма хорошо знаешь замок.

Глаза Дюрера вспыхнули, словно вольтова дуга.

— Любой в замке может сказать тебе это. Но я — Дюрер, советник лорда Логайра! Это мое дело — хорошо знать, точно так же, как не твое!

Но Род отвернулся, глядя в темный коридор.— Знаешь,— задумчиво произнес он,— я никогда раньше не видел духа.

— Никто не видел, или не дожил до того, чтобы рассказать об этом! Вступить, туда — шаг дурака!

Род обернулся, весело улыбаясь.

— Но я удовлетворяю требованиям, кроме того, встреча с духом послужит материалом для баллады.

Человечишка уставился на него, затем его лицо искривилось в презрительной усмешке. Он начал смеяться странным дребезжащим смехом, словно шарикоподшипник, катящийся по ржавому железу.

— Тогда ступай, дурак! Мне следовало бы понять, что без разницы, пойдешь ты туда или нет.

Род усмехнулся, пожал плечами и шагнул в темный коридор.

— Минуточку,— окликнул Дюрер.

Род вздохнул и обернулся.— Что ты теперь хочешь?

— Прежде чем ты отправишься на смерть,— сказал Дюрер с лихорадочно горящими глазами,— скажи мне, кто ты?

По спине Рода пробежал холодок. Этот человек разоблачил его легенду и видел его насквозь.

Он прислонился к стене, излучая скуку.

— Менестрель, конечно, чем же еще мне быть?

— Нет, дурак! Ты думаешь, я настолько слеп? Ты — шпион!

Рука Рода прокралась к рукоятке кинжала. Он был сбалансирован для метания.

— Шпион из Дома Хлодвига!— взвыл Дюрер.

Рука Рода расслабилась, он выпустил дыхание, про которое совсем забыл.— Угадай еще раз, малыш!

Дюрер нахмурился.— Не из Дома Хлодвига? Но тогда... Нет, ты их шпион! Даже теперь ты не признаешься в этом!

В мозгу Рода сработал сигнал. Он привалился к стене, сложив руки на груди и ухмыляясь.

— Эй, что у тебя за интерес к Дому Хлодвига, советник? Зачем бы Хлодвигу желать узнать о ваших делах?

— Нет!— прошипел Дюрер, расширив глаза.— Дурак, неужели ты думаешь, что я отвечу на такой... Ой! Проклятие на мой старческий разум, не подумавший об этом! Ты шпион королевы!

Род шагнул от стены, вынимая кинжал из ножен. Его не особенно волновало, знает ли Дюрер, что его послала Катарина, но он хотел получить ответ.

— Я задал тебе вопрос,— спокойно произнес он.

В глазах человечишки появился ужас. Он отпрыгнул к противоположной стене. — Стой! По моему зову явятся десять солдат!

Род подарил ему выражение лица где-то между усмешкой и улыбкой.— Это принесет тебе мало хорошего, если ты будешь мертв к тому времени, как они прибудут сюда.— Он жестко указал на темный коридор.— К тому же я, вероятно, исчезну, когда они явятся.

Человечишка в ужасе уставился на него и начал дрожать. Но этот маленький ублюдок был не робкого десятка, вынужден был признать Род. Голос его сломался, как у цикады, но он продолжал говорить:

— Может быть... может быть, дело обстоит как раз именно так, как ты говоришь, и ты не от Хлодвига! Но если ты прибыл от королевы, ты же тогда для нас желанный гость!

Род полуобернулся, бросив на человечишку намеренно косой взгляд.

— Я расскажу тебе все, что ты желаешь узнать!— Советник воздел руки в патетическом энтузиазме.— Да, я все тебе расскажу, даже день, когда мы выступим с походом на столицу королевы, тогда ты сможешь сказать ей, и она выступит на юг, чтобы встретить нас на полдороге! Даже это я тебе скажу!

Он прыгнул вперед, согнув пальцы, словно когти.

— Только не ходи в этот коридор! Если ты явился от королевы, я не дам тебе умереть.

Лицо Рода превратилось в камень.

— Нет. У вас там что-то спрятано, у меня есть странное ощущение, что это может оказаться намного важнее, чем установленная вами дата мятежа. Я думаю, что все-таки посмотрю.— Он повернулся обратно в сторону пыльного коридора.

Дюрер пробежал за ним несколько шагов, чуть ли не воя.— Нет! Нет!Ты должен донести весть на север! Не ходи, дурак!

Род продолжал идти.

За его спиной человечек в гневе завизжал: „Тогда отправляйся на смерть! Ты и не понадобишься! Я сам отнесу весть на север! Умри же, как дурак, каковым ты и являешься!"

Его визгливый истерический смех разносился и хлопал по стенам, стуча в уши Рода, пока тот шагал в заплесневелые, лишенные света глубины замка Логайра. Он завернул за угол, и смех замер, с ним умер и свет факелов из главного коридора: здесь тьма была полной. Род шел сквозь нее, пережевывая услышанное. Очевидно, этот человек и впрямь ждал, что он умрет... что было странно, поскольку он собирался удержать Рода от захода сюда, а это означало, что он и в самом деле хотел донести весть о мятеже до Катарины. Но почему он

захотел вести двойную игру с мятежниками? Если это не было каким-то образом тройной игрой... Кроме того, он также, очевидно, прятал что-то в этих коридорах и мог бояться, что Род это обнаружит и сможет выйти живым. Однако он ожидал, что Род умрет, что означало автоматическую защиту... окружавшую Большой Секрет Дюрера. Если, конечно, не... Род остановился, осознав вдруг, что он не знает, где находится. У него было смутное впечатление, что он поворачивал за несколько углов, пока предавался размышлениям, но не мог вспомнить, за какие именно и за сколько... и в какую сторону.

Он заметил, что голос его несколько дрожит, когда он прошептал: „Векс!"

— Да, Род,— немедля ответил у него за ухом голос. Он сильно успокаивал.

— Векс, я нахожусь в части замка, населенной призраками.

— Призраками?

— Да, такова ее репутация.

Возникла пауза, затем робот сказал:

— Род, анализ рисунка твоего голоса указывает на слабый страх. Ты ведь наверняка не веришь в духов.

— Да, не верю. Но я только что вспомнил, Векс, я ведь и в эльфов не верил. Ни в баньши, ни...

— Эльфы,— ответил ровным голосом Векс,— это миф.

— Э, Векс...

— Да, Род?

— Я видел немало эльфов с тех пор, как мы приземлились.

— Свершившийся факт,— неохотно признался робот,— который я вынужден признать. У меня пока еще недостаточно данных, чтобы объяснить кажущийся конфликт с известными принципами.

— Ты ничем не лучше католика,— проворчал Род.— Но это, по крайней мере, не вызывает больше у тебя припадков?

— Н-е-т,— задумчиво протянул робот.— Первоначальные данные вызывали перегрузку, но с тех пор эти данные были усвоены.

— Покуда ты уверен, что есть разумное объяснение.

— Именно.

— Значит, ты способен управиться с практическими делами?

— Вполне.

— Потому что ты уверен, что сумеешь в конечном счете подогнать под все это законы науки.

— Очень логично с твоей стороны, Род.

— Похоже на иезуитство,— проворчал Род.— Но непосредственное практическое дело в том, что я вправду боюсь. И по очень веской причине, Векс...

— Да, Род?

— Если на этой сумасшедшей планете могут существовать эльфы, то почему бы не существовать и духам?

Возникла пауза, затем Векс признал: „Нет никаких данных, прямо противоречащих этой гипотезе."

Стон, настолько глухой, что Род едва расслышал его, и настолько громкий, что он содрогнулся от боли, потряс стены коридора.

— Что это?— ахнул Род.

— Сложный пакет волн низкой частоты и высокой амплитуды,— услужливо ответил Векс.

— Благодарю вас, доктор Слипкэм. *Чем он вызван?*

— Пока еще недостаточно данных для...— Стон раздался снова, и туманный призрак с глубокими черными глазницами и черным же провалом рта устремился прямо к голове Рода, начав с размера не больше булавки в противоположном конце коридора и возвышаясь над ним секунду спустя. Род пронзительно закричал и распластался у стены. Страх завязал узлом внутренности у него в животе, страх полупарализовал его конечности, страх заледенил его мозг и стиснул сердце. Раздался еще один стон на полтона выше первого, Род дернул головой направо и увидел еще одного вырисовывающегося над ним духа. Третий стон, и глаза Рода распахнулись, перед ним вырос третий призрак. Три гигантских призрака окружили его полукольцом у каменной стены. Их рты имели вид огромных бесцветных „О", холодные костлявые пальцы потянулись к нему. Сквозь беспорядочную панику его мозга пробилась одна единственная мысль: *Векс не верил в духов!*

— Духи!— закричал он. — Духи, Векс, духи!

— Духи,— прогудел робот,— нематериальны, даже если они существуют. Они не являются проявлениями ни энергии, ни материи и не способны причинить вред реальному объекту.

— Скажи им! Скажи им!— завизжал Род.

Охватывающая его сердце рука стиснула пальцы. Он ахнул и закашлялся. Что-то сдавливало его легкие стальным обручем вокруг груди, все теснее и теснее... Страх был физическим существом, неясным призраком, вооруженным, ненавидящим. Страх этот мог парализовать, мог убить...

— Род, закрой уши.

Род попытался подчиниться приказу робота и не смог.— Векс!— завизжал он.— Векс, я не могу двигаться!

Его череп затрясло громкое глубокое гудение, забивающее стоны. Оно смодулировалось в монотонный гул:

— З-А-К-Р-О-Й-У-Ш-И.

И страх исчез, пропал или почти пропал, по крайней мере, уменьшившись до знакомого холодного кома в глубине живота. Род снова мог двигаться столь же легко, как всегда. Он заткнул уши пальцами. Гудение прекратилось, и он опять смог услышать духов. Их стоны стали приглушенными и отдаленными, пробиваясь сквозь пальцы. Страх снова поднялся к его горлу, но он не был больше парализующим.

— Ты слышишь их, Род?

— Да, но теперь это не так худо. Что ты сделал, Векс?

— Ничего, Род. Их стоны имеют гармоническую частоту в субзвуковом диапазоне, способную вызвать страх в особях твоего вида.

— О—.

— Вызывающий страх тон — это частота пульсации, производимая одновременным испусканием инфразвуковой гармонии в трех тонах.

— Так значит, требуются трое, чтобы испугать меня?

— Точно, Род.

— И они, на самом деле, не пугают меня, а просто заставляют испытывать страх?

— Опять правильно.

— Ну, это облегчение. На минуту я так испугался, что вдруг совершенно неожиданно превратился в полноценного труса.

— Все люди испытывают страх, Род.

— Да, но только трус позволяет ему остановить его.

— Это преувеличенное утверждение.

— И черт с ней, с теорией! Извини меня, пока я применю ее на практике.

Род шагнул от стены, вынудив себя двигаться. Он продолжал идти прямо сквозь духа перед ним. Стоны вдруг прекратились, затем с воем отчаяния духи исчезли.

— Они пропали,— прохрипел Род.

— Конечно. Раз ты продемонстрировал их неспособность контролировать тебя, они сами начали страшиться тебя.

— Д-д-да,— выдохнул Род. Он широко расставил ноги, уперев кулаки в бедра, откинув голову назад и ухмыляясь.

— О'кей, привидения! Есть какие-нибудь сомнения насчет того, кто здесь хозяин?

Он стоял, слушая эхо своего голоса, замурованного в пустых коридорах. Громкая речь могла быть здесь весьма впечатляющей. Траурный погребальный голос ответил ему из разреженного воздуха, простонав:

— Оставь нас, смертный. Оставь нас в покое в наших могилах. Мы никому здесь не вредим в наших холодных старых коридорах.

— Никому, кроме тех людей, что заходят сюда,— отрезал Род.— Их вы убиваете, как убили бы меня, одним тяжким страхом.

— Немногих,— погоревал дух.— Очень, очень немногих, смертный. Только сумасшедших и дураков.

— Если вы убили здесь, в коридорах, хоть одного человека, вы убили одного лишнего!— обвинил в ответ Род.

— Разве ты не убил бы, человек, защищая свой дом?

— Какое ты имеешь право на эти коридоры?— фыркнул Род.

Дух вдруг очутился рядом, возвышаясь над ним.

— Я некогда был Горацио, первым лордом Логайром!— в гневе прогремел он.— Именно я и построил этот замок! Ужель я не имею права на самую бедную и холодную часть его коридоров?

Страх пронзил живот Рода, он сделал шаг назад, затем стиснул зубы и снова шагнул вперед.

— Тут у тебя есть аргумент,— признал он,— и владения

эти, как ни крути, девять десятых права. Но сколько тебе пришлось убить, чтобы приобрести эти владения?

— Никого.— Дух, казалось, был очень опечален этим.— Все в страхе бежали.

Род кивнул, пересматривая свою оценку духа. Горацио явно не убивал, когда мог без этого обойтись. Однако, вероятно, был в восторге, когда это становилось необходимостью...

— Я не собираюсь причинять тебе никакого вреда, Горацио.— Он вдруг сардонически усмехнулся.— Какой вред я мог бы тебе причинить, даже если бы захотел?

Дух вскинул голову, уставившись пустыми глазницами на Рода.— Разве ты не знаешь, смертный?

— Духам,— поспешно произнес за ухом у Рода голос Векса,— как и всем сверхъестественным существам, можно причинить вред холодным железом или серебром или любым другим средством хорошей проводимости, хотя золото обычно расценивалось как слишком дорогое для такого употребления.

Дух все выше вырисовывался над Родом, наступая на него.

Род шагнул вперед с кинжалом наготове.— Стой, где стоишь,— резко приказал он.— Холодное железо, помнишь?

— Тогда, значит,— прошептал Векс,— ты знаешь секрет их силы. Ты можешь привести целую армию с затычками в ушах.

— Тогда, значит,— произнес Род,— зная секрет вашей силы, я могу привести сюда целую армию с затычками в ушах.

Дух остановился, углы его губ опустились:

— Я думал, ты сказал, что не знаешь.

— Теперь знаю. Один шаг назад, будьте любезны.

Дух неохотно отступил, простонав:

— Что за призрак стоит рядом с тобой, советуя тебе?

Род оскалил зубы в усмешке.

— Черный конь, сделанный из холодного железа. Он в конюшне замка, но может говорить со мной оттуда.

— Пука,— прорычал Горацио.— Конь-призрак, предавший мир духов.

— Нет,— мрачно покачал головой Род.— Это совсем не призрак. Я ведь сказал, что он сделан из холодного железа, не так ли?

Дух решительно замотал головой.

— Никакого такого существа быть не может.

Род вздохнул.— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Но это не по существу. Для тебя важно лишь, что я не собираюсь учинять здесь никакого вреда. Я просто кое-что ищу. Я найду это и уйду. Идет?

— Ты — хозяин. Зачем спрашиваешь?— с горечью произнес дух.

— Вежливость,— объяснил Род. Затем в голове его промелькнула нестойкая и неясная надежда.— Да, кстати, я менестрель...

Челюсть духа отвисла, затем он кинулся вперед, вытянув руки.

— Музыка! О, сладкие звуки музыки! Сыграй нам, человек, и мы в твоем распоряжении!

— Секундочку!— поднял руку Род.— Ты построил эти коридоры, Горацио Логайр, и поэтому я прошу у тебя дара спокойно ходить по этим коридорам. Дозволь мне это, и я вам сыграю.

— Ты можешь ходить, можешь ходить, где тебе угодно!— дрожа, согласился дух.— Только сыграй нам, человек!

Очень ловко, подумал Род. Столь же хорошая работа по спасению лица, как и вся, когда-либо проделанная мною... В конце концов, нет смысла наживать себе врагов, если ты можешь избежать этого.

Он поднял взгляд, вздрогнул и в потрясении уставился на окружившую его плотную стену духов, по меньшей мере, в три ряда глубиной,— все глядящие на него так, как голодный на фабрике спагетти. Он с трудом сглотнул и снял с плеча лютню, произнеся мысленно благодарственную молитву, что не имел возможности оставить ее в спальне-сеновале. Он коснулся струн, и по рядам духов прокатился стон экстаза, словно далекий отзвук погребальных колоколов, донесенный полуночным ветром. Тут Роду пришло в голову, что он приобрел отличнейшую позицию для заключения сделки.

— Э, лорд Горацио, за две песни не скажете ли, где находятся тайные ходы?

— Да, да!— откровенно завизжал дух.— Замок — твой, и мой домен, и все, чем я владею! Хоть королевство, если пожелаешь, только сыграй нам, человек! Ибо десять сотен лет мы не слыхали ни звука человеческой музыки! Только сыграй, и весь мир — твой!

Тогда Род принялся щипать струны, и духи задрожали, словно школьница, получившая первый поцелуй. Он сыграл им „Гринслив" и „Пьяного матроса"— это были самые древние из известных ему песен. От них он перешел к песне „Полдень духа" и „Несчастная мисс Бейли". Он собирался вдарить „Призрачных всадников в небе", когда ему пришло в голову, что духам могли не особенно нравиться песни о духах. В конце концов, смертные рассказывали истории о духах ради эскапизма; по тому же критерию призракам хотелось услышать о жизни скучной, ординарной, обыденной, о чем-то мирном и утешающем: воспоминания о зеленых пастбищах и журчащих ручейках, мычащем стаде, медленно поворачивающемся в подветренную сторону. Поэтому он сыграл все, что мог вспомнить из шестой симфонии Бетховена, что было нелегко сделать, играя на ирландской лютне. Последние аккорды замерли среди пустых коридоров. С миг духи хранили молчание, потом по их рядам пронесся благодарственный удовлетворенный вздох. Могучий голос Горацио Логайра тихо проговорил рядом с Родом:

— Воистину, самое прекрасное пение.— Потом он сказал очень осторожно:— Подари нам еще одну, человек.

Род с печальной улыбкой покачал головой.

— Часы ночные поджимают нас, милорд, а я должен многое сделать до рассвета. В другой раз я вернусь и сыграю вам вновь, но теперь я должен уходить.

— И верно,— сказал Горацио с еще одним вздохом.— Ну, ты вел себя с нами честно, человек, и показал нам учтивость без принуждения к оной. Так неужто мы позволим гостю превзойти нас в гостеприимстве? Нет, идем, и я покажу тебе двери и ходы внутри стен своего замка, я расскажу тебе обо всех его изгибах и поворотах.

Все духи, за исключением Горацио, исчезли со звуком топота мышиных лапок по сухим листьям. Горацио внезапно свернул и полетел впереди прочь от Рода, который метнулся следом за ним. Род на бегу считал шаги, после пятидесяти дух сделал поворот под прямым углом с замечательным пренебрежением к инерции и прошел через дверной проем. Род сделал мужественную попытку совершить безынерционный поворот, но сумел только слегка притормозить. Голос духа усилился гулким эхом пещероподобного зала.

— Это и в самом деле пещера, созданная Богом за много веков до моего прихода. Не желая скупиться с дарами Его, я превратил ее в большой пиршественный зал.

Помещение забурлило голосами тысяч людей — это когда патриарх духов испустил тяжелый вздох.

— Шумны и многочисленны были устраиваемые в сем огромном зале пиры, человек. Прекрасны девы и доблестны рыцари.— Голос его поднялся до экзальтации.— Ярким от света и музыки был мой пиршественный зал в те минувшие дни, повести и саги древнее и жизненнее, чем пение сего более позднего мира. Вино текло по усам моих придворных, и жизнь била с силой сквозь макушки, наполняя умы своим барабанным призывом!

Призывом жизни...

Голос духа растаял, эхо его растворялось среди холодных камней пещеры, пока огромный зал не застыл в молчании своей вечной полуночи. Где-то упала капля воды, раздробив молчание на сотню эхо.

— Теперь они исчезли, о человек!— мрачно произнес дух.— Исчезли и умерли, пока трижды двунадесять моей крови сынов правили вместо меня этими болотами и потом являлись жить со мной в эти коридоры. Исчезли все мои храбрые товарищи, все мои податливые девы, исчезли и стали прахом под моими ногами.

Плечи у Рода выпрямились, словно холодный ветер коснулся его между лопаток. Он старался легче ступать по ковру пыли в старом пиршественном зале.

— А ныне!— Голос духа посуровел в мрачном гневе.— Ныне другие правят этими коридорами, раса шакалов, гиен, оскверняющих моих старых товарищей, разгуливая в образе людей.

Род навострил уши.

— Э, что вы сказали, милорд! Кто-то украл у вас этот зал?

— Кривые чахлые людишки,— проскрежетал призрак.— Раса низких, лишенных благородства трусов — и их лорд выступает, как советник отпрыска рода моего, герцога Логайра!

— Дюрер!— выдохнул Род.

— Называется таким именем,— прорычал дух.— Хорошо, значит, он назван, ибо сердце у него твердое, а душа хрупкая.* Но заметь себе, человек,— и дух обратил свои бездонные глаза к Роду; волосы на затылке Рода чуть приподнялись и отделились от черепа при виде углей, горящих в глубине глазниц призрака,— заметь себе хорошенько,— нараспев произнес он, вытягивая руку к Роду и тыча в него указательным пальцем,— что твердая и хрупкая сталь сломается от одного удара кованого железа. И также эти злые ходячие насмешки над человеческим родом могут быть сломлены мужем, коего действительно можно назвать мужем!

Рука духа упала, плечи его поникли, голова опустилась. — Если бы,— мрачно проговорил он,— если бы в сии темные дни жил кто-либо, кто воистину может назвать себя мужем...

Глаза Рода оторвались от духа и медленно проползли по огромному залу. Там была только чернота, тесная и густая. Он моргнул и мотнул головой, стараясь избавиться от чувства, что тьма давит ему на глаза.

— Милорд Логайр,— начал он, остановился и произнес снова:— милорд Логайр, может, я и буду твоим куском железа — все равно, меня называли и похуже. Но если я должен сломить советников, я должен узнать о них как можно больше. Поэтому скажи мне, чем они занимаются в этих залах?

— Колдовством,— проворчал призрак.— Черной магией! Хотя о манере ее я едва ли могу рассказать...

— Ну, расскажи мне все, что можешь,— не отставал Род.— Все, что ты сможешь сказать, будет принято с благодарностью.

— Ты говоришь, словно приходской поп, собирающий десятину,— фыркнул дух.— Тем не менее, я расскажу тебе все, что могу. Знай же тогда, человек, что эти кривые людишки построили себе здесь великий алтарь из сверкающего металла, что есть не сталь, не серебро, не золото, не любой другой ведомый мне металл — здесь, в центре зала, где некогда танцевали мои придворные!

— О.— Род поджал губы.— Э, каким образом они поклоняются перед этим алтарем?

— Как поклоняются?— поднял голову дух.— Да я бы поручился, что принося себя в жертву, ибо они шагают внутрь той злой подделки, а потом исчезают и снова — хлоп — они тут, целые! Я могу только думать, что они, должно быть, отдают свою кровь темному демону внутри этого сверкающего ящика, ибо они тощие и трясущиеся. И в самом деле,— сказал он задумчиво,— почему бы они иначе были такими иссохшими, эти людишки?

---

*Durer (англ.)— закаленный металл.

В основании черепа Рода снова началось беспокойное покалывание; оно проползло вниз по шее и распространилось по плечам.— Я должен увидеть эту поделку, милорд.— Он нащупал кинжал.— Давай-ка немного посветим!

— Нет!— резанул по барабанным перепонкам крик. Дух запульсировал, съеживаясь и вырастая, контуры его заколебались, словно пламя свечи.— Ужель ты уничтожишь меня, человек, и отправишь в еще более темное царство, чем сие?

Род помассировал шею, пытаясь высвободить мускулы, сведенные судорогой от вопля духа.

— Прости меня, лорд Логайр, я забыл. Мой фонарь останется затемненным, но ты должен тогда привести меня к этому страшному алтарю, чтобы я мог увидеть его своими глазами.

— Значит, ты собираешься поклоняться там?— Пустые глазницы призрака зловеще покраснели.

— Нет, милорд, но я должен узнать эту вещь, чтобы я сумел свалить ее, когда придет время.

С миг дух молчал, затем степенно кивнул и скользнул вперед.— Идем.

Род, спотыкаясь, побрел за ним, вытянув руки вперед — по пятам за призраком, пока его ладони не уперлись во что-то твердое и холодное.

— Берегись, человек,— прогрохотал призрак,— ибо здесь таятся темные силы.

Род медленно, дюйм за дюймом, нащупывал себе дорогу вдоль металла, мягко поблескивающего в слабой люминисценции призрака. Затем его правая рука упала на что-то. Он пошарил, обнаружил, что это был угол, пожелал, чтобы дух испускал еще немного света, и шарил до тех пор, пока не определил на ощупь контуры двери или, скорее, дверного проема семи футов в высоту и трех в ширину.

— Что находится внутри, милорд?— спросил он шепотом.

— Это гроб,— простонал дух,— металлический гроб без крышки, поставленный стоймя, и ты нашел его открытую сторону.

Род гадал, что случится, если он шагнет в эту нишу, но по какой-то странной причине в нем отсутствовал экспериментаторский зуд истинного ученого. Он пошарил напротив дверного проема, и в его ладонь вжался круг, слегка выступающий над металлическим блоком. Проводя пальцем справа от дверного проема, он открыл целый набор кругов, овалов и кнопок. Район в пределах их контуров был более гладким и менее холодным, чем окружающий их металл, стекло, решил он, или пластик. Пульт управления.

— Милорд Логайр,— тихо позвал он.— Подойдите теперь сюда ко мне, умоляю вас, потому что мне нужен свет.

Дух подплыл к нему, и при свете его холодного излучения Род разглядел набор измерительных приборов, верньеров, ряд кнопок с цветовым кодом.

Голос духа был мягким, почти сочувствующим.

— Почему ты дрожишь, человек?

— Холодно,— отрезал Род.— Милорд Логайр, боюсь, что я должен согласиться с твоим мнением по поводу этой чудовищной штуки. Я не знаю, что это такое, но оно нехорошее.

Дух заговорил, соглашаясь.— И то, что дурно на вид, должно быть вдвое хуже в действиях своих.

— Ну, я не столь уверен в этом, как в основном принципе,— сдержанно ответил Род.— Но в данном случае это может быть применимо. Милорд, в последующий небольшой срок не обращайте внимания на мое бормотание, я должен, э, прочесть заклинание против зла этой, э, машины.

Он переключился на жаргон галактических матросов, в то время как дух в замешательстве хмурился.

— Векс, ты тут?

— Да, Род.

— Ты слушал?

— Разумеется, Род.

— Гм, ну значит, э, эта штука — большой кусок металла, прямоугольный, примерно, э, двадцати футов длиной, на, скажем, десять шириной и, может, десять в высоту. Имеет вырезанную спереди небольшую нишу размером, примерно, со средний гроб.

— Соответственно,— пробормотал робот.

— Без непрошеных комментариев на работе, пожалуйста. Это белый металл с тусклым отливом и холоднее, чем ад, сейчас, во всяком случае. Рядом с нишей набор измерительных приборов: длинная линейка со шкалой и бегунком.

— Как калибрована шкала, Род?

— Похоже на логарифм, Векс. Арабские цифры. Ноль примерно в трех четвертях пути от левого края. Левая сторона шкалы размечена до десяти тысяч. Правая сторона идет до, э, 2385. Похоже на что-нибудь, о чем ты слышал?

Возникла пауза, затем робот ответил:

— Занесено для анализа, продолжай описание.

Род скрипнул зубами. Эта огромная штуковина была явно так же незнакома Вексу, как и ему самому.

— Тут есть циферблат с ручкой посередине, сразу справа от линейки. Точка отсчета наверху, двенадцать часов, отрицательное число слева, положительное справа. Ну, по крайней мере, я думаю, что это числа. Штука как раз справа от точки отсчета выглядит несколько похожей на лекало или, может, на параноидную синусоиду. Потом есть фигура, похожая на перевернутую грушу. Есть пара кругов с проходящей поперек них линией. Последняя — лежащий на боку вопросительный знак, потом есть бесконечность на месте шести часов. Левая сторона такая же, только все символы помечены знаком отрицания.

Робот с минуту погудел. Род узнал Sempre Libera из „Травиаты". Векс положительно наслаждался.

— Занесено для анализа и справок, Род. Продолжай описание.

— Ты тоже не узнаешь их, да?

— Они совершенно беспрецедентны в математических дисциплинах. Но если в их основании есть какая-нибудь логика, я их дешифрую. Продолжай.

— Ну, тут есть семь кнопок, установленных на одном уровне в ряд, как раз над линейкой с цветовой маркировкой. Цвета — э, эй, это же спектр!

— Как я и опасался,— пробормотал робот.— Использование цветов спектра указывает на произвольную передачу значений. В последовательности цветов нет никакой аномалии?

— Ну, окраска радужная...

— Не совсем то, что я подразумевал под аномалией. Ну, занесено, продолжай...

— Ничего, это все.

— Все, только три прибора управления?

— Это все.

Минуту робот хранил молчание.

— Что ты из этого заключаешь, Векс?

— Ну.— Голос робота сделался колеблющимся.— Система управления, похоже, сработана для непрофессионала, Род...

— Почему? Оттого, что такая простая?

— Именно, помимо этого тут недостаточно данных для...

— Ну, сделай догадку, черт побери! Сделай дикую догадку!

— Род, гадание не находится в пределах способностей кибернетического механизма, так как оно требует применения интуитивности.

— Так экстраполируй на основе уже доступных данных!

Он снова услышал „Травиату", какую мог петь грустный звукогенератор, а затем Векс сказал:

— Некруглость числа 2385, кажется, указывает на номер года, Род, обусловленный ее сопоставлением с числом десять тысяч.

— Э... что ты сказал?

— Число десять тысяч,— прочел лекцию Векс,— имеет множество вероятных соотнесений, одним из которых является зафиксированный период человеческой истории.

— Эй, минуточку, Векс. Письменная история не восходит далее 2000 года до н.э., даже я знаю это.

— И это чудо, учитывая твое сопротивление обучению с самого раннего возраста.

— Ладно, ладно! Я был плохим мальчиком, не выполняющим домашние задания! Сожалею! Раскаиваюсь! Только продолжай экстраполяцию, идет?

Он услышал жужжание серии замыкающихся реле, которое всегда напоминало ему смешки, затем Векс поведал:

— Человеческая история до развития письменности, можно сказать, зафиксирована в легендах и мифах — устной традиции — в таких произведениях, как „Эпос о Гильгамеше". Охватываемый такими трудами период можно считать начавшимся почти за четыре тысячи лет до н.э. Эта цифра, прибавленная к нынешней дате, даст нам число 9432, которое

близко подходит к числу 10000, чтобы включить ее в число вероятных соотнесений.

— Хмм.— Род поджал нижнюю губу.— Ну, если посмотреть под таким углом, то, полагаю, 2385 может быть датой. Но что это означает?

— Ай, Род, вывод так очевиден.

— Значит, я микроцефальный идиот. Разжуй его.

Робот поколебался.

— Точность вывода имеет очень низкую вероятность...

— Я же просил сделать догадку, не так ли? Брось, выкладывай его.

— По данной теории, Род, этот артефакт должен быть средством передвижения для темпоральных путешествий.

Род уставился на линейку.

— Ты хочешь сказать, что это машина времени?

Бегунок был подвинут вправо до предела, остановившись на числе 2385.

— Род, ты должен держать в уме, что процент вероятности этой теории...

— Машина времени!— В мозгу Рода все завертелось.— Значит, эти малорослые ублюдки явились из будущего!

— Род, я же предостерегал тебя от твоей склонности сопровождать маловероятную теорию грузом убеждения.

Род быстро покачал головой.

— Э, не беспокойся, Векс. Это всего лишь догадка, вероятно, неправильная. Я держу это в уме.

Он отвернулся от пульта управления с пылающим взором. Машина времени, кто бы мог подумать?! Он вдруг осознал слабое свечение слева от себя. Над ним возвышался мрачный Горацио Логайр.

— Что это за магия, человек?

Род помрачнел, снова повернувшись к машине.

— Странная, милорд, темная и странная одновременно. Я немного знаком с разными, э, магиями, но это такая, о которой я ничего не знаю.

— Что же ты тогда будешь делать?

Род нахмурился, уставился в пол, а потом поднял взгляд с мрачной улыбкой.

— Спать. И размышлять над тем, что увидел.

— И когда ты уничтожишь эту игрушку сатаны?

— Когда буду уверен,— пробормотал Род, снова оборачиваясь на машину.— Уверен, что это чума, а не лечение этого средневекового, погруженного во мрак мира.

Брови Логайра сошлись, когда его мрачность усилилась. Он, казалось, почти увеличился, вырисовываясь выше и шире, делая человека, стоящего перед ним, маленьким и беззащитным. У Рода возникло безумное ощущение, что на него с ревом несется древний локомотив. В голосе зазвучал отдаленный гром.

— Тогда я поручаю тебе изгнание этого демонического алтаря и сброда его жрецов.

У старика, решил Род, определенно зашли шарики за ролики.

Меч духа молнией вылетел из ножен. Род невольно принял оборонительную стойку. Затем он выпрямился, выругав себя — призрачный меч едва ли мог причинить ему вред. Меч поплыл к нему острием вниз — сверкающее подобие распятия в призрачном свечении духа.

— Поклянись на рукояти моего меча, что отныне ты не успокоишься, пока не очистишь землю сию от пробившейся к власти испорченности, что изгонишь сей темный алтарь и всех слуг его, и еще: что ты никогда, покуда жив, не покинешь Грамарий в час опасности.

От потрясения у Рода отвисла челюсть. Широко открыв глаза, он уставился на неожиданную мощь и величие духа. В живот его закрался чуждый, бесформенный страх. Волосы у него на затылке встали дыбом от холода безымянного страха.

Он съежился.

— Это едва ли необходимо, милорд. Я люблю остров Грамарий и никогда не...

— Положи руку на рукоять и клянись!— Слова были краткими и строгими.

Род немало струхнул, отлично понимая, что эта клятва на всю жизнь привяжет его к планете.

— Клянись!— прогремел дух.— Клянись! Клянись!

— Все тут ты, старый крот?— пробормотал под нос Род, но это не сработало, он никогда не чувствовал себя менее веселым.

Он уставился на пылающую светом рукоять и строгое лицо за нею. Почти против собственной воли он сделал шаг вперед, затем еще один, наблюдая, как его рука сомкнулась вокруг рукояти. Ладонь ничего не почувствовала, никакого давления твердого металла, но воздух в его руке был таким холодным, что парализовал его пальцы.

— А теперь клянись мне!— прогремел Горацио.

„А, ладно,— подумал Род.— Это только слова. Кроме того, я ведь агностик, не так ли?"

— Я... клянусь,— неохотно произнес он, буквально выдавливая слова. Затем в его мозгу сверкнуло озарение, и он легко добавил:— И далее я клянусь, что я не успокоюсь до тех пор, пока королева и все ее подданные не будут править вновь с единым голосом.

Он снял руку с меча, весьма довольный собой. Эта дополнительная статья давала ему путь прямо к его цели независимо от того, числил ли там Горацио или нет демократию среди опасностей, угрожающих Грамарию.

Дух нахмурился.— Странная,— пробурчал он,— очень странная клятва. И все же сердцем я не могу сомневаться и благословляю тебя.

Конечно, признался себе Род, клятва все же привязывала его к Грамарию, но через эту пропасть он перекинет мост, когда подойдет к ней.

Меч скользнул обратно в ножны. Дух повернулся и сказал

через плечо: „Следуй за мною теперь, и я покажу тебе коридоры внутри этих стен."

Род последовал за ним, пока они не подошли к стене.

Дух показал длинным костлявым пальцем: „Прощупывай, пока не обнаружишь, что камень под твоей ладонью поддается."

Род протянул руку к камню, указанному призраком, и толкнул, наваливаясь всем телом. Камень застонал и со скрежетом поддался, уйдя в стену. Когда он вышел обратно, отворилась дверь со скрипом протестующих петель, которым давно уже должны были бы сделать перерыв на смазку. Щеку Рода овеял холодный черный воздух.

— А теперь оставь меня,— сказал стоявший рядом с ним высокий и величественный дух.— И ступай выполнять свой долг. И все же помни, человек, клятву свою и будь уверен, что если ты когда-нибудь отбросишь ее, первый герцог Логайр всегда будет стоять рядом с твоей постелью, пока ты наконец не поддашься страху.

— Определенно утешающая мысль,— пробурчал под нос Род. Он принялся ощупью спускаться по мшистым ступенькам, напевая себе под нос: „Никогда тебе не бывать одному".

На этот раз дверь на сеновал была открыта, и подобный грому храп Тома глухо раскатывался по каменному помещению. Род остановился в дверях, пожевывая губу. Он вернулся в коридор, вынул из кронштейна факел и сунул его впереди себя в помещение, осторожно заглядывая туда, просто для гарантии уверенности, что никто не попытается вновь пробудить Тома с умыслом потребовать впоследствии алименты. Колеблющийся луч факела открыл спящую фигуру рослого крестьянина, укрытого плащом до середины груди. Одна медвежья ручища удобно обнимала круглое мягкое тело блондиночки, укрытой (или раскрытой) плащом в той же степени. Ее маленькие твердые грудки прижимались к боку Тома, а голова с разметавшимися светлыми волосами покоилась на его плече. Одна из загорелых рук была по-собственнически перекинута через бочонок груди великана.

Род нахмурился и подошел взглянуть поближе. Лицо было тонкое, нос вздернутый, рот маленький с довольной и надменной улыбочкой. Это была, определенно, не брюнетка, приставшая к Роду ранее в коридоре. Он удивленно хмыкнул. Так значит, та девка не ринулась за слугой, когда ей отказал господин. Конечно, она могла оказаться просто недостаточно резвой... Но нет, Большой Том был бы рад ублаготворить обеих. Он поставил факел на место, вернулся на сеновал с кивком завистливого восхищения Большому Тому и, не трудясь стягивать камзол, свалился на кучу сена, служившего ему постелью. Это воскресило в нем воспоминания. Он зевнул, положил голову на согнутую руку и медленно продрейфовал ко сну.

— Человек Гэллоуглас!

Голос так и прогремел в тесном помещении. Род рывком выпрямился, девушка завизжала, а Большой Том выругался. Над ним, светясь в темноте холодным светом, возвышался дух.

Род поднялся на ноги, бросив быстрый взгляд на Тома и девушку. Она съежилась в малодушном страхе, прижавшись к медвежьей шкуре его груди. На лице Тома уже установилось выражение угрюмого (и вероятно, испуганного) вызова. Род переключил взор на духа, стоящего высоко над ними в пластичных доспехах, с невероятно длинным и тонким лицом. Оружие у него на бедре было рапирой, это был не Горацио Логайр. Род напомнил себе, что он — босс, факт, о котором он почти забыл. Он ответил бездонному взору самым надменным взглядом, на какой был способен.

— В каком хлеву ты вырос,— рявкнул он,— что являешься перед джентльменом столь бесцеремонно?

Глаза-пещеры расширились, у духа отвисла челюсть. Сбитый с толку, он уставился на Рода. Смертный поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Говори же, да поживее, иначе я спляшу на твоих костях!

Дух просто зараболепствовал, Род попал в точку. Очевидно, существовала какая-то эктоплазматическая связь между духом и его бренными останками. Он сделал мысленную пометку отыскать могилы всех участвующих в деле духов.

— Прошу прощения, милорд,— заикаясь, произнес дух.— Я никак не хотел оскорбить. Я только...

Род оборвал его:

— Раз уж потревожил мой сон, ты вполне можешь сказать, что привело тебя ко мне?

— Вас вызывали...

Род снова перебил его: „Никто не вызывает меня."

— Прошу прощения, милорд,— поклонился дух,— Милорд Логайр просит вашего присутствия.

Род еще с миг прожигал его взглядом, затем со вздохом взял лютню: „Ну, кто имеет дело с духами, должен заниматься делами в неурочное время.— Он вскинул голову.— Горацио Логайр?"

— Он самый, милорд.

Служанка ахнула.

Род вздрогнул, он совершенно забыл про своих слушателей. К полудню его репутация будет известна всему замку.

— Ну,— сказал он, вешая лютню на плечо,— веди.

Дух еще раз поклонился, затем, вытянув руку, повернулся к стене.

— Погоди,— рявкнул Род,— лучше оставь тайные ходы тайными. Ступай к милорду Логайру и скажи ему, что я скоро приду. Ты забываешь, что я не могу ходить сквозь стены, подобно тебе.

Дух обернулся, недоуменно нахмурившись. „Но, милорд..."

— Ступай к милорду Логайру,— рассвирепел Род.

Дух съежился.

— Как вам угодно, милорд,— поспешил промямлить он и скрылся.

В неожиданно наступившей темноте девушка испустила долгий рыдающий вздох. „Как же это, мастер? — осведо-

мился Большой Том очень спокойным голосом, со всего лишь следом удивления.— Ты теперь регулируешь движение духов?"

— Да,— ответил Род и распахнул дверь, гадая, где это Том подхватил такое выражение — „регулировать движение"

В дверях он обернулся посмотреть на пару, сузив глаза и пронзая их взглядом.

— Если хоть слово об этом выйдет за пределы этого помещения, у вас обоих будут беспокойный сон и ночные гости

Глаза Большого Тома сузились, девушкины же в тревоге расширились.

„Хорошо,— подумал Род.— Я пригрозил ее доходу и теперь могу быть уверенным, что она будет молчать"

Он круто повернулся и закрыл дверь. Большой Том, конечно же, утешит ее, а контроль его мастера над духами не совсем чтобы уронит его в ее глазах. И конечно же, она будет держать язык за зубами. Что тоже неплохо. Для человека, неверящего в магию, Род и так уж чересчур прославился как чародей. Он крался по коридору, пока не нашел пустую комнату со входом в тайный туннель. Гранитные блоки стен были вырезаны в форме барельефа, изображающего сжигаемую на костре оранжевую флейту. Логайры явно весьма серьезно воспринимали принятую ими ирландскую фамилию. Род нашел в связке хвороста один уголек, вырезанный немного глубже остальных, и бросил на него весь свой вес, толкнув его вправо. Древний механизм издал глухое рычание, и дверь развернулась на каменных плитах пола. Род нащупал подошвами ног ступеньки, протянул руку к большому железному кольцу, установленному с внутренней стороны двери, и, задвинув ее, направился вниз, по лестнице. Он вышел через массивную дверь в большой зал с темным алтарем. Его призрачный проводник был уже там, дожидаясь. Дух поклонился.

— Если вы будете так добры последовать за мной, мастер...— Он повернулся и пошел к арочному выходу в коридор.

Род последовал за ним, бурча под нос:

— Они вышли в коридор, и справа от себя Род увидел фосфоресцирующее собрание духов. Они стояли неподвижно, склонив головы, глядя на что-то внизу, на полу, в центре их круга. Род услышал смертный и очень испуганный плач. Когда Род подошел, Горацио отплыл от кучи призраков. Его крупное лицо исказил гнев.

— Милорд Логайр.— Род поклонился с предельной вежливостью, затем выпрямился.— Зачем ты вызвал меня?

Лоб духа немного разгладился, он, видно, несколько смягчился.

— Человек Гэллоуглас,— проворчал он,— почему ты не сказал мне, что пришел в наши коридоры не один?

— Не один?— поднял брови Род.— Вот как?

Мрачность Логайра перешла в озадаченность.

— Воистину, был некто, последовавший за тобой, как я убедился, выйдя из зала со странным сооружением.

— Высший сорт,— пробормотал Род.

— Gesundheit*,— ответствовал Логайр.— Если нам предстоит иметь здесь постоянное хождение смертных, мне придется присмотреть за отоплением коридоров. Но к делу: я нашел твоего слугу прямо при выходе из зала.

— Слугу?— нахмурился Род.— Откуда ты знаешь, что это слуга?

— Он же подслушивал у двери. И мы можем знать, что он твой, ибо когда мы двинулись на него, он выкрикнул твое имя.

— О.— Род сосредоточенно почесал в затылке.— Так он назвал мое имя, да?

— Да, иначе мы убили бы его. И посему я послал за тобой, чтобы отдать его тебе.

Логайр посторонился, круг духов расступился, и Род шагнул вперед. В холодном свете духов он увидел жалкий комок, пытающийся втиснуться в стену. Лицо было отвернуто от него. По плечам рассыпались длинные черные волосы. На нем была белая блузка, широкая юбка и черный лиф. Последний был очень плотно заполнен.

— Милорд Логайр,— начал было Род, но голос его осел и он начал снова:— Милорд Логайр, это вряд ли „он".— А затем самым мягким голосом, на какой был способен, он попросил:— Посмотри на меня, девушка.

Голова девушки вскинулась, губы раздвинулись. Лицо ее залилось радостью и облегчением.

— Милорд!— Затем ее руки обвили его шею так крепко, что ему пришлось бороться за дыхание, а ее тело плотно придвинулось к нему. Она уткнулась головой в плечо Рода, содрогаясь всем телом от рыданий.

— Милорд, о, милорд!

— Боже милостивый!— откликнулся Род, отодвигаясь от нее, чтобы прочистить гортань.

Он, разумеется, узнал ее, это была служаночка, сделавшая ему ранее вечером предложение.

— Ну, ну, тихо, девушка, все хорошо,— прошептал он, гладя ее по спине.

Помещение вокруг него, казалось, закачалось. Он выбрал фиксированную точку света и уставился на нее.

Точка оказалась Горацио Логайром, с лицом, искаженным налетом негодования.

— Забери ее из моих коридоров, человек, они и без того достаточно сырые.

Род как раз успел заметить, как мило эта крестьяночка укладывается в его объятия. Он закрыл глаза, упиваясь ее теплотой и близостью. Затем кивнул головой.— Да, милорд, так я и сделаю. Ну, ну, тихо, девушка, не нужно плакать.— Он вытащил из-за манжеты платок и вытер ей щеки.— Хватит слез, милая, вот так. Ты повышаешь влажность, а у Горацио артрит,

---

* На здоровье (нем.).

если только он сможет вспомнить, куда положил свои кости. Вот так, умница.

Ее голова уткнулась ему в грудь, она шмыгнула носом. Глаза ее закрылись, мышцы расслабились, казалось, она едва ли не уснула. Рода охватила внезапная волна нежности при помощи и содействии ощущения огромной силы, внесенной его инстинктом защитника, и он мысленно выругал липучий эффект девицы в беде. Он посмотрел в мрачные глазницы Логайра.

— Заарканили тебя, человек.

— Кого? Меня?— Род нахмурился и глухо стукнул себя по горлу в области сонной артерии.— „Семь раз испытан я огнем...“

— „...и сочтен желанным,— согласился Логайр.— И семь раз испытан разум в том, кто ошибок не имел“.* Забери ее из моих коридоров, человек.

Род бросил на него последний вызывающий взгляд и повернулся к девушке.

— Идем, девушка,— прошептал он.— Теперь мы должны уйти из этих мест.

— Он подхватил ее на руки. Она шевельнулась, что-то обиженно пробормотала и снова уткнулась в его плечо, крепко обняв ему шею руками.

„Младенцы и женщины,— раздраженно подумал Род,— хуже зыбучих песков“.

— Милорд,— обратился он к Логайру,— не проводите ли вы меня? Как вы можете понять, мое внимание несколько отвлечено...

— Да,— ответил дух и свернул направо по коридору, но не раньше, чем Род успел заметить на лице духа призрачную улыбку.

Он вышел в освещенный коридор, где прежде встретил Дюрера. Человечишка исчез, очевидно, он предположил самое худшее и довольный пошел своей дорогой. Род опустил ноги девушки на пол. Она снова пробормотала неразборчивый протест и еще крепче прижалась к нему. Род сжал ее в объятиях и потерся щекой о ее волосы, растягивая мгновение как можно дольше. Затем он печально улыбнулся и, подняв руку, погладил ее по подбородку, повернув ее лицо в свою сторону. Глаза с длинными ресницами были все еще закрыты, полные красные губы надуты и чуточку приоткрыты.

Род сделал себя твердым, как сталь, и мягко спросил:

— Теперь ты должна рассказать мне, девушка, зачем ты последовала за мной.

Глаза ее распахнулись и тревожно расширились. Потом она закусила губу, опустила голову и отступила от него, вцепившись в ткань его камзола.

— Ты должна рассказать мне, девушка, кто послал тебя шпионить за мной?

---

* Шекспир, „Венецианский купец“, акт II, сц. 3.

Она вскинула голову, в испуге расширив глаза, и замотала ею.— Никто, милорд, никто, только я сама.

— Да?— печально улыбнулся Род.— Сама по себе ты последовала за мной в часть замка, населенную призраками?

Она снова опустила взгляд.

— Я не боялась призраков, милорд.

Род удивленно поджал губы. Если это так, она обладает необычной для горничной смелостью. Нервы у нее не сдали до тех пор, пока она не увидела их в натуре, а испытавши сам их стоны, Род легко мог понять ее сломленность. Она также могла последовать за ним в надежде, что он надумает пересмотреть свое решение спать в одиночестве. Или, может быть, она думала, что сможет помочь, если он попадет в беду. Род улыбнулся при этой последней мысли. Но он должен был удостовериться в этом.

— И все же ты еще не сказала мне, почему ты последовала за мной? Она снова закусила губу и скривила лицо. Род спокойно ждал. Выдавливая из себя каждое слово, она сказала:

— Я... я боялась за вас, милорд.

Род уставился на нее, затем его рот растянулся в полуулыбке. Он медленно покачал головой.— Ты боялась за меня?

— Да,— вскинула она голову.— Я не знала, что вы чародей, а человек в одиночку... в тех коридорах...

Голос ее оборвался, веки снова опустились. Род испустил вздох и привлек ее к себе. Она с миг сопротивлялась, затем уступила.

— Ах, девушка, девушка!— вздохнул он.— Чем ты могла мне помочь?

— Я... у меня есть подход к некоторым духам, милорд.— Голос ее был приглушен тканью его камзола.— Я думала...

Род нахмурился. Неужто общение с миром духов было нормой на этой рехнувшейся планете? Он мягко погладил ее по спине, прижимаясь щекой к ее волосам. Она, конечно, могла и лгать, но это подразумевало бы, что она великолепная актриса, а для этого она казалась слишком бесхитростной. Он вздохнул и еще крепче сжал ее в объятиях. Она прижалась к нему бедрами. Род закрыл глаза и стер в голове все ощущения, кроме ощущения ее тела. Оно было хорошим, очень хорошим, почти как у той девушки — Гвендайлон... Он резко открыл глаза и уставился в освещенный факелами полумрак коридора, рисуя перед собой два лица — бок о бок. Покрась волосы в черный цвет, загни уголки глаз, выпрями нос.

Она почувствовала его напряжение и подняла голову: „Что такое, милорд?„

Голос был немного выше тоном, да, но он был того же типа. Он оглядел ее с ног до головы — комплекция была безупречной, кожа — без единой веснушки. Но чтобы состряпать основы косметики, требуется не такая уж развитая технология. Он нацелился указательным пальцем ей между глаз.

— Ты,— заявил он,— обманывала меня.

Его палец остановился на кончике ее носа.

В ее глазах мелькнуло разочарование, а затем она снова стала воплощением невинности.

— Обманывала вас, милорд?.. Я... я не понимаю.

Род щелкнул пальцами, кончик носа отлетел. Он кивнул мрачно, но с улыбкой.

Крахмал и вода. Но ты поступила неправильно, выпрямив его. Мне он гораздо больше нравится чуточку вздернутым. Он потер кончиком пальца по уголку глаза — и тот перестал быть косым, а на пальце появилось черное пятно.

— Крахмал и вода, и черная краска на веках. Немного муки, смешанной с жженой амброй, на лицо и хна для волос.

Уголки ее рта сжались. Лицо под краской покраснело от жаркого гнева. Он покачал головой, наморщив лоб.

— Но зачем, девушка? Твое лицо во много раз прекраснее.

Он позволил себе момент самодовольства, когда гнев на ее лице растаял в нежности и страсти.

Она опустила взгляд.— Я не могла тебя покинуть, милорд.

Он закрыл глаза, скрипнул зубами и только огромным усилием воли удержался, чтобы не сжать ее в объятиях.— Но...— Он остановился и продолжил после громкого долгого вздоха:— Но каким образом ты последовала за мной, девушка?

Она подняла взгляд, невинно расширив глаза.

— В обличьи скопы, милорд.

Глаза его распахнулись с почти слышимым щелчком. Он уставился на нее.— Ведьма? Ты? Но...

— Ты не станешь презирать меня из-за этого, милорд?— обеспокоенно спросила она.— Ты, который и сам чародей?

Его глаза потеряли фокус.

— Как? Чародей?— Он помотал головой, пытаясь прояснить ее.— Э, я хочу сказать... нет, конечно, не стану. Я имел в виду... ну, некоторые из моих наилучших друзей... э...

— Милорд?— Она взглянула ему в лицо.— Здоров ли ты?

— Кто, я? Конечно, нет! Нет, минутку.— Он остановился и сделал очень глубокий вдох.— Итак, слушай. Ты — ведьма. Так. Подумаешь, эка важность. Меня больше интересует твоя красота, чем твои таланты.

Горящие уголья, там, в ее глазах, готовы были воспламениться, если он подует на них. Он сделал еще один глубокий вдох и призвал свои гормоны к порядку.

— А теперь давай внесем ясность в один вопрос.

— Да, милорд,— выдохнула она, прильнув к нему.

— Нет, нет! Я имею в виду не это!— Он шагнул назад, выставив перед собой руки, чтобы удержать ее.— Слушай. Единственная причина, по которой ты последовала сюда за мной, заключалась в том, что ты боялась, что я попаду в беду, с которой не смогу управиться, верно?

Она помолчала, свечение в ее глазах медленно угасло под приливом разочарования. Взгляд ее опустился.— Да, милорд.

То, как она это произнесла, заставило его подумать, что она оставила жутко много недосказанным, но он поспешил со

следующим доводом.— Но теперь ты знаешь, что я чародей, верно?

— Да, милорд.— Он едва смог ее расслышать.

— Значит, ты знаешь, что мне нечего бояться, не так ли? Значит, больше нет нужды следовать за мной, верно?

— Нет, милорд!— Она вскинула лицо, пылая взглядом, затем ее подбородок поднялся немного выше, гордый, надменный в своем упрямстве.— Я буду следовать за тобой по-прежнему, Род Гэллоуглас. В мире сем есть чары, о коих ты не ведаешь.

И одним из самых раздражающих в ней качеств, решил Род, было то, что она всегда была столь чертовски права. В этом безумном шиворот-навыворот мире было, наверное, куда как много „чар", которых он даже вообразить не мог. Но с другой стороны, кажется, были некоторые, о которых она тоже не знала. Ведьма-любительница, скорее всего, и слишком старая, чтобы вступать в профсоюз — ей, должно быть, почти столько же лет, сколько и Роду. Фактически, ее „колдовство" состояло, кажется, из косметического искусства, способности летать птицей (это еще он не до конца вычислил) и совершенно необычной для женщины смелости. Так что она права, у нее были веские причины беспокоиться о нем — он еще находится в опасности, но также и она. Нет. Без толку говорить ей, что она не может следовать за ним, она все равно последует. И он выйдет живым, как он всегда выходил из всех передряг, но она будет убита где-нибудь в кювете, где-то по дороге. Или, может быть, настолько свяжет его, что они оба кончат покойниками. Он мотнул головой из стороны в сторону, энергично ею тряся. Он не мог позволить ей погибнуть. Он должен был как-то стряхнуть ее и знал, как именно. Его рот скривился в кислой улыбке.

— Выходит, правда то, что говорят о сельских девушках: дай им миг доброты, и ты никогда от них не избавишься. У тебя, милая, высший класс приставучести.

Она ахнула, отступила от него, лицо ее исказила гримаса боли, а тыльная сторона ладони метнулась к губам. На глаза навернулись слезы, она закусила руку, повернулась и убежала. Он уставился в пол, прислушиваясь к замирающим рыданиям, чувствуя растущую в нем пустоту. По тяжелой дубовой двери громыхнул кулак. Род выкарабкался из глубины сна, забарахтался, пытаясь сесть. Большой Том и деваха лежали, не шевелясь, не сводя глаз с двери. Род хмыкнул, поднимаясь на ноги.

— Не беспокойтесь,— пробурчал он.— Духи не стучатся.

— Эй, менестрель,— грохнул грубый пропитый голос.— Ступай к моему хозяину!

Род натянул камзол и поднял лютню. Он распахнул большую дверь, мотая головой, чтобы избавить ее от остатков скудного сна.— Ты мог бы, по крайней мере, попробовать быть повеселее в такой час чертова утра?— проворчал он.— И кто именно, черт возьми, твой хозяин?

Тяжелый кулак попал ему ниже уха, заставив его

откатиться к стене. Он поборол мгновенный импульс сломать этому типу шею. Сквозь звон в ушах и шум в голове он расслышал глухой садистский смешок.

— Знай, как разговаривать с высшими, шут. То хорошее правило для мужлана.

Род поднялся, оперевшись руками о стену, и смерил взглядом своего противника. Это был простой солдат, одетый в кожу и кольчугу, которые нуждались в чистке, так же как и сам солдат. Может быть, он и простолюдин, но у него был далеко не простой случай запаха, и венец всего — халитоз*, обязанный, возможно, гнилым зубам, которые он выставлял напоказ в самодовольной ухмылке. Род вздохнул и выпрямился, решив, что, возможно, лучше будет сыграть свою роль. Фактически, он заслужил удар, потому что выпал из характера своего персонажа. Шут в средневековом обществе канализировал выход эмоций — не только через развлечения, но также создавая мишень для агрессий, становясь их объектом.

— Ладно,— сказал он.— Усвоил. Идем.

На этот раз кулак угодил ему в челюсть. Покатившись от удара, он услышал, как веселый голос прорычал: „Усвоил, но недостаточно, правило есть обращаться к высшим «мастер».“

Род подавил гнев в спокойную, расчетливую ярость и бросился вперед, нанеся три быстрых удара ребром ладони.

— У меня есть еще лучшее правило для солдата,— проинформировал он смятую кучу у своих ног.— Сперва удостоверься, кто есть высший. А теперь веди меня к своему хозяину.

Хозяином, как оказалось, был Логайр. Рода проводили в средних размеров зал с высоким потолком, который был весь увешан гобеленами. Три высоких узких окна, сквозь которые Роду был виден слабый свет зари, искажаемый призмой водопада, освещали помещение, которое было заполнено ревом воды, но звук был приглушенным. Присмотревшись повнимательнее, Род увидел, что окна были с двойными рамами и в метр глубиной. Кто-то кое-что помнил из старой технологии. Стены были увешаны гобеленами, под ногами лежал толстый ковер. Центр покоев занимал большой овальный стол. Во главе его сидел Логайр, справа от него старший сын. Дюрер сидел слева. Другие места занимали восемь человек, выглядевшие знакомыми. У Рода расширились глаза, когда он узнал их: герцог Медичи, граф Романов, герцог Бурбон, князь Габсбург и их советники. После Логайра они были четырьмя самыми могущественными среди Великих Лордов. И если эти пятеро собрались вместе, то не могли ли быть поблизости другие семеро? Все сидели за завтраком, но никто из них, кажется, по-настоящему не сознавал, что он ест. Взять вот Ансельма — сына Логайра — он ел, словно автомат, уставясь в тарелку, с лицом, застывшим, словно у скульптуры, в холодной ярости. Его отец сидел, склонив голову, крепко стиснув руки перед собой на столе.

---

* Халитоз (мед.)— дурной запах изо рта.

Надо полагать, решил Род, здесь имела место небольшая ссора между отцом и сыном, и Логайр победил — но только приказав сыну заткнуться. И Рода призвали залатать брешь. Ой-е-ей! Чего только не ждут люди от эстрадных артистов. Лицо Дюрера лучилось подспудным пыланием мстительной радости, у других советников были более умеренные версии того же выражения лица. Что бы тут ни произошло, все вышло так, как хотел Дюрер: вероятно, именно он-то это и подстроил. Этот человек был идеальным катализатором, решил Род. Он никогда не вступал в вызванные им реакции.

Логайр посмотрел на своего сына с немым призывом в старческих покрасневших глазах. Но Ансельм не ответил ему даже мимолетным взглядом, и лицо герцога стало твердым, как кремень.

Повернувшись, старик увидел Рода.— Менестрель!— рявкнул он.— Почто ты стоишь праздно, дай нам веселья.

Голова Дюрера резко повернулась в его сторону, он вцепился в него взглядом. Тревога сменила на его лице шок с последовавшей затем дисциплинированной убийственной яростью. Род весело улыбнулся, поклонился и коснулся чуба, отдавая честь. Про себя он гадал, какая же песня сможет выжечь напряженность в этом зале. Он сильно подозревал, что тут существовал обычай разряжать атмосферу, избивая менестреля за неумение выполнить свою задачу. Он начал наигрывать „Мэтти Гривса", прикидывая, что его единственный шанс заключается в том, чтобы дать нечто еще более ужасное, чем все, что только могло иметь здесь место. Он, однако, некоторое время воздерживался от слов, чтоб дать себе время изучать лица четырех лордов. Выражение их менялось до задумчивого размышления, которое явно было направлено на старого герцога. Похоже, Логайр не имел здесь сильных сторонников:

— Менестрель!

Род поднял взгляд — это заговорил Ансельм.

Лицо молодого человека было настолько кислым, что от него молоко свернулось бы.— Ты знаешь песню о парне, из которого женщина сделала дурака, и все же он, вдвойне дурак, все еще любит ее?

— Перестань!— сказал Логайр.

Но прежде чем Ансельм смог ответить, Род сказал:

— Много, милорд, о мужчинах, все еще любящих женщин, выбранивших их, и во всех них леди возвращаются к ним.

— Возвращаются!— сплюнул Ансельм.— Да, она возьмет его обратно, чтобы с позором повесить на воротах своего замка!

Старый герцог, поднявшись на ноги, прорычал:

— Довольно твоей клеветы!

— Клеветы!— Кресло Ансельма опрокинулось, когда он вскочил на ноги, чтобы встретить отца лицом к лицу.— А разве это клевета, что она оплевала гордое имя Логайров. Да! И не раз, но дважды, и сделает это вновь! Нет!— Он врезал по столу кулаком, обернувшись, чтобы пройтись взглядом по лицам

лордов.— Эта подлая девка должна усвоить, что она не может топтать честь своих пэров! Мы должны сбросить ее с престола и сломать под нами раз и навсегда!

Лицо Логайра-старшего побагровело, он уже совсем был готов ответить резко, но прежде чем он успел заговорить, Род пробормотал словно про себя: „Нет, милорд, не так круто. Не громить, а приструнить."

Он попал под перекрестный огонь подобных лазерам взглядов Ансельма и Дюрера, но Логайр грянул:

— Да!— сказал он с гигантской радостью и облегчением.— Он говорит не к месту, но речь его верна! Наша юная королева норовиста, но ведь такой же бывает и молодая кобылка, пока ее не взнуздают. Она должна усвоить, что ее власть не абсолютна, что есть узда на ее силу, но она сюзерен, и ее нельзя сбрасывать!

Ансельм издал булькающий звук, лицо его раскраснелось, глаза начали вылезать из глазниц. Он задыхался от ярости, но сумел проговорить, сильно заикаясь от гнева: „Нет уж! Теперь я говорю, нет! Женщина-сюзерен? Это насмешка! Блудливая надменная сука..."

— Молчать!— прогремел Логайр, и даже четверо Великих Лордов съежились от дикой силы его голоса. Что касается Ансельма, то он порядком струхнул, испуганно глядя на стоящего перед ним седобородого великана, который, казалось, вырос и раздался у него на глазах. Затем медленно и с куда большим достоинством, чем Род видел когда-либо в человеке, с истинно царственным достоинством, что дается только бессознательно, Логайр вернулся на свое место, так и не отведя глаз от сына.

— Возвращайся в свои покои,— приказал он холодным ровным голосом.— Мы не будем больше говорить об этом до конклава на закате.

Ансельм как-то сумел найти в себе силы снова задрать подбородок — жест, показавшийся каким-то нелепым и напыщенным — и круто повернулся. Когда он шел к двери, его взгляд упал на Рода. Ярость и унижение кипели в нем, и он размахнулся, чтобы вознаградить менестреля оплеухой.

— Нет!— рявкнул Логайр, и Ансельм замер.— Этот человек,— произнес размеренно герцог,— говорил правду. Я не потерплю, чтобы с ним плохо обращались.

Ансельм сцепился взглядом с отцом, затем его взгляд заколебался, и он опустил глаза. Он повернул прочь, дверь за ним захлопнулась.

— Менестрель!— прогромыхал Логайр.— Сыграй!

Род дал своим пальцам прогуляться по струнам, наигрывая „Старика из Тор Таппана", пока размышлял. Так, значит сегодня ночью состоится военный совет, да? И главным вопросом явно будет образ правления: конституционная монархия или марсократия, хотя знали об этом, может быть, только Род и Дюрер. Ну, он знал, на чьей он будет стороне. Он снова посмотрел на старого герцога Логайра, поедающего чисто

символические кусочки пищи; тот сидел, плотно сжав губы под окладистой седой бородой, сдвинув брови в суровой мрачности и с только самым малым намеком на горе в темных глубоких глазах. Да, Род знал, на чьей он стороне.

Они собрались в огромной зале, достаточно большой, чтобы послужить ангаром для космического корабля приличных размеров, если бы только грамарийцы знали, что такое космический корабль. На каменном полу был выложен герб Логайров. Вдоль стен на каждый ярд имелся серебряный канделябр с факелом, потолок был сводчатым и позолоченным, с подвешенной в центре огромной серебряной люстрой. Окон не было, но это не имело значения, поскольку уже наступила ночь. Логайр сидел в большом резном кресле в одном конце зала, позади него стена была задрапирована полотнищами с цветами его рода. Кресло стояло на помосте высотой в четыре фута, так что стоящие лорды должны были смотреть на него снизу вверх. Их было довольно много — не только двенадцать великих, но и сонм графов, баронов и рыцарей — их вассалов. И рядом с каждым стоял, вернее горбился, тонколиций костлявый человечек с приглаженными вдоль черепа скудными светлыми волосами. Род обвел взглядом зал, губы его поджались в беззвучном присвисте. Он и не представлял себе, что советники были столь многочисленны. Тут было по крайней мере штук пятьдесят, а может, и семьдесят. И могли быть еще вне поля его зрения. В данный момент у него был буквально туннельный обзор, и одноглазый притом. Освещавшие зал факелы сидели в канделябрах, прикрученных к стене тремя грубыми болтами. Но в одном из канделябров за креслом Логайра болт отсутствовал, и камень за ним был просверлен на дюйм, а затем вырезан на глубину и ширину человеческой головы. Голова в данный момент принадлежала Роду, который стоял в холодной тьме узкого хода за стеной. Глазок давал ему великолепный обзор затылка Логайра, да кое-что было видно через его плечо. Правая рука Рода покоилась на рычаге, если он толкнет его вниз и если тот не проржавел так, что не сдвинешь, камень перед ним должен распахнуться и создать дверь. Судя по выражению лиц стоящих перед герцогом Логайром, она могла оказаться очень кстати. Непосредственно перед герцогом стоял Ансельм. Бурбон и Медичи находились по бокам от молодого человека. Дюрер, конечно, стоял справа от Логайра. Логайр тяжело поднялся на ноги.— Мы собрались,— прогремел он.— Здесь, в этом зале, сошлась вся Благородная Кровь Грамария, истинная власть сей страны.

Он медленно обвел взглядом лица, смотря в глаза каждому из своих собратьев, Великих Лордов.

— Мы собрались здесь,— снова сказал он,— дабы решить о подобающем выражении своего недовольства королеве Катарине..

Герцог Бурбон зашевелился, расправив сложенные на груди руки и расставив ноги чуть пошире. Это был человек, похожий

на огромного черного медведя с лохматыми бровями и нечесаной бородой. Он стискивал кулаки и крепко сжимал губы. В его позе было что-то вкрадчивое, робкое. Он посмотрел на Логайра горящим взором.

— Нет, дорогой дядя, тут ты не прав. Мы собрались, дабы обсудить, как ее свергнуть, ту, коя иначе растопчет честь и могущество наших великих домов.

Логайр напрягся, глаза его негодующе расширились.

— Нет,— прохрипел он,— нет достаточной причины...

— Причины!— Бурбон выпрямился, его черная борода подпрыгнула вместе с челюстью.— Она обложила наши земли налогом более высоким, чем когда-либо было в наших традициях, и выкидывает целое состояние на поганых и грязных крестьян, она посылает к нам каждый месяц судей выслушивать жалобы со всех поместий, а теперь она будет назначать попов в наши земли, и у нас нет никакой причины. Она лишает нас наших законных прав в пределах наших же собственных доменов, а потом, венчая все это, оскорбляет нас же в лицо, выслушивая петиции одуревших нищих, допрежь склонить ухо к нашим!

Медичи нагнулся послушать тощего субъекта рядом с собой, потом выпрямился, слегка улыбаясь, и произнес: „И разве существовал когда-нибудь обычай, чтобы монарх принимал петиции от своих крестьян в собственном Большом Зале?"

— Никогда!— прохрипел Бурбон.— Но ныне наш благородный монарх ставит этот сброд впереди нас! И это, мой досточтимый герцог, только самые крупные из ее гнусностей и жестокостей, излитых на обычаи страны. И это пока она только дитя! Что она натворит, милорд, когда вырастет! — Он остановился перевести дух, затем мотнул головой и прокричал: „Нет, дорогой дядя! Вы должны свергнуть ее!"

— Да,— проговорил Медичи.

— Да,— провозгласили другие лорды.

— Да,— прокатилось, нарастая по всему залу, пока слово не вышло законченным, выкрикиваемым каждой глоткой снова и снова.— Да, да, да!

— А я говорю — нет!— проревел Логайр, поднимаясь во весь свой рост и во всю ширь, выглядя больше королем, чем герцогом. Голос его стал только чуть спокойнее, падая словно колокольный набат.— Она — сюзерен. Капризная — да, и горячая, и своевольная, и норовистая. Но это же изъяны юности, ребенка, которого надо научить, что есть пределы его власти. Мы должны ныне показать ей те пределы, кои она преступила. Сие мы можем сделать, и ничего более. Наше дело не требует дальнейших действий.

— Женщина не может править мудро,— прошептал советник Медичи, и Медичи подхватил:

— Мой дорогой и добрый кузен, бог не создал женщину мудрой в делах правления.

— Да, дорогой дядя,— подал свою реплику Бурбон.—

Почто она не дает нам короля? Пусть выходит замуж, если желает, чтобы этой страной хорошо управляли.

Род гадал, не был ли Бурбон разочарованным женихом. В нем было что-то неотчетливо развратное и совсем ничего романтического.

— Она правит по праву!— прогрохотал Логайр.— Она крови Плантагенетов, носивших корону сей страны с ее рождения. Как, дорогой племянник, ты столь легко забыл вассальную присягу, данную тобой славному имени?

— Династия разлагается!— прошептал, блеснув глазами, советник Бурбона.

— Да!— проревел Бурбон.— Кровь Плантагенетов стала жидкой и скисла, дорогой милорд.

„Ах, так,— подумал Род,— он больше не дядя..."

— Ослабела от ран, милорд!— напыщенно продолжал Бурбон.— Ослабела до того, что больше не смогла зачать для управления страной мужа, а зачала женщину, отпрыска-девчонку с бабьими настроениями и прихотями! Род Плантагенетов иссяк и исчерпал себя, ныне нужна новая кровь для наших королей!

— Кровь Бурбонов?— поднял бровь в презрительной улыбке Логайр.

Лицо Бурбона побагровело, а глаза выпучились. Он начал было что-то плести, когда гладко вмешался голос Медичи.

— Нет, дорогой кузен, не кровь Бурбонов. Какую нам пожелать кровь для трона, кроме самой благородной на всем юге?

Логайр уставился на него, кровь отхлынула с его лица от шока и ужаса.— Я не стану!— прошипел он.

— Да, милорд, мы это знаем,— гладко продолжал Медичи.— И все же нам нужна добрая кровь и человек добрый и решительный, человек молодой, дабы знал, что надо сделать, и не колебался бы сделать сие.— Он повысил голос.— Какой нам надобен король, кроме Ансельма, сына Логайра?

Голова Логайра дернулась, словно от пощечины. Он замер, лицо его побледнело до воскового цвета и приняло сероватый оттенок. Он потянулся за спину полупарализованной рукой, хватаясь за кресло — возраст тяжко упал на его плечи. Он опустился на край кресла, тяжело опершись на подлокотник. Его рассеянный взгляд отыскал сына, а затем медленно прошелся из стороны в сторону.

— Злодеи,— прошептал он,— проклятые подлые злодеи! Так вы похитили у меня сына...

Подбородок Ансельма вызывающе вздернулся, но в глубине глаз затаились вина и страх.

— Нет, милорд, я был с ними с самого начала.

Пустой взгляд Логайра снова отыскал его.

— Но ты, даже ты...— Голос его усилился.— Ну да, ты, более, чем когда-нибудь, прежде всего ты!

Теперь вперед шагнул Дюрер, прочь от Логайра, чтобы занять свое место рядом с Ансельмом, его улыбка расширилась в победную ухмылку. Глаза Логайра постепенно сфокусирова-

лись на нем. Их взгляды встретились и не отпускали друг друга. По залу пробежал легкий шорох, когда советники вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

— Нет,— прошептал Логайр,— это был ты...

Он медленно выпрямился, затем внимательно и не спеша посмотрел в глаза каждому Великому Лорду. Затем его взгляд вернулся обратно к Дюреру.

— Вы все одного мнения.— Его голос набрал силу, но это была сила горечи и презрения.— Обсуждение было прежде, не так ли? Ибо вы согласны: каждый из вас спорил со своей совестью и победил ее.— Голос его отвердел даже еще больше.— Какая же оса пролетела между вами, чтобы нажалить ваши души до такого согласия?

Глаза Дюрера вспыхнули огнем, рот его открылся для того, чтобы огрызнуться, но Логайр оборвал его.

— Ты! Ты со звезды! Ты явился ко мне пять лет назад, и я, старый дурак, подумал: „Хорошо!", и тогда твои ублюдки, раболепные слуги, пробрались один за другим в наши дома, а я все еще радовался — бедный старый слабоумный дурак!— Он поднял взгляд, отыскав Ансельма.— Ансельм, коего я некогда называл своим сыном, проснись и услышь! Берегись человека, что опробывает твое мясо, ибо он-то и может легче всего отравить его.

Род вдруг понял, чем кончится этот митинг: советники не могли рисковать оставить Логайра в живых — старик был все еще полон сил и мужества, все еще неукротим. Он просто-таки мог бы еще суметь добиться лояльности лордов. Шанс был слабым, но существовал, и Дюрер не мог позволить себе этого. Ансельм распрямил плечи, лицо его стало маской мятежности. Он хлопнул рукой по плечу Дюрера, не замечая, что зубы этого человечишки так и заскрежетали, когда его челюсти с треском захлопнулись.

— Я доверяю этому человеку,— сказал он голосом, которому, возможно, предназначалось быть звенящим.— Он был со мной с самого начала, и я приветствую его мудрость так же, как буду приветствовать твою, если ты пойдешь с нами.

Логайр сузил глаза.

— Нет,— сплюнул он,— изыди лжесны и твой изменческий язык! Я скорей умру, чем присоединюсь к тебе!

— Ты получишь то, что предпочитаешь,— врезал Дюрер.— Назови способ своей смерти.

Ансельм уставился на Дюрера, потеряв дар речи, затем покраснел.— Молчать, Дюрер! Он — дурак, да и предатель страны, но он мой отец, и никто не тронет его!

Дюрер вскинул бровь.— Вы приютите змею в своей постели, милорд? В любом случае, совершить это — желание всей знати, а не ваше лично.— Он повысил голос, крикнув:— Что скажете, лорды? Следует этому человеку умереть?

На миг в зале воцарилось молчание. Род положил руку на дверной рычаг, он должен вытащить Логайра отсюда. Он мог открыть дверь и уволочь Логайра в тайный ход, прежде чем кто-

нибудь поймет, что случилось. Но может ли он закрыть ее, прежде чем они подбегут? Вероятно, нет, было слишком много людей и слишком близко, а Дюрер, по крайней мере, среагирует очень быстро. Если бы только петли и пружины были в приличном состоянии! Но у него возникло впечатление, что их не слишком хорошо смазывали за последние несколько веков. По огромному залу прокатился хор неохотных „да".

Дюрер повернулся к Логайру, вежливо поклонился ему: „Вердикт, милорд,— смерть."

Он вытащил кинжал и двинулся вперед, но тут свет погас. С миг Род стоял в полной темноте, ошеломленный. Как?.. Затем он бросил весь свой вес на рычаг. Когда каменная плита со стуком приоткрылась, он выхватил кинжал. Сейчас действовать, разберемся потом. Скрежет открываемой двери разбил мгновение потрясенного молчания. Разразился ад кромешный, когда все голоса в зале начали кричать хором, некоторые звали слуг принести факелы. Шум был хорошим прикрытием. Род выскочил из потайного хода, шаря вслепую, пока не нащупал чью-то грудную клетку. Этот кто-то закричал и ударил его. Род быстро пригнулся из общих соображений тактики боя и почувствовал, как удар задел ему волосы. Он нажал кнопку на рукоятке своего кинжала и при появившемся из нее мерцающем луче света опознал в этом ком-то герцога Логайра. В Рода врезалось с воем ярости худое, как щепка, и кривобокое тело. Род вскрикнул и зашатался, когда сталь кольнула его плечо. Дюрер явно тоже углядел свет. Кинжал выдернулся из плеча Рода, он почувствовал тепло вытекающей крови и откатился в сторону. Но это чучело снова насело на него. Род хватанул наугад и по очень счастливой случайности поймал врага за запястье руки, державшей нож. Но этот человечишка был невероятно силен, он вынуждал руку Рода сгибаться. Род почувствовал острие кинжала у своего горла. Он попытался заставить другую руку помочь оттолкнуть это острие. Плечо его завизжало от боли, но рука Дюрера не шевельнулась. Кинжал вонзился на долю дюйма поглубже. Род почувствовал, как кровь струится по его горлу, и страх поднялся в его внутренностях. Полный, ошеломляющий, парализующий страх — и Род услышал глухой стон. Дюрер ахнул, кинжал с лязгом упал на пол. Тяжесть на теле Рода пропала. По всему залу прозвучал тройной очень низкий стон, в такт которому зазвучали крики ужаса. В черноте возвышались три огромные белые фигуры, венчались они скелетными лицами, округлившими рты в виде буквы „О". Горацио и двое других прежних лордов Логайров, убивающих время своей загробной жизни.

Род заставил себя крикнуть в страхе:

— Векс, шестьдесят оборотов!

В голове у него зашумело от хриплого гудения, и страх испарился. Его фонарь замерцал вновь, нашел Логайра. Род вскочил на ноги и ударил его под ложечку. С громким „уфф" дыхание выскочило из старого лорда, и он согнулся вдвое через плечо Рода — здоровое, к счастью. Род повернулся и побежал,

спотыкаясь и надеясь, что выбрал правильное направление.

Позади него Дюрер визжал:

— Заткните уши, дураки! Дураки! Дураки!

Род шел в темноте с Логайром, все тяжелее оттягивающим его плечо. Он не мог найти дверь. И теперь он слышал стаккато шагов, короткими, быстрыми очередями — Дюрера, пытавшегося наудачу найти Рода. А раз у него в ушах теперь затычки, Дюрер снова станет опасным противником. К тому же Род не мог драться с одним плечом раненым, а другим — обремененным Логайром. Щеку его овеял холодный воздух, и мимо него проплыла смутная белая фигура.

— Следуй за мной,— прогудел Горацио Логайр.

Род последовал. Он побежал за Горацио, вытянув здоровую руку, словно бегун по пересеченной местности. Это не помогло, его раненое плечо стукнулось о камень дверного проема и завертело его тело импульсом боли. Он вскрикнул и чуть не уронил Логайра, отступив спиной к стене узкого хода. Он прислонился к стене, хрипло дыша.

— Скорей, человек!— прогудел Горацио.— Плита! Ты должен закрыть ее.

Род кивнул, выдохнул и нащупал рычаг, надеясь, что Логайр останется сбалансированным у него на плече. Его рука нашла ржавый металл. Род рванул вверх, дверь со скрежетом закрылась. Он стоял, согнувшись и едва дыша. После небольшой вечности, Логайр начал приходить в себя. Род призвал на помощь всю свою энергию, чтобы опустить его на пол. Затем, все еще тяжело дыша, он поднял взгляд на Горацио.

— Премного благодарен,— просипел он,— за это своевременное спасение.

Горацио отмахнулся от благодарности, подойдя опасно близко к улыбке.

— Ах, человек, да как бы ты смог выполнить свою клятву, умерев?

— О, не знаю,— привалился к стене Род.— Вы, кажется, отлично умеете. Хотел бы я знать, как это вы сумели вывернуть пробки у факелов?

— Вывернуть... пробки?— нахмурился Горацио.

— Ну, знаете, тот фокус со светом.

Нахмуренность духа углубилась. — Разве сие не твое деяние?

Род уставился на него, затем поднял руку ладонью вверх.

— Эй, минуточку, минуточку. Итак, вы подумали, что это сделал я, а я подумал, что это сделали вы.

— Да.

— Но вы этого не делали?

— Кажется, так.

— Тогда,— Род сглотнул,— кто же?

— Кто это?— прогромыхал Логайр рядом с Родом.

Из глазка вырвался луч света. Горацио издал стон страха и пропал. Род приник глазом к отверстию. Факелы снова

зажгли. Дюрер находился на помосте, протыкая воздух кинжалом и визжа:

— Где? Где?

Род оторвал взгляд от глазка и тонко улыбнулся Логайру.

— Я не думаю, что нам следует оставаться до выяснения этого вопроса, милорд. Идемте.

Он повернулся уходить, но пальцы Логайра вонзились ему в плечо. Он вскрикнул.— Пожалуйста, милорд, если не возражаете, за другое плечо, будьте любезны...

— Что это был за человек?— прорычал Логайр.

— Человек?— огляделся кругом Род.— Какой человек?

— Да тот, что стоял перед нами в белом!

— А.— Род оглядел лицо старика. Логайр был явно еще в шоке, явно неготовый встретиться с действительностью, такой, какая она есть.— Э, просто родственник, милорд.

— Твой родственник, здесь?

— Нет, милорд, ваш.— Он повернулся, нащупывая себе путь в коридоре.

После мгновенной задержки Логайр последовал за ним. Свет из глазка уже пропал через несколько ярдов пути. Род, ругаясь, нащупывал дорогу. Ведь когда они свернут за угол и начнут спускаться по узкой лестнице, будет кромешная тьма. Он повернул за угол и достал кинжал, но тут увидел перед собой шарик фосфоресцирующего света. Он потрясенно уставился на него, затем, когда его глаза привыкли к свету, он разглядел лицо и тело (было невозможно смотреть на них, как на единое целое, поскольку каждое заслуживало независимого изучения), вытянутую руку с лежащим на ладони фосфоресцирующим шаром. Лицо это было напряженным от беспокойства.

— Гвендайлон,— констатировал он.

Лицо ее залилось облегчением и радостью, но только на миг, затем в ее глазах вспыхнул озорной огонек.

Она сделала насмешливый книксен.

— Милорд.

— Елки-моталки!— прорычал он.— Что ты здесь делаешь, черт возьми?

Глаза ее расширились с видом оскорбленного достоинства.— Я последовала за вами, милорд!

— Нет, нет, нет!— Род крепко зажмурил глаза.— Это не по сценарию. Тебе полагается теперь ненавидеть меня. Тебе полагается бросить таскаться за мной.

— Никогда , милорд.— Голос ее был очень тих.

Он посмотрел ей в глаза, чтобы увидеть, не шутит ли она: никакого намека на такую удачу. В голове у него мелькнула реплика Тома о сельских девушках.

— Что это?— кивнул он на фосфоресцирующий шарик.— Что у тебя там такое?

— Сие?— взглянула она на шарик света.— Всего лишь маленькое заклинание, которому меня научила моя мама, милорд. Он посветит вам в этих путаных ходах, милорд.

— Посветит,— согласился Род.— А можно мне узнать, как ты покончила с факелами в Большом Зале?

Она начала было отвечать, затем нахмурилась.

— То долго рассказывать, милорд. У нас есть время?

Род изучал ее лицо, поджав губы.— Но сделала это ты?

— Да, милорд.

— Всего лишь еще одно маленькое заклинание, которому...

— ...меня научила мама,— весело кивнула она.

— О'ке-е-ей!— Он пожал плечами.— Почему бы и нет? Идем, детка?— Он начал было нащупывать себе дорогу по узкой лестнице и вздрогнул, когда его плечо коснулось стены.

— Милорд!— ахнула Гвендайлон, рука ее метнулась к его плечу.— Ты ранен!

Он полуобернулся к ней, прислонившись к стене и все еще нащупывая камень; тот твердый холмик, который нашла его рука, был каким угодно, только не гранитным. Род отдернул руку. Она удивленно посмотрела на него, затем опустила глаза, невинно улыбнулась и, поймав его руку, притянула к себе.

— Милорд, не нужно...

— Черт побери!— Он вырвал руку, вжимаясь в стену. Она качнулась к нему, приоткрывая губы.— Милостивая государыня!..

— Я никогда не претендовала на такой титул,— прошептала она теплым, густым и хрипловатым голосом. Ее тело мягко прижалось к нему.

— Женщина, пожалуйста,— Род сделал мужественную попытку втиснуться в камень.— Я не могу представить себе менее эстетичной атмосферы.

— Ни время, ни место не имеют для меня значения,— выдохнула она ему в ухо и мягко куснула его.

„Я-то думал, что знаю пару-другую цитат",— сказал себе Род.— Слушай, детка, вытащи только нас отсюда, и я в твоем распоряжении!

Она перевела дух и отступила назад ровно настолько, чтобы посмотреть ему в глаза.— Правда, милорд?

— Ну, э...— Род бешено закрутил педали обратно.— На двадцать четыре часа, во всяком случае.

— Это подойдет,— надменно произнесла она с улыбкой.

С миг он сердито глядел на нее, потом проворчал.

— Сотри с губ сметану, кошка, и вытащи нас отсюда.

— Да, милорд!— Она закружилась, вихрем взметнув юбки, и побежала вниз по мшистой лестнице. С миг он смотрел ей вслед, в глазах его появился блеск. Он догнал ее в три прыжка и развернул лицом к себе. Она в удивлении посмотрела на него, затем снова включила страстный взгляд.

— Милорд, мы не должны задерживаться...

— Это не займет много времени,— ответил он и крепко прижал ее к себе. Губы у нее были влажными, теплыми и открытыми. Она испустила счастливый вздох и оттолкнула его.

— Ну! И для чего это было?

— Долговое обязательство,— усмехнулся он.

Она хихикнула, затем резко повернулась, увлекая его за собой по коридору.— Мы должны спешить!

Он высвободил руку и посмотрел ей вслед. За его спиной раздался глухой теплый смешок. Род бросил на Логайра негодующий взгляд.

— Старый козел!— пробурчал он и побежал вслед за Гвендайлон.

Скользкие камни хода тянулись по обеим сторонам, почти в трех дюймах от каждого плеча. Вверх по лестнице, поворот, еще один пролет. Камни сырые и скользкие от капающей воды, просачивающейся из озера наверху. На стенах росли, словно болячки, клочья мха. С низкого потолка свисала старая паутина. Стоя на последней ступени двенадцатой лестницы, Род услышал журчащую где-то наверху воду.

— Выход к озеру,— проинформировала его Гвендайлон.— Мы пойдем вдоль его края.

Она бросила быстрый взгляд на Рода.— Твое плечо, милорд?

— О, оно подождет,— проворчал Род.

— Оно еще кровоточит?

— Нет, камзол, кажется, остановил кровотечение. Будет, однако, жуткий счет из прачечной.

— Гмм.— Она повернулась, заспешив дальше.— Тогда оно выдержит, пока мы выйдем к берегу реки. Поторопитесь, милорды, мы должны убраться раньше, чем они додумаются поискать в стойлах.

Род нахмурился.

— Почему? Разве мы выйдем к конюшне?

— Нет, у реки, но когда они взглянут в стойла, то увидят, что твой черный и серый жеребец герцога убежали.

— Да что ты говоришь?— Он прочистил горло и спросил немного громче необходимого.— И где же будет мой конь?

— На берегу реки, Род,— ответил голос Векса.— С Большим Томом и двумя настоящими клячами.

Гвендайлон начала было отвечать, но Род оборвал ее.

— Да, да, они на берегу реки, я знаю.

Гвендайлон выглядела слегка удивленной.

— Но откуда,— продолжал Род,— Большой Том узнал, что нам понадобятся лошади?

С миг она глядела на него, нахмурив брови, а затем отвернулась.— То случилось по моему побуждению, милорд. То была только мысль, и она не могла причинить большого вреда. Мне мнилось, что нам понадобятся лошади.

— Мнилось,— повторил словно эхо Род. Она была ясновидящей к тому же?

— Да, милорд, мнилось.— Она вдруг замедлила шаги.— Идите осторожнее, милорды.

Она заботливо перешагнула через что-то, лежащее в проходе. Это был миниатюрный человеческий скелет, дюймов восемнадцати длиной, но с пропорциями взрослого человека,

а не ребенка. Он позеленел от плесени. Род посмотрел на Гвендайлон.

— Этот был здесь не так уж и долго,— сказал он.— Что это?

— Один из Крошечного Народа,— был ее ответ, губы ее отвердели.— Последнее время в этом замке были злые чары.

Род поднял глаза, удивленный тоном ее голоса, игнорируя изумленное восклицание Логайра.

Лицо ее было как кремень, застывшее в отливке злости.

— Бедный малыш,— прошептала она,— и мы не смеем остановиться и похоронить его.

Она повернулась и поспешила дальше. Род осторожно перешагнул через крошечный скелет и поспешил за ней.

— Какого рода чары?— спросил он, догнав ее.

— То было своего рода... пение... в воздухе, милорд, хотя и не для уха, а для разума. Если бы вы или я попытались двигаться против него, оно бы только остановило нас, как стена, но Крошечный Народ оно убивает.

Род нахмурился.

— **Пение**, говоришь?

— Да, милорд, и все же не для уха, как я говорила.

Силовое поле! Но это было невозможно! Спроси любого физика, и он скажет тебе...— Давно оно здесь?

— Оно было наложено пять лет назад, милорд. Оно длилось не больше месяца, ибо его хозяин не заметил, что я прекратила его, и не наложил вновь.

Род остановился так резко, что Логайр врезался в него. Он уставился на спешащую впереди по тайному ходу нежную, очень женственную фигурку. Затем он закрыл рот, сглотнул и последовал за ней. Силовое поле! И пять лет назад, именно тогда, когда появился Дюрер. Род снова подумал о циферблате на предполагаемой машине времени. Затем он уставился на длинные рыжие волосы Гвен, колышущиеся при каждом ее шаге. И она ее остановила? Машина из будущего, и она ее остановила.

Он поглядел на свою сельскую девушку с новым уважением.

— Э, Гвен, милая...

— Да, милорд.— Она оглянулась на него с выражением приятного удивления и легкой краской на лице.

Он нахмурился. Что?.. А, он назвал ее „Гвен", да еще „милая".

— Да, милорд, изгнала его, но Крошечный Народ сюда больше не приходит, и я тоже думаю, что это мудро.

„Да,— мысленно произнес Род,— очень мудро". Дюрер и К° не стали бы добродушно смотреть на маленьких шпионов и могли бы, вероятно, изобрести какие-нибудь неприятные предупредительные меры. Он устремил взгляд на удаляющуюся спину Гвендайлон, она просто-таки полна сюрпризов, эта...

— Мы уже близко, милорды!

Род вскинул голову и увидел впереди точку тусклого света. Шарик света на ладони Гвендайлон замерцал и погас. Миг спустя они вышли через обветренную, заросшую сорняками

пасть туннеля в освещенную лунами ночь. В нескольких дюжинах ярдов текла река, обрамленная ивами и кипарисами. После влажности туннеля ветер был холодным, Логайр задрожал.

— Мастер,— раздался тихий приглушенный крик, и из тени речного берега шагнул Большой Том, ведя трех лошадей.

Род схватил Гвендайлон за руку и побежал к лошадям... и был остановлен резким крайне неженственным рывком за здоровую, к счастью, руку.

— Нет, милорд,— твердо сказала она,— сперва мы должны осмотреть твою руку.

— Которую?— проворчал Род, ворочая здоровым плечом, в котором при этом возникла неожиданная боль.— Слушай, у нас нет времени...

— Это раньше или позже замедлит нашу скачку,— строго сказала она.— Лучше позаботиться о ней сейчас, когда это займет у нас только минуту.

Род вздохнул и капитулировал. Он с интересом знатока смотрел, как она побежала к берегу, и гадал, что бы это означало — странное ощущение у него внутри.

— Тут она права,— проворчал Логайр, разворачивая Рода лицом к себе.— Стисни зубы.

Он расстегнул камзол Рода, нарождающийся протест Рода был прерван оханьем от боли, когда Логайр рывком распахнул камзол, отодрав по ходу дела струпья засохшей крови.

— Пускай малость покровоточит свободно,— проворчал Логайр, срывая камзол с раненого плеча.

Затем подошла Гвендайлон с пригоршней каких-то трав и бурдюком. „Положись на Большого Тома,— подумал Род.— Он без него никуда.“ И наверное минут пять спустя Род посадил ее в седло Векса и вскочил позади нее. Он вонзил каблуки в бока Векса. Гвендайлон поразилась глухому лязганью, и когда Векс перешел в галоп, она повернулась и, нахмурив брови и озадаченно глядя на Рода, спросила:

— Почему такой звук?

— Вот потому-то я и называю его „Старина Железнобокий“*,— объяснил Род.— Только расслабься и обопрись на меня, скачка будет долгой.

— Но, милорд, мне не нужно...

— Есть только три лошади, Гвен. Кому-то нужно скакать вместе. Не беспокойся, Векс даже не заметит разницы.

— Но, милорд, я...

— Шш. Милорд Логайр!— сказал он через плечо.— Ведите нас, милорд. Вы лучше всех знаете эту землю.

Логайр молча кивнул и пришпорил рослого коня, тот

---

*„Старина Железнобокий“ [Old Ironsides]— название американского военного корабля XVIII века. Долго стоял на приколе как реликвия былых времен и знаменит в США примерно так же, как в России „Аврора“ или „Варяг“.

малость прибавил и обошел Рода. Род последовал за ним, слушая дробь копыт коня Тома позади.

— Поверь мне, милорд, нет никакой нужды для...

— Потом хватит времени на разговоры,— проворчал он.— Мы оставляем такой же четкий след, как „Поларис“*. Мы должны убраться достаточно далеко и достаточно быстро, чтобы не имело значения, последуют они за нами или нет.

Гвендайлон вздохнула.— Отлянитесь, милорд.

Род обернулся и увидел толпу, по меньшей мере, в сотню эльфов, выстроившихся вдоль их следа с миниатюрными вениками, подметая все следы позади их проезда, даже выпрямляя траву, помятую конями.

Род зажмурил глаза. „Нет, о, нет. Почему я, господи, почему я?“

Он повернулся обратно к Гвендайлон.

— Гвен, ты позвала этих... Гвен!

Седло было пустым, она исчезла.

— Гвен,— закричал он и натянул поводья.

— В самом деле, Род,— запротестовал шепот в его ухе,— я должен просить тебя держать себя в руках.

— Гвендайлон,— заорал Род.

С неба донесся звук, похожий на крик чайки. Род поднял взгляд. Скопа. Та самая. Он готов был поклясться в этом. Птица опустилась пониже и закружилась над головой Рода, настойчиво крича. И как это, черт возьми, она могла заставить рыбоястреба казаться таким женственным? Скопа устремилась впереди него, паря низко над землей, следом за конем Логайра. Затем она завернула обратно, снова закружилась у него над головой и полетела вперед.

— Да, да,— проворчал Род,— сообщение принял. Мне следует бросить командование отрядом. Векс, следуй за этой птицей! Векс? Векс!

Конь стоял с покачивающейся между бабок головой на негнущихся ногах. А, ладно, для нервов Рода это тоже было напряжением. Он хлопнул по кнопке обратного включения. Они скакали до захода луны, перейдя на рысь после первого получаса. Логайр кренился в седле, слишком измотанный для того, чтобы держаться прямо. К тому времени, как воздух с рассветом посвежел, Род, честно говоря, был в ненамного лучшем состоянии. Он подъехал к герцогу.

— Вон там, в поле, есть стога сена, милорд. Мы должны остановиться на отдых. Скоро рассвет, а мы не смеем путешествовать днем.

Логайр поднял голову, моргая.— Да, да, разумеется.

Он направил коня на поле. Род с Томом последовали его примеру. Они проломились через колючую изгородь вдоль дороги и последовали к ближайшему стогу. Род спешился и подхватил Логайра, когда тот почти вывалился из седла. Большой Том

---

* Ракета класса „корабль-земля“. Ныне устарела и заменена „Трайдентом“.

расседлал коней и послал их прочь от поля шлепком по крупу, после того как Род полуотнес-полуотвел старого вельможу на вершину стога. Он опустил Логайра на сено, отступил на шаг и прошептал:

— Векс.

— Да, Род.

— Убери этих кляч отсюда куда-нибудь подальше, где они будут не слишком заметны, хорошо? И приведи обратно на закате.

— Ладно, Род.

Род постоял с минуту, сдушая затихающую дробь копыт. Он посмотрел на Логайра: старик начисто отключился. Напряжение и долгая ночная скачка, не говоря уже о том, сколько времени прошло с тех пор, как он спал в последний раз. Род набросал сена на спящего лорда, чтобы спрятать его. Поискав Большого Тома, он увидел исчезающие в стоге голени и ступни. Седла и упряжь уже исчезли. Тем временем стопы совсем пропали из поля зрения. Затем послышался длительный шорох, и румяное лицо Тома высунулось из норы.

— Ты должен по-быстрому убраться с глаз долой, мастер. Скоро рассвет, а крестьяне не должны нас видеть.

— А они не подойдут слишком близко к этому стогу?

— Нет. Это поле далеко от замка, так что пройдет еще немало дней, прежде чем они доберутся до этого сена.

Род кивнул. Он вскинул руки вверх и прыгнул, соскользнув по стогу сена. Он оглянулся и увидел быстро закрывающуюся нору Тома.

— Спокойной ночи, Большой Том.

— Доброе утро, мастер,— ответил изнутри приглушенный голос. Род рассмеялся, мотая головой, когда направился к ближайшему стогу сена. Он влез наверх, намял в сене углубление, вытянулся в нем с блаженным вздохом.

Раздался тихий крик, и скопа упала на сено рядом с ним. Она рухнула на бок, контуры ее расплылись и вытянулись — рядом с ним лежала Гвендайлон. Она озорно улыбнулась и начала развязывать шнуровку лифа.

— Двадцать четыре часа, милорд. От восхода до восхода. Ты сказал, что столько будешь подчиняться моим приказаниям.

— Но-но-но...— Род выпучил глаза и сглотнул, когда лиф распахнулся и был отброшен прочь. Блузка начала ползти вверх. Он снова сглотнул и выдавил, заикаясь:— Но-но, кто-то должен стоять на страже!

— Не бойся,— прошептала она, блузка полетела прочь.— Это сделают мои друзья.

— Твои друзья?— Род несколько рассеянно отметил, что в данной культуре концепция бюстгальтера еще не развилась.

Гвендайлон, напротив, развилась, да еще как.

— Да, Крошечный Народ.

Одним плавным гибким движением юбка и туфли присоединились к куче отброшенной одежды. Заходящее солнце превратило солому в кроваво-золотую, когда голова Рода

высунулась из стога. Он огляделся, потянул носом прохладный свежий нектар вечернего бриза и издал вздох огромного удовольствия. Он чувствовал себя чрезвычайно хорошо. Одним взмахом руки он откинул в сторону покров из сена и принялся размышлять о том, что день выдался хлопотливым, когда его глаза не спеша и с любовью прошлись по контурам Гвен. Он нагнулся вперед и коснулся губами ее губ долгим глубоким поцелуем. Он почувствовал, что она пробуждается под ним. Род отодвинулся, ее глаза приоткрылись. Губы изогнулись в медленной страстной улыбке. Она потянулась — неторопливо, по-кошачьи. Род был удивлен, почувствовав учащение пульса. Его мнение о себе поднялось на одно деление, а мнение о ней и так уже было чересчур высоким. С уколом тревоги Род подумал о том, что он, к сожалению, человек странствующий. Он также понял, что что-то грызет основу его совести. Она посмотрела ему в глаза и посерьезнела.

— Что печалит тебя, милорд?

— А разве тебя никогда не беспокоит, что тобой пользуются, Гвен?

Она лениво улыбнулась: „А тебя, милорд?"

— Ну, нет...— Род, нахмурясь, смотрел на ладони.— Но это другое дело. Я же мужчина.

— Вот бы никогда не догадалась,— прошептала она, покусывая его по ходу дела за мочку уха.

Он усмехнулся и завертелся, пытаясь ответить тем же, но она еще не кончила с его ухом.

— Мужчины — дураки,— прошептала она между укусами.— Вечно вы говорите о том, чего нет, вместо того, чтобы говорить о том, что есть. Покончил с ночью и живи вечером, пока живется.

Затем она посмотрела на него сквозь полуопущенные веки с несколько собственническим удовольствием, медленно оглядывая его с ног до головы.

„А, ладно,— подумал Род,— вот и весь толк от моей единственной попытки быть честным." В конце концов, был только один способ стереть с ее лица эту надменную улыбку. Большой Том выбрал именно этот момент, чтобы позвать:

— Мастер, солнце зашло, мы должны убираться!

Род с негодующим рычанием выпустил Гвен.— У этого парня определенно великолепное чувство своевременности.— Он принялся натягивать рейтузы.— Подъем, милая.

— Должны ли мы, милорд,— надулась она.

— Должны,— ответил он.— Долг зовет или, по крайней мере, Большой Том. Вперед, во славу Франции*, или что-то в этом роде...

Две ночи постоянной скачки, переходы с рыси на шаг привели их обратно в столицу. Когда они подъезжали к мосту через огибавшую город реку, Род с удивлением увидел двух

---

* Шекспир, „Генрих V". „Вперед, во Францию, вы там стяжаете, милорды, славу".

солдат-пехотинцев с алебардами при пылающих по бокам от них в темноте факелах.

— Я расчищу дорогу,— пробурчал Большой Том, пришпоривая коня, и выехал вперед, опередив Рода и Логайра.— Посторонитесь!— крикнул он часовым.— Ибо мои господа желают въехать!

Алебарды с треском скрестились, перекрывая мост.

— А кто твои господа?— огрызнулся один из них.— Они мятежники? Или воины королевы?

— Мятежники?— нахмурился Том.— Что произошло в королевском граде, пока мы были на юге?

— На юге?— сузил глаза часовой.— Вот лорды юга-то и взбунтовались.

— Да, да!— нетерпеливо отмахнулся от возражений Большой Том.— Мы были там по приказу королевы, шпионами, если по правде, и мы-то и несем известие, что лорды юга взбунтовались и в какой именно день они выступят. Но как эта новость попала раньше нас?

— Что это за шутки,— вмешался Логайр, подъезжая вместе с Родом.— Посторонитесь, смерды, чтобы мог проехать человек благородной крови!

Головы часовых повернулись, и они уставились на Логайра, затем обе алебарды ринулись вперед, и их острия остановились в дюйме от его груди.

— Спешьтесь и станьте, милорд герцог Логайр!— Голос первого часового был твердым, но почтительным.— Мы должны держать вас под арестом по приказу Ее Величества королевы!

А другой часовой заорал: „Капитан! Капитан Гвардии!"

Логайр в недоверии уставился на них. Род протиснулся мимо него и прожег часового гневным взглядом.

— Назови преступление, за которое королева держит милорда Логайра под арестом!

Глаза часового переметнулись с лица Логайра на Рода и обратно, затем он с сомнением сказал:

— За государственную измену особе Ее Величества королевы!

У Логайра отвисла челюсть, затем его губы сжались, а брови сошлись, пряча глаза в темных пещерах. Лицо его казалось при свете факелов залитым кровью.

— Я строжайше верен ее Величеству королеве!— взорвался он.— Кончайте свои дерзости и посторонитесь!

Часовой сглотнул, но не уступил дороги.

— Говорят, что Логайр возглавляет мятежников, милорд!

— Солдат,— спокойно проговорил Род, но тоном строгого боевого сержанта.

Глаза часового скакнули к нему, но алебарда не дрогнула.

— Ты меня знаешь.— Голос Рода содержал завуалированную угрозу власти младшего командира.

Он произвел больший эффект, чем все надменные фразы Логайра. Солдат провел языком по губам и согласился.

— Да, мастер.

— Кто я?

— Ты мастер Род Гэллоуглас, бывший гвардеец королевы.

— Все еще гвардеец королевы,— по-прежнему мягко поправил Род.— Отправленный на юг неделю назад, чтобы охранять милорда Логайра.

Логайр вскинул голову и блеснул глазами на Рода.

— Мы считали, что вы пропали,— промямлил солдат.

— И теперь знаешь, почему.— Род старательно держал свой голос под контролем, сумев дать понять, что на несчастную голову часового падет Личный Гнев королевы, если он не подчинится.— Милорд Логайр просит убежища у своей родственницы и сюзерена, Ее Величества королевы. Она будет разгневана, если узнает, что его задерживают. Пропустите нас.

Часовой еще тверже вцепился в алебарду, сглотнув и упрямо выпятив подбородок.

— Был отдан приказ содержать милорда Логайра в тюрьме под арестом. Больше я ничего не знаю.

— В тюрьме!— проревел Логайр, побагровев.— Что я, двухгрошовый бродяга, чтобы меня поворачивали от ограды к тюрьме? Разве так королева признает своего вассала? Нет, нет! Кровь Плантагенетов не пала так низко! Негодяй, я вырву тебе твой лживый язык!

Его рука потянулась к кинжалу, и солдат отпрыгнул, но рука Рода остановила вельможу.

— Успокойтесь, милорд,— прошептал он.— Это Дюрер послал сюда известие вперед нас. Королева может не знать о вашей верности.

Логайр огромным усилием взял себя в руки, переходя в своего рода тихую ярость. Род нагнулся и шепнул Тому:

— Том, ты можешь найти такое место, чтобы спрятать старика в безопасности?

— Да, мастер,— нахмурясь, посмотрел на него Том.— У его сына, но зачем?

— В доме Хлодвига?

— Да, мастер. Чтобы вытащить их из Дома Хлодвига, потребуется вся королевская рать и большие бомбарды.

— Я бы сказал, что с этим справится хороший сильный ветер,— пробормотал Род.— Но, полагаю, это самое лучшее, что мы можем сделать. Так что...

— Говори так, чтобы все могли слышать!— крикнул новый голос.

— Вроде знакомый звон,— пробормотал Род, оглянувшись.

Сэр Мэрис прошел между двух гвардейцев, испытавших огромное облегчение.

— Отлично, Род Гэллоуглас! Ты привел в наш надежный оплот самого вредоносного из всех мятежников.

Сузившиеся глаза Логайра пронзили Рода ненавистью.

— Не говорите между собой,— продолжал сэр Мэрис.— Я запрещаю сие. И хорошенько слушайтесь моих приказаний, ибо тут есть двенадцать хороших арбалетчиков, нацеливших стрелы в ваши сердца.

Логайр откинулся в седле, высокий и гордый, застывший в граните фатализма.

— Двенадцать?— Род подарил сэру Мэрису кривую насмешливую улыбку.— Только двенадцать стрел, чтобы убить Логайра? Дорогой сэр Мэрис, я вынужден подумать, что ты становишься на старости лет опрометчивым.

Гранитная маска треснула — Логайр бросил на Рода озадаченный взгляд. Род спешился и зашагал к мосту прочь от лошадей. Он горестно покачал головой.

— Ах, сэр Мэрис, сэр Мэрис! Мой дорогой сэр Мэрис, думать, что... Вдруг он стремительно развернулся и с высоким пронзительным криком шлепнул лошадей по груди.— Разворачивайтесь и скачите!— завизжал он.— Скачите!

Сэр Мэрис и его воины стояли, замерев от удивления, когда кони стали на дыбы, повернулись и скакнули прочь. Миг спустя двенадцать арбалетных стрел ударились в землю в том месте, где они только что были. Один стрелок был немного порасторопнее своих коллег: его стрела со звоном ударила по крупу Векса и срикошетировала в реку. Возникла пауза потрясенного молчания. Затем по рядам пробежал, набухая, шепот:

— Колдовской конь! Колдовской конь!

— Замети след, Векс!— прошептал Род, и огромный черный конь встал на дыбы, молотя в воздухе копытами и испуская боевое ржание, а затем повернулся и исчез, пропал в ночи, только затихала вдали дробь копыт. Род мрачно улыбнулся, уверенный, что след Векса будет вновь и вновь пересекать след Тома и Логайра до тех пор, пока его не сможет распутать даже любящий спагетти повар-итальянец. Он посмотрел на небо, и хотя он не мог ничего разглядеть за пределами круга факелов, но все же решил, что слабый крик ему не почудился. Он снова улыбнулся, на этот раз немного искреннее. *Пусть Катарина попробует бросить его в тюрьму. Пусть только попробует.* Затем улыбка застыла и скисла, когда он обратил лицо к сэру Мэрису. Старый рыцарь мужественно боролся за то, чтобы выглядеть разгневанным, но страх в его глазах трубил столь же громко, как телереклама. Голос его дрожал.

— Род Гэллоуглас, ты содействовал побегу мятежника.

Род молча стоял, сверкая глазами.

Сэр Мэрис с трудом сглотнул и продолжил: „За государственную измену особе Ее Величества королевы всего Грамария, Род Гэллоуглас, я должен взять тебя под арест."

— Род вежливо склонил голову.— Вы можете попробовать.

Солдаты в страхе забормотали что-то и отступили. Никто не желал скрестить оружие с чародеем. Глаза сэра Мэриса в тревоге расширились, затем он развернулся и схватил за руку одного из солдат.

— Вот ты! Солдат! Солдат!— прошипел он.— Беги вперед и доставь известие королеве. Скажи, что здесь обнаружилось.

Солдат так и припустил, жутко обрадованный возможностью выйти из боя. Сэр Мэрис повернулся обратно к Роду.

— Теперь ты должен явиться на суд королевы, мастер Гэллоуглас.

„Ого!— подумал Род.— Так я теперь мастер, да?"

— Ты пойдешь по своей воле?— озабоченно спросил сэр Мэрис.— Или я должен принудить тебя?

Род боролся с искушением дать плечам затрястись от смеха над страхом в голосе старого вояки. Его репутация имела решающее значение.

— Я пойду по своей воле, сэр Мэрис,— сказал он, ступая вперед.— Идем?

Глаза сэра Мэриса прямо-таки запылали от благодарности. Внезапно он отрезвел.

— Не хотел бы я быть на твоем месте, даже за замок и герцогство, Род Гэллоуглас. Теперь тебе придется предстать одному пред языком нашей королевы.

— Ну да,— согласился Род.— Но, впрочем, я тоже должен ей пару ласковых, не так ли. Идем же тогда, сэр Мэрис.

К несчастью, марш к замку дал Роду время поразмыслить над последними грубыми выходками Катарины, так что к тому времени, как они подошли к дверям ее покоев, челюсти Рода были сжаты и он дрожал в ярости. И, ровно к несчастью, там уже был готов комитет по приему высокого гостя, состоящий из двух часовых, солдата, посланного вперед гонцом, двух алебард, нацеленных прямо в живот Роду. Процессия остановилась.

— И что,— осведомился Род с холодной улыбкой,— это предположительно значит?

Гонец, задыхаясь, выдавил ответ: „Ко-королева за-запретила, чтобы ча-чародея приводили к ней неско-кованным."

— А.— Род на миг поджал губы, а затем подарил гонцу вежливый подъем брови.— Я буду скован?

Гонец кивнул на грани истерики.

Алебарды с треском отлетели, когда Род отшиб их по обе стороны от себя. Он сгреб гонца за шиворот и бросил в кучу кинувшихся к нему гвардейцев. Затем он со всей силы пнул ногой дверь, сорвав с болтов грубые металлические петли. Дверь с треском рухнула, и он перешагнул через нее, ступая твердым шагом. Катарина, мэр королевского города и Бром О'Берин вскочили на ноги с кресел, стоящих вокруг кленового стола. Бром прыгнул загородить Роду дорогу.

— Каким дьяволом ты одержим, Род Гэллоуглас, ты...

Но Род уже миновал его и продолжал двигаться. Он развернулся, остановившись перед королевой, гневно глядя на нее глазами, которые были словно осколки сухого льда. Катарина отступила, поднеся руку к горлу в замешательстве и страхе. Бром вскочил на стол и заорал:

— Что означает сие неподобающее вторжение, Род Гэллоуглас? Убирайся, пока королева тебя не вызовет.

— Я предпочел бы не являться перед Ее Величеством в цепях.— Слова его были холодными и рубящими.— И я не позволю, чтобы вельможу высочайшего ранга упекли в простую зловонную тюрьму с крысами и ворами.

— Ты не позволишь?— ахнула возмущенная Катарина.

— Да кто ты такой, чтобы позволять или не позволять?— прорычал Бром.— Ты даже не дворянской крови!

— Тогда я должен думать, что кровь мешает действовать,— отрезал Род. Он отшвырнул стол с дороги и двинулся на королеву.— Я-то думал, ты благодарна.— Слово это прозвучало глумлением.— Но теперь я вижу, что ты поворачиваешь против своей собственной семьи, даже против того, кто столь же близок тебе, как отец! Воистину, если дерешься с кем-нибудь из своих вельмож, то приходится драться с родственниками, но с родным дядей? Позор, женщина! Будь он самым мерзким убийцей, тебе следовало бы принять его с вежливостью и почтением, подобающим его положению. Тебе следовало отвести под его камеру свои лучшие палаты, это всего лишь долг крови!— Он прижал ее к очагу, вонзая в нее гневный взгляд.— Нет, будь он только убийцей, ты, несомненно, приняла бы его со всеми почестями! Но нет, он совершил ужасное преступление, возражая против твоих деспотичных действий, произвольных законов и, хуже того, отстаивая свою честь против твоих расчетливых оскорблений. Он смел настаивать на предоставлении человеку подобающего уважения в царствование ребячливой, мстительной, грубой девчонки, имеющей титул королевы, но никаких достоинств, и за это он будет проклят!

— Фу, сударь.— Она дрожала, бледная, как снег.— Как вы говорите с леди!

— Леди!— презрительно фыркнул Род.

— Прирожденной леди!— Это был тоскливый, отчаянный крик.— И ты тоже покинешь меня, ты тоже будешь говорить со мной языком Хлодвига?

— Я, может быть, говорю, как хам, но ты ведешь себя по-хамски! И теперь я понимаю, почему все покидают тебя, ибо хлещешь презрением Логайра, который единственный остался тебе верен.

— Верен!— ахнула она.— Он, ведущий мятежников!

— Мятежников ведет Ансельм Логайр! За сохранение верности тебе старый герцог ныне смещен в пользу своего сына!

Он зло улыбнулся, когда на ее лице появилось чувство ужаса и вины, затем повернулся к ней спиной и шагнул прочь, давая ей понять всю глубину ее предательства. Он услыхал за своей спиной протяжный судорожный вздох — Бром метнулся мимо него помочь королеве. Тут же послышался скрип кресла — Бром заставил ее сесть. Подняв глаза, он увидел, что лорд-мэр глядит мимо него широко открытыми глазами. Род прочистил горло, взгляд бюргера переметнулся к нему. Род дернул головой в сторону двери. Мэр, колеблясь, снова посмотрел на королеву. Род поиграл рукояткой кинжала. Мэр увидел это, побелел и сбежал. Род снова обернулся к пораженной девушке.

Стоявший рядом с ней Бром бросил на него взгляд испепеляющей ненависти и прорычал:

— Кончено! Ужель ты вонзил нож недостаточно глубоко?

— Еще нет,— стиснул зубы Род. Он снова подошел

к Катарине и продолжал холодным голосом:— Этот славный вельможа, герцог Логайр, твой родной дядя, из любви к тебе выступил против всей твоей знати, *даже против своего родного сына!*

Голос его надломился. Ее глаза вскинулись, полные страха.

— И это именно из-за твоих действий, из-за твоего произвольного законодательства и полного отсутствия дипломатии Ансельм повернул против отца. У него было двое сыновей, и ты лишила его обоих!

Она замотала головой, все быстрее и быстрее, и губы ее произносили безмолвное отрицание.

— И все же он по-прежнему верен!— прошептал Род.— Он по-прежнему верен, хотя они убили бы его за это и были чертовски близки к этому!

Она в ужасе уставилась на него.

Род слегка постучал себя по плечу.— Вот это плечо приняло кинжал, что пронзил бы его сердце. И даже при этом только чудом и с помощью одной ведьмы, о который ты едва ли знаешь, я сумел вывезти его живым.

Бром вскинул голову, ища что-то на лице Рода. Тот нахмурился и продолжал:

— Но я вывел его с риском для жизни и привел его обратно в целости. И что же я нахожу? Его должны держать пленником, и даже не так, как подобает знатному пленнику! Нет, не обращаясь с должным уважением и почтением, а как простого карманника, в тесной темной тюрьме!

Он сделал для эффекта паузу, довольно-таки сильно гордясь последним образчиком аллитерации.

Но с этим он малость перебрал, она овладела собой. Вскинув подбородок, она смахнула крупные слезы.

— Перед моими законами, сударь, все равны!

— Да,— согласился Род,— но это должно означать, что с крестьянами надо обращаться как с лордами, а не наоборот!— Он склонился над ней, лицо в дюйме от ее лица.— Скажи мне, королева, почему это Катарина должна относиться ко всем с презрением?

Это была ложь; она не ко всем относилась с презрением, только к знатным, но в глазах ее появились боль и виноватое сомнение в себе.— И все же она вскинула подбородок и провозгласила:

— Я королева — и все должны склоняться перед моей властью!

— О, они склонялись, склонялись! Пока ты не отвесила им оплеухи — тогда они ответили тем же.

Он отвернулся, упершись гневным взглядом в очаг.— И я не могу сказать, что виню их, так как ты лишаешь их свободы.

— Свободы?— уставилась на него Катарина.— Что это за речи, сударь? Я стремлюсь дать больше свободы крепостным!

— Да, ты к этому стремишься,— кисло улыбнулся Род.— Но как ты подходишь к тому, чтобы дать ее! Ты берешь все на себя, даже больше. Ты лишаешь их сегодня, чтобы дать им

больше завтра!— Он трахнул кулаком по подлокотнику ее кресла.— Но это завтра наступит после дождичка в четверг, неужели ты этого не видишь? Слишком много болезней в этой стране, всегда будет новое зло, против которого надо будет бороться, и слово королевы должно быть неоспоримым законом, чтобы командовать армией в борьбе против зла.— Он медленно отвел руку, глаза его горели.— И поэтому он никогда не наступит, тот день, когда ты сделаешь их свободными, в твоей стране никто не будет иметь свобод, кроме королевы!— Он сцепил руки за спиной и принялся расхаживать по комнате.— Ее есть лишь столько-то на всех, знаешь ли, этой свободы. Если один человек имеет больше, то другой должен иметь ее меньше, потому что один командует, а другой подчиняется.

Он держал руку перед ней, медленно сжимая ее в кулак.

— Вот так, мало-помалу, ты будешь похищать ее до тех пор, пока не станут повиноваться малейшей твоей прихоти. Ты будешь обладать полной свободой, сможешь делать все, что ты пожелаешь, но свободна будешь ты одна. Ничто из этой свободы не перепадет твоему народу. Вся, вся будет собрана у Катарины.

Его рука разжалась и слегка стиснула ей горло. Она уставилась на него и сглотнула, прижимаясь к спинке кресла.

— Но человек не может жить без по крайней мере малости свободы,— мягко произнес он.— Они должны иметь ее или умереть.

Его рука медленно сжалась.

— Они поднимутся против тебя, объединенные своим общим врагом — тобой. А потом они снова выжмут из тебя свои свободы — медленно, медленно.

Катарина рванула его руку, борясь за дыхание. Бром прыгнул освободить ее, но Род отпустил ее раньше.

— Они повесят тебя на воротах твоего замка,— прошептал он.— И знать будет править вместо тебя, все твои дела будут вымараны, и в этом ты можешь быть уверена, ибо так всегда бывало с тиранами.

Она вскинула голову, в глазах ее была боль. Она набирала воздух, чтобы говорить, мотая головой во все более твердом отрицании.

— Нет, не я,— наконец выдавила она из себя.— Не это, нет! Никогда не тиран!

— Всегда тиран,— мягко поправил Род.— С рождения. Всегда тиран. Для всех, кто тебя окружал. Хотя ты никогда не знала этого до сегодняшнего дня.

Он отвернулся, сцепив руки за спиной.

— Но теперь ты знаешь. И знаешь также, что тебе некого винить в мятеже, кроме себя. Ты их толкала и толкала, своих вельмож, все сильнее и сильнее, для блага народа, по твоим словам.— Он оглянулся через плечо.— Но разве этот мятеж также не дает возможности увидеть тех, кто смеет тебе сказать: „нет!", увидеть, кто из них настоящие мужчины?

Ее лицо исказило презрение.— Мужчины?— Слово это

прозвучало неприличным ругательством.— В Грамарие больше нет никаких мужчин, только мальчишки, довольные своей участью игрушек женщин!

Он криво улыбнулся.— О, есть еще мужчины. Мужчины на юге, мужчины в Доме Хлодвига или, по крайней мере, один там есть. Мужчины, моя королева, но мужчины благородные, любящие свою королеву и ненавидящие наносить ей удар!

Ее веки опустились, презрение, игравшее на ее лице, превратилось в улыбку.

— Именно то, что я говорила, нет больше мужчин в Грамарие.

— Они есть,— очень спокойно ответил Род.— И они идут в поход на север, чтобы доказать это.

Она уставилась на него, затем медленно села в кресло.

— Ну, так они идут в поход на север, а я встречу их на Бреденской равнине. И все же среди них нет ни одного, кого я назвала бы мужчиной. Скоты, все до единого.

— О, ты их встретишь.— Род подарил ей приторно-сладкую улыбку.— И что ты используешь в качестве армии, и кто будет ею командовать?

— Я буду командовать,— надменно ответила она.— Я и Бром. И будет там пятьсот гвардейцев королевы и семьсот солдат из армии королевы и трижды двунадесять рыцарей из моих владений.

— Шестьдесят рыцарей!— Губы Рода сжались, растягиваясь по углам.— Не хватит даже для того, чтобы поразвлечь южных рыцарей одной полной атакой! Шестьдесят рыцарей из скольких сотен в твоем королевстве? А все остальные выстроились там, против тебя! И двенадцать сотен пехотинцев против тысяч мятежников!

Катарина в судороге сжала руками подлокотники кресла, чтобы унять их дрожь, страх лишил ее лицо цвета.

— Мы победим ради чести Плантагенетов и Грамария или погибнем благородно.

— Я пока еще,— натянуто заметил Род,— не видывал благородной смерти в битве. Они все попросту малость беспорядочны.

— Молчать!— оборвала она. Затем закрыла глаза и опустила голову, костяшки пальцев, лежащих на подлокотнике кресла, побелели. Она поднялась, снова гордая и спокойная, и Род не мог не восхититься на миг ее мужеством.

Катарина села за стол, придвинула к себе пергамент и перо, почиркала с минуту, потом протянула пергамент Роду.

— Отнесите это моему дяде Логайру,— сказала она.— Это приказ, чтобы он явился здесь передо мной, и охранная грамота, ибо я думаю, что вскоре мне понадобятся рядом все верные люди.

Род взял пергамент и медленно скомкал его в кулаке.

Он швырнул его в огонь, не сводя глаз с Катарины.

— Ты напишешь письмо герцогу, и я отнесу его,— сказал

он антарктическим голосом,— но в нем ты будешь просить его оказать любезность аудиенцией.

Спина ее выпрямилась, а подбородок задрался кверху. Род постепенно утеплил голос, улыбнувшись.

— Бросьте, бросьте, моя королева! Вы уже имеете все свободы. Неужто вы не можете немножко потратиться на вежливость?

Глаза ее потемнели, а улыбка растаяла.

— Или вы будете охвачены грехом гордыни и позволите своей свободе стать погибелью?— Он подошел поближе, возвышаясь над ней.— Народ будет расплачиваться за вашу гордость, моя королева? Или вы?

С минуту она прожигала его ответным взглядом, но что-то внутри ее требовало внимания. Она опустила взгляд и с минуту сидела тихо, затем повернулась к столу и написала, затем сложила письмо, запечатала его и протянула Роду. Он взял его, поклонился немного чересчур низко, повернулся к двери. Тут уголком глаза он уловил быстрое движение по плинтусу. Повернулся и увидел мышь, шмыгнувшую под гобелен, где она и осталась, замерев. Челюсти Рода сжались. Двумя большими шагами он пересек комнату и поднял гобелен. Мышка посмотрела на него своими очень широкими, очень зелеными и очень разумными глазами.

— Я не ценю подслушивающих,— холодно сказал Род.

Мышка вздрогнула, но ответила вызывающим взглядом. Род нахмурился от неожиданной мысли, затем строгое выражение лица его растаяло. Он мягко поднял мышку на уровень глаз с нежностью, которая отличнейшим образом отрицала любой достойный образ, который он мог создать.

Он медленно покачал головой.— Ну не думала же ты, что мне здесь понадобится помощь, а?

Мышка опустила голову, ее усики чуть дернулись.

— Воистину,— прошептала Катарина,— по-моему, этот человек одержим.

— Ваше Величество,— произнес Бром задумчивым тоном и с блеском в глазах,— он, возможно, говорит куда вернее, чем думает.

Подъемный мост гулко отозвался под широким шагом Рода. Он легко сбежал вниз по склону, прочь от замка, и нырнул в рощу канадских елей.

— Векс,— тихо позвал он.

— Здесь, Род.— Большой черный конь вышел из-за деревьев.

Род улыбнулся и любовно хлопнул по металлическому боку.

— Откуда ты, черт возьми, узнал, что я приду сюда?

— Очень просто, Род. Анализ матриц твоего поведения вкупе с тем фактом, что эта роща находится ближе всего к...

— Замнем это,— проворчал Род.— Большой Том отвел Логайра в Дом Хлодвига?

— Подтверждаю, Род.

Род кивнул.— При данных обстоятельствах это, вероятно,

самое безопасное место для герцога. Какое падение для вельможи.

Он вскочил в седло. Затем пошарил в камзоле и достал мышку. Она озабоченно посмотрела на него.

— Ну,— вздохнул он.— Кажется, что бы я ни сказал тебе делать, тебе без разницы, ты все равно поступишь по-своему и сделаешь то, что хочешь.

Мышка опустила глаза, пытаясь выглядеть виноватой и пристыженной, но ее усики затрепетали от восторга.

Она потерлась щекой о кожу его ладони.

— Ласками ты ничего не добьешься,— проворчал Род.— А теперь слушай. Ты отправишься в Дом Хлодвига. Именно туда я и двигаюсь. Это приказ.

Мышка глянула на него большими невинными глазами.

— И это тот приказ, про который я могу быть уверен, что ты ему подчинишься,— продолжал Род,— поскольку ты все равно собираешься это сделать. Но слушай!

В его голос закралась нотка беспокойства

— Будь осторожна, а?— Он протянул руку и очень осторожно поцеловал мышку в нос

Мышка подпрыгнула, завертевшись от радости, весело отплясывая на его руке, танцуя, она поднялась на задние лапки, ее передние лапки вытянулись и расширились в крылья, хвост распустился веером, на теле выросли перья, нос потерял свою четкость и стал клювом — и на ладони Рода плясала синица. У Рода перехватило дыхание.

— Э...да,— произнес он после некоторой паузы.— Просто это немного труднее воспринять, когда я вижу, как это происходит.

Птичка спрыгнула с его ладони, облетела несколько раз вокруг его головы, попарила перед ним, а затем унеслась стрелой в небо. Род посмотрел вслед синице и пробормотал:

— Ты думаешь, в этот раз она сделает то, что я ей говорю, Векс?

— Сделает.— В голосе робота звучали странные интонации.

Род искоса посмотрел на большую черную голову

— А я-то думал, что роботы не могут смеяться

— Неверное представление,— ответил Векс.

— Пшел.— Род ткнул каблуком в стальные бока коня.

Векс заскакал своей длинной стальной рысцой.

— Что я еще могу поделать?— проворчал Род.

— С этой леди,— ответствовал Векс,— ничего. Но не жалей, Род. Это великолепная политика. Ее приняли многие короли.

— Да,— задумчиво произнес Род.— И в конце концов, важно ведь, чтобы она подчинялась, не так ли?

Векс бесшумно проталопировал на надутых резиновых подушках в освещенный луной двор и внезапно остановился. Род стукнулся грудью о шею коня.

— Уфф!— Он хлопнулся обратно в седло.— Ойййй! Мой

копчик! Слушай, Векс, предупреждай меня, прежде чем выкинуть подобный фокус в следующий раз, а? Для тебя инерция может быть мелкой неприятностью, но меня она разит прямо в то, чем я жив.

— Это куда же, Род?

— Неважно,— пробормотал Род, спешиваясь,— достаточно будет сказать, что я только что понял, почему кавалерия, бывало, пользовалась расколотыми седлами.

Он пересек двор, взглянул по дороге на луну. Она стояла низко в небе, рассвет был недалеко. Он постучал в дверь, изнутри донесся шорох движения, потом открылась дверь. Перед ним стояла кривобокая согнутая фигура Пересмешника.

— Да, милорд?— произнес он с кривозубой усмешкой.

Не следовало давать ему понять, будто Роду известно, что Пересмешник был закулисной властью. Род шагнул через дверь, едва заметив присутствие этого человечишки.

— Отведи меня к лорду Логайру, малый.

— Истинно так, милорд.— Пересмешник прошмыгал мимо Рода и открыл внутреннюю дверь. Род прошел через нее, стаскивая железные рукавицы... и шагнул в середину полукруга нищих и воров, стоящих в три ряда с дубинами и ножами. Они ухмылялись, глаза их были голодными. То тут, то там один из них проводил языком по губам. Лица их были покрыты грязью и шрамами, увечьями и гнойными болячками, одежда их была дырявой, латаной, рваной, но ножи выглядели примечательно ухоженными. Род сунул рукавицы за пояс, напрягши руки в стойке каратэ, и повернулся к Пересмешнику. Этого героя теперь окружали пять-шесть лучших образчиков подонков общества.

— Я пришел сюда как друг.— Лицо Рода было неподвижным.

— Вот как?— ухмыльнулся Пересмешник, обнажая кровоточащие десны, и захихикал. Вдруг глаза его вспыхнули ненавистью.— Объяви себя, лордишка!

Род нахмурился.

— Как объявить?

— За знать, за корону или за Дом Хлодвига!

— Кончай эту трепотню!— огрызнулся Род.— Я плохо переваривaю чушь и начинаю чувствовать, что твоей я уже сыт по горло. Веди меня к Логайру, сейчас же!

— О да, милорд, обязательно отведем. Да, милорд, тотчас же, милорд, мигом.— Он потер руки, заливаясь сдавленным веселым смехом. Затем взгляд его метнулся через плечо Рода, и он кивнул.

Род начал было оборачиваться, но что-то взорвалось у него в затылке. Вокруг него завертелись звезды, а затем наступила чернота. Медленно Род начал осознавать розовый свет, боль и тысячу контрабасов, вразнобой играющих в его голове. Еще медленнее он стал осознавать что-то мокрое и холодное на своей щеке. Розовый свет, понял он, был солнечными лучами, просачивающимися сквозь его сомкнутые веки.

Боль в голове вытеснилась сосредоточенностью. Он вздрогнул, затем героическим усилием сумел открыть глаза и снова вздрогнул. Все было нечетким, не в фокусе, солнечный свет и цветные пятна. Влага под его щекой оказалась мхом, а холод под ним — камнем. Он с силой оттолкнулся руками, влажная поверхность отшатнулась, оставив его закачавшимся, тяжело опирающимся на руки, с тошнотой в желудке. Он мотнул головой, вздрогнул от боли и несколько раз моргнул. Его веки пробежались по слезящимся глазам, но постепенно зрение его прояснилось. Он заставил глаза сфокусироваться на... лице Туана Логайра. Туан сидел спиной к черному древнему камню. В камне была огромная железная скоба, и от нее тянулись цепи к кандалам на запястьях и лодыжках Туана. Он сидел на куче грязной заплесневелой соломы, в водянистом свете слабого солнечного луча. Туан улыбнулся с иронией, столь же тяжелой, как ржавые цепи на его теле, и поднял руку в приветствии, зазвенев цепью.

— Добро пожаловать в гости.

Род отвел от него взгляд и посмотрел вокруг.

Старый герцог сидел у другой стены, прикованный рядом со своим сыном.

— Холодное гостеприимство, Род Гэллоуглас,— проворчал старый лорд с тяжелым от мрачных дум лицом.— Едва ли в безопасное место привел меня твой слуга.

Измена! Роду следовало бы знать, что Тому лучше не доверять.

— Большой Том, ты...

— Здесь, мастер.

Род посмотрел, обернувшись. Большой Том сидел у противоположной стены, прикованный, как и все остальные.

Том печально улыбнулся, бросив на своего хозяина укоризненный пытливый взгляд.

— Я думал, ты освободишь нас, мастер. И вот ты здесь, скованный, как и все остальные.

Род нахмурился и взглянул на свое запястье. Его окружала ржавая толстая полоса железа. У нее имелись копии на лодыжках и другом запястье. Он поднял глаза на Тома, улыбнулся и поднял руку, тряхнув цепью.

— Слышал когда-нибудь присказку, что каменные стены — еще не тюрьма?

— Тот, кто сказал эти слова, был дурак,— злобно бросил Том из темноты.

Род поднял глаза к установленному высоко в стене маленькому зарешеченному окну. Оно давало единственное освещение в помещении-камере примерно десяти футов шириной и пятнадцати длиной со сплошь заросшим мхом потолком в десяти футах от пола. Стены были каменными и грязными, а пол покрыт прелой соломой. Единственным украшением служил скелет, удерживаемый от распада мумифицированными

связками, прикованный к стене, подобно им самим. Род осторожно осмотрел молчаливого сокамерника.

— Не такие уж они рачительные хозяева, верно? Могли бы, по крайней мере, уволочь кости в нижние приделы.

Он снова повернулся к окну.

— Векс,— прошептал он достаточно тихо, чтобы другие не могли разобрать слов.— Векс, ты где?

— В самой грязной и разваленной конюшне, какую я когда-либо видел,— ответил робот.— Вместе с пятью клячами самого плачевного вида из всех, кто за пределами скотобойни. Я думаю, мы, предположительно, являемся кавалерией Дома Хлодвига, Род.

Род тихо засмеялся.

— А не бегает ли поблизости какая-нибудь мышка с большими зелеными глазами, Векс?

— Нет, Род, но на моей голове сидит синица.

Род усмехнулся.

— Спроси ее, не имеет ли она какой-нибудь власти над холодным железом?

— Как мне с ней говорить, Род?

— Вещая на частоте волны человеческой мысли, конечно! Она же телепатка, идиот ты ученый!

— Род, я категорически протестую против подобных уничижительных высказываний по адресу моих способностей в областях, по которым я не запрограммирован.

— Ладно, ладно, я сожалею, раскаиваюсь! Ты гений, чудо, Эйнштейн, Урт! Только спроси ее, идет?

Возникла пауза, затем Род услышал малоразборчивую серию чириканья на заднем плане.

— Что это за чириканье, Векс?

— Гвендайлон, Род. Она очень бурно отреагировала на новый опыт телепатии с конем.

— Ты хочешь сказать, что она чуть не свалилась со своего насеста? Но она сказала что-нибудь?

— Конечно, Род. Она говорит, мол, теперь уверена, что ты — чародей.

Род застонал и закатил глаза к потолку.

— Слушай, Векс, верни ее к делу, а? Может она вытащить нас из этих цепей и разрезать решетки на нашем окне?

Возникла еще одна пауза, затем Векс ответил:

— Она говорит, что не имеет никакой власти над холодным железом, Род, ни равно любые из известных ей ведьм, колдунов или эльфов. Она предлагает кузнеца, но боится, что это непрактично.

— Бытие, Исход, Левит... ну, скажи ей, мол, я рад, что она не потеряла чувства юмора. И спроси ее, как, черт возьми, она собирается вытащить нас отсюда?

— Она говорит, что незачем употреблять сильные выражения, Род...

— Не нужно было транслировать меня буквально, шмелиный ты мозг!

— ... и она думает, что Князь Эльфов может оказаться способным освободить вас. Она считает, что он придет, но он находится в некотором удалении, так что это может занять какое-то время.

— Я думал, что она говорила, будто эльфы не могут управляться с холодным железом!

Возникла новая пауза, затем Векс сказал:

— Она говорит, что Князь Эльфов не совсем эльф, Род, будучи только наполовину старой крови.

— Только наполовину... минуточку!— нахмурился Род.— Ты хочешь сказать, что он гибрид между эльфом и смертным?

— Именно так, Род.

Род попытался представить себе, как восемнадцатидюймовый эльф и шестифутовая смертная могли бы заиметь ребенка, и в мозгу его началась карусель.

— Она теперь отбывает, Род, вызвать его и вернется как можно быстрее, но это займет некоторое время. Она просит тебя быть тверже сердцем.

— Если мое сердце будет хоть сколько-нибудь тверже, оно станет положительно каменным! Передай ей, что я ее... Нет, просто передай ей, что я ей благодарен.

Он, казалось, услышал слабый вздох за ухом и Векс сказал с оттенком смирения:

— Скажу, Род.

— Спасибо, Векс, оставайся живым.

Род вернулся обратно в тюрьму. Логайры сидели, прижавшись к стене, странно глядя на него.

— Он разговаривает с разреженным воздухом,— прошептал Туан.— Воистину, этот человек одержим!

— Кажется, я уже слышал это прежде,— проворчал Род,— и воздух здесь какой угодно, только не разреженный.

— И все же,— пробормотал Логайр,— это поступок обезумевшего!

Большой Том громыхнулся смехом.

— Отнюдь, милорды. Этот человек разговаривает с духами.

Род невесело усмехнулся.

— С чего это ты вдруг так развеселился, Большой Том?

Великан потянулся, зазвенев цепями.

— На миг я подумал, что они побили тебя, мастер. Теперь я знаю, что то была глупая мысль.

— Не будь столь уверен, Том. Чары холодного железа разбить тяжеловато.

— Нет, мастер.— Веки Тома лениво опустились.— Ты найдешь к нему подход, гарантирую.

Он сплел руки на животе и откинулся головой к стене.

Род улыбнулся, когда Том принялся храпеть. Он посмотрел на Логайров и дернул головой в сторону Тома.

— Вот вам образец уверенности. Пока я улаживаю дела, он предпочитает вздремнуть.

— Давай надеяться, что сия вера обоснована,— сказал Туан и с сомнением посмотрел на Рода.

— Давай,— мрачно откликнулся Род. Он кивнул герцогу.— Возобновили знакомство?

Логайр улыбнулся.

— Я рад снова видеть сына, хотя я и не возражал бы против более открытого приема.

Туан нахмурился, глядя на руки:

— Печальные новости он принес мне, Род Гэллоуглас, очень печальные и грустные.— Он посмотрел на Рода с ярким гневом на лице.— Я знал, что мой брат полон ненависти и честолюбия, но не думал, что он опустится до измены.

— А, не будь очень крут с бедным парнем.— Род привалился спиной к стене, устало закрыв глаза.— Его зачаровал Дюрер. А если его магия так близко подошла к тому, чтобы подействовать на твоего отца, то как она могла не подействовать на сына?

— Да,— сумрачно согласился Туан.— Я сам стал добычей Пересмешника.

— Вот как?— открыл глаза Род.— Ты понял это, не так ли?

— О, да, это отпетый злодей. Он будет кланяться тебе самым униженным образом, покуда его прихвостни срезают твой кошелек — и так вот он и служил мне!

Род поджал губы.

— Он-то и подал тебе мысль организовать нищих?

— Да,— тяжело кивнул Туан.— Сперва я думал только облегчить их голод и холод, но его слова заставили подумать об армии для защиты королевы. А то, что я видел и слышал на юге, привело меня к мысли, что такая армия вполне может понадобиться.

Старый герцог откашлялся.

— Прости меня, отец,— сказал Туан, склонив голову.— Но я знал, что даже ты не сможешь удержать их вечно. Но я не предполагал, что измена придет от Ансельма.— Голос его отвердел.

Род завертелся, чувствуя себя решительно неудобно.

— Ну, как я сказал, тебе не следует слишком уж винить его. В конце концов, он попытался удержать Дюрера от убийства отца.— Он подогнул под себя ноги, скрестив их.— Так значит, когда Пересмешник узнал, что юг взялся за оружие, то решил, что настало время утвердить свою истинную власть и свергнуть королеву, верно?

— Да.— Губы Туана сжались, как будто он в первый раз попробовал неразбавленного спирта.— Тогда я выступил против него, говоря, что пришло время защитить королеву. Он назвал меня предателем и...— Он нахмурился, слова с большим трудом выходили из него.— Один из нищих чуть было не убил меня. Но Пересмешник и слышать не хотел об этом, нет, он бросил меня сюда без еды и огня.

Он поднял смущенный взор на Рода.

— Что воистину крайне странно, Род Гэллоуглас. Ты не думаешь, что он хочет убить меня сам?

— Нет.— Род закрыл глаза, покачав головой.— Ему нужен

кто-то на место короля после того, как они скинут Катарину.

— Нет, не короля,— задумчиво поправил Туан.— Он кричит, что у нас никогда не будет больше короля, но только своего рода вождь, выдвинутый народом.

— Своего рода вождь,— нахмурился Род.— Каким именем он называет этого вождя?

— Диктатор.— Туан пожевал щеку.— Крайне странный титул. Не будет ни знати, ни короля, только диктатор. Поистине крайне странно.

Рот Рода сжался.

— Не так уж и странно, как кажется. Но не хочешь ли ты тогда сказать, что нищие думают, будто они смогут взять замок?

— Нет, но известно, что юг взялся за оружие, а Катарина ни за что на свете не станет ждать, пока ей навяжут битву.

— О.— Род переварил это сообщение.— Ты имеешь в виду, что Пересмешник уверен, будто она выступит на юг встретить их?

— Вне всяких сомнений. А Пересмешник выступит на юг позади нее.

— Так что, когда армии сойдутся в битве, нищие атакуют королевские силы с тыла. Вечный их обычай,— прогромыхал Логайр.

Туан кивнул согласно.— А оказавшись между двух сил, ее войско едва ли продержится полчаса.

— А что Пересмешник собирается предпринять относительно советников и знати после того, как битва будет окончена? Дюрер-то намерен сделать королем твоего брата.

— Кажется, так,— ответил Туан.— Но у Пересмешника есть ответ на это и на всех вельмож.

— Вот как?— поднял бровь Род.

— Да. То трубка из металла, насаженная на приклад арбалета, ничего более, но она выбрасывает свинцовый шарик, что может пронзить самые прочные доспехи.

— И он намерен вложить по одной из них в руки каждого солдата в своей армии?

— О нет,— нахмурился Туан,— у него их всего пять, одна у него, и по одной для каждого его приспешника, в том числе одна для его четвертого помощника.— Туан дернул головой в сторону прислонившейся к стене громадной фигуры Тома.— Но тот в последнее время впал в немилость. Он уверяет нас, что пять трубок ответят на все силы знати и советников.

Но Род уставился на Тома.

— Большой Том?— Он сглотнул.— Помощник?

— Да,— нахмурился Туан.— Разве ты не знал, что он из Дома Хлодвига?

Том открыл один бдительный глаз и посмотрел на Рода.

Род отвел взгляд, прочистил горло и поджал губы.

— Ну, это объясняет несколько вещей.— Он переключил внимание обратно на Тома.— Так значит, ты являешься частью Внутреннего Круга?

Большой Том кисло улыбнулся и поднял скованную руку; цепь лязгнула и зазвенела.— Являлся.

— Он выступил против них,— прогромыхал Логайр.— Выступил против своих собратьев и этого, как вы его называете, Пересмешника? Выступил против Пересмешника и троих его шакалов, когда те приказали заточить меня вместе с сыном. „Нет,— рек твой слуга Том.— Я должен забрать его к моему мастеру, где он поможет вашим планам". „Планы изменились",— рекли они и не желали слушать о моем освобождении, и тогда твой слуга Том сражался бок о бок со мной и положил очень приличное число их.

Это последнее было сказано тоном удивленного уважения.

Том усмехнулся, а Род потрясенно рассматривал улыбку великана, в которой не хватало одного зуба.

— Ты и сам буйный боец,— засмеялся Том.— Не думал я, что дворяне могут так хорошо драться без доспехов или меча.

Род вгляделся в темноту Томова конца камеры и увидел, что глаз великана заплыл и полиловел, а кроме того виднелся недавно затянувшийся порез поперек одной распухшей щеки.

Он откинулся спиной к стене, улыбаясь одной стороной рта.

— Сколько голов ты расколотил, Большой Том?

— Едва ли круглые двунадесять,— недовольно ответствовал Большой Том.— У меня был только этот несгибаемый джентльмен, чтобы охранять тыл, а их было слишком много для нас.

Род усмехнулся, раздумывая, знает ли Логайр, сколь крупного комплимента его удостоили.

Он потянулся и зевнул.— Ну, это весьма кстати возвращает нас к настоящему. У кого-нибудь есть покерная колода?

Оба Логайра озадаченно нахмурились, но в глазах Большого Тома промелькнул огонек понимания. Род кисло улыбнулся рослому крестьянину, и лицо Большого Тома одеревенело. Он ответил Роду пристальным взглядом.

— Да брось ты, Большой Том,— резко произнес Род.— Твой секрет теперь официально известен. Больше нет смысла играть в игры, не так ли?

Том сердито посмотрел на него, затем лицо его снова ожило, на нем появилось задумчивое глубокомысленное выражение. Он прислонился спиной к стене, полузакрыв глаза.

— Да, тут ты прав. Да и когда ты не прав?

С чувством внезапной слабости Род начал осознавать, что Том видел в нем больше, чем просто работодателя или фишку в игре.

— Мой жребий ныне связан с тобой,— сказал Том.— Будет ли он у меня или нет, так с чего же мне лицемерить?

— Лицемерить?— вскинул бровь Род.— Весьма напыщенный язык для крестьянина, Большой Том.

Том нетерпеливо отмахнулся.— Кончай свои игры! Я снял маску, сделай мне милость, сними свою.

Род замер. Затем медленно улыбнулся.

— Ты быстрей, чем средний медведь, Большой Том. Ты давно понял?

Логайры уставились на них, совершенно сбитые с толку.

Большой Том издал короткий лающий смешок.

— Да с тех пор, мастер, как ты применил ко мне дзю-до!

— А,— поднял брови Род.— Значит, с самого начала? Так вот почему ты добивался места ординарца.

Том лениво улыбнулся.

— По приказу?

Том кивнул. Род опустил взгляд, изучая цепь на запястье.

— Что ты, мастер?

— Чародей.— Род внутренне содрогнулся, но при данных обстоятельствах это был лучший ответ.

Большой Том сплюнул.

— Игры, мастер, игры! Ты сам сказал кончать с ними! Ты не из советников, или же ты не выкрал бы у них Логайра, и ты не из Дома Хлодвига, или бы я давно знал. Что же ты тогда?

— Чародей,— сказал еще раз Род.— Новый игрок в матче, Большой Том, и тот, кто стоит точно за королевой. Х — неизвестный фактор в уравнении советников и Хлодвига, оказавшийся здесь по чистой случайности и совпадению.

— Черта с два!— снова сплюнул Большой Том.— Я не очень-то верю в случайности, мастер. Я знал, что ты поддерживаешь королеву, можно спросить, кто стоит за тобой?

— Странная для пехотинца манера разговаривать со своим лордом,— проворчал Логайр, сердясь.

— Очень странного пехотинца, милорд.

— Да, и с очень странным лордом,— зарычал Большой Том.— Кто стоит за тобой, Род Гэллоуглас?

Род изучил великана, затем пожал плечами. Для Логайров это слово все равно ничего не будет значить, а Том все одно был теперь на его стороне.

— ПОИСК,— ответил он.

Том уставился на него, затем почти шепотом произнес: „Я думал, они умерли все до последнего.— Он сглотнул и закусил губу.— Э, но ты-то жив. Может, ты и дух, но нет, ты живой, или же та ведьма едва ли привязалась бы так к тебе. Я слышал, что вас разогнали после того, как вы победили, но нет, мне следовало бы знать. То была тайна и, может быть, тайна от всех, но ты живой."

— Победили,— нахмурился Род.

И увидел в ответ мрачность от еще большего замешательства. Затем лицо великана прояснилось. Он усмехнулся, откинулся спиной к стене и заржал. Логайры пялились на него и на Рода поочередно. Род развел руками и покачал головой. Они снова посмотрели на Тома, вытирающего глаза и испускающего остаточные смешки.

— Хе, хе, теперь я понимаю, теперь, и какой же я был дурак, что не понял этого раньше. Какой твой год, мастер?

— Год?— нахмурился Род.— Тридцать восьмой миновал, а что?

— Нет, нет!— Том нетерпеливо замотал головой.— Из какого ты года?

Рот Рода сформировал округлое безмолвное „О", когда до него дошло.— Это все-таки была машина времени!

Лицо Большого Тома замерло, когда он уразумел все, что вытекало из сказанного Родом.

— И,— надавил Род,— есть еще одна, спрятанная в этом здании, не так ли?

— Хватит!— отрезал Большой Том, и глаза его стали холодными.— Ты и так уже слишком много знаешь, Род Гэллоуглас.

Страх собрался в животе Рода и пополз по спине, когда он увидел закрадывающееся в глаза Тома холодное низменное убийство.

— Большой Том,— Он прочистил горло и заговорил быстрым просительным монотонным голосом.— Большой Том, твои теперь повернули против тебя, ты не обязан хранить им верность, и все плохое, что они обещали исправить, я тоже могу исправить. Возвратись к ним, и они убьют тебя, я — нет, и ты это знаешь.

Испепеляющий взгляд покинул глаза Тома, огромное тело расслабилось.

— Да,— проговорил Том,— ты снова прав, хотя и не в том смысле, что ты думаешь. Они загнали меня в бутылку только на время, пока не будут совершены великие деяния, но они снова вытащут меня, ибо я слишком дорогостоящий человек, чтобы так легко выбрасывать. Но ты прав — они убьют меня, через год или два или через пять лет, когда моя служба кончится, а я желаю жить.

Род скептически поднял бровь.

— Они не сомневаются в твоей верности?

Большой Том глухо рассмеялся.

— А им и не нужно, мастер. Я не согласен только по средствам, а не по целям. Но я не согласен, и за это раньше или позже они меня убьют.

— Род,— прозвенел тихий голос, который мог слышать только он.

Род поднял руку.— Погоди, последние новости на Риальто*.

— Род, прибыл Князь Эльфов. Он ведет к вашей камере отряд эльфов.— В голосе робота звучал оттенок смеха.

— Ладно, чего тут такого смешного?— пробурчал Род.

— Тебя ждет сюрприз.

К окну шмыгнули две горбатые, белобородые фигуры. Род нахмурился.

— Векс, это гномы, а не эльфы.

— Гномы? Ах, да, эльфы, работающие по металлу, Чистая семантика, Род. Но и они все же не способны иметь дело с железом.

---

* Риальто — остров в Венеции, где находится биржа. Вся фраза — искаженная цитата из „Венецианского купца", акт III, сц. I.

Гномы вытащили молоток и холодное зубило со слабым бронзовым отливом и вручили более рослой темной фигуре, загородившей солнечный свет. Логайры, прикованные под окном, выгнули шеи, пытаясь разглядеть, когда прозвучал первый удар.

Большой Том нахмурился.

— Есть что-то щекочущее мне память в той фигуре за окном. Ах, если бы свет дал мне возможность увидеть его лицо!

Род помрачнел.— Чего такого особенного в его лице? Вероятно, очень безобразное.

Том осклабился.

— То послужит отличным рассказом для моих детей, если я проживу достаточно долго, чтобы зачать их. Еще ни один смертный не взглянул в лицо эльфа королевского дома, хотя говорят, они древние до невероятности Они... у...а...хррр!

Голова Большого Тома упала вперед, и он принялся храпеть. Ему ответили два других храпа. Повернувшись, Род увидел, что Логайры блаженно спят, уткнувшись подбородками в грудь. Род в недоумении уставился на них. Металлический прут выпал из окна и подскочил на полу. Концы его были перерублены. Род присвистнул. Этот Князь Эльфов, может быть, и был древним, но, определенно, не ослабевшим — какое там, если он все еще мог перерубить железо дюймовой толщины с помощью всего лишь киянки и зубила холодной закалки. Упал третий прут. Раздался царапающий звук, и приземистая широкая фигура пролезла через окно и спрыгнула на пол. Род обалдело уставился на нее, потом зажмурил глаза и замотал головой. Затем снова посмотрел и понял, почему Том и Логайры внезапно задремали.

Он сглотнул, поборолся за самообладание и улыбнулся.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— К твоим услугам.— Карлик поклонился, ехидно улыбнувшись. — У меня до тебя должок в удар по голове за то, как ты разговаривал с королевой: удар по голове или большая благодарность, не знаю, что именно.

Он повернулся и тихо позвал на странном певучем языке. Холодное долото описало в воздухе дугу и упало к его ногам. Он протянул руку и поймал влетевший молоток.

— Ну, а теперь.— Он упал на колени и прижал к полу предплечье Рода. Звено отвалилось, перерубленное зубилом. Бром умыкнул и переместился к другому боку Рода.

— Ты будешь носить браслеты, когда я закончу,— проворчал он,— но никаких цепей. Кандалам придется подождать, пока мы не очутимся в замковой кузне.

— Э... у тебя весьма твердая бронза,— рискнул заметить Род, следя, как зубило рассекает железо.

— Самая твердая,— согласился Бром, атакуя цепи на лодыжках.— Старый рецепт, давно известный моему роду.

— Твоему... э... роду?

— Да,— поднял взгляд Бром.— В Затерянной Греции тоже были эльфы, разве ты не знал, Род Гэллоуглас?

Род не знал, но считал, что сейчас не время упоминать об этом. Он встал, освобожденный по крайней мере от цепей, и молча следил, как Бром перерубает узы других. Сюрприз с Князем Эльфов многое объяснял в Броме: хотя бы его размеры и сложение.

— Никак не думал, что ты королевской крови, Бром.

— Хм?— Бром оглянулся через плечо.— Я думал, что ты догадался об этом. Почему же еще я назван так, как назван?

Он вернулся к своей работе. Род нахмурился. Имя? Какое оно имело отношение к чему бы то ни было? Бром? О'Берин? Он не видел связи.*

— Вот, последний,— произнес Бром, перерубая ножные кандалы Большого Тома.— Теперь ты должен одолжить в помощь мне твое плечо, мастер Гэллоуглас.

Он прыгнул обратно в окно, Род просунул плечо под брюхо Тома и, качаясь, сумел кое-как дотащить его до окна, когда оттуда вылетела веревка. Род завязал ее под мышками Большого Тома, выбросил свободный конец в окно и закричал:

— Майна!

Он услышал кряканье Брома и снова удивился мускулам карлика, когда Большой Том стал рывками подниматься вверх по стене, все еще отчетливо похрапывая. Из-за пивного брюха, мускулов и малого размера окна Большой Том проходил туго.

— Почему бы тебе не разбудить его и не дать ему вылезти самому?— крикнул Род, толкая Тома в обширный зад.

— Я не желаю, чтобы мое положение было известно среди смертных,— ответил приглушенный голос Брома.

Окно теперь обрамлялось только толстым задом Тома и объемистыми голенями Брома. Род посмотрел на первый, взвешивая достоинства хорошо нацеленного пинка, и решил, что не стоит.

— Так почему же ты позволил мне остаться бодрствующим?

— Один среди вас должен был помочь мне с другими,— ответил Бром. Но у Рода сложилось впечатление, что это не вся правда.

Он, однако, оставил вопросы до той поры, когда его сокамерники будут сложены на земле под окном. Плечи Туана оказались даже большим препятствием, чем брюхо Тома, им пришлось поднять его спиной вверх, просунуть руки раньше головы, в то время как Род мельком подумал о предках этого кососаженного. Затем Бром втянул Рода, бормоча что-то о том, что рыба нынче измельчала. Род прорычал ответный комплимент, когда поднялся на ноги, затем согнулся пополам, поместив голову на уровень груди Брома.

— А это для чего?— прорычал Бром.

— Для порки,— ответил Род.— У тебя ко мне должок в удар по голове, помнишь?

---

* Связь простая. Согласно мифологии, короля эльфов звали Оберон.

Карлик засмеялся и хлопнул его по плечу.

— Нет, малыш, ты только сделал то, что следовало сделать мне самому много лет назад, да никак духу не хватало. Но теперь идем, нам надо убираться отсюда.

Бром подхватил Туана посередине. Гномы взяли его за плечи и ноги и отнесли к разрушенному фонтану в центре двора. Из камней материализовались новые гномы и подсунули плечи под Большого Тома. Род, дивясь, покачал головой и нагнулся перекинуть Логайра через плечо. Бром нащупал камень в основании фонтана и открыл его, обнаружив темную пасть маленького туннеля.

— А разве не было бы намного легче, если бы мы сперва разбудили их?

Бром уставился на него, его лицо потемнело.

— Мы идем в страну эльфов, мастер Гэллоуглас! И ни один смертный не может путешествовать туда и помнить об этом!

— А я?

— Ну, верно,— признался Бром, возвращаясь к проблеме Туана.— Но, впрочем, ты не такой смертный, как некоторые. Ты — чародей.

И исчез в норе. Род начал было отвечать, затем подумал, что лучше не стоит. Он удовлетворился несколькими буркнутыми замечаниями о дискриминации и о докладе в Комиссию по Правам Человека, пока волок в туннель Логайра.

— Векс,— прошептал он, глядя в конюшню.— Мы на пути. Выбирайся из этой дыры и встречай меня в замке.

Наступило молчание, затем на конюшне раздался треск ломающегося дерева. Дверь распахнулась, и огромный черный конь выскочил рысью на утреннее солнце, высоко подняв голову с развевающейся гривой. Из щелей трактира высунулись головы, когда из конюшни выбежал, спотыкаясь, разбуженный Векcом конюх с осоловелыми глазами, крича коню остановиться.

— Брось, убирайся,— зарычал Род.

Но Векс вместо этого остановился и оглянулся через плечо на конюха. Юнец подбежал, крича, и вытянул руку, чтобы схватить Векса за узду. Огромная голубая электрическая искра с треском пролетела от шкуры Векса к руке юнца. Конюх завизжал, упал на спину, держась за руку, и стеная принялся кататься по камням. Векс пропал в вихре и цокоте копыт.

— Выпендриваешься,— проворчал Род, когда конь исчез.

— Вовсе нет, Род,— раздался спокойный голос коня.— Всего лишь инструктивный предметный урок на низкой силе тока. Это тряхнет его, но не повредит; я укрепляю твою репутацию чародея.

Род медленно покачал головой.

— Как будто она нуждается в укреплении!

— Ах, мастер Гэллоуглас,— засмеялся один из гномов, голосом, сильно напоминающим ржавый консервный нож.— Ты хочешь, чтобы мы поверили тебе, будто ты не чародей?

— Да! Э... то есть я... э...— Род оглянулся на туннель.—

Чародей? Конечно, чародей! По крайней мере, пока мы не проберемся через страну эльфов. Идем, ребята?

В скором времени они сидели вокруг камина в королевской палате Совета. Катарина многословно извинялась перед Логайром, в то же время подчеркнуто игнорируя Туана, и, покончив с любезностями, вернулась к своему обычному поведению. Туан сидел слева от очага, не отводя задумчивых глаз от пламени. Катарина сидела в углу комнаты как можно дальше от Туана, заботливо расположив между собой и им тяжелый стол и Брома О'Берина.

— ...и такова вот полная обстановка на юге, моя королева,— говорил Логайр, разминая узловатые руки. Он закончил свой доклад, изобиловавший нюансами интриги, которых Род и вовсе не мог проследить.— Я больше не герцог, и мятежники уже в походе.

Катарина пошевелилась.

— Ты снова будешь герцогом Логайром,— холодно заявила она,— когда мы раздавим этих предателей!

Логайр печально улыбнулся.

— Их будет нелегко разбить, Катарина!

— „Ваше Величество"!— огрызнулась она.

— „Катарина"!— рявкнул Род.

Она испепелила его взглядом. Он испепелил ее таким же. Катарина надменно отвернулась.— Бром, что я?

— „Ваше Величество",— ответил Бром с призрачной улыбкой,— но для своего дяди и его сына, вашего кузена, вы должны быть Катариной.

Род подавил улыбку, когда Катарина погрузилась в кресло, ошеломленно уставившись на Брома. Она взяла себя в руки и подарила Брому наилучший взгляд „и ты, Брут" в ее репертуаре.

— Я думала, что ты за меня, Бром О'Берин.

— Да, так оно и есть,— улыбнулся Бром.— А также и этот кречет,— он ткнул пальцем в сторону Рода,— если бы только ты это заметила.

Катарина удостоила Рода холодным взглядом.

— Да, кречет.— Ее голос отвердел.— А что же дятел?

Голова Туана вскинулась, словно от пощечины. Он потрясенно уставился на нее с распахнутыми от боли глазами. Затем его рот сжался и между бровей пролегла морщина.

„В один прекрасный день,— подумал Род,— она толкнет его самую малость чересчур далеко, и это может стать счастливейшим днем в ее жизни, если она переживет его".

— Я за тебя,— выдохнул Туан,— даже теперь, моя королева Катарина.

Она улыбнулась, надменно и презрительно.

— Да, я знала, что так будет.

„Вот, сука!— подумал Род.— Сука!"

Катарина заметила безмолвное движение его губ.

Она криво улыбнулась.— Что за слова вы бормочете, сударь?

— А, просто проделываю упражнение для дыхания, которому меня научил мой старый постановщик голоса и дикции.— Род прислонился к стене, сложив руки на груди.— Но насчет мятежников, дорогая королевушка, что же ты все-таки намереваешься предпринять против них?

— Мы выступим в поход на юг,— отрезала она.— И встретим их на Бреденской равнине!

— Нет!— Логайр вскочил с кресла.— У них силы десять на одного нашего, если не больше!

Катарина прожгла дядю взглядом, уголки рта изогнулись крючками.— Мы не станем забиваться в щель, как крысы, оставшись здесь!

— Тогда,— сказал Род,— вы проиграете.

Она посмотрела на него сверху вниз (нелегкий фокус, так как она сидела, а он стоял).

— В этом нет бесчестья, Род Гэллоуглас.

Род стукнул себя по лбу и закатил глаза.

— А что еще мне делать?— фыркнула она.— Готовиться к осаде?

— Ну, теперь, после того, как вы помянули об этом,— сказал Род,— да.

— Есть еще что-нибудь,— ровным голосом вставил Туан,— что будет охранять твой тыл от Дома Хлодвига?

Она оттопырила губы.— Нищие!

— Нищие и головорезы,— напомнил ей Род,— с очень острыми ножами.

— Станет королева страшиться нищих?— отрезала она.— Нет! Они прах у моих ног!

— То, что ползает во прахе у твоих ног, есть змея,— прогромыхал Бром.— И зубы ее остры и ядовиты.

Она закусила губу и опустила глаза в неуверенности, затем снова вскинула подбородок и прожгла Туана испепеляющим взглядом.

— Так значит, ты вооружил их против меня и сколотил их в армию, навел среди них порядок и выковал из них кинжал для моей спины. Прехрабро сделано, Король Бродяг!

Род вскинул голову; он устремил свой взгляд в пространство, затем медленно обратил к Туану взор со странным блеском в глазах.

— Я выступаю в поход,— заявила Катарина.— Вы идете со мной, милорд Логайр?

Старый лорд медленно склонил голову в подтверждение.

— Ты валяешь дурака, Катарина, и погибнешь, но я погибну вместе с тобой.

Ее самообладание на миг поколебалось, а глаза увлажнились. Она резко повернулась к Брому.

— А ты, Бром О'Берин?

Карлик развел руками.

— Сторожевой пес вашего отца, миледи, и ваш.

Она нежно улыбнулась. Затем глаза ее резко посуровели, когда она посмотрела на Туана.

— Говори, Туан Логайр.

Юноша очень медленно поднял взгляд от огня.

— Странно это, — задумчиво произнес он, словно про себя.— Всего лишь в двадцатидвухлетнем возрасте оглянуться назад на столь короткую жизнь и увидеть столь много безрассудства.

Род услышал приглушенное аханье Катарины.

Туан хлопнул себя по бедру.

— Ну, значит, с этим кончено, и если я жил безрассудно, то вполне могу безрассудно умереть.

Он обратил нежный задумчивый взгляд к Катарине.

— Я погибну вместе с тобой, Катарина.

Ее лицо было пепельно-серым.

— Безрассудно...— прошептала она.

— Он и не знает, сколь мудро он говорит,— проворчал Бром. Он посмотрел через плечо на Рода.— Что скажешь ты на сие безрассудство, Род Гэллоуглас?

Глаза Рода медленно сфокусировались на Броме.

— Мудрый шут, смелый шут,— пробормотал он себе под нос.

— Что ты сказал? — нахмурился Бром.

— Я говорю, что мы, возможно, еще переживем это! — усмехнулся Род с горящими глазами.— Эй, Король Бродяг!— Он хлопнул Туана по плечу.— Если исчезнут Пересмешник и его приспешники, ты сможешь направить нищих сражаться за королеву?

Лицо Туана снова ожило.

— Да, наверняка, коль скоро они исчезнут.

Губы Рода растянулись в недоброй усмешке.— Им придется.

Луна стояла высоко, когда Род, Туан и Том метнулись из тени разрушенной стены в тень развалившегося фонтана во дворе Дома Хлодвига.

— Из тебя вышел бы великолепный взломщик, и из тебя тоже,— проворчал Большой Том.— Я мог бы услышать вас за одну-две лиги.

Нелегко было убедить Тома пойти с ними. Конечно, Род начал с неверного курса, он исходил из того, что верность Тома пролетарской идее умерла тогда, когда его заковали в железо. Он хлопнул Тома по спине, произнеся:

— Как тебе понравится шанс вернуть должок своим друзьям?

Том нахмурился.— Вернуть должок?

— Да, они же выперли тебя, не так ли? Бросили тебя в тюрьму, верно? А теперь жаждут твоей крови, так?

Том засмеялся.

— Нет, мастер, и вполовину не так!. Ох, не так! Они бы освободили меня, когда эти безобразия закончились бы.

— А! — Род нахмурился.— Понимаю, тренированных людей трудно сыскать.

Лицо Тома потемнело.— Ты понимаешь слишком быстро, чтобы это было мне по вкусу.

— Ну, как бы там ни было...— Род перекинул руку через плечо великана, чуть было не вывихнув ее по ходу дела.— Гм, в таком случае, за что они тебя заперли?

Том пожал плечами.— Разногласия.

— В путях и средствах, а?

— Да. Они стояли за то, чтобы напасть и на королеву, и на знать одновременно, хотя это означало бы разделение сил.

— Кажется рискованным. А что хотел сделать ты?

— Да ясно, сперва свалить вельмож и их советников под личиной верности трону. Потом мы могли бы постепенно сагитировать всю страну за Дом Хлодвига и, обеспечив поддержку народа, свалить королеву и Брома О'Берина двумя ударами ножа.

Род сглотнул и попытался вспомнить, что теперь этот человек на его стороне.

— Очень ловко.— Он хлопнул Тома по спине.— Говоришь, как хороший большевичок. Сколь много значит для тебя, Том, этот образ действий?

Большой Том уделил ему долгий расчетливый взгляд.

— О какой цене ты помышляешь, мастер?

Род усмехнулся.— А не бросить ли нам твоих четырех коллег в камеру, что они зарезервировали для тебя?

— Было бы приятно,— медленно произнес Том.— А что потом, мастер?

— Ну, тогда Дом Хлодвига будет драться на стороне королевы против знати. Это даст тебе лучший шанс разбить советников и вельмож, а после ты будешь действовать по своему плану.

Том медленно кивнул.

— Но станут ли нищие драться за королеву?

— Это мы предоставим Туану Логайру.

Лицо Тома растянулось в озорной ухмылке. Он откинул голову и заржал, хлопнув Рода по спине. Род поднялся с пола, слыша, как Большой Том выдавливает между спазмами смеха:

— Эх, мне следовало бы подумать об этом, мастер! Да, этот парень их очарует! Ты не знаешь мощи этого серебряного языка, мастер. Этот мальчик может заставить барса поверить, что он переменил свои пятна!

Род сохранил спокойствие, стараясь вспомнить, видел ли он барсов на Грамарие, попытавшись в то же время потереть больное место между плечами.

— Ты так вывихнешь себе руку,— усмехнулся Том. Он развернул Рода и начал массировать ему спину.— Ты знаешь, мастер, если мы свалим советников, именно за твоей головой вместе с головой королевы и Брома я буду охотиться.

Род закрыл глаза, наслаждаясь массажем.

— Это будет славная драка... немного левее, Большой Том.

Так что теперь они стояли втроем в тени фонтана, с Туаном между ними, планируя нападение на разрушающуюся кучу

камня, стоявшую по другую сторону залитого лунным светом просторного двора. Род посчитал удары своего пульса, гадая, действительно ли его сердцебиение так замедлилось, пока Том не прошептал:

— Тревоги нет. Они нас не заметили, доротие мастеры. Готовьтесь теперь.

Том подобрался, выглядя словно полудизель, решивший превратиться в вора-домушника.

— Пошел!— рыкнул он и побежал.

Они кинулись легко, тихо, через кажущееся пылание лунного света в гостеприимную тень стены, затем распластались у камня с колотящимися сердцами, придерживая дыхание, пока они напрягали слух, ловя какие-нибудь звуки тревоги. После небольшой вечности, длившейся три минуты, Большой Том испустил огромный вздох облегчения.

— Так, значит, ребята,— прошипел он.— Теперь идемте!

Они прокрались к углу огромной сырой кучи земли. Большой Том широко распластал пальцы, приставив к углу локоть, и отметил место, где кончался его средний палец. Затем приставил к отметке другой локоть.

— Большой Том!— окликнул вымученным шепотом Род.— У нас нет времени для...

— Ш-ш-ш! — Пальцы Туана стиснули Роду плечо.— Умоляю тебя, молчи, он измеряет в локтях!

Род заткнулся, чувствуя себя довольно глупо. Том проделал еще несколько измерений, в результате чего он, очевидно, нашел то, что искал. Он вытащил из сумки на поясе фомку и принялся подымать рычагом основу метрового блока. Род уставился на него ничего не понимающим взглядом. Потребуется вся ночь и большая часть следующего дня, чтобы выковырять этот блок. Что пытается сделать Большой Том? Том сделал последнее движение рычагом и поймал выпавший наружу камень. Тот был, наверное, дюймов в шесть толщиной. Он положил плиту на землю и посмотрел на своих спутников. В лунном свете блеснула холодком усмешка.

— Я думал, что в один прекрасный день мне может понадобиться запасной выход,— прошептал он.— Теперь тихо, ребята.

Он нырнул головой и руками внутрь дыры, лягнул ногами и пропал.

Род с трудом сглотнул и последовал за Томом. Туан отправился по пятам за ними.

— Все тут?— спросил Том, когда ноги Туана твердо стали на каменный пол, и лунный свет отрезало, как только Том вставил каменную затычку на место.

— Свет,— шепнул он. Род обхватил рукоять кинжала и включил его, позволив лучу света пробиться между пальцами. Этого было достаточно, чтобы увидеть, как Большой Том нащупал на полу изъеденную червями панель и вставил ее обратно на место. Том выпрямился, усмехаясь.

— Пусть теперь гадают, как мы вошли. За работу, мастеры.

Он повернулся и пошел. Род последовал за ним, быстро озираясь. Они были в большой каменной комнате, некогда украшенной деревянными панелями. Панели по большей части искрошились и упали. В комнате имелись только паутина, ржавая железная утварь и столы на козлах, ныне пораженные гнилью.

— Тут когда-то была кухня,— прошептал Том.— Теперь они готовят на очаге в пивном зале. Никто не пользовался сим местом трижды двунадесять лет или даже больше.

Род содрогнулся.— И что такой хороший мальчик, как ты, делает в таком месте?

Большой Том фыркнул.

— Нет, я серьезно,— сказал Род.— Можно же судить о боге, идеале по людям, что поклоняются ему, Том.

— Тихо! — огрызнулся Том.

— Это правда, однако, не так ли? Советники все сволочи — мы это знаем, а Пересмешник и кореши его — дрянь. Ты единственный хороший человек в этой компании, почему ты...

— Тихо! — прорычал Том, разворачиваясь так стремительно, что Род врезался в него. Род почувствовал, что огромная бедроподобная ручища стребла его камзол прямо на горле, и ощутил пивной и чесночный запах Тома, когда тот толкнул свое лицо поближе к нему.

— А что насчет королевы? — прошипел Том.— Что она говорит о своих богах?

Он отпустил Рода с толчком, отбросившим его к стене, и, повернувшись, пошел прочь. Род собрал себя в единое целое и последовал за ним, но не раньше, чем уловил блеск глаз Туана, сузившихся и холодных от ненависти в луче фонарика.

— Мы приближаемся к углу,— прошептал Том.— Прихлопни свет.

Фонарик погас, спустя несколько минут Род почувствовал, что каменная стена под его рукой пропала. Он повернулся и заметил впереди слабое свечение в конце темного короткого коридора. Большой Том снова остановился.

— Там снова угол, а за ним часовые. Идите осторожно, ребята.

Он снова двинулся вперед, ступая очень осторожно, Род последовал за ним, ощущая у себя на шее горячее дыхание Туана. Когда они приблизились к углу, то первым делом услышали легкое похрапывание из нового коридора. Большой Том распластался у стены с легкой усмешкой. Род последовал его примеру и отпрянул назад с оханьем и конвульсивным содроганием. Большой Том хмуро посмотрел на него, сделав знак молчать. Род взглянул на стену и увидел прилепившуюся толстую белую кляксу некой субстанции. Она щекотнула ему шею, и он мог твердо сказать, что текстура ее была податливой, холодной и влажной на ощупь. Он посмотрел на эту непристойную кляксу и снова содрогнулся.

— То лишь ведьмин мох, — прошептал ему на ухо Туан.

— Ведьмин мох? — нахмурился Род.

Туан недоверчиво уставился на него.

— Ты чародей — и не знаешь про ведьмин мох?

Род был спасен от ответа прекращением храпа за углом. Трио коллективно затаило дыхание и распласталось у стены. Род — заботливо избегая ведьминого мха. Том искоса прожег его взглядом. Мгновение тишины растянулось настолько, что стало скудным, как содержание речи конгрессмена.

— Стой!— крикнул голос из-за угла.

Их мускулы резко напряглись в спазме.

— Куда ты идешь в такой час? — прорычал голос часового.

Страх пополз по спине Рода.

Часовому ответил квакающий гундосый голос.

— Но я только ищу нужник.

Троица испустила долгий молчаливый вздох облегчения.

— Сэр, когда говоришь с солдатом!

— Сэр,— угрюмо повторил гундосый голос.

Часовой засмеялся, смягчившись.

— А нужник находится неподалеку от женского коридора?

— Нет... я думаю, что нет.

— Ступай на свой тюфяк, мерзавец, твоя шлюха сегодня не для тебя!

— Но я...

— Нет! — отрезал часовой.— Ты знаешь правило, парень. Сперва спрашиваешь Пересмешника.— Голос его стал почти конфиденциальным.— Тут нет ничего особенного, парень. Он вовсе не будет давать тебе бумагу, гласящую, что ты можешь этим заняться, и устанавливающую точное время и место. Он насчет этого достаточно либерален.

Гундосый голос откашлялся и сплюнул.

— Брось,— проворчал часовой,— ты только спроси его.

— Да,— фыркнул голос,— и спрашивай его снова каждую ночь, когда пожелаешь увидеться с ней! Черт, то было единственное в нашем мире, что доставалось задешево!

Голос часового снова посуровел.

— Слово Пересмешника — закон в доме сем, и моя дубина напомнит тебе об этом, если недостаточно моего слова!

Возникла пауза, затем гневное отчаянное рычание, и ноги прошлепали прочь. Снова воцарилось молчание, через некоторое время часовой снова начал храпеть. Род взглянул на Туана. Лицо парня было мертвенно-бледным, губы сжались так плотно, что утратилу цвет.

— Я так понимаю, что ты ничего об этом не знал? — шепнул Род.

— Да,— прошептал Туан.— Отстранив меня, они не теряли времени даром. Часовой в каждом коридоре, разрешение, прежде чем двое смогут разделить постель, это похуже лордов с юга!

Том вскинул голову.— Нет! — прорычал он.— То лишь неудобство. То, что приобретается этим, вполне стоит такой цены.

Род со своей стороны вполне согласился с Туаном. Поли-

цейское государство, контроль за всеми гранями жизни — да, марксизм Пересмешника давал себя знать.

— Какое приобретение стоит такой цены? — фыркнул Туан, чуть повышая голос.

— Да ясное дело,— отвечал Том на минимальной громкости.— Больше пищи для всех, больше и лучше одежды, никаких бедных и голодных.

— И все благодаря планированию семьи,— пробурчал Род, бросив озабоченный взгляд на угол.

— И как сие может произойти? — спросил Туан, повышая голос еще на одно деление и игнорируя бешеные сигналы Рода.— Из письменного разрешения заниматься любовью? Я не вижу как!

Губы Тома презрительно скривились, и он тоже зарычал громче.— Да, ты не видишь. Но Пересмешник видит!

Туан уставился на него, затем челюсти его сжались, а рука потянулась к кинжалу.

— Ты ставишь себя и своих выше вельможи, хам?

— Э, господа,— прошептал Род.

Большой Том напрягся, усмехаясь, глаза его насмешливо плясали.

— Кровь, она всегда скажется,— заявил он во весь голос.

Кинжал Туана выскочил из ножен, когда он прыгнул вперед. Том выхватил свой короткий меч.

Род вскинул руки, уперевшись обоим в ключицы.

— Господа! Господа! Владейте собой! Я понимаю, что вы оба испытываете очень сильные чувства по этому вопросу, но мой непременный долг напомнить вам, что часовой вполне способен навлечь гнев Дома на наши головы, пока дремлет, и не слишком крепко, за углом!

— Это нестерпимо, Род Гэллоуглас!

— Да,— хохотнул Большой Том.— Правду всегда трудно снести.

Туан сделал выпад, стараясь заколоть Тома через голову Рода. Род толкнул парня в ключицу и быстро пригнулся, когда нож по дуге прошел над его головой. Том тихо рассмеялся.

— Вот вам вельможа! Дураку видно, что не дотянуться! Он всегда будет зарываться, даже если будет знать, что должен потерпеть неудачу.

Род искоса посмотрел на Тома.

— Ты заговариваешься, Большой Том.— Это был почти комплимент.

— Нет! — прошипел Том с горящими глазами.— Пытаться сделать невозможное — поступок дурака! Вельможи — дураки, и дороги в их утопии вымощены костями крестьян!

Туан сглотнул.— И что еще они...

— Молчать! — Род встряхнул их обоих.— Могу я убедить вас ради общего блага на минутку закрыть глаза на ваши разногласия во взглядах?

Том выпрямился во весь свой рост и посмотрел сверху на Туана.— Маленький человечек,— промурлыкал он.

Род выпустил Туана и повернулся к Большому Тому, схватив его за ворот обеими руками. Том усмехнулся и поднял могучий кулак.

— Да, мастер?

— Что есть утопия, прямо сейчас, Большой Том? — выдохнул Род.

Усмешка Тома растаяла, превратившись в нахмуренность.— Да чтобы народ Грамария сам правил своей страной.

— Правильно! — Род выпустил ворот Тома и потрепал его по щеке.— Умница! Ты получишь серебряную медаль этой недели. А что надо сначала сделать?

— Убить советников и вельмож,— усмехнулся Том.

— Очень хорошо! Золотую медаль мальчику! Ты еще удостоишься права произнести прощальную речь на выпускном вечере, Большой Том! А теперь, если ты действительно хочешь быть хорошим мальчиком, скажи учителю, что тебе надо сделать до этого?

Том отрезвел.— Посадить Пересмешника.

— Пятерка с плюсом! А что делать до этого?

Большой Том, смутившись, сплел брови.— Что?

— Молчать! — рыкнул ему в лицо Род театральным шепотом и развернулся к Туану.— Итак! Что мы предпримем насчет часового? — а про себя пробурчал: "Ш-ш! Может, мне следовало устроить здесь политическое собрание?"

Туан упрямо выпятил подбородок.— Прежде, чем мы пойдем дальше, этот малый должен признать во мне лорда!

Том набрал воздуха в легкие для нового взрыва.

— Спокойно, мальчик! — поспешно сказал Род.— Высокое кровяное давление вредно для тебя! Туан Логайр прирожденный аристократ, Том?

— Да,— неохотно согласился Том, — но это не...

— Род Логайров — один из самых великих и знатных домов?

— Да, но...

— И твой отец и мать были крестьянами?

— Да, но это не значит, что...

— И у тебя нет абсолютно никакого желания родиться аристократом?

— Никогда,— прошипел Том, пылая взором.— Пусть меня повесят на самой высокой виселице в Грамарие, если я когда-нибудь хотел этого!

— И ты не хотел бы стать аристократом, если бы мог?

— Мастер,— взмолился Большой Том, уязвленный до глубины души.— Ужель ты так мало уважаешь меня, что можешь подумать обо мне такое?

— Нет, я верю тебе, Большой Том,— сказал Род, похлопав его по плечу.— Но надо было продемонстрировать это Туану.

Он повернулся к юному вельможе.

— Удовлетворен? Он знает свое место, не так ли?

— Да.— Туан улыбнулся, словно любящий отец.— Дурак же я был, сомневаясь в этом.

В глазах Тома появилось понимание, когда его челюсть отвисла. Его тяжелая рука сомкнулась на шее у Рода.

— Ах ты, ком...

Род протянул руку и сжал локоть Тома как раз на сухожилии. Том разжал руку, глаза его начали вылезать из орбит, рот разинулся в крике боли, которого он не смел испустить.

— Итак,— проворно спросил Род,— как мы избавимся от этого часового?

— Ах ты мерзавец! — выдохнул Том.— Ты скользкий клок речного ила! Ты приблудный демократов сын, ты...

— Именно,— согласился Род.

— Нет, только скажи мне,— выдохнул Туан в ухо Роду,— что ты с ним сделал? Ты всего лишь коснулся его и...

— Э... колдовской трюк,— ответил Род, валя все на самое легкое, хотя и самое катастрофическое объяснение. Он поймал Туана за голову и дернул в одну кучу с головами своей и Тома.— Итак, как мы вырубим этого часового?

— Есть только один способ,— прошептал Туан.— Разбудить его и сразиться с ним.

— И дать ему поднять тревогу? — в ужасе уставился на него Том.— Нет, нет! Обойти его и ударить по затылку!

— В этом,— мрачно сказал Туан,— нет чести!

Том сплюнул.

— План Большого Тома — о'кей,— сказал Род.— Если не считать того, что случится, если он проснется, пока мы подкрадываемся? И есть очень хороший шанс на такой оборот — тот сластолюбивый нищий показал нам это!

Том пожал плечами.— Тогда быстро рвануть и надеяться на лучшее, если умрем, то умрем.

— И королева умрет с нами,— проворчал Род.— Нехорошо.

Том вытащил короткий меч и сбалансировал его на пальце.

— Я поражу его в глотку этим клинком на полных пятидесяти шагах.

Туан потрясенно уставился на него.

— Одного из собственных людей, сударь!

— Одного для блага дела,— пожал плечами Том.— Что же из того?

Глаза Туана замерли.— Это хуже, чем заколоть его в спину! Мы должны дать ему возможность защититься!

— О, да! — фыркнул Большой Том.— Возможность защититься и поднять своими криками весь Дом Хлодвига! Возможность...

Род захлопнул обоим рты, радуясь, что он не привел трех человек, и прошептал Большому Тому:

— Будь терпелив, а? Он же новичок в профессии командос!

Том пришел в себя. Туан выпрямился с ледяным взглядом.

Род приложил рот к уху Тома и прошептал:

— Слушай, если бы ты не знал, что он аристократ, как бы ты судил о нем?

— Храбрый человек и сильный боец,— признался Том.— Хотя глупый и молодой со слишком многими идеалами.

Род погрозил ему пальцем.

— Предубеждения, Большой Том! Дискриминация! Я думал, ты веришь в равенство.

— Хорошо сказано,— неохотно проворчал Том.— Я стерплю его. Но еще одно из его благочестивых замечаний, и я...

— Если мы будем проделывать эту работу быстро, у него не будет случая. А теперь у меня есть идея.

— Тогда зачем спрашивать нас? — проворчал Большой Том.

— Потому что идея не появилась у меня, пока вы не начали перебранку. Нам нужно ничто иное как компромиссное решение, верно? Туан не потерпит ножа в спину, или нож в спящего, или убийство верного слуги, который мог бы стать завтра хорошим пушечным мячом, верно?

— Да,— согласился Туан.

— А Большой Том не стерпит, чтобы он поднял тревогу, и я тоже, если уж на то пошло. Мы все хорошие бойцы, но нас только трое против Дома головорезов — это немножко перенапрягает оковы фантазии. Так вот, Том, если этот часовой выбежит вдруг из-за угла, ты легко оглушишь его?

— Да! — ухмыльнулся Том.

— Легко, я сказал,— напомнил Род.— Это удовлетворит честь, Туан?

— Да, поскольку он будет к нам лицом.

— Хорошо! Теперь если бы только мы могли заставить его погнаться сюда за мышью, мы бы все устроили.

— Да, — согласился Туан,— но где же мышь, что сделает такое любезное одолжение?

— Мастер может сделать ее,— проворчал Большой Том.

— Сделать ее! — уставился на него Род.— Разумеется, будь у меня мастерская и...

— Нет, нет! — улыбнулся Туан.— Я не знаю этих заклинаний, но у тебя есть ведьмин мох, и ты чародей! Чего тебе еще нужно?

— Как? — сглотнул Род.— Ведьмы и колдуны делают существ из этой штуки?

— Да, да! Разве ты не знаешь? Живых существ, маленьких существ, вроде мышей.

Недостающая часть головоломки Грамария со щелчком встала на свое место в голове Рода.

— Э, скажи-ка, как они проделывают этот фокус?

— Да просто смотрят на комок этой штуки, и он становится тем, что они хотят.

Род медленно кивнул головой.

— Очень ловко. Оч-чень ловко. Единственный зазор в этом плане, что это не мой стиль колдовства.

Туан сник.

— Ты не обрабатываешь ведьмин мох? Тогда как же нам быть?.. Все же то крайне странно, что ты не знаешь об этом.

— Отнюдь, — возразил Том.— Очень плохой отдел инструктажа.

— А, заткнись,— пробурчал Род.— Есть другие способы достать мышь.

Он сложил руки рупором у рта и тихо позвал:

— Гвен! Эй, Гвен!

Прямо перед его носом на ниточке упал паучок.

— Е-твое! Не делай этого, девочка!

— Насекомое! — прошептал Том и замахнулся, чтобы прихлопнуть его.

Род ткнул его в солнечное сплетение.

— Поосторожнее, Том. Раздавишь паука, и ждет тебя, знаешь ли, несчастье, а именно — я!

Он подставил ладонь под паучка и очень нежно погладил его пальцем.

— Ну, во всяком случае, ты выбрала не "черную вдову"* Если подумать, ты самый хорошенький паучок, какого я когда-либо видел.

Паучок запрыгал у него на ладони.

— Слушай, милая, мне нужна мышь, чтобы привести сюда того часового. Ты справишься с этим?

Паучок потерял четкость формы, растекся и превратился в мышь. Она спрыгнула с его ладони и шмыгнула к углу.

— О, нет, не ты! — Род прыгнул и накрыл ее ладонью, а затем очень осторожно поднял.— Извини меня, милая, на тебя могут наступить, и если с тобой что-нибудь случится, я буду совершенно раздавлен.

Он поцеловал ее в нос и услышал, как Том давится за его спиной от смеха. Мышка завертелась в экстазе.

— Нет,— сказал Род, проводя пальцем по ее спине и ущипнув за хвост.— Ты должна сделать мне вместо этого другую из той кляксы ведьминого мха. Как, по-твоему, ты сможешь справиться с этим, миленькая?

Мышка кивнула, повернулась и пристально посмотрела на ведьмин мох. Клякса медленно сжалась, выпустила побег хвоста, вырастила на верхнем конце усики, изменила цвет на коричневый — и со стены сползла мышь. Том сглотнул и перекрестился. Род нахмурился.

— А я думал, что ты атеист.

— Не в такие минуты, мастер.

Мышь из ведьминого мха шмыгнула за угол. Большой Том достал кинжал, держа его за лезвие, и поднял тяжелую рукоять, словно дубину. Храп за углом с кряканьем прекратился.

— Ааа! Кусать меня, гадина ползучая!

Табурет часового со стуком упал. Он дважды топнул, промахнувшись, затем ожидавшие услышали топот бегущего человека. Том напрягся. Мышка выскочила из-за угла. Часовой появился следом за ней, ругаясь, ноги его поскользну-

---

* Паучиха вида "черная вдова" имеет обыкновение съедать своего партнера после оплодотворения.

лись на повороте. Он поднял голову, увидел Тома и имел как раз достаточно времени, чтобы ужаснуться, прежде чем рукоять кинжала Тома угодила ему с громким стуком в основание черепа. Род испустил вздох облегчения.

— Наконец-то.

Часовой изящно свалился в поджидавшие его объятия Туана. Юный аристократ, усмехаясь, посмотрел на Рода.

— Кто сражается бок о бок с чародеем, побеждает,— сказал он.

— И все же это был весьма жалкий трюк,— упрямо заявил Род.

Том содрогнулся и вытащил из сумки длинную черную нить.

— Нет, она не удержит его,— запротестовал Туан.

Единственным ответом Тома была ухмылка.

— Леска? — поднял бровь Род.

— Еще лучше,— ответил Том, опускаясь на колени и начиная пеленать часового.— Плетеный синтетический паучий шелк.

— И всем этим мы обязаны тебе,— сказал Род, гладя мышку у себя на руке.

Та завертела носом, а затем нырнула между пуговиц его камзола. Род придушил смешок, накрыв бугорок у себя на камзоле.

— Эй, поосторожнее, щекотно же!

Часовой между тем с кляпом во рту был аккуратно спеленут в ком Томом, и удерживался он на месте несколькими витками нитки.

— Где мы его спрячем? — прошептал Туан.

— Под рукой нет ни одного удобного места,— проворчал Том, высунув язык, пока завязывал гордиев узел.

— Эй! — Род похлопал бугорок, двинувшийся к низу от пряжки его пояса.— Прекрати это!

— Вон, на той стене есть подставка для факела,— показал Туан.

— В самый раз,— проворчал Том, подняв беспомощного часового и закрепив в одну из петель нити на подставке.

Род покачал головой.

— А что если кто-нибудь пройдет этой дорогой? Мы не можем оставить его тут подвешенным.

Он сунул руку в камзол и оторвал мышку от исследовательского путешествия по его грудной клетке.

— Слушай, детка, ты знаешь, что такое искривление пространства?

Мышка выкатила глаза и дернула усиками, а затем твердо покачала головой.

— А как насчет, э... кармана времени?

Мышка энергично кивнула, затем мышиная мордочка сосредоточенно сморщилась и... часовой исчез. Туан выпучил глаза, челюсть у него отвисла. Большой Том поджал губы, затем живо промолвил:

— А... да! Ну, давайте тогда действовать дальше.

Род усмехнулся, поставил мышку на пол, развернул ее и легонько хлопнул по спине.

— Сгинь, пропади, заколдованный зверь, но оставайся поблизости, ты можешь понадобиться.

Мышка скрылась с прощальным писком через плечо.

— Не сомневаюсь, что Пересмешник будет спать там, где была комната Туана,— прошептал Том.— А его приспешники, будем надеяться, находятся неподалеку.

— А не может ли один из них оказаться бодрствующим? — прошептал Туан.— Или, может быть, поставлен начальником караула?

Том медленно повернулся, глядя на Туана со странным выражением лица. Он поднял бровь, взглянув на Рода:

— Хороший человек,— сказал он,— и хорошая догадка,— затем:— Следуйте за мной,— и, повернувшись, пошел прочь.

Им пришлось обойти только одного часового между собой и пивным залом. Само помещение, как всегда, пещероподобное и грязное, было освещено только огнем очага и несколькими чадящими факелами. Этого, однако, хватало, чтобы разглядеть большую каменную лестницу, прорезавшую себе путь по противоположной стене с грацией, которой противоречили ее истертые ступени и сломанные перила. Выше лестницы в зал выступала галерея. Дверные проемы вдоль нее вели в личные комнаты.

Рядом с очагом сидел в огромном кресле, развалясь и храпя, широкоплечий человек с лицом, как топор. Еще двое караульных сутулились по обеим сторонам двери в центре балкона.

— Неважное положение,— заключил Большой Том, ныряя обратно в коридор.— Тут их на одного больше, чем нас, и они настолько далеко друг от друга, что двое наверняка поднимут тревогу, пока мы выводим из строя остальных.

— Не говоря уже о мусорной свалке в виде освещенного зала, который нам придется пересечь, прежде чем мы доберемся до них,— добавил Род.

— Мы можем проползти под столами и табуретами, а тот, что у подножия лестницы, наверняка скоро уснет, он все время клюет носом.

— Это снимет беспокойство с двух внизу, но как насчет пары на балконе?

— На это,— сказал Туан,— ответит мое скромное искусство в обращении с пращей. — Он вытащил клок кожи с обернутыми вокруг нее двумя сыромятными ремнями.

— Как ты научился этому искусству? — проворчал Том, пока Туан разматывал ремешки.— Это же оружие крестьянина, а не игрушка лордика.

Во взгляде, брошенном Туаном на Тома, сквозило презрение.— Рыцарь должен обучиться умению владеть любым оружием, Большой Том.

Род нахмурился.

— Я не знал, что это было частью стандартного кодекса.

— Не было и нет,— признался Туан,— но таковы правила моего отца и мои, как вы видите. Оба этих негодяя будут измерять свой рост на холодном камне, допрежь поймут, что их сразило.

— Не сомневаюсь,— мрачно согласился Род.— Ладно, поехали, я возьму того, что у очага.

— Нет,— поправил его Большой Том,— ты возьмешь того, что у лестницы.

— Вот как? Какая-то особая причина?

— Да,— по-волчьи оскалился Том.— Тот, что в большом кресле, и есть тот самый приспешник, которого предвидел Туан, и именно тот, что засадил меня в тюрягу. То моя добыча, мастер.

Род посмотрел Тому в глаза и почувствовал, как зловещий холодок пополз у него по спине.

— Ладно, мясник,— пробормотал он,— только помни, эти люди пока не для резания.

— Пусть каждый хоронит своих покойников по своему вкусу и обычаю,— процитировал Том.— Ступай, займись своими мертвецами и предоставь моих мне.

Они упали на животы и поползли по-пластунски, каждый к своему собственному противнику. Для Рода это была вечность, состоящая из ножек столов и табуретов с массой остатков пищи между ними и постоянного страха, что один из них может добраться до своего места раньше и заскучает. Раздался громкий с отдачей треск. Род замер. Один из них ступил неосторожно. С миг стояла тишина, затем голос окликнул:

— Что сие было?

Потом: „Эй, ты там! Эгберт! Проснись, пьянчуга, и следи за лестницей, кою караулишь!"

— А? Чо? Чо такое? — пробормотал невнятный голос поближе.

— Что там вас смутило? — пробормотал более глухой раздраженный голос у очага.— Дважды вы будили меня по пустякам.

Возникло молчание. Затем первый голос произнес:

— Был шум, капитан, своего рода стук между столов.

— Стук, он говорит! — проворчал капитан.— Крыса, наверное, убирает остатки, ничего более! И ты будишь меня из-за этого? Сделай сие еще раз, и ты впрямь услышишь громкий стук по твоей голове.

Затем этот же голос проворчал про себя:

— Стук, понимаешь ли! Проклятый стук!

Потом снова наступила тишина, затем приглушенное клацанье, когда один из часовых беспокойно переместил свой вес. Род испустил вздох облегчения — медленный и беззвучный. Он ждал, когда часовой опять начнет храпеть. Затем он вновь ужом пополз вперед до тех пор, пока не улегся под ближайшим к лестнице столом. Казалось, что время остановилось. От очага раздался пронзительный свист и стук, когда Том перевернул

табурет, под которым прятался. Род прыгнул на своего противника. Уголком глаза он видел вскочившего на ноги Туана, неясную дугу его пращи, затем Род врезался в часового, вогнав кулак ему в поддых и сжав горло левой рукой. Тот сложился пополам. Род слегка рубанул ребром ладони по основанию черепа, как раз под железной шапкой, и часовой обмяк. Он поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как осел часовой на балконе. Другой извивался на камнях, стиснув руки на горле. Род поднялся по лестнице в пять прыжков. Он нанес часовому скуловорот в челюсть. Глаза у того закатились — отключился он моментально. Гортань у него была перекошена, зрелище малопривлекательное. Но в этом ему повезло, будь это прямое попадание, его трахея была бы уничтожена. Его спутнику не достало такого везения — камень пробил ему лоб. Кровь залила все его лицо и лужей растекалась по полу.

— Прости меня, старина,— прошептал Туан, когда узрел дело рук своих.

Род никогда не видел лицо юноши таким мрачным.

— Рок войны, Туан,— прошептал он.

— Да,— согласился Туан.— И будь он равен мне, я мог бы тут же забыть об этом. Но человеку моей крови полагается защищать крестьян, а не убивать их.

Род посмотрел на невеселое лицо юноши и подумал, что именно такие люди, как Логайры, давали аристократии то малое оправдание, которое она имела. Том бросил один лишь взгляд и с грозным выражением лица отвернулся связать оставшегося. Был только один убитый; капитан и карауливший лестницу лежали, надежно скрученные черной нитью Тома. Том поднялся, сердито глядя на Туана.

— То было хорошо сделано,— проворчал он.— Ты вывел из строя двоих из них и сумел пощадить одного, ты лихой боец. А что до одного убитого, то не скорби о нем, ты едва ли мог получить время для лучшего прицеливания.

Лицо Туана стало озадаченным от смущения. Он не мог, по справедливости, возражать против манеры Тома, и все же как-то не по себе получать отеческий совет и прощение от крестьянина.

Род дал ему выход.

— Ты спал там? — Он ткнул большим пальцем в сторону двери, охранявшейся часовыми.

Вопрос пробился сквозь рассеянность Туана, юноша обернулся, посмотрел и кивнул.

— Ну, значит, здесь и будет Пересмешник.— Род посмотрел на Тома.— Капитан внизу был одним из личных кадров Пересмешника?

— Да.

— Значит, остаются еще двое. Каковы шансы, что оба находятся в этих комнатах, по обе стороны от комнаты Пересмешника?— Когда Том потянул себя за нижнюю губу и

кивнул, Род продолжил:— Значит, по одному на каждого из нас. Вы, ребята, берите приспешников, а я Пересмешника.

Он повернулся к двери. На плечо ему упала мясистая рука Тома.

— Это как же так? — проворчал крестьянин.— Как это Пересмешник стал твоей добычей, а не моей?

Род усмехнулся.

— Я человек, стоящий посередине, помнишь? Кроме того, какой у тебя пояс?

— Коричневый,— признался Том.

— А у Пересмешника?

— Черный,— неохотно ответил Том.— Пятый дан.

— И у меня черный, восьмой дан. Ты берешь приспешника.

— Что это за болтовня о поясах? — нахмурился Туан.

— Просто спор о юрисдикции, не беспокойся об этом.— Род повернулся к центральной двери.

Большой Том снова схватил его за руку.— Мастер,— и на этот раз он, похоже, употреблял это выражение всерьез.— Когда с этим будет покончено, ты должен научить меня.

— Да, разумеется, все, что угодно. Ты у меня получишь диплом колледжа, только давай покончим с этим, идет?

— Спасибо,— усмехнулся Том,— но у меня уже есть диплом доктора.

Род сделал переоценку, затем уставился на него.

— Чего?

— Теологии.

Род кивнул.— Это укладывается. Слушай, ты ведь не выдвинул каких-нибудь новых атеистических теорий, а?

— Мастер,— обиженно запротестовал Том.— Как можно доказывать или опровергать существование нематериального существа посредством материальных данных? Это-то и есть врожденное противоречие...

— Господа,— вмешался с сарказмом Туан.— Мне крайне неприятно перебивать столь ученую беседу, но Пересмешник ждет и может вскоре проснуться.

— А? О! Ах, да! — Род повернулся к двери.— Увидимся через пять минут, Большой Том.

— Да, мы должны продолжить беседу,— ухмыльнулся Большой Том и повернул к двери напротив.

Род приоткрыл свою дверь, напрягая руки. Она заскрипела. Она застонала. Она завизжала. Она подала формальный протест. Род бросился вперед, времени у него было в самый раз, чтобы сообразить, что Пересмешник заботливо оставил дверные петли несмазанными в качестве примитивной, но очень эффективной системы сигнализации, прежде чем тот завизжал "караул!" и вскочил с постели, нанося рубящие удары ладонями. Род блокировал удар сверху и сделал выпад в солнечное сплетение. Его рука была умело отражена, визг Пересмешника "на помощь!" пронзил ему уши. У Рода как раз достало времени, чтобы оценить юмор ситуации: черный пояс зовет на помощь, прежде чем увидел удар ноги, направленный ему в пах. Он

отпрыгнул, а Пересмешник ринулся следом за ним. На этот раз удар прошел. Род покатился по полу, корчась от боли. Он увидел ногу, нацелившуюся ему в челюсть, и сумел как раз достаточно отвернуть голову: удар пришелся ему по левой стороне черепа. Он увидел россыпь красных звездочек, пылающих на черном фоне, и бешено затряс головой, пытаясь прояснить ее. Сквозь звон в ушах он услышал еще один визг, неожиданно оборвавшийся, затем глухой стук, потом рев Большого Тома.

— За пращу, Туан! На этот визг сбегутся охранники!

Затем великан склонился над ним, приблизив лицо:

— Сильно ли ранен, мастер?

Род никогда и не предполагал, что пивным перегаром и луком может так хорошо пахнуть.

— Со мной все в порядке,— выдохнул он.— Удар пришелся немного не по центру, слава небесам!

— Ты можешь встать?

— Через минуту. Однако Гвен, возможно, будет временно разочарована. Как ты это сделал, Большой Том?

— Поймал его ногу на взмахе,— усмехнулся Большой Том.— И подбросил его ввысь, а потом провел апперкот, допрежь он приземлился.

Род недоверчиво уставился на него.— Чего?

— Апперкот. В поддых.

Род перекатился, подобрал под себя колени, в изумлении покачал головой.

— "Апперкот вырубает черный пояс". Зовите репортеров.

Снаружи раздался крик, внезапно оборвавшийся. Род вскинул голову, прислушиваясь. Затем он с трудом поднялся на ноги, все еще прижимая руки к паху, и только что не выпал из двери, игнорируя озабоченные протесты Большого Тома. На каменном полу пивного зала лежали три тела. Туан стоял на перилах балкона, туго натянув в руках пращу, плотно стиснув челюсти, с выражением холодного ужаса в глазах.

— Сперва появился один,— монотонно сказал он,— потом второй, потом третий. Первых двух я отправил к праотцам, допрежь они могли закричать, но на третьем я запоздал.

Туан повернулся спиной к залу. Через минуту он произнес медленно и твердо: „Не нравятся мне эти убийства."

Глаза его прояснились.

— Так,— кивнул Род, охнув, когда короткий спазм тошноты заставил его вцепиться в перила.— Никакому человеку, стоящему звания человека, не нравится это, Туан. Не позволяй этому тревожить тебя. Это война.

— О, я убивал раньше.— Губы Туана сжались.— Но убивать людей, которые три дня назад пили за мое здоровье!

Род кивнул, закрыв глаза.

— Я знаю. Но если ты лелеешь какую-нибудь надежду быть королем, Туан, или даже хорошим герцогом, ты должен научиться не позволять этому беспокоить тебя.

Он поднял взгляд на юношу.

— Кроме того, помни, они бы убили тебя, если бы смогли.

Том вышел на балкон, неся скрученного Пересмешника, словно младенца, на руках.

Он быстро оглядел пивной зал, лицо его посуровело.

— Новые убитые! — Он отвернулся, осторожно положил Пересмешника рядом с распростертыми телами его приспешников и вздохнул.—Но таковы уж времена и моды!

Он нагнулся, чтобы заняться связыванием одного из приспешников — высокого, тощего человека-скелета со шрамом там, где ему полагалось иметь ухо,— сувенир на память о королевском правосудии. Род посмотрел и кивнул: «Пересмешник хорошо выбрал себе соучастников. Они имели причину ненавидеть монарха».

Род медленно выпрямился, содрогнувшись от боли. Туан взглянул на него.

— Тебе следует присесть отдохнуть, Род Гэллоуглас.

Род сделал быстрый резкий вдох и замотал головой.

— Это просто боль. Не лучше ли нам сволочь этих вниз, в тюрьму?

В глазах Туана сверкнул огонек.

— Нет, свяжите их и держите здесь. У меня есть для них применение.

Род нахмурился.

— Что ты имеешь в виду под применением?

— Не спрашивай, мастер,— поднял руку Большой Том.— Если Туан нуждается в них, то предоставь их ему. Этот малыш знает свое дело, я никогда не видывал и лишь редко слышал о человеке, который мог бы так управлять толпой.

Он повернулся и спрыгнул вниз по лестнице, проверил павших на сердцебиение, связал одного, все еще живого, и уволок их всех под балкон. Затем он подхватил их капитана у очага и перекинул его через плечо.

— Том! — окликнул Туан, и великан поднял взгляд.

— Принеси тот рог, что висит над каминной полкой, и барабан рядом с ним!

Том кивнул и снял с гвоздя помятый, закрученный спиралью охотничий рог и забрал один из грубых барабанов — ничего больше, чем пустой бочонок с натянутыми с обеих сторон шкурами,— с его места на каминной полке.

Род нахмурился, сбитый с толку.

— Для чего тебе понадобились барабан и горн?

Туан усмехнулся.— Умеешь играть на роге?

— Ну я не совсем, чтобы подходил для первого кресла в оркестре филармонии, но...

— Сумеешь,— заявил Туан с искрящимися глазами.

Большой Том взбежал по лестнице с помощником Пересмешника на одном плече и трубой и барабаном на другом. Он бросил инструменты и положил связанного к его товарищам. Затем он выпрямился, уперев кулаки в бока, и ухмыльнулся.

— Здорово, мастеры! Что велишь сделать с ними, лордик?

— Ты возьмешь барабан и, когда я дам знать, повесишь

этих четверых на перилах, но не за шею. То намного больше к нашей чести, что мы взяли их живыми.

Род вскинул бровь.— Надеюсь, это не старый анекдот о том, что мы мол достаточно могущественны, чтобы быть милостивыми?

Он не услышал ответа, потому что Том принялся бить в барабан. Помещение наполнил тенорный рокот. Род поднял рог. Туан ухмыльнулся, вскочил на перила и встал, широко расставив ноги и сложив руки на груди.

— Созови их, мастер Гэллоуглас,— крикнул он.

Род поднес к губам мундштук и заиграл "побудку". Она звучала довольно странно на охотничьем роге, но произвела свое действие.

Прежде чем он добрался до половины второго куплета, зал наполнился нищими, грабителями, хромыми, однорукими, ворами, карманниками и убийцами. Их ропот, прибой и ветер перед штормом наполнили зал, как контрапункт к рогу и барабану.

Они были спросонья, с осоловелыми глазами, с отуманенными мозгами, швыряющие друг другу тысячу недоверчивых вопросов, с потрясением и испугом увидевшие Туана, брошенного в тюрьму, стоящим высоко и гордо в зале, из которого он был изгнан. Ему полагалось страшиться их, ему полагалось страшиться возврата, а уж если он вернулся, то следовало это сделать как тать в ночи, украдкой и тайком. И все же он стоял свободно у них на глазах, созвав их к себе горном и барабаном. А где же Пересмешник? Они были потрясены и больше, чем малость, испуганы.

Люди, которых никогда не учили мыслить, теперь столкнулись с немыслимым. Род закончил тушем и резко оторвал трубу от губ, завертев ее сверкающим кругом и завершив тем, что раструб ее уперся ему в бедро. Большой Том дал барабану последнее заключительное "бум".

Туан повел рукой в сторону Тома и начал очень тихо щелкать пальцами. Барабан снова заговорил — рокочуще, настойчиво, но очень тихо.

Род поднял взгляд на Туана, который усмехался, уперев руки в бока, ни дать, ни взять царственный эльф, вернувшийся в свое королевство. Он посмотрел на зрителей, потрясенных и исполненных страха, пялившихся, разинув рты, на повелительную, командную фигуру над ними. Род вынужден был признать, что это был отличный способ начать речь. Туан вскинул руки, и зал затих за исключением мерного рокота барабана Большого Тома.

— Вы прогнали меня! — крикнул Туан.

Толпа съежилась, бормоча, полная страха.

— Прогнали, выбросили вон! — воскликнул Туан.— Вы отвратили от меня глаза свои, отвернулись от меня, думали никогда больше не смотреть на меня!

Ропот усилился, начал принимать угрюмый отчаянный оттенок.

— Разве не был я изгнан? — вопросил Туан, а затем: „Молчать!"

И, как по волшебству, зал затих.

Он низвел на толпу обвиняющий перст и прорычал:

— Разве не был я изгнан?

На этот раз нашлись некоторые, пробормотавшие: „Да".

— Разве не так?

Хор „да„ усилился.

— Разве не так?

— Да,— прокатилось над головами толпы.

— Разве вы не называли меня предателем?

— Да,— снова проворчала толпа.

— И все же, вот я, стою здесь,— прокричал Туан.— Сильный и свободный, и снова хозяин Дома Хлодвига!

Никто этого не оспаривал.

— А где настоящие предатели, которые увидели бы всех вас разорванными в клочья в безнадежной битве? Предатели, которые превратили Дом Хлодвига в тюрьму в мое отсутствие? Где они теперь, чтобы оспаривать мое главенство?

Он положил руки на бедра, в то время как толпа пустила этот вопрос по рядам, а Том быстро привязал десятифутовую нить к путам Пересмешника, а другой ее конец привязал к столбу перил.

Когда ропот "где?" и "Пересмешник" начал усиливаться, он обслужил таким же образом троих приспешников. Туан дал ропоту нарасти и усилиться, затем как раз, когда он достиг своего пика, подал знак Тому. Том с Родом перебросили связанных через перила, где они и повисли по двое по обе стороны от Туана. Пересмешник пришел в сознание, он начал извиваться и брыкаться на конце своей веревки. Зал наполнился потрясенным молчанием. Туан усмехнулся и сложил руки на груди. Толпа зарычала, словно один огромный дикий зверь, и бросилась вперед. Передние ряды принялись подпрыгивать, пытаясь достать болтающиеся ноги. Непристойные эпитеты, проклятия Пересмешнику и его приспешникам так и летели из огромного зала.

— Вот! — крикнул Туан и вскинул руки, толпа замолкла.— Вот предатели, воры, отнявшие у вас свободы, что я добыл для вас!

Большой Том усмехнулся, не сводя горящих глаз с молодого лорда, раскачиваясь в ритм со словами юноши. Ибо воистину, паренек сейчас казался футов двенадцати ростом.

— Разве вы не родились без всяких хозяев? — крикнул Туан.

— Да! — проревела ему толпа.

— Вы родились для воли,— прогремел Туан.— Верно, свободы быть вне закона и нищенствовать, рожденные свободными!

Затем: „Разве вы не родились дикими? — практически провизжал он".

— Да! — завизжала в ответ толпа.— Да, да да!

— Разве я украл у вас вашу свободу?

— Нет, нет!

Кривобокий горбун с повязкой на глазу крикнул:

— Нет, Туан, ты дал нам больше свободы!

Толпа утвердительно зашумела. Туан снова скрестил руки, улыбаясь, давая одобрительным крикам идти своим чередом. Когда они только-только прошли свой зенит, он снова вскинул руки и прокричал:

— Говорил я вам?

Воцарилось молчание.

— Говорил я вам, что вы должны иметь мое разрешение на ночь любви?

— Нет! — заревели они в ответ, оба пола, для разнообразия объединившись.

— И никогда не скажу!

Они закричали:

— Ура!

Туан улыбнулся и почти застенчиво склонил голову в знак благодарности.

— И все же.— Голос Туана упал на низкий, угрюмый, гневный регистр. Он нагнулся вперед, размахивая перед зрителями стиснутыми кулаками.— Когда я вернулся в ваши коридоры сей темной вечерней порой, что я обнаружил?— Голос его поднялся, усиливаясь.— Вы позволили этим подлым негодяям похитить все, что я дал вам!

Толпа зарычала.

Туан махнул левой рукой. Том ударил в барабан с такой силой, что оборвал толпу.

— Нет, больше того, воскликнул Туан Его указательный палец тыкал в толпу, глаза искали индивидуальные лица. Его голос стал теперь холодным и размеренным. Я обнаружил, что в своей подлой трусости вы позволили им украсть даже ту свободу, с которой вы родились!

Толпа зароптала, испуганно и неуверенно. Передние ряды шарахнулись назад.

— Даже свое прирожденное право вы позволили украсть у вас!

Ропот обернулся волной страха от презрения, звучавшего в серебряном языке.

— Вы позволили им отнять у вас даже право на постельную свободу!

Он взмахнул рукой, снова ударил барабан.

— И вы называете себя мужами,— засмеялся Туан резким пронзительным смехом.

Волна ропота пошла теперь на него мрачными, протестующими голосами:

— Мы — мужи!— крикнул кто-то, и толпа подхватила:— Мы мужи! Мы мужи! Мы мужи!

— Да! — завизжал одноглазый горбун.— Только дай нам сих болтающихся негодяев, что ограбили нас, Туан, и мы докажем, что мы — мужи! Мы не оставим и унции мяса висеть на их костях! Мы разорвем их на части, сдерем с них кожу! Мы переломаем даже их кости и вытащим костный мозг.

Толпа кровожадно завыла. Туан выпрямился и сложил руки на груди, мрачно улыбаясь. Толпа увидела его, ее рев стих до ворчания с оттенком вины, затем раскололся на очаги угрюмого шепота и умолк.

— Разве это мужество? — почти спокойно произнес Туан.— Нет!— Он выбросил руку вперед, тыкая, обвиняя.— Я видел стаи собак, могущих еще лучше выполнить эту работу!

По толпе пробежал ропот, становясь все более сердитым, все более и более.

— Поосторожнее! — призвал Род Туана.— Ты добьешься, что они разорвут на части нас!

— Не бойся, — сказал Туан, не сводя глаз с толпы.— Пусть еще немного побесятся.

Ропот резко возрос, то тут, то там кричал какой-нибудь нищий, раздавались гневные выкрики, махали кулаками Туану, стоящему на балконе.

Туан снова вскинул руки, крикнув:

— Но я говорю, что вы — мужи!

Толпа притихла, уставясь на него.

— Есть другие, оболгавшие вас, но я зову вас мужами!— Затем он перевел взгляд с лица на лицо.— И кто возразит мне?

Миг они молчали, затем кто-то крикнул:

— Никто, Туан!

И другой добавил:

— Никто!

— Никто! — закричало еще несколько, и:

— Никто! — присоединялись многие до тех пор, пока вся толпа не заорала:

— Никто!

— Докажете ли вы, что вы — мужи? — крикнул Туан.

— Да! — зарычала толпа.

— Вы будете драться? — взвыл Туан, сжимая кулаки.

— Да! — зарычала толпа.

Рука Туана рванулась вниз на уровень пояса, ладонями к полу, с раздвинутыми пальцами.

Толпа стихла. Его голос стал тихим, напевным:

— Вы родились для грязи и струпьев болезни!

— Да! — пробормотали они.

— Вы родились для пота и для боли от труда!

— Да!

— Вы родились для урчания пустых животов и тоски по дому!

— Да!

— Кто наполнил ваши животы? Кто дал вам крышу над головой в этом самом доме?

— Ты!
— Кто дал вам крепость?
— Ты!
— Кто?
— Ты!
— Скажите мне имя!
— Туан Логайр! — завизжали они.
— Да! — Руки Логайра снова поднялись, он стоял, пригнувшись, с горящими глазами.— Из юдоли вывел вас я. Но кто дал вам ее при рождении? Кто давил вас от столетия к столетию, от отца к сыну, век за веком со времени наших самых отдаленных праотцов?

Толпа неуверенно забормотала.

— Крестьяне?
— Нет!
— Не солдаты ли?
— Да! — зарычали они, снова оживляясь.
— Кто командует солдатами?
— Знать!

Род содрогнулся от ненависти, вложенной ими в это слово!

— Да, то была знать! — крикнул Туан, выбрасывая вперед кулак, и толпа завыла.

Он дал попарить несколько минут шуму и гаму, а затем снова вскинул руки. Потом его руки опять упали на уровень пояса, он принял стойку.

— Кто?— вопросил он, и барабан позади него зарокотал.— Кто единственный из всех высокородных принял вашу сторону? Кто дал вам пищу, когда вы желали ее, услышав вашу просьбу? Кто послал вам судей, чтобы дать вам правосудие вместо вельможного произвола?

Его кулак взметнулся вверх, потянув за собой все тело.

— Королева!
— Королева! — словно эхо подхватили они.
— Она закрывает уши перед вельможами, чтобы они могли слышать ваши крики!
— Да!
— Она лила слезы по вам!
— Да!
— И все же,— крикнул горбун,— она прогнала тебя, наш Туан Логайр!

Туан кисло улыбнулся.

— Прогнала? Или послала к вам?— Он вскинул руки вверх, и они заревели, словно лавина.— Именно королева отдала вам обратно ваше прирожденное право!

— Да!
— Вы мужи?
— Да!
— Вы будете драться?
— Будем! Будем драться!
— Вы будете драться с вельможами?

— Да!

— Вы будете драться за королеву?

— Да!

— Вы будете драться с вельможами за нашу королеву Катарину?

— Да! Да, да, да!

Тут шум толпы перекрыл все, люди прыгали и кричали, мужчины хватали женщин и кружили их.

— Есть у вас оружие? — крикнул Туан.

— Да! — взметнулись вверх, сверкая, тысячи кинжалов.

— Разбирайте свои заплечные мешки, набивайте их сухарями! Выносите их из сего дома через южные ворота города! Королева даст вам пищу, даст вам шатры! Так бегите же все на юг по главному большаку до Бреденской равнины, чтобы дождаться там вельмож! Ступайте совершить это! — кричал он.— Вперед за королеву!

— *За королеву!*

Туан махнул рукой, барабан забил часто и громко.

— Охотничий сигнал! — бросил Туан в сторону Рода.

Род вскинул трубу к губам и начал быструю бурлящую бравурную мелодию.

— Вперед! — заревел Туан.

Люди рассеивались по своим комнатам, в арсенал и так далее. Через десять минут они разобрали вещмешки, посохи и ножи.

— Сделано! — Туан спрыгнул с перил на пол балкона.— Через два дня они добегут до Бреденской равнины.

Он ухмыльнулся, хлопнув Большого Тома по плечу.

— Нам удалось, Том!

Том заржал и облапил Туана в своих медвежьих объятиях.

— Уфф! — выдохнул Туан, когда Том отпустил его. Он обернулся к Роду.— А ты, друг Гэллоуглас, сообщи королеве и проследи за тем, чтобы известие о сем дошло до солдат. Скажи ей прислать мясо, шатры и эль, и побыстрее. И запри этих лакеев,— он ткнул большим пальцем в сторону Пересмешника и его прихвостней,— поглубже в королевскую тюрьму. Прощай!

И он прыжками поскакал вниз по лестнице.

— Эй, минуточку,— крикнул, подбегая к перилам, Род.— Куда ты сейчас направляешься?

— На Бреденскую равнину,— прокричал в ответ Туан, остановившись, чтобы обернуться.— Я должен охранять своих людей, иначе они обдерут всю местность хуже любого нашествия саранчи и перебьют друг друга в драке из-за наживы. Скажи Катарине о моей...— он замолк, по лицу его пробежала тень, — ...преданности.

Затем он исчез, ведя толпу людей, что хлынула из больших парадных дверей Дома, несясь впереди нее в диком головоломном плясе. Род и Том обменялись быстрыми взглядами, потом повернулись и побежали к лестнице на крышу. Они

смотрели с крыши, как распевающая толпа вылилась из южных ворот города. Каким-то образом при помощи пения Туан добился, чтобы они двигались в приличном порядке, почти маршируя.

— Ты думаешь, он нуждается в какой-то помощи? — пробормотал Род.

Том откинул голову и расхохотался.

— Это он-то, мастер? Нет, нет! Помощь скорее понадобится тем, кто выступит против него при такой армии у него за спиной!

— Но всего лишь один человек, Том! Возглавлять две тысячи людей, не вписавшихся в общество!

— Неужели ты можешь в этом сомневаться, мастер, после того, как ты видел его могущество? Или ты не видел?

— О, я видел,— кивнул Род, все еще не веря своим глазам.— В этой стране куда больше колдовства, чем я думал, Большой Том... Да, я видел.

Разбуди королеву и попроси ее присоединиться к нам здесь, в ее палате для аудиенций! — отрывисто скомандовал Бром спешно разбуженной фрейлине.— Ступай!

Он захлопнул дверь и повернулся к очагу, где сидел Род с осоловелым Тоби, грубо пробужденным после всего лишь часа сна. Ночная гулянка в Башне Ведьм сегодня немного затянулась. Он держал в руке кружку с горячим вином, и голова у него, видать, раскалывалась.

— Разумеется,— пробормотал он заплетающимся языком,— мы желаем помочь королеве чем только можем, но какая от нас будет помощь в бою?

— Предоставь это мне,— улыбнулся Род.— Я найду вам какое-нибудь занятие. Ты лишь приведи королевских магов на Бреденскую равнину к... э...

— Через три дня от сего,— с улыбкой помог Бром.— Мы выступаем в поход на рассвете и будем в пути три дня.

Тоби сонно кивнул.

— Мы будем там, мастеры, а теперь, с вашего позволения...

Он начал было подниматься, охнул и опустился опять в кресло, прижав руку к голове.

— Полегче, парень.— Род, поддерживая, схватил его за локоть.— Первое похмелье?

— О, нет! — покачал головой Тоби, моргая слезящимися глазами.— То лишь первый раз, когда я разбужен в то время, когда выпитое превратилось в похмелье. Если мастеры извинят меня...

Воздух хлопнул по их барабанным перепонкам, когда он устремился заполнить то место, где только что был Тоби.

— Э... да,— проговорил Род. Он покачал головой и посмотрел на Брома.— Тоже телепортируешь?

— Теле... что? — нахмурился Бром.

— Э...— Род на миг закрыл глаза, проклиная себя за оговорку.— Я так понял, что он просто отправился обратно в постель?

— Да.

— Он может исчезать здесь и появляться там?

— Да, с быстротой мысли.

Род кивнул.

— Так я и думал, ну, это должно бы пригодиться.

— Что ты хочешь велеть им делать, Род Гэллоуглас?

— О, не знаю.— Род легкомысленно помахал кружкой.— Может быть, наколдовать перья в доспехи южан. Те просто умрут от смеха.

— Ты даже не знаешь, что поручишь им, и все же ты приводишь их?

— Да, я начинаю думать, что немного колдовства временами не помешает.

— Да,— незаметно улыбнулся Бром.— Она уже дважды спасала тебе жизнь, не так ли?

— Она? — развернулся кругом Род.— Кто? Кто она, а? О чем ты говоришь?

— Да Гвендайлон!— Улыбку Брома поглотила злость.

— Ах, да! Э... ты знаешь о ней? — осторожно поднял бровь Род, затем улыбнулся, расслабляясь.— Ну да, конечно, ты знаешь о ней. Я забыл, она ведь в очень хороших отношениях с эльфами.

— Да, я знаю о ней.— Брови Брома сошлись на переносице.— Нет, ты только скажи мне, ты любишь ее?

— Люблю ее? — уставился на него Род.— Какое тебе дело до этого, черт возьми?

Бром нетерпеливо отмахнулся.

— То моя забота, пусть она такой и останется. Ты любишь ее?

— Я не допущу, чтобы она такой и осталась!— Род вытянулся с видом оскорбленной чести.

— Я Князь Эльфов! — огрызнулся Бром.— Разве меня может не заботить самая могущественная ведьма в Грамарие?

Род в шоке уставился на него.

— Самая... что?

Бром кисло улыбнулся.— Разве ты не знаешь? Да, Род Гэллоуглас. Девица, с коей ты боролся на сене, самая что ни на есть могущественная. Поэтому скажи мне: ты любишь ее?

— Ну, э, я, э... я не знаю! — Род сел, обхватив голову руками.— Я хочу сказать, э, все это так неожиданно. Я, э...

— Нет, нет! — нетерпеливо зарычал Бром.— Ты наверняка должен знать, любишь ли ты ее?

— Ну, я имею в виду, э... ну нет, я не знаю! Я хочу сказать, ведь это предмет, насчет которого довольно трудно быть объективным, не так ли?

— Ты не знаешь? — На лице Брома собрались грозовые тучи.

— Нет, черт побери, не знаю!

— Ах ты, дурак, рыгающий младенец, ты, насмешка над человеком! Ужель ты не знаешь собственного сердца?

— Ну, э, там есть аортный желудочек и...

— Как же тогда я узнаю, любишь ли ты ее? — прогремел Бром.

— А я откуда знаю, черт возьми! — крикнул Род.— Спроси моего коня!

Трепещущий паж просунул голову в дверь, затем так же трепеща вошел в палаты.

— Милорды, Ее Величество королева!

Бром с Родом повернулись кругом и поклонились.

Катарина вошла в халате цвета королевского пурпура с распущенными бледными волосами вокруг головы. Она выглядела очень усталой и едва проснувшейся.

— Ну, милорды,— резко сказала она, усаживаясь у очага,— какие великие новости заставили вас будить меня в столь ранний час?

Род склонил голову в сторону пажа, мальчуган побледнел, поклонился и вышел.

— Дом Хлодвига поднялся, взялся за оружие и выступил,— проинформировал ее Род.

Она уставилась на него, раздвинув губы.

— Они выплеснулись из южных ворот этой ночью и побежали к Бреденской равнине.

Глаза Катарины закрылись, она со вздохом погрузилась в кресло.— Хвала небесам!

— И Туану Логайру,— проворчал Род.

Глаза ее открылись, пристально глянув на него.

— Да, и Туану Логайру,— неохотно добавила она.

Род отвернулся, проводя рукой по каминной полке.

— Вам надо послать еды и эля, чтобы они не ободрали по дороге всю страну. И нужно отправить вперед верхового курьера, чтобы тот приказал солдатам пропустить их.

— Да,— нехотя согласилась она,— разумеется.

Ее взгляд блуждал по огню.— И все же странно, что они, те, кто всегда поднимал шум, отвергая меня, теперь будут сражаться на моей стороне,— произнесла она,словно про себя.

Род посмотрел на нее с натянутой иронической улыбкой.

— Туан ...— прошептала она.

— Бром прочистил горло и потопал вперед, сцепив руки за спиной.

— И этой же самой ночью я говорил с Королем Эльфов,— проворчал он,— все его легионы — наши.

Она снова стала прежней, кисло улыбаясь.

— Легионы эльфов, Бром О'Берин?

— О, не надо их недооценивать.— Род вспомнил затрещину по черепу и плененного оборотня и потер затылок.— И венчая все это — у нас есть ваш личный ковен ведьм и колдунов.

— ...и самая могущественная ведьма во всем Грамарие,— вставил Бром О'Берин?

— Э, да, и она,— согласился Род, насадив Брома на шампур своего взгляда.— Все как один готовые и полные рвения послужить единственной правительнице в истории, защищающей ведьм и колдунов.

Глаза Катарины медленно расширились, пока она слушала, теперь ее взгляд был направлен куда-то вдаль и блуждал по огню.

— Мы победим,— прошептала она.— Мы победим!

— Ну, э, при всем должном уважении к Вашему Величеству, э, может быть, правильнее будет сказать, что у нас равные шансы.

Бреденская равнина была дельтой, открытой с юга, но закрытой с севера слиянием двух рек. Вдоль обеих рек тянулись, ограничивая поле, густые заросли деревьев. Само поле поросло высокой травой и лавандой. Не то, чтобы они могли особенно разглядеть его, думал Род, сидя на корточках у лагерного костра.

Поле покрывала густая промозглая туманная дымка, во всяком случае Род, видевший кое-что из цивилизованного смога, назвал бы ее дымкой, Туан же, потирая руки над костром напротив Рода, покачал головой и проворчал: „Самый густой и немилосердный туман, мистер Гэллоуглас! Он тяжко ляжет на дух войска!"

Род вскинул голову и прислушался к звукам буйного пира, плывущим через поле от пикетов нищих. Ведьмы и колдуны тоже в нем участвовали. Сегодня гулянка началась в полдень — из уважения к погоде.

Он пожал плечами и усмехнулся.

— Ну, пусть тебя это не тревожит, Туан. Яснови... э, ведьмы говорят, что завтра будет прекрасный солнечный день.

— И хвала святому Георгу, что до той поры не придется сражаться,— и Туан, дрожа, закутался в плащ.

Самые последние донесения от миниатюрных шпионов Брома, которых Род немедленно окрестил Гоблинский Ассоциированный разведкорпус, гласили, что южные войска были всего лишь в полудне пути.

Катарина прибыла с Бромом и своей армией предыдущим вечером, а нищие отдыхали уже целый день. Фактически, они настолько рвались в бой, что Туану было трудновато удерживать их в узде, они все были за то, чтобы идти на юг и атаковать знать с ходу.

— И все же,— потянул себя за губу Род,— я не понимаю, почему нам надо ждать утра, чтобы дать сражение. Мы могли бы устроить им засаду сегодня ночью, когда они доволокут свои войска.

— Нападать ночью! — ахнул шокированный Туан.

Род пожал плечами.

— Разумеется, почему бы и нет? Они будут уставшими от

дневного марша и не будут знать, где мы. У нас будет больше шансов на победу.

— Да, и ты имел бы больше шансов убить человека, если бы ударил его ногой в голову, пока тот повержен наземь!

Род вздохнул и удержался от рассказа, что он однажды так и поступил, когда тот человек был одним из пяти великолепно обученных убийц, устроивших ему засаду. Фактически, он дрался куда как более нечестно с куда меньшим оправданием, но здесь, кажется, было не вполне подходящее место для рассказа об этом.

Он лишь сказал:

— Я думал, смысл сражения в том, чтобы победить.

— Да,— согласился Туан, пристально глядя сквозь туман на южный конец луга.— Но не такими отвратительными средствами. Кто ж будет верен королеве, сохраняющей свою власть таким образом?

И в этом-то, признался Род, и заключалась суть дела. Престиж в этом мире был всем, а честь служила краеугольным камнем престижа.

— Ну,— выдохнул он,— тебе виднее, ты спец.

— Спец? — нахмурился Туан.— Я не обладаю умением приготовлять специи и исцелять.

— Да, но ты великий практический психолог. Поэтому когда дело доходит до управления людьми, я буду следовать за тобой.

Туан печально улыбнулся, качая головой.

— Друг Род, у меня нет никакого умения управлять.

Род позволил себе скептический взгляд.

— Ну, может быть, и нет, но ты чертовски хороший вождь.

— Эгей,— прогремел голос.

Род обернулся и усмехнулся при виде вырисовывающейся в тумане огромной фигуры.— Все там довольны?

Большой Том пробил себе дорогу сквозь туман и улыбнулся.— Вполне довольны, мастер. Никогда в своей жизни они не пили столь вкусного вина и столь много не ели.

— Хмм,— потянул себя за губу Род.— Лучше на время укатить вино. Нам нежелательно, чтобы они были пьяны столь незадолго до боя.

— Нет,— поправил Туан почти автоматически, как заметил Род.— Пусть они пьют сколько влезет, это пораньше уложит их спать. Потом подыми их рано утром и дай каждому по кружке-другой — вот тогда они будут сражаться, как сами демоны.

Род был вынужден признать, что это правда. Они не требовали от нищих дисциплины, а просто хотели, чтобы те вышли и победили врага.

Ночь пронизали точки сторожевых костров, смягченных поднимающимся туманом. На юге, где вельможи и советники подводили свою армию, возникли другие точки света. На северном лугу, там, где нищие находились в последней стадии радостного исполнения приказа напиться как можно скорее, раздавался женский смех, крики и грохот музыки. На склоне

холма над рекой, где Катарина и ее регулярная армия ложились спать трезвыми, было строгое неодобрительное молчание и мягкий свет ламп в шатрах.

Но в самом большом шатре, у Катарины, обстановка была какой угодно, только не спокойной.

— А я говорю нет, нет и еще раз нет! — восклицала она гневно, расхаживая по шатру. Она повернулась, резко хлопнув в ладоши.— Я не желаю больше слушать ваших доводов! Кончено, кончено, ибо я поскачу завтра во главе своих армий! Я не потерплю никаких дальнейших советов!

Род и Бром обменялись взглядами. Лицо Туана было свекольно-красным от гнева, подавленности и беспокойства.

— Ступайте,— резко приказала Катарина и повернулась к ним спиной.

Трое неохотно поклонились и гуськом вышли из шатра.

— Коль она что решит, то все,— пробурчал Бром.— Нам троим тогда придется охранять ее и предоставить план битвы сэру Мэрису.

— Это верная дорога к поражению,— проворчал Род.— Его способ управлять боем столь же отстал от жизни, как и фаланга.

Бром вздохнул и протер глаза.

— Но как я сказал, я погибну вместе с ней. И все же, может, мы останемся в живых, поскольку у меня есть небольшой план.

Он исчез в темноте прежде, чем они успели расспросить его, из чего Род сделал вывод, что его "план" ограничивался поднятием духа у Туана и Рода путем намеков, что есть еще надежда.

— Мы погибнем, защищая ее,— прошептал Туан с искаженным и бледным лицом.— И все же когда мы падем, она тоже погибнет, а это мне ненавистно.

Он беспомощно развел руками.— Но что я могу сделать?

— Ну...— Род поджал губы и посмотрел через плечо на освещенный шатер.— Я знаю одно верное средство гарантировать, что она никуда завтра не поскачет...

— Скажи же тогда!— Лицо Туана вспыхнуло лихорадочным нетерпением.

— Гарантировав, что она не сможет завтра сидеть.

Туан уставился на него. Его лицо медленно залила краска, затем кровь отхлынула, оставив губы бледными и дрожащими.

— Что ты имеешь в виду? — Голос его был глухим и угрожающим. Он поднял стиснутый дрожащий кулак.

Род, нахмурясь, посмотрел на него.

— Да ясно же, отшлепав ее. Надавав ей так сильно, чтобы ей пришлось стоять до следующего воскресенья. Как же еще этого добиться?

Кулак Туана медленно опустился, краска изобильно вернулась на его лицо.

— О,— произнес он и отвернулся.— То правда. То вполне справилось бы с сим.

— Именно так, или же дать ей погибнуть.

Туан кивнул, к нему возвращалась жизнь. Он повернулся к шатру королевы, помолчал с минуту, затем расправил плечи.

— Тогда я сделаю это. Прости меня, друг Гэллоуглас, ибо на минуту я подумал, что ты имел в виду... нечто иное.

Он сделал глубокий вдох и быстро зашагал к шатру. Он остановился у входа, кивнул часовым, снова расправил плечи и промаршировал в шатер.

Род улыбнулся, позабавленный.

— Я-то думал, что это у меня на уме неприличные мысли!

Он тихо засмеялся и повернулся к костру ведьм и колдунов, размышляя, что годы, проведенные Туаном в Доме Хлодвига, научили его многому в жизни.

Из темноты материализовалась Гвендайлон. Она застенчиво улыбнулась.— Что забавляет милорда?

Род ухмыльнулся, поднял ее на руки для поцелуя, длительного и теплого.

— Милорд! — мило покраснела она, приглаживая растрепавшиеся волосы.

Ночной бриз донес до них внезапные звуки шлепков, сопровождавшихся визгом и воплями.

Часовые у шатра вскинулись, затем метнулись к шатру. Один хотел уже было откинуть полог, но второй схватил его за руку и крикнул:

— Вашему Величеству потребна помощь?

— Не входить,— провизжал полный муки голос.— Под страхом смерти не входить!

Караульные обменялись озадаченными взглядами, затем пожали плечами и вернулись на свои места, хотя и не без нескольких нервозных взглядов через плечо. Визги сделались более приглушенными, потом перешли в рыдания. Звуки шлепков прекратились.

Затем стало тихо. Род посмотрел на Гвен.

— Чему ты улыбаешься?

Она глянула на него уголком глаза.

— Я говорила тебе, милорд, что могу слышать все мысли, кроме твоих.

— Вот как?

— Да. А в этот миг в том шатре самые хорошие мысли.

Огни в шатре погасли. Гвендайлон хихикнула и отвернулась.

— Идем, милорд. Было бы неподобающим слушать дальше. Идем. Этой ночью ты должен лечь пораньше.

— Проснись, Род Гэллоуглас!

Что-то трясло его за плечо.

Род заворчал и с трудом открыл глаза.

— Что, черт возьми, ты, по-твоему...

Он остановился, когда увидел выражение лица Брома.

— Да,— пробурчал Бром.— А теперь облачайся и идем со мной.

— Я не сплю голым в ночь перед боем,— проворчал Род и поднялся очень осторожно, чтобы не потревожить Гвендайлон.

Его лицо на миг смягчилось, когда он посмотрел на нее. Он коснулся губами ее щеки. Она пошевелилась, забормотала во сне и перевернулась.

Затем он поднялся, и лицо его посуровело. Бром уже шагал прочь сквозь холодный предрассветный туман, становившийся все более редким.

— Ладно, что случилось?— проворчал Род, догнав Брома.

— Нет, помолчи! — отрезал Бром и хранил молчание, пока они не поднялись по склону далеко над шатрами.

Затем он рывком повернулся к Роду и резко бросил:

— А теперь скажи мне! Ты любишь ее?

Лицо Рода опустело.

— Ты разбудил меня только для того, чтобы спросить об этом?

— Это достаточно важно для меня,— огрызнулся Бром.— Ты любишь ее?

Род сложил руки на груди, оперевшись на одну ногу и слегка выставив другую.

— А какое тебе все-таки дело до этого, черт возьми? Какое ты имеешь право знать мою душу?

Бром отвел взгляд, лицо его искажалось эмоциями, и когда он заговорил, казалось, что слова из него вытягивали клещами.

— Она моя дочь, Род Гэллоуглас.

Он взглянул на ошеломленное лицо Рода, и в глазах его появился сардонический блеск.

— Да. Ты едва ли можешь поверить этому, не так ли?

Он отвернулся, глядя на долину, голос его смягчился от воспоминаний и дум.

— Она была всего лишь служанкой в королевских покоях, Род Гэллоуглас — и все же я любил ее. Она была маленькая, едва ли в половину роста иной женщины, и все же на голову выше меня. И смертная, чересчур смертная. И она была прекрасной, ах, какой прекрасной! И хотя это может показаться странным, сильно желанной мужами двора. И все-таки,— голос Брома принял тон удивления и благоговения,— она любила меня. Одна она из всех живших женщин, эльфов и смертных видела во мне не карлика, эльфа или князя, но только мужчину. И желала меня... И любила меня...

Он оборвал себя, с удивлением покачав головой. Он вздохнул.

— Я любил ее, Род Гэллоуглас, я любил одну только ее и зачал ей ребенка.

Лицо его потемнело, он сцепил руки за спиной и уставился в землю.

— Когда она оказалась в тягости — время ее быстро близилось, скоро ее разнесло бы так, что узнали бы все, и затравили бы ее жестокими шутками, хотя мы были обвенчаны,— я отправил ее в дикий лес к моему народу, и там-

то с помощью повивальных бабок в лице эльфов и лепреконов* она родила прекрасное, смеющееся, частично эльфовское дитя.

Глаза его увлажнились, он поднял голову, глядя сквозь Рода.

— Она умерла. Когда ее дочери исполнилось всего два года, она умерла от простуды. И мы похоронили ее там, под деревом в лесу, и каждый год я прихожу туда...

Глаза его снова сфокусировались на Роде.

— Но у меня все же осталось дитя.— Он беспокойно отвернулся.— И все же что мне следовало сделать? Вырастить ее рядом со мной и позволить ей знать, что ее отец исковерканное существо и мишень скверных шуток? Вырастить ее стыдящейся меня? Поэтому она выросла в лесу, зная могилу своей матери и эльфов, но никогда — отца.

Род начал было протестовать, но Бром взмахом руки велел ему молчать.

— Молчи! Так было лучше!

Он медленно повернулся со смертью в глазах.

— И по-прежнему лучше. Если она когда-нибудь узнает об этом от тебя, Род Гэллоуглас, я с корнем вырву твой язык и обкорнаю тебе уши.

С каменным лицом Род изучил его и не нашел никаких слов в ответ.

— И поэтому скажи мне сейчас.— Бром уперся кулаками в бедра и задрал подбородок.— Ибо знай сие: полусмертный я и посему могу быть убит, и может статься, что сегодня я умру.— Голос его притих.— Так скажи же мне, скажи бедному обеспокоенному отцу, ты любишь мое дитя?

— Да,— тихо произнес Род.— Так значит, я не случайно повстречал ее, отправившись на юг?

Бром кисло улыбнулся.

— Конечно, нет. Ужель ты мог когда-нибудь думать иначе?

Восток краснел, смущенный рассветом, а туман уже расходился, когда Род въехал в лагерь нищих, чтобы разбудить их.

Но Туан оказался там раньше и, переходя от одного к другому, тряс их, пробуждая. С ним шел солдат, ставивший у каждого тюфяка кружку с горячим вином. Туан поднял голову, увидел Рода и направился к нему с распростертыми объятиями и улыбкой в ярд шириной. Он хлопнул Рода по спине и стиснул ему руку в костедробильном рукопожатии. В глазах его стояло глубокое, почти наркотически-спокойное удовлетворение.

— Прими мою благодарность, друг Род! — просто сказал он.— Ты желаешь мою жизнь? Можешь забрать ее! В таком я долгу перед тобой.

Род лукаво улыбнулся.— Так значит, ты решил обрести двойную гарантию, верно? Ну, все к лучшему.

---

*Лепрекон — эльф-башмачник, имеющий, по общему мнению, целый кувшин с золотом.

Туан, кажется, отлично управлялся в лагере нищих, поэтому Род направил стопы Векса к рядам колдунов и ведьм. Тут все было в полном порядке: стояли наготове корзины с веревками и упряжью, и переходил из рук в руки утренний отвар. Это был мощный напиток — что-то вроде чифиря с примесью бренди — и служил он во многом той же цели — как стимулятор для доведения до максимума силы ведьм и колдунов.

В этом лагере под ногами всюду шныряли эльфы, которые распространяли амулеты, отвращающие магию, среди всех, кто в них нуждался.

Ведьмы не ведьмы, чародеи не чародеи, утверждал Крошечный Народ, никогда не вредно иметь полную уверенность. Амулеты не повредят, а могут и...

Тут Роду тоже нечего было делать, так что он поехал на поиски Гвендайлон. Он нашел ее сидящей среди старых, по грамарийским понятиям, ведьм: им, видимо, было за двадцать. Гвендайлон, казалось, что-то им объясняла, с большой серьезностью чертя по земле заостренным прутиком диаграммы. Они ловили ее слова так, будто каждый слог мог означать жизнь или смерть. Похоже, было неподходящее время прерывать ее. Род повернул и поехал сквозь сутолоку спешащих фигур, запахи пищи, гул голосов и вразнобой трубивших рогов и дальше, за дозоры, на Бреденскую равнину.

Первые лучи солнца падали теперь косо на луг, испаряя последние клочья тумана. Длинная трава была холодной и влажной от росы, а небо — ясным и голубым. А с южного края поля заблестели острия копий. Солнце сверкало на полированных доспехах.

Ветер донес до него лязг металла, лошадиное ржание и гам пробуждающегося лагеря. Советники тоже проснулись рано. Раздался стук копыт. Род повернулся и увидел несущегося к нему через луг пажа.

— Как там, мой мальчик,— улыбнулся ему Род и приветственно взмахнул рукой ради внешнего вида бодрости.

— Ты должен явиться к королеве, мастер Гэллоуглас,— выдохнул запыхавшийся паж, цепляясь за стремя Рода.— Милорд О'Берин и лорды Логайры уже там. То военный совет!

Военный совет закончился быстро, дело свелось лишь к подытоживанию существующих планов и краткой молитве плюс новости, что Катарина, в конце концов, никуда не поскачет.

Род заметил, что все совещание Катарина простояла. Затем они отправились каждый на свой участок: сэр Мэрис в центр, старый герцог Логайр на правый фланг, а Род на левый. Бром остается высоко на холме вместе с Катариной и Гвендайлон управлять битвой в целом — новация, порекомендованная Родом и принятая Бромом безоговорочно: малыш был могучим бойцом, но его ноги были недостаточно длинными, чтобы усидеть на лошади при столкновении всадников. Том, когда ему предложили на выбор: сражаться вместе с нищими

или остаться с Родом, выбрал последнее, вероятно, потому что хотел быть в гуще боя.

Туан, конечно, остался с нищими. Когда Туан вскочил в седло, Катарина остановила его, положив ему руку на колено. Род увидел, что она повязала шелковую повязку вокруг предплечья Туана. Затем ее руки умоляюще поднялись к нему. Туан схватил их и прижал к губам, нагнулся поцеловать ее в губы, затем повернул коня, поднял его на дыбы и галопом поскакал к своему оборванно-заплатанному войску.

Род тихо улыбнулся.

— Еще не время испытывать самодовольство, Род,— тихо напомнил ему Векс.

Род скорчил гримасу.

— Ты по-твоему кто? Сверчок Пиноккио?

Он обернулся бросить еще один взгляд на Гвендайлон, стоящую наподалеку от шатра королевы, а затем поскакал на левый фланг. Он был единственным всадником, скакавшим без доспехов.

По обеим сторонам поля находились полные панцирные доспехи четырнадцатого века. Но доспехи южан были собраны в сплошную сверкающую стену, в то время как рыцари Катарины были расставлены группками с промежутками между ними в двадцать ярдов вдоль всей длины вражеского строя.

Да, тут есть несколько дыр, подумал Род. И единственная шеренга пеших солдат позади рыцарей королевы не слишком благоприятно сравнивалась с плотными массами за спинами мятежников. Нет, это зрелище определенно не вселяло уверенности.

Но нищих в поле зрения не было, ни, если уж на то пошло, ведьм и колдунов, ни эльфов. Мятежников ждало несколько неприятных сюрпризов.

На южном конце поля протрубил рог. Мятежные рыцари взяли копья наперевес. Рыцари королевы последовали их примеру. Возникла долгая напряженная пауза, а затем кони рванулись вперед. Копыта лошадей глухо застучали, и этот стук перерос в грохот горной лавины, когда две металлические шеренги понеслись друг на друга. Пока они скакали, строй северян сплотился до такой степени, что рыцари двигались плечом к плечу в центре.

Из строя мятежников раздался торжествующий крик, когда они увидели приближение легкой добычи: мятежным флангам будет нетрудно обогнуть северян и взять королевские силы в клещи. И с победоносным ревом мятежники кинулись обходить северян с флангов. Рев этот разбился на отдельные дикие вопли, когда земля под их конями провалилась. Рыцари и лошади рухнули и забарахтались в шестифутовом рву. Эльфы хорошо поработали ночью. Пехотинцы кинулись бегом на выручку своих господ, но теперь из лесов по краям поля с ревом вырвались нищие, вооруженные кто ножом, кто мечом, а кто дубиной, и напали на пехотинцев с крайне большой охотой. И все же их

сильно превосходили численностью. Но теперь в действие вступили военно-воздушные силы. Упряжки из четырех левитирующих чародеев с юношеским пушком на щеках, поддерживающих под собой раскачивающиеся корзины. А в каждой корзине сидела телекинезирующая ведьма.

Чародеи пускали наобум стрелы в свалку, руки у них были свободны, благодаря кожаной упряжи на поясе, а из корзин вылетали булыжники, направляемые ведьмами, чтобы ударить с силой, более чем достаточной для оглушения. Из рядов южан летели стрелы, но ведьмы отражали их, а иногда даже умудрялись отправлять обратно к владельцам. Простая упорядоченная битва выродилась в хаос рукопашного боя. Но южные рыцари были все еще не слишком заняты.

Кодекс диктовал, что с рыцарем мог сражаться только другой рыцарь, пешего солдата могли убить за одну лишь попытку сделать это. И помоги ему небо, если он попытается и победит! Поэтому рыцари королевы пробивали себе дорогу наружу из центра вдоль рядов мятежников, и большое число их погибало по дороге. Но число мятежников, погибающих в схватке, было больше, потому что Катарина, подобно своему отцу до нее, сочла подобающим давать своим рыцарям немного сверхурочного в смысле тренировки. Тоби, юный чародей, вдруг появился в воздухе прямо над Родом.

— Мастер Гэллоуглас! Герцога Логайра жестоко теснят! Ты должен явиться ему на помощь!

Он исчез столь же быстро, как и возник. Может, это и была не лучшая форма боевой связи, но она была намного лучше той, какой располагали мятежники. Род отправил на тот свет своего очередного противника парированием и выпадом между нагрудным панцирем и шлемом и вывел Векса из свалки боя. Он проскакал на другой конец строя вокруг рядов, где долговязая, одетая в доспехи фигура рыцаря с пылающим мечом как раз доканчивала прорубать себе дорогу сквозь войско к Логайру. Один из советников пытался спасти положение, ликвидировав руководство. Меч был странного лучистого вида. Род не знал, чем он был, но он был чем-то крайне мощным в обличье меча. Род влетел в эту сечу, пробороздив себе дорогу сквозь сцепившихся солдат и нищих, скользя по крови и отсеченным головам.

Логайр увидел надвигающийся удар и вскинул щит отразить меч. Меч советника бесшумно прорезал его, но не попал в Логайра.

Старый герцог закричал от боли, когда жар прошел через щит и доспехи, достиг его кожи и на миг ослабил оборону. Советник замахнулся мечом для последнего удара.

Векс на полном скаку врезался в коня советника. Животное свалилось, и советник полетел с воплем ужаса, а выбитый из его руки меч упал наземь.

Солдаты поспешно отпрянули, чтобы их ненароком не задело падающим мечом. Род без малейшего шевеления совести

повернулся и растоптал советника железными копытами Векса. Тот издал булькающий вопль, поперхнулся, а вопль продолжал звенеть в голове Рода.

Теперь начала выступать его совесть, но он зажал ее в тиски до окончания боя. Он развернулся к мечу, слыша, как солдаты ахают:

— Колдовство!

— Нет, всего лишь магия,— крикнул Род, спрыгивая на землю. Он поднял меч и снова очутился в седле.— Это не так уж странно, не так ли?

Он бросил меч рукоятью вперед Логайру. Старый вельможа поймал его и отсалютовал Роду. Тот снова вырвался из рядов. Вокруг него гремел бой, сталью о сталь, по кости, по хрящам, и никто не просил пощады. Сцепившиеся армии лежали посреди поля, словно какая-то непристойная огромная пульсирующая амеба. Над головой эсперы-чародеи повернули и покатили домой, не в состоянии больше отличать друга от врага.

Род носился взад-вперед через боевые порядки — Векс легко прокладывал себе дорогу сквозь всего лишь смертную плоть — охраняя трех генералов и столько рыцарей, сколько мог, командуя, когда мог убрать раненых, добавляя тяжесть своей руки, чтобы разбить мертвую хватку сражающихся войск. Нищие, казалось, безнадежно превосходили солдат в классе, это был их вид боя. Многие из них погибали, но редко без того, чтобы каждый имел на своем счету шесть или более врагов, убитых деревянными кольями, ржавыми мечами, острыми ножами, и с полнейшим пренебрежением к возрасту и званию.

Род подумал о Карле Марксе и содрогнулся. Большой Том давно уже затерялся в битве. Род надеялся, что с ним было все в порядке. Потом Большой Том вдруг поднялся в тылу мятежников с ревом "ко мне, ко мне!". Тысяча нищих отправилась к нему и принялась прорубать себе дорогу через ряды южан. Идея распространилась, группы нищих стали выпрыгивать со всего строя и начали сжимать амебу войны. Большой Том торил себе дорогу к весьма определенной цели. Род нахмурился и привстал на стременах, пытаясь вычислить курс Большого Тома. Там, в центре битвы, двадцать бешено спешащих чучел яростно трудились, конструируя какую-то машину: паукообразную треногу, увенчанную непонятных очертаний хреновиной с осиной талией. Это были советники со своей последней надеждой.

Род трахнул каблуками, и Векс прыгнул, но робот среагировал чуть медленнее. С чувством страха Род сообразил, что напряжение боя начало сказываться на Вексе. Конь поскакал через головы сражающихся и пробороздил путь до сил советников, как раз когда Большой Том прорвался с другой стороны всего лишь с частицей своих нищих войск. Маленький круг наполнил долгий миг затаенного молчания, когда советники увидели своих палачей. Затем они взвыли, отступив в тугое кольцо вокруг своей машины с яростью отчаяния в глазах

и пылающими мечами в руках. Мечи советников были смертоносными, но им надо было попасть, чтобы быть эффективными, а нищие умели ударить и отскочить целехонькими.

Много нищих пало разрезанными пополам, но намного больше осталось в живых. Они превосходили советников числом четыре к одному. Они врезались в их ряды. Советники визжали, рубили и погибали. В центре круга Род мог видеть единственную одинокую фигуру, все еще бешено работавшую над машиной— Дюрера. Затем вдруг осталось только пятеро советников.

Дюрер отвернулся от машины с воплем отчаяния и что-то вытащил из своей котомки. Лазерный пистолет. Род припал к противоположному боку Векса, поставив между собой и советником тушу коня, зная, что робота мог поразить только выстрел в голову, и рывком распахнул скрытую панель в боку коня. В ней было его последнее средство защиты — лазерный пистолет ДДТ самого последнего образца. Он нащупал оружие, слыша пронзительные крики нищих, когда их ноги обрезались по колено, и выстрелил из-за шеи Векса. Его выстрел согнул ногу Дюрера. Человек-пугало схватился за колено и с воем упал. Том зарычал. Нищие навалились. Дубовые колья вращались, сшибая с ног оставшихся советников. Копья высоко поднялись, застыли на миг и упали с тошнотворным влажным чавканьем. Большой Том заржал победоносным смехом и поднял меч павшего советника. Дюрер перекатился и, поднявшись на колено, выстрелил. Красный карандаш света попал Тому в плечо. Том зарычал, завертелся и упал. Полуползая-полупрыгая, Дюрер направился к нему, стремясь добиться беспрепятственного выстрела. Род быстро выстрелил по нему навскидку и промахнулся. Дюрер взвыл и нырнул за тело павшего воина.

Род вонзил каблуки в Векса.— Быстрее! Прежде чем он сможет оклематься и выстрелить!

Конь прыгнул. Лазерный луч попал ему в брюхо — пустое и стальное — безвредно. Но ноги робота одеревенели, голова его наклонилась вперед, еще пока он был в воздухе. Род соскочил с коня, когда Векс приземлился, рухнул и покатился по земле. Он увидел Дюрера, привставшего на колени и наведшего на него пистолет. По нему ударило огромное тело Тома. Дюрер кувыркнулся, пистолет вылетел из его руки. То же самое случилось и с пистолетом Рода; тот оглядывался кругом, лихорадочно его отыскивая. Том покатился, поднялся на ноги, поднял меч мертвого советника... и споткнулся о труп. Быстрый, как угорь, Дюрер подскочил, поймал выпавший у Тома меч, рубанул...

Род прыгнул. Его плечо угодило Дюреру в живот, развернув этого человечишку кругом, меч безвредно ударился в землю. Дюрер, оперевшись на меч, остался на ногах и взмахнул мечом, обернувшись к Роду. Род, перекатившись на

колени, увидел опускающийся меч... Том взревел, врезался в Рода, сбив его с пути меча. Пылающий меч опустился, отрезав Тому плечо и треть его грудной клетки. Род пронзительно закричал, перевернувшись на ноги и развернувшись. Его рука обхватила шею Дюрера, а колено уперлось ему в поясницу. Что-то треснуло.

Дюрер взвизгнул и обмяк, по-прежнему вереща, меч выпал из его пальцев. Род бросил его наземь. Все еще визжа, пугало шарило в поисках меча. Род упал на колено и рубанул. Затвердевшее ребро ладони раздавило всмятку гортань и шейный позвонок Дюрера. Тот издал булькающий звук, задергался в конвульсиях и наконец затих. Род встал, тяжело дыша, и увидел, обернувшись, что плечо Тома качает кровь огромными сгустками; лицо великана искажала безмолвная гримаса боли.

Род снова опустился, лихорадочно шаря в сумбуре из крови и трупов. Он наткнулся на лазерный пистолет и быстро обернулся обратно к Тому. Оставшиеся нищие, шатаясь, двинулись вперед, слишком медленно; прежде чем они смогли добраться до него, Род нажал на курок и срезал еще тонкий кусочек вдоль всей раны Тома.

Том пронзительно вскрикнул. Тут нищие навалились на Рода, молотя его кольями и дубинами.

— Нет! — проскрежетал Том с болезненной пародией на его прежний рев.— Пустите его, дураки! Разве вы не видите! Он же остановил кровь!

Род сел наземь, когда схватившие его руки заколебались, а затем отпустили. Он прохромал обратно к Тому с синяками на лице и теле, потирая наихудший из них — свое едва исцеленное плечо. Он опустился на колено рядом с тяжело дышащим телом человека с лицом, все еще искаженным от боли. Его голову заполняла вонь паленого мяса. Том заставил свои глаза чуть приоткрыться и попытался улыбнуться.

— То было... хорошее намерение... мастер. Две минуты назад это... могло бы спасти меня.

Род сорвал плащ, скатал его, сунул под голову Тома.

— Лежи и отдыхай,— проворчал он сквозь ком в горле.— Ты здоровенный битюг, ты сумеешь выкарабкаться. Ты потерял совсем не так уж и много крови.

— Нет,— выдохнул Том,— слишком много... потеряно... и... физический шок...

Его лицо скривилось в спазме боли. Род обернулся к Векcу, хлопнув по кнопке включения, и нащупал в одном из скрытых карманов коня ампулу. Он проковылял обратно к Тому, хлопнул ампулу по прижженному мясу. Том с огромным вздохом облегчения расслабился, когда анестезия начала действовать.

— Спасибо, мастер,— слабо прошептал он.— Это даст мне по крайней мере, безболезненную смерть.

— Не говори так.— Лицо Рода застыло.— У тебя впереди еще много валяния на сене с девахами.

— Нет, мастер,— покачал головой Том, закрывая глаза,— мое время пришло.

— Ты не умрешь. Ты оставишь меня в долгу, если сделаешь это. Я этого не потерплю.

— Чума на то, что ты потерпишь или нет! — сплюнул Том, снова чуть оживившись.— Я теперь не твой, чтобы приказывать или запрещать мне, лордик! Тот, который теперь владеет мною, куда могущественнее тебя и в один прекрасный день скомандует и тебе тоже!

Он откинулся на подушку, тяжело дыша. Род молча стоял на коленях рядом с ним. Оставшаяся рука Тома пошарила по животу и схватила Рода за предплечье.

— Да, ты теперь у меня в долгу, хоть то не было моим выбором.

— Не было твоим выбором? — нахмурился Род.— О чем ты говоришь? Ты спас мне жизнь!

— Да, и таким образом лишился своей. Но я бы никогда так не сделал с ясной головой.

— С ясной головой?

— Да. В битве видишь и делаешь первое, что придет на ум. То был ты, или я, живущий подольше, служащий Дому Хлодвига, и в горячке боя я выбрал тебя в своем безрассудстве!

С минуту он помолчал, тяжело дыша, затем его рука снова сжалась.

— И все же, хотя я умираю, ты будешь жить у меня в долгу! И что ты не сможешь отплатить мне, ты должен отплатить моему народу.

Род попытался вырвать руку.

— Нет!

— Да! — Глаза Тома широко раскрылись, пылая гневом.— Именно такой отплаты я требую! Твоя кровь за мою, твоя жизнь, проведенная здесь, на Грамарие, в трудах на благо моего народа!

— Я не хозяин себе...

— Нет, хозяин.— Том устало откинулся на свернутый плащ.— Хозяин, и если ты этого не знаешь, то ты истинный дурак.

— Цена слишком высока, Том. Моя смерть в бою, да, с радостью. Но жить здесь все свои дни я не смогу. Я тоже служу мечте...

— То был и мой выбор,— вздохнул Том.— Мечта или человек. Нет, тогда выбирай, что тебе угодно.

— Я связан обетом.

— Тогда мой обет тоже на тебе, освобождающий тебя от другого. Теперь ты должен служить мне и моим...

Лицо умирающего потемнело.

— Я думал, будто знаю, что для них самое лучшее... Но теперь, когда все вокруг меня темнеет...

Он вдруг приподнялся, корчащийся в агонии, харкающий кровью. Род обхватил великана за плечи, поддерживая его. Спазм прошел. Том слабо вцепился в руку Рода, вздохнув:

— Нет, тогда... Твой ум яснее... Ты должен решить...

— Молчи,— взмолился Род, пытаясь снова уложить его.— Не теряй зря той малости жизни, что осталась...

— Нет! — вцепился в него Том.— Дай мне сказать! Эсперы... Трибунал... Они своего добьются... Сработает... Мы сражаемся с ним... Здесь... На...

— Молчи,— снова взмолился Род.— Побереги дыхание, я знаю, о чем ты говоришь.

Том вытянул шею, посмотрел на него.— Ты?

Род кивнул.— Да. Ты только что дал мне последнюю малость, что требовалась. А теперь лежи.

Том обмяк в его объятиях. Род мягко опустил его, давая голове лечь на пропитанный кровью плащ. Том лежал, тяжело дыша.

— Скажи мне... Я должен знать... Знаешь ли ты...

— Да, знаю,— прошептал Род.— ДДТ победит. Вы могли сражаться с ними только здесь и сейчас. И вы, к тому же, боролись друг с другом.

— Да,— кивнул Том движением, едва поддававшимся восприятию.— Ты... должен решить... и... мастер...

Он пробормотал что-то слишком слабое, чтобы расслышать, и с трудом сделал новый вдох с открытыми обеспокоенными глазами.

Род нагнулся вперед, приложив ухо к губам Тома.

— Не умирай из-за... Мечты...

Род нахмурился.— Не понимаю.

Он подождал, затем спросил:

— Что ты имеешь в виду, Том?

Ответа не было. Род медленно выпрямился, глядя в пустые глаза, безмолвно раскрытый рот. Он коснулся основания шеи — яремной вены. Долгие минуты он позволял кончикам пальцев оставаться там, затем медленно протянул руку закрыть умершему глаза. Затем Род медленно встал и, повернувшись, пошел прочь, ничего перед собой не видя. Потом, постепенно, взгляд его сфокусировался. Он огляделся кругом на жалко глядящих нищих, не сводящих глаз с огромного тела. В круг нерешительно шагнула стройная хрупкая фигура.

— М-мастер Гэллоуглас?

Род обернулся, увидел его и шагнул вперед, тогда как нищие стали приближаться, чтобы опуститься на колени у тела Тома. Род отошел от них, тяжело повесив голову. Он поднял глаза.

— В чем дело, Тоби?

— Милорд, они... просят пощады... Милорд, нам дать ее?

— Пощаду? О, да, они же хотят капитулировать,— кивнул Род, закрывая глаза. Он повернулся посмотреть на группу нищих.— О, я не знаю. Что говорит Бром?

— Милорд О'Берин говорит "да, пощадить их", но королева говорит "нет". Лорды Логайры согласны с Бромом.

— И все же королева говорит "нет".— Род кивнул, зло

стиснув рот.— И они хотят, чтобы я разбил эти намертво сцепившиеся руки, не так ли?

— Да, милорд.

Кольцо нищих раздвинулось. Род увидел восковое неподвижное лицо Тома. Он снова повернулся к Тоби.

— Черт, да. Дать им пощаду.

Солнце опустилось за холмы, оставляя небо бледно-розовым, темнеющим на востоке. Двенадцать великих лордов стояли, скованные цепями, перед Катариной. Рядом с ней сидели Логайр и Туан, Бром и сэр Мэрис. Род стоял поодаль, прислонясь спиной к Вексу, сложив руки на груди, уткнувшись в грудь подбородком. Голова старого герцога Логайра с глубокой печалью в глазах тоже была опущена, потому что его сын Ансельм стоял на шаг впереди остальных лордов, прямо перед королевой.

Катарина держала голову высоко, глаза ее горели гордостью и триумфом, лицо раскраснелось от радости и наслаждения своим могуществом. Род посмотрел на нее и почувствовал в животе спазм отвращения — с победой к ней вернулась ее надменность.

По знаку Брома О'Берина два герольда сыграли туш. Трубы оторвались от их губ, и вперед шагнул третий герольд, раскатывая свиток.

— Да будет известно всем присутствующим, что сего дня негодный вассал Ансельм, сын Логайра, поднял злодейский мятеж против Катарины, королевы Грамария, и потому подлежит суду короны, даже смерти за преступление — государственную измену!

Он скатал свиток и хлопнул им себя по бедру.

— Кто выступит в защиту Ансельма, главаря мятежников?

Наступило молчание. Затем поднялся старый лорд Логайр. Он степенно поклонился Катарине. Она ответила на его вежливость пылающим взором, пораженным и разгневанным.

— Ничто не может быть сказано в защиту мятежника,— прогромыхал Логайр.— И все же в защиту человека, который с поспешностью горячей крови поднимается отомстить за то, что считает оскорблением своему отцу и своему дому, можно сказать многое. Ибо хотя его действия были опрометчивыми и да, даже изменническими, им все-таки двигала честь и сыновнее почтение. Более того, увидевши исход опрометчивых действий и находясь под опекой своего герцога и своего отца, он вполне может осознать свою истинную верность и долг перед своим сюзереном.

Катарина улыбнулась, голос, ее был сплошной сироп и мед.

— Значит, милорд, вы хотите, чтобы я освободила этого человека, на чью голову должны быть возложены смерти нескольких тысяч, снова предоставив его вашему попечительству и наказанию, вам, который, как показал сей день, уже не справился один раз с сими обязанностями.

Логайр вздрогнул.

— Нет, дорогой лорд!— отрезала она с бледным лицом и плотно сжатыми губами.— Ты уже взлелеял мятежников против меня, и теперь ты пытаешься снова сделать это?

Лицо Логайра посуровело. Туан привскочил с кресла, покраснев от гнева. Она повернулась к нему с надменным высокомерным видом.

— У лорда нищих есть что сказать?

Туан скрипнул зубами, с трудом оставаясь спокойным. Он выпрямился и степенно поклонился.

— Моя королева, в сей день отец и сын доблестно бились за тебя. Ужель ты не даруешь за это жизнь нашего брата и сына?

Лицо Катарины стало еще бледней, а глаза сузились.

— Я благодарю моего отца и брата,— сказал Ансельм ровным ясным голосом.

— Молчать!— чуть ли не провизжала Катарина, повернувшись к нему.— Изменнический, злодейский, трижды ненавистный пес!

В глазах Логайров поднялась ярость, и все же они сдержались и промолчали.

Катарина снова села в кресло, бурно дыша, крепко стиснув подлокотник, чтобы не дрожали руки.

— Ты будешь говорить, когда я спрошу тебя, предатель,— бросила она.— А до тех пор храни молчание!

— Я не стану хранить молчание! Ты не можешь нанести мне большего вреда, я выскажу все! Ты, подлая королева, твердо решила, что я умру, и ничто не повлияет на тебя! Так убей же тогда меня!— закричал он.— Наказание за мятеж — смерть! Я знал сие, допрежь поднял мятеж, убей меня и кончай с этим!

Катарина откинулась на спинку кресла, чуточку расслабившись.

— Он приговорил себя собственными устами,— провозгласила она.— По закону страны мятежник должен умереть.

— Закон страны — королева,— прогромыхал Бром.— Если она скажет, что предатель будет жить, то он будет жить.

Она стремительно обернулась, потрясенно уставившись на него.

— И ты тоже предаешь меня? Ужель ни один из моих полководцев не станет рядом со мной в сей день?

— А, кончай с этим,— разбушевался Род, вырисовываясь над троном.— Да, ни один из твоих генералов не поддержит теперь тебя, и мне кажется, что это может дать некоторый легкий намек, что ты не права. Но, о нет, только не королева! Как можно! Зачем устраивать суд?! Ты уже решила, что он умрет!

Он отвернулся и сплюнул.

— Брось, кончай с этим судебным фарсом.

— И ты тоже?— ахнула она.— Ты тоже станешь защищать предателя, того, что вызвал смерть трех тысяч?

— Ты вызвала смерть трех тысяч!— прорычал Род.—

Благородный человек низкого происхождения лежит убитый на поле с отсеченным правым боком, и птицы клюют его. А почему? Чтобы защитить сидящую на троне своевольную девчонку, которая не стоит жизни и одного нищего! Девчонку, которая столь плохая королева, что породила мятеж!

Королева, дрожа, съежилась на троне.

— Молчать!— выдохнула она.— Разве я подняла мятеж?

— А кто дал повод знати взбунтоваться своими слишком поспешными реформами и слишком надменным обращением? Повод, Катарина, повод! Нет мятежа без повода, а кто как не королева дала повод?

— Молчать, да, молчать!— Тыльная сторона ее ладони метнулась ко рту, как будто она вот-вот закричит. — Нельзя так разговаривать с королевой.

Род посмотрел сверху вниз на съежившуюся королеву. Лицо его кривилось от отвращения.

Он отвернулся.

— А, меня тошнит от этого! Оставь их жить, сегодня уже было слишком много смертей. Пусть себе живут. Они будут верны без подстрекающих их советников. Пусть они живут, пусть все они живут, они теперь усвоили урок, даже если ты не усвоила.

— Сие не может быть правдой!— ахнула Катарина.

— И неправда!— Туан шагнул вперед, кладя руку на шпагу.— Королева дала повод, но не она подняла мятеж!

Глаза Катарины метнулись к нему, лучась благодарностью.

— Говори правду,— продолжал Туан,— и тогда можешь наказывать ее. Но когда ты обвиняешь ее в том, что она не совершила...— Он медленно покачал головой.— Я не могу позволить тебе говорить.

Рода так и подмывало плюнуть ему в лицо. Вместе этого он снова повернулся к Катарине, вновь сидевшей выпрямившись, вновь обретавшей свой надменный вид.

— Не забывай,— сказал он,— что королева, которая не может править своими прихотями — слабая королева.

Она снова побелела.

— Поосторожнее!— резко предупредил Туан.

Ярость поднималась в Роде все выше и выше, но он жестоко держался, не поддаваясь ей, пока она, наконец, не разбила какие-то оковы в нем и не отхлынула, оставив ледяное спокойствие и огромную ясность — ясность, в которой он увидел, что он должен сделать и почему... И какие должны быть последствия для него самого. Катарина теперь почти улыбалась, самонадеянная и надменная, видя, что Род колеблется под угрозой Туана.

— Есть что еще сказать, сударь?— спросила она, подымая подбородок.

— Да,— сказал сквозь зубы Род,— что же это за королева, которая предает собственный народ?

Ладонь его взлетела и закатила ей пощечину. Она

пронзительно закричала, упав в кресло, Туан бросился на него, замахнувшись кулаком прямо в челюсть Рода.

Род нырнул под удар и схватил Туана, прижав его к себе и закричав:

— Векс!

Кулаки Туана молотили его по животу, но Род держался, видя, что подбегают другие генералы. Однако Векс подоспел первым. Род попытался забыть, каким милым, чистым, юным пареньком был Туан, и вогнал колено в его пах. Затем он выпустил его и вскочил в седло, в то время как Туан упал, согнувшись от боли, с хрипом в горле. Векс развернулся и прыгнул через головы приближающихся гвардейцев, приземлился и пустился в галоп. Род услышал, как Катарина пронзительно выкрикивает имя Туана, и недобро усмехнулся. Затем усмешка растянулась в безмолвном крике, когда боль взорвалась в его раненом плече. Обернувшись, он увидел торчавший из плеча хвост арбалетной стрелы. А за подпрыгивающим плечом внутри кольца гвардейцев вокруг трона Катарина склонилась над Туаном, который стоял на коленях, все еще скорчившись от боли, с выпавшим их рук арбалетом гвардейца.

Они вернулись к холму с видом на поле, когда спустились сумерки, проскакав длинный круг по полю и лесу и пробредя милю по ручью, чтобы скрыть свой след. Род так и вывалился из седла, когда Векс выехал на опушку рощи. Он доковылял до большого дерева и сел, привалясь спиной к стволу, скрытый надвигающимися сумерками от чужих глаз внизу на поле. Он оглядел пылающие в поле костры, прислушиваясь к звукам победного веселья. Затем он вздохнул и вернулся к проблеме, непосредственно бывшей под рукой или, вернее, в плече. Он распахнул камзол и осторожно прощупал плечо, вздрагивая от боли, испытываемой им даже сквозь анестезию. Зубчатый наконечник арбалетной стрелы, похоже, вонзился как раз перед ключицей и сочленением и каким-то чудом не задел ни кость, ни артерии.

Возникло слабое дуновение воздуха, словно миниатюрная взрывная волна, и, подняв голову, он увидел склонившуюся над ним Гвендайлон, из ее глаз лились слезы.

— Милорд, милорд! Тяжело ранен?

Род потянулся и, протянув руку, обхватил ее и притянул к себе, поцеловав.

— Значит, нет,— сказала она, покраснев, когда наконец смогла отодвинуться.— Ручаюсь, ты не столь тяжело ранен, как я страшилась.

— Ах, девушка, девушка!— Род откинулся назад, укачивая ее на одной руке.— Мне было одиноко в той скачке.

— Я явилась бы к тебе раньше,— оправдываясь, сказала она,— но мне нужно было дождаться, когда ты остановишься отдохнуть. Теперь займемся плечом.— Она приняла решительный, почти деловой вид.— Будет немного больно, милорд.

Род скрипнул зубами, когда она содрала с его плеча пропитанную кровью рубаху.

— Бинты в седельной сумке,— произнес он сквозь зубы, когда она закончила.

Она повернулась к Векcу, достала металлическую коробочку и сдвинула брови.

— Что это за красный крест здесь, милорд?

— Просто символ,— засопел Род,— означает, что это, э, походная аптечка знахаря.

Она снова опустилась на колени рядом с ним и застыла. Род нахмурился, недоумевая, что это она делает. Затем его снова пронзила боль, и он почувствовал, что наконечник стрелы выходит, медленно отступая по каналу, проложенному им при входе, и, похоже, совершенно самостоятельно. Сквозь вызванный болью туман в голове пробилась случайная мысль: эти ведьмы были ответом на молитву хирурга. Наконечник стрелы вышел из его тела, а затем вдруг закружился, завертелся и разбился о камень.

— Вот так,— прошипела она,— я поступлю со всяким, кто повредит тебе, милорд.

Род содрогнулся, осознав степень мощи, с которой он кокетничал. Она потянулась за бинтами.

— Нет, нет!— Род коснулся ее ладони своей здоровой рукой.— Сперва порошок в серебристом конверте. Он остановит кровотечение.

— Я предпочла бы пользоваться припаркой из трав,— с сомнением произнесла она.— Но как пожелаешь, милорд.

Род вздрогнул, когда сульфамид ужалил его.

Затем боль отступила, и она принялась бинтовать.

— Похоже, ты всегда перевязываешь это плечо,— пробормотал Род.

— Да, милорд. Я бы предложила тебе быть поосторожнее с ним.

Поблизости кто-то кашлянул, довольно деликатно.

Род поднял голову и увидел таящийся в тени приземистый силуэт. Губы Рода сжались.

— Вот это да, провалиться мне на этом месте, если это не атрофированный Аякс собственной персоной!

Гвендайлон осуждающе, но мягко приложила к его губам палец.

Род кратко кивнул, раздраженный самим собой, но пальцы его остановили. Он сделал здоровой рукой приглашающий жест.

— Ну, подходи и присоединяйся к гулянке, Бром. Но будь осторожен, плоды победы сегодня кислые.

Бром подошел, сцепив руки, опустив голову, и сел на ближайший пень.

Род нахмурился. В манере карлика было что-то застенчивое, почти вкрадчивое.

— Что тебя грызет?— проворчал он.

Бром вздохнул и положил руки на колени.

— Ты сегодня вызвал у меня много головной боли, Род Гэллоуглас!

Род улыбнулся одной половиной рта.

— Больше похоже на боль от язвы желудка. Я так понимаю, что ты не слишком доволен тем, как пошли дела?

— О нет, я крайне доволен! И все же...— Положив подбородок на стиснутые руки, Бром снова выглядел застенчивым.— Признаюсь, что сперва я был несколько разгневан на тебя.

— Да неужто!

— Да, но то было, допрежь я понял твой план.

— Вот как?— поднял бровь Род.— Но ведь ты вычислил, что я затеял?

— Нет, я старею, Род Гэллоуглас...

Род фыркнул.

— Спасибо,— склонил голову Бром.— Но то правда. Я становлюсь стар, и мне нужно показывать.

— И что же тебе показали?

— О, то была очень трогательная сцена!— Бром улыбнулся с налетом сарказма.— Сперва Катарина могла только причитать: „Любовь моя! Ты ранен!“ и посылать за лекарями и травами, пока Туан не сумел подняться, уверяя, что рана у него легкая, и тут она плача уткнулась ему в грудь, назвала его своим повелителем, защитником, охранителем ее чести, и не желала утешиться, пока он не поклянется обвенчаться с ней! Улыбка Брома смягчилась.— Да, это было очень трогательное зрелище.

Род устало кивнул, закрывая глаза.— Когда венчание?

— Как только они будут в городе. Катарина устроила бы свадьбу прямо тут, на месте, но Туан закричал, что нет, мол, она цвет женщин и должна обвенчаться, как подобает ее положению.

— Многообещающее начало.

— О, оно было еще более многообещающим! Ибо Туан повернулся к двенадцати лордам и молвил: „А как мы поступим с этими?“ А Катарина закричала: „Да как тебе будет угодно, мой лорд, как тебе угодно! Только кончи с ними побыстрее, да пойдем!“

— Очень хорошее предзнаменование,— согласился Род.— И что же он с ними сделал?

— Сбил с них цепи и велел им снова взять на себя заботу о своих подданных и своих доменах. Но он потребовал от каждого из них заложника двенадцати лет или меньше их плоти и крови и законного происхождения для проживания в королевском замке.

Род нахмурил брови и кивнул.

— Должно бы сработать. Он получает средство устрашения и шанс воспитать новое поколение более верным трону.

Он откинулся назад, привалившись спиной к грубой коре, чувствуя себя полностью истощенным.

— Род, что это сработало.

— Да.— Глаза Брома пылали.— Эта страна навек останется у тебя в долгу, Род Гэллоуглас. Ты спас нам нашу корону и изгнал призрак долгой и страшной гражданской войны. Более того, ты дал нам короля.

— И врага общества №1,— зло добавил Род.

На лицо Брома набежала тень. Род поглядел на него.

— Ты должен признать, что я немножко „персона нон грата".

— Да,— проворчал Бром,— и все же ты всегда найдешь убежище в стране эльфов.

Род слабо улыбнулся.— Спасибо, Бром.

— И все же скажи мне!— Бром, нахмурившись, нагнулся вперед.— Как же ты прибыл? Когда в нашей стране все выглядело мрачным и была напрочь изгнана надежда, тогда и явился ты, упал с небес, словно ответ на молитву — ты, у которого здесь нет ни кола, ни двора, ни поместья, чтобы защищать его. Наши заботы не твои, и все же ты сделал их таковыми.

Он вытянул вперед голову с горящими глазами.

— Почему ты спас нас?

Улыбка Рода скисла.— Ради Мечты.

— Как?..— Бром нахмурился.

Род поднял глаза к звездам. Он с минуту колебался, потом сказал: „Векс, запиши это."

Он повернулся к Брому, затем к Гвендайлон и поднял здоровую руку, показав на небо.

— Посмотрите туда, видите эти звезды? У каждой есть миры, кружащиеся вокруг нее, миры вроде этого, где встречаются влюбленные, и враждуют люди, и скидывают королей. Но большинство из них объединены под одной властью, одним правительством — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. И голос, что приказывает — это голос самого народа.

— Нет,— прогудел Бром.— Как же сие может быть?

— Потому что можно услышать голос каждого человека, его мнение добавляет вес мнению сограждан. Вот это-то и есть ключ-связь. Вы не можете иметь здесь такое правительство, потому что ваши средства связи паршивые, что странно, потому как у вас есть потенциал для самой лучшей в мире системы связи, если бы вы только использовали его.— Он сложил руки на груди и откинулся назад.— Но у них там есть большая беда. Они, видите ли, растут. Каждый день по меньшей мере один новый мир присоединяется к Трибуналу. При такой скорости они скоро достигнут предела своих средств связи. После этого они начнут катиться по наклонной плоскости к диктатуре.

— Но почему это твоя забота?— спросил Бром.

— Я работаю на них. Я коммивояжер. Я тот парень, который приходит и подготавливает новые планеты к членству в ДДТ...если они этого захотят, что бывает всегда, *коль скоро они готовы*!

— И что это за готовность?— улыбнулся Бром, стараясь быть терпеливым.

— Средства связи, как я говорил тебе, но даже более того, знания, образование.— Он вздохнул.— С образованием мы управились. Это заняло много времени, но мы управились. Средства связи, однако,— дело другое. Потому что есть еще ингредиент свободы — рубежи. Они предотвращают стратификацию общества. Неважно, что это такое, милорд О'Берин, Князь Эльфов, но стратифицированное общество есть еще один путь к тоталитаризму. Поэтому Трибунал вынужден продолжать расти. Но если он вырастет еще немного, замедляющаяся связь станет его смертью. А я, очень даже лично, не хочу этого. Потому что, понимаешь ли, у Мечты есть имя — свобода. Вот это моя Мечта. И вот почему Грамарий так много значит для меня.

— Что-то не пойму,— нахмурился Бром.

Род, улыбаясь, повернулся к нему.

— Ведьмы и колдуны. Их способность слышать мысли. Вот система связи, которая нам так нужна.

Он смотрел, как понимание и определенный страх появились на лице Брома, потом отвернулся.

— Мы нуждаемся в них,— сказал он,— нам нужно много их. До нынешнего дня их численность росла медленно. Но под защитой Катарины она станет расти быстрее, а из-за победы в сегодняшней битве их станут уважать. И в скором времени все родители станут надеяться, что в семье родится ведьма или колдун. И тогда их численность резко подскочит.

Бром нахмурился.

— Но отчего так, что только в одном этом мире из всех, о коих ты говоришь, есть колдуны и ведьмы?

— Потому что люди, принесшие жизнь в эту страну, ваши предки, упавшие с небес, отобрали только тех лиц для прилета сюда, в которых была по крайней мере малость колдовской силы. Они не знали, что обладают ею, она была слишком мала и слишком глубоко спрятана, чтобы увидеть ее, но по мере того, как сменялись поколения и они снова и снова женились друг на друге, эта малость понемножку росла и росла до тех пор, пока не родилась ведьма.

— И когда же это было?— терпеливо спросил Бром.

— Когда появились эльфы. А также баньши, оборотни и другая сверхъестественная фауна. Потому что на этой планете есть странная субстанция, называемая ведьмин мох; она преобразуется в формы, о которых думает ведьма или колдун. Если ведьма думает об эльфе, мох превращается в эльфа.

Бром побледнел.— Ты говоришь, что...

— Не чувствуй себя слишком плохо из-за этого, Бром,— быстро сказал Род.— Все люди некогда были всего лишь пульсирующими комочками, плавающими в море, просто в случае твоего отдаленного предка этот процесс был чуточку ускорен посредством ведьм и колдунов. И это твой первый предок, а не ты. По моим предположениям, существо,

сформировавшееся из мха — это столь совершенная модель, что может самостоятельно размножаться и даже скрещиваться со смертными.— Он откинулся спиной к дереву.— Гордись, Бром. Ты и твой народ — единственные, кто может притязать на звание настоящих аборигенов.

Долгий миг Бром молчал, затем он проворча́л:

— Да, значит, это наша страна. И какое тебе до сего дело, чародей с небес?

— Дело?— покосился на него Род.— Я делал только то, что пытался сделать ты сам, Бром, через реформы, предложенные тобой Катарине. Равенство перед законом — разве это не твоя цель?

— Да, то так.

— Ну, она и моя тоже. И моя задача — показать вам наименее кровавый путь к ней, каковую задачу я только что и выполнил.

Он посуровел, охваченный вдруг мрачными мыслями. Бром изучал его.

Обеспокоенная Гвендайлон коснулась его головы, погладив по волосам. Род поднял на нее взгляд и попытался улыбнуться, затем повернулся к Брому.

— Вот, знаешь ли, почему я сражался за Катарину — потому что она защищает колдунов и ведьм и потому что она — реформатор, и Туан тоже, слава небесам. И вот потому-то советники и Пересмешник сражались против нее.

— Я стар, Род Гэллоуглас,— нахмурился Бром,— покажи мне.

Род снова поднял глаза к звездам.

— Однажды Трибунал будет править всеми звездами, что ты видишь, и еще многими, которых не видно. И почти все живущие на этих звездах люди будут ведьмами и колдунами, потому что в их жилах будет течь кровь Грамария. Как тебе лавровый венок, Отец галактики? Но некоторые люди не будут колдунами и ведьмами и из-за этого они будут ненавидеть ведьм и колдунов, и их правительство сильнее, чем ты можешь вообразить. Такая порода называется фанатиками. И они пойдут на любую систему правительства, любую, лишь бы это не была демократия. И будут сражаться с демократией до последнего вздоха.

— Если все будет так, как ты говоришь,— проворчал Бром,— то эти люди проиграют, ибо как они могут бороться со столькими мирами?

— Они не могут,— ответил Род,— если не убьют все это прежде, чем оно родится.

— Но как же они сие сделают? Для того, чтобы убить ведьму в зародыше, им надо отправиться к этому зародышу, то есть сюда, в Грамарий, и попытаться... да ведь... убить...

Бром в шоке уставился на него.

— ... Катарину,— закончил за него Род, кисло кивая.—

Правильно, Бром. Советники и руководящие кадры Дома Хлодвига — это чьи-то пра-пра-пятьдесят раз правнуки.

— Но как же сие может быть?— ахнул Бром.— Какой человек может навестить своих предков?

— Они могут. У них есть штука, называемая машиной времени. Одна из них спрятана где-то в Доме Хлодвига, а другая в населенных призраками туннелях замка Логайров. Так что стереги тех четырех в вашей тюрьме очень бдительно, Бром. У них может быть припасено несколько сюрпризов.

— Уж будь уверен, постерегу!

— А советники все погибли.— Род откинулся назад, закрыв глаза.— Что мило завершает доклад. Отошли его домой, Векс, О, и подтверждающий материал: описание машины времени и главных трюков ведьм и колдунов — сам знаешь — телекинез, левитация, телепор...

— Я знаю, Род,— напомнил ему голос робота.

— Тьфу. Слуга ты, безусловно, склонный к самоуничижению. Ну, отправь его домой.

Искривляющий передатчик внутри баскетбольного мяча мозга Векса выплюнул двухсекундный визг звездам. Какой-то миг все молчали, затем Гвендайлон произнесла:

— Милорд?

Род поднял веко и улыбнулся.

— Тебе не следовало бы так называть меня теперь, но мне это нравится.

Она робко улыбнулась.

— Милод, ты закончил свою работу здесь...

Лицо Рода потемнело.

Он отвернулся, сердито уставясь в землю.

— Куда ты теперь отправишься, Род-чародей?— пробормотал Бром.

— А, прекрати это!— мрачно огрызнулся Род. Он снова отвернулся.— Я не чародей. Я агент очень развитой технологии и, как таковой, имею полный мешок трюков, в которые ты даже не поверил бы, но все они холодное железо и его потомки. Я не имею на своем счету ни одной колдовской штуки и я, конечно, не обладаю и малейшей долей колдовской силы.

Он снова поднял взгляд к звездам.

— Я не чародей, ни в малейшей степени, в еще меньшей степени, чем ваш последний крестьянин. Мне здесь не место.

Он чувствовал, что в нем что-то рвалось, когда он произносил это.

— Я сам выбрал такую жизнь,— проворчал Род.— Да, я подчиняюсь приказам, но делаю это добровольно.

— Довод,— признал Бром,— не слабый. По выбору или не по выбору, ты все же порабощен.

— Да,— согласился Род,— но кто-то должен пожертвовать своей свободой, чтобы ее могли иметь его дети.

Но это не прозвучало убедительно даже для него. Бром испустил вздох и, поднявшись на ноги, хлопнул себя по бедрам. Он взглянул на Рода своими усталыми и старыми глазами.

— Если ты должен отправиться, значит, должен. Заклятье — нечто такое, чего не может отрицать ни один человек. Отправляйся к звездам, но помни, Род Гэллоуглас, если ты когда-нибудь будешь искать пристанища, оно здесь.

Он повернулся и зашагал прочь вниз по склону.

Гвендайлон тихо сидела рядом с ним, сжимая ему руку.

— Скажи мне,— произнесла она после короткого мгновения размышлений,— это только одна Мечта отнимает тебя у меня?

— Да. О, да.— Рука Рода стиснула ей ладонь.— Ты в своем роде забила все остальные мечты.

Она повернулась, трепетно улыбаясь, на ресницах ее блеснули слезы.

— Тогда разве нельзя мне сопровождать тебя к звездам, дорогой милорд?

Род сжал ей руку, у него перехватило дыхание.

— Я желал бы, чтобы ты могла, но ты зачахнешь и умрешь там, как вырванный с корнем цветок. Твое место здесь, где в тебе нуждаются. Мое место там, вот как все просто.

— Нет.— Она печально покачала головой.— Ты уезжаешь не из-за принадлежности к какому-то месту, а из-за заклятья. Но дорогой милорд...

Она повернулась, слезы теперь текли ручьями.

— Разве мои заклятья не столь же сильны, как твоя Мечта?

— Послушай,— крепясь, сказал он,— постарайся понять. Человек должен иметь свою Мечту, в этом-то и заключается разница между человеком и животным — в Мечте. И человек, который утратил свою Мечту, нечто меньшее, чем мужчина, и не стоит никакой женщины. Как бы я мог претендовать на тебя, не будь я мужчиной? Человек должен доказать свою значимость самому себе, прежде чем он сможет претендовать на женщину, а Мечта и есть это доказательство. Покуда он трудится ради нее, он имеет право на свою возлюбленную, так как он чего-то стоит. Я мог бы остаться здесь и был бы очень-очень счастлив с тобой, но в глубине души я знал бы, что не достоин тебя, потому что я был бы трутнем, самцом без всякой цели. Как бы я мог стать отцом твоих детей, если бы знал, что их мать намного ценнее для мира, чем я?

— Тогда ты был бы тем, кто зачахнет и умрет?— прошептала она.

Род кивнул.

— Но заклятье, милорд, не только мое. Разве добавленных к нему заклятий Большого Тома и старого герцога Логайра недостаточно, чтобы перевесить заклятье звезд?

Род сидел, застыв.

— Они велели тебе охранять их народ,— тихо произнесла она.— А что с ним станет, милорд, если снова явятся те дьяволы из завтрашнего дня? Как они наверняка и сделают, если ненавидят столь глубоко, как ты говоришь.

Род очень медленно кивнул.

— И что же будет с Мечтой, милорд?— прошептала она.

С минуту Род сидел неподвижно, как скала.

— Векс,— тихо позвал он.

— Да, Род.

— Векс, отправь им мою отставку.

— Твою что?

— Мою отставку,— отрезал Род, и поспеши с этим! Но, Род, твой долг, честь твоего дома!

Да подавись ею! Советники могут вернуться, Векс, даже если мы разнесем вдребезги машины времени. Они сделали это один раз и могут сделать еще. Отправляй!

Векс послушно пробибикал звездам.

Затем голова Рода медленно поникла.

— Милорд?— выдохнула Гвендайлон.

Род слабо поднял руку.

— Со мной все в порядке. Я поступил правильно, и это сделает меня счастливейшим человеком. Потому что первый раз в своей жизни я буду действовать сам по себе. И в этом-то все и дело. Я отрезал себя от своих. Они больше не стоят за моей спиной — дом, Старший Брат, следящий за мной...

— У тебя есть дом здесь, милорд,— тихо произнесла она.

— Я знаю, знаю. И через некоторое время это пройдет, и я буду счастливей, чем когда-либо. Но сейчас...

— Он посмотрел на нее, слабо улыбнувшись.— Со мной будет все в порядке.

— Род,— прошептал Векс.

Род поднял голову. — Да, Векс.

— Они ответили, Род.

Род напрягся.— Прочти.

— Доклад принят. Просят прислать координаты для проверочной экспедиции.

Род кивнул, губы его горько сжались.

— Пошли им, читай дальше.

—Просим вас передумать насчет отставки. Примите постоянное задание по охране планеты Грамарий от дальнейшей инфильтрации (подрывной деятельности).

Род выпрямился, уставясь в пространство: „Что?"

— Они хотели бы сделать избранное тобой положение официальным, Род,— ответил робот.

— Что такое, милорд?

— Они хотят, чтобы я остался,— механически повторил Род. Он повернулся к ней, жизнь сменила ошеломленное выражение на его лице.— Они хотят, чтобы я остался!

— Где остался, милорд?— спросила она, улавливая первые следы его энтузиазма.

— Остался здесь!— проревел он, вскакивая на ноги и широко размахивая рукой, чтобы включить всю планету. — Здесь, на Грамарие! Агентом! Гвен, я свободен! И я дома!

Он упал на колени, повернувшись к ней лицом и вцепившись руками ей в плечи.

— Я люблю тебя,— проревел он,— выходи за меня замуж!

— Отныне и навеки, милорд,— воскликнула она, сжимая его лицо меж ладоней, и полились слезы. Он сграбастал ее было, но она остановила его, приложив ладонь к его губам.

— Нет, милорд, только чародей может поцеловать ведьму.

— Ладно, чародей я, чародей! Только поцелуй меня, а?

Она поцеловала. Ухмыльнувшись, он сцепил руки у нее на пояснице.

— Эй,— сказал он,— так это правда то, что говорят о сельских девушках?

— Да, милорд.— Она опустила глаза и принялась расстегивать его камзол.— Теперь ты от меня никогда не избавишься.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОБОЛЬДА

„...Как это ни печально и ни прискорбно, Бог призвал на небеса верного сына своего, короля Ричарда, ибо смерть приходит ко всем нам: и к знатным, и к бедным. После четырнадцати лет правления ушел от нас король, которому не было еще и сорока пяти лет от роду, и великая скорбь охватила землю нашу. Но жизнь продолжается, и великое движение ее не должно прекращаться, вот почему, похоронив короля рядом с предшественниками, мы обратили свой взор к нашему новому монарху, к дочери короля Ричарда Катарине, первой королеве в истории Грамария, которой было в ту пору всего двадцать лет.

Созвали лорды этой земли Совет. Во главе их стоял герцог Логайр, самый почтенный и уважаемый лорд этой страны, к тому же дядя королевы. И хотели лорды посоветовать королеве Катарине, как надо править. Но она отказалась выслушать их советы и стала править так, как нашла нужным, не считаясь с лордами. Все дела в государстве вершились с помощью карлика Брома О'Берина, жившего при дворе. Королева Катарина даровала ему титул, хотя карлик Джестер был возведен королем Ричардом лишь в советники. Это вызвало недовольство всей знати страны, ведь она приравняла карлика к ним, а он был низкого происхождения. И доверяла королева только ему, а не кому-нибудь из них.

Направил Логайр сына своего Туана, который добивался расположения Катарины с тех пор, как умер ее отец, чтобы Туан попросил Ее Величество пойти с ним под венец и стать его женой. Тем самым возвела бы она его на престол. Узнав об этом, вспылила Катарина, назвала всю эту затею непристойной и заявила, что мужа себе найдет сама, без чьей-либо помощи и по зову сердца своего. Прогнала она Туана со своей земли, посадив его в рыбачью лодку, сплетенную из ивняка и обтянутую кожей, чтобы подхватил его ветер восточный и унес в земли дикие, где жили монстры и варвары, хотя вся его вина была лишь в любви к ней. Разгневались тогда на королеву Катарину все лорды, и вместе с ними Логайр, отец Туана. Однако не посмел старый герцог ослушаться Ее Величество, призвал и других лордов последовать его примеру. А Туан выпрыгнул из лодки, приплыл в Раннимед ночью и укрылся от глаз чужих. Наконец встретилась королева Катарина со всеми великими лордами Грамария в тронном зале дворца, что находился

в столице Раннимеде, и сказала им: „Господа, до меня дошли слухи, что берете вы людей от плуга, не знающих грамоты, ни святости, и посылаете их к жителям нашего государства как священников, которые с помощью слова своего вершат дела ваши. Но подобное оскорбляет Господа Бога, а с ним и королеву. Поэтому направляю я к вам своих священников; таково мое королевское слово". Разгневались лорды, зашумели, но поднял руку герцог Логайр и успокоил их. Стало все так, как и сказала королева: в землях лордов появились монахи, что направила она из Раннимеда, хотя часто жители этих земель оставались довольны теми священниками, что направили к ним лорды, но некоторые из них были грешны, и таких монахи королевы изгнали и назначили своих. Вновь призвала к себе королева Катарина всех лордов и сказала им: „Господа, хотя в землях ваших правосудие вершится только вами самими и теми судьями, которых назначаете вы, я нахожу, что это правосудие таковым вовсе не является, ибо Габсбург на востоке отрубает людям руку за воровство даже буханки хлеба, а Логайр на юге не наказывает и за убийство. Кроме того, я считаю, что люди в моем королевстве выходят из подчинения, ибо знают, что закон у нас обойти можно.

Поэтому с сегодняшнего дня правосудие в своих владениях не вы вершить будете: ни вы сами, ни назначенные вами судьи. А будут это делать те люди, которых я направлю к вам из суда Раннимеда". После таких слов все лорды пришли в ярость и хотели сбросить королеву Катарину с трона, но остановил их герцог Логайр. Отбыли они в свои владения и начали готовить заговор против королевы. Во главе его встал старший сын Логайра, Ансельм.

Однажды ночью, когда небо было чистое и светила луна, раздался сильный гром. Звуки его были слышны по всему Грамарию. Взглянули жители его на небеса и увидели, что падает к ним звезда. Стали они молиться, так как это считалось хорошим предзнаменованием для страны. Так оно и вышло на деле: сначала звезда упала на землю Грамария, а затем все увидели главного волшебника, Рода Гэллоугласа. Был он высокий, широкоплечий, с ясным умом и лицом, превосходящим по красоте любого из рода человеческого. Отличался благородством, храбростью, беспощадностью к врагу. Пришел Род к королеве Катарине. Приняла она его за одного из своих солдат, так как не знала, кто это. А он понял, что королеве угрожает опасность, и решил ей помочь. Отправила его королева на юг последить за своим дядей, лордом Логайром, так как прознала она, что лорды готовятся выступить против нее. Выполнил волшебник ее просьбу, взяв с собой помощником Большого Тома. Пришли они к Логайру под видом менестрелей. Встретили они в замке герцога привидение, с которым Род Гэллоуглас сразу же подружился. Созвал герцог Логайр всех лордов королевства. Вскоре прибыли они к нему в замок на юге Грамария. Старый герцог предложил им забыть все обиды и не

выступать против королевы. Но на этот раз лорды не стали слушать его.

Много волшебников и волшебниц жило в этой стране. К тем из них, кто желал ей добра, была благосклонна королева Катарина. Вот они и веселились иногда по ночам, а народ Грамария начал поговаривать, что и сама королева обладает некоторой колдовской силой. Главный волшебник, Род Гэллоуглас, познакомился со всеми волшебниками и волшебницами. Самой могущественной среди них была Гвендайлон, или Гвен. Она была молодой, красивой, обаятельной. Род влюбился в нее и признался ей в своей любви.

Лорд Туан, тайно прибывший в Раннимед, чтобы быть поближе к королеве, хоть она и презирала его, поселился среди нищих и бродяг. Скоро он сумел завоевать сердца этих суровых людей и стал их королем. Один из них, кому Туан доверял больше всего, стал казначеем и был прозван „шутом". Тем временем собравшиеся в замке герцога Логайра лорды, возглавляемые старшим сыном его, Ансельмом, выступили против Логайра, объявив его сына герцогом и правителем отцовских земель. Некто по прозванию Дюрер, бывший советник Логайра, обнажил против него меч. Тогда главный волшебник, Род Гэллоуглас, прибегнув к магии, потушил в замке все лампы и факелы. Замок погрузился в темноту, так как находился под землей и не имел окон. Призвал главный волшебник все привидения и всех духов, которые обитали в замке. Собрались они вместе, вошли в зал, где находились лорды, и напугали их до смерти. А герцог Логайр был выведен главным волшебником из замка и доставлен к королеве в Раннимед. Объединили лорды свои армии и выступили против королевы. Призвал на помощь главный волшебник всех волшебников этой страны, а также эльфов, живущих здесь. Затем он обратился к Туану Логайру, который тотчас же откликнулся, собрав армию нищих и бродяг. И пришли они на равнину Бреден. С восходом солнца лорды начали наступление, но лошади их крепко завязли в земле, так как эльфы постарались на славу. Тогда направили лорды на королеву свои стрелы и копья, но волшебницы заставили их лететь в обратную сторону, на армию лордов. Понесли лорды большие потери, но не отступили. Затем Туан вместе со своим отцом повели в бой нищих и бродяг, чтобы завершить начатое волшебницами и эльфами дело. Превратилось поле брани в сплошное месиво, и тогда поднялся среди воинов Большой Том, помощник главного волшебника, и шагнул он к лордам и их советникам, а за ним пошли нищие. Убили они всех воинов и советников лордов, а их самих взяли в плен. Погиб в том бою Большой Том, и все долго скорбили о его смерти.

Решила королева Катарина заковать лордов в кандалы, а затем казнить, но главный волшебник заступился за них. Страшно рассердилась королева, однако Туан Логайр, стоявший рядом с ней, заявил, что все будет так, как задумала

королева. Тогда главный волшебник нанес ему коварный удар, оттолкнул королеву Катарину и ускакал прочь на своем коне, с которым не мог сравниться ни один скакун. Но Туан все же успел ранить его. Кинулась королева Катарина к лорду Туану и объявила громко о том, что он главный защитник ее чести, надежная опора ее, добавив при этом, что любит его. Отдала королева судьбы лордов в его руки. Лорд Туан освободил их, отобрав у них армии. А сам повел королеву Катарину к алтарю, стал нашим королем и начал править вместе с Катариной.

Отыскал главный волшебник Гвендайлон, которая залечила ему рану заговорами и заклинаниями, так что от нее не осталось и следа. Вновь рассказал ей волшебник о своей любви и повел ее под венец.

А лорды вернулись в свои владения и правили там по закону и справедливости, а король вместе с королевой не спускали с них глаз. Наступили на земле Грамария мир и спокойствие, что пришлось по нраву ее жителям. Так продолжалось чуть больше двух лет; люди начали доверять своим лордам и смотреть на своих товарищей без опаски. Но однажды ночью на южном побережье подул сильный ветер, и раздались звуки войны..."

Летописи правления Туана и Катарины,
записано отцом Чиллди, монахом
и летописцем-любителем

„...По полученным сведениям, данная планета была заселена группой так называемых „романтиков-эмигрантов", которые носили доспехи и ради развлечений устраивали турниры рыцарей. Эта группа людей действовала как механизм, привлекающий тех, кто обладал сверхъестественными силами и способностями. Они забрали их на свою планету и позволили жить там и плодить себе подобных. Так на протяжении нескольких столетий здесь развивались эсперы — именно так называют подобных жителей. Их совсем немного, но есть все основания полагать, что остальные являются латентными эсперами. Они считают себя обычными людьми и называются „волшебницами" или „колдуньями", если это женщины, и „волшебниками" или „колдунами", если это мужчины. Более того, здесь существует некая субстанция, которая может реагировать на мысли телепатов. Местные жители называют ее „ведьминым мхом", потому что стоит „волшебнице" что-то сильно захотеть, как она способна превратить его в то, что хотела. Те же, кто не знает, что они волшебницы, сидят и рассказывают всякие сказки своим детям. Тогда все вокруг вдруг наполняется эльфами, духами и вервольфами, как они называют оборотней. Как-нибудь я покажу вам следы от их укусов.

По моим наблюдениям, данное место является просто кладом и может оказать Децентрализованному Демократическому Трибуналу (межпланетное правительство) неоценимую

помощь при создании коммуникаций. Демократия не выживет, если территория превысит возможности системы коммуникаций. По моему мнению, в связи с этим ДДТ следует ожидать критической ситуации в ближайшие сто пятьдесят лет. Если удастся превратить данную планету в демократию, то ДДТ получит возможность иметь безграничную связь на любом расстоянии. Смею доложить, что телепатия мгновенна, не зависит от расстояний. Все это наблюдается на данной планете. Но если планета жизненно необходима для успеха демократии, то она также необходима и тоталитаристам, и анархистам, чтобы избавиться от демократов. Тоталитаристы представлены пролетарской организацией под названием „Дом Хлодвига", которая пытается привлечь в свои ряды нищих, бродяг и преступников, что, кстати говоря, им неплохо удается. Анархисты заняты знатью: каждый из двенадцати лордов имеет своего советника, который, уверен, является анархистом. Откуда они взялись? Ну, вполне возможно, что прибыли с других планет.. но мне удалось обнаружить некий механизм, который является не чем иным, как машиной времени, и с каждым днем я убеждаюсь в этом все больше и больше.

Меня волнует также фактор неопределенности и непредсказуемости в данном месте. Генетические местные изменения, „ведьмин мох", чувствительный к воздействию телепатов,— все это может выявить некие новые..."

Отрывок из доклада по планете Бета Кассиопея Гамма (местное название „Грамарий"), представленного Родни д 'Арманом, или Родом Гэллоугласом, агентом Общества „Поиск".

...Над бушующим морем навис густой липкий туман. Звук разбивающихся о мыс бурунов внезапно стих. Высоко в небе раздались тревожные крики невидимой птицы. Из клубящегося тумана вынырнула надменно поднятая голова дракона с клювом. Потом показались еще четыре. На их боках висели круглые, ярко раскрашенные щиты, из-под которых появились весла. Они вначале дружно взмыли вверх, а потом рассекли волны.

Единственное крыло дракона было туго завязано вокруг перекладины, прикрепленной к высокой мачте. Вокруг нее молча сгрудились приземистые, неуклюжие фигуры в шлемах. У дракона был клюв орла и ребристый плавник на груди. На лбу торчали два длинных прямых рога. Прибой ударил о берег, когда дракон миновал мыс...

Спрятавшись с головой под толстое пуховое одеяло, ребенок заплакал, стал звать свою мать. Тут же загорелась масляная лампа, озарилось мягким светом усталое и родное лицо матери, повеяло теплом и спасением. Она взяла маленькое, дрожащее и всхлипывающее тельце в свои руки.

— Ну, что случилось, радость моя? Твоя мама рядом. Она не позволит никому обижать тебя.

Мать прижала ребенка к груди, нежно похлопывая его до тех пор, пока он не перестал плакать.

— Все, Артур, все. Что тебя так напугало, дорогой?

Ребенок приподнял голову.

— Злой дух, мамочка. Он гнался за мной... с большущим ножом!

Этель нахмурилась, крепко обняла ребенка и пристально посмотрела на пламя лампы.

— Злые духи, родной мой, далеко-далеко, за морем. Сюда они не могут прийти.

— Но Карл сказал...

— Знаю, знаю. Мама пообещала, что его заберет злой дух, если он будет плохо себя вести. Но все это выдумки взрослых, дорогой, для того, чтобы припугнуть непослушных детей. Но ты ведь у меня послушный, не так ли?

Артур на какое-то время затих, потом уткнулся в платье матери:

— Да... да, мамочка...

— Ну, конечно.— Этель погладила его по голове, уложила обратно в постель, укрыла пуховым одеялом.— Ты у меня мальчик смелый. Мы ведь с тобой знаем, что злые духи нам не страшны, правда?

— Да, мама,— нерешительно произнес ребенок.

— А теперь спи, малыш,— прошептала мать и закрыла за собой дверь.

На стене плясали тени от лампы. Малыш уснул не сразу, сначала он понаблюдал за медленным танцем света и тьмы на стене. Потом вздохнул, повернулся на бок, полусонными глазами взглянул в окно.

Он увидел огромное бесформенное лицо, с маленькими сверкающими глазками и носом-картофелиной. Вместо рта зияла огромная квадратная впадина с пожелтевшими зубами. Из-под блестящего украшенного крыльями шлема выбивались клочья темных волос. Чудовище оскалило зубы и уставилось своими поросячьими глазками на ребенка.

— Мама! МамаМамаМамаМама! Злой дух! Гоблин!

Чудище зарычало и ударило своей железной булавой о деревянную стену, пробив ее насквозь. Ребенок громко закричал и кинулся к двери. Злой дух вошел сквозь пробитую стену. Дверь в спальню распахнулась. Мать в ужасе застыла у порога, потом схватила своего ребенка и закричала, убегая от чудовища. Злой дух издал низкий булькающий звук и погнался за ней.

В соседнем доме злой дух схватил ребенка за ножки и ударил головой о стену. Он занес огромную булаву, чтобы выбить из рук отца меч, затем ударил его в живот и в висок. Отец ребенка упал с пробитым черепом, истекая кровью. Увидев, что варвар поднял меч, который выронил отец, мать

с криком кинулась прочь. Он догнал женщину, со всего маха ударил ее булавой и одним ударом разрубил сундук.

В первом доме варвар опрокинул лампу, и стены охватило пламя. Другие дома уже пылали вовсю. По улицам с криками бежали женщины и дети, за ними с радостными воплями гнались варвары. Мужчины деревни схватили топоры и гарпуны и кинулись спасать своих жен и детей. Дикари заслонили свои головы дубинами, взяли в руки огромные топоры и двинулись на защитников, оставляя после себя груду окровавленных тел.

Раздался топот копыт, и в деревню ворвался конный отряд. Впереди мчался местный барон.

— Копья!— взревел он.— В атаку!

Варвары страшно усмехнулись.

В них полетели копья, всадники пришпорили лошадей; отряд атаковал противника... и вдруг лошади споткнулись, потом остановились как вкопанные. Всадники уставились на варваров, словно завороженные. Каждый из дикарей переводил свой взгляд с одного солдата на другого, потом на третьего и снова на первого, задерживаясь на каждом на какую-то долю секунды. Челюсти у солдат отвисли, глаза смотрели в одну точку. Копья выпали из их рук. Лошади начали медленно переступать с ноги на ногу и двигаться вперед, в то время как всадники продолжали сидеть неподвижно, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Шаг, еще шаг... вот лошади уже рядом с дикарями. Тут варвары издали победный клич и двинулись на конный отряд, размахивая своими булавами. Лошади падали с расколотыми черепами, всадники летели вслед за ними, получая удар за ударом. Кровь хлестала фонтаном. Летели головы, хрустели кости, а варвары с дикими воплями кинулись через груду убитых тел к амбару. Граф Байчи, вассал герцога Логайра, лежал с отрубленной головой в луже крови, которая смешалась с кровью его всадников.

На склоне холма столпились женщины и дети и с ужасом взирали на горящие дома, в то время как корабли-драконы, осев под тяжестью награбленного добра, удалялись от берега. Когда длинные корабли проходили мимо мыса, ветер донес до жителей деревни раскаты отвратительного хохота.

Весть об этом ужасном событии дошла до короля Туана Логайра, находившегося в то время в столице Грамария, в Раннимеде. Король сильно разгневался, его супруга, королева Катарина, страшно разозлилась.

— Ну, что?— накинулась она на своего супруга.— Эти дьяволы предали деревню мечу и огню, убили наших воинов и обесчестили женщин, взяли детей в рабство... Что ты собираешься предпринять, а? Ты разве не отомстишь им?

Она была так молода, да и король был ненамного старше. Сидела она прямо, как жезл, лицо же короля было мрачным и неприступным.

— Сколько человек погибло?— спросил он.

— Все мужчины деревни, Ваше Величество,— ответил посыльный, на лице которого отразились ужас и печаль.— Сто пятьдесят человек, а также четырнадцать женщин и шестеро детей. Двадцать хороших всадников и граф Байчи.

Королева ужаснулась.

— Сто пятьдесят, сто пятьдесят,— повторила она,— сто пятьдесят.— Потом еще громче:— Сто пятьдесят женщин овдовело в эту ночь! А дети? Шестеро погубленных!

— Бог да ниспошлет благодать их душам.— Король Туан склонил голову.

— Да, молись, молись!— закричала королева.— В то время как твои люди истекают кровью, ты решил молиться!— Она обратила свой взор на посыльного.— При этом совершено и насилие?

— Нет,— ответил посыльный, опустив голову.— Хвала Господу, нет.

— Нет,— повторила королева почти автоматически.— Они что,— накинулась она на своего мужа,— презирают наших женщин?

— Наверное, они испугались, что может прийти подкрепление из наших солдат...— пробормотал посыльный.

— Было бы это так!— Королева одарила его презрительным взглядом.— Что-то не вериться, что можно испугаться наших хилых мужчин!

Посыльный замер. Лицо короля вытянулось. Он медленно повернулся к посыльному.

— Скажи мне, приятель... Как получилось, что целый отряд всадников не смог справиться с этими пиратами?

Губы королевы скривились в усмешке.

— Как будто могло быть иначе!

Король молча ждал ответа посыльного.

— Колдовство, Ваше Величество.— Голос посыльного дрогнул.— Черное, грязное колдовство. Всадники шли на верную гибель, потому что враги напустили на них свое „орудие", вернее, Дурной Глаз.

Воцарилась полная тишина. Даже королева не произнесла ни слова, так как на этой удаленной планете суеверия были в почете. Первым заговорил король. Он повернулся к тайному советнику, опустив глаза, потому что, несмотря на то, что плечи Брома О'Берина не уступали по ширине королевским, ростом он был чуть меньше двух футов.

— Бром,— произнес король,— направь четыре роты королевской пехоты, по одной каждому из лордов, чьи владения граничат с морем.

— По роте каждому!— воскликнула королева.— Да ты с ума сошел, мой милый муженек! Разве можно так разбрасываться солдатами?

Король встал и повернулся к сенешалю, сэру Марису:

— Сэр Мэрис, вы поведете три роты королевской гвардии.

Четвертая останется здесь, для охраны Ее Величества королевы Катарины. Три роты должны собраться во внутреннем дворе через час. Проследите за тем, чтобы их снабдили провизией, так как путь будет трудным и долгим.

— Будет исполнено, Ваше Величество.— Сэр Мэрис поклонился.

— И проследите за тем, чтобы приготовили мои доспехи,— добавил король.

— Доспехи!— воскликнула королева.— О нет, мой дорогой муж! Что ты задумал?

— Это мой долг.— Король повернулся к ней, взяв ее за руки.— Я — король, и моим людям грозит опасность, поэтому я должен быть там, в той разрушенной деревне, и найти след этих варваров. Потом предстоит построить корабли, выйти в море и найти их земли...

— О нет, мой господин!— закричала Катарина, прижимаясь к нему.— Разве у нас недостаточно мужчин, способных держать оружие и воевать за нашу землю? Разве обязательно тебе самому ехать на верную гибель? О нет, мой господин! Что я буду делать, если тебя вдруг ранят? Или...

Какое-то время король сжимал ее в своих объятиях, потом отстранил от себя, приподнял ее подбородок и нежно поцеловал в губы.

— Ты — королева,— тихо произнес он.— Ты должна взвалить на себя груз всеобщей беды и печали — таков долг всех королев. Ты остаешься здесь, будешь править в мое отсутствие. Ты должна рисковать собственным мужем ради спасения своего народа, я же должен рисковать своей жизнью — таков долг королей.

Он опять прижал ее к себе, крепко поцеловал, потом выпрямился, опустил ее руки и встал. Его остановило смущенное покашливание. Он повернулся, нахмурившись.

— Ты все еще здесь, Бром? Я думал...

— Ваше Величество,— прервал его карлик,— я сделаю все, что вы приказали... Но больше нет никаких указаний?

Король помрачнел.

— Если здесь замешан Дурной Глаз,— голос карлика прозвучал еще решительней,— Ваше Величество, то придется прибегнуть к помощи колдуний.

Король отвернулся, поджав губы.

— Ты имеешь на это полное право, Бром,— согласился он нехотя.— Нам действительно не обойтись без них. Пошли за колдуньями в Северную Башню, Бром, прикажи им вызвать...— он слегка поморщился,— главного волшебника.

В это время главный волшебник сидел на земле, прислонившись к стволу большого дерева, одновременно глядя на рассвет и на свою жену. И то и другое стоило того, чтобы на них смотрели. Из-за зеленых верхушек сосен в розово-голубое небо

поднималось оранжево-золотистое солнце, а его жена, Гвен, с огненно-рыжими волосами была сама грация и обаяние. Напевая какую-то песенку, она мыла посуду у очага их дома-пещеры. Но не домашние хлопоты делали ее такой привлекательной. Казалось, что ее длинные рыжие волосы парят вокруг нее, обрамляя круглое лицо с огромными, цвета морской волны, глазами, длинными ресницами, курносым носиком и пухлыми губами. О фигуре ее можно было лишь догадываться, так как на ней была свободная белая блуза, какую обычно носят крестьянки, корсаж и длинная широкая юбка с ярким рисунком.

Род закрыл глаза, покой летнего утра передался ему, убаюкал немного, и он задремал. Кто-то ударил его по животу и нарушил его сон. Он подскочил, схватив нож.

— Папочка!— проворковал ребенок, страшно довольный своей выходкой.

Род удивленно взглянул на сына. Маленький Магнус вцепился своими ручонками в края манежа; он еще не научился как следует стоять на ногах. Род слегка улыбнулся и отодвинул от себя угол манежа, сделанного из дуба.

— Очень хорошо, Магнус!— Он потрепал ребенка по голове.— Молодец, малыш!

Ребенок заулыбался в ответ. Манеж приподнялся на шесть футов над землей. Род успел ухватить его и поставил обратно, держась руками за крышку. Обычно манежи не имеют крышек, но на этом ее пришлось соорудить, иначе малыш мог улететь.

— Да-да, просто прекрасный ребенок! Такой смышленый! Очень хороший малыш... Гвен!

— Что случилось, мой дорогой!— Гвен подошла к входу в пещеру, вытирая о фартук руки. Потом она увидела манеж.

— О, Магнус!— произнесла она таким обиженным тоном, на какой способны только матери.

— Нет, нет!— быстро проговорил Род.— Он хороший мальчик, Гвен, правда? Я как раз говорил, какой он у нас славный малыш. Хороший, очень хороший мальчик!

Малыш перевел взгляд с отца на мать, которая смущенно отвела глаза. Но вдруг она поняла, каким образом манеж смог выбраться из пещеры, когда она повернулась к нему спиной.

— О, Род!

— Да,— Род гордо улыбнулся.— Не по годам развитый, правда?

— Но... но, мой господин! Гвен покачала головой.— Только колдуньи могут передвигать предметы с места на место. Колдуны же не могут!

Род открыл манеж и взял сына на руки.

— Ну, поднять он его не мог... может, пытался улететь?

— Нет, у него бы не хватило сил поднять манеж вместе с собой... Ведь это и волшебники не могут...

— Ну, а он может.— Род улыбнулся ребенку и потрепал его по подбородку.— Ну, как? Я — отец гения!

Ребенок проворковал что-то и вырвался из его рук.

— Это что такое! Вернись немедленно!— Род подскочил и схватил пухленькую детскую ножку, прежде чем утренний ветерок успел подхватить малыша.

— Ок, Магнус!— Гвен подбежала к ним, подхватила ребенка на руки.— Ах, ты мой шалун! Ты станешь самым могущественным волшебником, когда подрастешь!

Ребенок улыбнулся ей в ответ. Он был уверен, что поступил правильно, но не собирался спорить. Рода переполняло чувство гордости, когда он затаскивал дубовый манеж обратно в пещеру. Да, действительно, как это его сыну удалось справиться с такой тяжестью? Он нашел веревку, чтобы привязать манеж.

— Вот это ребенок!— воскликнул он и покачал головой.— Чуть больше года... еще и ходить не умеет, и... Гвен, в каком возрасте они начинают летать?

— Летать?— Гвен зашла в пещеру, не выпуская из рук сына.— В тринадцать, по-моему, мой господин. В этом возрасте волшебники начинают летать.

— А наш ребенок начал в девять месяцев.— Род выпрямился.— В каком же возрасте маленькие колдуньи начинают летать на метле?

— В одиннадцать, мой господин, а возможно, в двенадцать.

— Ну, он немного опередил всех, если только волшебники вообще летают на метлах. Каков ребенок, а?— Род не стал добавлять, что Магнус был не обычным ребенком, а мутантом.

Он погладил ребенка по голове. Малыш схватил своей ручонкой большой палец отца. Род посмотрел светящимися от счастья глазами на Гвен.

— Когда он подрастет, он станет отличным агентом.

— Мой господин!— Брови Гвен поползли вверх.— Но ведь ты не заберешь его из Грамария?

— Зачем?— Род подхватил Магнуса и подбросил его в воздух.— Он и здесь найдет себе много работы.

Магнус радостно воскликнул и полетел к крыше. Род умудрился подпрыгнуть так высоко, что ему мог позавидовать любой прыгун с шестом, и подхватил сына.

— Кроме того, он может не захотеть вступать в Общество "Поиск", кто знает?

Род являлся агентом этого общества, подрывного крыла Децентрализованного Демократического Трибунала, или ДДТ, первого и единственного межпланетного правительства в истории, расположенного не на Земле. Сенат проводил свои заседания при помощи электронной связи, правление располагалось на космическом корабле, курсирующем между планетами. Безусловно, это было самое действенное демократическое правительство из всех, когда-либо существовавших. Это общество представляло собой организацию, ответственную за то, чтобы подчинить своей власти затерянные колонии бывших империй Земли. Род был направлен на Грамарий, планету, населенную мистиками, романтиками и эскапистами. Культура

здесь была средневековой, люди суеверны. Небольшой процент населения составляли "колдовские силы".

ДДТ и Общество "Поиск", в частности, чрезвычайно заинтересовались Грамарием. Им нужны были такие эсперы, как их колдуны и колдуньи. Все они в той или иной мере обладали потусторонней сверхъестественной силой, и при этом все они являлись телепатами. А так как действенность (и соответственно живучесть) демократии зависит непосредственно от скорости коммуникаций, а телепатическая коммуникация мгновенна, то ДДТ оценила эту единственную свою колонию эсперов очень высоко.

Итак, Род был назначен агентом на данную планету. В его задачу входила охрана ее и осторожный вывод ее политической системы на путь, который неизбежно привел бы к демократии и членству в ДДТ.

— Эй, Векс,— позвал Род.

Огромный стальной черный конь, вернее, робот, стоявший рядом с пещерой, поднял голову и посмотрел на своего хозяина.

— Да, Род?— раздался его голос в устройстве, вмонтированном в височную кость Рода, за ухом.

— Зачем ты щиплешь траву?— Род фыркнул.— Слышал ли ты когда-нибудь о роботе, работающем на углеводородах?

— Следует соблюдать общепринятые нормы поведения, Род,— оправдывался Векс.

— Похоже, скоро я узнаю, что ты поддерживаешь добрые отношения с нашими соседями! Послушай, железная твоя башка! У нас новости! Магнус сегодня в первый раз продемонстрировал нам телекинез!

— Телекинез? Я считал, что это передается только по женской линии, Род.

— Получается, что не только.— Он посадил ребенка в манеж и закрыл крышку в тот самый момент, когда Магнус собирался вылететь наружу.— Ну, что скажешь, Векс? Этот ребенок — просто гений!

— С удовольствием буду служить и ему,— пробормотал робот,— как служил на протяжении пяти столетий роду д'Армана, который основал...

— Послушай, оставь в покое семейные истории, Векс.

— Но, Род, ребенок должен наследовать...

— Слушай, прибереги все это до тех пор, пока он не подрастет и не научится разговаривать.

— Как скажешь.— Механический голос умудрился издать вздох.— В таком случае должен сообщить, что очень скоро вашу семейную идиллию нарушат, Род.

Род удивленно взглянул на коня.

— Что-то видишь?

— Нет, Род, но улавливаю звуковые характеристики перемещения маленького существа в высокой траве.

— А...— Род облегченно вздохнул.— Это эльф пробирается через луг. Ну, их-то я всегда рад видеть.

У входа в пещеру из травы вынырнуло живое существо ростом в восемнадцать дюймов. Род улыбнулся.

— Приветствую тебя, дух-проказник.

— Пак!— воскликнула Гвен. Она повернулась к гостю:— Безусловно, ты самый...

Она замолчала, увидев выражение на лице эльфа. Род тоже помрачнел.

— Что случилось, Пак?

— Ничего,— понуро ответил эльф.— Род Гэллоуглас, ты должен немедленно отправиться к королю!

— Должен? Что за спешка? В чем дело?

— Варвары!— выпалил эльф.— Они высадились на берегу герцогства Логайра!

Королевская гвардия направилась на юг. Во главе нее встал сам король. Впереди на дороге неожиданно появился одинокий всадник, играющий на свирели какую-то грустную мелодию. Туан нахмурился и сказал через плечо рыцарю:

— Кто это впереди? Да еще так увлекся своей музыкой, что не замечает приближающихся вооруженных всадников?

— И не замечает Ваше Величество?— согласился его спутник, договорив за монарха то, что тот не решился сказать.— Попробую разбудить его, Ваше Величество.— Он пришпорил коня и поскакал вперед.

— Эй, приятель! Ты что, не видишь, что тебе навстречу скачет Его Королевское Величество?

Всадник поднял на него глаза.

— В самом деле? Какое совпадение! Я только что подумал о нем.

Рыцарь молча уставился на него, потом немного отъехал назад.

— Боже, да это главный волшебник!

— Главный волшебник?— Род нахмурился.— Да что ты! Ты, случаем, не пьян?

Рыцарь пришел в ярость:

— Ты ведешь себя как неотесанный болван! Разве ты не знаешь, что король назначил тебя главным волшебником?

— Действительно, это так,— подтвердил король, натянув рядом с ним поводья. Потом с неохотой добавил:— Приветствую тебя, главный волшебник! Наш бедный остров Грамарий нуждается в твоем искусстве и твоем колдовстве.

— Готов прислушаться к зову своей приемной родины.— Род отвесил поклон.— Но к чему мне получать такой высокий титул? Я бы и так пришел на помощь немедленно.

— Это ведь твое дело, не так ли?— Туан поджал губы.— И тебе полагается иметь соответствующий титул. Народ сражается лучше, если знает, чьи приказы он выполняет.

— Ясно,— ответил Род.— Кстати, вам необходимо иметь

точную карту, если вы хотите добиться успеха. А за титул спасибо, Ваше Величество.

— Ты заслужил его,— Туан изучающе посмотрел на Рода,— но я не ожидал от тебя такой учтивости.

— Почему же?— усмехнулся Род.— Я всегда учтив, если что-то вызывает у меня уважение.

— И наоборот?— нахмурился Туан.— В таком случае я редко заслуживаю твоего уважения?

Род широко улыбнулся.

— Только в том случае, когда вы используете власть, которой не обладаете, но сейчас это случается не так уж часто, ведь теперь вы король. Ну, и в тех случаях, когда защищаете того, кто неправ.

Туан начал злиться.

— И когда такое было?

— Незадолго до того, как мое колено оказалось у вас в паху. Но должен признать, что королева перестала играть в прежние игры.

Туан вспыхнул, отвернувшись от Рода.

— Я понимаю, вам хотелось отличиться.— Род, казалось, не обратил внимания на предупреждающие жесты спутника короля.— Установить закон, на что вы не имели тогда права, да и теперь не имеете.

— Разве?— спросил разъяренный Туан, заглядывая Роду в глаза.— Но теперь я король!

— А это значит, что в первую очередь вы должны находиться среди своих лордов. И ваше положение не дает вам права проявлять по отношению к ним превосходство и принимать законы, если лорды против.

— Ты ведь знаешь, что я не могу поступить иначе.

— Ну, не вы,— согласился Род.— Однако Катарина...

— Королева теперь редко обходится без Совета,— отозвался Туан.— Все, что мы делаем, мы делаем вместе.

— В таком случае разрешите узнать: решение отправиться на юг сражаться с варварами было принято единодушно?

Туан отвел глаза.

— Мы обсуждали это, верно, и мы пришли к такому решению. Не скажу, что это доставило нам радость, но это так.

— Хорошо сказано,— воскликнул Род.— Только не говорите мне, что вам не хотелось вырваться снова на волю.

Туан покраснел, потом горько усмехнулся.

— По правде говоря, сердце мое ликует, когда я смотрю на эти поля и чувствую на себе тяжесть доспехов. Должен признаться, что рад был вырваться от всех забот и дворцовых интриг.

Род кивнул.

— Я так и думал, ведь вы — прирожденный полководец. До сих пор не могу понять, как при этом вам удается оставаться еще и хорошим королем.

Туан пожал плечами.

— Все это напоминает битву, только вместо роты "командуешь" управляющими имениями.

— Да, но при этом требуется совсем иной опыт и другие знания.

— У Катарины они есть,— откровенно признался Туан.— Мне же остается только умерять ее пыл и шлифовать ее приказы так, чтобы они не вызывали недовольства.

Род отметил про себя, что так оно и есть. Королева Катарина действительно не всегда была дипломатична, допускала порой резкие выражения, высокомерный тон.

— Что ж, вы снова заслужили мое уважение.

Туан нахмурился.

— За что? За то, что я король?

— Нет, за искренность. Надеюсь, теперь вы воспользуетесь своим опытом и своими знаниями, Ваше Величество. Что вы намерены предпринять?

— Отправиться туда, где враги разгромили деревню. Возможно, они снова попытаются напасть на нас недалеко от того места,— ответил Туан.— Разве пчела, обнаружив цветок с нектаром, не возвращается к нему, чтобы найти рядом с ним другие цветы?

— Да, но при этом она захватывает с собой еще больше пчел. Я вижу, вы тоже вооружились жалами.

Туан оглянулся на свою армию.

— Варварам не устоять против такого войска.

— По моим данным, они опаснее, чем это кажется на первый взгляд.— Род повернул Векса, а король пришпорил коня, и войско снова двинулось на юг.

Туан кивнул.

Ты имеешь в виду Дурной Глаз?

— Да,— ответил Род.— Вы действительно верите, что наш отряд всадников потерпел поражение из-за этого?

Туан пожал плечами.

— Приходится верить в это и быть готовым ко всему.— Он пристально посмотрел на Рода.— Какое колдовство можно использовать против Дурного Глаза?

Род пожал плечами в ответ.

— Сам бы хотел узнать это; никогда не доводилось иметь дело с подобным явлением. Не имею ни малейшего представления, что поможет нам. Все, что мне известно о варварах, так это то, что они могут быть настолько уродливыми, что, глядя на них, невольно застываешь от ужаса.

Туан решительно тряхнул головой.

— Нет. Если верить донесению, это не просто страх, а к тому же еще и какое-то колдовство.

— Ну, мне скорее приходит на ум слово "отвращение" или "омерзение". И, возможно, само донесение не очень достоверно. Кстати, от кого получены сведения?

— От матерей и стариков, которым удалось убежать. Остались в живых трое воинов, хотя у них тяжелые ранения.

Они немного смогли рассказать, но и этого достаточно, чтобы установить, что донесение достоверно: без сомнения, действовал Дурной Глаз.

— Да, маловато сведений для того, чтобы выработать план действий,— пробормотал Род.— Впрочем, известно, что им не надо смотреть в глаза, застыв на месте. Поэтому скажите своим воинам, чтобы они смотрели на их руки, зубы, шлемы, то есть на что угодно, только не в глаза.

— Хорошо, все ж лучше, чем ничего,— Туан вздохнул.— Надеюсь, тебе удастся придумать что-нибудь более действенное, волшебник. Солдату будет трудно избежать взгляда неприятеля.

— На данный момент ничем не могу больше помочь,— сказал Род.— Постараюсь разобраться во всем, когда они снова нападут. Тогда, может быть...

— Нет.— Туан остановился и посмотрел на Рода.— Тебе придется находиться рядом со мной на возвышении и помогать мне вести сражение, лорд Гэллоуглас.

Род подумал немного и решил, что Туан прав, так как армия будет сражаться лучше, если командовать они будут вместе.

— Ваше Величество, вы, как всегда, правы. Я непременно буду рядом с вами.

Туан скептически оглядел его, но ничего не сказал в ответ.

— Но нам придется выбрать наблюдательный пункт до того, как начнется сражение.

— Безусловно.— Туан пришпорил коня, и они снова поскакали на юг.—Займись этим.

— Что?— Род озадаченно взглянул на короля.— Мне что, посредством колдовства перенести армию в то место, где должно быть сражение?

— Нет. Ты должен всего-навсего предупредить нас о приближении врагов, чтобы мы опередили их и прибыли на место предстоящего сражения раньше их.

— Ох.— Род от неожиданности раскрыл даже рот.— Значит, вот что от меня требуется? Может, подскажете, каким образом я это должен сделать? Мне что, выставить часовых по всему берегу?

— Может быть, если твое заклинание поможет им не утонуть.

— О, нет ничего проще! Называется оно "гребные шлюпки".— Род помрачнел.— Слушайте, а ведь это идея.

— Согласен.— Туан посмотрел на него.— Хорошо, выставим мы свои посты, но каким образом они смогут предупредить нас о приближении врага?

— Поплывут к берегу.

— Но ведь варвары гребут намного быстрее, к тому же их ожидается в несколько раз больше, чем в прошлый раз, да и ветер будет им союзником. Они просто-напросто расправятся с нашими солдатами.

— Верно.— Род задумался.— Может быть, часовым будет

волшебник? Вот тогда он сможет передать сообщение на берег или сам улететь, оставив им пустую шлюпку.

— Неплохая идея,— кивнул Туан.— Твои волшебники схватывают мысли на расстоянии. Разве они не смогут поймать тревогу еще раньше, если на берегу будут находиться другие волшебники и ждать их сообщений?

— Действительно. Так будет намного быстрее и... Минуточку!— Род потер лоб.— Что это со мной сегодня? Извините, Ваше Величество, я что-то туго соображаю. А зачем вообще волшебник должен быть в лодке? Пусть он остается на берегу и читает мысли приближающихся врагов, ну, как?

— О, разумеется!— воскликнул Туан.— И для того, чтобы додуматься до этого, мне потребовался главный волшебник? А собственные мозги-то для чего?

Самое время было ответить ему, что он наверняка оставил их в королевском замке в Раннимеде, но Род подумал, что не очень-то вежливо с его стороны говорить такое, и потому промолчал. Кроме того, Туан мог ответить, что мозги Рода заняты длинными рыжими волосами и фигурой, которая может сразить наповал любого. Король вдруг нарушил тишину:

— А ты уверен, что они способны думать?

— Все может быть. Возможно, мне следует отправиться на западное побережье и крикнуть: "Я мыслю, следовательно, я существую", и они сразу исчезнут?

— Это что, сильное заклинание?

— Нет, просто мудрая мысль, принадлежит философу Декарту. Я серьезно, Ваше Величество. Все живое и способное перемещаться по собственной воле имеет своего рода неврологическую активность. У меня есть одна молодая колдунья, которая умеет читать мысли дождевых червей, а у них, как нам известно, их как раз нет.

— Но сумеют ли они прочитать мысли варваров на достаточном расстоянии, чтобы мы успели приготовиться к битве и встретить их на берегу?

— Об этом не беспокойтесь. Я знаю одну молодую леди, которая однажды прочитала мысли одного мерзкого ящера, живущего высоко в горах. Она не могла прийти в себя несколько дней...

— Значит, часовыми мы обеспечены.

— Да, но я вот еще о чем подумал.— Род нахмурился.— Почему до сих пор никто из колдуний ни разу не прочитал мысли этих варваров?

Туан остановился. Какое-то время он молчал. Затем лицо его озарила догадка.

— Может быть, потому, что варваров там не было?

Род с минуту сидел молча. Потом он вздохнул и пожал плечами.

— Почему бы и нет? По крайней мере, на Грамарии. Ведь на данной планете рос некий "ведьмин мох", очень чувствительный. К примеру, если телепат захотел, чтобы он превратился во

что-либо, то этот мох выполнял его пожелания. Да, скорее всего варваров здесь раньше не было. Поэтому, возможно, какая-нибудь старая нянька, обладающая телепатическими способностями и не догадывающаяся о собственной силе, рассказывала сказки, чтобы позабавить детей...

Да, не хотел бы он встретиться с этой нянькой.

— Послушайте, Ваше Величество... а что случится, когда наши часовые обнаружат их?

— Ну, тогда мы выступим против них с мечами в руках,— ответил Туан.

— Да, но... Грамарий— сравнительно большой остров. Вдруг варвары высадятся в таком месте, где мы их и не ждем?

— Ты прав.— Туан кивнул.— Я предвидел это, поэтому и приказал каждому лорду, чьи владения граничат с морем, выставить свое войско, готовое отразить удар противника. Тогда они смогут удержать их до тех пор, пока не подойдет моя армия, если, конечно, мы успеем вовремя... Но меня волнует не только это.

Действительно, потеряй барон своих воинов, он потребует часть королевской гвардии.

— Но нам может потребоваться несколько дней, чтобы прийти им на помощь.

— Верно.— Туан помрачнел.— Ты можешь придумать какое-нибудь заклинание, чтобы моя армия оказалась на поле битвы до того, как там появится армия противника, главный волшебник?

— Боюсь, что это не в моих силах.— Краем глаза Род смотрел на вооруженных воинов, растянувшихся по дороге и поблескивающих на солнце доспехами. Он представил на мгновение, как они садятся на космический корабль, отрываются от земли и... но тут же отбросил эту мысль, так как технология возможна только в единстве, а не по отдельности. Научи их делать одно, они очень скоро сообразят, как, к примеру, делать автоматическое оружие. И о какой демократии можно будет говорить в стране, где король обладает технологией тоталитаризма?— Но для этого совсем не требуется колдовство, нужен будет всего-навсего вооруженный отряд всадников.

— Как так?— Туан удивленно посмотрел на Рода. Для него "всадник" означал "рыцаря".

— Ну, может, это покажется вам странным, но вам не придется усаживать на коней командиров. Обычные солдаты тоже смогут с этим справиться.

Туан решил, что Род пошутил.

— Ну, разумеется, не следует доверять им своих лучших боевых скакунов,— быстро добавил Род.— Рядовые могут обойтись и пони, которые по скорости не уступают боевым коням, могут идти легким галопом, если доспехи не слишком тяжелы. Их можно разместить в Раннимеде, так как он находится как раз в центре острова. Вот тогда стоит моим

часовым-волшебникам подать сигнал, вам останется только крикнуть: "По коням!", и в течение десяти минут конный отряд будет готов двинуться в путь. Если переходить с галопа на шаг и поменять в дороге лошадей, они окажутся в любой точке Грамария в течение двух дней.

— А варвары высадятся на берег через день,— возразил Туан, покусывая губу.— Но так или иначе, идея неплохая. Тысячи людей будет достаточно, но варваров может быть больше. Я лучше размещу пять отрядов так, чтобы они в течение одного дня могли добраться до берега, при этом на отряд придется по две провинции.— Он улыбнулся Роду.— Будем надеяться на успех! И если уж пешие смогут ехать верхом, то тогда, прибыв на поле битвы, они спешатся и станут сражаться, как обычно!

Род понял, что король в данном случае, похоже, преследует свои цели: ведь таким образом бароны оказываются под его влиянием, хотят они того или нет. Но что еще он может сделать? Позволит варварам напасть на налогоплательщиков?

— Думаю, что наш план удастся, Ваше Величество!— ответил он.

— Вот еще что. Как насчет имени? Надо придумать имя!— Глаза Туана горели от возбуждения.— Солдаты будут сражаться лучше, если их войско будет названо каким-нибудь именем, которое вспомнят их потомки.

Туан прав, подумал Род, все эти мелочи на самом деле имеют огромное значение: честь, рыцарство и все такое прочее. Часто люди сражаются самоотверженнее именно за это. Раз Туан уверен, что его люди будут биться лучше, если их полк будет носить какое-нибудь звучное имя, что ж, Род согласен.

— Что если назвать Летучий Легион? Как вы думаете, Ваше Величество?

— Это и в самом деле будет армия, мой господин?— Гвен стояла рядом с ним на холме и смотрела на небольшую долину, где был разбит лагерь.

— Всего лишь головной отряд,— ответил Род.— В распоряжении Туана пешая пятитысячная армия, но они не знают, как обращаться с лошадьми. Здесь мы собрали со всего острова тысячу хороших всадников, которые знают, что такое война. Туан собирается набрать еще пять тысяч пехоты для основного войска.

Далеко внизу раздался крик лейтенанта, и его эскадрон понесся галопом навстречу другому незадачливому отряду с ивовыми мечами.

Гвен покачала головой.

— Не очень-то они искусны в бою, мой господин.

— Я же сказал, что они имеют небольшой боевой опыт, но сама видишь, какой.— Род взял ее под руку, и они пошли по склону холма.— Немного подучатся, и ты их не узнаешь. Надеюсь, что скоро это будет прекрасный конный полк. Кто

там?— Он остановился, увидев ярдах в пятидесяти впереди человечка в коричневом одеянии, который сидел, скрестив ноги, и держал на коленях огромную книгу. В правой руке у него было перо, а в левой чернильница.

— Похоже, это монах,— ответила Гвен.— Что тебя так обеспокоило, муж мой?

— Я что-то не помню, чтобы здесь когда-то был монах.— Род подошел к нему.— Доброе утро, отец.

— Доброе утро, добрый человек.— Монах повернулся в сторону Рода. Потом челюсть его отвисла, и он вскочил на ноги.— Да ведь это... главный волшебник!

— Осторожнее, не пролейте свои чернила.— Род протянул руку, чтобы поправить чернильницу.— Очень приятно, что вы узнали меня, но не стоило вскакивать с такой поспешностью.

— Что вы, я знаю вас как одного из самых великих людей, которые когда-либо ступали своей ногой по земле Грамария.— Весь он был какой-то кругленький: и живот, и лицо, и глаза.— Кто, как не вы, спасли королеву Катарину от толпы черни, покушавшейся на ее жизнь, и от банды баронов, позарившихся на ее трон?

— Ну, допустим, ее муж потрудился, как вы помните. Поэтому немалая заслуга во всем этом деле принадлежит и ему. Даже больше. Благодаря всей этой истории Туан и стал мужем королевы Катарины.

— Да, но его заслуга не так велика, как ваша,— прочирикал монах.

Род кашлянул: священник слишком уж много знает. Пора сменить тему.

— Что вы здесь делаете, святой отец?

— О!— Монах заглянул в свою книгу.— Да так, от нечего делать, господин волшебник, когда выпадает свободная минута, я описываю те события, что происходят вокруг меня.

— Хроники? Интересно! Значит, вы записываете все, что происходит?— Род не удержался от следующего вопроса:— А я там присутствую?

— Разумеется, господин волшебник! Разве история Грамария была бы полной без упоминания о вас?

— Что касается меня, было бы лучше, если бы он сидел дома,— заявила Гвен, встав рядом с Родом.— Но мне кажется, что вы не совсем правильно поняли вопрос моего мужа, святой отец.

— Да? О, конечно!— Род кашлянул и посмотрел на монаха.— Действительно, отец. Я спросил вас о том, что вы здесь делаете? Подразумевалось, здесь, вместе с армией, в данный момент. Так что вас привело сюда?

— Как же, спасение душ,— прозвучал невинный ответ.— Наш дорогой аббат назначил меня священником в пехоту короля. Однако Его Величество заявил, что у него их предостаточно, и отправил меня к вам.

— Да?— Род знал, что молодой король мог вынести все,

что угодно, но вид священника вызывал у него приступы тошноты.— Мне придется переговорить с Его Величеством, так как именно он направил ко мне летописца-любителя.

— Милорд!— Рядом с Родом остановился всадник.— Лорд О'Берин передает вам свое почтение, милорд. Он просил сообщить вам, что прибыли люди Логайра.

— Отлично!— Род схватил монаха за руку и энергично потряс ее.— Было приятно познакомиться с вами, святой отец, но мне нужно идти... Да, кстати, как вас зовут?

— Отец Чиллди. Не смею вас больше задерживать, господин волшебник, я всего-навсего монах, а вас ждут великие дела.

— Да, военные дела, знаете. Гвен, пойдем.— Он подхватил ее под руку, и они стали спускаться с холма.— После того нашествия варваров несколько воинов осталось живыми.

— Да? С удовольствием послушаю их.— Гвен вдруг нахмурилась.— Не сомневаюсь, что против них варвары применили колдовство.

— Если это так, то ты сразу поймешь это, послушав их рассказ.— Когда они спустились с холма, Род вспомнил о сыне.— А где Магнус?

Гвен с укором посмотрела на мужа.

— Ты лучше спроси, почему я здесь.

— Уже думал об этом, но так и не нашел ответа... я так обрадовался, что ты оказалась рядом со мной. Почему? Что сделал Бром?

— Он зашел к нам домой и сказал, что хватит сидеть и играть роль домохозяйки. Тоже мне, нашел детскую игру!

Род на мгновение задумался, вспомнив, как Гвен носилась по дому, убирая, подметая, прибирая, и как уставала она к концу дня.

— Ну что ж, он может сказать подобное,— ответил Род.— Ведь его дом убирает прислуга-эльф. Но он прав, дорогая, именно сейчас нам нужен твой дар. Пусть наша пещера немного запылится, ничего страшного.

Гвен пожала плечами.

— Что ж, раз речь идет о жизни нашего народа, то какое-то время можно обойтись и без дома. Но Магнус, однако, ждать не может, ведь мне приходилось проводить с ним почти все свое время.

— Да, знаю.— Род нахмурился.— А где наш малыш?

— Бром нашел с полдюжины нянек-эльфов. Они за ним присмотрят. Я отнесла его к ним в пещеру. На них можно положиться.

— Однако нелегко тебе это далось.

— Да, как я могу спокойно отдать своего ребенка в чужие руки?!— воскликнула Гвен.— Конечно, я зря беспокоюсь, там он под присмотром, и все равно я ничего не могу с собой поделать.

— Да, конечно, я тебя понимаю.— Род пожал ее руку.— Уверен, что Бром нашел надежных нянек.

Гвен не догадывалась, в какой степени можно было положиться на карлика, ведь он был ее отцом. Но Бром взял с Рода клятву, что тот никогда не скажет об этом Гвен, так как он стеснялся, что не вышел ростом. Он заботился о Магнусе, как о собственном ребенке, ибо это был его внук.

— Нет, Гвен, что ни говори, а Бром наверняка выбрал тех нянек, на кого можно полностью положиться. И не смотри, что они эльфы.

— Особенно если это эльфы.— Гвен искоса взглянула на него.— Кто еще сможет удержать нашего сына, волшебник?

— Только другой волшебник или волшебница.— Род улыбнулся.— Волшебница.

— Ты прав.— Взгляд ее смягчился.— Хотя многие из них так молоды, а те, кто прожил достаточно долго, превратились в отшельников и старых дев и перебрались жить высоко в горы. Нет, я доверяю эльфам Брома.

— Да и потом, кому еще мы смогли бы доверить своего ребенка?— Род развел руки.— Ты помнишь, он — Король эльфов.

— Да,— Гвен улыбнулась.— Знал бы Его Величество, чем на самом деле занимается его тайный советник!

— Он бы вышвырнул его из Совета. Хотя, кто знает, может быть сейчас они подписали бы с ним новый договор.

— Да, Бром — правая рука Туана.

— Магнус сейчас с эльфами, а я рядом с тобой.— Род вздохнул.— Мой сын, мой одаренный мальчик. Но ты ведь будешь иногда заглядывать к нему, правда?

— Разумеется, как только выпадет свободная минута, уверяю тебя!— Гвен остановилась и пристально посмотрела вдаль, потом кивнула и пошла дальше.— С ним все в порядке.

— Как хорошо читать мысли на расстоянии, не так ли?— усмехнулся Род.— Это тоже одна из причин, почему ты рядом со мной.— Он остановился у палатки Брома, кивнул часовым и приподнял полог.— После тебя, дорогая.

Внутри двое слуг стояли около длинного стола и держали подносы, полные яства. Несколько крестьян сидели на полу с полными ртами и держали в руках огромные кружки с пивом. По одну сторону стола сидел мужчина в пыльных одеждах, судя по которым можно было заключить, что это рыцарь без доспехов. Он тоже жадно ел, но не хватал еду пригоршнями. На другом конце стола сидел человечек ростом меньше трех футов, но с огромными плечами, мускулистыми ногами, длинными руками и огромной головой с космами черных волос и бородой. Он приподнял голову, когда вошел Род, и встал.

— Давно вас жду!— пробубнил он, подойдя к ним.— Род, я послал за тобой сразу же, как только они прибыли, скоро они насытятся и ты сможешь побеседовать с ними.

— Ну, нас не так-то просто найти.— Род сделал шаг к столу.— Кто этот господин?

— Сэр Рэджинальд де ла Плас, вассал герцога Логайра,— объяснил Бром.— Он привез нам этих крестьян. Сэр Реджинальд, познакомьтесь, это Род Гэллоуглас, главный волшебник.

— Господин волшебник!— Рыцарь вскочил.— Какая честь!

— Очень рад,— произнес Род, наклонив голову.— Моя жена, леди Гвендайлон.

Рыцарь поклонился Гвен.

— А эти бедные люди — жертвы,— Бром потрепал одного из крестьян по плечу.— Прошла неделя. У них сгорели дома. Где вы живете сейчас, добрый человек?

Крестьянин проглотил очередную пригоршню.

— Да... снова построили дома, милорд, не все, правда, но разве долго соорудить мазанку?

— Верно,— продолжал Бром.— Мне доводилось видеть, как быстро возводят они свои дома.

Род заметил, с каким недоверием осматривают его крестьяне.

— Ну, что ж, ближе к делу,— Род вздохнул.— Скажите мне, как выглядели эти варвары?

— Ой, это было что-то ужасное, милорд! Высокие, как дома, рогатые...

— И волосатые,— добавила женщина.— Все покрыты волосами.

— Но на лицах волос не было,— добавила другая.— У них не было и бород.

— Приехали они на драконе,— решительно заявил один из крестьян. Точно, на драконе... и уплыли на нем!

— Нет, они не животные!— воскликнула женщина.— Ты что, разве помнишь что-нибудь? Ведь ты лежал с расколотым черепом в луже крови!— Она повернулась к Роду.— Семеро наших мужчин умерло, милорд.

— Многих ранили,— пробормотала другая женщина,— и убили шестерых детей.

Род помрачнел

— Тогда о каких драконах он говорит?

— О кораблях, милорд! Всего-навсего о кораблях! Нос их корабля был украшен головой дракона.

— Корабли-драконы? Узкие и длинные?

— Совершенно верно!— воскликнула женщина.— Вы их видели, милорд?

— Да нет, только в книжках, но у тех, кто плавал на них, были бороды. Они не были волосатыми...

— А рога, милорд?

— Шлемы,— объяснил Род,— это были шлемы с рогами. По крайней мере, считалось, что они носят именно такие шлемы.

— Тогда это не они,— заявил один из мужчин.

— Нет,— согласился Род,— не думаю, что они приплыли бы к нам из своих родных мест. Они были настоящими моряками...

— Тогда почему эти варвары были одеты так же, как они, мой господин?— спросила Гвен.

— Потому что они наслушались сказок. Кстати, няньки любят рассказывать детям сказки о рогатых пришельцах на кораблях-драконах?

Крестьяне покачали головой, удивленные подобным вопросом.

— Значит, нет.— Род вздохнул.— Но если они не рассказывали таких сказок, то кто тогда?

— Но это был не просто корабль, вынырнувший из тумана при лунном свете, с дьяволами, изрыгающими проклятия и размахивающими дубинками...— пробормотал огромного роста крестьянин и дотронулся до повязки.

— Разумеется, нет,— согласился Род.— Именно поэтому они и вырубили на носу корабля дракона... чтобы испугать...— Он вдруг оглядел всех присутствующих.— Подождите-ка! Ну, конечно! Тот, кто рассказывал вам о драконах-кораблях и рогатых шлемах... Да, конечно, мог рассказать и им! Таким образом он помог им выбрать способ, чтоб напугать несчастных людей, таких, как вы. Так или иначе, если речь идет о викингах...

— А кто такие викинги, милорд?— спросила одна из женщин.

— Рогатые пришельцы, о которых я вам говорил.

— Они могли замораживать людей взглядом?

Род покачал головой.

— Нет, конечно же, нет... хотя мне кажется, что были бы не против... Вы имеете в виду, что эти бандиты могли это делать?

— Мы застыли на месте, словно окаменели,— прогремел мужчина.— Один из них посмотрел мне в глаза, и я вдруг почувствовал, что взгляд его пронзил меня насквозь. Я попытался сдвинуться с места, но не смог.

— Да ты просто испугался,— воскликнула вторая женщина,— застыл, будто кобру увидел.

Мужчина покраснел.

— Ты что, была рядом с нами, женщина? Или ты смотрела им в глаза? Да, не скрою, их светящиеся глазки испугали меня... но и до этого мне доводилось испытывать страх в бою, когда наш молодой лорд Ансельм устроил заговор и...— Он встретился взглядом с Бромом.

— А его младший брат теперь король,— пробубнил Бром.— Никто не винит тебя за это, добрый человек. Ведь у тебя не было выбора. Когда твой лорд решает начать сражение, ты не вправе раздумывать, ты должен участвовать в битве. Но в этой битве страх сковал тебя, так?

— Нет, лорд!— крестьянин покачал головой.— Я замахнулся своим копьем, но, когда дикарь посмотрел на меня, я так разозлился, что не смог пошевелить рукой! Я приказывал ей, пытался изо всех сил поднять ее, но...— Его передернуло.— Господь Бог спас меня! Да не приведи Господь к тому, чтобы

я снова когда-либо испытал подобное! Стоять и смотреть, как на тебя кидаются с огромной булавой...— Он закрыл глаза и отвернулся, качая головой.

— Успокойся, все позади.— Род сжал его плечо.— Ты вел себя как и подобает воину, добрый человек. Ты сделал все возможное.

— Это был Дурной Глаз,— сказал человек.— Колдовство.

Род вопросительно посмотрел на Гвен.

— В сказках говорится,— медленно ответила она,— что колдуны и колдуньи могут замораживать человека своим взглядом. Но мне никогда не доводилось иметь дело с подобной силой.

— Действительно, странно, ведь ты знаешь многих колдуний Грамария,— проговорил Род, повернулся к крестьянину и кивнул.— Значит, наш враг — это что-то новое, неизвестное. Но если бы не ты, добрый человек, мы бы не знали этого. Приносим тебе свою благодарность.

— Всегда готов служить вам, сеньор,— Огромного роста крестьянин чуть приободрился и даже улыбнулся Роду.— Значит... значит, все это было настоящим?

— Рана на твоей голове ведь настоящая?— спросил Род.— Значит, настоящими были и булава, и тот, кто ей размахивал. Что касается Дурного Глаза... ну, когда даже испытанный в боях воин застывает от него, то это действительно он и есть.— По крайней мере, на этой планете,— подумал он.

— Благодарю вас, милорд.— Крестьянин одарил его белозубой улыбкой.

— Не беспокойся, я бы тоже застыл на месте, как и ты.— Род снова похлопал его по плечу и повернулся к Гвен:— Ты знаешь какие-нибудь заклинания против Дурного Глаза?

Только она открыла рот, чтобы ответить мужу, как вдруг у нее на руках очутился ребенок.

— Мама! Я нашел тебя, мама! Нашел! Нашел!

Гвен удивленно уставилась на ребенка. Потом лицо ее озарила счастливая улыбка, и она прижала его к себе.

— Ах, это ты, непослушное дитя! Нашел свою маму, прочитав ее мысли?

— Да.— Ребенок кивнул, радостно улыбнувшись.

— Телепат?— Род тоже очень удивился.— Мой сын умеет читать мысли на расстоянии?

— Убежал от нянек!— воскликнул Бром.— Что за ребенок!

Какое-то крошечное существо вошло в палатку и засеменило к Брому.

— Прошу прощения, Король эльфов!— Крошечный человечек был ростом около полутора футов, широкоплечий, с низким голосом.— Эльфы не смогли удержать ребенка, ему надоели их игры, и он улетел. Никакие заклинания не смогли его вернуть.

— Тогда вам нужно придумать что-нибудь новенькое,— ответил Бром.— Хотя этого ребенка вряд ли что-либо может удержать, если он того не захочет.

— Ой, какой ты непослушный мальчишка!— начала отчитывать Магнуса Гвен. Он улыбнулся в ответ.

— Когда он исчез, я нашел его через полминуты,— сказал эльф.

— Не спускай с него глаз,— буркнул Бром.— Скажи нянькам, чтобы с ним обращались понежнее, Робин.

— Непослушный ребенок!— продолжала Гвен.— Однако я очень рада тебя видеть, ты же знаешь, как твоя мамочка любит тебя. Но у меня сейчас очень важное дело, радость моя, как бы я ни хотела быть рядом с тобой. Возвращайся к своим нянькам, оставайся там, пока я тебя не позову.

— У-у-у,— захныкал ребенок и затряс головой.

— Магнус.— Гвен постаралась придать голосу твердость.

Но Бром прервал ее:

— Ну-ка прекрати, молодой человек! Ты что, никогда не слышал о злых духах?

Ребенок удивленно посмотрел на него своими голубыми глазами.

— Никогда?— пророкотал Бром.— Да, плохо вы занимались воспитанием ребенка, если он даже не знает о тех, кем всегда пугают маленьких детей!

— Не вижу никакой пользы от таких историй,— возразил карлику Род.— Нельзя запугивать детей до смерти, чтобы они боялись всего на свете. Если я предлагаю ему хорошо себя вести, он слушается меня, потому что верит мне. И для этого совсем не обязательно привлекать злых духов.

— Молите Господа, чтобы это было так. Посмотрим, поверит ли он мне!— рыкнул Бром.— Зачем лишать ребенка таких волнующих детских страхов перед ужасными чудищами, которых на самом деле вовсе и не существует? Злой дух, мой мальчик,— это такой огромный неуклюжий детина, весь покрытый волосами, с маленькими светящимися глазками и длинными острыми зубами!

Магнус аж взвизгнул от удовольствия.

— Да-да!— Бром потряс в воздухе указательным пальцем.— Злые духи такие страшные и злые, они ищут непослушных детей и их родителей! Твои мама и папа должны будут сразиться с ними, чтобы прогнать их с нашей земли. А ты должен пока пожить без них, подождать, пока они не справятся с ними.

Магнус смотрел на Брома широко открытыми глазами, начиная понимать, что к чему.

— Поэтому возвращайся к своим нянькам!— Бром похлопал в ладоши.— Спрячься там и подожди своих родителей! Пока ты с няньками будешь в безопасном месте, они прогонят злых духов с нашей земли!

Магнус покосился на Гвен.

— Беби пойдет с вами?

Нет, Магнус,— решительно ответила Гвен, развернув его

к себе, чтобы посмотреть ему в глаза.— Ты должен сделать так, как сказал тебе дядя Бром...

Род заметил, как лицо карлика едва заметно помрачнело.

— ...а дядя Бром говорит, что ты должен вернуться к эльфам, к своим нянькам. Потерпи немного, пока твои мама и папа не прогонят этих чудищ. Я позову тебя, как только смогу, и мы поиграем с тобой. Ну, как, летишь?

Ребенок нехотя кивнул.

— Вот какой хороший мальчик!— Гвен поцеловала его.— Ну, тебе пора!

Магнус посмотрел на Рода, который потянулся за его пухлой ручкой, ...но схватил лишь воздух, так как Магнус мгновенно исчез.

— Дети понимают больше, чем мы от них ожидаем,— сказал Бром, потом нахмурился, посмотрев на крестьян.— Что вы так уставились? Никогда не видели ребенка?

Мужчины виновато посмотрели на Рода, потом женщины вздохнули, и одна из них обратилась к Гвен.

— Вам, наверно, тяжело с ним управляться, леди! Слава тебе Господи, что у меня обычный ребенок!

— Я умею обращаться с ним должным образом,— ответила довольная Гвен.— Но действительно, благодари Бога.

В палатку вошел один из охранников.

— Милорды, Его Величество просит пожаловать к нему.

Бром нахмурился.

— А в чем дело?

— Волшебницы передали сообщение, милорд. Корабль-дракон плывет к Бурбону.

Через полчаса, когда основная армия сворачивала палатки и собиралась в путь, Летучий Легион уже скакал галопом на восток. Род был впереди, рядом с ним ехал юный волшебник Тоби.

— У меня не было времени подробнее расспросить тебя, Тоби. Кто услышал приближение варваров?

— Матильда, милорд. Она вместе с сестрой Марион полетела на восток и поселилась на вершине скалы в доме, который построил для них лорд Габсбург, как приказал Его Величество.

Род кивнул.

— Они по очереди сидели и читали чужие мысли, так?

Тоби кивнул.

— Как приказал Его Величество: час слушать, час заниматься другими делами, потом опять час слушать и т. д.— Он посмотрел на Рода.— Ведь именно вы сказали Его Величеству, как использовать нас, да?

Род нахмурился и покачал головой.

— Что я знаю о прочтении чужих мыслей, Тоби? Идея принадлежит Гвен. Так кто же зафиксировал мысли варваров: та, что была на посту, или обе сразу?

— Та, что отдыхала, волшебник. Она спала и вдруг с криком подскочила.

— Та, что спала?— Род уставился на него, потом медленно кивнул.— Что ж, может, ее телепатические способности обостряются именно во время сна.

— Иногда мы видим сны, которые видят другие,— согласился Тоби.

— На самом деле? Хм! Вот бы мне так... могло бы пригодиться.

— А разве Гвендайлон не слышит ваши мысли, когда спит?— осторожно спросил он.

Род покачал головой.

— Ни когда спит, ни когда бодрствует. Похоже, я невидим для телепатов.— Он постарался придать своему голосу твердость и не выдать свои чувства к Гвен.— Так что увидела Матильда во сне?

— Ей приснилось, что она затащила на корабль-дракон весло, а затем она услышала, как атаман разбойников говорит о старых богах, которым они поклонялись раньше, и о новом Боге, которого они почитают сейчас. Новый Бог показался ей каким-то монстром, хотя представить себе его она не смогла.

— Что же, неудивительно. Разве тебе самому не доводилось лишь представить что-то, и все вдруг становится сразу понятным, а на словах это выразить невозможно?

Тоби нахмурился.

— Конечно, доводилось, хотя я как-то не задумывался об этом. Та мысль, которую уловила Матильда, длилась не дольше такой вот вспышки.

— На самом деле?— Род напрягся.— Действительно странно. Она при этом испытала какое-нибудь сильное чувство?

Тоби кивнул.

— Очень сильное. Страх и ужас. Душа варвара на секунду взмыла в небо к старым богам. Потом, когда он понял, что делает, он оборвал свою мысль. Но этого оказалось достаточно, чтобы разбудить Матильду. Она с криком проснулась.

— Небольшое чудо, но о многом нам говорит.

— Да. О том, что варвары приближаются к восточному побережью.

— Более того, у этих дикарей есть религия. А мы и не догадывались об этом.

— Признаться, мне так и казалось,— сказал Тоби.

— Теперь мы знаем, что они обратились в другую веру и что по крайней мере один из них не принял нового Бога всем сердцем. Интересно, что из себя представляет это новое божество, которому они теперь поклоняются? И какие методы используют их миссионеры?— Род задумался.— Но что самое важное, мысли варваров можно прочитать только в момент их сильного эмоционального потрясения, а значит, напрашивается следующий вывод: они могут скрывать свои мысли.

Тоби нахмурился.

— Почему вы так решили?

— Да ведь ты сказал, что, как только дикарь понял, о чем он думает, мысль его оборвалась. А это означает одно из двух: либо он постарался скрыть свои мысли, либо прочитать его мысли можно только в момент эмоционального потрясения.

— Да, вы абсолютно правы!— Тоби посмотрел на Рода широко раскрытыми глазами.

Род смутился, он не любил, когда им в открытую восхищались. Это возлагало на него некую ответственность...

— Мне кажется, что скорее всего они могут скрывать свои мысли. Должно быть, ими двигали некие сильные эмоции, когда они напали на землю Логайра, но ни одна колдунья не смогла считать их мысли.

— И в разгар битвы ни один из них ни о чем не подумал?

Род кивнул.

— Скорее всего дело обстояло иначе. Возможно, их мысли можно прочитать только тогда, когда они как бы посылают их наружу. Та мысль, что услышала Матильда, была больше похожа на молитву: ведь он мысленно обращался к своему Богу...

— Тогда остается только радоваться тому, что среди них есть такой истинно верующий.

— Да, должно быть, в тот момент его старые боги находились от него далеко, раз ему пришлось с такой силой посылать к ним свои молитвы.

— Но разве можно увидеть Бога?— Тоби выглядел озадаченным.— Ведь это всего-навсего мечта.

— Верно подмечено,— согласился Род,— но варвары могут об этом и не знать. Особенно если они поклоняются идолу... Хм! Ты заставил меня задуматься...

— О чем, господин волшебник?

— Об их новом божестве. Интересно, насколько он нов? Чего он хочет от тех, кто ему поклоняется?

Глаза Тоби вдруг затуманились.

— Господин волшебник... послание от Марион... корабль-дракон не повернул к берегу, он миновал земли Бурбона...— Он сосредоточился, затем взглянул на Рода.— Варвары плывут на север.

— Значит, скоро мы услышим вести с севера. Сержант!— крикнул Род через плечо.— На следующей развилке сворачивайте налево!— Он повернулся к Тоби.— Передай сообщение Его Величеству.

— Слушаюсь, господин волшебник.— Тоби закрыл глаза. Род молча наблюдал за ним несколько минут до тех пор, пока юный волшебник не открыл глаза.— Его Величество поворачивает основную армию на север. Он очень доволен новым способом сообщения между частями армии.

— Надо полагать. Любой средневековый командир отдал бы свою правую руку, чтобы иметь такие преимущества. Знаешь, Тоби, когда мы покончим со всем этим, я предложу Его

Величеству установить службу посыльных из волшебников и волшебниц. Разумеется, только для королевских сообщений.

Тоби помрачнел.

— Не думаю, что всем это понравится, господин волшебник.

— Конечно, но ты должен признать, что это обеспечит работой многих из тех, кто обладает даром телепатии.

— Согласен, хотя эта мысль не доставляет особой радости.

— Разумеется, следует сразу же обговорить, чтобы рабочий день не превышал восьми часов, чтобы у вас было право выбора, чтобы вас не заставляли работать без вашего желания. Нет, все это пригодится в случае опасности, но в мирное время, наверное, не стоит прибегать к подобным мерам.

— Кроме ваших сообщений, разумеется,— добавил Тоби.

— Ну конечно. Но это совсем другое дело, правда? Я имею в виду то, что я практически ваш сородич.

— По браку,— согласился Тоби.— Но вы и так волшебник.

Род открыл было рот, чтобы возразить, но что могло измениться от этого, и он промолчал.

Солнце вот-вот должно было опуститься за горизонт, когда Род приблизился к прибрежным владениям Романова.

— А теперь шагом, сержант! Пропустить народ! Мы здесь для того, чтобы защищать их, а не пугать!

На дороге столпились крестьяне с огромными тюками на спинах. Почти все были с тележками, в которые они свалили свой скарб. Род выругался:

— Они бы еще дома́ с собой прихватили! Ладно хоть не обратились в паническое бегство. Вот еще одно подтверждение преимущества наших средств связи.

— Какое, господин волшебник?— Тоби натянул вожжи, позволяя крестьянам пройти.

— Благодаря вашей Волшебной Системе Предупреждения они успели благополучно эвакуироваться. Даже не забыли прихватить все необходимое.

Летучий Легион по примеру Рода и Тоби прижался к обочине дороги. Но крестьяне, увидев их приближение, тоже уступали дорогу, сжимаясь поплотнее.

— Да спасет Господь Бог главного волшебника и его легион!— раздался чей-то голос, и весь поток беженцев присоединился к нему.

Солдаты улыбнулись и чуть выпрямились в седлах.

— Всем нравится, когда их ценят,— заметил Род.

Кто-то схватил Рода за ногу. Он глянул вниз и увидел старческое бородатое лицо.

— Выгоните их, господин волшебник! Почему вы позволяете им посягать на наши земли?

— Немедленно уйди с дороги!— какой-то юнец стал оттаскивать старика от Рода.— Люди рискуют своими жизнями, а ты торопишь их!— Род улыбнулся юноше, и лицо того

засветилось ответно.— Да благословит вас Господь, господин волшебник!

— И так будет всегда, не так ли?— тихо спросил Тоби.

Род кивнул.

— Всегда найдется кто-то, в чьих силах успокоить людей, чтобы нам не мешали ехать дальше и делать свое дело.

Пробравшись сквозь толпу крестьян, они очутились на морском берегу. Наступили сумерки. Впереди они увидели большую группу людей, которые тревожно переглядывались, прислушиваясь к стуку копыт. При виде Летучего Легиона их тревогу сменила радость. Род помахал им рукой и пробормотал:

— Галопом, Векс. Сделай все как следует. Отыщи их офицера и остановись в шаге от него.

Черный стальной конь перешел на галоп, пронесся мимо толпы и остановился как вкопанный рядом со всадником, облаченным в кольчугу и плащ.

— Приветствую вас, сэр! Я Род Гэллоуглас, главный волшебник, а это Летучий Легион Его Величества.

— Вы подоспели вовремя!— ответил рыцарь.— Хвала королю Туану за оказанную поддержку!— Что ж, неплохо сказано, если вспомнить, что три года назад этот человек, скорее всего, выступал вместе со своим лордом, герцогом Романовым, против королевской армии.— Разрешите представиться. Станьков,— он учтиво поклонился.

— Мы всего-навсего подкрепление,— сказал Род.— Не хотелось бы нарушать ваши планы боевых действий, можете распоряжаться нашим легионом по своему усмотрению. Могу я узнать, каковы ваши планы?

— Да что там можно было планировать? С сотней-то воинов?— рыцарь беспомощно развел руками.— Их Величества, да благословит их Бог, позволяют нам только такое количество — и на том спасибо! Но что можно сделать с таким войском? Выстроить солдат в одну линию и ждать?

— Вы правы. Со мной двести закаленных в боях всадников. И ваши воины, надеюсь, не первый раз держат в руках копья?

Станьков кивнул:

— Все они прошли проверку боем. Эти ребята не из тех, кто убежит с поля битвы.

— Тогда прикажите им занять позиции подальше от береговой линии и ждать следующей команды. Корабль-дракон только один, по крайней мере, волшебницы ничего не сказали о других.— Он задумался.— Я допустил оплошность, Тоби!

— Что случилось, господин волшебник?

— Скажи, кто-нибудь летал к ним на корабль? Ведь нам нужно знать, сколько их.

Глаза Тоби на какое-то время затуманились, потом он покачал головой:

— Нет, милорд. Никто не додумался до этого.

— Тогда это нужно сделать сейчас же, хорошо?

— Хорошо, милорд!— Тоби пулей взлетел в воздух и исчез

в облаках. Станьков проводил его взглядом, открыв от изумления рот. Род улыбнулся.

— Хм. Да, могут возникнуть проблемы, не так ли?

— Не завидую варварам! Что за сказочную силу вы применили, господин волшебник?

— А, вы имеете в виду Тоби? Он отличается от остальных. Другие воины — обычные люди.— Род вдруг подумал, насколько верно это высказывание по отношению к жителям Грамария.— Вас не беспокоят эти облака?

— О!— Станьков только сейчас заметил облачность.— Да, похоже, дождевые. Мне приходилось несколько раз сражаться под дождем.

— Мне тоже; надо сказать, занятие не из приятных. Но мы не можем послать на корабль своего парламентера и попросить варваров приплыть к нам как-нибудь в другой раз, в один из погожих деньков, не так ли? Но мы можем удивить их, господин Станьков, если разместим ваших людей подальше от береговой полосы, а мои люди укроются вон за теми скалами,— он показал на груду камней слева.— И вон там, за деревьями,— он показал на небольшую рощицу справа, которая доходила почти до кромки воды.

Станьков повеселел.

— Тогда, когда варвары пойдут на моих людей, ваши смогут окружить их, и они окажутся в тисках.

— Да, это было бы неплохо,— заключил Род.— Хотя не исключено, что, увидев на берегу два таких хороших естественных укрытия, они могут заподозрить неладное.

— Да, вы правы...

Щеки Рода коснулся легкий ветерок, и раздался голос Тоби:

— Только один корабль, господин волшебник.

Станьков чуть не проглотил собственную бороду.

— Ему пришлось слетать туда, потому что он не знал точного расположения корабля,— объяснил Род.— Но теперь, возвращаясь назад, он точно знает, где мы находимся, и может посылать телепатические сигналы. Это очень быстро.— Он повернулся в направление голоса Тоби.— Сколько там человек?

— На палубе человек сто. Может быть, их на самом деле побольше, хотя не думаю: корабль среднего размера.

— В этой битве можно было обойтись и без нас,— заметил Род.— Но, быть может, мои люди чуть убыстрят ход событий, помогут сохранить несколько жизней...

— Согласен,— Станьков почесал нос.— Пленных будем брать?

— Что?— Похоже, настроение у господина Станькова явно улучшалось, Род это сразу почувствовал.— Брать пленных? Разумеется!

— Станьков кивнул:

— Я так и думал. Ведь нужны сведения о враге; мы заставим их говорить.

— Ну, и это тоже,— согласился Род.— Но больше всего

мне хотелось бы узнать, разговаривают ли они вообще. Как далеко они от берега, Тоби?

— Примерно в полумиле, милорд.

— Пора занимать позиции.— Род поскакал к своим воинам и прокричал:— Занять позиции!

Приблизившись к Летучему Легиону, он заметил, что местные защитники заняли позиции там, где он приказал. Отлично.

— Сэр Лайонелл! Сэр Хампден!

— Да, милорд,— отозвались оба лейтенанта одновременно.

— Сэр Лайонелл, вы со своей сотней скачите к тем камням. А вы, сэр Хампден,—вон к тем деревьям. На противника нападете, когда услышите звук рога.

— Есть, милорд!— Двое лейтенантов развернулись и отдали приказы своим сержантам. Сержанты передали распоряжения лейтенантов в свои сотни, и на берегу раздался топот копыт. Через пять минут все стихло. Род повернулся и, махнув Станькову, поскакал к скалам.

Морской берег опустел, воцарилась тревожная тишина. Начал накрапывать дождь, на море опустился туман. Солдаты Станькова заволновались, стали перешептываться. До Рода донеслись обрывки фраз его собственных солдат.

— Тоби, слышны ли тебе какие-либо мысли варваров?

— Нет, господин волшебник.— Тоби закрыл глаза и сосредоточился.— Даже тот, кто обращался мысленно к Богу, больше не молится.

— Значит, нельзя определить, как близко они от нас? Но в любом случае ждать осталось недолго.

Вдали прогремел гром. И тут появился корабль — он вынырнул из тумана без единого звука — высокий, длинный дьявол с широко раскрытой пастью и свирепыми рогами на лбу... По палубе молча двигались фигуры. Род затаил дыхание. Дракон причалил к берегу, уткнувшись носом в песок. С его спины начали спрыгивать варвары — приземистые, неуклюжие, в рогатых шлемах, с круглыми щитами и тяжелыми топорами в руках. Род прищурился, пытаясь разглядеть все в деталях, но тщетно. Он видел лишь силуэты.

— Позволь мне сражаться, господин волшебник,— прошептал Тоби ему на ухо.

Род прижал палец к губам и решительно тряхнул головой. Этот юнец собрался нарушить все планы? Род готов был поклясться, что лейтенанты, несмотря на разделяющее их расстояние, услышали этот шепот. И хотя Тоби мог прочитать его мысли, Роду пришлось утихомирить его взглядом и жестом. Юношу распирало от желания отличиться в бою, но Род не мог позволить себе лишиться такого помощника, ему отведена была иная роль во всей этой игре. Юноша надулся и отошел.

Род посмотрел на берег как раз в тот момент, когда варвары заметили солдат Станькова. Раскаты грома не давали услышать, обменивались ли они хоть словом. Быстро рассредото-

чившись по берегу, они выстроились в одну линию и начали медленно продвигаться вперед. Несколько солдат Станькова, не выдержав напряжения, пошли навстречу дикарям. Он закричал им вслед, заставляя вернуться в строй. Остальные солдаты приготовили свои копья и поджидали врага. Варвары были уже на полпути к ним. Род мог различить гулкие раскаты их голосов. Они начали понимать, что что-то тут не так; в голосах появилась тревога, они остановились. Кто-то дернул Рода за рукав. Он посмотрел на солдат Станькова. То там, то здесь люди, застыв на месте, роняли из рук копья. Они стояли, словно прикованные к земле, в самых невероятных позах. Род понял, что они, забыв о предостережении, посмотрели врагу в глаза. И теперь они превратились в изваяния, их заморозил Дурной Глаз. Значит, он действительно существует! Это не выдумки, не плод воображения! Но часть солдат Станькова, как предупреждал Род, смотрели на руки или на ноги врагов, оставаясь по-прежнему опасными для них. Варвары не двигались с места — похоже, им было не очень-то по душе сражаться на равных. Они поглядывали друг на друга, наклонив головы, явно чего-то выжидая. Но чего?

Неожиданно дикари начали издавать низкие рокочущие звуки. Род вдруг понял, что они зовут кого-то. Он напряг слух, пытаясь расслышать имя того, к кому они взывали. Было ясно, что они в унисон выкрикивают одно и то же слово. Род покачал головой, он не мог понять, что оно могло означать на их языке. Похоже, они кричат: "Кобальт, Кобальт, Кобальт". Но это просто смешно — с их-то уровнем техники, что они могли знать об атомной бомбе, о расщеплении атомного ядра...

Гремел гром, берег озаряли вспышки молнии. Потом вдруг наступила кромешная тьма, которую рассекла ослепительная вспышка. Род пристально всматривался в поле боя сквозь пелену дождя. О, Боже! Люди Станькова застыли на месте! Довольные раскаты грохочущих голосов раздались из строя варваров, и они двинулись вперед. Род понял, что они так смеются. Его охватил ужас. Но шли они очень медленно. Почему? Не хотели приближаться к противнику? И вдруг солдаты Станькова, не поднимая копий, сделали шаг навстречу врагу, потом еще один, и еще... и так, шаг за шагом, они шли на верную гибель!

Род ощутил удар в плечо. Он успел схватить Тоби как раз вовремя. Юного волшебника охватила ярость, глаза его затуманились. Он настроился на мысли солдат, которых заморозил Дурной Глаз. Вдруг Род увидел, как один из солдат Станькова споткнулся и остановился; вздрогнув, он огляделся по сторонам, при этом на лице его отразился невыразимый ужас, видимо, он понял, что произошло. В отчаянии он нацелил на врага копье и пошел на варваров. За ним еще один солдат вышел из оцепенения. Род покосился на Тоби. Этот молодой идиот все-таки нашел способ сразиться с врагом! Снова раскаты грома и вспышка молнии. Солдаты опять застыли,

а тело Тоби конвульсивно дернулось, потом он обмяк и закрыл глаза. Род растерялся. Он нащупал артерию на шее юноши — пульс есть. Опустив молодого волшебника на землю, Род позвáл:

— Векс!

— Я здесь, Род.— Огромный черный конь вынырнул из темноты.

— Стой рядом с ним и защищай.

— Но, Род...

— Никаких „но"!— Род повернулся и поспешил на поле битвы, обнажив свой меч.— Летучий Легион! К бою!

Векс вздохнул и встал над неподвижным Тоби, так что юный волшебник оказался под его черным стальным телом.

Род подоспел к солдатам Станькова как раз вовремя: лишенные воли, они снова стали двигаться навстречу варварам. Он перевел взгляд с одного на другого: их глаза ничего не видели. Воодушевленные варвары пошли в атаку, издавая странные грохочущие звуки, означающие у них смех. Род видел, как они неуклюже бежали вперед. Заставив себя оглянуться на спотыкавшихся солдат Станькова, он снова перевел взгляд на дикарéй: сквозь сетку дождя они казались огромными, приземистыми тенями. Вспышка молнии озарила небо, и дикари издали победный клич. Род застыл на месте, так как в первый раз отчетливо увидел варвара. И, увидев, он узнал его! Неандерталец. Ошибки быть не могло — покатый лоб, четко выраженные надбровные дуги, челюсть без подбородка, бугор у основания черепа... Его охватило сильное желание заглянуть одному из них в рот и посмотреть на его зубы. Потом его вдруг бросило в жар. Откуда взялись неандертальцы на Грамарии?

Он заметил, как к нему приближаются два дикаря, размахивающих из стороны в сторону булавами. Он успел отскочить, и одна из них просвистела всего в нескольких дюймах от него. Род изогнулся и кинулся с мечом на одного из нападавших. Тот встретил удар круглым щитом. Род посмотрел в маленькие поросячьи глазки, выглядывавшие поверх щита,— казалось, они увеличиваются в размере, ярко сияя, и это свечение проникает в мозг, оставляя за собой опаленный холодным пламенем след, который не обжигает, а замораживает. Он почувствовал, как притупляются все чувства, как холодеет мозг. Он вдруг увидел, что огромная булава снова заносится для удара, но все это уже не имело никакого значения. Главное — вот это яркое свечение в самом центре глаз...

Вдруг раздался пронзительный крик, заглушивший все звуки битвы,— такой, пожалуй, могла издать только валькирия, если бы ей было дозволено напасть на врага. В голове разлилось тепло, яркое сияние постепенно исчезло, и он снова увидел перед собой пару глаз... глаз воина-варвара, чья огромная булава должна была вот-вот опуститься на его, Рода, голову. Он отпрянул, обнажив меч, и булава просвистела рядом

с ним. Прикрываясь щитом, враг снова замахнулся булавой и зарычал. Род сделал шаг вперед и ударил его по лицу. Щит встретил удар, и тогда Род ударил ниже. Он ранил варвара — на бедре у того остался яркий красный след. Дикарь заорал, схватился за ногу и рухнул на землю. Род перевел взгляд на поле битвы и в тот же миг увидел занесенный над собой топор и страшный оскал (он оказался прав, расположение зубов подтверждало его догадку — это были неандертальцы). Род увернулся от удара. Где-то высоко над ним снова закричала валькирия — на этот раз он узнал этот крик. Он слышал такой на прошлой неделе, когда Гвен застала Магнуса за очередной его шалостью — он усилием воли переносил кувшин с плиты в манеж. Черт, неужели она не понимает, что он не будет сражаться лучше, если начнет беспокоиться еще и за нее?

С другой стороны, она в безопасном месте, а варвары вооружены только булавами и топорами, у них нет стрел... Он снова замахнулся мечом и нанес удар еще одному неандертальцу. На него с ревом кинулось сразу четверо. Род успел заметить за ними на берегу горы трупов, кровь быстро впитывалась в песок. Ярость охватила его, он стал размахивать мечом, разя направо и налево. Один за другим стали выходить из оцепенения солдаты. Увидев своих товарищей по оружию мертвыми, они с дикими криками кинулись на противника. Один из дикарей оглянулся, и Род с размаху нанес ему сильный удар. Тот закричал и упал на землю. Его товарищи оскалили зубы и двинулись на Рода. Ему на помощь подоспели двое солдат. Получивший мгновенную передышку, Род метнулся в сторону и успел нанести смертельный удар ближайшему из дикарей. В это же время один из подоспевших солдат набросился на замахнувшегося на Рода булавой дикаря и пронзил его насквозь. Последний из нападавших дикарей в отчаянии бросился на солдат. Род предупреждающе закричал и кинулся ему наперерез. Тот обернулся и напоролся на меч. Солдат, убивший врага мечом, издал победный крик и побежал к своим. Борясь с приступом тошноты, Род пошел за ним, повторяя про себя: „Не время для слабости". Он должен напомнить солдатам о глазах врага. „Нельзя смотреть им в глаза! Нельзя!",— твердил Род как заклинание. И тут же половина солдат, встретившись взглядом с глазами противника, застыла на месте.

Но снова пронзительно закричала валькирия, и воины очнулись. Их копья нацелились на врага как раз в тот момент, когда нужно было отразить удары топоров... Вспышка молнии, раскаты грома. Род снова увидел, как солдаты застыли на месте. Высоко в небе раздался разъяренный вой.

— Гвен!— закричал Род. Он посмотрел в небо, пытаясь разглядеть что-либо в темноте, и вдруг заметил, что вниз устремилась темная тень. Он метнулся в сторону, потом побежал вперед, не отрывая глаз от стремительно приближающегося и с каждой секундой увеличивающегося силуэта...

Потом удар — боль отдалась в голове, пронзила спину

и бока, из глаз посыпались искры. Раздался хруст, словно ломали деревья... Грудь сдавило, нечем стало дышать. Он судорожно глотал воздух. И вдруг явственно уловил аромат тех духов, что подарил Гвен на Рождество. Он посмотрел на ту неуправляемую ракету, что сбила его с ног, и на тот кустарник, что спас ему жизнь. Его переполнило чувство благодарности к этому кусту, потому что, хоть Гвен и была хрупкой с виду, удар был основательный, ведь она свалилась на него со скоростью двадцать миль в час. Он с трудом распрямился, поднял свою жену и осторожно уложил под соседний куст. Оглядев ее с ног до головы, он убедился, что с ней все в порядке — руки-ноги целы. Завтра наверняка выступят синяки... Она была без сознания, но Род был уверен, что она потеряла его до того, как упала.

Дождь промочил их насквозь. Он вспомнил последнюю вспышку молнии и оглянулся, чтобы осмотреть берег. Сквозь пелену дождя Род едва различал застывшие фигуры и те, что начинали оживать. Очередная вспышка молнии озарила тех, кто продолжал яростно сражаться с противником. Они старались не смотреть в глаза варваров, только на их руки или оружие. Но их оставалось так мало! Род взвалил Гвен на плечо и поплелся к своему коню.

— Векс! Откликнись!

— Поверни к морю, Род,— раздался голос робота у него за ухом.— Пройди пятьдесят футов... теперь поверни направо... еще двадцать футов... Остановись!

Род остановился. Он протянул руку и ощутил искусственный конский волос.

— Как хорошо, что твои глаза чувствительны к инфракрасному излучению,— пробормотал он. Перекинув Гвен через седло, Род опустился на одно колено и вытащил из-под коня Тоби, ухватив его за плечи. Он слегка похлестал его по щекам.— Давай, приятель, просыпайся! Ты поработал на славу, хоть и не подчинился приказу. А теперь пора убираться отсюда.

— Что... Где...— Веки Тоби дрогнули, затем он посмотрел на Рода, превозмогая ужасную головную боль.— Господин волшебник! Что...

— Ты решил ввязаться в битву, и сам очутился в нокауте,— объяснил Род.— Гвен попыталась сделать то же самое — результат точно такой же. А теперь нужно убираться отсюда, пока мы не лишились наших последних солдат. Давай, приятель... в воздух. Пора!

Тоби помрачнел, потом медленно кивнул. Он закрыл глаза, лицо его сосредоточилось, и он неожиданно исчез. Раздался только свист. Род запрыгнул на коня, обхватил одной рукой жену и прокричал:

— Отступаем! Отступаем!

Дюжина солдат стала медленно отходить, варвары зарычали и стали надвигаться на них, но копья заставляли их держаться на расстоянии. На каждого солдата приходилось по

нескольку неандертальцев, еще немного — и от защитников Грамария никого не останется.

Род не собирался предоставлять противнику такую возможность.

— Ладно, Стальной Конь... Давай!

Векс попятился, издал дикий вой. Варвары удивленно посмотрели в их сторону. Огромный черный конь перешел в галоп и кинулся прямо на них. В последний момент он свернул в сторону и промчался мимо. Неандертальцы испуганно отпрянули назад, а солдаты тем временем развернулись и побежали. Векс расчистил поле боя. Варвары увидели, что их противник убегает, и кинулись вслед за ним с дикими воплями. Векс снова взвыл и ринулся на противника. Варвары закричали и отступили — за исключением одного, решившего проявить героизм и встретить скачущую на него лошадь с занесенной для удара булавой.

Род пригнулся и сказал:

— Давай, поддень его слегка!

Векс налетел на неандертальца, и тот с диким ревом отлетел от груди лошади. Он приземлился футах в двадцати и замолк. Его товарищи в ужасе уставились на него. Зашевелилась Гвен и с трудом подняла голову. Она огляделась и моментально поняла, что к чему.

Варвары загудели, сначала тихо, потом все громче. Они попятились к воде, оглядываясь по сторонам.

Гвен сощурила глаза, и булавы неандертальцев охватило пламя. Они взвыли, побросали свои булавы, развернулись и побежали. Гвен пристально посмотрела им вслед. Потом она вся задрожала и снова потеряла сознание.

— Отступаем!— закричал изо всех сил Род. Векс развернулся и поскакал за отступающими солдатами.

Они остановились лишь высоко на скале, оставив далеко позади себя морской берег.

— Вы сражались достойно,— заверил Род солдат.— Никто бы не смог сделать это лучше вас.

Один из воинов беспомощно развел руками.

— Как можно сражаться с противником, который применяет против нас Дурной Глаз, милорд?

Род спешился и осторожно взял Гвен на руки.

— Мне кажется, что моя жена предложила неплохую идею. Когда она придет в себя, мы хорошенько над этим подумаем.— Он опустился на колено и положил Гвен между двумя валунами, прижав ее голову к своей груди. Его руку вдруг пронзила острая боль, и он вспомнил, что один из варваров ударил его булавой. Потом он нащупал несколько шишек. Во время битвы некогда обращать внимание на такие мелочи. Он с удивлением заметил темно-красное пятно на груди — значит, его все-таки задели топором. Ему вдруг стало нехорошо. Надо взять себя в руки, сейчас не время для слабости.— Ну, что они там делают?

— Приходят в себя, милорд,— ответил один из солдат,

притаившийся за камнем и наблюдавший за противником.— Отошли от своего дракона.

— Видно кого-нибудь из жителей деревни?

— Нет, милорд. Все успели убежать.

Род кивнул.

— Что ж, жалко деревню, но они могут отстроить ее заново.

— Ее еще не разрушили, милорд.

— Да,— буркнул Род.— Еще нет. Отвяжи от моего седла бурдюк с вином и передай его по кругу.

Солдат направился к коню и принес бурдюк. Он приложился к нему, потом передал товарищу.

— Тоби!— позвал Род. Ответа не последовало.

Гвен пошевелилась в руках Рода, потом обхватила руками голову и открыла глаза. Она увидела Рода и успокоилась, потом прижалась к его груди и снова закрыла глаза.

— Со мной все в порядке.

— Слава тебе Господи,— вздохнул Род.

— Что случилось, мой господин?

— Мы проиграли, дорогая. Тебе пришла в голову неплохая идея, но их слишком много.

Она покачала головой, потом поморщилась от боли.

— Нет, мой господин, это была молния.

— Молния?— Несмотря на изнеможение, Род почувствовал, как внутри у него все напряглось.— Хорошо, но...

— Милорд,— окликнул его часовой.— Деревня горит.

Род вздохнул. Через несколько минут от нее останутся лишь головешки. Но варварам нечем там поживиться, крестьяне — народ небогатый, к тому же они прихватили с собой все, что можно было унести.

— Там амбар, милорд,— сказал один из местных жителей,— и коптильня.

— Род пожал плечами:

— Значит, возвратившись к себе домой, они неплохо попируют. Не беспокойся, приятель, король и королева обеспечат вас пропитанием на зиму.— Он посмотрел на Гвен:— Ты можешь найти Тоби, дорогая?

Гвен кивнула и закрыла глаза, потом вздрогнула. Род почувствовал угрызения совести, но ему нужен был молодой волшебник.

Раздался хлопок, и перед ним очутился Тоби.

— Милорд — волшебник?— один из солдат уставился на него, потом отвернулся, пробормотал что-то и перекрестился.

Род сделал вид, что ничего не заметил.

— Снова готов действовать?

— Да, что прикажете, милорд?— Колени Тоби дрожали от перенапряжения.

— Не хотел просить тебя, но это очень важно,— ответил Род.— Когда они сядут на корабль, не мог бы ты отправиться вслед за ними?

Тоби какое-то время молчал, потом кивнул:

— Облачно. Они меня не заметят.

— Тебе не нужно преследовать их до конца,— сказал Род,— Просто посмотри, куда они плывут, потом позови кого-нибудь из своих товарищей, пусть тебя заменят, и возвращайся.

Тоби кивнул:

— Хорошо, милорд, я так и сделаю.

— Огонь угасает, милорд.

— Да. Хвала небу за то, что оно послало дождь.— Тут Род поднял глаза и помрачнел: он увидел солдата, у которого рука была на перевязи.— Эй! Кто тебя перевязал?

Часовой удивленно посмотрел на солдата и кивнул в сторону другого, который сидел на земле, стиснув от боли зубы, в то время как кто-то в коричневом одеянии перевязывал ему руку.

— Отец Чиллди,— медленно произнес Род.

Монах посмотрел на него, потом грустно улыбнулся:

— Боюсь, что пришел слишком поздно, милорд Гэллоуглас. Думаю, что могу чем-нибудь помочь вам.

— Мы, конечно, ценим вашу помощь... но священнику не следует находиться на поле брани.

Отец Чиллди продолжал улыбаться.

— Это с какой стороны посмотреть, милорд.

Приятно было сознавать, что у них есть такой преданный человек. Его присутствие успокоит солдат. Ну и, конечно, вино тоже.

— Они возвращаются на корабль,— доложил часовой.

— Когда они уплывут, мне предстоит много работы,— заметил священник.

Род покачал головой:

— Не думаю, святой отец. Раненых после них не осталось.

Священник поджал губы:

— Мы будем оплакивать своих воинов. Но будет и другая работа, более тягостная.

Род повернулся к нему и нахмурился.

— Что..? Ах, да... Ритуал погребения.— Он посмотрел в сторону моря.— Но там наших убитых нет, отец. Как насчет варваров? Думаете, у них есть душа?

— Ну... я об этом как-то не думал,— священник удивился.— А есть причина полагать, что это не так?

Один из солдат выругался. Монах покачал головой:

— Нет, добрый человек. Мне доводилось знавать христиан, чьи деяния были намного хуже.

— Да какая у них душа,— воскликнул другой солдат.

— Ну... понимаете...— священник развел руками.— Независимо от того, есть у них душа или нет, я не сомневаюсь, что они не христиане.

— Они взывали к своему Богу в начале битвы, так ведь?

— Что они там орали?— спросил другой солдат.— „Гоу Болд", что ли?

— Что-то вроде этого,— прозвучало в ответ.

Род задумался. Он сам слышал, как дикари кричали „Кобальт". Но каждый толковал это слово по-разному. Что значит оно на самом деле? Какое-то языческое божество?

— Они погрузились на корабль,— сообщил часовой.— Отчаливают... разворачиваются...

— Можно разжечь огонь?— спросил отец Чиллди.

Род поежился.

— Да, пожалуйста, отец... если найдете сухое место и то, что можно поджечь.— Он повернулся к молодому волшебнику:— Тоби, ты уверен, что чувствуешь себя нормально?

Эспер кивнул и встал. Отдохнув немного, он выглядел получше.

— Я начну. Когда прослежу, куда они направляются, позову товарища, и он заменит меня.

Род кивнул:

— Тогда до встречи, Тоби.

— До встречи, господин волшебник.— Тоби подпрыгнул в воздух. Солдаты проводили его взглядами. Он полетел в сторону моря. Некоторые перекрестились и пробормотали молитву.

— Он такой же человек, как и вы,— раздался резкий голос отца Чиллди,— правда, немного моложе и с редким даром. Но он не защищен от стрел. Если вы будете молиться за него, Бог услышит ваши молитвы и защитит его.

Род удивленно уставился на священника, потом медленно кивнул в знак согласия.

— Он следует за кораблем,— доложил часовой.

— Да, он проследит за ними. Иногда ему, наверное, придется спускаться чуть ниже, чтобы не потерять их из виду.

— Они миновали мыс,— сообщил часовой.— Вышли в открытое море.

Род вздохнул и встал, взяв Гвен на руки.

— Все. Пора двигаться.

Внизу, на берегу моря, догорала деревня.

— Нет, мой господин. Это была молния, я уверена!— сказала Гвен.

— Молния!— воскликнула королева Катарина. Она всплеснула руками.— Но почему тогда не гром, а? Или ветер, дождь? Почему именно молния?

— Ваше Величество... выслушайте ее.— Туан дотронулся до руки королевы, и Род заметил, что он вдруг стал очень официальным.

— „Ваше Величество",— передразнила она его, повернувшись к Туану.— И ты туда же, мой муженек? Свалить все на молнию! Нет, это были только варвары... только они и ничего больше! Они злые колдуны и исчадие ада!

— Вы, возможно, абсолютно правы,— заметил Род.— Мы

не смеем спорить, но понимаете... мы пытаемся разобраться, каким образом им удается вершить зло.

— Что ж тут непонятного? Ловят ваш взгляд и проникают через него в мозг,— буркнула Катарина, обернувшись к нему.— Молния, скажете тоже! И что такого в этой молнии, что солдаты застывают на месте как вкопанные?

— Когда солдаты смотрели варварам в глаза, они поддавались их колдовству. Грязному колдовству!— устало проговорила Гвен.— Я столкнулась с этим, когда хотела справиться с врагом. Они зачаровывают взглядом!

— Действительно, зачаровывают,— согласился Род.— Они заставляют солдат смотреть в одну точку — в свои зрачки...

— И те не могли сражаться?— Туан покачал головой.— Отвратительно, не дать возможности солдатам даже защищаться.

Катарина посмотрела на Гвен.

— Ты никогда раньше не сталкивалась с чем-нибудь подобным?

— О Дурном Глазе рассказывают сказки,— медленно произнесла Гвен.— Но я никогда не сталкивалась с этим в действительности.

— Мне доводилось,— сказал Род,— хотя немного в измененном виде.

Туан нахмурился.

— Когда?

— В другом... э, во время обучения,— пробормотал Род,— когда меня учили...— Род набрал побольше воздуха и выпали́л:— тому колдовству, которым я владею. Этот вид волшебства назывался „гипнозом", но он очень похож на Дурной Глаз. Но гипноз отличается от него тем, что все происходит значительно медленнее.

— Значит, они обладают феноменальными способностями,— сказал Туан.— Как им удается очаровывать так быстро?

— У меня есть кое-какой опыт,— тихо сказала Гвен.— Дело заключается в том, чтобы внедрить свою мысль в сознание другого.

В ухе Рода раздался голос Векса:

— Твоя жена описывает телепатию, Род.

— Научная терминология заставит даже скептиков поверить в магию,— рявкнул Род.— Им просто придется поверить.

Катарина повернулась к нему:

— С кем это вы разговариваете?

— Да так, мысли вслух,— промямлил Род, вспомнив о том, что Катарина тоже в какой-то мере обладает колдовской силой. Вслух же он сказа́л:— Все дело в том, что варвары проделывают это с кем угодно. Нам теперь ясно, как они это делают, но каким образом с этим бороться?

— Так, как это делали мы.— Гвен удивленно посмотрела на него.

Род усмехнулся:

— „Мы“?

— Тоби и я,— объяснила Гвен.— Мы делали с ним то же самое, муж мой, мы направляли свои мысли в их сознание и заставляли солдат понять, что на самом деле их остановила всего-навсего пара маленьких злых глазок. И тогда они, очнувшись, видели перед собой лицо противника и его тело, уязвимое для их оружия.

— Да,— сказал Род.— А потом солдаты снова столкнулись с действием Дурного Глаза, и вы оба свалились без сил.

Гвен покачала головой:

— Нет, милорд. Это была молния.

Катарина развела руками в отчаянии, но ничего не произнесла.

— Молния или нет, но они вывели вас из строя,— рявкнул Род,— и извини меня, мне не очень-то понравилось все это.

Гвен настаивала на своём:

— Но нас было только двое — Тоби и я,— и хотя мы действовали с ним одновременно, но по отдельности...

— Чего ты хочешь?— Род начал злиться.— Чтобы вас было намного больше?

— Но, мой господин,— Гвен изо всех сил старалась сохранить спокойствие.— Мы с ним не смогли объединить наши силы, да и солдат для нас двоих было слишком много. Мы пытались передать свои мысли всем им сразу, но мы делали это поодиночке, не объединив свои усилия.

— Насколько я понимаю, ваши силы можно объединить,— тихо произнес Род.

— Можно,— Гвен отвернулась.— Когда соприкасаются двое способных слышать мысли, то возникает сильное чувство единения, но мне не доводилось встречать тех, кто бы рискнул...

Дверь отворилась, и вошел Бром О'Берин в сопровождении двух вооруженных людей, которые вели под руки полуживого Тоби. Юный волшебник пытался вырваться из их рук.

— Нет! Я... я пойду сам...

— Ты голову-то на плечах держать не в силах,— пробубнил Бром.— Будь ты яблоней, ты бы и яблока не смог на себе удержать. Вон туда,— сказал он двум сопровождающим и показал на стул. Они осторожно опустили на него юношу, и тот обмяк, закрыл глаза и стал тяжело дышать ртом.

— Что с ним?— воскликнула Гвен.

— Полный упадок сил,— ответил Бром.— Если бы его вести не были столь жизненно важными, я бы отправил его в постель.

— Идиот! Я ведь приказал ему позвать кого-нибудь на помощь!— Род склонился над юным волшебником и проверил его пульс.— Нельзя ли принести немного вина?

Бром повернулся к двери и щелкнул пальцами. Через секунду в дверях появился паж с подносом в руках. Бром взял бокал и наполнил наполовину, затем поднес его к губам Тоби.

— Выпей, дружище. Вино что надо.

Тоби сделал глоток и закашлялся. Род постучал его по спине, юноша кивнул. Он снова сделал глоток, потом еще один.

— Ну что, немного лучше?— спросил Род.

Тоби кивнул и вздохнул.

— Только не засыпай,— попросил Род.— Что ты видел?

— Только корабль-дракон и воду. Меня даже начало мутить от этого вида.— Он отхлебнул вина.

— Ну, теперь все хорошо,— заверил его Род.— Значит, они долго плыли. В каком направлении?

— На запад,— решительно ответил Тоби.— На запад и на юг. Я позвал Джайлза, он сменил меня. Я немного поспал, потом он разбудил меня и сообщил, что видит землю. Я полетел к нему и отправил его домой. Он выглядел очень уставшим, а я отдохнул.

Род сомневался, что юноша говорит правду, если судить по серому цвету его лица.

— Но ты рисковал, приближаясь к их владениям.

— Ну, может быть, немного,— согласился Тоби.— Во всяком случае, не хотелось бросать дело на полпути. Да и опасность была небольшой. Сверкали молнии, и небо было затянуто облаками, до рассвета еще было время.

— Но ты не должен был рисковать,— возразила Гвен.— Что ты узнал? Где живут эти дикари?

— В низине на берегу моря. В миле или в двух от берега возвышаются высокие скалы.

Род кивнул.

— Низина большая?

— Ну, миль пять шириной.

— Он описывает наносную равнину,— раздался голос Векса.

— А ты оказался более наблюдательным, чем я предполагал,— сказал Род юноше.— Что ты увидел на равнине?

— Деревню,— Тоби посмотрел на него.— Хижины-мазанки, круглые, с соломенными крышами. Вокруг деревни зеленеют поля.

— Занимаются земледелием?— Род озадаченно посмотрел на окружающих.— Странно, что они при этом мародерствуют... И много там хижин?

Тоби покачал головой:

— Больше, чем я бы успел сосчитать, господин волшебник. Больше любой деревни, что я видел на Грамарии.

— Значит, деревня,— переспросил Род.— А не город?

Тоби задумался:

— Ну... может быть, маленький городок... Но дома расположены друг от друга на приличном расстоянии. Примерно около тысячи жителей.

— Как они отреагировали на возвращение корабля-дракона?

— Никак,— ответил Тоби.

— Что?— Род раскрыл рот.— Никак не отреагировали на возвращение? Совсем никак?

— Нет... Они не увидели его. Солнце еще не взошло, как я говорил, а корабль-дракон не подошел к деревне. Он направился на юг, к узкому устью реки, где скалы подходят близко к берегу. Потом варвары опустили весла, свернули парус и стали грести вверх по течению до тех пор, пока не нырнули в расщелину в скале.

— В расщелину.— Лицо Рода ничего не выражало.

Тоби кивнул.

— Да, расщелина в огромной каменной стене, через которую можно было бы провести Летучий Легион.

— Итак, они нырнули в расщелину.— Род насупился, пытаясь представить себе эту скалу.— Что произошло потом?

— Ничего особенного. Я опустился на скалу и стал ждать их появления с другой стороны. Они вышли без щитов и шлемов, без оружия, за исключением ножей за поясом. Они направились в деревню по равнине. Я не стал следовать за ними, так как боялся, что меня может заметить кто-либо из местных жителей.

Род кивнул:

— Молодец. Так или иначе, теперь нам известно все, что необходимо о них знать. А может быть, даже больше.

— И что же?— спросил Бром.

Тоби развел руками.

— Все. Работа сделана... и почему-то я так устал, словно не спал ночь...

— Неудивительно, ведь вчера ты выложился до конца,— напомнил ему Род.— А телепатия требует огромных затрат энергии.

— Думаю, что да,— согласился Тоби.— Хотя раньше я этого не замечал.

— Ты был моложе. Сколько тебе сейчас, девятнадцать?

— Двадцать,— возмущенно ответил Тоби.

— Ты прав, огромная разница. Но это означает, что ты перестал расти, и следовательно, излишка энергии больше нет. К тому же, как далеко тебе приходилось путешествовать подобным образом раньше?

— По вашим поручениям, миль на десять-двадцать.

— А на этот раз ты...ну-ка, посмотрим,— Род задумался.— Всю ночь за кораблем... допустим, что ветер был попутным... скажем, десять миль в час. Значит, около десяти часов... Так, умножим на переменную...— Он снова взглянул на Тоби.— Ты преодолел сто миль. Дважды. Неудивительно, что ты устал.

Тоби фыркнул в ответ.

— Отведите его,— приказал Бром вооруженным людям,— и уложите в постель. Он славно послужил сегодня своей стране.

Один из солдат наклонился, чтобы подхватить Тоби за ноги, но второй остановил его, положив руку на плечо.

— Нет. Вместе со стулом.

Первый солдат посмотрел на него, кивнул и поднял стул за ножки, в то время как его товарищ взялся за спинку. Род запомнил лицо второго солдата — он наверняка мог пригодиться в дальнейшем.

Дверь за ними закрылась, и Бром повернулся к Роду:

— Что скажешь, господин волшебник?

— Я в замешательстве,— признался Род.— Когда он проснется, я заставлю его нарисовать карту. Но что стоит за всем этим?— Род пожал плечами.— Некая тайна, не так ли?

— Да,— согласился Бром.

— Но почему они молча пробрались в свое логово?

— Возможно, из-за того, что не все вернулись из плаванья, и они не хотели, чтобы на них обрушился гнев родственников убитых.

— Может быть,— сказал Род.— Но что-то не верится. Ведь они из тех, кто по натуре своей не сентиментален, и знаете, отношение к подобным вещам у них выражается чем-то вроде: „Возвращайся со щитом или на щите". К тому же они вернулись с добычей — прихватили с собой на корабль все, что можно было унести, прежде чем подожгли деревню.

— Но ведь некоторые из них остались лежать на чужой земле,— заметил Бром,— и если они набирают рекрутов, обещая им богатую наживу и малую опасность, то у них на этот раз была достаточно серьезная причина, чтобы избегать гнева родственников убитых.

— Да, я смотрю, вы разбираетесь в наборе рекрутов,— Род улыбнулся.— Но им все равно пришлось бы чуть позже оправдываться перед жителями деревни, рано или поздно кто-либо должен был заметить, что они вернулись. Так к чему прятаться?

Лицо Катарины посветлело.

— Они пробирались ночью, как воры, правда?

Род кивнул:

— Да. И это...— Глаза его вдруг расширились:— Ну, разумеется! Ваше Величество, вы правы!

— Что такое?— Бром переводил взгляд с одного на другого.

— Ну, конечно!— воскликнула Гвен.— Вся эта затея была в тайне от всех!

— Да!— Глаза Туана вспыхнули.— Похоже, что так!

— Для подтверждения этой гипотезы данных недостаточно,— заявил Векс на ухо Роду.

— Но интуиция подсказывает, что так оно и есть,— возразил ему Род.— Правда, я не знаю, как им удалось сохранить в тайне свое исчезновение на тридцать шесть часов. Тут надо подумать. Но одно мне ясно...

Гвен подняла на него встревоженные глаза.

— Это означает, Ваше Величество,— произнес Род, поворачиваясь к королю,— что на нас не нападала враждебная по отношению к нам нация.

— Нет, на нашем побережье высадились только воры.— Туан сдвинул брови.— Какое еще слово подходит для них?

— Их зовут „пиратами".— Род вовсе не удивился, что на Грамарии забыли это слово — их культура была ограничена одним большим островом и находилась в изоляции на протяжении столетий.

Туан задумался.

— Как противостоять морским бандитам?

— Только обладая знаниями о море.— Род повернулся к Брому:— Есть на Грамарии знающие морское дело люди?

Бром потер подбородок.

— На побережье есть поселения рыбаков.

— Так, хорошо, доставьте их сюда,— бросил Род через плечо, направляясь к двери.— Вернее, одного опытного рыбака, который знает что-нибудь о ветрах, течениях и береговой линии.

— Хорошо, господин волшебник. Вы что-то придумали?

— Может быть,— отозвался Род и вышел.

— Но где-то здесь должно быть течение!

— Его не видно на обычных фотографиях, Род,— объяснил ему Векс,— а когда мы прибыли на Грамарий, нам и в голову не пришло заснять все на пленку, чувствительную к инфракрасному излучению.

Космический корабль был спрятан на лугу, под слоем глины в десять футов, в нескольких часах езды от Раннимеда. Род попросил эльфов прорыть туннель к нему, чтобы иметь возможность приходить туда в случае необходимости. Как, например, сейчас. Он наслаждался настоящим земным шотландским виски, просматривая изображения на экране монитора.

— Ничего не вижу, Векс.

— Ты не это искал, Род?

Мозг робота, шар размером с баскетбольный мяч, располагался в специальном отсеке изогнутой стены. Род на время вынул его из стального коня и подсоединил к автоматической системе управления кораблем. Не то чтобы он собирался куда-либо улетать, нет — просто Векс был нужен для работы вспомогательного оборудования корабля, такого, например, как графический архив, ну и, конечно, автоматический бар.

— Да, спасибо.— Род стал рассматривать снимок, сделанный из космоса два года назад, когда они приближались к планете. На мониторе отчетливо вырисовывалась прибрежная полоса Грамария, побережье материка напротив и море между ними.— Думай, Векс, думай. У тебя последнее время неплохо срабатывает интуиция.

— Я интегрирую большое количество невербальных знаков, Род,— ответил ему робот.

— Укрупни вот это место, Векс.— Род ткнул пальцем в выступ на побережье материка. Выступ стал увеличиваться в размерах, постепенно заполняя весь экран. Род провел пальцем воображаемую линию.— Вот эта дуга, что проходит

через выступ,— демаркационная линия. Посмотри, отчетливо видно разграничение растительности. Как ты думаешь, я прав?

— Я не думаю, Род, я просто обрабатываю данные.

— В ближайшие дни ты должен разъяснить мне разницу. Что это вон там, в левом верхнем углу? Похоже на папоротник.

— Вполне возможно, Род. Значительная часть данной планеты находится в каменноугольной эре, и огромных размеров папоротник является здесь доминирующим представителем флоры.

— А вот это что такое? На морском берегу?

— Примитивные амфибии, Род.

— Так, ясно. Интересно, что там, за этой каменноугольной флорой?

— Каменноугольная фауна, сказал бы я.

— Не варвары?

— Поселения людей обычно наблюдаются на открытых пространствах, Род.

— Кто знает, может, им есть, что прятать. Но если уж говорить об открытых пространствах, то вот оно — на остальной части выступа.— Род придвинулся к монитору поближе.— Похоже, здесь растут какие-то маленькие деревья.

Векс молчал какое-то время, потом произнес с расстановкой:

— Согласен, Род. Это на самом деле деревья. Низкорослые, но деревья.

— Не вяжется с папоротником, не так ли? Откуда здесь могли взяться деревья, Векс?

— Источник один, Род. Остров Грамарий.

— Вполне возможно, тогда каким образом семена могли попасть сюда?

— Тут важен сам механизм. Между материком и Грамарием должна существовать некая связь.

— Такая, например, как морское течение, которое я ищу? Так-так!— Род приободрился.— Давай посмотрим еще... кроме деревьев мы видим пространство светло-зеленого цвета. Проверь, что может иметь такую окраску, Векс.

Изображение на экране монитора не увеличилось, но робот приступил к его анализу.

— Это трава, Род.

Род кивнул.

— С того участка, поросшего папоротником, трава не могла появиться. Но посмотри, как отчетливо видна граница между папоротником и лугом! Здесь проходит демаркационная линия, Векс.

— Без сомнения, это скалы, Род... Те скалы, что упоминал в своем рассказе Тоби.

— Действительно, как я сам об этом не догадался!— Род глянул на изображение.— Значит, перед нами логово дикарей. Все соответствует описанию Тоби... за исключением одной детали.

— Не вижу каких-либо аномалий, Род.

— Правильно. Не видишь, потому что их нет. Но где деревня?

Векс задумался.

— Мне ясна твоя мысль. Нет признаков поселений человека...

— И никаких кораблей-драконов у берега.

— Тогда напрашивается один логический вывод, Род.

— Да.— Род откинулся на спинку кресла и отхлебнул виски.— Сначала я выслушаю тебя, потом скажу свое мнение.

— Согласен, Род. Эти снимки мы сделали два года назад, когда приближались к планете. Очевидно, что в то время варваров здесь не было. Значит, они прибыли сюда позже.

— Я подумал то же самое... Слушай!— Род снова прильнул к экрану.— Помнишь, я говорил тебе, что заметил кое-что во время сражения?

— Некую историческую неточность в экипировке викингов, Род?

— Ну, своего рода анахронизм, Векс. Эти викинги — неандертальцы!

На корабле воцарилась тишина.

Затем Векс произнес:

— Но это невозможно, Род.

Род усмехнулся:

— Почему же? Только потому, что последний неандерталец умер по меньшей мере пятьдесят тысяч лет назад, задолго до того, как у скандинавов появились викинги?

— Ты правильно подметил основное направление моей мысли, Род.

— Но почему это тебя так волнует?— Род развел руками.— Мы ведь нашли машину времени, спрятанную в замке Логайра, не так ли?

— Да, но мы вывели ее из строя, одержав победу над Ансельмом Логайром.

— Разумеется... Но как она вообще попала туда, ты не задумывался?

— Ну... путешествующий во времени, должно быть, соорудил ее.

— Быстро соображаешь, Векс.— Род мотнул головой в сторону экрана.— И если им удалось сделать это один раз, они могли сделать это и еще.

— Но... Действительно логично...

— Разумеется. Но та машина времени не очень-то походила на что-то новенькое, помнишь?

— Не думаешь же ты, что их выпускают серийно?

— Ну, не серийно, но мне представляется небольшой завод. Две-три машины в год...

Корабль стал подрагивать.

— Род... а ты подумал насчет того, каким нелогичным могло сделаться человеческое существование, если ты прав?

Род с тревогой посмотрел на него:

— Эй, приятель! У тебя опять начинается припадок?

— Твоя концепция нелогична, Род. У меня может начаться эквивалент эпилепсии, но для этого требуется абсолютно нелогичное умозаключение. Завод по производству машин времени нелогичен, но я не могу отрицать его существование.

Векс среагировал на первую машину времени иначе, но Род не стал упоминать об этом.

— Я уже говорил, как нелепо машина времени может все преобразить. К примеру, одеть неандертальца в доспехи викинга и высадить его на планете, которая решила „заморозить" свою культуру в Средневековье. Что ты об этом думаешь, Векс?

— Так могло начаться, да,— тихо отозвался робот.— Но ты на самом деле уверен, что это были неандертальцы, Род?

— Уверен.— Род насупился.— Но, знаешь, обстановка была немного суматошной. Я не мог попросить кого-нибудь из них оказать мне такую услугу и снять шлем, чтобы я смог получше разглядеть его череп. Тебя это устраивает?

— Да, но нескольких варваров убили во время сражения. Можно попросить произвести соответствующие замеры.

— Поручим это отцу Чиллди, пусть принесет хоть какую-нибудь пользу. Но он всего-навсего подтвердит то, что я тебе сказал, Векс: тяжелая челюсть без подбородка, покатый лоб — именно, покатый. И.... нет лобных долей!

— А затылочный бугор, Род?

Род поморщился:

— Ну, знаешь, вот этого я тебе не могу сказать. На них ведь были шлемы. Проверим на одном из их... представителей, идет?

— Надо уточнить, чтобы на это обратили особое внимание при его описании. Значит, ты настаиваешь на том, что некто перенес племя неандертальцев с Земли сюда? А жили они там приблизительно пятьдесят тысяч лет до нашей эры, так?

— Где еще они могли откопать неандертальцев?

— Теория параллельной эволюции...

— Параллельные линии никогда не пересекаются. Хотя, кто его знает... Оставим вопрос открытым.

— Хорошо, допустим, их взяли с Земли. И тот, кто перенес их сюда, снабдил их кораблями, доспехами и оружием викингов. Очевидно, этот неизвестный также обучил их навигации. Но зачем им понадобилось нападать на вас?

Род пожал плечами.

— Очевидно, потому, что этот неизвестный заставил их это сделать... но отложим это до поры до времени.

— Тогда придется оставить открытым и вопрос идентификации личности этого неизвестного.

— Ну, здесь мы можем кое до чего докопаться,— ответил Род.— Я имею в виду то, что, кто бы это ни был, он должен иметь машину времени... а мы уже знаем, что здесь, на

Грамарии, существуют две организации, имеющие их в своем распоряжении.

— Анархисты-футуристы и тоталитаристы-футуристы.

— Правильно. И с такими кандидатами не имеет смысла искать кого-то третьего.

— Кому бы ты отдал предпочтение в данном случае?

— Наверное, анархистам,— отозвался Род.— Больше напоминает их стиль.

— Почему?

Род пожал плечами:

— А почему именно доспехи викингов? Очевидно, по той же причине, почему их носили сами викинги — чтобы вселять страх в сердца своих жертв. А такой страх служит основной цели — создать хаос их социального порядка. Кроме того, кто-то должен быть для них прикрытием — „власть за троном" или что-то вроде этого.

— Или, как в данном случае, пираты. Что ж, принимаю твою позицию, Род. Тоталитаристы имеют обыкновение обращаться к личностям. Они предпочитают тщательную подготовку, выливающуюся в конце концов в революцию, а не постепенное подтачивание власти. Да, это, скорее, анархисты — они преступники по своей натуре.

— Логично, но, вероятно, ошибочно.— Род снова прильнул к монитору.— Посмотри, по разные стороны от скал совершенно разная растительность.

— Абсолютно разная, Род.

— Послушай, а кроме травы, что там может еще расти?

— Ну, несколько видов мха и лишайника.

— И больше ничего?

— Такая растительность свидетельствует о том, что температура на данном участке намного ниже, чем в окружающем его лесу. Я полагаю, что в этом месте с моря дует ветер, охлаждающий участок вокруг залива. Скалы не позволяют ветру проникать дальше.

Род поднял глаза.

— Эй! А не означает ли это холодное течение?

— Этого нельзя отрицать, Род.— Голос робота прозвучал поучающе.

— Это то течение, которое может проходить вдоль Грамария.

— Не отрицаю,— ответил Векс.

Род улыбнулся и убрал пустой стакан.

— Ладно, хватит на сегодня.— Он направился к стене и стал отсоединять зажимы, при помощи которых мозг Векса крепился к панели.— Что происходит, когда холодное течение сталкивается с берегом, Векс?

— Очевидно, оно становится теплее, соприкасаясь с тропическим континентом чуть южнее скал, Род. Потом поток воды продолжает свое движение.

Род кивнул.

— Судя по расположению и форме материка, это означает, что течение направляется на север — обратно к Грамарию.

— Вполне возможно, Род. Но нельзя делать окончательные выводы без достаточных данных.

— Хорошо.— Род сунул серебряный баскетбольный мяч под мышку.— Как скажешь, Векс. К тому же пора перекусить.

— Ты же знаешь, роботы не едят.

— А я-то подумал, что ты в настроении подкрепиться несколькими байтами.

Стража у дверей расступилась и объявила:

— Господин главный волшебник, Ваше Величество.

Род прошел между ними и остановился, заметив высокого угрюмого человека со впалыми щеками, стоявшего напротив Катарины и Туана. Лицо его было загорелым и обветренным. На нем была парчовая накидка, отороченная мехом, надетая поверх камзола и брюк. В руках он сжимал круглую шляпу.

Род вспомнил о манерах и поклонился:

— Ваши Величества! Я был занят кое-какими исследованиями.

— Надеюсь, господин волшебник, вам поможет вот этот человек,— Катарина кивнула в сторону незнакомца.— Разрешите представить вам господина Хью Меридиана, капитана торгового корабля.

— Торгового корабля?— Род озадаченно посмотрел на моряка.— Я и не знал, что у нас есть такие.

— Это правда, милорд.— Капитан отвесил ему официальный поклон.— Быстрее и дешевле переправлять груз морем, чем везти его через горы.

— Разумеется. Мне следовало самому догадаться. Но как вы узнали, что нам нужна помощь того, кто знает море, капитан Меридиан?

— Мы направили сообщение рыбакам из владений Логайра и Романова. Все они заверили нас, что вдоль берега действительно проходит течение,— ответил Туан.— Но они не знают его направление.

— Разумеется, где им знать.— Род нахмурил брови.— Они никогда не уходят в море надолго, так, на один день, не дольше. Они вас знают, капитан?

Капитан кивнул:

— Я нанимаю команду из этих рыбаков, милорд. Они знают меня.

— И вам известно направление течения?— Род поискал глазами стул, но вспомнил, что сидеть в присутствии Их Величеств невежливо. Правда, Брому это было позволительно, но Бром другое дело.— По крайней мере, вы знаете, как оно огибает остров Грамарий?

— Да, милорд. Хотя было бы вернее сказать, что знаю, где течения нет.

— На самом деле? Разве течение проходит... не вокруг всего острова?

— Не совсем так. Вдоль западного побережья течения нет.

— Странно,— Род задумался.— Вы можете показать мне на карте?

— На карте?— Капитан Меридиан растерялся, потом вытащил из-за пояса небольшую книжицу.— Да, я могу показать, где я записываю все сведения о течениях, но не лучше ли просто рассказать вам?

— Нет, нет! Я хочу, чтобы вы показали мне на...— Род вдруг замолк, потому что вспомнил, что в средние века карт как таковых не существовало, тогда не принято было изображать очертания побережья графически. Карты появились только с эпохой Возрождения, с ее концепцией законченности форм. Род повернулся к двери и приказал страже:— Пергамент и перо... и побыстрее.— Он снова повернулся к капитану:— Сейчас мы сами составим карту. Капитан Меридиан, представьте себе, что вы птица и летите над островом Грамарием, осматривая его берега.

Меридиан усмехнулся.

— Представить-то можно, господин волшебник, только что толку?

— Толк будет большой, должен вам сказать! Я нарисую вам береговую линию так, как бы ее видела птица.

Дверь распахнулась, и вбежал паж, держа в руках пергамент, перо и чернильницу.

— Спасибо, приятель!— Род взял стул и направился к столу. Он расстелил пергамент и начал рисовать.— Вот западное побережье, капитан Меридиан.— Он начертил длинную неровную изогнутую линию, потом показал на выступ.— Вот герцогство Савоя, а здесь — Габсбурга.— Потом он начал рисовать ломаную линию. Капитан Меридиан внимательно следил за его рукой, наморщив лоб, пытаясь сопоставить то, что видел перед собой, с действительной картиной из скал, течений и гор, проглядывающих сквозь туман. Наконец лицо его посветлело, и он ткнул пальцем в выступ на южном побережье.— Да ведь это мыс Суси! Сколько раз мне приходилось бороться с юго-западным ветром, огибая его!

— Юго-западный?— Род поднял на него глаза.— Течение проходит здесь?

Капитан Меридиан с готовностью кивнул:

— Да, да! Как раз в этом месте. Западнее, милорд, мне не доводилось ходить под парусом. Но севернее течения нет, это точно.

Род кивнул.

— Значит, здесь течение подходит к Грамарию. Вот южный берег, капитан Меридиан.— Он начертил длинную кривую, затем перо свернуло на север. Меридиан зачарованно наблюдал за тем, как перед ним вырисовывался остров.

— Просто колдовство,— выдохнул он, когда Род закончил,

и показал на карту.— Вон там бухта Роланда, а здесь находится владение Романова. Вот устье реки Флер, а вот полуостров Тристэз.— Он глянул на Рода.— Вы действительно господин главный волшебник! Иначе как объяснить, что вы смогли показать на пергаменте все побережье?

— О, я знаком с людьми, которым приходится много летать.— Род пожал плечами.— Я ничего не пропустил?

— Не на самом берегу.— Меридиан склонился над картой и ткнул пальцем:— Вот здесь нужно нарисовать Гранд Скерри, недалеко от западного побережья, и... гору Гебурн...— его палец скользил по карте рядом с владениями Романова.— И еще... но это как-нибудь в другой раз.— Он задумался.— На вашей карте не хватает еще одной важной вещи, без которой не обойтись ни одному мореплавателю.

— Течения?— Род обмакнул перо в чернильницу и протянул его капитану.— Не могли бы вы показать его на карте, капитан Меридиан?

Капитан взял перо и начал медленно рисовать. Род наблюдал за тем, как из-под пера появлялись линии, начинающиеся от мыса Суси, затем идущие к южному побережью, огибающие восточные владения барона Раддигора, потом герцогство Бурбона и северное побережье, минующие владения Романова, Габсбурга — и снова уходящие в неизвестность.

Меридиан опустил перо в чернильницу и вздохнул с облегчением.

— Я старался, господин волшебник. Это все, что мне известно.— Он посмотрел на Рода.— Больше я ничего не знаю.

— Ну, я бы мог кое-что добавить,— Род взял перо.— Один из наших молодых волшебников совершил сегодня ночью путешествие на запад.— Он начал чертить вогнутую линию в левом нижнем углу пергамента.— Он увидел что-то вроде вот этого...— Кривая пошла вправо к выступу. Род провел пунктирную линию через основание выступа, потом перешел в ту точку, где капитан Меридиан закончил рисовать течение.— Он следовал за этими бандитами до их логова, и, судя по его рассказу, они шли вот этим маршрутом. А это значит, что северное течение следует на юго-запад, вот так...— Его перо вернулось к материку и резко обогнуло выступ.— Вам, конечно, известно, капитан Меридиан, что Грамарий представляет собой всего-навсего остров и что на западе располагается материк.

Капитан Меридиан кивнул.

— Да, известно, но ничего более. Да и то в основном из сказок, которые рассказывали внукам старики.

— Ну, наш волшебник побывал там и убедился в его существовании собственными глазами.— Род показал на выступ.— Мы считаем, что этот полуостров является так называемым „домом" варваров. Абсолютно точно то, что течение проходит именно здесь.— Он не стал объяснять капитану, откуда такая уверенность.— Потом оно направляется на юг, огибает берег, нагревается под воздействием континента,

который в свою очередь с силой отталкивает течение обратно в море, на северо-восток.... и потом оно проходит вот здесь.— Его перо пошло вверх и направо, пока не дошло до той линии, что начертил капитан Меридиан у мыса Суси.— Здесь вы уже знаете, как оно себя ведет.— Он выпрямился, сунув перо в чернильницу.— Ну, вот, мы с вами и составили карту, обозначив на ней течение.

В ухе Рода раздалось электронное покашливание.

— Разумеется, нам помогли, предоставив основную информацию...— добавил Род.— Ну, что, теперь мы можем говорить о том, как к нам прибыли варвары?

Капитан кивнул, глаза его блестели.

— Разумеется, милорд.— Он повернулся к Туану и Катарине:— Посмотрите, Ваши Величества!— Он указательным пальцем провел по линии, обозначающей течение.— Варвары шли под парусом на своем корабле-драконе по течению на восток. Сначала они направлялись к владениям Логайра, потом обогнули восточное побережье и снова пошли на запад, а затем вернулись к себе домой.— Его палец описал круг.

Туан вздохнул:

— Да, капитан Меридиан. Все ясно.

Отворилась дверь, и на пороге появилась стража.

— Ваши Величества... Гвендайлон, леди Гэллоуглас.

Вошла Гвен и вежливо поклонилась.

— Добро пожаловать, моя дорогая.— Катарина поднялась и шагнула к Гвен, протянув ей руки.— Ты как раз вовремя. Эти глупцы решили забить мне голову всякими течениями и мысами.

Гвен дотронулась до руки Катарины с довольной улыбкой.

Род краешком глаза наблюдал за обеими леди. Катарина и Гвен никогда не были близки, холодок в их отношениях стал особенно заметен, когда Катарина начала питать явную симпатию к Роду, правда, это было еще до того, как он вернул в ее жизнь Туана. Он полагал, что Гвен неизвестна вся эта история, но кто знает, нельзя недооценивать телепатов. Так или иначе, такая теплая встреча обеспокоила его.

— И что же вы затеваете?

— Затеваем? Абсолютно ничего!— невинным голосом ответила Катарина.— Так, обсуждаем кое-какие ваши промахи, господин волшебник... и твои, мой дорогой муж!

Туан выглядел еще более обеспокоенным по сравнению с Родом.

— Разумеется, моя дорогая. И в чем же заключается мой промах?

— Ты только и знаешь, что твердишь о том, как побороть врага при помощи топоров и мечей. Мы же считаем более важным уберечь твоих солдат от булав и топоров врагов.

— Верно подмечено,— заметил Туан.— А ты сможешь уберечь их жен и детей, а также их земли, которые дают им средства для существования?

— Должен сказать,— согласился Род,— что, применив

против противника собственный меч, можно быть уверенным, что он не сразит тебя своим оружием.

— Да, мой господин, но ты должен научить своих солдат отражать удары,— заявила Гвен.— А для этого нужно уберечь их от Дурного Глаза варваров.

Род обменялся с Туаном взглядом.

— Они правы, Ваше Величество. Мы так увлеклись контратакой, что забыли о психологической защите.

— Не волнуйтесь,— заверила их Катарина,— мы не забыли.

— Да,— добавила Гвен.— Мы знаем, как противостоять противнику. Мы с Тоби уже испытали это средство, когда варвары сражались с нашими солдатами.

Туан недовольно посмотрел на них.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас. Вы что, защищали солдат?

— Да, так оно и было!— заверил его Род.— Нам бы не удалось сохранить и горстки людей в той битве, если бы не Гвен и Тоби. Они... сломили чары Дурного Глаза.

— Но мне кажется, что вам удалось противостоять их колдовству только несколько коротких мгновений.— Туан потер подбородок.

— Да, их мысли оказались слишком тяжелы для нас,— призналась Гвен.— Но не следует забывать, Ваше Величество, что нас было только двое и что мы действовали поодиночке.

— Ты хочешь сказать, что они пересилили вас,— прервал ее Род.— Но что может помочь вам победить их в следующий раз?

— Ну как же, более сильное колдовство!— Лицо Гвен расплылось до довольной улыбки.

Катарина подхватила Гвен под руку и кивнула.

— Разумеется, господин волшебник! Твоя жена считает, что, объединив свои силы, колдуньи смогут действовать вместе. Таким образом им удастся победить Дурной Глаз корабля-дракона варваров.

—Двадцать колдуний против сотни варваров?— Род почувствовал, как неприятно заныло сердце.— Извините, но что-то не нравится мне вся эта затея.

— Мы можем привлечь больше колдуний,— решительно заявила Гвен.

— Все равно,— возразил Род.

— Мне тоже это не совсем нравится,— сказал Туан.— Каков ваш план, жена моя?

— Мы созовем колдуний, которые попрятались по деревенькам и хуторам, боясь пользоваться своей силой, дабы их друзья и родственники не отвернулись от них. Они не входят в королевский Шабаш Волшебниц либо из страха, либо из нежелания покидать свой народ.

— То есть вы собираетесь призвать их на службу?— спросил Род приглушенным голосом.

— Называйте это как хотите. Я решила!— Катарина

стиснула руками голову.— Но постарайтесь понять! Приказ, подписанный Его Королевским Величеством, может вселить в колдуний страх, они решат, что их хотят собрать всех вместе, чтобы осудить. Нет, тут нужно мое непосредственное присутствие.— Она впилась в Туана взглядом.

— И как вы собираетесь все это сделать?— Род с сомнением посмотрел на свою жену.

— Леди Гэллоуглас останется здесь, будет обучать королевских волшебниц, как противостоять Дурному Глазу, а я тем временем буду объезжать страну и призывать колдуний поступать на королевскую службу.— Катарина сжала руку Гвен и посмотрела на Рода.

Род открыл было рот, чтобы возразить, а сказать ему было что, но в этот момент открылась дверь и вошел один из стражников с белым как мел лицом. Он поклонился.

— Ваши Величества!

Катарина перевела взгляд на него:

— С какой стати ты врываешься подобным образом?

— Пришло сообщение от волшебниц, Ваши Величества! Варвары высадились у устья реки Флер!

— Созвать армию!— рявкнул Род и устремился к двери.— Я выступаю с Летучим Легионом... вернее, с тем, что от него осталось!

— Нет, милорд!— крикнул страж.— Они прибыли под флагом перемирия.

— Что?— Род повернулся и уставился на него.

— Тот кивнул:

— Да, милорд. Их немного на борту, и они сдались рыцарям герцога Бурбона. А сейчас варвары следуют под их конвоем в Раннимед...— Он помедлил, потом вопросительно посмотрел на короля:— Но теперь они гости?..

— Если они действительно прибыли под флагом перемирия, то да.— Туан поднялся.— Передайте стражникам, чтобы их встретили подобающим образом, как гостей, а то я не сомневаюсь, что многие жители с радостью бы забросали их камнями. Господин волшебник, пойдемте со мной!— И он направился к двери.

— Куда вы идете?— встревоженно спросила Катарина.

Туан оглянулся.

— Поеду им навстречу, дорогая, мы должны встретиться как можно раньше, тут дорога каждая минута.

Он вышел, Род едва поспел за ним, закрыв за собой дверь и оставив Катарину и Гвен пребывать в растерянности.

„Тогда отправился главный волшебник на восток навстречу варварам, прибывшим так неожиданно для всех под флагом перемирия, и Его Королевское Величество поехал с ним. И хотя было варваров немного числом, вида они были ужасающего, роста огромного, словно сами демоны спустились с небес. Приземистые, словно боровы, с головами, прилепленными

к плечам, они держали в руках огромные булавы, покрытые пятнами запекшейся крови. И когда Его Величество король приблизился к варварам, главный волшебник находился рядом с ним и охранял его своими заклинаниями на тот случай, если те забудут о перемирии или подстроят злую ловушку. И главный волшебник направил на них свои заклинания, заслонив собой солнце и возвышаясь над варварами, и глаза его сверкали, словно изумруды на восходе солнца, и вид его вселил страх в их сердца, и остановились они безмолвно перед ним. И воздвиг он перед ними заслон, через который могли они говорить, но не могли поразить булавой. Потом обратился он к королю со словами: „Мой король, теперь ты можешь говорить с ними, и не причинят они тебе зла!" И заговорил король Туан: „Что вы за люди? И откуда прибыли вы на землю Грамария?" Тогда один из них выехал вперед и произнес с чуждым варварским акцентом, что является самым знатным лордом в их королевстве дикарей и что остальные лорды восстали против своего короля и сбросили его, и ему пришлось со своими людьми просить у короля Туана приюта. И сжалилось сердце короля Туана, и сказал он: „Бедные благородные сердца! Я уверен, что те, кто напал на мое королевство, причинили зло и вам!" И он приехал вместе с ними. Главный же волшебник не спускал с них глаз..."

Летописи правления Туана и Катарины, записано отцом Чиллди

— Так как тебя зовут?— Род ушам своим не поверил.

— Йорик.— Варвар развел руками:— А в чем дело? Никогда не слышал такого имени?

— Да нет, слышал, но не в действительности, оно взято из пьесы... но ты не очень-то похож на англичанина.— Он бросил взгляд на солдат, которые стояли за их спинами с копьями наготове, потом посмотрел на тех, что стояли напротив, окружив неандертальцев кольцом. Род хотел было приказать им опустить копья, но решил, что пока не время.

— Одно ваше слово, и они опустят свои пики,— сказал варвар.

— Да, я знаю,— усмехнулся Род.

— Мне кажется, что все это я уже видел когда-то.— Йорик потер рукой глаза.

— В самом деле?— спросил Туан, нахмурив брови.— У меня такое же чувство.

Неандерталец покачал головой.

— На самом деле странно. Мне кажется, что все это я уже пережил когда-то. Разве что...— Он повернулся к Роду:— Тебе бы следовало быть на фут выше, с пронизывающим взглядом и широким благородным лбом.

Род поежился:

— Что значит, следовало быть?

Неандерталец поднял руку ладонью вверх.

— Никаких обид. Но тебе следовало бы также иметь надменное лицо...

— Разумеется,— согласился Туан.— А у тебя должен бы быть на спине горб, а изо рта торчать клыки, и в глазах непременное выражение идиота-убийцы!

Йорик попятился. Затем лицо его побагровело, он сдвинул брови, так что не стало видно глаз (а брови, надо сказать, у него были довольно густые). Он шагнул вперед, открыл рот... тут к нему подскочил Род.

— Значит, вы оба испытываете... э... ощущение déja vu?

— Отлично сказано,— Йорик кивнул в знак согласия.— Я знал, что этому есть название.

Теперь настала очередь Рода удивиться.

— То есть... ты слышал это выражение раньше?

— Ну, конечно, слышал.— Йорик закивал и улыбнулся.— Просто оно не пришло сразу на ум, вот и все.

Остальные варвары за его спиной повеселели и закивали головами, перебрасываясь друг с другом какими-то фразами и посматривая то на Рода, то на Туана.

— А как насчет вас?— Род посмотрел на Туана.— Слышали когда-нибудь эти слова?

— Никогда в жизни,— решительно ответил Туан.— А это что-нибудь означает?

— Ну разумеется.— Йорик хмыкнул.— Это значит, что я здесь чужак. Но вам это было известно, не так ли, господин волшебник? Я имею в виду то, что это очевидно.

— Да, но я-то думал, что сюда вас всех завезли,— Род насупился.— И один из вас точно участвовал в этом деле, ведь так?

Йорик моргнул.

— Прошу вас, не стоит об этом! Я предпочитаю считать это место спасительным для беженцев и эмигрантов.

— Да, действительно? А я-то полагал, что для этого требуется сначала найти гостеприимного хозяина!

— А что хозяин?— Йорик пожал плечами.— Увидели ничью землю, выгнали оттуда несколько динозавров и поселились на ней.

— А вы никогда не задумывались над тем, что жители Грамария могут иметь на этот счет свое мнение?

— А что? Вы тут, мы там, нас разделяет океан. Да вы и не догадывались о нашем существовании!

— Господин волшебник,— прервал его Туан,— мне кажется, что все это очень интересно, но меня волнует другое.

— Да, ситуация запутанная,— согласился Род. Он повернулся к Йорику:— Не возражаете, если мы вернемся к началу?

— Отлично.— Йорик пожал плечами.— Откуда начнем?

— Откуда, по твоему мнению, начинается вся эта история?

— Ну, когда меня вытащили за ноги, и женщина

произнесла: „Мальчик!“, а тот, что стоял рядом с ней...

— Нет-нет!— выпалил Род.— Это уж слишком давно. Не возражаешь, если мы начнем с того момента, когда ты начал изучать английский. Как это произошло?

Йорик удивленно посмотрел на него:

— Ну, кто-то научил. Как еще?

— Глубокая мысль,— огрызнулся Род.— Как это я не додумался до этого сам? Давай поговорим о твоем учителе. То, как ты говоришь, свидетельствует о том, что он не выходец из Средневековья.

Йорик нахмурился:

— А как ты догадался? То есть, я точно знаю, что меня не отдавали в начальную школу, но...

— На самом деле?

Йорик покачал головой:

— Не прошел вступительный экзамен. Мы, неандертальцы, не очень-то сильны в обращении со знаками. Знаешь, нет лобных долей.— Род уставился на него. Йорик озадаченно посмотрел в ответ. Потом лицо его растянулось в ухмылке:— А, понимаю. Готов поспорить, что ты сейчас думаешь о том, что, если я не в состоянии оперировать знаками, как я вообще могу разговаривать. Так?

— Что-то вроде этого. Я, конечно, заметил, что твои товарищи общаются друг с другом на своем языке.

— Да, на собственном языке — ты не встретишь другое племя неандертальцев, говорящих на нем.

— Да мне как-то и не хочется искать.

Йорик пропустил мимо ушей его реплику.

— Эти эмигранты — представители таких разных наций, что нам пришлось создать собственный универсальный язык. Безусловно, он намного богаче любого из их родных языков, но при этом словарный запас его очень ограничен. Ни один из неандертальских языков не уходит дальше „Я голоден. Это еда... Идти убивать“.

— Ну, в это-то я могу поверить. Итак, как ты умудрился изучить английский язык?

— Как попугай,— объяснил Йорик.— Я запоминаю все вопросы и обязательно ответы, которые должны следовать на них. Например, если скажут „Привет!“, то в ответ я должен сказать „Привет!“, а если прозвучит: „Как дела?“, то я должен ответить: „Отлично. А как твои?“ и при этом я даже не задумываюсь о том, что говорю.

— Это свойственно не только неандертальцам,— заверил его Род.— Но то, как ты говоришь, требует несколько более сложного подхода.

— Это зависит от умственных способностей.— Йорик постучал по голове.— Идея как бы толкает меня изнутри, понимаешь? И те слова, что должны выразить эту идею, выскакивают из памяти в ответ на чью-либо реплику.

— Но, разговаривая, мы ведь не просто говорим.

— Согласен, но ведь ты знаешь, что означают слова, когда их произносишь. Что касается меня, то я просто воспроизвожу их и при этом даже не понимаю, о чем говорю.

— Ну, я знаю многих людей, которые...

— Но им стоит лишь остановиться и задуматься, чтобы понять, о чем речь.

— Ты не знаешь людей,— Род одарил его ехидной улыбочкой.— Но я тебя понял. Поверил ли — это другое дело. Ты хочешь убедить меня в том, что не понимаешь тех слов, которые говоришь мне, например, сейчас... даже если перестанешь думать о каждом слове в отдельности.

Йорик кивнул:

— До тебя начало доходить. Большинство слов для меня — просто-напросто сочетание звуков, и ничего более. Я должен принять на веру то, что они означают то, что мне нужно, чтобы они значили.

— Звучит немного странно.

— Почему же, не очень... я понимаю суть. Но большинство словосочетаний являются просто самым естественным ответом на заданный вопрос. Ну, представь себе попугая, который говорит „Иди", когда видит зеленый свет.

— Довольно-таки сложное объяснение,— заметил Род.

— Да, но все это можно запомнить и использовать, воспроизводя в разговоре.— Йорик развел руками.— Я и сам как следует не понимаю всего механизма.

— Но твой родной язык...

— Состоит из нескольких тысяч звуковых эффектов. Даже не музыкальных, не забывай об отсутствии лобных долей... Манипулировать высотой тона ведь сродни манипулированию цифрами. Я люблю слушать музыку. Для меня любая простенькая песенка — это чудо.

Туан кашлянул:

— Он что, полный идиот?

— Э, нет!— Йорик вытянул руку и потряс головой.— Не стоит нас недооценивать. Мы сообразительные, знаете... и мозг по размерам не уступает вашему. Мы всего-навсего не можем болтать, как вы, вот и все... Мы в состоянии оперировать лишь конкретными понятиями, ну, такими, как вода, пища, камень, огонь, секс — то, что мы видим и можем потрогать. Мы не умеем говорить об абстрактных понятиях, для них требуются символы, знаки. Мы научились пользоваться огнем и оружием. Конечно, наш народ не из лучших, но мы сообразительные.

Род кивнул.

— Да, Туан, не стоит их недооценивать. Мы считаем себя умными, потому что изобрели атомное...— Род вспомнил, что жителям Грамария вовсе не обязательно знать о достижениях техники. Это может разрушить всю их культуру. Надо придумать что-нибудь соответствующее...— Самострел. Но приручить огонь было делом посложнее.

— Спасибо на добром слове.— Йорик одобрительно кив-

нул.— Вы, sapiens, смогли построить такую сложную цивилизацию, потому что имели для этого прочное основание, которое было создано задолго до вашего появления. Вы просто наследовали его. Но мы — именно те, кто построил этот фундамент.

— У неандертальцев был разум,— пояснил Род.— Они просто не могли манипулировать символами, а без них, знаете, можно обойтись иногда и сейчас.

Йорик кивнул:

— Аналитические выводы не для нас. Зато у нас развита интуиция и память.

— Да, чтобы запомнить все стандартные ответы, которые не понимаешь...

Йорик мотнул головой:

— Я могу вспомнить практически все из того, что со мной случалось в жизни.

— А как насчет того, кто учил тебя английскому?

— Да, разумеется! Это...— Йорик запнулся. Минуту спустя он выдавил жалкую улыбку.— Я... мне бы не хотелось возвращаться к этой теме.

— Но мы настаиваем,— тихо произнес Род.— Кто учил тебя?

— Тот, кто дал мне имя,— понуро ответил Йорик.

— Значит, он был достаточно образован... и определенно не принадлежал к средневековой культуре.

Йорик нахмурил брови:

— А с чего вы взяли?

— Я манипулировал символами. Как его имя?

— Орел,— выпалил Йорик.— Мы его так зовем, потому что он похож на него.

— У него что, перья?— Род вдруг вообразил себе крылатое существо, решившее завоевать планету.

— Да нет! Он человек, обычный человек. Быть может, он и отрицает это, но так оно и есть. Просто его нос похож на клюв, и он всегда выглядит таким сердитым, и волос на голове почти нет... Он научил нас земледелию.

— Да?— Род насупился.— Неандертальцы никогда не занимались ничем, кроме охоты и сбора ягод, не так ли?

— Да. К тому же мы бы никогда не оказались вместе. Орел собрал нас по одному со всей Европы и Азии.

Род задумался.

— Странно. Почему он не взял племя целиком?

— Ему не нужно было племя. Ему требовалось сохранить горстку невинных жертв.

— Жертв?— переспросил Род.— Но чьих?

— Многих.— Йорик помрачнел.— Плосколицых, например... они чем-то похожи на нас, только побольше. Они получше нас разбирались в оружии.

— Ясно,— задумчиво произнес Род.— Эти люди — последние неандертальцы?

— Похоже, что так! И это было нашей бедой, как, впрочем, и остальных неандертальцев. Нас готовы были убить, уничтожить...

Род вдруг понял, что из себя представляет Йорик: параноик, настоящий параноик!

— Мне кажется, дело обстояло не совсем так, как ты говоришь.

— Скорее бы мы убили их, чем они нас?

— Нет... стоило взглянуть на Плосколицых, как вам хотелось убить их.

Йорик явно почувствовал себя неуютно.

— Ну да, этот Дурной Глаз, ты имеешь в виду... Это наша беда! Ну, я хочу сказать, что так стараешься не выдать себя, скрыть это... но рано или поздно кто-нибудь опять кидается на тебя с булавой и...

— О, продолжай! Это было неизбежно, правда?

— Ты никогда не жил среди неандертальцев, ведь верно?

— Ну...— Род мотнул головой.— Там ведь не было цивилизации, так?

— Жили, как пещерные люди,— согласился Йорик.

— Ладно.— Род виновато посмотрел на дикаря.— Извини... я забыл.

— Да ладно,— Йорик ухмыльнулся.

— Но как случилось, что ваши ссоры превратились в настоящую бойню?— спросил Род.

Йорик поморщился:

— Ну, что тебе сказать? Никакого правосудия, чуть что, мордобой, и за себя уже не отвечаешь. Так что прибегаешь к „замораживанию".

— Только в целях самозащиты, разумеется.

— Безусловно! Многие из нас достаточно благоразумны, чтобы добивать того, кого заморозили. Знаешь, требуется большая сила воли, чтобы заставить человека застыть на месте, и немалые усилия. У него не остается сил на удар.

— Что ж, может быть,— Род недоверчиво посмотрел на варваров.— Но, если вас не хотят убить, разве есть необходимость причинять кому-либо зло?

— Тут дело в другом,— возразил Йорик.— Например, если я заморожу взглядом тебя, ты будешь чувствовать себя достаточно плохо...

Послышалось бряцание оружия, и Род понял, что его солдаты в боевой готовности.

— Поосторожней, варвар!— раздался у него за спиной голос Туана.

Йорик продолжал, не обратив на слова короля никакого внимания:

— Но если я не наброшусь на тебя, то ты можешь расценить это как презрение и возненавидишь меня еще больше. Все дело не в тех, кого замораживаешь, а в зрителях.

— Вы что... продаете билеты?

Лицо Йорика перекосило от злобы.

— А знаешь ли ты, как трудно быть одиноким среди этих маленьких племен?

— Да... думаю, что это действительно нелегко.

— Нелегко, черт подери! Тебя готовы в любой момент убить! Кому хочется, чтобы рядом находился тот, кто может делать такое? И есть только один способ убедиться в том, что тебя не уничтожат. Нет, сначала мы хотели покинуть деревню сами.

— Странно, как вы вообще уцелели?— Рода вдруг осенило.— Хотя, с вашими способностями... Если кто-то подходит к вам слишком близко, вы можете заморозить его.

— Да, чтобы успеть унести ноги. Ну, а что потом?

— Выжить.— Род задрал голову и посмотрел на небо, представив, как бы это было в действительности: — Такое одинокое...

Йорик фыркнул:

— Тебе ведь никогда не доводилось жить подобной жизнью, не так ли? Одиночество — еще не самое худшее. Кролик в день на всех, как тут не взвыть от голода? И в любой момент тебя может разорвать саблезубый тигр. Я уж не говорю о волках и пещерных медведях!

Род задумчиво кивнул.

— Теперь я понимаю, почему нужно было создавать новое племя.

Йорик оскалился:

— Не забывай, нас было не так уж много. Между племенами огромные расстояния — и в каждом из них всего по нескольку эсперов, способных применять Дурной Глаз. Ну, может, один на каждые сто квадратных миль. А известно ли тебе, что это такое — сто квадратных миль, когда пробираешься босиком сквозь дебри?

— Недели две пути.— Но Рода в данный момент больше всего интересовали слова Йорика об эсперах, ведь он не сказал «колдун» или «монстр»...— Именно туда и пришел ваш Орел?

Йорик кивнул.

— Как раз вовремя. Отбирал нас по одному и перебросил в чудесную горную долину, которую выбрал сам. Там красиво и высоко, и много дождей, круглый год стоит прохлада..

— И очень холодно зимой, наверное?

— Да нет. Там же юг, наверное, поэтому... Конечно, дичи на нас, на четыре тысячи, было не совсем достаточно...

— Четыре тысячи? Он что, собирал вас всю свою жизнь?

Йорик открыл было рот, чтобы ответить, но потом опомнился и, тщательно подбирая слова, сказал:

— Он знал, как быстро путешествовать.

— Очень быстро, я полагаю... по меньшей мере со скоростью мили в час.— Род представил вездеход, взбирающийся на крутой склон.— И как он доставил вас в эту долину? На крыльях?

— Что-то вроде этого,— ответил Йорик.— Но он не только доставил нас туда. Он научил нас, как пользоваться луком и стрелами, мы часами занимались охотой. Но Орел знал: скоро мы перебьем всю дичь, и стал учить нас земледелию. Так мы научились выращивать кукурузу.

— Кукурузу? — Род крякнул от удивления.— Где, черт подери, он ее раздобыл?

— О, это не совсем то, что ты думаешь,— быстро ответил Йорик.— С такими маленькими початками, около четырех дюймов в длину.

— Но пятьдесят тысяч лет до нашей эры кукуруза представляла из себя нечто вроде огромной сорной травы,— рявкнул Род.— Да и росла она только в Новом Свете. Неандертальцы же жили в Старом.

— С чего ты взял? — фыркнул Йорик.— Если мы не оставили там своих ископаемых, то это еще не значит, что нас там не было!

— Но и не означает, что вы там были,— огрызнулся Род.— У тебя поразительные способности — не отвечать на вопросы, которые тебе задают.

— Разве? — хмыкнул Йорик.— Для этого нужна практика, должен заметить.

— Ладно,— буркнул Род.— Расскажи еще что-нибудь о своем Орле. Откуда он пришел?

— Небо послало его нам в ответ на наши молитвы,— смиренно ответил Йорик.— Но мы перестали звать его Орлом — назвали его Королем Кукурузы. Ведь он привел нас в эту маленькую долину, где нас никто больше не беспокоил, и научил земледелию.

— Похвальный идеал,— съязвил Род.— И что потом?

— На нас напала банда Плосколицых.— Йорик вздохнул.— Они забрели в горы, чтобы рубить ели для плотов, и набрели на нашу долину. А будучи Плосколицыми, они не устояли перед возможностью грабежа и мародерства.

— Безусловно, неандертальцы никогда этим не занимались.

Йорик покачал головой.

— Зачем? Но они решили испытать судьбу, на время исчезли, а потом явились с целой ордой.

— Но не хочешь же ты сказать, что твой народ миролюбивый?

— Был,— согласился Йорик,— до какого-то времени был миролюбивым. Представь, на нас нападают пятьсот Плосколицых... Тут любой самый мирный житель схватится за оружие в целях самозащиты. А Орел научил нас, как пользоваться луками, тогда как Плосколицые еще не дошли до этого. Поэтому мы и выжили.

— Тогда Орел решил, что недостаточно хорошо вас упрятал? — спросил Род.

— Так,— Йорик тряхнул головой.— Он решил, что будет безопаснее переселить нас куда-нибудь с Земли, и перебросил

сюда, на Андерлэнд.— Он мотнул головой на запад:— Вон туда.

— На материк,— пояснил Род.— Перебросил, говоришь?

— Да.

— Но каким образом!?

— Не знаю.— Неандерталец пожал плечами.— Он поместил нас в такую большую квадратную штуковину, мы прошли через нее и... очутились здесь! — Он хмыкнул.— Вот так!

— Вот так.— Странно, подумал Род, как меняются умственные способности Йорика, стоит ему только захотеть. Похоже, неандертальцы прошли через машину времени. Рода охватил ужас — неужели этот самый Орел не кто иной как тоталитарист-футурист, организовавший два года назад всю заваруху? Или один из анархистов-футуристов, пытавшихся совершить государственный переворот? А может быть, кто-то другой, решивший захватить Грамарий? Вполне возможно. Ведь существуют же две организации, путешествующие во времени, не исключена и третья? Или четвертая? И сколько вообще машин времени спрятано на этой планете? Значит, Грамарий так важен?..

Вполне возможно, подумал он. От ренегата-футуриста он узнал, что Грамарий может вполне обрести демократию и поставлять телепатов, жизненно необходимых для выживания межпланетной демократии. А это означало, что анархисты и тоталитаристы обречены на провал, если только они не устроят на Грамарии диктатуру или анархию. Планета является центральным связующим элементом в истории человечества, и Род — своего рода связной...

Орел наверняка — футурист, но на чьей он стороне? От Йорика точно этого не узнаешь Он, конечно, попытается, но неандерталец замкнется. Род решил не торопить события, пусть Йорик договорит, скажет то, что хотел сказать, а Род будет просто внимательным слушателем. Таким образом удастся узнать еще кое-что. Сначала получим основные сведения, подумал он, потом уже будем копаться в деталях. Род выдавил улыбку и сказал:

— По крайней мере, вы спаслись от Плосколицых...

— Конечно. Действительно, сначала все было просто чудесно. Мы истребили динозавров... Надо сказать, мясо у них превосходное!

— И как вы с ними разделались?

— Вилкой и ножом. Да со специями. Представь себе огромные куски мяса, вращающиеся на вертеле... Отрезаешь себе кусок, жир капает на землю... и с сырным соусом! Пальчики оближешь!

— Да, могу представить... но давай отложим эту тему.— Род ощутил, как сдавило желудок.— Уверен, что королевский повар с удовольствием запишет твой рецепт.— Солдаты за его спиной загоготали, а Туан сглотнул слюну. Род сменил тему.— Вы наверняка повозились с кустарником и деревьями?

— Да, построили преотличные домики. Потом засеяли поля и занялись рыбалкой в ожидании урожая.

— Что-нибудь наловили?

— Да, знаешь, таких здоровенных рыб, футов пять-шесть в длину. Если их приготовить с...

— А как с земледелием? — прервал его Род.

— Лучше и не придумаешь. Так быстро все выросло, и такое большое. Здесь прекрасная земля.

— Настоящий райский сад,— сухо произнес Род.— А кто затеял ссору?

— Один парень с блестящими глазами, он хотел справедливости.

Род, потерявший было интерес к беседе, вдруг встрепенулся:

— Парень, говоришь?

— Ну, лет около сорока, с этаким звериным блеском в глазах, но его никак не назовешь взрослым. Он не различал действительность и фантазии. Вообразил, что он волшебник и священник в одном лице, и стал говорить всем, что они должны поклоняться Старому Богу.

Род нахмурился.

— Какому такому «Старому Богу»?

— Да его никогда никто не видел...

— Так бывает с большинством богов.

— В самом деле? А я слышал, что бывает по-другому. Но этот шаман рисовал Бога и показывал нам — огромное раздутое чудище со змеями вместо волос и маленькими огоньками вместо глаз. Называл его Кобольдом*.— Йорик поморщился.— Аж вспоминать противно.

— Бог был не из тех, что внушают доверие? — спросил Род.— А парень решил, что обратит вас в эту веру?

Йорик кивнул.

— Но у него не получалось это до тех пор, пока его приятель Атлем не потерялся в море.

— Это заставило людей поверить в существование бога Кобольда?

— Нет, то, что Атлем вернулся.

— А... Значит, умер и воскрес.

— Ну, не совсем так. Атлем отправился на рыбалку и пропал. Он вернулся лишь две недели спустя и сказал, что нашел совершенно новую землю и что до нее плыть пять дней. И что там полным-полно Плосколицых!

— О! — Род медленно поднял голову.— И ваши люди решили, что Орел ошибся, не так ли?

— А ты сообразительный, милорд.

— И значит, верить нужно в Кобольда?

Йорик кивнул:

— Звучит не очень правдоподобно, да?

---

* Кобольд — дух, обитающий под землей (из немецкого фольклора).

Род пожал плечами:

— Так подумали люди, а они руководствуются общественным мнением, а не логикой.

— Согласен.— Йорик развел руками.— Поставь себя на их место. Для чего Орлу нужно было расселять нас так близко от наших врагов, если он на самом деле был могущественным и мудрым?

— Но ведь враги были далеко, вас разделял с ними океан,— возразил Род.— Пять дней пути.

— Мы так и сказали.— Йорик кивнул в сторону своих товарищей.— Мы встали на защиту Орла. Я был его правой рукой, а Гачил — левой.

— А остальные, значит, были пальцами?

— Совершенно верно. Мы заявили, что Плосколицым до нас не добраться — нас ведь разделяет вода. Но однажды мы глянули в небо и увидели там Плосколицего.

Род замер. Тоби, летевший по следу противника! Но не утаил ли Йорик кое-чего? Почему не сказал о том набеге?

Неандерталец продолжал:

— Это подлило масла в огонь, должен сказать! Этот шаман... Маджхорк — так его звали,— он стал носиться по деревне, показывать всем на этого плосколицего и кричать, что Орел всех нас предал, и что теперь Плосколицые нападут на нас и уничтожат!

— И никто не смел ему возразить?

— Некоторые из нас пытались разъяснить людям, что один Плосколицый — это еще не армия и не флот. Но я же сказал, этот Плосколицый летел. Все перепугались. Началась паника, некоторые даже начали рыть ямы и прятаться там. Они столкнулись с магией, колдовством, а Орел твердил им, что никакой он не волшебник и не колдун. Не то чтобы ему не верили, но...

— Это вселило недоверие в их души,— перебил его Род.— Хорошо!

Неандерталец нахмурился.

— Это почему же?

— Да так, не обращай внимания. Насколько я понял, людн поверили ему, и причем в самое неподходящее время?

— Да. Этот шаман Маджхорк бегал и кричал, что он волшебник и колдун и что его бог, этот Кобольд, защитит их, что они поборят Плосколицых и... Народ не очень-то хорошо соображает, когда напуган. Начали кричать, что шаман прав, что Кобольд на самом деле бог.

— И вы почувствовали, что пора убираться восвояси?

— Да, именно тогда, ты прав. Мы...— Йорик кивнул головой в сторону своих товарищей,— почувствовали, что обстановка накаляется. Поэтому мы устремились в Высокую Пещеру, чтобы посоветовать ему улетать.

— Надеюсь, он послушался вас.

— Послушался, как же! Он опередил нас, как обычно. Он

уже упаковал наши мешки. Когда мы взвалили их на плечи, он сунул каждому по луку и приказал укрыться в джунглях и построить плот.

— Плот? — удивился Род.

Йорик кивнул:

— Там растут такие толстые деревья с прочной древесиной, так что на таких плотах можно действительно идти в море. Он сказал, чтобы мы не волновались о том, куда мы отправимся,— от нас требовалось только выйти в океан и плыть по течению. Он приказал захватить с собой много еды и питьевой воды, потому что мы могли провести на этом плоту много времени.

— Без паруса и весел? — Род подумал, что этот Орел, колдун он или нет, обладал кое-какими знаниями, если учесть к тому же, что он управлял машиной времени. Похоже, он знал о течении, соединявшем Землю Варваров с Грамарием.— А он сказал вам, где высаживаться?

— Да... на Земле Плосколицых. Он сказал, что не надо беспокоиться об этом, потому что эти Плосколицые хорошие люди, как и он сам.— Йорик зажал рукой рот и выпучил глаза.

Ясно, Йорик хотел утаить это сообщение.

— Ты не хотел говорить, что он хороший? — улыбнулся Род.

— Э... да.— Йорик убрал руку со рта и с готовностью замотал головой.— Да, конечно. Что он хороший, только это.

— Я так и подумал. Я думаю, тебя волновало то, что я узнаю, что он Плосколицый, как мы. Но это и так было ясно.

— Да? — Йорик поник.— Вы, ребята, сильны в манипулировании символами, правда?

Как мог неандерталец сообразить, что слова являются символами? Опять дало о себе знать его образование.

— Итак, вы построили плот и вышли в океан... и течение вынесло вас к нам.

— Да.— Йорик перевел взгляд на поднятые копья.— И не хотелось бы тебе говорить об этом, но мы решили, что Орел, возможно, ошибся относительно вас.

Род пожал плечами:

— Разве можно винить этих людей? Некоторые из них местные жители, а ваши ребята уничтожили деревню недалеко отсюда несколько дней тому назад. Они превратили ее в груду пепла... А у некоторых из моих солдат там были родственники...

— Что они сделали? — Йорик в ужасе уставился на Рода.— Потом он посмотрел на своих людей и обрушил на них поток непонятных гортанных звуков. Его товарищи сначала застыли, потом на лицах их отразился ужас, который сменился гневом.

Они что-то ответили Йорику. И он повернулся к Роду:

— Не хотел бы показаться навязчивым, милорд... но вы уверены, что так оно и было на самом деле?

Род кивнул, стараясь придать своему лицу бесстрастность. Йорик и его люди были либо явно удивлены и шокированы подобной новостью, либо они очень хорошие актеры.

— Неандертальцы уничтожили еще одну деревню на севере. Я был там и видел все своими глазами. Многие жители успели бежать, но напавшие разделались с моими солдатами, как с рождественским пирогом.

На лице Йорика одно выражение сменялось другим — он боролся со своими эмоциями. Потом он отвернулся и сплюнул.

— Коварный Маджхорк! Наверняка это его рук дело!

— Значит, ты ничего не знаешь об этом? — спросил Туан.

Йорик покачал головой:

— Ни я, ни кто другой из нашей деревни.

— На борту длинного корабля было человек сто ваших людей,— сказал Туан.— Значит, многие жители вашей деревни знали об этом.

— Если это так, то как им удалось сохранить это в секрете? — удивился Йорик.— Что-то не верится. Наверное, это все из-за этой проклятой эпидемии.

— Эпидемии? — насторожился Род.— Какой эпидемии?

— Да так, ничего серьезного, знаете... но люди слегли с температурой от простуды на неделю, другую. Им было не до того.

— И эта болезнь так обособила людей,— сказал Род.

— Ну, да,— задумчиво произнес Йорик.

— Все очень просто,— обратился Род к Туану.— Если кто-то стучался в дверь и не получал ответа, то решал, что там спят или так больны, что их не стоит беспокоить.— Он повернулся к Йорику: — И никто не догадался зайти к другому без разрешения, так?

Йорик пожал плечами.

— Без приглашения мы обычно не заходим друг к другу. Каждую ночь мы оставляли у порога еду... но наутро ее не было на месте.

— Да, думаю, в эти дни у вашего шамана и его дружков был усиленный рацион.

— Ты прав, наверное.— Йорик помрачнел.— Но нам и в голову не пришло навестить кого-нибудь из больных... мы доверяли друг другу. Ты и не представляешь, как это здорово, прожив столько времени в одиночестве, заиметь вокруг себя столько людей, похожих на тебя. Мы даже не перебрасывались словами приветствия с теми, кто подхватил какую-нибудь болезнь, чтобы не заразиться.

Род насупился.

— Заслуживает презрения все это, но просто объясняется.— Он посмотрел на Туана.

— Значит, этот грязный Маджхорк направлял на вас, Плосколицых, наших людей, чтобы вызвать ваш гнев,— прорычал Йорик.— Значит, нечего удивляться, что вы послали к нам своего шпиона.

— А вы случаем не шпионы? — Род сощурил глаза.— Подумай хорошенько, прежде чем ответить.

— Кто, мы? — Йорик удивленно уставился на него.— Да

вы что, милорд! Это как идти на спящего пещерного медведя и разбудить его пинком! Думаешь, мы вообще приплыли бы к вам, если бы у нас был хоть какой-нибудь выбор?

— Да,— медленно произнес Род.— Что-что, а смелости вам не занимать. Но не такие же вы олухи, чтобы явиться вот так, в открытую... да еще один из вас говорит на хорошем земном английском.

— Мне кажется, они те, за кого себя выдают,— раздался позади него голос Туана,— господин волшебник... хорошие люди с добрыми намерениями, бежавшие от зла.

— Должен признаться, что вы правы.— Род вздохнул.— Но раз уж разговор зашел о хороших людях... что произошло с Орлом?

Йорик пожал плечами.

— Он только сказал нам, что собирается тоже спрятаться.

— И прихватит с собой свою технику, я надеюсь,— буркнул Род.— У врага уже достаточно много машин времени.

— Врага? — Туан сердито посмотрел на него.— Но здесь всего-навсего борьба за власть, лорд Гэллоуглас.

— Да, тот, кто считает Грамарий лакомым кусочком, по-вашему, не является врагом?

— Тоталитаристы-футуристы,— раздался в ухе Рода голос Векса,— и футуристы-анархисты.

— Ты же знаешь, как устроена моя голова,— продолжал Род, обращаясь к Туану.— Мне всегда надо удостовериться в том, что за злодеем действительно стоит злодей.

Туан улыбнулся.

— Если такая подозрительность поможет тебе охранять нас так же, как и раньше, что ж, можешь за каждым кустом видеть по медведю!

— Ну, не медведя... а так, Мишку, причиняющего кое-какие беспокойства.

— Оптимистам живется веселее, милорд,— заметил Йорик.

— Да, потому что пессимисты обезопасили их существование. А о какой безопасности может идти речь, когда не знаешь, откуда ждать следующего удара противника?

Йорик пожал плечами:

— Маджхорк может выставить с тысячу людей. В каждом месте, где они могут напасть, выставите по пятьсот солдат.

— В каждом месте? — переспросил Род, ухмыляясь.— Наше побережье тянется на три тысячи миль, и по меньшей мере через каждые десять миль мы должны выставить по пятьсот солдат! Да и пятисот солдат не хватит, ведь противник использует Дурной Глаз. Нам придется тогда выставить по две тысячи солдат.

Йорик пожал плечами:

— Так в чем проблема?

Род почувствовал, как его распирает от злости, потом до него дошло, что неандерталец почти не оперирует цифрами, самое простое действие умножения для него непостижимая

проблема.— Это составит около шестисот тысяч людей, а у нас...

Йорик прервал собеседника, подняв ладонь.

— Э... У меня начинаются проблемы, как только переваливает за двадцать. Не хватает пальцев на руках и ногах...

— Поверь мне на слово, это намного больше того, чем мы располагаем. Средневековая техника не в состоянии справиться с большим населением.

— Да? — Йорик смутился, потом повеселел.— Но можно выставить часовых.

— Конечно... мы так и сделали. Проблема заключается в том, как перебросить армию в то место, где должны будут высадиться враги.

— Ну, не так уж все сложно!

Род набрал побольше воздуха:

— Слушай... Нам придется направить туда столько людей, сколько жителей в твоей родной деревне.

— Только для того, чтобы сразиться с какой-то паршивой тысячей?

— Мне кажется, ты не совсем понимаешь, какое преимущество Дурной Глаз дает вашим людям,— печально произнес Род.

— Не такое уж и большое. Я имею в виду, что один человек может заморозить только одного противника. Ну, самое большее, двух, если сильно постарается... но тогда у него плохо получится.

Род уставился на Йорика, потом сказал:

— Но одна ваша лодка полностью заморозила всю нашу армию.

— Что?!

Род кивнул.

— А моих людей было вдвое больше ваших.

Йорик стал загибать пальцы, потом мотнул головой:

— Не может быть! Такого не может быть!

Род недоверчиво посмотрел на него и пожал плечами.

— Значит, кто-то смог это сделать.— Он вспомнил слова Гвен о молнии.

— Тогда попытайтесь разобраться в этом,— предложил Йорик.— Вы, Плосколицые,— ребята сообразительные. Мы показали вам, как можно применять Дурной Глаз, так, кажется, вы называете это? Мы покажем вам, как это делается.

— Это могло бы действительно помочь...

— Ну, разумеется! Вы сможете лучше разобраться во всем этом!

— А почему ты решил, что сможем?

— Ну, вы же оперируете символами,— усмехнулся Йорик.

Род хотел ответить, но сам не знал, что — и закрыл рот. Он лишь улыбнулся и сказал:

— Манипулирование символами не всегда помогает волшебству, Йорик.

— Все равно попробуем. Вы скажите нам, что делать, и мы сделаем.

— Может, они действительно могут нам пригодиться? — спросил Туан.

Род покосился на него:

— Поставить их сражаться бок о бок с нашими солдатами? Да их изрубят на куски наши люди в первой же схватке!

— А если пустить их впереди основной силы, чтобы они встретили врага первыми? Можно научить их обращаться с большим луком и копьем, а потом подоспеть им на помощь.

Род покачал головой:

— Они тут же нарвутся на копье одного из наших рыцарей. Они не очень-то осторожны.— Глаза его вдруг округлились, он усмехнулся: — О!

— Что такое? — удивленно спросил Туан.

— Если здесь они не смогут помочь нам в бою, то тогда можно использовать их в другом месте!

Лицо Туана посветлело:

— Да, конечно! Хорошенько их обучить и направить обратно в Страну Варваров.— Там они смогут сразиться с людьми этого Маджхорка!

— Ну, не совсем так. Если они и выглядят все на одно лицо для нас, то это еще не значит, что они не различают друг друга. Но они могли бы укрыться где-нибудь там и набрать из числа недовольных новобранцев, и тогда...

— Да! Собрать небольшую армию!,

— Ну, я не думал о таком размахе...

— Армии, наверное, не получится,— возразил Йорик.— Пятьдесят человек, может быть, наберется, не больше...— Он оглянулся на товарищей, потом посмотрел на Рода: — Это все наши руки, вместе взятые, так?

— Так.— Род усмехнулся.— Но в нужном месте и в нужную минуту...

— Да, пятьдесят людей, знающих расположение местности.— Глаза Туана затуманились.— Что ж, неплохо, господин Варвар.

— «Йорик» устроило бы меня лучше,— неандерталец небрежно махнул рукой.— Пятьдесят, я думаю, мне удастся переманить на свою сторону. Да. Мы могли бы спрятаться в лесу с другой стороны скал. У большинства мужчин деревни есть жены и дети, они осторожны, значит, согласятся не больше пятидесяти.

Род кивнул в сторону остальных неандертальцев:

— А как твои парни?

Йорик покачал головой:

— Все холостяки. Странно, но Орел отбирал только неженатых, и, честно говоря, многие женщины очень расстроились.

— Не беспокойся, не всегда жениться — дело приятное.— Род с благодарностью вспомнил о Гвен.— Так, значит, ваш Орел — женоненавистник?

— Вроде бы нет. Он каждый раз кувыркался от радости,

когда кто-нибудь женился. Особенно, если женились его приближенные. Это безусловно отдаляло женатых от него, но он всегда говорил, что мужчин стимулирует женитьба. Похоже, верно?

— Интересно,— пробормотал Род.— Возможно, верно подмечено...

— Нас очень выручило то, что многие из них сидели рядом со своими женами, когда мы покидали деревню.

— Думаешь, Орел предусмотрел такую возможность?

— Наверное... не знаю. Итак, мы отберем холостяков для вас... но что нам делать потом?

— Вы нападете на них с тыла, мы же атакуем со стороны моря,— ответил Туан.— Потом, возможно, нам удастся выкурить вашего Орла из его гнезда.

— Или оттуда, где он прячется,— кивнул Йорик.— Звучит неплохо.

— Тогда по рукам? — Род протянул ему руку.

Йорик с минуту смотрел на нее недоуменно, потом улыбнулся.

— Да, конечно! Я вспомнил! — Он схватил руку Рода своими лапищами и начал ее трясти.— Союзники, да?

— Союзники,— заверил его Род.— Кстати...

— Что такое, милорд? — спросил Йорик.

— Доспехи викингов.

— Что?

— Доспехи викингов,— повторил Род. Он обрадовался, что его слова абсолютно ничего не значили для неандертальца.— Те налетчики вашего шамана были в доспехах викингов... ну, знаешь, рогатые шлемы, круглые щиты...

— Ах, да, я знаю, кто такие викинги,— пробормотал Йорик.— И корабли-драконы?

Род кивнул:

— Не знаешь, почему?

— Ну, наверняка, чтобы до смерти напугать местных жителей.

Род удивленно посмотрел на него.

— Ничего удивительного, если пытаешься приспособить терроризм к средневековой культуре,— пояснил Йорик.

— Действительно, ничего удивительного,— согласился Род.— Что ж, возвращаемся в Раннимед и приступаем к освоению военных премудростей.

Они двинулись на север в сопровождении вооруженных копьями всадников. Впереди ехали Род и Туан, за ними неандертальцы под присмотром одного из местных конюхов (неандертальцы никогда и не помышляли о том, что можно ездить на лошадях; есть их — другое дело). Солдаты и варвары посматривали друг на друга всю дорогу.

— Надеюсь, твоя жена не очень удивится гостям,— осторожно заметил Род.

— Уверен, что она будет гостеприимной, как, впрочем, всегда,— ответил Туан.

— Я просто боялся, что...

— Ну, давай, господин волшебник! Выкладывай! Ты что, считаешь, что моя милая жена не способна на...

— Что вы, Ваше Величество. Просто надеюсь, что эти пещерные люди знают хотя бы, что такое кровать и стул.

— Не сомневаюсь, что их придется учить пользоваться многими вещами у нас в замке,— Туан вздохнул.— Правда, Йорик, их предводитель, похоже, и так знает слишком много.

— О, да! Слишком уж смышленый для неандертальца парень. Но меня больше волнует не то, чему его обучили, а тот, кто учил его.

Туан усмехнулся:

— Ты говоришь об Орле?

— Да,— ответил Род.— Что-нибудь удалось выяснить во время вашей беседы?

— Я понял, что не очень-то просто у него что-либо выведать. Любой вопрос этот парень переворачивает и отвечает так, как хочет.

— Интересно,— заметил Род.— Но мне удалось все же кое-что узнать из того, что он хотел скрыть от нас. Вы ничего такого не заметили?

Туан пожал плечами:

— Я узнал, что Орел — колдун.

— Да, это было очевидным... но я бы сказал, что он относится к тому типу колдунов или волшебников, что и я. Он творит чудеса при помощи науки, а не при помощи... таланта, дара.

Туан задумался:

— И сколько такой «науки» вложил он в Йорика?

— Нисколько. Он бы не смог — здесь требуется математика. Ну, предположим, основные понятия... но без них никак не обойтись. Он обучил Йорика истории. Иначе откуда бы тому знать о викингах? А это меня беспокоит. Кто знает, чему еще он мог его научить, этот Орел, да и других своих людей?

Туан отмахнулся от подобной темы разговора:

— Я не забиваю себе голову такими вопросами, господин волшебник. Эти варвары не обладают достаточным умом, чтобы мы из-за них волновались — по крайней мере, не эти пятеро, они и языка-то нашего не знают.

— Я... бы... не... сказал... что...— Род набрал побольше воздуха.— Признаю, что они ограничены в своих способностях решать какие-либо проблемы. Но у них столько же серого вещества, сколько и у нас с вами.

Туан пристально посмотрел на Рода:

— Неужели ты на самом деле полагаешь, что они не глупее нас?

— Не могу заявлять это со всей уверенностью, но, скорее всего, так оно и есть. Вероятно, это некий особый, не совсем

привычный для нас тип разума.— Он оглянулся через плечо на неандертальцев. Солдаты с копьями тут же вытянулись в седлах. Род глянул на Йорика.— Да, непривычный.

Гвен прижалась к мужу и пробормотала:

— Ты никогда не отлучался так надолго, мой господин.

— Мне оправдываться? — Род лукаво посмотрел на нее.

— По-моему, ты никогда не удосуживаешься этого делать,— промурлыкала Гвен, прижавшись к его груди.

Род вдруг замер:

— Что это?

— Хм...— Гвен подняла голову и прислушалась. Потом она рассмеялась.— Да это просто ветка, мой господин.

— О! — Род расслабился.— Подумал, что ребенок... А ты уверена, что он в кроватке?

— Как тут быть уверенной с таким ребенком-волшебником? — Гвен вздохнула.— По правде говоря, возможно, что он сейчас где-нибудь в тысяче миль отсюда.— Она снова прислушалась, затем улыбнулась.— Нет, я слышу, как он сопит. Он действительно в своей кроватке, мой господин.

— И крышка закрыта, так что не улетит? — Род засмеялся.— Кто бы мог подумать, что сын у меня будет легче воздуха?

— Ты что, отрекаешься от своих родственников?

Род повернулся:

— Такие комментарии, моя дорогая, заслуживают...— Он подскочил.— Почувствовала?

— Нет,— раздраженно ответила она,— хотя хотела бы.

— Нет, я не об этом! Это дуновение ветра?

— Ветра? — Гвен удивленно посмотрела на него.— Да, что-то такое...— Глаза ее расширились.— Ох!

— Да.— Род свесил ноги с кровати, потом надел халат.— Здесь волшебник.— Он повысил голос: — Назови свое имя!

Вместо ответа у входа в пещеру постучали.

— Самое подходящее время выбрали для того, чтобы прийти в гости,— пробормотал Род и спустился по узкой лестнице в большую комнату.

У входа в пещеру на фоне ночного неба отчетливо был виден чей-то силуэт.

— Минуточку,— удивленно произнес Род.— У нас нет двери. Обо что ты стучишь?

— Не знаю,— ответила тень.— О дерево, оно рядом с входом.

— Значит, о ствол. Тоби?

— Да, господин волшебник. А как вы узнали о моем приходе?

— Когда ты переносишься с места на место, то сотрясаешь воздух. Я почувствовал дуновение ветра.— Род приблизился к молодому волшебнику.— Что-нибудь случилось, раз ты явился ко мне среди ночи? Что, наши... «гости» исчезли?

— Нет, господин волшебник. Они неплохо устроились в темнице... ой, в комнате для гостей. Но Его Величество вызывает вас.

— Что такое? Опять повар намудрил что-нибудь с чесноком? Ну, сколько раз ему можно повторять, что здесь не страна вампиров!

— Нет.— Лицо Тоби приняло печальное выражение.— Королева... Она вне себя!

Стража заметила приближение Рода и расступилась. Он остановился и услышал, как стражники перешептываются. Дверь отворилась. Он вошел... и чуть не налетел на Туана. Молодой король схватил его за руки и поднес к губам палец. Он кивнул в сторону Катарины. Род посмотрел на королеву, сидящую у камина — на лице ее плясали отблески пламени. Лицо ее было неприступным, глаза ничего не выражали и лишь следили за огнем. Потом она вдруг схватила из камина палку и сломала ее.

— Свинья, паршивый пес, идиот! — разразилась она.— Всей стране известно, что королева наполовину волшебница, а этот придурок, какой-то несчастный монах осмелился заявить, что...— Она швырнула сломанную палку в камин, и пламя вспыхнуло в ее глазах с новой силой; она же обрушилась на какого-то несчастного с новыми проклятиями:

— Чтоб он подавился собственной желчью и сдох!

Род пробормотал, обращаясь к Туану:

— Что так вывело ее из себя?

— Она объезжала страну, впереди скакал глашатай, следом за ней стража. Она призывала всех тех, кто обладает хоть малейшим даром колдовства, присоединиться к Королевскому Шабашу Волшебниц в Раннимеде.

Род пожал плечами:

— Значит, набирала добровольцев. Ясно. Но что разозлило ее?

Катарина посмотрела на них:

— Кто это там говорит?

— Это господин волшебник, любовь моя.— Туан шагнул к жене.— Я подумал, что ему будет небезынтересно узнать новости.

— Разумеется! Подойдите ближе, господин волшебник! Надеюсь, вам понравятся те новости, которые мы вам расскажем!

Род почувствовал, как от ее сарказма по коже пробежали мурашки. Он сделал шаг вперед.

— Если дело касается колдуний или волшебниц, я готов. Я так понимаю, вам оказали не совсем теплый прием?

— Какой там теплый, мне вообще показалось, что на дворе лютая зима! — рявкнула Катарина.— Мой глашатай сказал, что при виде моей кареты они готовы были запустить в нас камнями, но их останавливало лишь то, что моя стража вооружена.

— Да... не обнадеживающие новости... но, признаюсь, я не очень удивлен. Я боялся, что общественное мнение изменилось по отношению к эсперам... э, волшебникам.

— Я тоже, но...против них никто и слова не сказал. Но этот паршивый...

— Да кто? — Род вопросительно посмотрел на королеву.

— Этот пузатый святоша,— Катарина поморщилась.

Род открыл рот, потом закрыл. Он выпрямился, лицо его исказилось:

— Мне бы следовало догадаться.

— Этот ренегат-священник,— сказала королева, крутя на пальце кольцо.— Я разговаривала с аббатом, он и знать не хочет этого отступника.

— Самозванец,— Род поморщился.— Живет в пещере среди пчел, называет себя пророком и заставляет ему поклоняться.

— Он настраивает всех против меня,— натянуто произнесла Катарина,— а значит, и против короля. Я призываю колдуний к себе во дворец, а значит, недостойна своей королевской крови, а муж мой — короны, хотя он и помазан на верность Грамарию. И мое собственное, пусть и несильное, но колдовство, как заявил этот отступник,— дело рук дьявола.

Какой сдвиг вперед, отметил про себя Род. Еще два года назад она бы ни за что не призналась в своих телепатических способностях, хотя явно ими обладала.

— И вдобавок ко всему,— продолжала королева,— мы — посланцы сатаны, Туан и я, и не можем править страной. Ну, и, безусловно, все колдуньи на нашей земле должны умереть.— Она со всего маха ударила кулаком о стол.

Катарина обхватила голову руками и стала массировать виски.

— Все наши усилия прошлых лет — твои, мои и Туана — пошли коту под хвост всего за одну ночь! И не по вине армии и рыцарей, а благодаря какому-то грязному самозванцу-священнику, чьи сплетни облетели всю страну быстрее, чем слова моего глашатая. Похоже, для того, чтобы свергнуть короля, уже не требуется никаких сражений — слухов для этого вполне достаточно!

— Мне кажется,— с расстановкой произнес Род,— что этот вирус нужно как можно быстрее уничтожить.

— Не беспокойся,— сказал Туан.— Сэр Мэрис разослал по всему королевству своих людей, чтобы те подслушали, что говорит это чудовище. Мы найдем его до заката солнца и упрячем в темницу.

По спине Рода пробежали мурашки. Когда он говорил так, это звучало нормально, но из уст короля — даже и из лучших побуждений... Он вдруг понял, что реальную опасность представляет теперь не сам противник, а реакция Грамарии на нападение.

— Я не уверен, что, упрятав одного человека за решетку, мы добьемся успеха,— задумчиво проговорил он.

— Что вы имеете в виду? — Катарина уставилась на Рода.

— Он наверняка не один.— Род тщательно подбирал слова.— Когда извне вас атакуют варвары, и вы вдруг обнаруживаете, что изнутри на вас тоже давят враги...

— Да, как же я сам не догадался! — воскликнул Туан.— У них наверняка целая шайка! — Туан сжал кулаки.

Род посмотрел на пламя:

— Мне пришла в голову одна мысль, Туан...

— Снова враг за спиной врага? — Туан затаил дыхание.

Род кивнул:

— Разве не может один и тот же злодей стоять за обоими врагами?

— О чем это вы говорите? — воскликнула Катарина.

— Надо уничтожить короля варваров.— Туан подошел к ней и сжал ей плечо.— Их короля, которого они зовут Орлом. Его сместил шаман по имени Маджхорк. Под словом «шаман» они подразумевают нечто среднее между священником, врачом и колдуном.

— Опять священник! — Катарина гневно посмотрела на мужа.— Не кажется ли тебе, что слишком уж много во всем этом деле служителей церкви?

— Они являются преотличным орудием,— задумчиво проговорил Туан.

— Возможно. Но в чьих руках?

Прекрасный вопрос. Ответ на него нам нужно найти как можно скорее, и тут бы нам помогла Гвен со своими помощницами...

В ухе Рода послышался голос Векса:

— Недостаточно данных.

И Род должен был признать, что робот прав. Пока нет подтверждения о сговоре. Вполне возможно, что шамана поддерживают тоталитаристы-футуристы. Но он вполне может действовать и в одиночку: никогда не следует пренебрегать возможностями пластических операций. Ему почему-то вспомнилась Великая Октябрьская революция в России в 1917 году на старушке-Земле...

Но все эти новоявленные проповедники на Грамарии опирались на некую колдовскую силу. Центральная власть имеет ряд недостатков: она может контролировать движение в целом, но не более того. Анархия разрушает взаимное доверие, которое объединяет людей в общество и может быть на руку ярому милитаристу.

Безусловно, захвати он всю нацию, различие между ним и диктатором практически исчезнет, но тактика анархистов заключается в том, чтобы заставить нескольких ярых милитаристов бороться за власть, и при этом увеличивать их число.

— Ты на самом деле веришь в то,— спросил Туан,— что они заодно?

Род покачал головой.

— Не совсем. Они вполне могут представлять из себя две различные силы, борющиеся за власть. Но их может объединять одна цель — сломить нас.

— Тогда,— решительно заявил Туан,— надо сразиться с одним врагом, а за другим постоянно следить.— Он посмотрел на Катарину.— Нам нужно увеличить армию по крайней мере вдвое, моя дорогая. Кто-то ведь должен оставаться охранять страну в то время, когда мы отправимся за море ,в логово варваров.

— Ты говоришь о войне, муж мой... о кровавой войне!

Туан молча кивнул.

Катарина закрыла глаза.

— Я так боялась этого. Я уже видела одно сражение... это что-то ужасное!

— «Так,— подумал Род,— еще один шаг вперед».

Катарина снова посмотрела на Туана.

— А другого пути нет?

Он покачал головой.

— Нет, моя дорогая. Мы должны собирать солдат и... кораблестроителей.

«Так,— подумал Род,— Туан собрался организовать флот».

— Отведите меня к варварам,— сказал он.

Стражник, который сопровождал Рода в подземелье, подвел его к толстому охраннику со связкой ключей на поясе и собирался было уйти, как Род схватил его за руку.

— Послушай, но ведь они наши гости, а не пленники. Почему их содержат здесь?

Стражник насупился.

— Не знаю, господин волшебник. Так приказал сэр Мэрис.

Род нахмурился — что-то не похоже все это на старого рыцаря.

— Найдите сэра Мэриса и попросите спуститься сюда.—Он развернулся и пошел следом за охранником.

Род моментально потерял всякую ориентацию — темница больше напоминала запутанный лабиринт. Вероятно, первоначально...

Охранник вдруг остановился, сунул огромный ключ в замочную скважину массивной двери, что была толще его самого. Он повернул ключ обеими руками — послышался скрежет, словно замок не смазывали года два. Охранник распахнул дверь, и перед глазами Рода предстала камера, около двадцати квадратных футов, высотой футов двенадцать. Пять разъяренных варваров вскочили при их появлении на ноги и потянулись за ножами, которых уже не было. Потом, когда факел, что держал в руке охранник, осветил лица вошедших, варвары успокоились... по крайней мере Йорик, и остальные последовали его примеру.

Род набрал воздуха, чтобы заговорить, затем снова оглядел

подземелье. Он шагнул внутрь — запахло плесенью, он поморщился:

— Где, черт подери, я нахожусь?

— В темнице,— весело ответил Йорик.— По-моему, ни на что другое не похоже.

— Но это издевательство!

Йорик кивнул.

— Да... Я бы сказал, что думаю...

Род повернулся к охраннику.

— Эти люди — наши гости!

— Люди? — презрительно фыркнул охранник. Потом лицо его приняло безразличное выражение.— Я сделал то, что мне приказали, господин волшебник.

— А это что такое? — Род поддел ногой деревянную лоханку, стоявшую у ног Йорика.

— Каша,— ответил Йорик.

Род почувствовал, что вот-вот взорвется.

— Из чего?

— Они не соизволили сказать нам,— ответил Йорик.— Но мне кажется, что из трухи, которая осталась на дне мешка с зерном. Такое ощущение, что сначала ее высыпали на пол, а потом подмели...

— Надеюсь, вы не ели это!

— Да нет.— Йорик огляделся по сторонам.— Сказать по правде, меня больше волнует не то, из чего она сварена, а то, когда ее сварили.

— Я думал, что это игра света.— Род скривился.

— Нет.— Йорик кивнул на окошко под самым потолком... и, конечно с решетками.— Мы поднесли кашу к солнечному свету. Она на самом деле зеленая. Неплохая приманка, кстати.

— Приманка? — Род уставился на Йорика.

— Да. Мы тут устроили крысиные состязания.— Йорик пожал плечами.— Так, от нечего делать.— Он кивнул в сторону груды трупов, с фут каждый.— Победил Кролай, со счетом семь — четыре.

Род хотел было спросить, кто набрал четыре, но охранник объявил:

— Сэр Мэрис.

Старый рыцарь шагнул через порог. На нем был черный плащ с капюшоном. Шея была закрыта кольчугой, а на поясе висел широкий меч.

— Мое почтение, господин волшебник.

Род всегда уважительно относился к старому рыцарю, поэтому удержался и ответил:

— Мое почтение, сэр Мэрис. — Он помедлил немного, чтобы справиться с переполнявшими его эмоциями, тем более что мишень была перед глазами.— Почему этих людей заточили в тюрьму?

Сэр Мэрис моргнул и удивленно посмотрел на Рода.

— Но... как же, Его Величество приказал разместить их в соответствии с их рангом и...

Рода распирало от злости.

— Но, сэр Мэрис... ведь они не преступники! И не животные!

— Кем-то выше животных они просто-напросто не могут быть!

— Но они... намного выше! — Гнев Рода понемногу утих, потому что подобным образом старого рыцаря ни в чем не убедить.— В данном случае важна душа, сэр Мэрис... а не интеллект. Согласен, его у них не так много, Бог свидетель. Но их души сродни нашим. И полагаю, что они тоже бессмертны.— Род не стал упоминать, что данное утверждение можно толковать по-разному.— Внешность их отличается от нашей, и, возможно, носят они лишь шкуры убитых животных... Но они вольные люди, храбрые воины... мелкие земледельцы, если хотите. И на своей земле они приравниваются по положению к рыцарям.

Сэр Мэрис изумился. Йорик улыбнулся.

— Немного напыщенно, милорд... но спасибо. Да и справедливо. Мы просто беженцы.

Род вцепился в плечо сэра Мэриса.

— Чтобы все это осмыслить, нужно время, согласен. Но запомните, король будет очень сердит, когда узнает об этом. Переведите их в башню, где они смогут дышать свежим воздухом.

— Но, господин волшебник! — воскликнул сэр Мэрис.— Ведь они могут подать сигнал врагу!

Род закрыл глаза.

— Враг подойдет не ближе, чем к берегу моря, сэр Мэрис... а это в сотнях миль отсюда. И запомните: эти люди — не враги... они бежали от врага! — Он оглянулся и посмотрел на неандертальцев.— И, возвращаясь к сказанному... верните им их ножи.

— Оружие?! — Старый рыцарь чуть не задохнулся.— Господин волшебник, вы представляете, что они могут тогда сделать?

— Будут убивать крыс,— рявкнул Род.— Да, кстати, вы напомнили мне... кормить их нужно, как солдат. Хлеб, сэр Мэрис... и мясо!

Старый рыцарь вздохнул.

— Как скажете...

— Папа! — на плечо Рода неожиданно свалилось двадцать фунтов... Он в панике хотел было схватить Магнуса за руку, но моментально сообразил, что не стоит пугать ребенка — еще упадет. Род вздохнул с облегчением, когда ножки сына уперлись в грудь.

— Ах, ты проказник!

— Папа, сказку! Расскажи сказку!

— Сказку? Э... не сейчас, сынок.— Он снял малыша с плеча и посадил на руку.— Я сейчас занят.

Варвары открыли рты, потом стали что-то быстро говорить друг другу.

— Э... они говорят, что ребенок, должно быть, колдунья,— тихо сказал Йорик.

— Что? — Род удивленно посмотрел на него.— Нет, он волшебник. Это мальчик.

Йорик помедлил, потом кивнул.

— Понятно.— Он повернулся к своим товарищам и сказал им что-то. На лицах неандертальцев отразился страх перед сверхъестественным. Йорик повернулся к Роду: — Они, я бы сказал, «не успокоились», милорд.

Да, слишком рано они об этом узнали, подумал Род. Он пожал плечами:

— Они привыкнут к этому. Такое часто бывает в нашей стране.— Он пристально посмотрел Йорику в глаза.— Во всяком случае, мы тоже еще не привыкли к вашему «замораживанию», не так ли? Значит, волшебство на волшебство.

— Да, но... Дурной Глаз... он не во власти колдовства, это...— Йорик поднял указательный палец и пытался подобрать нужное слово. С секунду он смотрел на Рода, потом кивнул.— Хорошо.— Он снова повернулся к варварам и попытался им все объяснить.

— Нет, сейчас не время для сказок,— Род потрепал Магнуса по щеке.— Попроси маму.

— Мама ушла,— проворковал ребенок.

Род подозрительно посмотрел на сына. Потом спокойно сказал:

— Да? На самом деле?

Магнус кивнул.

— Мама ушла!

— Ушла? — переспросил Род.— А кто за тобой присматривает, пока ее нет?

— Эльф.— Ребенок улыбнулся.— Эльф не быстрый.

Род посмотрел на него укоризненно, потом кивнул.

— Но эльф все равно поймает малыша.

Ребенок сразу перестал улыбаться.

— Малыш не должен убегать от эльфа,— поучительно изрек Род.

Магнус отвел глаза.

— Магнус вернется к хорошему эльфу,— продолжал Род.— Не то папа сильно на него рассердится.— Род старался не переборщить и не быть очень суровым.

Магнус вздохнул и закрыл глазки.

— Нет, нет! Подожди, не сейчас! — Род прижал ребенка еще крепче.

Магнус открыл глаза от удивления.

— Давай на минуточку вернемся к мамочке,— Род придал своему голосу безразличие.— Куда... ушла... мамочка?

— Не знаю.— Ребенок покачал головой.— Мамочка сказала...

— Ах, вот ты где, непослушный ребенок! — В дверь ворвался какой-то вихрь, подлетел к Роду, остановился и превратился в крошечного эльфа, ростом всего восемнадцать дюймов, с лукавыми глазами, в костюме Робин Гуда.— Господин волшебник, приношу свои извинения! Он от меня убежал!

— Да, я его уже поругал за это.— Род грозно посмотрел на Магнуса. Ребенок хотел снова отвести взгляд, но на глазах у него вдруг появились слезы.— Я думаю, он будет послушным ребенком, Пак.— Род улыбнулся. Слезы моментально высохли. Род потрепал сына по волосам, и Магнус засмеялся. Краем глаза Род посмотрел на эльфа.— Гвен сказала, куда она отправилась?

— Да, господин волшебник. Когда королева вернулась из своей поездки по стране, она призвала к себе вашу жену и попросила объяснить, почему ей не удалось пополнить ряды Королевского Шабаша Волшебниц, ну и сама поделилась с ней своими соображениями.

— Священник.— Род кивнул.— Я слышал о нем. Насколько я понимаю, настроение у нее не очень?

— Разумеется. Но ваша жена не из тех, кто способен мстить.

Вспомнив кое-что из того, что делала Гвен, он пожал плечами.

— Его счастье.

— Да. Но она не очень-то волнуется из-за священника, ее интересует лишь то, как привлечь на свою сторону побольше волшебниц.

— Да? — Род ощутил неприятное покалывание в области затылка.— И как же?

— Ну... она считает, что сейчас лучше всего отыскать самых опытных колдуний и волшебников, которые попрятались по лесам и горам и живут вдали от людей.

У Рода пересохло во рту.

— Да... но думаю, что они скорее напустят на людей какую-нибудь порчу, чем согласятся им помочь.

— Верно,— сказал Пак.— Но они все равно хотят обратиться к ним за помощью. Гвендайлон сказала, что справится с этим.

— При условии, что они сначала заколдуют ее...— Род передал Паку Магнуса. Пак, несмотря на то, что был одного роста с ребенком, с легкостью подхватил его.

— Куда она отправилась? — прорычал Род.— К какой колдунье?

— Ну, к самой известной,— ответил Пак,— той, чье имя знает каждый и которое первым приходит на ум матерям, когда они начинают рассказывать детям сказки о колдуньях.

— К старой ведьме, которая...— Пот выступил на лбу Рода.— Как ее зовут? Быстро!

— Агата, все зовут ее Злая Агги. Она живет высоко в горах Крэг, в пещере — сырой, темной и...

— Позаботься о ребенке! — Род кинулся к двери.

Ветер закружил вокруг него, и он увидел перед собой Тоби.

— Господин волшебник!

Варвары отпрянули, в ужасе загалдели. Йорик пытался их вразумить.

— Подожди, Тоби! — Род хотел обойти его.

Но молодой волшебник снова преградил ему дорогу.

— Варвары, господин волшебник! Их корабли-драконы приближаются к берегу! Тогда был один, теперь уже три!

— Мне некогда! — рявкнул Род и вылетел из подземелья.

Будучи роботом, Векс мог мчаться быстрее обычной лошади, стоило ему того захотеть. И сейчас Род выжимал из него такую скорость, какую мог развить только его черный конь. Векс не согласился двигаться со скоростью, превышающей двадцать миль в час, до тех пор, пока Род не надел на себя тяжеленный шлем рыцаря с забралом. Он даже заставил его опустить забрало.

— Ну, не собираешься же ты нацепить на меня все остальные доспехи?

— Я бы посоветовал тебе пристегнуться.

— Ты когда-нибудь слышал о седле с пристяжными ремнями? — съязвил Род, но подчинился.— Ты ведь не собираешься резко останавливаться. Радар-то тебе на что?

— Совершенно верно.— Векс перешел на шестьдесят миль в час.— Но должен тебя предупредить, что такие скачки вовсе не повредят твоей репутации волшебника, Род.

— Позаботимся об общественном мнении позже. Нам нужно успеть добраться до Гвен, пока с ней не приключилась какая-нибудь беда.

— А ты не доверяешь своей жене, Род.

— Что? — Род чуть не вылетел из седла от возмущения.— Да я бы ей свою жизнь и то доверил, Векс!

— Неужели ты в самом деле считаешь, что она могла отправиться в такое рискованное путешествие одна, зная, что впереди ее подстерегает настоящая опасность?

— Конечно! Она не из трусливых!

— Но ведь у нее ребенок и муж, которым она нужна. Она не имела права рисковать своей жизнью.

— Ох,— вздохнул Род.— Ну... может быть, ты и прав.— Потом он снова помрачнел.— Она могла недооценить их, Векс! Ну, эта старая ведьма живет там, в горах, вот уже сорок лет самое меньшее! Кто знает, что она теперь из себя представляет?

— Наверное, Гвендайлон знает. Твоя жена — телепат, Род.

— Агата тоже. И то, что может прочесть Гвен, Агата может заблокировать! Давай, Векс, пошевеливайся! Мы должны успеть!

Векс издал шипящий звук, вздох робота, и рванул вперед. По сторонам мелькали поля и домики с соломенными крышами

— Она там? — Род с ужасом уставился на почти отвесную скалу, уходившую высоко в небо и цепляющуюся своей вершиной за облака.

— Так сказал крестьянин, Род. А он был до смерти напуган нашей скоростью и не мог солгать.

Род пожал плечами.

— Действительно, зачем ему было обманывать нас? Ну, и как мы заберемся наверх, Векс?

— Не думаю, что это так уж сложно.— Робот окинул взглядом неровную поверхность скалы.— Запомни, Род, главное, держись покрепче! — Он начал взбираться по тропе, которую Род и не заметил.

— Если тот крестьянин наблюдает за нами, то у него глаза на лоб полезли,— сказал Род.— Разве кому-нибудь приходилось когда-нибудь видеть лошадь, карабкающуюся по скале?

— Да,— согласился Векс, пробираясь по выступу, уже его самого.— Было бы проще поместить мой мозг в космический корабль и прилететь сюда на нем.

— Может быть, но тогда крестьянину было бы сложнее объяснить происходящее... да и его господину.— Род увидел под ногами лошади пропасть и закрыл глаза.— Векс, я надеюсь, в тебя не забыли встроить несколько антигравитационных пластин?

— Разумеется, предусмотрено все.— Векс вспомнил о малой планете Максима, где его создали.

— Ну, если ты уверен, то в случае падения мы не ударимся слишком сильно. Но почему бы нам просто не подлететь к пещере?

— Мне показалось, что тебя беспокоит то, какое впечатление ты произведешь на наблюдателей.

— Ясно,— Род вздохнул.— Что ж, вперед, мой Стальной Конь, выше и выше!

Впереди показался вход в пещеру, всего шесть футов в высоту. Род пробормотал:

— Недостаточно высока для двоих.

— Согласен. Пожалуйста, спешься очень осторожно... и держись поближе к каменной стене.

— Не беспокойся... я не потеряюсь.— Род осторожно спустился между Вексом и скалой, чуть не превратившись в блин. Потом протиснулся мимо стального черного коня и прошел по выступу на скале к черной дыре, входу в пещеру, убеждая себя в том, что колдунья на самом деле не такая уж и ужасная, какой ее изображают в сказках. Пробираясь все глубже в сырую темень логова колдуньи, он вспоминал эти сказки, одну за другой. Злая Атти упоминалась во многих историях, которые рассказывали на Грамарии, и надо сказать, что роль у нее там была более чем просто пугающей. В сознании боролись логика и детское восприятие этих сказок, но, представив, что придется столкнуться с колдуньей в реальности, Род поежился.

Вдруг тишину нарушило противное кудахтанье. Род застыл на месте. Кудахтанье постепенно стихло, перешло во всхлипывание. Род стал продвигаться дальше... Голос Гвен! Потом бормотание... Род почувствовал, как ослабло его тело, он и не думал, что так переволновался из-за своей жены. Но если Гвен так спокойна, то... ей не угрожает большая опасность. Разве? По крайней мере, в данный момент. Он выпрямился и решительно шагнул вперед... но кудахтающий голос старой ведьмы заставил его застыть на месте.

— Да, я знаю, не все они злодеи. Так не бывает, не так ли? Но никогда бы не подумала...

Гвен, вероятно, сама была удивлена словами колдуньи. Должно быть, жена опередила его на полчаса и уже заставила старуху раскрыть перед ней свою душу и разговорила ее. Гвен что-то пробормотала в ответ, но Род толком не разобрал ее слова. Он сделал еще один шаг и услышал, как старая Агата сказала: «Радуйся, дитя мое, ты живешь в такое время, о котором мы и не мечтали... если уж королева встала на защиту тех, кто обладает колдовской силой. И волшебница может найти себе мужа-волшебника...»

— Да, я знаю, что в этом мне повезло, госпожа,— ответила Гвен.

Род покраснел. Нет, он на самом деле покраснел! Дело зашло слишком далеко, пора вмешаться. Он распрямил плечи и шагнул в тускло освещенную пещеру. Он едва различал очертания предметов... за исключением двух женских фигур, сидевших перед очагом. Голова старухи поднялась, когда он вошел. Лицо ее было морщинистым и скуластым.

Несколько секунд она безмолвно смотрела на Рода. Потом лицо ее исказила мрачная усмешка, и она прокудахтала:

— Эй, в чем дело? Неужели мы не можем поговорить о мужчинах, чтобы они не толклись рядом?

Гвен удивленно подняла глаза. Затем лицо ее озарила улыбка.

— Мой господин! — Она вскочила на ноги и подошла к Роду.

Старуха презрительно скривила губы. Она кивнула в сторону Рода.

— Твой?

— Да.— Гвен взяла Рода за руку, прижалась к нему на мгновение, потом отпрянула. Род понял, что проявление чувств в присутствии старухи может обидеть Агату, если учесть, что у нее никакой личной жизни. Но глаза Гвен выразительно говорили, что она очень тронута его поддержкой.

Вслух же Гвен произнесла следующее:

—. Почему ты пришел сюда, муж мой?

— Беспокоился за тебя... немного. Хотя вижу, что совершенно напрасно.

— Как сказать,— пробурчала колдунья.— Но ты все равно поздно явился, спаситель.— Она задумалась.— А может быть,

и вовремя. Появись вы вместе на пороге моей пещеры, я безо всяких сомнений спустила бы вас со скалы!

Род хотел было что-то добавить, но промолчал и вместо этого промямлил:

— Э... Да. Извините, что помешал вам.

— Да ладно,— съехидничала Агата.— Другому мужчине я бы не простила.— Она перевела взгляд на Гвен.— А ты на самом деле счастливая.

Гвен потупила взор и покраснела.

— Наверное, ты не знаешь, что на мою долю выпало много несчастий.— Колдунья повернулась к очагу и помешала что-то в огромном котле.— Для меня не нашлось высокого молодого волшебника, зато крестьянские парни с окрестных гор, приходившие по-одному или впятером, были все мои. Потом их число утроилось; их сестры, матери и жены ополчились на меня, тыкали в меня раскаленными иглами и кричали: «Признавайся, грязная колдунья!» Наконец все это мне надоело, ненависть так переполнила меня, что я вышвыривала с тех пор каждого из своей пещеры!

Она вдруг замолчала, тяжело вздохнула и вздрогнула. Встревоженная Гвен взяла руки старой Агаты в свои и побледнела от того холода, что перешел из рук старухи к ней. Она прочитала в мыслях старой колдуньи то, как много лет назад Агата расшвыряла от своей пещеры жителей пяти деревень, как многие из них переломали себе кости и разбили головы о скалы. Ни одна из колдуний за всю долгую историю Грамария не обладала такой колдовской силой. Большинство волшебниц могло поднять двоих, самое большее троих людей одновременно. И уж никто из них не смог бы вымести их из пещеры, как это делала Агата. Обладая подобной силой, колдунья должна была иметь некоего духа-помощника, который обычно принимал форму животных, но у Агаты не было видно никаких питомцев. Но какой-то помощник у нее так или иначе должен быть. Наверно, он просто невидим.

— Тогда я и пришла в эту пещеру,— задыхаясь, проговорила Агата.— Вы видели, выступ на скале здесь такой узкий, что войти ко мне может только один человек, поэтому я легко могу его вымести отсюда. Но те несколько...— Ее сгорбленные плечи опустились, она ударила кулаком о грубо сколоченный стол.— Те несколько! Они...

— Они хотели сжечь тебя,— прошептала Гвен со слезами на глазах.— Они делали это из страха, страх переполнял их души... Они оскорбляли тебя, они мучали тебя!

— Это возродит мертвых? — Агата бросила пылающий взгляд на Гвен.

Гвен пристально посмотрела на опустошенное лицо.

— Агата... Она прикусила нижнюю губу, потом решилась.— Ты хочешь вернуть те жизни что забрала?

— Не говори глупостей! — выпалила ведьма.— Жизнь бесценна, невозможно вернуть ее, раз уже ты лишил ее кого-то!

— Правильно,— задумчиво произнес Род.— Таких убытков не возместишь.

Злая Агги посмотрела на него, и Роду показалось, что его замораживает ее взгляд, словно Дурной Глаз. Потом старуха улыбнулась, и взгляд ее стал легче.

— Так-то! — Она откинула голову и засмеялась. Просмеявшись, она вытерла глаза и кивнула.— Я поняла, зачем ты пришла ко мне: я вам понадобилась, так? Народу этой земли угрожает опасность, и им нужна сила старой Агаты! И они послали тебя просить меня о помощи! — Ее старческое тело опять сотряслось от кудахтанья. Потом она утерла нос своими длинными костлявыми пальцами.— Да-да! Они решили одурачить меня, подослав тебя ко мне, дитя мое? — Она снова разразилась смехом.

Род помрачнел; все это ему уже порядком надоело.

— Я бы не назвал это словом «одурачить».

Смех старухи резко оборвался.

— Не назвал бы? — прошипела она.— Но ведь вы просите моей помощи, разве не так? — Она перевела взгляд на Гвен.— Это он заставил тебя, да?

— Нет! — воскликнула Гвен.— Я пришла по собственной воле... просить тебя...

— По собственной воле! — Ведьма пришла в ярость.— У тебя нет шрамов на спине и груди, тебя не мучили? Ты не знаешь, насколько они ненавидят меня, что пришла просить от их имени?

— Ты ошибаешься.— Гвен почувствовала, как странное спокойствие разливается по ее телу.— Дважды меня проклинали и трижды пытали, четыре раза привязывали к столбу, чтобы сжечь на костре... Я осталась жива только благодаря Крошечному Народу, моим добрым и верным друзьям. Да, я знаю, что такое их ненависть, хотя эта злоба и не такая, к какой привыкла ты. Но...

Старая ведьма кивнула и задумалась.

— Но ты жалеешь их.

— Да.— Гвен опустила глаза, прижала руки к груди.— Да, я их жалею.— Ее глаза встретились с глазами Агаты.— Ибо их страх — это страх перед огромной темной силой, которой мы обладаем, страх перед неизвестностью и той непредсказуемой судьбой, что мы им несем. Они ищут жизни и добра в ночном кошмаре, им неведомы мысли о любви к ближнему, радость полета при лунном свете. Разве не заслуживают они жалости?

Агата медленно кивнула. Глаза ее покрыла пелена, она перенеслась куда-то далеко-далеко, в другое время.

— И я думала точно так же, когда была маленькой девочкой...

Тогда пожалей их,— сказала Гвен, стараясь не идти на поводу у эмоций.— Пожалей их и...

— И прости их? — Агата снова вернулась в реальность, затрясла головой, уголки ее губ скривились.— Я бы могла

простить их сердцем, я бы простила им шрамы и удары, раскаленные иглы, цепи и горящие лучины под ногтями... да, я бы простила даже это...— Глаза ее снова затуманились, всматриваясь в прожитые годы. Но оскорбление моего тела, моего прекрасного девичьего тела и цветущего зрелого женского тела... Все эти долгие годы... моя нежнейшая кожа и самая сокровенная часть моей души, мое истерзанное сердце, питающее снова и снова их ненасытный голод... нет! — Голос ее заклокотал, стал гортанным.— Нет и еще раз нет! Этого я им никогда не прощу! Их жестокости и дикого голода! Они приходили сюда только для того, чтобы взять меня, а потом втоптать в грязь, они шли за моей трепещущей плотью... а потом проклинали меня, кричали: «Проститутка!» И снова и снова по-одному, впятером... Они приходили... Нет! Этого я им никогда не прощу!

Гвен вся задрожала, самообладание покинуло ее, на лице отразились все ее переживания. Агата посмотрела на нее.

— Жалей их, если хочешь,— произнесла она,— но никогда не смей жалеть меня!

Она смотрела на Гвен какое-то время, потом стала помешивать варево в котле.

— Ты скажешь, что не их в том вина,— пробормотала она,— что больше я во всем виновата, что их голод тянул их ко мне, как и мой не отвергал их.— Она подняла голову, прищурила глаза.— Ты разве не знаешь? Гейлен, колдун, живущий в Темной Башне. Вот кто должен был утолить весь мой голод. Самая великая колдунья и самый великий колдун королевства должны были жить вместе, разве не так? Но он единственный из всех мужчин, кто не пришел ко мне, свинья! О, он, конечно же, скажет, что слишком добродетелен, чтобы быть отцом ребенка в этом дьявольском мире, а на самом-то деле он просто боится, что его признают отцом этого ребенка. Трус! Свинья!

Она стала неистово мешать в котле, продолжая выкрикивать проклятия:

— Чтоб его трижды перевернуло, этого жалкого ублюдка! Его...— закончила она хриплым шепотом,— ...я ненавижу больше, чем кого бы то ни было!

Ее костлявые сморщенные руки так крепко сжали деревянную ложку, что казалось, будто она вот-вот сломается. Потом она поднесла ее к своей иссохшей груди. Плечи ее начали вздрагивать.

— Мое дитя,— запричитала она.— О, мое единственное, дорогое, нерожденное дитя! — Всхлипывания понемногу стихли, глаза колдуньи прояснились.— Разве вы не знаете? — Она противно захихикала, в глазах ее загорелся желтый огонек.— Он охраняет вход в пещеру, защищает меня... Мой нерожденный ребенок. Гарольд, сын мой, мой помощник! Это он, и он всегда будет рядом со мной — душа его явилась ко мне из дня завтрашнего, из того, что могло было быть.

Гвен уставилась на нее.

— Твой помощник?..

— Да! — Старая колдунья кивнула.— Мой помощник и мой сын — он мог бы родиться и должен был, но он все равно со мной, хотя никогда уже не родится, никогда не обретет плоть... Гарольд, самый могущественный из колдунов, сын несостоявшегося союза Гейлена и Агаты, потому что те Гейлен и Агата, породившие его на свет, умерли давным-давно...— Она начала медленно помешивать ложкой в котле.— Когда он много лет назад пришел ко мне в первый раз, я сначала не поняла...

Честно говоря, Род ничего не понимал и сейчас, хотя начал подозревать, что это галлюцинации. Интересно, наверное, это долгое одиночество так подействовало на старого человека, что появился воображаемый помощник. Но если Агата действительно верит в этого самого «помощника», то, может быть, ее галлюцинации помогают так сфокусировать ее силы, что ее возможности становятся безграничными. А это говорит о сверхъестественности ее колдовских сил...

Агата подняла голову, уставилась в никуда.

— Он казался сначала совершенно чужим, но я была так одинока... А теперь...— Дыхание ее участилось.— Теперь я знаю, теперь я понимаю.— Она с горечью покачала головой.— Он был нерожденной душой, которая не имела дома и никогда не будет его иметь.

Голова ее опустилась на грудь, все тело поникло. Потом, спустя несколько долгих минут, она подняла голову и нашла глазами Гвен.

— У тебя есть сын, не так ли? — В ответ на кивок Гвен лицо старухи потеплело. Потом оно опять приняло суровое выражение, и старая колдунья тряхнула головой.— Бедный ребенок,— пробормотала она.

— Бедный ребенок!? — Гвен вспыхнула от негодования.— Ради всего святого, старая Агата, почему?

Агата посмотрела на нее через плечо.

— Ты ведь знаешь, что такое детство волшебницы, и ты еще спрашиваешь?

— Нет,— прошептала Гвен, покачав головой, потом громче: — Нет! Наступили новые времена, Агата, времена перемен! Мой сын займет достойное место в этом королевстве, он будет охранять народ, и в ответ все его будут почитать!

— Почитать его, но за что? — Колдунья горько усмехнулась.

— Да, я верю в это! Тьма отступила, Агата, страх и невежество ушли, наступили другие времена. И никогда деревенские жители не проклянут его в страхе и ненависти!

Старуха усмехнулась и мотнула головой в сторону входа в пещеру:

— Слышала?

Род и Гвен повернулись в ту сторону и переглянулись.

Прислушавшись, они уловили низкий, грохочущий звук. Он приближался.

— Векс! Что за шум?

— Это ваши миролюбивые деревенские жители,— сказала Агата, противно ухмыляясь.— Собрались из двенадцати деревень. Вдохновленные священником Сколаксом, они хотят вышвырнуть старую Агату из пещеры и сжечь ее...

— Данные подтверждаются,— раздался голос робота за ухом Рода.

Род кинулся ко входу в пещеру, ухватился за край скалы и глянул вниз. Каменный выступ заполняли люди. Род вернулся к женщинам.

— Она права... толпа крестьян. У них в руках косы и мотыги. Порыв ветра донес до них крики из толпы.

— Слышите! — закричала Агата, кивнув в сторону входа в пещеру. Рот ее искривился.— Слышите, как жаждут они моей крови? Этот грязный сумасшедший ведет их за собой!

Она взглянула на обезумевшую толпу, взбирающуюся по выступу наверх, к пещере, потом посмотрела на солнце. Гвен почувствовала страх, но не могла понять, чего именно она испугалась.

— Ты говоришь так, словно знала все заранее...

— Ну, если говорить откровенно, конечно.— Старуха рассмеялась.— Я что, не знаю, как это бывало раньше? Они должны были прийти снова. Но какая теперь разница...

Выступ сужался по мере того, как орда приближалась к ним. Гвен могла различить отдельные лица.

— Они совсем близко. Что мы будем делать?

— Делать? — Старая колдунья удивленно подняла брови.— А зачем? Ровным счетом ничего, дитя мое. Слишком много их крови на моих руках. Я устала, стара и мне надоело жить. Зачем мне с ними бороться? Пусть явятся сюда и сожгут меня. Пора. На этот раз меня хоть не обвинят в том, что я убила кого-то.— Агата развернулась и пошла в глубь пещеры, натягивая на плечи свою шаль.— Пусть приходят, разводят костер и привязывают меня к столбу или к чему там? Смерть не страшит меня, пусть я вспыхну, как факел.

Род опешил: — Вы что, шутите?

— Я? Почему? — Агата презрительно посмотрела на него.— Я говорю правду.— Она добрела до стула и плюхнулась на него.— Я останусь здесь, пусть приходят. Пусть мучают меня, пусть сжигают! На мне не будет вины за чью-то кровь!

— Но вы нужны нам! — воскликнул Род.— Шабаш Волшебниц не может без вас обойтись! Весь Грамарий ждет от вас помощи!

— Что? Спасать чьи-то жизни? И, спасая жизни одних, я должна убивать других? — Она кивнула в сторону оглушительного рева.— Мне кажется, это неверно, господин волшебник. Тот, кто спасает жизнь, забирая жизни других, делает работу дьявола.

— Ладно, тогда не убивайте их! — закричал Род.— Просто отошлите их обратно.

— И как я это сделаю, при помощи молитв? Они уже на горе. Как я сброшу их, не убив?

— Ну, не обязательно же убивать.— Гвен опустилась на колени рядом со стулом, на котором сидела Агата.— Пусть они придут... но не позволяй им дотронуться до тебя.

Глаза Рода вспыхнули.

— Конечно! Векс там, на выступе скалы! Он не пустит их сюда!

— Конечно, не пустит! — Гвен в ужасе подняла глаза.— Но их сотни... Они сбросят его!

Род ощутил, как мурашки пробежали по его телу. Действительно, она права. Может быть, благодаря антигравитационным пластинам, Векс и не угрожает гибель, но сдержать крестьян он не сможет.

— О каком это «Вексе» вы говорите? — спросила Агата.

— О моем коне,— объяснил Род.— Ну, не совсем... коне, то есть он выглядит, как конь, и все такое прочее, но на самом деле...

— Если он похож на коня и все такое прочее, как ты говоришь, то конем и должен быть,— воскликнула Агата.— И он не умрет. Заведите его сюда, в пещеру. Если он не встанет на их пути, они не убьют его.

Послышался стук копыт, и Векс вошел в пещеру.

— Вполне благоразумно,— раздался голос робота за ухом Рода.

— У него отличный слух,— объяснил Род.

— И схватывает все на лету,— добавила Агата, подозрительно осмотрев коня. Глаза ее вдруг заблестели.— Уютно мы тут устроились, не правда ли? Вы проводите меня в последний путь?

Гвен выпрямилась и подняла подбородок:

— Если понадобится.— Она повернулась к Роду: — Ведь так, муж мой?

Род уставился на нее. Несмотря на трагичность ситуации, он не мог не обратить внимания на то, что из «моего господина» превратился в просто «мужа». Потом он разжал рот:

— Ну, если потребуется...— Он шагнул к черному коню и порылся в седельной сумке.— У нас с Вексом есть тут несколько хитроумных приспособлений...— Он вытащил небольшой цилиндр.— Преградим им путь стеной огня, напугаем их немного...

— Это их задержит ненадолго! — Агата встрепенулась: — Идиот! Ты только подстегнешь их! Они проберутся сквозь пламя и растерзают тебя!

— Не думаю.— Гвен посмотрела в сторону входа в пещеру.— Я учту твои пожелания и не стану сбрасывать их со скалы, но я могу обрушить на них каменный дождь. Я уверена, это остановит их.

— Конечно, они напугаются, бросятся вниз, будут скидывать друг друга со скалы, с высоты в тысячу футов, если не больше. Они разобьются насмерть! — воскликнула Агата.— Нет, дитя мое! Не надо защищать меня! Улетайте! Вы молоды и любите друг друга! У вас ребенок, не забывайте об этом! У вас впереди еще много счастливых лет жизни, хотя многие захотят разрушить ваше счастье.

Гвен пристально посмотрела на ее метлу, потом перевела взгляд на Рода. Он поежился.

— Улетайте, улетайте! — Лицо Агаты перекосилось.— Вы не можете помочь старухе, ей пора умереть, дитя мое! Если вы умрете вместе со мной — это не поможет мне! Вы лишь усилите тем самым мою вину...

Род встал на колено рядом с огромным валуном и направил на вход в пещеру свой лазер. Гвен кивнула и встала за каменную колонну. Камешки начали подлетать в воздух.

— Нет! — воскликнула Агата.— Вы должны уходить отсюда как можно быстрее! — Она схватила метлу и сунула ее в руки Гвен — ноги той сразу оторвались от пола. Род почувствовал, что какая-то невидимая сила подхватывает его и несет к Гвен. Он закричал, пытаясь вырваться из чьих-то невидимых рук, но оказался на метле. Она подпрыгнула под ним в воздух и понесла его и Гвен к выходу из пещеры... но ударилась о невидимую стену, остановилась и понесла их обратно к Агате. Они свалились на пол.

— Вы передумали? — Род вскочил на ноги, потирая ушибленное место.— Вы не хотите, чтобы мы уходили или...— Он стих, заметив выражение на лице старухи. Она удивленно смотрела поверх его плеча. Он оглянулся.

Воздух в пещере задрожал. Лицо старой ведьмы приняло испуганное выражение:

— Гарольд! Уходи! Отойди от входа и побыстрей; они должны улететь!

Воздух накалился. Огромный валун у входа зашевелился.

— Нет, Гарольд! — воскликнула Агата.— Ты не сделаешь этого! Итак слишком много уже пролито крови!

Валун медленно приподнялся.

— Гарольд! — закричала Агата и смолкла, потому что вместо того, чтобы обрушиться на крестьян, валун начал медленно подниматься в воздух, покачиваясь из стороны в сторону. Он находился уже в двадцати футах от пещеры, когда сверху на него обрушился град стрел. Ударившись о камень, они отскочили и полетели вниз в долину.

Старая колдунья застыла на месте, наблюдая за тем, как валун улетает в лес.

— Гарольд,— прошептала она,— стрелы...— Она покачала головой, постепенно приходя в себя.— Ты не должен покидать меня сейчас.

— Он спас наши жизни,— тихо сказала Гвен.

— Да, это так. Сверху на скале притаились лучники, они

поджидали меня. Думали, я полечу на метле... но я никогда этого не делала, я всегда оставалась здесь и сражалась с ними. Так что вряд ли они ждали меня, похоже, они знают, что вы здесь. Теперь стоит вам ступить на выступ, и вы превратитесь в дикобразов.

Агата подхватила Гвен под руку и потащила в глубь пещеры.

— По крайней мере, ты не должна здесь умереть! Мы еще покажем им, на что способно колдовство, какого еще никогда не видывали на этой земле. Гарольд! — позвала она через плечо.— Охраняй вход!

Род сжал кулаки, чувствуя себя не у дел. Агата достала с полки маленький железный горшок и согнулась под его тяжестью, потом поставила его на треножник.

— Я старею,— произнесла Агата,— старею и слабею. Да, давненько не доводилось мне перемешивать судьбы людей в этом горшке.

— Судьбы людей...— Гвен встала рядом с ней.— Что ты собираешься делать, Агата?

— Да так, немного поколдую, дитя мое.— Старая колдунья усмехнулась: — Разве я не говорила тебе, что мы с тобой покажем им, что такое настоящее колдовство?

Она отвернулась и начала доставать с полки каменные кружки.

— Разведи огонь, дитя мое. Мы будем жить, потому что должны жить. Эта земля еще не готова принять нас.

Гвен высекла искру и разожгла огонь.

— Ты необыкновенно весела для колдуньи, которую лишили желаемого успокоения, старая Агата.

Колдунья прокудахтала что-то в ответ и потерла свои тощие костлявые руки.

— Это веселье ремесленника, дитя мое, который знает свое дело и видит перед собой цель, бóльшую по сравнению с той, что когда-либо ставила перед ним жизнь. Я буду жить, и намного веселее, чем раньше, потому что старая Агата нужна, и она еще многое успеет сделать. Та война, о которой ты мне рассказала, будет самым большим делом, за которое когда-либо бралась старая Агата.

Она достала с полки мерку и начала отмерять всякие порошки из кружек и ссыпать их в горшок, потом взяла маленькую ложку и стала мешать варево. Гвен принюхалась к струйке пара, поднимающейся над горшком.

— Что за странное варево, Агата? Никогда не видела, чтобы колдовали подобным образом, разве что слышала, что так делали в сказках.

Агата перестала мешать и бросила взгляд на Гвен.

— Ты еще слишком молода, дитя мое, и знаешь только половину из всего, что может вершить колдунья.

Она снова принялась за работу.

— Конечно, верно то, что наша сила заключается в разуме. Но также верно и то, что ты используешь только толику того, на

что способна, дитя мое. Ты еще не знаешь своей силы во всей полноте и глубине, всех ее скрытых возможностей. В твоей душе есть такие потайные уголки, о которых ты и не догадываешься. И ты не можешь вызвать эту силу, как бы ты ни хотела. Она скрыта слишком глубоко, недосягаемо глубоко. Ты должна применить хитрость, чтобы вытянуть ее из себя, и воля тут не поможет.— Она вдохнула в себя запах дыма.— При помощи вот этих порошков, если их правильно смешать и приготовить, можно вызвать те силы, что дремлют в тебе. Перья колибри — для скорости полета; пчела — для того, чтобы жалить; маковые зерна — для притупления разума врагов; сажа — для того, чтобы сливаться с ночью: жимолость — чтобы стать крепче скалы; зола — чтобы вернуться к родному очагу. Она вытащила ложку, тягучая жидкость медленно стекла обратно в горшок.— Еще не достаточно загустело,— пробормотала старуха и стала снова помешивать варево.— Поставь кружки обратно на полку, дитя мое: порядок на кухне ускорит дело.

Гвен взяла со стола несколько кружек и посмотрела на вход в пещеру. Гул толпы стал громче.

— Старая Агата, они пришли!

Первый крестьянин ворвался в пещеру, размахивая косой.

— Их рев только поможет снадобью обрести нужный вкус,— сказала старая колдунья и усмехнулась. Она склонилась над горшком и стала что-то напевать вполголоса.

Крестьянин наткнулся на невидимый барьер, вставший на его пути в виде легкой дымки, попятился и свалил с ног двоих, что следовали за ним. Остальные налетели на своих упавших товарищей, прекрасно дополнив кучу малу. Нижние пытались выбраться из-под груды тел, верхние орали, вскакивали на ноги и натыкались на вновь подошедших крестьян. Завязалась потасовка, а выступ был так узок, что вмещал только одного человека; крестьяне пятились, прижимаясь к каменной стене, а те, кто стоял у края пропасти, балансировали, размахивая руками.

— Выступ такой узкий, что они могут заходить ко мне только по одному.— Агата обернула горшок тряпкой и сняла его с огня — рука ее напряглась.— Быстрее, дитя мое,— проговорила она,— треножник! Сын мой Гарольд стоит многих людей, но он не в состоянии удерживать их так долго, ведь их много! Быстрее! Быстрее! Мы должны прийти ему на помощь!

Она кинулась к входу в пещеру. Гвен подхватила треножник и побежала за ней. Когда она поставила его на землю и Агата поместила на него горшок, над их головами вдруг что-то просвистело.

— Веревочные лестницы! — прокудахтала Агата.— Они все продумали до мелочей! Быстрее, дитя мое! Принеси мехи!

Гвен побежала в пещеру, теряясь в догадках, что задумала старая колдунья. Вернувшись, она протянула мехи Агате, склонившейся над горшком. В это время высокий бородатый тип

появился на лестнице и стал карабкаться на выступ. В одной руке он держал темную блестящую палку, издававшую скрежещущий звук всякий раз, когда он задевал ею о камень.

— Металлический жезл! — Агата начала яростно раздувать мехи над горшком.— Этот грязный священник не должен коснуться моего сына!

Но жезл уже задел легкую дымку и заискрился; Сколакс завопил от радости и кинулся к пещере, за ним последовали остальные.

— Ублюдок! — закричала Агата.— Исчадие ада! Чтоб ты сдох! Ты убил моего сына!

Она свирепо глянула на него, раздувая мехи. Пар от горшка выстрелил обжигающей струей в сторону ворвавшихся. Они остановились как вкопанные. Лица их стали мертвенно-бледными, на коже выступили маленькие красные пятнышки. Они завопили, ринулись назад и упали на руки своих товарищей, которые испуганно озирались по сторонам, не понимая, что за невидимые стрелы впиваются в них.

Какое-то время толпа металась из стороны в сторону у входа в пещеру, потом те, кто находился сзади, тоже начали кричать от боли — их жалили невидимые пчелы,— и затем вся толпа кинулась вниз по выступу. Остался только священник, пытавшийся увернуться от диких пчел; лицо его было красным от укусов. Старая ведьма откинула голову и издала протяжный кудахтающий звук, продолжая раздувать мехи.

— Мы победили, дитя мое! — Они убежали! — Потом она склонилась над горшком и злорадно зашипела: — Сейчас они поплатятся за его смерть!

Приложив неимоверные усилия, Сколакс рванулся вперед и занес жезл над головой колдуньи. Гвен кинулась ей на помощь, но жезл отпрыгнул вдруг назад, свалил священника с ног, и тот сильно ударился о каменный пол. Агата издала радостный крик:

— Он жив! Мой сын Гарольд жив!

Но священник вновь поднял свой жезл, хотя и был он тяжел и огромен, лицо его перекосилось от боли и ярости.

— Послушайте меня! Послушайте Сколакса! Разорвите их! Уничтожьте их! Они — слуги дьявола! — И он кинулся с яростным ревом на свои жертвы.

Род сделал шаг вперед и, схватив жезл, вырвал его из рук священника. Но тут в пещеру на зов священника ворвались еще несколько крестьян с косами и мотыгами... А потом была вспышка, ослепляющая, парализующая... сияние вокруг. И тишина, оглушительная и неожиданная, и падение, падение во тьму, кромешную и неизведанную, и холод, пронизывающий холод...

Неожиданный удар обо что-то твердое, боль в плече, ноге... Потом Род разглядел в кромешной темноте языки пламени. В маленькой железной клетке горел костер. Такая простая

геометрия в обезумевшем мире. Огонь горел внутри правильного четырехгранника.

Но что он здесь делает? И вообще, где это «здесь»? Так, огонь и клетка... Но... Что он, Род, делает здесь? Итак, вернемся к вопросу номер два, решил Род: где это «здесь»? Род начал различать детали. Пол каменный, из квадратных черных базальтовых плит, а огонь горит в колодце, выложенном базальтом. Помещение очень большое, стены теряются где-то далеко-далеко, они почти неразличимы при тусклом освещении; похоже, что обиты бархатом темного сочного цвета, но не черным. Род пригляделся — темно-бордовым. Да ладно, черт с ней, с драпировкой. Где Гвен?..

Рода вдруг охватил страх. Он не мог повернуть голову, страх сковал его всего, он боялся смотреть по сторонам... ведь ее могло не оказаться рядом. Превозмогая себя, он медленно обвел взглядом темную комнату... Футах в десяти от него лежало нечто огромное и черное: Векс! Род встал на колени и ощупал свои кости — нет ли переломов. Удовлетворенный тем, что цел и невредим, он с трудом поднялся на ноги и поплелся к лошади. Векс лежал неподвижно и при этом он был как бы сжат... Неужели его опять хватил удар?.. Род не винил робота, наверное, после подобного путешествия с ним самим мог вполне произойти подобный припадок... Не мешало бы сейчас выпить виски... Он дотянулся до седла и нашел переключатель. Черный конь расслабился, потом еле заметно пошевелился и поднял свою большую голову. Затем он открыл глаза — большие, коричневые и затуманенные. Не в первый уже раз Род засомневался: может быть, у него на самом деле были глаза, а не пластиковые пластины. Векс медленно повернул голову, озадаченно (насколько смогла это сделать его покрытая искусственной шерстью металлическая морда) огляделся, потом снова посмотрел на Рода:

— Сс... со... ммной... ббы... был... ппри... ппа... ддок?

— Да нет, что ты! Ты просто очень устал и прилег отдохнуть ненадолго.— Род тактично обошел стороной тему апоплексических ударов и припадков.

— Ттты... изза...зза... ммення...

Роду не хватило терпения слушать его заикания дальше.

— Ты сделал все, что смог; и так как ты уже спасал мне жизнь раз пять или шесть, я не буду напоминать тебе о тех случаях, когда по твоей вине... Да, ладно, что говорить.— Он потрепал Векса между ушей.

Робот приподнял на секунду голову, затем вскочил на ноги и ударил копытом о каменный пол. Ноздри его раздулись, и Род с удивлением заметил, что радар не поврежден.

— Мы находимся в большом зале,— сказал робот. По крайней мере, после припадков Векс достаточно быстро приходит в себя.— Стены каменные, с бархатной драпировкой темно-бордового цвета; посередине зала горит огонь в колодце; он окружен металлическим решетчатым четырехгранником.

Металл — сплав железа с никелем и вольфрамом в следующем процентном соотношении...

— Ладно,— прервал его Род.— Я уже понял в общих чертах.— Он насупился, отвернулся от коня.— И мне также кажется, что моя жена жива. Если бы она была мертва, тело ее было бы где-нибудь поблизости. Они что, украли ее?

— Я сожалею...

— Но данных недостаточно для того, чтобы...— Род закончил за него.— Да, да. Ладно. Так как мы найдем ее?

— Я сожалею...

— Хватит. Я должен ее найти,— твердо сказал Род.— Где она?

— В соседней комнате,— раздался низкий мужской голос.— Она вне опасности и чувствует себя отлично, заверяю вас. Агата тоже там.

Высокий старик с ниспадающими до плеч седыми волосами и длинной седой бородой ниже груди, в длинном темно-синем одеянии монаха с откинутым назад капюшоном стоял у огня. Его платье было усеяно серебряными знаками зодиака; он стоял, скрестив руки на груди и спрятав ладони в широкие рукава. Под серебристыми густыми бровями поблескивали ясные, далеко не старческие глаза, окруженные сеточкой морщин. Взгляд его был спокойным и теплым. Он возвышался над огнем и казался от этого еще выше ростом и могучее в плечах; он заглядывал в глаза Рода так, словно искал в них что-то.

— Кто бы вы ни были,— медленно произнес Род,—я благодарю вас за то, что выручили нас и спасли наши жизни — мою и моей жены. Я очень обязан вам, особенно за нее.

Старик едва заметно улыбнулся:

— Вы ничего мне не должны, господин Гэллоуглас. Никто ничего мне не должен.

— И вы никому ничего не должны? — с расстановкой произнес Род.

Колдун кивнул. Род прикусил губу, потом сказал:

— Вы — Гейлен. А это Темная Башня. Старик снова кивнул. Род снова прикусил губу.

— Как вам удалось спасти меня? Мне казалось, что вы не интересуетесь внешним миром.

Гейлен пожал плечами:

— Так, от нечего делать.

— Значит,— заметил Род,— вы спасли двух волшебниц, моего коня и меня, несчастного, только ради того, чтобы убить время?

— А ты быстро соображаешь,— сказал Гейлен, пытаясь скрыть улыбку в густой бороде.— Я не был занят в тот момент исследованиями.

— Род,— раздался голос Векса,— анализ голосовых данных подтверждает то, что он говорит правду.

— И для этого мне необходим компьютер? — холодно заметил Род.

Гейлен удивленно посмотрел на него, слегка нахмурившись:

— Ты что-то сказал?

— О, э... так, мысли вслух по поводу физического аспекта мышления.

— Разумеется.— Старый колдун задумался.— Так, значит, ты забиваешь свою голову подобными проблемами?

Род хотел было ответить, но вспомнил, что разговаривает с колдуном, ушедшим от людей и окружающего мира лет сорок тому назад и занимавшимся все это время колдовством...— Ну, ничего особенного, так... чисто с практической стороны.

— Всякое знание ценно,— сказал колдун, глаза его заблестели.— Какое знание ты обрел?

— Ну... Я как раз занимался проблемой, касающейся лобных долей.— Род постучал по лбу.— Я убедился, что передняя часть мозга выступает в роли своего рода туннеля.

— Туннеля? — Брови Гейлена устремились вверх.— Как так?

Род вспомнил, что Гейлен, живший в эпоху Возрождения на Земле, написал первый учебник по сравнительной анатомии. Какое совпадение... а может быть, это не случайность?

— Между идеей, понятием и словами существует, как мне кажется, некая связь. Идея может найти свое воплощение в слове, то есть в группе звуков... словно кто-то стучит по одну сторону стены, а другой, с обратной стороны, принимает этот стук в качестве сигналов для, ну, предположим... игры на трубе.

Гейлен кивнул:

— Но это бы не выразило мысли.

— Нет, просто позволило бы узнать, что она есть. Таким образом, передняя часть мозга...— Род снова постучал по своему лбу,— ...как бы представляет собой отверстие в этой самой стене и позволяет мыслям преобразовываться в слова.

Гейлен молча кивнул, потом задумчиво произнес:

— Забавно. И каким же образом можно проверить правильность твоего высказывания?

Род пожал плечами:

— Если проследить этот процесс в мозгу того, кто не имеет лобных долей.

Гейлен перестал улыбаться, глаза его затуманились.

— Конечно, мы могли бы... могли найти такого человека.

Род не смог удержаться от смеха.

— Но у нас уже есть такие, господин волшебник... даже больше, чем требуется. Намного больше! Крестьяне зовут их «варварами», и они высаживаются на нашем побережье.— Он вспомнил, что в то время, когда он рассуждает об умозрительных проблемах, на побережье гибнут люди, и почувствовал себя виноватым.— Да, они высаживаются...

— На самом деле? — Колдун возбужденно посмотрел на Рода.— Ну, тогда, закончив со своими опытами, я проникну мысленно в разум одного из них!

— Только не подвергайте их внезапному нападению,— посоветовал Род.— Прошу вас, помогите, мне нужно быть там, и как можно скорее! Мне необходимо быть там... и я бы хотел забрать с собой свою жену.

— Разумеется.— Гейлен улыбнулся.— Но не забудь, что ты должен забрать отсюда еще одну волшебницу, в Темной Башне ей не место.

— Агату? Да, мне она тоже нужна... но для другого. Вы не подскажете, где их можно найти?

— Пойдем,— сказал Гейлен и повернулся,— я отведу тебя к жене.

Род пожал плечами, удивившись тому, как быстро согласился колдун помочь ему, и последовал за ним, а Векс поплелся за хозяином. Колдун дошел до конца этой, похожей на пещеру, комнаты, потом миновал темно-бордовую штору, закрывавшую дверь в стене, и они очутились в маленькой комнатке — всего пятнадцать футов в высоту. Стены ее были обиты бархатом, но на этот раз синего цвета, на одной из них висел огромный гобелен. Пол был устлан восточным ковром, по углам стояли большие черные деревянные стулья. Между ними красовалась тахта, обитая красным плюшем. Посередине комнаты Род увидел огромный круглый стол из черного дерева, и завершал все это великолепие сказочных размеров камин. На столе лежало шесть огромных старинных томов. Род не заметил всего этого великолепия, потому что увидел Гвен, прекраснее которой не было никого...

Ее огненно-рыжие волосы удивительно гармонировали с цветом драпировки. Гвен стояла у стола, склонившись над одной из книг. Она подняла глаза, лицо ее озарила радостная улыбка.

— Мой господин! — воскликнула она и тут же очутилась в его объятиях. Ее губы нашли его.

Спустя, как показалось, целую вечность, хотя прошло, наверное, не больше полминуты, раздался хриплый голос:

— Имейте совесть, дети мои! Пожалейте бедную старуху, которой никогда не выпадало и десятой доли того, чем обладаете вы!

Гвен высвободилась из объятий Рода.

— Прости меня, Агата,— извинилась Гвен, прижимаясь спиной к мужу и держа его руки вокруг своей талии.— Я не подумала...

— Да, конечно, где уж там,— проворчала старая колдунья, состроив гримасу, отдаленно напоминавшую улыбку.— Вы, молодые, все такие. Ладно, придется вас простить.

— Старая карга! — рявкнул Гейлен с высоты своего роста.— Лишаешь этих двоих радости встречи, и только потому, что сама якобы не испытывала подобной радости? Видно, молоко любви давным-давно скисло в твоей груди, раз ты не можешь выносить...

— Что? — Колдунья аж вся затряслась от переполнившего

ее негодования.— И ты еще осмеливаешься говорить мне это? Ты, который вытянул из меня все...

— Мне уже доводилось слушать твои кошачьи концерты,— сказал Гейлен, покраснев.— Избавь мои уши от подобного на этот раз. Говорю тебе, как говорил уже неоднократно: человеком нельзя распоряжаться по своему усмотрению. Я ничего тебе не должен. Я сам по себе и принадлежу только себе и никому более. Я никогда не доверял свою жизнь женщине, и уж тем более тебе!

— Да, конечно, никогда! — взвыла старуха.— Ты был предназначен только для меня, еще до того, как ты родился или я появилась на свет; еще до того, как Бог сотворил этот мир. Это так же очевидно, как то, что ночь сменяет день! Ты был предназначен мне, потому что ты колдовской крови, как и я, и одного со мной возраста! Твои печали, твои радости — они и мои...

— Ну, уж нет! — рявкнул колдун.

— Нет? Да! Каждое твое желание, каждый грех схожи с моими, хотя и запрятаны далеко!..

Голова Гейлена опустилась на грудь. Глаза Агаты заблестели от возбуждения. Она шагнула вперед.

— Да, ты сам по себе, Гейлен, ты скрыл все свои сокровенные желания и помыслы глубоко в сердце, желания наслаждений, порожденных телом, которых я никогда не стыдилась, ты прячешь, скрывая даже от себя! Ты на многие годы спрятал себя от жизни. Но в мыслях ты, как и любой живой человек, грешен. Трус! Ты боишься сам себя. Ты такой трус...

— Трус? — Гейлен попятился, потом грустно улыбнулся.— Ну, это ругательство я уже слышал. Ты придумай что-нибудь поновее, Агата. Когда ты была моложе, ты прибегала к более обоснованным аргументам, называя меня трусом.

— Трус! — воскликнула Агата.— Ты трус, потому что ты боишься людского мнения. Ты, кто кричит о несостоятельности всего мира вне стен Темной Башни; ты, кто проклинает людей, высмеивая их,— ты боишься их мнения, и тебе хочется, чтобы они считали тебя святым!

Лицо Гейлена вытянулось, глаза округлились.

— Святой! — выкрикнула Агата, показывая на него пальцем.— Святой Горячей Крови! Святой, который так же грешен, как и я! Даже больше! Да, больше, потому что из страха ты оттолкнул меня от себя, ведь ты мой по праву, старый Гейлен! Именно тебя Бог послал мне, чтобы ты стал моим мужем. Тебе это было предназначено задолго до того, как твоя мать встретилась взглядом с твоим отцом! Ты обязан был стать моим, но ты поступил как трус и спрятался от меня!

Гейлен смотрел на нее затуманенным взглядом, потом плечи его распрямились, и он вздохнул.

— Я принимаю только те ругательства, которые заслужил.

Агата поджала губы.

— Ты должен признать и это! — Потом она одарила его кислой улыбочкой.— Нет. Он имеет в виду то, что уже спасал мне жизнь раз шесть, если не больше, поэтому именно он виноват в том, что я еще живу и проклинаю его.— Она гордо вскинула голову.— И теперь вы сами можете убедиться, что он слабовольный, потому что ничего не может с собой поделать и спасает нас, колдуний. Ведь в глубине души он не такой, каким хочет казаться, когда заявляет, что его не волнуют ни крестьяне, ни мы — колдуньи. Да, он наш защитник и наш спаситель. Он всегда приходит на помощь волшебницам: многие из нас давным-давно бы умерли, если бы не он. Он просыпается среди ночи, если с нами случается какая-нибудь беда. Он может преспокойно наблюдать за страданиями крестьян и знати, но не колдуний, потому что они не причиняют ему зла, как люди, которые хотят его сжечь. Колдуньи относятся к нему по-доброму. И он не может ничего поделать с самим собой и спешит на помощь всякий раз, когда получает сигнал опасности.— Она отвернулась.— Вот такой он у нас добродетельный и жалостливый...

— Но при этом я никого не люблю, и никто не любит меня,— гордо заявил старик.— Я никому ничего не должен. Я сам по себе.

Старая Агата разразилась смехом.

— Э... да,— произнес Род. Схватка, похоже, чуть стихла, и Роду хотелось побыстрее уйти отсюда, пока она не возобновилась с новой силой. А так как Гейлен снова нахмурил брови, надо было торопиться.— Да... спасибо за то, что спасли нас, Гейлен,— сказал он.— Но, извините, нам пора, нужно возвращаться в Раннимед... не так ли, Гвен? — Он задумался, потом снова обратился к колдуну: — Я не думаю, что вы захотите составить нам компанию?

Агата подняла голову, в глазах ее вспыхнул огонь.

— Благодарю вас за подобное предложение,— сказал старик, не скрывая иронии.— Но боюсь, что мне придется отказать вам.

— Да, конечно, извиняешься! — Агата сплюнула.— Безусловно, ты самый вежливый из всех, кого мне доводилось знать.

Она обратилась к Роду и Гвен:

— Но не бойтесь, ваш народ не останется без помощи! Еще живет старая колдунья, которая не оставит жителей своей страны в беде! Она еще не умерла! А вот этот старый мерин...— она мотнула головой в сторону Гейлена, .будет стоять праздно в стороне и наблюдать за тем, как его народ гибнет, как нечистая сила варваров вторгается в его землю! — Она протянула руки.— Возьмите меня с собой, уйдем отсюда, так как в его присутствии меня начинает мутить! Он думает только о себе!

— А ты нет? — рявкнул Гейлен, пожирая старуху взглядом.— Это твоя безумная идея насчет нерожденного ребенка!

Агата вспыхнула, ругательства вот-вот должны были

сорваться с ее языка, но Гейлен поднял руку и повелел:

— Убирайтесь отсюда, в Раннимед!

Белая вспышка, пламя, ослепительное сияние... Когда оно погасло, Род увидел Гвен в своих объятиях, и это успокоило его. Он едва различал очертания Агаты, прислонившейся к серой гранитной стене... Их окружила толпа удивленных, опешивших, задающих недоуменные вопросы молодых волшебниц и волшебников.

«Слава Богу, дома»,— решил Род. Они, без сомнения, находились в королевском дворце в Раннимеде, в Башне Волшебниц. Интересно, что бы произошло, если бы Гейлен разозлился до такой степени, что отправил бы их прямо в Ад? Над Родом склонилось лицо одного из молодых чародеев.

— Господин волшебник! Где вы были?

— В Темной Башне у Гейлена,— прокряхтел Род и тяжело вздохнул. Он огляделся по сторонам.— А что касается того, как мы попали сюда... ну, он отправил нас домой.

Молодежь переглянулась.

— Мы можем переноситься с места на место, но сами,— сказал один из волшебников.— Переносить других мы не можем.

— Гейлен постарше вас и знает побольше вашего.— Про себя Род подумал, что это свидетельствует о новом виде колдовской силы. Но он был готов к любым сюрпризам.— Твое имя Элвин, не так ли?

— Да, меня так зовут, господин волшебник.

Род потер глаза.

— Мне кажется, что перед тем, как я отправился на поиски Гвен, мне сообщили, что на нас напали варвары?

— Да, милорд. Впереди шли три корабля-дракона, за ними целый флот.

— Флот? — Род окончательно пришел в себя.— Сколько их там было?

— Целая армия,— раздался девичий голос за спиной Элвина.— Не меньше.

Род вскочил на ноги, огляделся. Он увидел чуть поодаль огромного черного коня, который застыл на месте, опустив голову. Род направился к нему и положил руку ему на шею. Конь поднял голову, посмотрел на Рода. Он нахмурился.

— Опять апоплексический удар?

— Нет,— раздался голос робота в ухе Рода,— хотя, испытав подобное, не мудрено было бы получить его.

— Итак,— осторожно заметил Род,— ты все видел?

Конь приподнял голову выше.

— Да. Я... записал... все. Я могу воспроизвести все... но очень медленно... и позже... позже...

— Ну, вкратце, что ты можешь сказать? Что произошло? Попробуй.

— Предварительный анализ свидетельствует о том, что мы прошли через четвертое измерение.— Тело Векса вздрогнуло.— По крайней мере, мне так кажется...

— Да.— Род сглотнул.— Э. Ну... обрабатывай данные, ладно? — Он сунул ногу в стремя и запрыгнул на коня.— Нам нужно скакать на побережье. Где, ты сказал, они высадились, Элвин?

— У устья реки Флер, милорд. Нас оставили в качестве резерва, но пока нас еще не звали.

Род внимательно осмотрел горстку собравшихся в комнате и понял, что всем им не больше четырнадцати. Не мудрено, что их не позвали. В противном случае положение дел было бы ужасающим. Род кивнул.

— Флер не так уж далеко. Я еще успею.— Он свесился с седла и нежно поцеловал Гвен.— Поддерживай в очаге огонь, дорогая. Когда сберешься с силами, приходи на помощь.— Он выпрямился и пришпорил Векса. Черный конь пошел рысью по направлению к двери.

— Род, дверной проем слишком низкий.

— Значит, я пригнусь, Стальной Конь! Эй, пошел!

Векс несся по дороге без устали, с легкостью, на которую способен только электрический конь. Род, сидя в седле, наслаждался такой скачкой.

— Разумеется,— сказал он,— этот священник на самом деле может являться тем, за кого его принимают, и ничем больше — всего-навсего неврастеником, помешанным на религии. Но мне почему-то кажется, что это не так.

— Возможно совпадение,— согласился Векс,— хотя маловероятно.

— Но ведь он явно действует на руку варварам. Почему ему понадобилось начать борьбу с колдуньями именно тогда, когда Катарина отправилась с миссией набора волшебниц по стране? Ведь он мог приступить к этому за неделю или две до этого.

— Значит, мы можем предположить, что между двумя явлениями существует некая взаимосвязь — я имею в виду, между войной и священником,— добавил Векс.

— Взаимосвязь, черт подери! Он работает на них, Векс! Как еще можно объяснить все это?

— Альтернативная теория еще не готова,— признался робот.— Но вероятность прямой связи слишком мала.

— Ой, оставь в покое свои заумности!

— Воспроизведем данные, Род. Неандертальцы и священник разделены приблизительно сотней миль океана. Более того, никакого физического сходства, судя по имеющимся у нас сообщениям.

— Твоя правда,— согласился Род.— Но я бы сказал...

— Извини, но я тебя прерву,— неожиданно произнес Векс,— ты... знаешь, что я использую радар..

— Надеюсь, что так оно и есть, ведь мы идем со скоростью шестьдесят миль в час!

— Над нашими головами только что пролетело два объекта.

Род побледнел.

— Это, надеюсь, птицы?

— Боюсь, что нет, Род.

Род посмотрел на небо. Вон они, уже едва различимые,— две метлы, а на них женщины.

— Нет!

— Боюсь, это они, Род. Их скорость составляет сто миль в час, и не забывай, что движутся они по прямой.

— Они прибудут на поле битвы раньше нас! — Род проводил взглядом двух леди и вздохнул.— Ну... Надеюсь, они подоспеют вовремя и сумеют помочь... Гвен достаточно разумна, чтобы не спускаться с неба, не так ли?

— Не знаю, ведь ей придется сконцентрировать всю свою силу на борьбу с Дурным Глазом.

— Да... Я и забыл об этом. Что ж! — Род вздохнул и откинулся в седле.— Остается только надеяться...

— Мне кажется, она будет очень истощена, Род,— озадаченно произнес Векс.

— Не беспокойся... она наверняка приземлится там, где располагается королевская колдовская гвардия... а Туан заботится о ее охране.— Род усмехнулся.— Она будет в безопасности, сама о том не подозревая. Но так или иначе... ускорь шаг, хорошо?

«И напали на нас враги, и было их великое множество. Несметным было число их длинных кораблей; стая драконов вынырнула из океана и причалила к берегу, выпустив из чрева своего тысячи варваров. И были они высокие и с клыками, с волосами ниже плеч и выражением убийц в глазах. Солдат наших обуял страх, и отступили они, но король призвал их, и они заняли свои места. И предстал вдруг перед их глазами главный волшебник, и гроза нарушила тишину, и засверкала молния. И обратился он к солдатам и сказал, что помогут им волшебницы, что отведут они от солдат Дурной Глаз. Он призвал их идти навстречу врагу и сразиться с ним во имя жен их, дочерей и любимых. И наполнилось сердце каждого воина решимостью и смелостью, и пошли они в бой. Но варвары выстроились в линию, и ударила в их щиты и шлемы молния. Взревели они дико и начали наступать на армию Туана. С криками накинулись на них солдаты, но поймали варвары их взглядом, смотрели в глаза двоим или троим сразу, и застывали солдаты на месте. Тогда засмеялись варвары — страшный, дикий звук — и кинулись на противника, чтобы убить его.

Но тут призвал главный волшебник волшебниц, которые ждали приказа его на холме, и подняли они руки в молитве, объединив силу свою сверъестественную и направив ее против темных сил варваров, и освободили головы солдат от чар. Армия очнулась, вышла из оцепенения, закричали солдаты и направили на врага свои копья. Но снова раздался гром, и молния, озарив небо, блеснула в глазах варваров, и снова

заморозили они воинов взглядом. И упали тогда на землю волшебницы, словно умерли, ибо сила демона Кобольда истощила их. А варвары издали смех нечеловеческий и занесли над головами воинов огромные топоры.

Тогда вскричал главный волшебник гневно и поскакал на своем черном, как ночь, коне, размахивая огненным мечом. Он прорвался сквозь строй варваров, и услышали его крик жена его и великая колдунья и ринулись в бой. Взялись они за руки, и опустили головы в молитве, и сделали то, что могла бы сделать только вся королевская колдовская гвардия,— пересилили силу Кобольда и освободили разум солдат от его заклинаний. Но многие из них уже полегли в неравном бою.

И снова главный волшебник проскакал сквозь строй варваров, громко выкрикивая боевой древний клич, и солдаты услышали его и воспрянули духом. Шаг за шагом стали они отступать, потому что опасно было оставаться так близко от противника, слишком многих товарищей по оружию потеряли они в том бою. Туан собрал их на холме — не сломленных — и приказал им отдохнуть и перевязать раны, заверив, что их время придет.

А главный волшебник обратился к жене своей, призывая ее покончить с противником при помощи сильного колдовства, и заставили они оставшихся в живых монстров рыть самим себе могилы в земле».

Летописи правления Туана и Катарины, записано отцом Чиллди.

Векс понесся наверх, и перед глазами Рода предстало грустное зрелище: несчастные молодые волшебники и волшебницы лежали или сидели на земле, опустив головы. Отец Чиллди ходил между ними, протягивая каждому кружки. Интересно, подумал Род, чем он их поит, да и вообще, знает ли аббат, что отец Чиллди помогает волшебникам. Маленький, кругленький монах, похоже, неортодоксален.

Потом вдруг до Рода дошло, что на одном из пледов лежала его жена.

— Гвен! — Он спрыгнул с коня и склонился над ней.— Ты... ты...— Он не мог найти нужные слова и взял ее на руки, прижав к своей груди.— С тобой все в порядке?

— Я чувствую себя хорошо, мой господин,— устало произнесла она, но не пыталась вырваться из его рук.— Лучше позаботься об этих детях... и о бедняжке Агате.

— Заботься о себе, дитя мое,— прокудахтала старая колдунья.— Я восстановила свою силу.— Но она выглядела такой же опустошенной, что и молодежь.

— Что случилось? — тихо спросил Род.

Гвен чуть отстранилась от него.

— Боюсь, что не знаю. Когда мы прилетели, Тоби и все волшебницы и волшебники лежали без чувств на земле, а наши

солдаты стояли неподвижно, словно статуи на берегу. Варвары приближались к ним, готовые убить их. Тогда мы с Агатой взялись за руки и объединили наши силы против Дурного Глаза варваров... и о, мой господин! — Она вздрогнула.— Мы словно прошли через темное облако, нависшее над нами, через что-то мягкое...— Она подбирала слова.— Это было похоже на живот огромного толстяка, придавившего нас... стало темно, и нечем было дышать. Из нас словно вытягивали наши силы, но мы вырвались, Агата и я; мы освободили мысли наших солдат, чтобы они могли хотя бы защищаться... вряд ли они были бы способны на что-то большее; много их уже полегло на поле брани. Потом молния озарила небо, и что-то огромное, темное навалилось на нас, придавливая...— Она покачала головой, закрыв глаза.— Вот все, что я помню.

— И этого достаточно.

Род оглянулся: рядом с ним стоял отец Чиллди, глаза его блестели.

— Ваша жена, милорд, и ее спутница надолго отпугнули противника.

— Надолго ли?

— Король Туан успел отступить с остатками армии на такое расстояние, где их не достанут варвары. Но побежденные вашей женой и ее спутницей дикари даже не попытались преследовать наших солдат. Они остались внизу на берегу и стали рыть себе могилы.

— Себе или нам? — рявкнул Род. Он вскочил на ноги, сжал на мгновенье руку Гвен и поспешил на гребень холма.

Внизу, на расстоянии ста футов, устье реки переходило в длинную изогнутую дугу — лук, который натягивали варвары. Они копали, но не могилы — а вал, оборонительную линию. Она была почти готова. Род глянул вниз и выругался: им понадобится чертовски много времени, чтобы выкурить неандертальцев оттуда! Потом он заметил то, что лежало перед валом,— там лежали ровными рядами тела солдат в королевских униформах. Род опять выругался, потом выпалил:

— Они, должно быть, задумали все это загодя. Кто-то вложил в Гвен эту идею — отправиться за помощью к Агате; кто-то заставил дотошного священника атаковать пещеру старой колдуньи... В нужный момент... а я помчался на помощь Гвен и не мог быть здесь! Черт!

— Не кори себя, господин волшебник,— устало произнес Туан за его спиной.— Мы потерпели поражение не по твоей вине.

— Да? — Род уставился на него.— А по чьей же?

Туан вздохнул.

— Все дело в силе этого Кобольда, которой ничто не может противостоять!

— Нет! — Род снова посмотрел на берег моря.— Определенно «нет»! Этот их Кобольд — не что иное как деревянный идол, Туан! Суеверие, самое обыкновенное суеверие!

— Было бы это так.— Туан пожал плечами.— Тогда все дело в Дурном Глазе варваров. Мы и не подозревали, что его воздействие так велико, что может истощить наших волшебников и заморозить солдат, чтобы потом варвары смогли преспокойно убить их.

— Это молния,— прохрипела Агата.

Туан повернулся на ее голос, нахмурился.

— Кто эта старая ведьма, господин волшебник? Мы многим ей обязаны, но я до сих пор не знаю ее имени.

— Это потому, что ее не представили вам. Она... э, ну... она широко известна... в определенных кругах.

Агата состроила гримасу, превозмогая ужасную головную боль.

— Не тяни, господин волшебник. Выкладывай все начистоту, даже если мое имя и напугает кого-то, ничего страшного. Меня зовут «Злой Агатой».— И она склонила голову, пытаясь изобразить нечто вроде поклона.

Туан удивленно посмотрел на нее, и Род сообразил, что король довольно-таки молод и, наверное, до сих пор любит слушать всякие страшные детские сказки. Но Туану нельзя было отказать в смелости; он выдавил улыбку, набрал побольше воздуха, распрямил плечи и шагнул навстречу старой леди.

— Я должен поблагодарить вас, почтенная госпожа, так как без вашей помощи мои люди и я превратились бы просто-напросто в куски мяса.

Агата посмотрела на него сквозь сощуренные глаза, потом улыбнулась.

— Голова у меня просто раскалывается на части, и все суставы ломит, но, если понадобится, я могу помочь вам еще раз, раз вы так мило меня благодарите.— Улыбка ее погасла.— Да и без благодарности... Мне кажется, сегодня я спасла несколько жизней, и сердце мое ликует.

Туан задумчиво посмотрел на нее, потом кашлянул и повернулся к Роду.

— Что скажете, господин волшебник? Я-то всегда думал, что все старые колдуньи мрачные и злые и ненавидят все человечество.

— Но не эта, как выяснилось,— медленно произнес Род.— Ей просто очень не нравилось, как люди обращались с ней...

— О, не болтай ерунды! — рявкнула Агата.— Я ненавижу всех мужчин и всех женщин, Ваше Величество... но тогда, когда нахожусь не рядом с ними.

Туан оглянулся и посмотрел на нее, потом кивнул.

— Что ж, да благословит тебя Господь! Такая самокритичность сразит наповал даже дьявола! Хвала небу, что ты была с нами!

— И ругай меня за то, что я опоздал! — рыкнул Род, снова посмотрев на варваров.

— Опять ты за свое! — воскликнул Туан.— Что с тобой, господин волшебник? Почему ты говоришь, что тебя не было,

когда ты был с нами и сражался, как лев... если не отважнее!

Род похолодел:

— Что?!

— Ты был среди нас, поверь! — Туан с подозрением посмотрел на него.— Ты был здесь, и варвары не смогли заморозить тебя.

— Я тоже присоединяюсь к словам Его Величества. Они действительно не смогли вас заморозить! — воскликнул отец Чиллди, раскрасневшись.— Вы проскакали сквозь их строй, размахивая огненным мечом. Пятерых вы сразили одним ударом. Варвары пришли в ужас. Именно вы вселили в сердца наших солдат надежду, подбодрили их, заставили их вовремя отступить, чтобы они не стали жертвами дикарей.

— Но... это невозможно! Я...

— Все было именно так, как они говорят,— раздался рядом с ним тихий голос Гвен.— С этого самого холма я видела тебя вон там, внизу; именно ты повел солдат в бой, как и сказал этот добрый священник.

Род уставился на нее, не в состоянии произнести ни слова. Если уж она видела его на поле брани... Род повернулся и зашагал по склону холма вниз.

— Подожди, господин волшебник! Что ты ищешь? — Туан догнал его и подстроился под его шаг.

— Свидетеля,— прорычал Род.— Даже Гвен могла ошибиться на таком расстоянии.

Он остановился около группы солдат, пристроившихся отдохнуть у скалы.

— Послушай, солдат! — обратился он к одному из них.

Придерживая кровавый лоскут на руке, солдат поднял белокурую голову. Род опустился на колено рядом с ним, отодрал лоскут. Солдат застонал и сжал поплотнее рот. Род посмотрел на рану, потом на самого солдата, и сердце его дрогнуло — совсем мальчишечье лицо, ему еще так далеко до мужчины! Он снова перевел взгляд на рану, осмотрел ее.

— Бренди,— бросил он Туану.

— У меня есть,— прохрипел молодой воин.

Род глянул на землю и увидел флягу. Он вылил немного ее содержимого на рану — солдат застонал, глаза его чуть не вылезли из орбит. Род рванул свой камзол и оторвал лоскут от рубахи. Он стал осторожно перевязывать рану.

— Ты потерял много крови, но кость не задело. Чуть позже наложим швы, и все будет в порядке.— Он посмотрел на молодого солдата.— Знаешь, кто я?

— Да,— выдохнул юноша.— Вы — господин главный волшебник.

Род кивнул.

— Видел меня раньше?

— Ну, конечно! Вы сражались рядом со мной! Я был совсем близко от вас, прямо как сейчас.

Род смотрел на него, открыв рот.

— Ты уверен? То есть абсолютно уверен?

— Да, господин волшебник! Если бы не вы, я бы не выдержал и убежал с поля битвы! — Глаза его расширились, и он оглянулся на своих товарищей, покраснев; те молча кивнули.

— Ладно, не принимай близко к сердцу.— Туан похлопал его по плечу.— Всякий бы захотел сбежать, доведись ему участвовать в такой битве.

Молодой солдат поднял глаза и, поняв, что рядом с ним стоит сам король, чуть не потерял от волнения сознание. Род схватил его за плечо.

— Значит, ты видел меня? На самом деле меня видел?..

— Да, милорд.— Глаза солдата округлились.— Это правда.— Он понизил голос.— Но, знаете... как-то странно.

— Странно? — Род сдвинул брови.— Почему?

Молодой солдат прикусил губу, потом выдавил из себя:

— Вы казались выше ростом... на голову или даже больше! Я могу поклясться, что вы возвышались над всеми солдатами! И весь словно светились...

Род прикрыл глаза. Потом он стал перевязывать рану дальше.

— Ну, знаешь, как это бывает во время сражения. Все кажется больше, чем на самом деле... особенно всадник на большом коне.

— Верно,— согласился юноша.— Вы были верхом.

— Так,— кивнул Род.— На большом чалом коне.

— Нет, милорд.— Солдат насупился.— Ваша лошадь была черной, как уголь.

— Успокойся, Род,— пробурчал Векс ему на ухо.— Ты просто вышёл из себя.

— Да? — Род огляделся по сторонам.

— Это я так, образно выражаясь,— успокоил его робот.— Перестань так волноваться, Род, ты определенно представляешь собой одно целое.

— Хотел бы в этом удостовериться.— Род понуро оглядел солдат вокруг. Он шагал через лагерь, приходя в ужас от того, сколько солдат полегло в этой битве. Участвовал он в ней или нет, зрелище, представшее его взору, вернуло его в мир реальный. Он чувствовал себя виноватым, но...

— Твое присутствие поддерживает солдат, Род,— произнес Векс.

— Наверное,— пробормотал Род. Он опять вспомнил о себе самом, участвующем в битве...— Но, Векс, ведь это совершенно невозможно. Ты хоть что-нибудь понимаешь, а?

Солдаты подозрительно косились на него. Род знал, что слухи быстро облетят лагерь — господин волшебник разговаривает с невидимым помощником.

— Конечно, Род. Отношу все это к всеобщей, или массовой, истерии. Во время сражения им нужна была уверенность в том,

что господин главный волшебник рядом с ними, направляет свои силы против магии варваров. Потом один из солдат в разгар битвы принял какого-то рыцаря за тебя и закричал: «Вон господин главный волшебник!» И его товарищи — не забудь, что было довольно-таки темно, если не считать вспышек молнии,— тоже приняли этого рыцаря за тебя.

Род кивнул и чуть приободрился.

— Просто спутали с другим.

— Господин волшебник?

— Да? — Род обернулся и увидел старого сержанта, сидящего в грязи.— Что случилось, дружище?

— Мои ребята голодны, господин волшебник.— Старик показал рукой в сторону дюжины молодых, не старше двадцати лет, солдат, сидевших рядом с ним.— Кормить будут?

Род посмотрел на него, потом произнес:

— Да, но придется немного потерпеть. Гористая местность, понимаете...

— Да, милорд.— Лицо старика расслабилось.

Когда Род повернулся, он услышал, как солдат сказал:

— Что-то не верится.

Другой солдат возразил:

— Король есть король. Разве может он знать о нуждах простого солдата? Какая ему разница, голодны мы, убиты ли или нас заморозил Дурной Глаз?

— Королю Туану все это не безразлично,— возмущенно возразил кто-то.— Ты что, не помнишь, что раньше он был королем нищих, до того как стал королем Грамария?

— Но... ведь он сын лорда...— Но остальные, похоже, не соглашались с его суждениями.— Разве может лорд интересоваться судьбой простого смертного?

— Но не думаешь же ты, что он разбрасывается жизнями солдат?

— А почему бы и нет?

— Но ведь он сам отличный воин, неужели даже это тебя не может убедить?! — выкрикнул первый солдат.— Он не пошлет нас на верную гибель; он сам — солдат! Иначе как ему выиграть сражение, наша армия и так мала?

Друзья его призадумались.

— Он обращается с нами, как купец со своим добром.— Первый солдат прислонился к камню.— Нет, он не бросит нас в лапы дикарей, если не будет уверен, что большинство из нас останутся живы...

Другой солдат засмеялся.

— Может быть, ты и прав... что за генерал без армии?

Род не стал дожидаться ответа; он пошел дальше, удивляясь людям Туана. Их не очень-то волновал Дурной Глаз, как таковой. Обед, да; пошлют ли их в бой, если армия так мала, да; но магия? Нет. А Туан ждет от него заклинания против врага, которое сработает.

— Поставь на их место обычного землянина,— произнес он,— чтобы прямо перед ним оказался Дурной Глаз, он непременно побежал, лишь только пятки сверкали бы. А эти ребята воспринимают все так, словно это не что иное как арбалет.

— Не забывай, Род, об одной детали,— раздался голос робота у него за ухом. Сам конь стоял на вершине скалы, далеко отсюда, и наблюдал, как Род идет через лагерь.— Они выросли среди магии, как их деды, отцы на протяжении двадцати пяти поколений. Это явление не пугает их, значит, колдовство врага может усилиться.

— Да, ты прав.— Род поджал губы и кивнул. Подняв глаза, он заметил отца Чиллди, перевязывающего голову старому солдату. Воин кривился от боли, но терпел. Род заметил еще несколько ран на его теле: наверняка он храбро сражался.— Род шагнул к монаху: — А вы везде поспеваете, святой отец.

Отец Чиллди улыбнулся:

— Делаю, что могу, господин волшебник.— Но улыбка на его лице на этот раз уже не была сияющей.

— Вы делаете много для этих людей... но вы ведь человек, отец Чиллди, не машина, вы и сами должны отдохнуть.

Монах обиженно пожал плечами:

— Но эти бедные души нуждаются в моей помощи гораздо больше, милорд, чем я в отдыхе. Я всегда успею отдохнуть, а пока надо избавить этих солдат от мучений, перевязать им раны.— Он вздохнул и выпрямился, посмотрев на перевязанную голову старого солдата.— Я проводил в последний путь тех, кто пал смертью храбрых, теперь пора подумать о живых.— Он взглянул на Рода.— И приложить все усилия, чтобы они поверили, что будут жить.

— Да,— задумчиво произнес Род.— Король и я думали о том же.

— Отлично! — Отец Чиллди заметно повеселел.— Я уверен, что вы это сделаете. Однако, позвольте узнать, каким же образом вы хотите помочь им?

— Колдуньи... много колдуний.— Рода вдруг осенило.— Нам удалось привлечь на свою сторону одну из самых могущественных, она участвовала в сражении.

— Да.— Отец Чиллди посмотрел на вершину холма.— Я видел, что ваша жена и она без чьей-либо помощи справились с Дурным Глазом, задержали его, пока наши солдаты отступали. Разумеется, я написал об этом в своих летописях.

Род не сомневался, что так оно и было, ведь именно поэтому он и разговаривал со священником. Похоже, он — единственный средневековый журналист, который занимается хрониками правления Туана и Катарины.

— Ваша жена, должно быть, очень могущественна? — Отец Чиллди повернулся к Роду.

Род кивнул.

— Интересный у нас с ней брак, не так ли?

Отец Чиллди улыбнулся, старый солдат тоже усмехнулся. Потом монах приподнял бровь:

— А эта уважаемая колдунья, которая вместе с ней... она тоже очень могущественна, должно быть?

— Да,— ответил Род.— Ее зовут Злая Агата.

Старый солдат приподнял голову. Несколько других воинов удивленно уставились на Рода, потом обменялись взглядами. На их лицах отразился страх.

— Она решила, что намного интереснее помогать людям, чем причинять им вред,— объяснил Род.— И она хочет остаться с нами.

Солдаты ухмыльнулись.

— Удивительно! — Отец Чиллди уставился на Рода.— Много ли таких старых ведьм вы нашли?

— Да, нашли нескольких.— Род кивнул.— Каждая колдунья на счету, святой отец.

— Ну, разумеется. Бог да благословит ваши начинания! — воскликнул монах. И когда Род отвернулся, отец Чиллди начал перевязывать другого раненого солдата со словами: — Слышал? Господин главный волшебник обратился за помощью к старому колдуну и старой ведьме, чтобы те помогли нам в нашем деле!

Род улыбнулся про себя; как раз это ему и требовалось! К вечеру каждый солдат в армии будет знать, что теперь не страшно идти в бой, что им на помощь пришли колдуньи.

Он остановился, пораженный другой мыслью, затем повернулся и посмотрел на вершину холма, на которой на фоне грозовой тучи стоял, скрестив на груди руки, король Туан, и взирал на то, что творилось внизу. «Ты не должен лгать своей армии, иначе немного погодя они откажутся идти в бой, потому что будут не уверены, на что ты их толкаешь: на верную смерть или нет». Род поспешил к нему. Надо убедить Туана в том, чтобы привлечь как можно больше колдовской силы. Туан поднял голову, увидев приближающегося к нему Рода.

— Плохой день, Род Гэллоуглас. Ужасно плохой день.

— Да, самый что ни на есть.— Род обратил внимание на то, что король обратился к нему по имени, без титула. Это свидетельствовало о том, что молодой Туан был сильно расстроен. Он остановился рядом с ним и оглядел долину, раскинувшуюся внизу

— Однако могло быть и хуже.

Туан изучающе посмотрел на него. Поняв, что́ Род имел в виду, он облегченно вздохнул, потом закрыл глаза и кивнул·

— По правде говоря, могло. Если бы ты не вернул войско.. и если бы не твоя жена и Злая Агата... действительно, все волшебницы...

— И волшебники,— напомнил ему Род.— Не забывайте о волшебниках.

Туан насупился:

— Да, уж не забуду.

— Вот и хорошо. Значит, вы не возражаете против того, чтобы привлечь еще нескольких на нашу сторону?

— Ну, нет, конечно,— медленно произнес Туан.— Но где ты их отыщешь?

Род вздохнул и покачал головой:

— Леди правы, Туан. Нам следовало набирать их.

Туан присвистнул.

— А что если молодые волшебницы и волшебники присоединятся к нам, и этот сумасшедший священник настроит против нас всю страну?

— Ну, не совсем так,— заметил Род.— Именно поэтому я и понял, что идея Гвен самая верная.

Туан озадаченно посмотрел на него:

— О чем ты говоришь?

— О самых опытных и старых, Ваше Величество, начиная с Гейлена.

В первый раз с тех пор, как Род познакомился с ним, в глазах Туана появился страх.

— Род Гэллоуглас... ты знаешь, о ком говоришь?

— Да, о старом колдуне.— Род нахмурился.— А что в этом плохого? Разве не нужна нам поддержка в лице таких могущественных колдунов, как он?

— Ну... если он на нашей стороне...

— Он не согласится,— прокряхтела Злая Агата, лежавшая у валуна футах в двадцати от них.— Его волнует только он сам.

— Может быть,— Род пожал плечами.— Но стоит попробовать, не так ли?

— Мой господин,— раздался тихий голос Гвен.— Я уже говорила тебе, именно молния дает им силы... и даже старый Гейлен будет не в состоянии справиться с раскатами грома.

Род медленно повернулся к ней; странный блеск появился в его глазах.

— Правильно, ты ведь говорила об этом, не так ли?

Гвен кивнула.

— Мы освободили наших солдат от Дурного Глаза... но вспыхнула молния, и волшебницы и волшебники потеряли сознание. Именно тогда и застыли солдаты на месте, а варвары расшвыряли их, словно сено вилами.

— Молния,— пробормотал Род. Он повернулся, ударив кулаком о ладонь:

— Вот и разгадка, не правда ли? Молния. Но почему? Каким образом? Ответ где-то рядом, а ну-ка, Гвен с Агатой, пораскиньте мозгами... Где же Векс? — огляделся Род.

— Я здесь, Род,— произнес робот.

— Подумай хорошенько и ответь, по какой причине Дурной Глаз стал сильнее после вспышки молнии? — поинтересовался у него Род. С этим же вопросом он обратился ко всем присутствующим. Робот помедлил несколько секунд, затем ответил:

— Непосредственно перед вспышкой молнии из-за иониза-

ции сопротивление прохождению грома снижается, таким образом, формируется своего рода проводник между литосферой и ионосферой.

Род нахмурился:

— Что из этого?

Туан подозрительно покосился на него:

— Ты о чем, господин волшебник?

— Так, сам с собой рассуждаю,— быстро ответил Род.— Диалог с самим собой, знаете.

Векс терпеть не мог, когда его прерывали.

— Ионосфера также способна выступать в роли проводника, хотя проходящий по ней ток необходимо с большой точностью контролировать.

Род опешил. Гвен отпрянула со вздохом. Она давным-давно свыклась с эксцентричностью мужа. Наверняка и он терпел бы ее странности, будь они у нее (он не считал, что сам по себе дар эсперов эксцентричен). Между тем Векс продолжал:

— Таким образом, ионосфера способна выступать как проводник между двумя точками на земле, а это значит, можно передавать сигналы. Чтобы избежать потери напряжения, необходимо какое-либо излучение. Вероятностей подобных ограничений несколько. Сигналы могут таким образом проходить через ионосферу более примитивным способом...

— Напряжение,— пробормотал Род.— Не просто сигналы. Напряжение. Энергия.

Гвен подняла глаза, в которых вдруг отразился страх.

— Совершенно верно, Род,— согласился робот,— хотя я сомневаюсь, что несколько ватт доказывают такую возможность.

Род пожал плечами:

— Я подозреваю, что подобные силы действуют при милливаттах.

Туан уставился на Рода:

— О чем ты говоришь?

— Правильно. Для подобного разряда больше и не требуется.

Туан устало взглянул на него:

— Род Гэллоуглас...

— Необходимо лишь средство — проводник напряжения до уровня земли.

— Что обеспечивается при помощи ионизации воздуха как раз перед вспышкой молнии, да! Но каким образом ток проникает в ионосферу?

Туан посмотрел на Гвен; они оба выглядели озадаченными.

— Что за заклинание? — рявкнула старая Агата.

— Это,— заметил Векс,— уже их проблема, не наша.

— Я-то предполагал, что ты будешь логичным! — Род фыркнул.

Туан склонил голову:

— Господин волшебник, с кем ты разговариваешь? — Он начал терять терпение.

— Что? — Род посмотрел на него.— Не с вами, Ваше Величество. Я... э... говорил со своим, э, помощником.

Челюсть у Туана отвисла. Род понял, что в тот самый момент он вырос в глазах Туана как волшебник.

— Итак.— Род обвел окружающих взглядом.— Кто-то там, за морем, дает варварам мощный заряд энергии, то есть силы... в форме электрического заряда, разумеется. Варвары превращают эту энергию в собственную телепатию, затем засылают ее в умы солдат... каким-то образом здесь необходим зрительный контакт...

— Вероятно как средство фокусирования энергии. Похоже, их несовершенному разуму необходима подобная поддержка, Род,— вставил Векс.

— А из сознания солдат она переходит непосредственно в головы волшебниц, выводит из строя любого, кто настроен на это. Но только на время, слава Богу!

— Адекватное положение вещей, Род.

— Теперь остается один вопрос: кто находится на другом конце провода?

— Хотя данных недостаточно,— произнес робот,— но, судя по имеющимся, это означает наличие других варваров, своего рода доноров.

— Возможно, возможно,— пробормотал Род.— Но это не похоже на непосредственное... Ну, отложим пока данный вопрос. Главное сейчас не то, откуда все это идет, а как с этим бороться.

Туан пожал плечами:

— Вы же сказали, господин волшебник... мы должны найти всех колдунов и колдуний, согласных помочь нам.

— Помните, мы попробовали как-то? — Род улыбнулся, в его глазах заплясали огоньки.— Теперь, когда мы знаем, как Дурному Глазу удается достигать подобной силы, мы можем использовать колдовскую силу более целенаправленно.

Эта фраза привлекла внимание Туана-военного. На его лице появилось явно осмысленное выражение.

— Конечно...— Он рассмеялся.— Мы должны атаковать.

— Что?!

— Да, да! — Туан улыбнулся.— Не волнуйся, господин волшебник... я не сошел с ума. Да, послушай... до сих пор не мы выбирали, когда нападать, не так ли? Наш враг приплывал на кораблях; мы могли только стоять и ждать того момента, когда он сонзволит выбрать место и время. Теперь, место — вот оно, посмотрите на их земляные работы.— Он с отвращением кивнул на берег реки.— Нам не нужно всматриваться в морскую гладь и искать среди волн корабль-дракон... в нашем распоряжении тысяча солдат, раскинувшихся лагерем. Мы можем атаковать, когда сами хотим!

— Да, конечно, чтобы нас разрубили на куски!

— Я так не думаю.— Туан усмехнулся.— Потому что нам нужно сражаться тогда, когда небо будет ясным.

Лицо Рода озарила улыбка. Туан кивнул:

— Мы атакуем, когда будет светить солнце.

— Ты должен согласиться, что идея стоящая, Род,— задумчиво произнес Векс.— Почему бы не попытаться осуществить ее сейчас же?

— Ну, вон те валы — земляные укрепления.— Род сидел на огромном черном роботе-коне на вершине холма.— И к тому же, ну... мы, конечно, уверены, что все удастся, но...

— Вы не хотите подвергать опасности армию. Разумно, признаю. Хотя логика в данном случае диктует...

— Да, но осторожность превыше всего,— прервал его Род.— Если мы атакуем днем, то скорее всего победим... но можем потерять при этом много солдат. Туану следует действовать наверняка.

— Думаю, что не он один предпочитает действовать со всей осторожностью. Позволь мне поздравить тебя, Род, ты еще на один шаг приблизился к зрелости.

— Ну, спасибо,— Род крякнул от удовольствия.— Еще несколько подобных комплиментов, и мне понадобится заказывать похороны для себя самого. Сколько лет мне, по-твоему, было до этого, что теперь я вдруг повзрослел? Сто?

— Я имел в виду зрелость умственную и эмоциональную, Род, а не возрастную. Но обрадует ли тебя, если я тебе скажу, что ты по-прежнему молод душой?

— Ну, если так, то...

— Да ладно,— пробормотал робот.— И если уж по правде, Род, ты никогда не был безрассудным командиром.

— Ну... спасибо.— Род был тронут.— Так или иначе, именно поэтому сначала нужно попытаться напасть. Мы нападем на них при ясном небе, когда они слабы.

Рядом с ним, около стремени, возникла темная тень.

— Луна взойдет через час, Род Гэллоуглас.

— Благодарю тебя, ваше Эльфово Величество.— Род глянул сверху вниз на Брома.— Есть ли слабое место в оборонительных сооружениях противника?

— Нет. Но если атаковать их со стороны реки, откуда они не ожидают нападения, то они опешат, не сразу сообразят, что к чему, эльфы же могут устроить им веселенькое начало.

Род ухмыльнулся:

— Что ж, неплохая идея.

— Будет действительно весело,— Бром улыбнулся.

— В самом деле? Они просто умрут от смеха.

Туан подал сигнал. Небольшой отряд вооруженных копьями солдат (из бывших лесорубов) сел в маленькие лодки, которые Род в спешном порядке реквизировал у местных рыбаков, и поплыл к лагерю варваров. Остальные солдаты приготовились к атаке. Небо было ясным, безоблачным, звездным, но этой ночью не было луны. Лагерь неандертальцев был покрыт мраком. Суеверия подсказывали, что безлунная ночь — самое

подходящее время для магии и не очень приятных событий. Что ж, посмотрим.

Равнину, окруженную полукругом скал, освещали только точки сторожевых костров. Варвары толпились вокруг огня, а их стража прохаживалась вдоль берега. Посередине лагеря стояла длинная большая палатка. Ее размеры свидетельствовали о том, что там находится их предводитель. Варвары будут долго помнить эту ночь, как бы они ни старались забыть ее. Само по себе поражение, конечно, не так и страшно...

Прелюдия к битве была просто ошеломляющей... Когда небольшая группа дикарей собралась у костра и начала меряться силой, как обычно делают все солдаты, какая-то еле заметная тень скользнула между двумя из них, подкралась к костру и что-то бросила в него. Затем тень быстро юркнула в темноту. Варвары продолжали свое занятие, но вдруг один из них, спустя несколько минут, остановился и принюхался.

— Пахнет как-то странно? — прорычал он.

Варвар, стоявший рядом с ним, тоже принюхался... поперхнулся... схватился за живот. Запах быстро долетел до остальных неандертальцев. Они разбежались кто куда, чтобы только скрыться от запаха. Пробежав немного, начали хвататься за животы, потом их стало рвать.

Ближе к центру лагеря на землю опустился некий темный сферический объект и прыгнул в гущу второй группы варваров. Воздух вдруг стал искриться, потрескивать. Варвары вскочили и с дикими подвываниями побежали, размахивая во все стороны руками. На их коже появились маленькие красные пятнышки. Еще одну группу варваров до смерти напугали взрывы, которые вдруг стали разбрасывать их во все стороны от костра.

А у соседнего костра варвар поднес к губам кружку, откинул назад голову, но почему-то пиво не полилось к нему в рот. Он удивленно заглянул в кружку. Она вдруг со всего размаха упала ему на ногу, потом перепрыгнула на другую, а из самой кружки выбрался маленький человечек и засмеялся тоненьким голоском. Немного погодя эльф поднялся в воздух и полетел над лагерем. Еще один неандерталец с воплями побежал вслед за ним, но тут его сбила с ног огромная булава. Маленькая ручонка вынырнула из тьмы и резанула по его поясу своим острым-преострым ножом. Набедренная повязка стала сползать вниз, потом упала на землю. Эльф летал над лагерем, посмеиваясь, а толпа варваров гонялась за ним, изрыгая проклятия, размахивая булавами и ударяя ими о землю по тем местам, где только что побывал эльф.

Между неандертальцами возникла маленькая фигурка и что-то рассыпала во все стороны из мешочка. Дикари кинулись к нему и вдруг подпрыгнули на месте, завопили. Эльф оглянулся и засмеялся, взобрался по ноге одного из варваров — высокого, огромного командира, тот зарычал, замахнулся своей булавой, чтобы пришибить эльфа. Эльф прыгнул на другую ногу. Неандерталец взревел от боли. Потом он распрямился,

занес булаву и... она завязла в земле. Эльф — а это был Пак — засмеялся и полетел дальше. Он забрался в палатку и закричал: «На помощь! На помощь! Шпионы, лазутчики!»

Трое варваров кинулось от ближайшего костра к палатке, держа наготове булавы, а те, кто находился в ней, накинулись на Пака, но он увернулся. Снаружи несколько эльфов перерезали веревки, с помощью которых крепилась палатка. Колышки наклонились, упали, и палатка накрыла варваров. Они бились в ней, натыкаясь друг на друга. Усмехнувшись, Пак выбрался из-под края палатки. В двадцати футах от этого места он заставил орду варваров гоняться за собой. Но варвары отчего-то вдруг начали размахивать руками, ноги перестали их слушаться. Они пытались сохранить равновесие... но тщетно. Варвары стали падать, вновь с трудом вставали на ноги и снова падали...

Тем временем огромный командир попытался приподняться, обхватив руками свою раскалывающуюся голову. Эльф сел на палатку и что-то бросил в него. Варвар вскочил, дико заорал, с ужасом увидев, что по его телу расползаются какие-то красные пятнышки: не красные ли муравьи? На берег реки выбрался гусь и, добежав до варвара, взгромоздился ему на голову. Потом из воды показалась щелкающая зубами черепаха и устремилась на неандертальца, пытаясь схватить его за палец ноги, который отдавил эльф. Варвар с диким ревом кинулся в воду. Он усиленно размахивал руками, и когда в очередной раз открыл рот, чтобы истошно завопить, огромный перезревший помидор влетел в его пасть. Так он и не смог выкрикнуть слова команды, впрочем, его все равно никто не услышал, так как варвары бегали как сумасшедшие по лагерю, размахивали булавами и что-то кричали о демонах...

Но вот прошуршали по гальке лодки, и одетые во все черное солдаты, с вымазанными сажей лицами, выпрыгнули из них, не проронив ни звука. Был слышен только звон их мечей. Вдруг они засветились красным...

Спустя час Род стоял на вершине холма и смотрел вниз. Из лагеря варваров доносились крики и подвывания. Монах сидел рядом с ним с грустным лицом.

— Я знаю, они враги, господин Гэллоуглас... но не нахожу эти ужасные крики поводом для веселья.

— Наши солдаты думают иначе.— Род кивнул в сторону лагеря, откуда доносились радостные крики.— Я бы не сказал, что они ликуют, но вид убитых варваров вселил в них уверенность в победе.

Отец Чиллди поднял глаза:

— Они ведь не могут применять Дурной Глаз, не так ли?

Род покачал головой:

— К тому времени, когда наши люди высадились на берегу реки, они и не подозревали, что там творилось. Каждый солдат убил по два неандертальца.— Он развел руками.— Вот так. Двадцать убитых варваров... их лагерь превратился в хаос. Но мы не стали атаковать их, мы уплыли, не забывайте, у них силь-

ные укрепления. Однако будьте уверены, что они не пойдут в атаку до тех пор, пока не дождутся дождя. Но мы теперь знаем, что они уязвимы.— Он снова кивнул в сторону лагеря: — Вот это-то они и празднуют. Теперь наши солдаты знают, что могут победить варваров.

— А те теперь знают, что могут проиграть.— Отец Чиллди кивнул.— А это уже много, господин волшебник.

— Да,— согласился Род.— Очень много.

— Ой, как хорошо.— Род устроился поудобнее на складном походном стуле и сделал большой глоток из фляги с пивом. Потом он вытер рот и взглянул на Гвен и Агату.— Подкрепился. Ну что, к делу?

Они сидели в большой палатке, которая стояла по соседству с палаткой короля, в самом центре выросшей на глазах деревни.

— На какое-то время мы вывели их из строя,— продолжал Род,— хотя все это блеф. Наши налетчики напугали их своей «магией», однако это ненадолго. Как только они поймут, что мы не можем противостоять Дурному Глазу, они дождутся первых раскатов грома и кинутся на нашу армию с возросшей яростью.

Род услышал, как ветерок трепещет полог палатки. Ветер кстати, подумал он, а то предстоит слишком жаркий день.

— Нам может понадобиться больше волшебниц,— решительно заявила Гвен.

Род удивленно посмотрел на нее:

— Только не говори, что ты снова собираешься набирать ведьм! Э... хватит и тех, что здесь.

— Ну, конечно,— сказала Агата. Кружка у ее локтя чуть заметно дрогнула.

Род задумался: ветер не такой уж сильный, он почти не чувствовал его... Он снова перевел взгляд на Агату.

— Значит, кто нам понадобится?

— Надо убедить этого глупца Гейлена присоединиться к нам,— прокудахтала Агата.— Ты что, уже не хочешь его звать?

— Пока я выслушиваю различные мнения, независимо от того, насколько они разумны.— Род одарил ее очаровательной улыбкой.— Это называется «мозговой штурм».

— Согласна, только его и не хватало твоим мозгам, этого-то штурма, раз ты не понимаешь, что я говорю то, что надо!

Ваза с фруктами на столе покачнулась. Он поежился. Может, небольшое землетрясение?.. Он собрался с мыслями и повернулся к Агате:

— Я признаю, нам действительно не обойтись без Гейлена. Но как вы собираетесь убедить его примкнуть к нам.

— Вот над этим стоит подумать,— ответила Гвен и прикусила губу.

Из вазы вылетело яблоко. Род качнулся на стуле и чуть не свалился.

— Эй! — Потом он сел прямо и посмотрел на Гвен.—

Продолжай, дорогая! Мы говорим о важных вещах!

Но Гвен не могла оторвать глаз от яблока, повисшего в воздухе; потом к нему присоединился апельсин.

— Мой господин, я не...

— Ох! — Род перевел взгляд на Агату.— Я должен был сразу догадаться. Это все твои шуточки, не так ли?

Она обиженно надулась:

—Что ты хочешь этим сказать, господин волшебник?

Персик пулей вылетел из вазы и присоединился к яблоку и апельсину. Они начали выписывать в воздухе замысловатые круги. Род недолго смотрел на них, потом вновь обернулся к Агате:

— Ладно, ладно! Мы знаем, что ты умеешь жонглировать... вот так, без рук! Но давай вернемся к нашим делам, хорошо?

— Я? — Агата глянула на выплясывающие в воздухе фрукты, потом на Рода.— Ты что, не веришь, что это не моих рук дело? — Она обиженно отвернулась от него и стала смотреть на Гвен.— Как ты можешь жить с тем, кто не хочет ничего понимать?

— Эй, поосторожнее! — Род насупился.— Может, не стоит затевать ссор, а? Что, по-твоему, я должен понимать?

— Если это делаю не я, и не она, значит, это делает кто-то другой,— объяснила Агата.

— Другой? — Род уставился на фрукты, наконец до него дошло. Он почувствовал, как на затылке дыбом встают волосы.— Ты имеешь в виду...

— Мой сын.— Агата кивнула.— Мой нерожденный сын.— Она махнула рукой в сторону прыгающих фруктов.— Нужно же ему чем-то заняться, разве ты не знаешь, что молодым всегда недостает терпения? Но он у меня добрый, ничего не ломает из злого умысла. Не обращай на него внимания. Мы разговаривали о колдуне Гейлене...

— Э... да.— Род снова посмотрел на двух леди, пытаясь не обращать внимания на фрукты, которыми жонглировали прямо над его головой.— О Гейлене, правильно. Насколько я понимаю, он живет уединенно, добровольно заточив себя в Темной Башне. Не имею ни малейшего представления, чем можно его выманить оттуда и убедить помочь нам.

— Боюсь, главное не в этом.— Гвен вздохнула.— Я бы сказала, что он не очень-то дружелюбен.

Рода обдала струя воздуха, и он увидел, что на коленях Гвен сидит ребенок и хлопает в ладоши:

— Мама! Мама! Давай поиграем!

Гвен уставилась на сына, лицо ее расплылось в улыбке.

— Мой дорогой мальчик! — Она обняла Магнуса.

Род протянул к ребенку руки:

— Давайте забудем о работе! Иди сюда, сынок... давай поиграем!

Ребенок взвизгнул от радости и вырвался от матери. Род еле успел подхватить его и снова бросил Гвен.

— Нет, муж.— Она схватила Магнуса и прижала к себе Ты же сам сказал, что у нас важные дела. Возвращайся к своим нянькам-эльфам, дитя мое.

Магнус обиженно поджал губы:

— Хочу остаться!

Род перевел суровый взгляд на сына:

— А ты будешь себя хорошо вести?

Ребенок с готовностью кивнул. Гвен вздохнула и с укором посмотрела на мужа:

— Так ты позволяешь сыну делать все, что ему вздумается!

— Но запомни, малейший шум...— Род погрозил пальцем и сделал строгое лицо.— Малейшее неповиновение, и ты отправишься домой!

Ребенок согласно закивал головой.

— Ладно... поиграй пока.— Он вытянулся на стуле.— Так, допустим, что нам не удастся уговорить Гейлена, что тогда?

Агата пожала плечами:

— Нет, если мы его не убедим, то я просто не знаю, что делать.

—Мне нужна была от вас поддержка,— рявкнул Род.— Давайте пойдем иным путем. Есть ли другие бывалые колдуны, колдуньи... Кто-нибудь еще из них, укрывшийся от глаз людских в лесу?

— Магнус, ты обещал,— предупредила сына Гвен.

Агата удивленно взглянула на ребенка.

— Может быть, старая Элида... Она, конечно, злющая, но это только с виду, на самом деле у нее доброе сердце. И старый Ансельм...— Она задумалась на мгновение, потом покачала головой: — Нет, в нем слишком много страха. Так что остается старая Элида, господин волшебник... но мне кажется...

— Магнус,— строго произнесла Гвен.

Род посмотрел на сына. Ребенок не обратил внимания на слова матери и продолжал заниматься своим делом — жонглировать. Но делал он это каким-то странным способом: бросал фрукты футов на пять вперед себя, и они возвращались к нему, словно бумеранги.

Род оглянулся на Гвен:

— Что он делает?

— Черт подери! — разразилась Агата.— Оставьте ребенка в покое, пусть себе играет! Он никому не мешает, не шумит, не плачет! Он просто-напросто играет с моим сыном Гарольдом и очень доволен, заметьте! Он хорошо себя ведет, оставьте ребенка в покое!

Род уставился на старую ведьму:

— Что он делает?

— Играет,— ответила Агата.— Ничего странного в том нет.

— Но,— произнесла Гвен, понизив голос,— твой сын ведь невидим.

— Для нас,— с расстановкой произнес Род.— Но Магнус видит его очень хорошо.

Агата приподняла брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Иначе как бы он узнал, куда бросать фрукты? — Род посмотрел на колдунью, прищурив глаза.— Ты видишь своего сына Гарольда?

— Нет, не вижу. Но кто бы кидал яблоки ребенку, если не он?

— Вот об этом я и думаю,— Род посмотрел в сторону сына.— Я-то думал, что Гарольд — это нерожденный дух.

— Что-то вроде этого, да.

— Тогда почему Магнус видит его? — Гвен широко раскрыла глаза.

— Я не говорила, что он не родился,— тихо сказала Агата. Она проследила взглядом за летающими фруктами.— Но я никогда не видела своего сына.

— Тогда как это удается Магнусу? — спросил Род.

— Но это очень просто объяснить! Ваш сын наделен даром, более сильным, чем я сама!

Род перекинулся взглядом с Гвен. Агата была самой могущественной колдуньей на всем Грамарии. Он вновь посмотрел на старую колдунью.

— Хорошо, значит, Магнус — телепат, но как он может видеть тело, если его не существует?

— Мой сын рассказывал мне, что когда-то у него было тело,— чуть помедлив, произнесла Агата.— Похоже, он просто помнит, какое оно.

— Телепат,— произнес Род.— Не очень сильный, может быть, но телепат. Также владеет телекинезом. А я считал, что это передается по наследству...

Агата пожала плечами.

— Кто знает, что может делать дух, находясь далеко от своего тела?

— Да... тела,— тихо повторил Род, пристально посмотрев на то место, откуда фрукты возвращались обратно к Магнусу.— А где находится его тело, о котором он помнит?

Агата вздохнула, закрыла глаза и откинула голову на высокую спинку стула.

— Знаешь, господин волшебник, что-то не слышу, о чем говорит Гарольд.

— Может быть, Гвен удастся услышать его.— Род повернулся к жене.— Дорогая?

Но Гвен покачала головой.

— Нет, мой господин. Я не улавливаю его мысли.

Род удивленно уставился на нее. Потом он выпрямился.

— Странно.— Он глянул на Агату.— Как ты думаешь, почему ты слышишь его, а Гвен нет?

— Ну, как же, ведь я его мать.— Агата улыбнулась.

Род немного задумался: может быть, он чего-то не понимает? Наконец, он проговорил:

— Я не знал, что ты когда-то имела ребенка.

— Ты прав, не имела... хотя очень хотела этого.

Мысли у Рода перепутались: как можно было не рожать ребенка и при этом иметь его? Он решил еще раз выслушать Агату.

— Итак,— осторожно произнес он,— как ты встретила Гарольда?

— Он сам пришел ко мне.— Глаза ее заблестели.— И сказал, что он — мой сын, мой и старого Гейлена.

— Но Гейлен...

— Да, знаю.— Агата поджала губы.— Это тот сын, что Гейлен и я должны были иметь, но не имели, по той простой причине, что мы ни разу даже не дотронулись друг до друга.

— Ну, я бы хотел называть это... но... э...— Род почесал за ухом, потом уставился в пол, туго соображая. Он силился посмотреть Агате в глаза.— Э... очень трудно зачать ребенка, если, э, не находишься друг в друге глубже, так сказать, пяти футов.

— Знаю! — с печалью в голосе произнесла Агата.— Но все равно мой сын Гарольд говорит, что Гейлен встретил меня, повел под венец и мы поженились... а потом, через положенный срок, я родила сына, Гарольда.

— Но это невозможно.

— Ты меня просто забавляешь,— сухо молвила Агата.— Но Гарольд, вон он, недалеко от меня... Он говорит, что Гейлен и я любили друг друга, были вместе и любили своего сына.— Глаза ее затуманились, и она чуть слышно пробормотала:

— Даже во сне, когда я была молодой...

Род услышал, как стучит его сердце. За его спиной Гвен затаила дыхание. Агата очнулась и гневно посмотрела на Рода.

— Почему ты не выложишь все начистоту? Ведь ты удивлен: раз его тело не было сотворено должным образом, то каким образом он очутился здесь, без телесной оболочки, вернее, как оказался здесь его дух?

— Ну, да, если уж ты сама сказала об этом.— Род откинулся на спинку стула.— Потому что, если его тело никогда не существовало... то откуда взялся его дух?

— Гарольд рассказывал мне, что, когда он вырос, его взяли в солдаты. Он сражался, был несколько раз ранен, потом стал командиром. Во время своей последней битвы он получил тяжелое ранение, дополз до ближайшей пещеры, где долго пролежал и потерял сознание... и до сих пор лежит там, словно мертвый. Его тело лежит там, как мумия, а дух вылетел на волю и направился на Небеса...— Она пожала плечами, прикрыв глаза.— Как ему это удалось, ума не приложу, но он сделал это...— Она посмотрела на Рода.— Ведь тело его там, в пещере, как бы спит, но не мертво, и дух не смог разбудить его.

— Кома.— Род согласно кивнул.— Но, пролежав какое-то время подобным образом, тело умирает от обыкновенного голода.

Агата продолжала:

— Дух его такой нетерпеливый, он стал путешествовать

с места на место... Он сказал, что попал в пустоту, в вечность хаоса... и наконец нашел меня.— Она смущенно кашлянула.— Я не могу понять, как все это могло случиться.

— Значит, пустота... хаос...— Род задумался.

Агата подняла голову.

— Ты что-нибудь знаешь?

— Все это напоминает мне строчку из одного стихотворения: «Ветер, что дует между мирами...» Я всегда представлял это как какой-то хаос...

Агате не терпелось узнать правду.

— И что?

— Это значит, что он прибыл из другой Вселенной.

Агата откинула голову, ноздри ее раздулись.

— Из другой Вселенной? Что за детские сказки, господин волшебник? Существует только наш мир, со звездами, солнцем, луной. Вот наша Вселенная. Разве может быть другая?

Но Род покачал головой.

— Я не знаю всего, но... «мудрецы» с... моей родины допускают вероятность существования других миров, по крайней мере, они могут это доказать. По их утверждениям, других миров может быть бесконечное множество... и могут быть Вселенные, точь-в-точь как наша, поэтому там тоже может быть... другая Агата и другой Гейлен. В точности такие же, как вы сами. Но их жизни... протекали несколько иначе.

— Ну, разумеется.— Глаза Агаты заблестели.

— Но если дух Гарольда отправился за помощью... почему бы ему не найти Агату в том мире? — неожиданно заинтересовался Род.

— Потому что она была мертва.— Агата просверлила своим взглядом Рода.— Она умерла от лихорадки. И муж ее тоже умер. А Гарольд отправился сквозь пустоту и очень обрадовался, когда нашел меня... хотя сначала он принял меня за призрак.

Род помедлил, затем пояснил:

— Что ж... Он искал помощи, узнал что-то знакомое с детства... Он нашел у тебя свой дом... Знаешь, все это проясняет положение вещей.

— Правда.— Агата улыбнулась.— Я никогда не задумывалась всерьез над тем, что говорит мне Гарольд, но то, что ты сейчас сказал, ставит все на свои места, многое объясняет.— Она закивала.— Да, я согласна с тобой.— Она вдруг помрачнела.— Но если душа его здесь, не на Небесах, а тело пребывает в вечном сне, то как это объяснить, ведь прошло двадцать лет?

— Род тряхнул головой.

— Двадцати лет не прошло... по крайней мере в том мире, откуда он прибыл. Время там может двигаться медленнее, чем у нас. К тому же, вероятно, Вселенные изогнуты, и по тому, когда на этой кривой он вошел в нашу Вселенную, можно определить, в каком году, в какое время это произошло. Более того, он мог покинуть свой мир спустя всего несколько минут после того, как тело его вошло в состояние комы.

Но Агата, казалось, уже не слушала его: она наклонила голову, закрыла глаза и начала раскачиваться из стороны в сторону.

— Нет, господин волшебник! Хватит, прошу тебя! Не понимаю твоих объяснений! Хватит и того, что ты сам разобрался во всем этом!

— Ну, я не вполне уверен,— пробормотал Род.— По крайней мере в том, почему все это произошло. Но я могу связать все это с собственной гипотезой.

— Ты знаешь какое-нибудь сильное заклинание?

— Не очень, но проверенное. Когда гипотеза становится теорией, она обретает большую силу. Что же касается Гарольда, то суть дела заключается в том, что ему нужно либо убить свое тело, и, значит, он сможет вернутья на Небеса... либо вылечить его и вернуть в него свой дух.

— Вылечить! — Взгляд Агаты готов был превратить кита в мелкую рыбешку.— Помоги ему, вылечи! Конечно, я буду скучать без него, когда дух его вернется в отведенное ему место и время... но это должно быть сделано. Мне будет легче, если я буду знать, что он жив!

— Ну, на самом деле я не знаю, получится ли... Род уставился в пустоту, поджав губы.

Агата заметила выражение его глаз и подозрительно оглядела его.

— Когда ты выглядишь таким обреченным, я перестаю тебе верить, господин волшебник.

— О, я думал о состоянии Гарольда. Ну, после битвы и чуть позже, когда я был там, и вы понемногу стали приходить в себя... ведь я видел, что ты помогала раненым, не так ли? Закрывала их раны, заставляла их поверить в свое исцеление и в то, что раны их быстро заживут...

— Конечно, она делала все это.— Гвен улыбнулась.— Хотя на самом деле все не совсем так, как ты себе представляешь. Агата думала о самой ране, о той боли, что причиняет она раненому, и очень хотела, чтобы он почувствовал облегчение. Кроме того, Агата старалась соединить все части тела и кожи... вернее, пыталась усилием воли заставить их затянуться...

— Да...— Род поежился, представив себе весь этот процесс.— Ты наверняка тоже можешь...— Ему очень хотелось, чтобы его жена обрела еще и этот дар, вытекающий непосредственно из телекинеза. Хотя ее способности и так были ошеломляющими.

Он снова повернулся к Агате:

— Э... А ты сама не могла бы вылечить его?

— Ну, наверное, смогла бы. Ведь я единственная, способная на такое, правда, я обучила этому твою жену.— Агата помрачнела.— Я поняла это, когда была в отчаянье, когда отшвырнула одного парня, желающего причинить мне боль...

Пора кончать с этими воспоминаниями; ему меньше всего хотелось, чтобы Агата начала вспоминать все свои обиды.

— Итак, ты можешь помочь кому-либо, заставить его выздороветь, это и есть телекинез на клеточном уровне.

Агата раздраженно затрясла головой.

Слушай, я не понимаю всех твоих заумных словечек, вроде «теле-хине»! Это что - корова, которая забрела неизвестно куда? Говори нормальным языком!

- Ну, не совсем корова, хотя ее можно неплохо подоить.— Род усмехнулся.— Знаешь, когда мы были у Гейлена, он поделился кое-какими соображениями по поводу своих исследований

Агата фыркнула и отвернулась.

- «Исследований»? Да, он всегда находит оправдание своему ленному времяпрепровождению, подбирая всякие этакие слова.

Может быть, но мне кажется, что за этим кое-что кроется Он пытается понять, каким образом мозг, этот сгусток протоплазмы способен создавать такую волшебную вещь под названием «мысль».

Да, он что-то мне пытался втолковать из этой ерунды,— буркнула Агата.— Ну, и что?

- Да так, ничего особенного.— Род встал, засунув большие пальцы за пояс.- Я просто подумал, что стоит нанести ему еще один визит

Темная Башня замаячила перед их глазами, потом вдруг как-то странно стала клониться в сторону. Род медленно сглотнул и стал молить Бога, чтобы он оставил их в живых; он в первый раз путешествовал на метле.

- Э... дорогая... нельзя ли полегче на поворотах? Я... э... еще не привык к такому виду...

- Ох! Конечно, мой господин!— Гвен глянула на него через плечо, искренне раскаиваясь.- Поверь, я не хотела тебя пугать.

- Ну, не то чтобы я напугался...

- Разве?- Гвен насмешливо посмотрела не него.

— Смотри, куда ты летишь!- завопил Род.

Гвен повернула голову как раз в тот самый момент, когда ее метла чуть не налетела на верхушку дерева, обогнув ее.

- Мой господин.- Она хихикнула.— Я знала, что впереди дерево.

- То и радует,— вздохнул Род.— Мне начинает казаться, что было бы лучше, если бы я отправился верхом... хотя это и заняло бы больше времени.

- Наберись храбрости,— сочувственно произнесла Гвен.— Нам предстоит обогнуть Темную Башню.

Род набрал побольше воздуха и закрыл глаза. Метла начала делать круг вокруг башни, следуя за метлой, на которой летела Агата. Род почувствовал, как все внутри падает, он открыл глаза и чуть не свалился от страха. Они летели на высоте шестидесяти футов. Башня возвышалась перед ними —

громадная темная базальтовая масса около сотни футов высотой и тридцати шириной, с зубчатой верхушкой. Окна представляли собой бойницы в каменной стене в три фута высотой и всего с фут шириной.

— Такое ощущение, что вот-вот в нас выпустят стрелы,— заметил Род.— Как мы попадем внутрь?

Темная Башня казалась неприступной и недоступной, с какой бы стороны они ни находились.

— Должна быть дверь.

— Ты думаешь?— спросила Гвен.— Не забывай, что колдуны летают.

— Да, конечно, что-то не подумал.— Род насупился.— Да, но должен же он каким-то образом проникать в башню, не через бойницы ведь?

— Вон туда.— Гвен кивнула в сторону верхушки башни, и ее метла устремилась вверх.

Род вцепился в метлу и прошептал:

— Наверняка у него там посадочная полоса!

Агата обогнула зубцы башни и «посадила» свою метлу на крыше. Она неуклюже слезла с метлы; Гвен последовала ее примеру. Род, покачиваясь, выбрался из плетеной корзины, широко расставив ноги, ухватился за ближайший зубец, и стал ждать, когда крыша под его ногами перестанет качаться.

— Ну что, понравилось летать на метле?— Гвен пыталась скрыть довольную улыбку.

— Ничего, привыкну,— ответил Род. Хотя, честно говоря, он решил больше никогда не пользоваться подобным способом передвижения.— Ладно.— Он глубоко вздохнул, набрался смелости и решительно шагнул от зубца, распрямив плечи, сделал еще один шаг, несмотря на то, что камни перед глазами все еще покачивались.

— Где дверь?— быстро спросил Род.

— Вон там,—кивнула Агата.

Рядом с зубцом и амбразурой он увидел люк. Род направился к нему...осторожно... и уставился на него.

— Но я не вижу дверной ручки.

— А зачем она?— раздался за его спиной голос Агаты.— Кто еще, кроме самого хозяина, придет сюда? А сам он, уверена, открывает люк изнутри.

— И оставляет его открытым? А что, если дождь?

Агата покачала головой.

— Как-то не верится, что старый Гейлен выбирается наружу в плохую погоду.

— Действительно,— согласился Род.— Наверное, выходит иногда посмотреть на звезды... а так, зачем ему выходить сюда, когда звезд на небе нет?

Он вытащил из-за пояса кинжал и опустился на колено.

— Здесь нужно действовать со всей осторожностью... сталь, конечно, крепкая, но вдруг сломается.— Род просунул лезвие в щель и поддел дверь. Люк приподнялся на дюйм; он

подставил под него ногу, вытащил кинжал и сунул его за пояс, потом подхватил деревянный люк руками и приподнял его.— Ох, тяжеловато! С маникюром придется распрощаться!— Он убрал ногу, потом перехватил люк и открыл его.— Ух! Сколько усилий потребовалось приложить для такой простой операции, как открыть дверь и войти!

— Отличная работа!— подбодрила его Агата, улыбнувшись.

Ну, мне было несложно...— Род отряхнул с рук пыль.

Ты вообще мог этим не заниматься,— вставила старая колдунья.— Твоя жена или я могли поднять ее сами.

Да?— Род почувствовал, что начинает ненавидеть эту старую ведьму. Но из чувства такта он сменил тему:— Знаете, там, где многие люди умеют летать, ему бы следовало подумать о замке.

Гвен покачала головой.

- Мало кто из волшебников и волшебниц пожелал бы прилететь сюда, мой господин. Такая уж у него репутация.

Такие доводы определенно не смогли бы вдохновить вора-взломщика. Род вздохнул, почувствовав, как по коже пробежали мурашки, и стал спускаться по лестнице.

Да Мне кажется, что следовало бы постучаться...— Но его голова уже находилась ниже уровня крыши.

Лестница круто ушла в сторону, и Род очутился в кромешной темноте. Он остановился; Агата налетела на него сзади.

Черт! Ты что, не мог предупредить, прежде чем остановишься как вкопанный, господин волшебник?

Учту на будущее. Дорогая, тебе не кажется, что здесь довольно-таки темно?

Да, мой господин.— На ладони Гвен вспыхнул люминесцентный шар. Она юркнула вперед него— слишком уж быстро, как ему показалось,— и пошла первой, освещая лестницу.

Внизу их путь преградило что-то темное. Это был занавес, не позволяющий сквозняками попадать внутрь. Они отдернули его и оказались в круглой комнате, освещенной двумя бойницами. Гвен погасила свой шар, и в комнате стало сразу же значительно сумрачней, так как небо было затянуто облаками и внутрь проникал лишь тусклый свет. Однако его было достаточно для того, чтобы различить круглый рабочий стол, огибающий всю комнату, и полки до потолка, заставленные всевозможными склянками, коробками, от которых комната была наполнена разными запахами. Стол же был завален перегонными кубами, тиглями, ступками с пестиками, мензурками.

Агата с отвращением повела носом.

— Алхимия!

Род утвердительно кивнул.

Похоже, старый отшельник куда разумнее, чем я думал.

Не хочешь ли ты сказать, что занимаешься Черной Магией?— воскликнула Агата.

— Нет, и Гейлен тоже. Он хочет знать не только то, как что-то действует, но и то, почему это происходит.

— Разве дьяволы делают не то же самое?

Род поморщился.

— На этот вопрос я не буду отвечать.

За его спиной задребезжала мензурка. Он оглянулся. Склянка поднялась в воздух над перегонным кубом и опрокинула в него свое содержимое: какую-то зеленоватую жидкость. Род с ужасом наблюдал, как крышка сама закрыла склянку, закрутилась, а потом склянка вернулась на прежнее место на полку.

— Гарольд!— воскликнула Агата.—Перестань! Это все не твое.

—Э... давай не будем торопиться.— Род увидел, как с другой полки слетела коробка. Крышка ее поднялась, и в куб посыпалась тонкая струйка серебристого порошка.— Пусть ребенок поэкспериментирует. Тягу к знаниям не следует пресекать.

— Мне кажется, что ты используешь Гарольда в каких-то своих целях.— Агата тут же уставилась на Рода.

— Может быть, может быть.— Род стоял и наблюдал, как под перегонным кубом загорелась спиртовка.— Во всяком случае, хорошо, что мы не постучали, когда вошли сюда. Гейлен поразил меня тем, что так поглощен своими опытами...

— Мой господин.— Гвен коснулась его руки.— Мне не нравится, как бурлит эта смесь.

— Я уверен, не стоит волноваться.— Но сам Род тоже начал нервничать, увидев, что на другом столе начали подпрыгивать сразу несколько тюбиков, потом из них стала вытекать тягучая зеленоватая жидкость, перемешиваться... Наконец все стало по своим местам, но...

— Что это там бурлит в бутыли?— рявкнула Агата.— Эй, сынок! Что ты делаешь?

За спиной Рода сиова задребезжала мензурка. Он увидел, как реторта сует свой носик в стеклянный змеевик. Потом под ретортой вспыхнуло пламя, и из отверстия в черпаке, прикрепленном над скамьей, начала капать вода, попадающая в стеклянный змеевик.

— Господин мой,— взволнованно произнесла Гвен,— теперь эта смесь бурлит еще сильней. Ты уверен, что Гарольд знает, что делает?

Род был уверен, что Гарольд знает, что делает, да. Действительно, Гарольд оказался более разумным и хитрым, чем он предполагал. А тревога ожидания является неотъемлемой частью действия, чем дальше к...

Ну, уж нет, это слишком! Он кинулся к перегонному кубу. Его смутили газы... ведь горит спиртовка...

— Что вы тут делаете?!

Слова прогремели на всю комнату, и в дверях появился Гейлен, в синем одеянии, с белой бородой и раскрасневшимся

лицом. Он сразу понял, в чем дело, немедленно бросился к перегонному кубу и погасил огонь, потом кинулся к реторте и затушил спиртовку.

— Для выжившего из ума старикашки ты оказался слишком проворным,— прокудахтала Агата.

Колдун злобно глянул на нее, присел на край стола и затрясся. Голос его дрожал от переполнявшего его гнева.

— Старая ведьма! Ты что, так завидуешь мне, что решила разрушить мою Башню?

— На самом деле все не так уж плохо,— запротестовала Гвен

Гейлен повернулся к ней, побагровев.

Нет, уж что, а на это у нее хватило бы ума... от злости она бы натворила в этой комнате много чего, и годы, потраченные на дутье стекла и исследования, все пошло бы прахом!— Глаза его сузились, когда он посмотрел на Агату.—Оказывается, зря я приходил к тебе на помощь в трудную минуту... вот чем ты готова отплатить!

Только Агата собралась огрызнуться в ответ, но Род опередил ее:

Э, ну.. дело обстоит несколько иначе

Колдун перевел взгляд на Рода.

Ты плохо разбираешься во всех наших делах, господин волшебник, и считаешь, что она пришла сюда с миром.

Агата набрала побольше воздуха, но Род опять опередил ее:

— Ну, понимаете... идея прийти сюда принадлежит не ей.

В самом деле?— с сарказмом спросил Гейлен.— Не сомневаюсь, что твоей жене.

— Опять ошибаетесь,— возразил Род.— Это была моя идея. И Агата не собиралась причинять никакого вреда вашей лаборатории.

Гейлен промолчал. Потом глаза его сузились.

Наверное, ты прав, мне следовало догадаться, что у нее не хватило бы знаний даже на то, чтобы сыграть как следует роль вандала. Значит, это ты, господин волшебник, решил устроить тут взрыв? Но зачем?

Знаете, я подумал, что вы не обратите внимание на стук в дверь,- объяснил Род.— А возможно, вы крикнете: «Убирайтесь».

Гейлен кивнул.

Значит, вы решили разрушить тут все, чтобы отвлечь меня от моих опытов с единственной целью — перекинуться со мной парой словечек?

Ну, скорее всего, да,— согласился Род,— но тут есть небольшая неточность. На самом деле ни один из нас ни к чему не притронулся даже пальцем.

Гейлен перевел взгляд с одной женщины на другую.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что они проделали такую работу только при помощи силы воли?

— Нет, тоже неверно,— возразил Род.— Мне довелось

видеть, как моя жена заставляет плясать колоски пшеницы.— Он довольно улыбнулся, вспомнив выражение лица Магнуса, когда Гвен проделывала все это.— А Агата в состоянии затягивать раны, не прикасаясь к ним... но на этот раз они и не пытались ничего предпринять.

— Но не хочешь же ты..

— Это был мой сын, - рявкнула Агата.

В лаборатории воцарилась тишина, ибо старый колдун уставился на нее, сделавшись белым, как мел. Потом его прорвало:

— Что ты опять задумала? Вновь используешь старые приемчики? Хочешь заставить меня поверить в свои дурацкие выдумки? Злая ведьма! Тебе доставляет радость, когда другие чувствуют свою ничтожность! Да, ты любишь использовать чужие слабости! Каким же я был глупцом, что вообще посмотрел на тебя когда-то! Идиот, я еще спасал тебя! Убирайся отсюда вон, убирайся немедленно!— Он вытянул вперед трясущуюся руку.— Убирайся к..

— Но это правда,— крикнул Род.

Гейлен на мгновение утихомирился. Последовала длинная пауза.

— Он сын другого Гейлена и другой Агаты, которые жили в ином мире, похожем на наш. Вы же знаете, что существуют другие миры, не так ли?— медленно произнес Род.

Рука Гейлена так и осталась висеть в воздухе; глаза возбужденно заблестели.

— Я задумывался над этим, да... в то время, как мое тело лежало одеревеневшим, а дух мой был открыт для любого воздействия. Я чувствовал нечто такое... издалека, из сумрачного хаоса, присутствие изогнутой... Но нет, какой бред! Ты что, хочешь сказать, что я снова ожил в одной из таких Вселенных?

— Слово «снова» вряд ли подходит к данной ситуации,— возразил Род,— потому что тот Гейлен уже умер. Но он на самом деле жил, да... разве что сделал другой выбор, будучи молодым.

Гейлен ничего не сказал, но взгляд его остановился на Агате.

Лицо ее вспыхнуло.

— В той Вселенной жила также другая Агата,— тихо промолвил Род.— Они встретились, поженились, и вот у них родился сын.

Не отрывая взгляда, Гейлен смотрел на Агату; но лицо его при этом ничего не выражало.

— Они назвали своего сына Гарольдом,— продолжал Род,— и он вырос прекрасным волшебником. Затем его призвали на военную службу, он был ранен несколько раз, но несмертельно. Родители же его умерли... возможно, будучи не в состоянии пережить разлуку...

— Не пытайтесь меня успокоить,— вышел из оцепенения Гейлен,— господин волшебник! Как это они умерли, если

я и Агата...— Голос его дрогнул, и он посмотрел куда-то вдаль.

— Времени не прикажешь, господин колдун, оно идет своим чередом... Но более того, в разных мирах события могут отличаться друг от друга... иначе Гарольд никогда бы не появился на свет. Если Гейлен и Агата в том мире смогли пожениться, то они также могли и умереть... от болезни или в результате несчастного случая, а может быть, и в одной из тех битв, в которых уцелел их сын,— продолжал Род.— Уверен, он расскажет вам все сам, если вы захотите его спросить.

Гейлен оглядел комнату и весь напрягся.

— Попытайтесь,— еле слышно произнес Род.— Гвен не слышит его, так же, как и другие волшебницы... за исключением Агаты. Но если вы как бы его отец, то возможно, вам удастся...

— Нет!— буркнул Гейлен.—Я что, из ума выжил, чтобы выслушивать байки тридцатилетнего дитяти?

— Ему тридцать два,— поправил его Род.

— Ничего себе, ребенок! Слушать его не хочу!

— Да, но я не рассказал всего,— Род усмехнулся.— Понимаете, в одной из битв Гарольда смертельно ранили.

Лицо Гейлена опять приняло отрешенное выражение.

— Его тяжело ранили,— Род немного помолчал.— Он с трудом дополз до пещеры и упал там без сознания... тогда-то дух покинул его. Но тело его осталось лежать там. Оно словно погрузилось в вечный, похожий на смерть, сон. Поэтому дух не смог вернуться в это мертвое тело; он освободился от смерти, но не смог взлететь на Небеса. Этот дух был волшебником, он не хотел обитать в той же пещере, где лежало тело Гарольда. Он решил отправиться путешествовать... в мир хаоса, поискать ту кривую, о которой вы говорили, найти духов своих родителей, помощь...

— В конце концов он все это нашел,— произнес Гейлен хриплым шепотом.

— По меньшей мере, одного из родителей... а теперь и второго.— Согласно кивнул Род.

Гейлен снова обвел глазами комнату, потом поежился, глубже запахнул свой халат. Потом колдун перевел взгляд своих холодных глаз на Рода.

— Зачем ты все это рассказываешь мне, господин волшебник? Что толку?

— Ну, я думал, Гарольд заслужил хотя бы возможность встречи с вами... если вы оказались в этом мире.

Гейлен не попался на уловку Рода.

— Да, кстати, мы пришли вовсе не за этим. Опять напали варвары, они вот-вот снова пойдут в атаку, снова применят против наших солдат Дурной Глаз. Наши молодые волшебники и волшебницы попытаются заговорить его при помощи своего колдовства, изгнать его из наших солдат. Однако одним им не справиться с противником... им должны помогать моя жена и Агата.

— Да.— Агата сделала шаг вперед.— Но за их спинами стоит некая великая сила, которая питается от раскатов грома.

Мы должны победить их во что бы то ни стало, но для этого нам потребуется твоя помощь.

— Но почему я должен быть с вами?— раздраженно воскликнул Гейлен.— Почему я должен помогать крестьянам, которые причинили мне столько зла, пытали меня, когда я был молод? Почему я должен помогать их детям и внукам, которые тоже ненавидят меня, хотя прошло столько лет; но до сих пор они спят и видят во сне, как разрушают Темную Башню и сжигают меня на костре! Нет, вы просто глупцы! Идти на верную смерть ради тех, кто ненавидит тебя... нет-нет, не ждите моей помощи!

— Ничего другого я от тебя и не ждала!— Глаза Агаты вспыхнули от злости.— Да-да, только один человек не оставит меня в трудную минуту, выручит.

Гейлен ошалело уставился не нее.

— Гарольд — верный сын,— пробормотал Род.— Я думал, вы познакомитесь с ним, раз представилась такая возможность.— Он не стал продолжать, пусть то, что должно последовать за этими словами, останется недосказанным. Погибнет ли дух? Неизвестно.

— Не верю ни единому вашему слову!— прошипел Гейлен.— Вы просто хотите любой ценой заманить меня на свою сторону!— Он внимательно посмотрел на Рода.— Ты меня просто удивляешь, господин волшебник! Даже здесь, у себя в Башне, я наслышан о твоей репутации и совсем уж поверил, что ты такой умный! Но теперь я вижу, что ошибался. Не мог ты придумать что-нибудь более действенное, чтобы привлечь меня на свою сторону?

— А зачем?— Род едко ухмыльнулся.— Правда убедительнее всего.

Лицо Гейлена побагровело. Он поднял руку, навел на них указательный палец, чтобы мысленно перенести их отсюда. Потом глаза его вдруг расширились, он покачал головой.

Агата моргнула, затем засмеялась.

— Ага! Даже тебя пересилила!

— Я не знаю,— колдун недоуменно взглянул на нее,—что за колдовство ты применила, чтобы подобным образом воздействовать на разум другого...

— Колдовство, обычное колдовство! Годами я изучала, как можно воздействовать на чувства и мысли других людей, и все это ради вот этого момента!— Агата отвернулась и сплюнула.— Господин волшебник, пойдем отсюда, а то мне до смерти надоело втолковывать все тому, кто ничего не хочет понимать!

— Да, убирайтесь отсюда,— выпалил Гейлен,— потому что ваши планы провалились! Убирайтесь вон и больше никогда не смейте появляться здесь!

— Что-ж, хорошо!— Род поежился от одной только мысли, что снова придется лететь на метле.— Мне бы моего коня...

— Ты получишь от езды необычное удовольствие,—

заверила его Гвен, подталкивая в спину.— Если ты, конечно, доверишься мне.

— Довериться тебе?— проблеял Род обиженно.— Да я доверяю тебе больше, чем себе самому!

— Тогда ты не должен ничего бояться, так как я подниму тебя в воздух своей силой.— Гвен одарила его нежной улыбкой.

— Хорошо, хорошо!— Род поднял руки в знак согласия.— Твоя взяла... пошли? Только после вас, уважаемая колдунья.

Агата немного задержалась, пытаясь пересилить своим взглядом взгляд Гейлена, но потом с отвращением отвернулась.

— Пусть остается здесь и киснет от безделья, раз он сам того пожелал!— Она ринулась мимо Рода, за занавес, потом вверх по лестнице.

Прежде чем опустить занавес, Род оглянулся на Гейлена: тот стоял посередине лаборатории, уставившись в пустоту, окруженный собственной невидимой стеной.

Род уцепился за метлу, повторяя про себя, что он не боится, сосредоточившись на серых облаках поверх плеча Гвен в надежде увидеть палатку Туана... Но это не помогло: все внутри опустилось, и он видел перед собой только Агату на метле. Неожиданно он заметил на небе еле заметную точку. Род даже забыл на какое-то время о страхе.

— Гвен... ты видишь вон там?

— Да, мой господин. Похоже на человека.

Действительно, точка стремительно приближалась и все отчетливее вырисовывалась в юношу, одетого в камзол и брюки и размахивающего шляпой.

— Человек,— согласился Род.— По-моему, это Леонатус. Кажется , он слишком уж молод, чтобы лететь в одиночку?

— Ему шестнадцать,— напомнила Гвен.— В этом возрасте не любят прислушиваться к мнению взрослых, мой господин.

— Да, ох, уж эта молодежь!— Род вздохнул.— Полагаю, он достаточно взрослый, чтобы стать посыльным. Посмотри, как близко мы можем подлететь к нему, Гвен. На мой взгляд, он хочет поговорить с нами.

Гвен быстро облетела юношу, так что Род даже опомниться не успел.

— Привет, Леонатус!— прокричала она. Род был очень благодарен ей, так как она спасла его от необходимости произносить слова приветствия, потому что в этот самый момент он судорожно глотал воздух.— Как дела?— чуть нараспев спросила она.

— Неважно, леди Гвендайлон,— ответил юноша.— Грозовые облака опускаются над берегом реки Флер, и варвары выстраиваются в линию!

— Я так и знал!— воскликнул Род.— Что-то не так в воздухе!— Про себя он подумал, что это из-за озона.— Лети к своим товарищам, Леонатус, пусть продолжают держать оборону форта!

— Да, милорд!— Но юноша выглядел озадаченным.— А что такое «форт»?

— Укрепленное место,— ответил Род,— идея заключается в том, чтобы зажать противника между ним и скалой.

— Как скажете, господин волшебник,— смущенно произнес Леонатус.— Я все передам им.— После этих слов он исчез за облаком.

Род пробормотал:

— Векс, мы идем на полной скорости. Жди меня на вершине скалы.

— Я привязан, Род,- раздался голос робота.

Род возмутился.

– Значит, натяни привязь, а потом рвани ее со всей силы!

Они опускались к палаткам волшебниц, когда упали первые капли дождя.

— Как они настроены?- поинтересовалась Агата.

– Перепуганы, – отозвался Род.— Однако рады твоему возвращению!– Он спрыгнул с метлы и успел на ходу поцеловать свою жену.

— Мой господин!— Она вспыхнула.— Я и не ожидала...

– Сам себе напомнил, что нас ждет дома...— Род сжал ее руку.– Удачи, дорогая.— Потом он развернулся и пошел прочь под дождем.

Подойдя к краю скалы, Род посмотрел на реку. Он подоспел вовремя, так как варвары начали перелезать через земляные укрепления и двигаться по долине, высоко подняв щиты и размахивая топорами. Род помрачнел, ища глазами армию Грамария. Где она? Еле различимая сквозь моросящий дождь, вдоль реки, вверх по течению двигалась темная масса.

— Векс!

— Я здесь, Род.

Род оглянулся и увидел в двух футах от себя огромную черную голову коня. Он попятился... потом вспомнил о том, что стоит на краю скалы, и направился к коню, сунул ногу в стремя и запрыгнул на спину лошади-робота.

— Как тебе удалось так быстро найти меня?

— У меня есть радар,— обиженно произнес Векс.— Поехали, Род? Нам нужно вверх по течению.

– Разумеется!— А когда огромный черный конь пустился галопом, спросил:— Что происходит?

— Неплохая тактика.— Голос робота прозвучал уважительно, даже с восхищением. Он мчался вниз.— Надеюсь, Туан сам объяснит тебе.

Роду некогда было спорить, ибо они уже поравнялись с армией. Странно... Бряцающая сталь, громыхание сапог по земле, которая на глазах превращалась в грязное месиво, глухие приказы сержантов, ржание лошадей... Род огляделся по сторонам, но не увидел ни единого признака паники. Молодые лица были полны решимости, а лица стариков были неприступны; армия двигалась в противоположную от варваров сторону,

скорее это было похоже на отступление, и не на бегство.

— Но почему?— рявкнул Род.

— Туан приказал,— ответил Векс,— и, по-моему, поступил мудро.

— Быстро к нему!

Король оказался позади армии, ближе к противнику.

— Они приближаются к левому флангу!— прокричал он.— Пусть сэр Мэрис поторопит солдат, не то они наверняка станут трупами!

Курьер кивнул и помчался прочь под дождем.

— Приветствую вас, Ваше Величество!— обратился к нему Род.

Туан оглянулся, и лицо его потеплело.

— Господин волшебник! Слава Господу, что ты вернулся!

— Почему вы отступаете, Туан?

— Разве ты не понял, господин волшебник? Ведь дождь! Мы не выстоим, если ударит молния!

— Но в противном случае,— возразил Род,— они так и будут маршировать за нами, пока дождь не прекратится.

— До этого я тоже додумался,— кивнул Туан.

— Э... но так мы можем потерять королевство...

— И об этом думал. Но мы повернем только тогда, когда они уверятся в том, что мы бежим.

— Мне следовало сразу догадаться, ведь ты силен в тактике!— Род удивленно взглянул на короля, потом до него дошло.— Но вот в чем дело: поверят ли они, что мы удираем от них, хотя раньше так упорно сражались с ними?

— Конечно, они ждут какого-либо проявления сопротивления с нашей стороны,— согласился Туан.— Поэтому ты вместе с Летучим Легионом выступишь против них.— Он кивнул в сторону правого фланга.— Они ждут тебя, господин волшебник.

Легион радостно зашумел, увидев Рода. Он быстро отдал распоряжения, спустя минуту половина солдат юркнула в траву и кустарник, ведущие к берегу. Другая половина, обутая в высокие рыбацкие сапоги, растворилась в камышах. Род же вместе с новичками в морском деле бесшумно двинулись вдоль речного берега, добрались до того места, где берег расширялся и имел естественное укрытие в виде полукруга деревьев, а пространство между ними поросло кустарником. Десять минут спустя с ними поравнялись варвары-разведчики. Род подождал, пока они не оказались точно посередине полукруга, затем свистнул, подражая голосу козодоя. Крик этот был незнаком варварам, и они насторожились. Один из неандертальцев огляделся по сторонам, открыл было рот, чтобы предупредить товарищей... и тут дюжина бойцов диверсионно-десантного отряда Грамария набросилась на него и его товарищей. Когда люди Рода окружили варваров со всех сторон, он перестал видеть, что там происходит.

Он только знал, что все это продолжалось около тридцати секунд и что бойцы исчезли в зарослях, оставив посередине поляны три трупа.

— Хорошо сработано, господин волшебник.— Сержант за его спиной ухмыльнулся.

— Даже слишком,— буркнул Род.— Чем занимаются эти ребята в мирное время: работают на бойне?

Сержант пожал плечами.

— Каждый сельский парень должен знать, как перерезать горло свинье, а эти великаны-людоеды не очень от них отличаются.

Роду вдруг захотелось оправдать действия своего отряда.

— Ты прав, они наши враги,— согласился он,— а на войне как на войне. Они уже доказали, что убьют нас, если только мы не убьем их первыми.— Про себя Род подумал, многие ли из них действительно этого хотели.

Что ж, пора играть роль монстров.

— Прикажите солдатам рассредоточиться, сержант.

Сержант отвернулся, чтобы отдать соответствующее распоряжение. Род вытянулся в седле и стал вслушиваться в окружающую тишину, но его отряд двигался в сторону варваров бесшумно. Он ждал. Минут через пять появился головной отряд. Их предводитель заметил трупы посередине поляны и остановил отряд, подняв руку. Пока они замешкались, Род закричал голосом чайки, и пятьдесят бойцов диверсионно-десантного отряда Грамария вынырнули из зарослей кустарника, и их мечи вонзились в горла противников прежде, чем те сообразили, что на них напали. Когда упали первые неандертальцы, остальные заревели и стали размахивать топорами. Люди Рода отскочили, но двое из них оказались не такими проворными. Его переполнила злость, и он скомандовал: «Вперед, Векс!» Огромный черный конь стремительно ворвался на поле битвы.

— Гей!— крикнул Род, и варвары оглянулись на новую угрозу, поэтому не заметили, как за их спинами из зарослей на крик Рода вынырнули тени. Варвары попятились, а Род и его люди начали исполнять свой смертельный гавот, увертываясь от ударов топоров варваров, пытавшихся поймать их взгляд. Люди Рода придерживались четко усвоенной тактики: смотреть на что угодно (оружие противника, его доспехи, руки), но только не в их глаза. То там, то здесь кто-нибудь из солдат случайно пересекался взглядом с красными глазками врага, и тут же их действия замедлялись. Даже Род допустил подобную оплошность и взглянул в глаза одного из дикарей... Он вдруг погрузился в черную вязкую патоку, его обуял страх. Род неожиданно понял, что в его мозгу борются два противоположных импульса и ни один из них не принадлежит ему. Вдруг по телу Рода, с головы и вниз по спине, пробежало тепло, вернее, он почувствовал знакомое прикосновение, ему даже показалось, что он вдыхает привычный запах духов Гвен, когда его рука со щитом отбила удар топора, а меч ударил по щиту противника. Род почувствовал, как меч вошел

во врага, до кости, потом с силой вытащил его, повернулся к другому варвару, пытаясь не обращать внимания на падающее тело.

Но вот берег озарила вспышка молнии, над головами грянул гром. Род автоматически отразил удар топором, увидев, что почти половина его отряда застыла на месте. В воздух взмыли топоры, и солдаты замертво рухнули, а враги поспешили на помощь своим товарищам. Перебрасываясь друг с другом взглядами, большинство солдат случайно ловили взгляды неандертальцев... и застывали как вкопанные.

Род с криком кинулся на варвара. Он глянул в сторону и увидел перед собой усмехающееся лицо и глаза... Ответный удар Рода словно обрушился на стену. Он потянулся за мечом и увидел, что над ними занесли топор. В его мозгу что-то тускло вспыхнуло, пытаясь осветить темную стену, которая возникла там...

Затем в темную массу ворвался сверкающий щит, разорвал ее в клочья... и рука Рода ответила на его призыв. Он увернулся, топор просвистел в нескольких дюймах от него. Его люди накинулись на варваров, словно дикие кошки, хотя их было мало, но действовали они так решительно, что временами казалось, что их намного больше. Вслед за головным отрядом появилась основная сила варваров. Стало видно, что неандертальцев в несколько раз больше. Род увидел, что за вражеской ордой сквозь пелену дождя выплывает длинный корабль-дракон.

Но тут дикий рев потряс берег, и варвары в ужасе уставились на пятитысячную армию Грамария, высыпавшую на берег реки. Род издал радостный клич; его люди продолжали наносить сокрушительные удары по противнику. Варвары падали, у некоторых из них хватило сил подняться и защищаться, но солдаты Грамария теперь превосходили их численностью. Нанося удары и отражая их, Род вдруг услышал ритмическое рокотание, которое доносилось со стороны варваров.

— Род,— голос Векса звучал как медленное воспроизведение,— напряжение нарастает... я могу подвести тебя...

— Держись, дружище, до последнего!— закричал Род и мысленно приготовился спрыгнуть с Векса и использовать его как заслон.

Рокот нарастал, становился разборчивее: вражеская армия в один голос выкрикивала: «Кобольд! Кобольд! Кобольд!» В какой-то момент показалось, что Бог услышал их: весь речной берег вдруг засветился, раздался оглушительный раскат грома. По мере того, как сияние затухало, солдаты замирали на ходу. Варвар перехватил взгляд Рода, и он снова почувствовал, как руки тяжелеют и не слушаются его.

Снова сияющий щит осветил темную массу, его руки обрели прежнюю свободу. Армия Грамария издала радостный крик и ринулась в бой с новой решимостью и злостью. В ответ раздался дикий рев, но уже с нотками отчаянья. Варвары

выстроились в линию, образовав стену против копий грамарийцев. Истекая кровью, солдаты кинулись на эту стену, размахивая мечами, ночь превратилась в хаос крика и скрежета стали... Что же заставило врага пятиться к воде? Род вдруг заметил, что некоторые из варваров уже карабкаются на корабли-драконы.

— Они убегают!— закричал он.— Враг бежит! За ним!

Его люди отозвались разъяренными криками и продолжали сражаться, как сумасшедшие. Стена варваров оставалась неприступной, но таяла на глазах по мере того, как один корабль сменял другой. Наконец, оставшиеся дикари развернулись и побежали, спешно начав карабкаться на корабль. Солдаты кинулись за ними, но Род, Туан и сэр Мэрис остановили их, приказав не двигаться с места. Это распоряжение было услышано каждым сержантом. Варвары стали швырять с борта топоры и камни, издавая дикий рев, в ответ солдаты подняли щиты. Тем временем корабль-дракон подхватило течение, развернуло и понесло к морю. Туан поднял в воздух окровавленный меч и издал победный клич. Удивленная армия поняла, что они победили. Потом в воздух поднялся лес копий и мечей, победный громкий клич оглушил берег. До того, как стихло эхо, Род повернул Векса к реке.

— Ты поработал на славу, Стальной Конь!

— Да, Род, я старался.— Электронный голос все еще звучал замедленно.— В этой битве они могли подойти ко мне только спереди.

— Огромное преимущество,— кивнул Род.— А теперь скачи к палаткам волшебниц, и побыстрее!

Стража узнала и поприветствовала его. Род спрыгнул с коня и влетел в палатку. Оплывшие свечи озаряли распластанные по полу тела волшебниц и волшебников. Они были без сознания. Посередине палатки, зажав голову руками, сидела Агата, чуть поодаль была видна Гвен, прислонившаяся к опоре. Обе издавали стоны и потирали виски.

Род подбежал к Гвен, взял ее за руки.

— Дорогая! Ты...

Она взглянула на него, попытавшись выдавить улыбку.

— Я жива, мой господин, скоро приду в себя... но сейчас голова страшно раскалывается...

— Хвала всем святым!— Род прижал ее голову к своей груди, успокоился.— Он появился, да?

— Да, мой господин.— Она говорила, превозмогая боль.— Когда во второй раз ударила молния, все молодые волшебницы и волшебники свалились без сил. Агата и я пытались противостоять этой грязной силе. Я чувствовала, как Гарольд помогает ей. Все мы с ужасом ждали третьей вспышки молнии... мы знали, что нам не выстоять...

— Вот тогда Гейлен мысленно подслушал вас и понял, что вы не справитесь с этой силой.— Род кивнул.— Но он не хотел, чтобы его «сын» погиб в этой битве, хотя он и не был рожден от него...

— Не рассчитывай на его помощь в дальнейшем,— раздался кудахтающий голос Агаты.— Помни, волшебник, он знает, что ты не будешь рисковать Гарольдом, чтобы заставить его помогать нам.

— Разумеется.— Огоньки заплясали в глазах Рода.— Но он все равно явится!

Туан выставил эскадроны на обоих берегах. Солдат на противоположном берегу переполняло чувство досады, так как им не пришлось участвовать в сражении. Теперь, когда мимо них проплывали корабли-драконы, они завопили и оголили свои мечи. Варвары продолжали плыть по течению. Разъяренные молодые рыцари отдали приказы, и через несколько минут во вражеские корабли полетели горящие стрелы, воинающиеся в палубу и паруса. Лучникам доставляло огромное удовольствие наблюдать за тем, как варвары в панике носятся по палубе и тушат огонь. Как только они закончили, следующий эскадрон, стоявший ниже по реке, выпустил в них град стрел, и веселье началось с новой силой. Туан отправил вслед за вражеским флотом пришедших в себя волшебников, приказав лететь осторожно, чтобы стрелы не настигли их, помощь уже не требовалась. Они проследили за тем, как корабли-драконы миновали устье реки Флер и вышли в открытое море.

Вдруг корабли варваров замерли на месте, раздумывая, следует ли предпринимать очередную атаку. Однако, увидев выстроившихся на береговых скалах лучников, выпускающих вслед противнику горящие стрелы, которые летели чуть ли не за горизонт благодаря стоявшим за их спинами волшебникам, обладающим даром телекинеза, они развернули корабли и исчезли за горизонтом. В разгар общего веселья и радости Род поспешил к Туану. Он поднес губы поближе к уху короля и прокричал:

— Ты, надеюсь, понимаешь, что это еще не окончательная победа?

— Да,— с достоинством ответил молодой король,— но этой ночью мы будем праздновать победу! Наполни свой бокал и присоединись к нам, господин волшебник! Завтра же мы снова займемся войной.

На следующее утро Род снова приступил к работе. Он сидел на стуле в своей палатке; сквозь тент проникал сумрачный дневной свет. Небо было затянуто тучами, Туан тоже был мрачен. Он приложил ко лбу мокрое холодное полотенце.

— Вот теперь, господин волшебник, мы можем продолжить наш вчерашний разговор о том, что война еще не окончена.

Бром О'Берин приблизился к королю, заглянув ему в глаза.

— Мне кажется, вам не следует говорить о войне, когда ваша голова еще так наполнена вином, что вот-вот лопнет.

— Ничего страшного, господин советник,— Туан скривился в улыбке,— не думаю, что мы будем говорить о том, чего я не знаю.

— То есть вы хотите сказать,— осторожно заметил Род,— что если мы не отправимся вслед за ними, они могут вернуться?

— Да, господин волшебник.— Туан кивнул, потом поморщился и закрыл глаза.— Следующей весной, как только прогремят первые громы, их снова можно ждать на нашем побережье... да, я уверен.

— И вы думаете, что они решатся напасть на нас, зная, какой силой обладают наши волшебницы?— Бром помрачнел.

— Мы должны пойти на них войной,— поморщился Туан,— застать их врасплох; а для этого надо отправиться к ним за море и напасть на них!

— Да, нападать нужно именно сейчас,— пробубнил Бром.

Туан кивнул и посмотрел на Рода.

— Итак, каким образом мы можем доставить туда нашу армию, господин волшебник? Можешь ли ты транспортировать так много людей, лошадей при помощи какого-нибудь заклинания?

— Даже Гейлен не смог бы проделать это, Ваше Величество,— рассмеялся Род.— Мы ведь выяснили, что на Грамарии есть торговый флот, который, надеюсь, не откажется нам помочь уничтожить логово потенциальных морских пиратов.

Туан задумался, потом кивнул:

— Надеюсь, что они согласятся на это с легким сердцем. Тебе следует переговорить с ними.

— Надо просто заинтересовать их. Не забывайте, что можно воспользоваться рыбачьими лодками, которых у нас предостаточно. Наверняка их владельцы быстро согласятся, если вы не будете замечать их браконьерство.

— Значит, ты думаешь, что мы можем в ближайшее время выступить?— поинтересовался Туан.

— Скорее всего. Пока мы будем доставлять провизию, корабельные плотники соорудят необходимые приспособления. Нет, транспортная проблема не главная.

— Да?— Король еле заметно улыбнулся.— Тогда какая?

— Какая? Ваше Величество, вы, верно, забыли, что нам предстоит сражаться с варварами на их родной земле. Значит, они будут стоять насмерть... ведь они будут защищать свои дома, своих жен, матерей и детей.

Туан какое-то время молчал, а когда заговорил, голос его напомнил шепот привидения.

— Да, предстоит кровавая бойня. Многие из тех, кто отправится за море, могут не вернуться домой.

— В том случае, если превратим это в битву не на жизнь, а на смерть.

— А разве можно иначе?— вмешался Бром.

— Можно.— Род усмехнулся.— По словам Йорика, одного из наших гостей-варваров, эти нападения являлись результатом той борьбы, что ведет за власть небольшая группа в Стране Варваров.

— И что из этого?— Туан раздраженно пожал плечами.—

Эти люди подчиняются теперь новому вождю!— Как только он произнес эти слова, то вдруг понял, что к чему.

— После такого поражения не очень-то обрадует их такое правление шамана Маджхорка и его Бога Кобольда,— согласился Род.— И судя по словам Йорика, они и раньше не особо почетали его. Просто под влиянием страха позволили ему прийти к власти. Если с самого начала уяснить для себя, что мы боремся с Маджхорком, а не с самими варварами, то, возможно, они не окажут сильного сопротивления.

— Ты говоришь разумно, господин волшебник.— Туан задумчиво посмотрел на Рода.— Каким образом ты собираешься подвести их к такому решению?

— Этим,— ответил Род,— пусть займется Йорик.

— Ерунда, милорд.— Йорик отмахнулся от высказанных Родом соображений огромной ручищей.— Тактика называется «Распространение ложных слухов про своего противника». Что может быть лучше? Старо, как мир!

— Ты думаешь, подобная тактика так стара?— Род мысленно представил себе, как пятьдесят тысяч лет до нашей эры могли использовать слухи.— Но как все это провернуть?

Йорик обвел взглядом своих товарищей, потом повернулся к Роду.

— До вашего появления нам придется отправиться туда самим и сделать все это.— Когда Йорик увидел ошарашенное выражение лица Рода, он усмехнулся.— А ты, наверное, подумал о листовках?

— Я считал, что можно воспользоваться телепатией,— сказал Род.— Однако никто из наших телепатов не знает языка варваров. Йорик прав: сначала там должны появиться он и его люди. Вопрос лишь в том, можем ли мы доверять им?

— Доверять врагу?— воскликнула Катарина.— Нет, господин волшебник, надеюсь, вы не попадетесь в подобную ловушку!

— Но он действительно на нашей стороне,— возразил Род,— потому что сражается против того же врага, что и мы: против Маджхорка.

Они сидели в маленькой комнате, всего сорок квадратных футов, в королевском дворце в Раннимеде. Восточный ковер, гобелены на стенах, мебель из орехового дерева, изящные стулья в форме песочных часов, серебряные кубки... И хотя камин не горел, беседа была горячей.

— Это он говорит, что Маджхорк — его враг,— презрительно произнесла Катарина.— Но разве он не может оказаться агентом этого грязного чудовища?

— Но почему?— Род развел руками.— Для чего Маджхорку понадобилось засылать своего агента, которого всякий житель Грамария сразу бы разоблачил? Уж не говоря о горстке тех варваров, которые даже не знают нашего языка.

— По той самой причине, приятель,— Бром усмехнулся,—

что мы можем отправить их вперед себя, чтобы они могли облачиться в доспехи, предупредить своих товарищей и встретить наших солдат лесом копий, когда те причалят.

— Ладно,— фыркнул Род.— Нелепо, но чего не бывает! Но я чувствую, что это не так.

— Я-то думала, что только леди больше полагаются на свои чувства,— язвительно произнесла Катарина.

— Хорошо, Ваше Величество,— рявкнул Род,— я вижу, вам все не так! Однако вам известно, что я имею в виду: вся эта история не вяжется с гипотезой, что Йорик не является врагом.

Катарина раскрыла рот, чтобы возразить, но Бром опередил ее.

— Я понял тебя... и могу сказать, о чем ты говоришь.

Катарина удивленно посмотрела на карлика, Туан тоже вдруг оживился.

— Дело в том,— объяснил Бром,— что он говорит на нашем языке. Мог ли он научиться ему у Маджхорка?

— Возможно, если Маджхорк является агентом врагов Орла,— сказал, чуть помедлив, Род.— Если Орел научил английскому языку Йорика, то почему этого не мог сделать и Маджхорк?

— Я понял твою мысль.— Туан выпрямился.— Нам известно, что Йорик считает Орла чем-то вроде колдуна; если мы допустим, что Маджхорк тоже колдун, то тогда один колдун борется с другим. Хотелось бы знать, только ли в этом заключается их борьба? Почему бы нам не допустить, что эта борьба направлена против нас?

— Или что Маджхорк вытеснил Орла только для того, чтобы получить возможность использовать варваров против нас?— прогремел Бром.— Но почему мы так важны для Маджхорка?

— Потому что Грамарий,— раздался голос Векса за ухом Рода,— располагает большим количеством телепатов, чем вся земная сфера, вместе взятая. То, что они могут обеспечить мощной системой межзвездной коммуникации, является важным фактором в определении того, кто будет править Землей. По всей вероятности, Орел и Маджхорк являются путешествующими во времени агентами от будущих блоков-правительств, которым известно, к чему приведет настоящая борьба, и которые пытаются изменить ее ход здесь, добавил про себя Род. Вслух же он произнес:

— Как приятно осознавать, что стены в этой комнате достаточно толстые, и можно не волноваться, что нас могут подслушать.

— А что,— сердито спросил Туан,— у тебя есть основания не доверять кому-либо из нашего народа?

— Э... нет.— Род моментально выкрутился.— Просто я привел с собой Йорика на тот случай, если вы захотите поговорить с ним. Он в приемной.

Катарина бросила на него грозный взгляд и поспешила

встать за стул Туана. Король же, напротив, заинтересовался.

— Немедленно приведите его сюда! Нужно задать ему несколько вопросов, по ответам на которые попытаемся определить, лжет нам варвар или нет.

Бром поспешил к двери, отворил ее и пробубнил приказ. Когда он закрыл дверь, Род сказал:

— По сообщению Тоби, деревня варваров довольно большая, поля вокруг нее засажены пшеницей, что свидетельствует о довольно-таки высокой культуре земледелия. Поселение это не совсем новое, Туан. Интересно, если Орел явился сюда для завоевания, то хватило бы ему двух лет для того, чтобы построить колонию?

Молодой король ничего не ответил, так как внимательно наблюдал за дверью.

— Отлично.— Он повернулся на звук шагов входящего неандертальца. Катарина сделала еще один шаг назад.— Приветствую тебя, капитан беженцев!

— Приветствую тебя, король.— Йорик улыбнулся и дотронулся до лба.

Бром скривился. Род решил, что начать лучше ему.

— Э... мы только что разговаривали о том, Йорик, почему Маджхорк пытался сместить Орла.

— Все очень просто, ребята. Маджхорк хотел завоевать вас,— произнес удивленный Йорик.— Он не мог затеять все это во главе с Орлом, призывающим к пониманию и терпению.

В комнате воцарилась тишина. Туан, Бром, Катарина и Род обменялись взглядами.

— Я что-то не то сказал?— спросил Йорик.

— Нет, нет, именно то, о чем мы только что говорили.— Род почесал за ухом.— Всегда волнуешься, когда выясняется, что оказался прав.— Он посмотрел на Йорика.— Почему Маджхорк хотел покорить нас?

— Борьба за власть,— объяснил Йорик.— Ваша планета в ближайшем будущем станет самой горячей точкой в борьбе за власть. Ваши потомки пойдут путем демократии, так что Децентрализованный Демократический Трибунал победит. Единственный шанс, который будут иметь проигравшие,— это вернуться назад и попытаться захватить Грамарий. Когда Маджхорк пришел к власти, мы поняли, что являемся орудием в руках будущих проигравших... В чем дело, милорд?

Род жестами пытался заставить его замолчать. Туан бросил на него грозный взгляд.

— В самом деле, господин волшебник, почему вы не хотите, чтобы он говорил о подобных вещах?

— Потому что они разоблачают кое-кого,— Катарина сдвинула брови и зловеще посмотрела на Рода.— Итак, мой муж задал вам вопрос. На кого вы работаете, господин волшебник?

— На мою жену и ребенка, на кого еще,— ответил Род,— но раз я хочу для них мира и согласия, а все это зависит от вас... то, значит, я работаю на вас.

— Или в согласии с нами,— буркнул Туан.— За твоей спиной скрывается кто-то другой, господин волшебник?

— Ну, имеет место некоторое сотрудничество...

— Он имеет жизненно важные сведения для продолжения вашего правления, Ваши Величества.— Бром виновато взглянул на них.— Я знал это с самого начала, как только он появился среди нас.

Туан понемногу начал приходить в себя, но напряжение Катарины нарастало.

— Даже ты, Бром, кому мы так доверяли! Почему ты ничего не сказал нам раньше?

— По той причине, что вам не следовало этого знать,— ответил Бром без обиняков.— Кроме того, я понимал, что это секрет лорда Гэллоугласа. Если бы он решил, что вы должны знать, он бы сам рассказал... так как прежде всего предан Грамарию.

Катарину, казалось, удовлетворило подобное оправдание, а Туан даже улыбнулся.

— Полагаю, следует поговорить на эту тему, но чуть позже, господин волшебник.

Род вздохнул с облегчением и с благодарностью посмотрел на Брома. Карлик незаметно кивнул.

— Нас кое-что волнует, господин Йорик.— Туан повернулся к неандертальцу.— Мне кажется, вы знаете слишком многое из того, что вам и не следовало бы знать.

Йорик уставился на него.

— Вы имеете в виду то, что кое-что из этого засекречено?

Род метнул в него взгляд, но Туан сказал:

— Откуда вы знаете то, что должно произойти?

— А, это? От Орла.— Йорик улыбнулся.— Он был там.

На какое-то время в комнате наступило молчание. Потом Туан, тщательно подбирая слова, произнес:

— То есть ты хочешь сказать, что этот Орел явился из будущего?

Йорик кивнул.

— На кого он работает?— выпалил Род.

— На самого себя.— Йорик развел руками.— Кстати, извлекает из этого неплохую выгоду.

Род расслабился. Политики-фанатики сражаются насмерть, но деловые люди всегда руководствуются разумом, надеясь, что им предложат более выгодное соглашение. Туан покачал головой.

— Ты хочешь заставить нас поверить в то, что Орел перенес сюда твоих людей и научил их земледелию, чтобы они смогли безбедно существовать. Но какая в том выгода?

— Ну,— Йорик пожал плечами,— он осуществляет некий гуманитарный проект...

— А также твои ребята могут являться своего рода агентами,— сухо произнес Род.

Йорик заметно покраснел.

— А может,— прогремел Бром,— он борется против людей, которые в будущем будут поддерживать Маджхорка? Твои люди — не часть ли этой борьбы.

Йорик затих. Затем, кивнув в сторону Брома, он спросил у Рода:

— Где вы его раздобыли?

— Ты не хочешь этого знать,— проигнорировал его вопрос Род,— но зато мы хотим. Каким образом вы, неандертальцы, оказались орудием этой борьбы?

— Ладно,— Йорик, вздохнув, уступил.— Все намного сложнее, чем я рассказал. Плохие люди собрали нас вместе, чтобы использовать в своих целях: установить такую диктатуру, которая будет нерушимой. Вы понимаете, милорд, что мы являемся составной частью культуры параноиков.

— Только не могу понять почему,— сухо ответил Род.

— Что такое «параноик»?— заинтересовался Туан.— Какое отношение это имеет к власти?

— Это означает, что вы постоянно думаете, что вас кто-то преследует,— объяснил Йорик,— поэтому вам нужно успеть напасть первым, чтобы быть уверенным, что вас не поймают. Такие правительства очень сильны в репрессиях.

Катарина побледнела, а Туан обратился к Роду:

— Есть какая-нибудь доля правды в том, что он говорит?

— Даже слишком большая,— ответил Род с убийственной улыбкой на лице.— Всякий, обладающий колдовским даром, обязательно должен быть репрессирован. Теперь вы понимаете, почему я на вашей стороне, Ваше Величество.

— Разумеется.— Туан снова взглянул на Йорика.— Теперь меня не так сильно волнуют твои сообщники.

Род краешком глаза наблюдал за Катариной. Понимает ли она, что была близка к тому, чтобы стать тираном, когда правила одна? Разумеется, ради обеспечения безопасности... но со временем она обрела бы достаточно опыта, уверенности в собственной власти. При этом слишком многие стали бы ее ненавидеть. Вот тогда она была бы вынуждена стать тираном. Но Туан уже разговаривал с Йориком.

— Почему этот ваш Орел борется с этими диктаторами?

— Ради выгоды,— ответил Йорик без раздумий.— Диктатура имеет тенденцию устанавливать очень суровые законы относительно того, кому и с кем иметь дело. Данные правила находят отражение либо в очень высоких налогах, либо во взятках. То правительство, которое опирается на свободу, дает предпринимательству бо́льшую свободу действий.

— Даже слишком,— добавил Род.

— Свобода нестабильна, милорд.— Пожал плечами Йорик.— Всегда найдутся желающие разрушить ее, установив собственную диктатуру. Бизнесмены — тоже люди.

Род хотел было поспорить с неандертальцем, но это могло бы отвлечь всех от основной темы разговора.

— Мы подумали о распространении ложных слухов среди

противника, о чем мы говорили с тобой. Попробуй объяснить нам, как вы хотите действовать, чтобы не попасться? Только не говори, что все ваши ребята похожи друг на друга, как две капли воды.

— Я не собираюсь этого делать.— Йорик пожал плечами.— Уверен, что на данный момент многие люди сыты по горло делами Маджхорка. Его версия справедливости наверняка провалилась. Вы можете отправить меня обратно на материк, я укроюсь в дебрях леса, что южнее деревни. Уверен, что мне удастся договориться с местными жителями. К тому времени, когда они вернутся в деревню, слухи уже начнут распространяться вовсю.

— Может сработать,— согласился Туан.— Однако скажи, почему ты не остался в своей стране?

— Люди Маджхорка охотились за мной.— Йорик покачал головой.— Он не простил бы ни меня, ни моих людей, и наше положение среди людей уже не то, что прежде. Нам нельзя было оставаться.

— Надеюсь, что ты поступил правильно,— ответил король.—

— Я тоже,— сказал Йорик.— Если бы я остался, то выбора бы у меня не было, и, честно говоря, мне нужны были союзники.

— Ты имеешь их, мы убедились в том, что ты честный человек,— решительно произнес Туан. Катарина, однако, промолчала.

Йорик обратил на это внимание.

— Да, я говорю правду. В конце концов, обмани я вас, вы схватите меня. Уверен, что вы уготовили бы мне виселицу.

— Ты прав,— согласился Туан,— я бы лично проследил, чтобы для тебя соорудили новенькую, специально для тебя!

— Польщен,— ухмыльнулся Йорик.— Сказать по правде, я не заслуживаю, чтобы меня повесили на золотой цепи, ну, может быть, на серебряной...

— Почему же? Боишься эльфов?

Туан и Йорик, подумал Род, неплохо ладят между собой.

— Мы, как мне кажется, говорили о тех слухах, которые он должен распространить?— напомнил он Туану.

— Должен заметить,— Йорик пожал плечами,— что вы и ваша армия хотят свергнуть только Маджхорка, не так ли? А местным жителям они не причинят никакого вреда?

— Совершенно верно.

— Но, надеюсь, вы понимаете,— заметил Йорик,— они будут сражаться до тех пор, пока не узнают, что Маджхорка взяли. Не то, перебеги они на вашу сторону, а он победит, они окажутся в очень неприятном положении... не говоря уже об их женах и детях.

— Разумеется,— согласился Туан.— Нет, меня волнует другое. Как только они узнают, что Маджхорк схвачен, не будут ли они сомневаться: сдать оружие или нет?

— Должен заметить, что большинство из них будут так

заняты весельем, что им некогда будет раздумывать.

— Хорошо. Но...— Туан подался вперед, глаза его заблестели.— Можем ли мы быть уверены, что схватим Маджхорка?

— Битва не должна тянуться долго,— добавил Бром,— мы не сможем пробираться через всю армию варваров, чтобы настичь его.

— Да... вернемся к моему исходному плану действий.— Йорик оскалился.— Я уже устал ждать, пока вы наконец заговорите о наступлении. Итак, вы посылаете меня в дебри за неделю или две до своего появления. Уверен, что мне удастся найти достаточное количество недовольных, чтобы оказать вам помощь. В тот момент, когда ваша армия атакует с моря, я вместе с моими ребятами проберемся к скалам и спустимся в Высокую Пещеру.

— Высокую Пещеру?— переспросил Туан.— Это что такое?

- Самая высокая пещера на скале. Лишь только мы прибыли на это место, как разместились в пещерах. Орел выбрал себе самую высокую, чтобы можно было обозревать все сверху. Когда же все перебрались в хижины, он остался там... наверняка Маджхорк тоже переселился туда, чтобы в его руках оставался символ власти.

— Убедительно,— пробурчал Бром,— но вдруг ты ошибаешься?

Йорик пожал плечами.

— Тогда мы отыщем его. Не стоит волноваться насчет него: сомневаюсь, чтобы он сражался на передовой.

Туан поежился.

— В его руках реальная власть,— продолжал Йорик,— но решающее слово за Кобольдом. Когда вы схватите идола, то только тогда можно будет сказать вашим солдатам, что война выиграна.

— Ты думаешь, он тоже будет в Высокой Пещере?— спросил Род.

— Не сомневаюсь,— заверил его Йорик.— Вы не видели это чудище, милорд. Уверен на все сто, чо при одном его виде вам станет дурно.

— Что ж, согласен с твоим планом.

— Я тоже,— сказал Туан и посмотрел на жену и советника.— А вы?

Они дружно кивнули в ответ.

— Тогда решено.— Туан хлопнул в ладоши.—Я тотчас отдам распоряжение, господин Йорик, чтобы наши моряки доставили тебя и твоих приятелей в лесные дебри, южнее вашей деревни. Когда все будет готово, к вам прибудет волшебник и сообщит о дне и часе нашего наступления.

— Отлично!— Йорик облегченно вздохнул; потом он помрачнел.— Но минуточку. Как ваш волшебник найдет нас?

— Каждый вечер на протяжении нескольких часов смотрите в огонь и пытайтесь ни о чем не думать,— объяснил Род,—

или думайте о чем-нибудь абстрактном... потом раздастся хлопок или что-то вроде этого. Тогда в ваших мыслях появится волшебник.

Йорик удивленно посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что ваши телепаты могут читать наши мысли?

— Вроде этого,— ответил Род.— По крайней мере, они смогут выяснить, где вы находитесь.

— Хорошо.— Йорик улыбнулся.— Тогда неудивительно, что вам удалось узнать, где собираются высадиться вражеские войска.

— Да, после первой схватки.— Род улыбнулся.— Конечно, мы не понимаем вашего языка.

— И то ладно.— Йорик поднял вверх указательный палец.—Уверен, что не думаю по-английски.

Род был на этот счет другого мнения, но промолчал.

— Если вы не возражаете,— Йорик повернулся к королю и королеве,—я вас покину, Ваши Величества.— Он поклонился.— Пойду сообщу своим ребятам, что пора отправляться.

— Хорошо,— произнес Туан официальным тоном.— Не забудь сказать своим людям, что они могут доверять нам так же, как мы доверяем им.

Йорик задержался у двери и оглянулся, приподняв бровь.

— Вы уверены в этом?

Туан решительно тряхнул головой.

— Мне кажется, вы сказали больше, чем думаете.— Лицо Йорика расплылось в улыбке.— С Богом, Ваши Величества!— Он снова поклонился и открыл дверь; стража проводила его.

Катарина первой вздохнула облегченно.

— Уф! Дело сделано.— Она пристально посмотрела на мужа.— Каким образом мы узнаем до битвы, насколько честна наша сделка?

— Ну, я был с ним не совсем искренним,— заметил Род. Он шагнул к стене и приподнял край гобелена.— Как ты считаешь, дорогая? Мы можем доверять ему?

Гвен кивнула и вышла из своего укрытия.

— Да, мой господин. В его мыслях не было ни намека на ложь.

— Он думал по-английски,— объяснил Род изумленным королю и королеве.— Ему пришлось, потому что он разговаривал с нами.

— Так вот что ты имел в виду, говоря о возможном подслушивании!— Лицо Туана расплылось в улыбке.

— Ну, не совсем, хотя думал о Гвен, когда говорил это.

— А разве не мог он думать на своем родном языке и скрывать эти мысли под тем, что он говорил нам?— спросила Катарина.

Гвен одобрительно посмотрела на нее. Род согласился с ней: хотя Катарина и злилась, если при ней упоминали о ее собственных способностях, она явно делала успехи в их применении, ведь пришла же ей мысль о сокрытии мыслей.

— Может быть, Ваше Величество,— согласилась Гвен.— Да, за мыслями на его собственном языке могут также скрываться те основные мысли, что дают толчок словам, но оставаясь при этом бессловесными. Это просто вспышки идей без какой-либо оболочки. Но даже там я не обнаружила ни намека на обман.

— Но прежде чем отправиться в плаванье, попросим Тоби проверить его лагерь чтобы знать наверняка,— добавил Род.— Он достаточно хорошо обучен колдовскому ремеслу, чтобы суметь пробраться сквозь камуфляж поверхностных мыслей, если таковой существует.

Дверь отворилась, и вошел страж со словами: «Сэр Мэрис просит аудиенции, Ваши Величества.»

— Да, конечно, проси!— Туан посмотрел на дверь.— Может быть, он явился с сообщением от наших часовых, которым поручено удостовериться в том, что варвары не повернули обратно и не приготовили нам очередной сюрприз. Проси!

Страж посторонился и пропустил сенешаля в комнату. Старый рыцарь зашел, прихрамывая и опираясь на свой жезл. Он улыбался во весь рот.

— Добро пожаловать, сэр Мэрис!— воскликнул Туан.— Какие новости?

— Все получилось так, как вы и предполагали, Ваше Величество.— Сэр Мэрис остановился напротив Туана и слегка поклонился, потом выпрямился и по-волчьи оскалился.— Три корабля свернули и вошли в небольшую речку, впадающую в Флер.

— Им дали отпор?— В глазах Туана сверкнули огоньки.

— Да, Ваше Величество! Наши лучники обстреляли их корабли огненными стрелами, а остальные солдаты натянули через реку мощные цепи. Когда они натолкнулись на них и поняли, что не могут плыть дальше, они попытались сойти на берег; но наши люди встретили их стеной копий. Они развернулись и уплыли.— Он повернулся к Роду.— Приношу вам свою благодарность, господин волшебник, за вашу неоценимую помощь в этом деле!

Род удивленно уставился на него, но Гвен успела схватить его за руку. Сэр Мэрис снова обратился к королю:

— Он поспевал всюду: сначала на одном берегу реки, потом на противоположном, был то среди лучников, то среди других солдат, призывая их дать врагу настоящий отпор. Нет, теперь они ни за что не поверят, что потерпят поражение.

Гвен перевела взгляд с Рода на сэра Мэриса, а Род не мог и слова вымолвить от потрясения.

— Да, кстати,— спросил старый рыцарь, почему тогда командование было передано мне? Если господин волшебник находился там, то зачем я потребовался? Пусть он и командовал бы!— Мэрис насупился.

— Но,— возразил Туан, поворачиваясь к Роду,— ты ведь находился здесь, в Раннимеде, с нами, в то время, когда проводилась вся эта операция!

— Мне тоже так казалось,— прохрипел Род.

— Мой господин, не все из того, что происходит здесь, невозможно,— произнесла Гвен.

— Да, конечно. Возьми себя, к примеру... невероятно, чтобы на свете был кто-то прекраснее, чем ты. Но ведь ты не только существуешь на самом деле, но и любишь такого, как я... а это совсем уж невероятно

— Ты всегда недооценивал себя, Род Гэллоуглас,— Гвен ослепительно улыбнулась,— и переоценивал меня... знаешь, холодный мир стал для меня теплым.

Против такого взгляда на вещи он не мог устоять и стал притягивать ее к себе, ближе и ближе, пока его губы не нашли губы Гвен... Но тут Род вспомнил, что находится на палубе корабля. Вполне вероятно, что команда подсматривает. Он бы, конечно, мог послать их ко всем чертям, но вспомнил о своем положении и разжал губы.— Давненько мы не целовались так!

— Да, мой господин.— Гвен смотрела на него сияющими глазами.

— А я-то думал, что неандертальцы используют Дурной Глаз!— Род вздохнул полной грудью, и, взяв ее под руку, он пошел по палубе.— А теперь давай наслаждаться морским ветром и соленым воздухом. Будем считать, что совершаем морской круиз, который мы с тобой заслужили.

— Как скажешь, мой господин,— промурлыкала она.

— Только не перепутай меня с моим двойником,— предупредил ее Род.

Гвен решительно тряхнула головой.

— Этого не случится на расстоянии меньшем, чем сто футов

— Ну, надеюсь... но некоторые уже ошибались.

— Да, но разве знают они тебя так, как я?— проворковала Гвен.— Если они и видели тебя раньше, то мельком и издали.

— Да, но есть еще один...— Род остановился рядом с монахом, облаченным в коричневую рясу, который сидел на палубе, скрестив ноги. Он держал в левой руке чернильницу, а правой старательно писал что-то в огромной книге с пергаментными листами.— Приветствую тебя, отец Чиллди!

Монах поднял глаза. Потом по его лицу пробежала радостная улыбка.

— Какая встреча, господин волшебник! Я так надеялся встретить вас здесь!

— А где мне еще быть?— Пожал плечами Род.— Это королевский корабль. А вы-то каким образом очутились здесь, святой отец?

— Не забывайте, я — священник,— ответил монах,— и по возможности должен находиться рядом с королем и его

советниками. Стараюсь не упустить ни малейшей детали, описывая события этой войны в своих летописях.

— Ну, а как обстоят дела с вашими летописями? Многое уже успели записать?

— Как же, ведь я начал заниматься ими черыре года назад, когда умер старый король, записывал все, что видел или слышал. Свои занятия летописями я продолжил во время правления Катарины, потом во время правления наших дорогих короля и королевы.— Он поклонился им.— К моему великому удовольствию, сейчас мне довелось попасть в самую гущу событий. Мои записи должны быть точны, чтобы еще не рожденные поколения через сотни лет смогли узнать всю правду о нашем доблестном народе, который вершит такие деяния.

— Очень благородная цель,— заметил Род, однако без должного, возможно, уважения, которого она заслуживала.— Вы уверены, что все записываете точно, не так ли?

— Ну, как же иначе! О каждом событии я расспрашиваю по нескольку очевидцев, и поверьте, докапываюсь до самой сути. Для большей убедительности скажу, что записываю только то, что вижу сам.

— Ничего не может быть лучше первоначального источника.— Род одобрительно кивнул.— Примите мои наилучшие пожелания в вашем деле, отец Чиллди.

— Благодарю вас, милорд.

И Род с Гвен отправились дальше по палубе, а монах снова склонился над своими записями.

Когда они отошли от него на такое расстояние, чтобы он их не услышал, Род пробормотал:

— Разумеется, рассказы очевидцев не доказывают того, что так оно и было на самом деле. Людская память часто приукрашена, в ней желаемое может выдаваться за действительное.

— Надо отдать ему должное.— Гвен обернулась и посмотрела на монаха.— Он еще слишком молод и полон всяческих идеалов! Не сомневаюсь в том, что Катарина и Туан кажутся ему слишком напыщенными и величественными, а варвары — необычайно ужасными и...

— Мама!

Гвен в ужасе застыла на месте, затем лицо ее озарила улыбка, когда она поняла, что держит в руках ребенка.

— Магнус, мой родной мальчик! Значит, ты решил навестить своих родителей, которые отправились за море?

Глаза ее потемнели, когда ребенок кивнул. Род понял, что она подумала о том, что они могут не вернуться к своему ребенку. Надо ее отвлечь, решил он.

— Что у него... мяч?

Шар был тусклым и серым, около четырех дюймов в диаметре... вдруг поверхность его покрылась рябью. Род опешил. Гвен заметила выражение его лица и торопливо проговорила:

— Не беспокойся, мой господин. Это всего-навсего «ведьмин мох», с которым он просто играет.

— Ох.— Роду была хорошо известна эта субстанция. Это была разновидность мха, способная отвечать на мысли телепатов. Род подозревал, что он сыграл немаловажную роль в генетике эльфов, оборотней и других сверхъестественных существ, населявших Грамарий.— Позволь узнать, когда он начал играть в подобные...

Он умолк, так как шар стал менять форму в руке ребенка... Магнус удивленно наблюдал за ним. Между тем шар вытянулся, расплющился, сузился книзу, где разделился до середины пополам, по его бокам образовались отростки. Верх принял форму шарика, потом начали вырисовываться детали...

— Что он делает?— прошептала Гвен.

— Даже боюсь подумать об этом.— Однако Род знал со всей определенностью, что это будет.

Он оказался прав. Субстанция закончила трансформироваться и замахнулась устрашающим топором, оскалила зубы так, что саблезубый тигр позавидовал бы, поросячьи глазки налились кровью, и фигурка начала неуклюже шагать по руке Магнуса. Ребенок вскрикнул и сбросил чудище с руки. Оно приземлилось на палубе, чуть приплюснулось с одной стороны, но тут же приняло прежнюю форму, вскочило на ноги и неуклюже зашагало по палубе, выискивая жертву. Магнус прижался к Гвен, заплакав навзрыд.

— Ну, дорогой мой... он ушел,— успокаивала она его,— вот-вот уйдет...— Она пристально посмотрела на маленькое чудище, сощурив глаза. Оно сделало один шаг, потом ноги его обмякли.

— Варвар,— прошептал Род,— злое подобие неандертальца!

Еще один шаг, и точная миниатюрная копия варвара снова превратилась в шар.

— Но ребенок не видел ни одной из битв!— воскликнул Род.— Как мог он...

— Мой господин,— прервала его Гвен,— он не изменит форму до тех пор, пока я не заставлю его. Но кто-то заставляет меня лепить его!

— Тогда... избавься от него... быстро! Кто знает, может быть, он найдет себе подобного...

— Все! - выдохнула Гвен.

«Ведьмин мох» превратился в блестящий шар, потом подпрыгнул и пулей полетел за горизонт.

Гвен снова посмотрела на Магнуса.

— Ну, все, малыш! Ты ни в чем не виноват; злой и бессердечный человек сделал это с твоим шаром, чтобы напугать тебя!— Она одарила Рода убийственным взглядом.— Кто это сделал?

- Не знаю, но обязательно выясню.— Роду самому было не по себе. Он быстро окинул взглядом палубу. Убедившись,

что вряд ли кто-нибудь видел, что произошло (поблизости находились только два матроса, да и те были заняты своим делом и не смотрели в их сторону), он на мгновение задумался.

А отец Чиллди по-прежнему писал в своей книге. Род уставился на него. Нет! Не может быть! Но... Он на цыпочках подкрался к монаху и заглянул через его плечо, чтобы посмотреть, что он там пишет.

«... И были они огромными, с руками, свисающими до колен, и клыками, торчащими ниже подбородков. Глаза их были налиты кровью, и больше они подошли бы свинье, а не человеку; их головы напоминали мячи, но слишком маленькие для таких огромных тел. Оружием им служили огромных размеров топоры, несущие смерть, и размахивали они ими во все стороны в поисках жертвы...»

— Вы сами не знаете, что просите,— воскликнул Пак.— Я просто создан для битвы, Род Гэллоуглас! Неужели я должен стоять в стороне, когда мой народ...

— Успокойся,— мягко произнес Род.— Слушай, я понимаю, это трудно... но ты должен подумать не о себе, а о Грамарии!

— А кто говорит, что я должен?— обиженно спросил эльф.

— Я!— рявкнул Бром О'Берин.

Пак глянул на лицо своего повелителя и отпрянул.

— Ну, если так,— вздохнул он.— Но где мне следует находиться? Что, других эльфов не нашлось, чтобы выполнить такое простое поручение?

— Нет,— решительно заявил Род.— Это только тебе задание кажется пустяковым делом. Конечно, еще несколько эльфов могли бы с этим справиться, но уверен я только в тебе!

Пак гордо вскинул голову, услышав такую похвалу.

— Ты единственный,— продолжал Род,— имеешь богатое воображение и дар много говорить. Все это позволит тебе легко справиться с данным заданием.

— Ты сделаешь это,— сурово приказал Бром.— Когда сражение закончится, отчитаешься лично мне, дух-проказник!

— Ну, тогда, конечно,— Пак тяжело вздохнул... было видно, что гордость переполняет его.— Но, господин волшебник, я понять не могу, зачем понадобилось рассказывать монаху, что происходит, когда у него у самого два глаза?

— Запомни. Прежде всего ты должен сделать так, чтобы во время битвы глаза его ничего не видели. Абсолютно ничего,— добавил Род, заметив выражение лица Пака.

— Понял,— ответил эльф,— будет сделано. Ослепим его на несколько часов, это нетрудно. Но для чего я должен рассказывать ему, что происходит вокруг?

— Ну, не совсем так,— возразил Род.— Ты будешь описывать ему то, что в действительности вовсе даже и не происходит.

— Что?— воскликнул Пак.— Уж не ослышался ли я? Значит, я должен говорить: «Нет, радуйся! Дождя нет, и луна

не светит! Солдаты не пожимают руки варварам в знак дружелюбия и не отступают ни на дюйм!» Что за глупость!

— Я имел в виду совсем не это,— Род едва сдержал улыбку.— Не стоит отрицать все. По-моему, неплохо было бы рассказывать следующее: «Наши доблестные солдаты наступают, а толпа кровожадных варваров неуклюже идет им навстречу и пожирает их своими красными глазками! Они ловят взгляды солдат Грамария, и наши люди застывают на месте, зачарованные Дурным Глазом! Но волшебницы и волшебники освобождают их от воздействия грязного колдовства. Среди них появляется главный волшебник, могучий, на огромном коне, и зовет их за собой! Воодушевленные его кличем, наши солдаты воспрянули духом, закричали и набросились на врага!»

Пак подозрительно покосился на него.

— А ты горазд воспевать свои несуществующие добродетели, не так ли?

— Ну, когда это необходимо,— смущенно ответил Род.— В данном же случае это жизненно важно. Отец Чиллди ничему другому, что касается меня, не поверит, Пак... что бы ты ему ни говорил, а он должен верить каждому твоему слову, запомни!

Воздух задрожал, и появился Тоби.

— Господин волшебник, вас просят на корму.

— На корму?— переспросил Род.— Ты, значит, прилетел с кормы, Тоби? Надеюсь, тебе не пришлось привязываться?

Молодой волшебник покраснел.

— Я знаю, вам не нравится, что мы перелетаем с места на место, когда можно просто пройтись пешком...

— Ты верно подметил. Но дело тут не в вас самих. Подумал ли ты о том, какое впечатление вы все производите на большинство собравшихся здесь?

— Я забыл.— Тоби виновато вздохнул.— Когда вокруг тебя происходят такие великие события, как-то забываешь о мелочах.

— Вот поэтому нужно, чтобы это вошло в привычку. Кстати, о каких великих событиях ты говоришь?

— Ой!— воскликнул молодой волшебник.— Я только что вернулся от господина Йорика, передав ему, что мы скоро приплывем! Простите меня.

— Ох!— Род чуть не свалился со стула, чувствуя себя полнейшим идиотом.— Какой я осел!

Пак открыл рот от удивления.

— Это так, образно выражаясь,— быстро ответил Род,— но зато точно. Я привязался к тебе с какой-то ерундой, а ты, оказывается, только что вернулся из такого выматывающего полета! Приношу свои самые искренние извинения, Тоби... очень рад, что ты вернулся целым и невредимым. Ну, и, конечно, ты не можешь докладывать здесь... король должен услышать новости.

— Ничего, милорд.— Тоби улыбнулся. Он шагнул к двери и открыл ее.— Раз уж вы не можете переноситься с места на место, как я, то я пройдусь с вами пешком.

— Я тоже,— пробубнил Бром.— Должен же я знать, каких успехов добился этот ухмыляющийся балбес.

Дверь за ними захлопнулась, оставив Пака бормотать проклятия в свой адрес.

— Прошу, господин волшебник,— спокойно произнес Туан, когда за ним закрылась дверь,— и вас, господин Бром.— Глаза его блеснули.— Итак, мы слушаем нашего волшебника?

Тоби обвел взглядом возбужденные лица и вдруг смутился.

— С какого места... что рассказывать?

— Все, как было,— подбодрил его Род,— с самого начала.

Тоби вздохнул.

— Ну... я пытался подслушивать мысли варваров и вдруг почувствовал, что разум их девственно чист. Я вспомнил о том, что? господин волшебник сказал мне о хлопке в ладоши, выбрал то место, откуда бы было лучше слышно, осмотрелся. Деревня варваров осталась далеко позади. Я ощутил поддержку, но людей я не видел, только верхушки деревьев.

Род кивнул:

— Хорошо спрятались. Что потом?

— Я прислушивался до тех пор, пока кто-то из этих невидимок не начал думать о чем-то, не относящемся к нашему делу. ... но и тут ничего подозрительного. Тогда я спустился на одно из деревьев, пробрался к ним, стараясь не напугать.

Туан засмеялся:

— И что они сказали, когда увидели тебя?

— О, первый варвар, который заметил меня, закричал и стал размахивать топором, и я уже приготовился исчезнуть, но решил, что лучше показать ему, что в руках у меня нет оружия, и он опустил топор и кивнул в сторону. Я пошел впереди, он за мной, но при этом в глазах его не было ни капельки доверия. Вот так меня и привели к господину Йорику.

— Куда? — спросил Род.

Тоби удивленно посмотрел не него.

— Да, он сидел у потухшего костра в окружении нескольких варваров. Увидев меня, он встал, улыбнулся, потом подошел ко мне, приветствуя поднятой рукой.

Туан понял, что хотел спросить Род.

— Так, значит, он сидел среди остальных людей как равный среди равных? Ни его положение, ни его заслуги не были отмечены?

— Я ничего такого не заметил. Вокруг костра сидели мужчины и женщины... но они более примитивные, что ли.

— Сколько их там было?— спросил король.

— Десятка два мужчин, самое меньше; он заверил меня, что остальные несут караул и патрулируют вдоль края дебрей, примыкающих к деревне, чтобы помочь тем, кто захочет бежать. Его отряд, сказал Йорик, насчитывает больше сорока человек.

— Сколько там женщин и детей?— взволнованно спросила Катарина.

— Я насчитал около дюжины женщин, у каждой было по два-три ребенка.

— Итак, отряд разрастается.— Род улыбнулся.— Если мы не разобьем Маджхорка, то у Йорика будет собственная деревня.

— Да, и две деревни будут сражаться между собой.— Туан засмеялся.— Может, стоило оставить наших людей дома — пусть враги сами себя перебьют.

— Что за чушь ты несешь!— накинулась на него Катарина.

— Ладно, ладно, я пошутил.— Туан вздохнул.— Ведь Йорик и его люди — теперь наши союзники, и если Маджхорк затеет против них войну, то без нашей помощи наверняка победит, потому что в его распоряжении не десятки, как у Йорика, а тысячи. Нет, мы должны воевать с Маджхорком, тем более имея такую поддержку. Что сказал Йорик о слухах, которые распространил?

— Он сказал, что за эти несколько недель то, что он посеял, дало свои всходы, так что пора собирать урожай, жать и складывать в амбары.

— Значит, посеянное попало на благодатную почву,— пробубнил Бром.

Тоби кивнул.

— Йорик сказал вот как: «За последние два месяца вдов стало на несколько сотен больше, и в сердцах их бушует огонь мщения». Да, милорд, их народ готов поверить, что месть ваша будет направлена только на Кобольда и на его проповедника Маджхорка.

— А что насчет Высокой Пещеры?— пробубнил Бром.— Действительно ли тот, кого мы ищем, находится там?

— Да,— кивнул Тоби.— Те, кто присоединился к отряду Йорика последнее время, говорят, что в Высокой Пещере Орла теперь живут Кобольд и его служители.

— А какие сведения об Орле?— спросил Туан.

— Он живет неподалеку от отряда,— ответил Тоби.— Йорик ходит к нему, разговаривает, но он живет отдельно от своего народа.

— Боится?— спросил Род.

— Не отряда Йорика. Ему кажется, что Маджхорк выслеживает его и не хочет, чтобы верные ему люди попались в сети, которые расставлены для него.

— Мне кажется, не только неандертальцы параноики,— заметил Род, покосившись на Туана.— Что ж, Ваше Величество, похоже, наши партизаны в полной боевой готовности и только ждут нашего прибытия.

— Хорошо, если так.— Туан по-прежнему не отрывал глаз от Тоби.— Скажи, ты уверен, что в их поведении и в мыслях не было ничего подозрительного?

Молодой волшебник решительно покачал головой:

— Нет, Ваше Величество... я проверил. Может быть, что-то и скрыто в глубине сердца... но я не сумел это прочитать.

— Даже если действительно где-то в глубине они прячут черные мысли...— Туан сдвинул брови.— Но никаких доказательств этому мы не нашли. Поэтому было глупо отказываться от их помощи.

— Значит,— предположил Род,— нельзя быть до конца в них уверенными, в последнюю минуту они могут подвести.

— Да, согласен,— сказал Туан.— Варвары станут нашими настоящими союзниками только после окончания битвы.

- А она будет делом нелегким.— Род встал.— На этот раз нам предстоит вести боевые действия на вражеской территории. Им даже не потребуется молния для привлечения сверхсилы: она у них под рукой.

— Да задача у нас не из легких,— согласился Туан.— Ты уверен, что старый колдун нам поможет?

Род хотел было ответить, но промолчал.

— Этого я и боялся.— Туан помрачнел.

Род лишь кивнул.

- Но если он прилетел один раз, чтобы спасти своего «сына», то наверняка поступит подобным образом и в следующий раз.

— Ну, причины у каждого могут быть свои,— заметил Туан.— Да и исход ни в битве, ни в любви, ни в жизни никто не может предопределить. Да благословит вас Господь, друзья мои... и, возможно, все мы встретимся завтра, когда взойдет солнце.

Деревня неандертальцев спала, освещенная лунным светом. Часовые на вершине скалы и в маленьких лодках валились от усталости, но не смыкали глаз, потому что Маджхорк напугал их до смерти этими злобными Плосколицыми, которые были настолько могущественными, что смогли пересилить даже действие Дурного Глаза. Какой еще силой они обладают? Скоро ли нападут эти, жаждущие крови мирных людей, Плосколицые на их деревню?.. Но, борясь со страхами, внушенными Маджхорком, они все-таки время от времени вспоминали и слухи, которые бродили среди деревенских жителей: якобы гнев Плосколицых стих, так как Йорик просил их понять, что все эти набеги на их земли были делом рук Маджхорка; что Плосколицым нужен только Маджхорк и его лейтенанты. И, разумеется, Кобольд...

Часовые поежились. Кому охота связываться с богом и его колдунами? Такие мысли проносились в их головах, а луна тем временем медленно уплывала за горизонт, потом исчезла вовсе... и на землю опустилась тень, небо освещали лишь звезды. Часовых сморил сон. Ночь вот-вот сменится рассветом; Плосколицых пока нет. Ну что-ж, они в безопасности еще несколько часов... И вдруг они вскочили. Что это за темные тени мелькают на воде и направляются к берегу? Их так много, словно звезд, которые упали в море. Часовые протерли глаза, потрясли головами... но когда они снова посмотрели, то

увидели, что темные тени по-прежнему движутся к берегу. Но Плосколицые не могут пробираться так бесшумно...

Тем временем темные тени выбрались на берег, остановились, а десятки теней поменьше разбежались в разные стороны. Кошмар, похожий на сон, но не сон! Часовые поднесли к губам рога и затрубили тревогу! Неандертальцы повыскакивали из своих хижин, натягивая на ходу шлемы, хватая топоры, тревожно перебрасываясь друг с другом отрывистыми фразами.

Грамарийские солдаты строем направились в деревню. Главный волшебник разъезжал на своем коне среди солдат, предупреждая: «Пока никаких криков! Запомните, все делать молча! Чем больше шума с их стороны, тем сверхъестественнее будем казаться мы!» А варвары неровным строем пошли навстречу солдатам Грамарии, выкрикивая боевые кличи.

— Пора!— прокричал Род, и его солдаты что есть мочи заорали в один голос.

Враги встретились, и длинные копья начали вершить свое дело. Топоры перерубали их рукоятки, но многие варвары умирали, пронзенные насквозь. Потом то там, то здесь варвары начали ловить взгляды солдат, и строй грамарийцев стал замирать. На флагманском корабле кружком сидели волшебницы и волшебники, взявшись за руки и подняв глаза к небу. Под действием их сил строй грамарийцев вышел из оцепенения и с новой силой набросился на врага.

Варвары стали звать Кобольда. На берег высадилась вторая волна солдат Грамария, и новые копья вступили в бой. Первая линия отступила, затуманенная Дурным Глазом.

— Мы здесь, господин волшебник,— обратился к Роду Туан, поравнявшись с ним.— Делайте все, что задумали; сэр Мэрис и я позаботимся о наших людях.

— Благодарю вас, Ваше Величество!— воскликнул Род и пригнулся к спине Векса.— Пошел, Стальной Конь! К тем кустарникам!

Конь-робот пустился галопом к зарослям кустарника низкорослых деревьев у морского берега.

— Род, это бегство вряд ли необходимо! Мои мысли пока ясны!

— Знаешь, меня не волнует, хватит тебя удар в самый разгар битвы или нет!

— Тогда почему мы отступаем?— Векс замедлил шаг и остановился перед зарослями.

— Подожди. Доверься мне.— Род раздвинул ветки и юркнул в заросли. Отличное укрытие! Все идет по плану.

Но его волновало другое. Он внимательно оглядел берег. Было темно, солдаты зажгли факелы, чтобы видеть своего врага, и только они тускло освещали берег. Ему показалось, что он различает едва заметную, аморфную массу, медленно приближающуюся и вырастающую... но он не был уверен. Вторая волна солдат докатилась почти до лагеря неандертальцев, но варвары снова начали искать глаза противника. Сила

влилась в варваров; глаза их засверкали еще ярче. Строй трамарийцев остановился.

На флатмане Агата и Гвен сжали руки волшебниц, стоявших по обеим сторонам от них, и закрыли глаза, склонив головы.

Копья, пики и мечи снова ожили, медленно начали отбивать удары варваров. Неандертальцы отчаянно размахивали топорами во все стороны, начиная испытывать невыразимый страх перед сверхъестественной силой противника. Силы их таяли, копья ранили одного за другим, кровь текла рекой.

Сходя с трапа, отец Чиллди споткнулся и упал, распластавшись на песке. Пак самодовольно хмыкнул, отбросил в сторону палку, которую подложил под ноги монаху, и поспешил к нему, выписывая руками колдовские круги и произнося заклинание:

«Летописец, чье рвение ослепило тебя самого,
Будь привязан к правде, которую не увидишь!
На час потеряй свое зрение!»

Что? Что случилось?— воскликнул отец Чиллди, приподнимаясь с песка. Он огляделся по сторонам, потом закрыл глаза, потряс головой, снова открыл их.— Как? Разве ночь стала такой темной? Совсем никакого света?— Потом лицо его перекосилось от ужаса, когда он понял, в чем дело.— Я ослеп! Господи, прости меня грешного... я потерял зрение!

Что случилось, приятель?— произнес Пак низким голосом, подойдя к отцу Чиллди.— В чем дело? Святой отец?

О, добрый человек!— Отец Чиллди дотронулся ладонью до него, потом нашел плечо Пака и ухватился за него.— Сжалься надо мной, я ослеп!

Что за грех ты совершил,— прогрохотал эльф,— что Бог наказал тебя подобным образом?

— Не знаю.— Отец Чиллди покачал головой.— За гордыню, должно быть... ведь я осмелился описывать эту войну..— Он вдруг вскинул голову, уставившись вдаль незрячими глазами.— Битва! Ох, незнакомец, сжалься надо мной! Все эти месяцы я трудился — записывал каждое событие этой войны! Не могу же я пропустить это последнее решающее сражение! Господи, сжалься надо мной! Добрый человек, останься со мной и рассказывай все, что видишь! Говори, что происходит вокруг!

— Но мне нужно идти,— пробубнил Пак,— помогать перевязывать раненых.

Сам ты тоже ранен?— Отец Чиллди стал ощупывать его всего.— Давай я перевяжу тебя...

Не стоит беспокоиться,— быстро ответил Пак,— кровь уже остановили. Так и быть, останусь с тобой...

Ой, как хорошо!— воскликнул отец Чиллди.— Говори мне все, что видишь.

Ну, хорошо,— Пак вздохнул.— Слушай внимательно

Да ниспошлет Господь тебе всяческое благополучие!— воскликнул монах.

Пак набрал побольше воздуха, вспоминая, чему учил его Род.

— Варвары и наши доблестные солдаты сражаются друг с другом; в воздух взлетают топоры; копья то поднимаются, то опускаются. Слышен звон оружия, ржание лошадей и крики солдат... да, но это ты и сам слышишь.

— Да, теперь я понимаю, что к чему!— Отец Чиллди снова схватил Пака за плечо.— Но главный волшебник! Где главный волшебник?

— Как же, вон он скачет на коне,— воскликнул Пак, показывая рукой в пустоту.— Он возвышается на своем громадном черном коне — такой могучий, широкоплечий, от лица его исходит такое сияние!— Он усмехнулся, довольный своими выдумками. — Да! Его руки словно якорные цепи! И исходит от него такое сияние, что все вокруг озаряется, и глаза его страшат каждого, стоит в них только посмотреть! А сейчас скачет он прямо в самую гущу врага, и солдаты кидаются в образовавшуюся брешь!

Сквозь ветки кустарника Род наблюдал за тем, как из огромного тяжелого кома появляются отростки, как увеличивается в размерах ведьмин мох. Он каким-то странным образом вытягивается выше и выше, превращаясь в гиганта. Огромный выступ принимает форму лошадиной головы, а верх распрямляется и сужается спереди и сзади, увеличивается по сторонам. Потом с каждой стороны появляются отростки и становятся руками; бесформенная масса сверху трансформируется в голову.

— Я глазам своим не верю,— прошипел Род.

— Я тоже.— Голос Векса дрогнул.— Я знал, что этот ведьмин мох связан с телепатами... но такого я не ожидал.

Род тоже... ведь смотрел он на самого себя. На такого, каким бы хотел быть: семи футов ростом, сильного, как Геркулес, красивого, как Аполлон! Лицо было его, но почему-то все ненужные рытвины и выпуклости исчезли; такое лицо свело бы с ума сотни красавиц!

— Земля и небо!— пророкотал двойник Рода, взмахнул мечом размером с балку и ринулся в самую гущу битвы на боевом коне, десяти футов высотой.

— Отец Чиллди,— прошептал Род,— чертов телепат!

— Да, так оно и есть,— согласился Векс.— Ты на самом деле уверен, что сам он об этом не догадывается?

— Абсолютно.— Род кивнул.— Думаешь, аббат позволил бы ему в таком случае служить Богу?— Род потрепал голову Векса.— Хватит смотреть на него. Он заставит варваров попотеть... и все, кто будет смотреть на фантом, будут видеть меня.

— Например, Йорик?— пробормотал Векс.

— Или Орел. Или наши солдаты, если уж на то пошло... «мое» присутствие вселит в них храбрость... особенно если я выгляжу вот так!— Он надеялся, что Гвен не увидит его двойника; она потом не сможет смириться с реальностью.—

Теперь мы можем преспокойно приступить к основной работе... безо всяких опасений! К скалам, Векс!

Конь-робот поскакал сквозь заросли кустарника, освещая дорогу инфракрасными лучами.

— Это действительно необходимо, Род? Ты уверен, что Йорик — наш союзник?

— Все может быть,— Род поморщился.— Но сейчас я должен помочь ему

Ты не доверяешь ему, не так ли?

Род пожал плечами:

– Можно ли доверять тому, кто всегда весел?

Отец Чиллди воскликнул:

— Почему ты остановился? Рассказывай!

Но Пак чуть язык не проглотил, изумленно уставившись на огромного сияющего Рода Гэллоугласа, несущегося на противника.

— Главный волшебник!— прокричал отец Чиллди.— Главный волшебник! Скажи мне, как он?

— Ну... отлично,—ответил Пак.— Просто отлично.

— Он ведет солдат в бой?

— Да... нет!— Пак нахмурился.— Солдаты начинают застывать!

— Это Дурной Глаз,— прошипел монах.— Грязная сила, которая дает варварам могущество!

Похоже, так оно и было. Солдаты остановились как вкопанные Варвары на мгновение замерли, не веря своим глазам, потом заорали, воодушевленные успехом, и кинулись на врага. На флагманском корабле молодые волшебники и волшебницы с перекошенными лицами валились на пол, на них опускалось что-то бесформенное и черное, затуманивая разум.

Род и Векс мчались во весь опор по выступу скалы, ведущему к Высокой Пещере. Там их поджидал Бром. Род натянул вожжи, остановившись под камнем, на котором возвышался карлик.

– Не ожидал тебя здесь встретить, Бром. Но рад нашей встрече.

— Кто-то ведь должен убедиться, что ты не сваляешь дурака в такой ответственный для всех нас момент,— пробубнил карлик.— Я не понимаю, почему ты доверяешь этим варварам; но если ты должен вместе с ними сразиться с Кобольдом — и кто знает, может быть, с ними самими, когда Кобольда уничтожат, – тогда я встану на твою сторону!

— Я благодарен тебе,— проворчал Род.— Но при чем здесь этот Кобольд? Это всего-навсего деревянный идол, не так ли?

Я тоже так думал, пока не явился сюда,— рявкнул Бром Здесь чувствуется огромная и грязная черная магия, несущая смерть. Маджхорк — всего-навсего человек и не может обладать такой силой, либо я ошибаюсь в нем. Но я чувствую, что:.

В пещере, над их головами, раздался вопль, потом звон оружия и дикие крики.

— Началось,— выпалил Род.— Вперед!

Векс пошел галопом, а Бром взлетел в воздух и приземлился на его круп. Род обнажил меч. Они въехали в громадную пещеру, более ста футов в глубину и около семидесяти футов в ширину, стены которой были покрыты поблескивающим известняком, а свод поддерживали сталактитовые и сталагмитовые столбы. Свет был каким-то сверхъестественным до жути. На полу лежало трое неандертальцев с перерезанным горлом. То там, то здесь слышались крики неандертальцев, но Род не смотрел на них. Его взгляд, как и взгляд Брома, был прикован к возвышению в дальнем конце пещеры.

Там, на неком подобии каменного трона, восседало большеголовое, пузатое существо с обезьяньим лицом, впалым лбом и выпуклым черепом. Конечности у него атрофировались, волос на голове не было, только вокруг челюсти торчали отдельные пучки. Глаза злобно блестели, как у маньяка, изо рта текла слюна. У существа не было подбородка, и слюна стекала прямо в пучки жиденькой бороденки. От макушки к черному ящику, стоящему на полу рядом, тянулись два проводка. За его спиной Род заметил три металлические панели с клавиатурой и переключателями и черную дверь.

В центре зала Йорик боролся с приземистым неандертальцем.

Глаза чудища сверкнули, увидев Рода. В мозгу его заплясали снежинки. Глаза чудовища смотрели то на Брома, то на Рода. Бром сдвинулся с места, словно заржавевший механизм, глаза Кобольда снова осветили его. Бром продолжал двигаться, но медленнее. Челюсть Кобольда отвисла, на переносице образовалась складка. Бром застыл на месте.

На флагманском корабле рядом с Агатой в воздухе появилась раскаленная дымка, перешедшая в яркое свечение.

Самая юная волшебница, застонав, упала на пол без сознания. Следом за ней свалился четырнадцатилетний волшебник, потом пятнадцатилетний. Спустя несколько секунд упала семнадцатилетняя волшебница, потом молодой волшебник, которому было двадцать... Один за другим молодые эсперы теряли сознание.

Агата и Гвен брали за руки тех немногих, что были еще в сознании; каждый мускул их тел напрягся, они сжимали руки так сильно, что белели костяшки пальцев. Потом Гвен начала покачиваться, все сильнее и сильнее, наконец она обмякла и упала. Агата схватила Гвен за руки, пытаясь разжать ее сведенные судорогой кулаки; лицо ее превратилось в гранитную маску, а из уголка рта потекла струйка крови. Горячая дымка над ее головой засветилась красным, потом зеленым.

Раздался глухой удар, пронесся порыв ветра, и перед Агатой возник Гейлен. Он схватил ее за руки, и плечи его

согнулись под неимоверной невидимой тяжестью. Он склонил голову, глаза его стали закрываться, все тело забилось в агонии. Горячая дымка потускнела, стала оранжевой.

На берегу солдаты снова пришли в движение, сначала медленно, потом движения их стали увереннее: они уворачивались от ударов топоров, пронзая противника копьями. Варвары завопили от страха и стали отбиваться.

А в Высокой Пещере воцарилась тишина, как в Комнате Ужасов в музее восковых фигур. Застыли на месте неандертальцы: с одной стороны были люди Кобольда, с другой — партизаны Орла. Маджхорк напротив Йорика.

Пригвожденные взглядом сверкающих злобных глаз Кобольда, превративших живых в мертвых, Род и Бром стояли , не в состоянии сдвинуться с места. Род чувствовал, как страх ледяной рукой сжимает сердце, по лбу сбежала капля пота. И тишина, только оглушительная тишина и жуткое свечение... На берегу солдаты снова замерли, и их тела окаменели. Неандертальцы взревели и кинулись на грамарийцев, размахивая топорами и выкрикивая что-то радостное.

На флагмане Гейлен наклонялся все ниже, черная сила давила на него, подавляла его разум. Но он чувствовал, что дух Агаты был по-прежнему рядом с ним, сражался самоотверженно, отодвигая от него темное облако. А Высокая Пещера была безмолвной.

Детский смех отозвался эхом, и малыш оказался на плече Рода, обхватил его за шею, уцепился за волосы, стал барабанить ножками по груди.

— Лошадка! Просыпайся! Папа! Просыпайся!

Кобольд перевел взгляд на ребенка. Магнус удивленно посмотрел на чудище, потом уставился на застывшего отца. На лице ребенка отразился ужас, он рассерженно глянул на монстра, сжал отцу виски. Род вздрогнул, острая боль пронзила шею, когда темная масса освободила его разум. Он отвел глаза от Кобольда, посмотрел на Йорика и Маджхорка, застывших во время схватки. Род подался вперед, доплелся до двух неподвижных неандертальцев и накинулся на Маджхорка — ударом наотмашь он рубанул его по шее. Дикарь открыл рот, потом обмяк и упал в руки Йорику. Йорик бросил падающее тело, кинулся к черному ящику и нажал на выключатель. Глаза Кобольда погасли.

Тело Гейлена распрямилось. Он не выпускал рук Агаты. На какое-то время их сознание слилось — обе души распахнулись друг для друга, ранимые и открытые... Они стояли на коленях, не отрывая взглядов. Потом Гейлен с трудом поднялся, по-прежнему не отрывая от Агаты глаз, но на этот раз в них отразился страх. Глаза Агаты потеплели, губы разжались, веки опустились. Гейлен в изумлении смотрел на нее. Потом прогремел гром, и он исчез.

Она посмотрела на то место, где он только что стоял, и довольная улыбнулась. Потом ее охватили дикая радость и восторг. Ее взгляд успел поймать горячую дымку, которая сразу же исчезла.

На берегу грамарийские солдаты конвульсивно задергались и ожили; увидев перед собой груды тел своих товарищей, друзей, братьев и командиров, они издали воинственный клич. Дикий вой сотряс воздух, заставив замереть даже солдат. Они увидели, как один из варваров вдруг бросил свои топор и щит, рухнул на колени и стал что-то тараторить. Дикари завопили, начали раскачиваться из стороны в сторону. Потом раздался грохот; это они бросали в кучу топоры и щиты. Образовалась огромная груда. Потом варвары встали на колени, воздев к небу руки ладонями вверх. Некоторые из солдат зарычали и подняли копья, но Туан отдал приказ, рыцари передали его, затем раздались отрывистые команды сержантов. Солдаты неохотно опустили свое оружие.

— Что случилось?— спросил сэр Мэрис.

— Могу лишь догадываться, но мне кажется, что что-то произошло в их разуме,— ответил Туан низким голосом,— может быть, это связано с тем, что наши головы освободились от той грязной тяжести.

— Но почему они не стали сражаться до последнего?

— А за это нам следует поблагодарить господина Йорика, распространившего нужные слухи.— Туан расправил плечи.— И мы заключим с ним и со всей его нацией союз. Прикажите своим людям собрать оружие, сэр Мэрис... но чтобы ни один волос не упал с голов варваров!— Он развернул лошадь.

— Ваше Величество,— обратился к нему старый рыцарь.— Куда вы?

— В высокую Пещеру,— бросил Туан через плечо.— Я должен лично увидеть, что там происходит.

Векс ударил копытом по затылку одного из неандертальцев. Варвар рухнул на пол. Род схватил двух варваров за шкирку, развел в стороны, а потом столкнул их лбами. Он отпустил их, и они упали. Род вдруг увидел, что в варваров летят камни.

— Попал!— кричал Магнус, а когда неандертальцы конвульсивно дернулись, засмеялся:— Веселая игра!

Род подавил дрожь и вовремя успел повернуться — Бром схватил неандертальца за лодыжки. Варвар упал как подкошенный, и Бром стукнул его рукояткой своего ножа. Но варвары сражались парами, и второй дикарь, зарычав, кинулся на Брома. Карлик схватил его за руку и резко дернул. Варвар перелетел через него и плюхнулся лицом о каменный пол.

— Отличная работа!— крикнул Род.— Вот почему я вывожу из строя сразу двоих. Разберемся, кто друг, а кто враг, чуть позже.

Йорик разделал Маджхорка, как отбивную, и присоеди-

нился к Роду и Брому. Но как только он, полный решимости, пришел на подмогу, Векс отправил в нокаут последнего противника.

— Эх! Всегда пропускаю самое веселое!

Род оглядел огромную пещеру и понял, что кроме него, Брома, Векса, Йорика и Магнуса в ней никого не осталось. Магнус летал над бесчувственными варварами и лепетал:

— Вы спите?

— Эй, мы выиграли!— Йорик показал рукой на Маджхорка, потом стал как-то странно двигаться по кругу, удаляясь все дальше к входу в пещеру. Род вдруг понял, что Йорик пытается отвлечь его от дальнего угла пещеры. Он резко повернулся и увидел, что дверь за спиной монстра, прямоугольник семь на три фута, осветилась. Он заметил маленького человечка. Перед глазами Рода словно возникла карикатура на Ричарда III— тощий,сутулый, с болтающимися руками, короткими ножками — казалось, что он вот-вот рассыплется: кожа да кости! Но голова!

Человек отключал машину... Из-под кустистых седых бровей на Рода смотрели холодные голубые глаза; высокий, широкий лоб, копна седых волос. Лицо заостренное, продолговатое, длинный тонкий нос. Похож на хищную птицу... Лицо орла! Род опешил, а тем временем Орел начал таять на глазах. Став прозрачным, он поднял руку в салюте и саркастически улыбнулся. Потом он исчез, и «дверь» потухла.

— Впечатляет, не правда ли?— пробормотал Йорик за его спиной.

Род оглянулся, моргнул.

— Да, конечно. Вполне.— Он пристально посмотрел на Йорика, потом на «дверь».

— Машина времени?

— Конечно.

Род снова обернулся.

— Кто он? Только не говори, что Орел. Это и так очевидно.

— В лаборатории времени мы звали его Доктор Ангус,— ответил Йорик.— Ты наверняка не слышал о нем. Мы держали это в тайне. Официально у него было несколько пациентов, но все остальное держалось в секрете. Слишком велик был риск.

— Ты говоришь о машине времени?

Йорик кивнул.

— Он изобретатель.

— Тогда...— Род подыскивал слова.—... анархисты... тоталитаристы...

— Они выкрали чертежи.— Йорик покачал головой.— А мы-то думали, что держим все в тайне! Даже странно, как им удалось это сделать...— Он заметил выражение на лице Рода и замолчал.— Ну, как-нибудь в другой раз. Но должен заметить, что Доктор Ангус очень рассердился на них... по-настоящему рассердился.

— Поэтому решил бороться с ними повсюду?

Йорик кивнул.

— И всегда! И за сто тысяч лет до нашей эры, пусть это будет миллион до нашей эры, миллион после... всегда.

— Для этого потребовалась бы огромная организация.

— Конечно... поэтому он создал такую и нашел пути самофинансирования.

— И стал бороться с анархистами-футуристами и тоталитаристами-футуристами,— с расстановкой произнес Род,— а значит, он на нашей стороне.

Йорик кивнул. Род потер руки:

— Вот что я называю «иметь зуб против кого-то»!

— Название организации звучит так: «Общество Охраны Прав Личности, Обладателей Патентов в Частности».

Род почесал затылок, потом кисло улыбнулся.

— Я думаю, что он вряд ли запатентовал машину времени.

— Это-то и взбесило его больше всего. Идея принадлежала ему, все разработки, дизайн тоже его. Они обязаны были уважать его права. Но эти балбесы даже не заплатили. Поэтому-то он и собрал нас, чтобы защищать права обладателей патентов во времени, и его в частности... а демократия защищает права личности лучше, чем какая-либо другая форма правления, включая права обладателей патентов; поэтому...

— Поэтому он поддерживает нас. Но каким образом все это связано с несколькими тысячами эсперов-неандертальцев, прибывших на нашу планету?

Йорик почесал за ухом.

— Ну, все предполагалось несколько иначе...

— И как же?— грозно и требовательно спросил Род.

— Ну, все началось с тоталитаристов...

Род насупился.

— Как при помощи тектогенетики.— Йорик показал пальцем на Кобольда.— Ты мог заметить, что это им неплохо удалось. В будущем разработано несколько превосходных приспособлений для использования в генной инженерии.

Род кивнул:

— Ладно, понял. Так что они там напридумывали?

— Неандертальцев с Дурным Глазом.— Йорик усмехнулся.— Они наделали мутантов-телепатов и расселили их на Земле. Они решили, что они расплодятся и станут доминировать в любом обществе, в котором будут существовать... полностью вытеснив остальных. Для футуристов это облегчило бы многое — они смогли бы ликвидировать демократию в самом зародыше.

Род поежился.

— Наверняка.— Он живо представил себе человечество, идущее по длинной дороге истории; и тут подумал, что всегда находился тиран или группа тиранов, стремящихся к власти.— Я так понимаю, что эти телепаты генетически являются отличной от неандертальцев расой.

Йорик кивнул.

— Не способны к воспроизведению потомства. Они бы постепенно вымерли, не желая бороться за власть из страха быть истребленными неэсперами.

— Значит, вы этим и воспользовались.

Йорик утвердительно кивнул:

— Да, убедили их объединиться — всех способных к телепатии. Тоталитаристы допустили ошибку, позволив природе идти своим чередом; они оставили их без присмотра.

— Чего не сделали вы, разумеется.

— Мы решили наблюдать за ними.— Йорик чуть смутился.— Но однажды ночью тоталитаристы напали на нас, уничтожили основные силы «Общества Охраны Прав Личности, Обладателей Патентов в Частности», а остальных разогнали, потом установили машину времени и переселили всех неандертальцев на Грамарий.

Глаза Рода округлились.

— Теперь, кажется, до меня начинает доходить. Интересно, чего они ожидали от варваров?

— К тому времени, когда мы отыскали их, они носились как сумасшедшие в рогатых шлемах, и только и знали, что говорили о походе викингов... не думаю, что это им самим пришло в голову.

— Тогда вы напали на тоталитаристов, победили, забрав неандертальцев снова под свою опеку. Но почему вы их не отправили куда-нибудь в другое место?

— Сжалься над бедными людьми, милорд! Ты что, хочешь, чтобы всю свою жизнь они только и делали, что летали, как мячики в некой космической игре в пинг-понг? Нет, мы решили, что лучше оставить их здесь и попытаться защищать их. Мы выставили большую охрану... но забыли о тактике под названием «проникновение в тыл противника».

— Маджхорк.— Род скривился.— Но он не настоящий неандерталец?

— О, нет, он гениальное творение... такой же, как я!

Род уставился на Йорика. Потом кивнул.

— Понимаю. Они «адаптировали» его в раннем детстве и сделали из него агента.

Йорик кивнул:

— Перспективный план, и он сработал. Нам ничего не оставалось делать: ведь не убивать же тех, кого мы пытались подвести к цивилизованному пути развития,— и мы бежали.— Вид у него стал несчастным.— Мы совершили ошибку.

Род вздохнул:

— Теперь ничего не поделаешь.

— Ну, не думаю...

В это время в пещеру ворвался Туан. Он бросил взгляд на Кобольда и застыл на месте... какое-то время он молча смотрел на него — монстр был отключен, но зрелище все равно было не из приятных. За его спиной послышался стук копыт и топот сандалий — отец Чиллди, запыхавшись, ворвался в пещеру и остановился, уставившись на монстра.

— Ваше Величество... что...

Туан повернулся, сдвинул брови, потом заметил того, кто находился за спиной монаха.

— Господин волшебник!

Род оглянулся:

— Да?

— Но как ты...— Туан вытаращил на него глаза.— Ты даже сейчас...— Он снова перевел взгляд за спину монаха.

Род удивленно посмотрел туда и увидел...

Самого себя: громадный, на огромном скакуне, красавец, с фигурой античного бога. Отец Чиллди уставился на двойника, потом на Рода, снова на двойника, на Рода... и двойник вдруг начал уменьшаться, лошадь сжиматься, лицо двойника стало более домашним, что ли, черты лица неправильными, лепные мускулы куда-то исчезли... и Род понял, что смотрит на свою точную копию.

Отец Чиллди переводил взгляд с одного господина главного волшебника на другого, словно метроном.

— Но что... как...

— Это все ты,— пробубнил Бром позади него.— Именно ты создал этого двойника, святой отец, сам о том не подозревая.

Отец Чиллди закатил глаза, колени его подкосились, и он рухнул без сознания.

— Ничего, скоро придет в себя,— заверил Род окружающих.

— Чего нельзя сказать о твоем двойнике,— фыркнул Бром.

Действительно, всадник на глазах превратился в бесформенную массу и снова стал ведьминым мхом.

Игрушечный резиновый топорик ударил Рода по шее, и тоненький голосок скомандовал: «Сдавайся!»

Род улыбнулся, поднял руку и снял своего сына с плеча.

Магнус удивленно посмотрел на Рода.

— Беби плохой?

— Нет, очень хороший. Как ни странно, хороший.— Он пощекотал Магнуса, и ребенок заверещал.— Но папа сейчас занят, а для тебя у меня тоже есть работа.

Магнус склонил глову набок.

— Беби поможет!

— Хорошо.— Род показал на груду ведьминого мха.— Убери вот это, сделай это ради папочки, хорошо?

Ребенок покосился на мох, потом лицо его сделалось напряженным. Мох начал делиться на мелкие куски — на пятьдесят, а то и на шестьдесят — каждый из которых начал вытягиваться, деформироваться, появились руки, ноги, шлемы, щиты, доспехи... и армия игрушечных воинов выстроилась в ожидании приказа.

— Очень хорошо!— воскликнул Магнус и соскочил с рук Рода.— Шагом марш!

Он полетел к входу в пещеру, отдавая приказы, а его

армия маршировала за ним. В воздухе просвистела метла, потом рука крепко схватила ребенка.

— И куда ты отправился, мой дорогой малыш?

— Мама!— радостно воскликнул ребенок и обвил ее шею своими ручонками.

Рядом с Гвен приземлилась Агата. Она улыбнулась при виде матери с ребенком.

— Эй, уважаемая дама!— позвал ее Туан.— Как чувствуют себя твои волшебницы и волшебники?

— Все в полном порядке,— сказала Агата, приближаясь к нему.— Но уверена, что господин главный волшебник сам кое-что расскажет тебе.

Туан вопросительно посмотрел на Рода, тот кивнул.

— Понимаешь, сначала я не верил... но когда мозг в третий раз окутал туман, я начал понимать, что к чему.— Он повернулся к Агате:— А как ваш сын?

— Исчез,— ответила Агата.— Счастливым. Потому что когда весь этот тяжкий груз ушел из наших голов, мысли Гейлена слились с моими, и Гарольд понял, что пришло время ему отправиться домой, чтобы разбудить свое тело.

Род прищурился:

— Похоже, ты тоже не очень этим расстроена.

— Нет.— Глаза ее блестели.— Теперь я разгадала старого упрямца; я заглянула глубоко в его душу и знаю, что он в ней скрывает.

Род озадаченно посмотрел на нее.

— И ты от этого счастлива?

— Да, теперь я не оставлю его в покое.

— Но ведь он вышвырнет тебя снова!

— Не думаю.— Агата улыбнулась во весь рот.— Не думаю.

Род пристально посмотрел на нее, потом пожал плечами.

— Ты, должно быть, знаешь то, что мне неизвестно.

— Да.— Гвен рассмеялась, глядя на Агату.— Мне кажется, она знает.

— Да благословит тебя Господь.— Туан поклонился старой колдунье.— И прими слова благодарности от всего нашего королевства. Если ты пожелаешь наведаться в Раннимед на несколько неделек, мы примем тебя как уважаемую гостью.

— Благодарю тебя, Ваше Величество,— произнесла Агата,— но мне кажется, что для такой увеселительной поездки у меня просто не будет времени.

Брови Туана удивленно взлетели вверх, но Агата отвесила поклон и щелкнула пальцами. Перед ней появилась метла; она взобралась на нее и взлетела в воздух.

— Милорды, ваши шляпы!— рявкнул Туан... но оказалось, что все мужчины были без шляп. Но они приложили руки к сердцам в знак уважения, провожая старую колдунью взглядом. Агата вылетела из пещеры и растворилась в ночи.

Род обеспокоенно посмотрел на Гвен:

— Путь далекий, отсюда до острова не так близко... да и после напряженной ночи! С ней будет все в порядке?

— Надеюсь, мой господин,— сказала Гвен,— что она доберется преотлично.

Род покосился на нее, решив, что чего-то недопонимает. Потом он со вздохом отвернулся от нее.

— Ладно, теперь нам нужно решить, что делать с отцом Чиллди, Ваше Величество.

Туан пожал плечами.

— Подождем, пока он очнется; что еще остается делать? Но почему его так изумил вид твоего двойника?— Он поежился.— И вообще, кто все это сделал?

— Он сам,— ответил Род.— Он очень сильный телепат, но сам об этом не догадывался... он так сосредоточенно следил за ходом сражений, пытаясь вспомнить все, что случилось. Но из него не получился внимательный наблюдатель, потому что он путал то, что видел, с тем, что хотел видеть... а больше всего он хотел видеть, как главный волшебник доблестно сражается.— Род еле заметно покраснел.— Боюсь, что в герои он записал не совсем того, кого следовало бы.

— Ценю твою скромность,— сухо произнес Туан

— Что касается сегодняшней битвы... я подговорил одного молодого человека по имени Пак — еле убедил его — временно ослепить отца Чиллди и описывать ему главного волшебника таким, каким бы он хотел его видеть — намного более совершенным, чем в жизни. Бедный священник поверил и создал из ведьминого мха главного волшебника, находящегося среди солдат, помогающего войскам не терять присутствия духа, так что моего визита сюда, в Высокую Пещеру, никто не ожидал. Не то чтобы все получилось так, как хотелось бы...— Род кивнул в сторону Кобольда.

— Да... монстр.— Туан посмотрел на страшилище.— Мы должны разобраться, что к чему, не так ли?

Все собравшиеся уставилась на идола варваров.

— Что это за мерзкое существо?— с отвращением спросил Туан.

— Кобольд.— Род поморщился, чувствуя, как подкатывает тошнота.— Как его еще назвать?

— А кем, вы думаете, он был, господин волшебник? Шимпанзе?— спросил Йорик.

— Его родители — да,— Род отвернулся.— Хирургических швов не видно, хотя уверен, что таковые имеются; возможно, несколько поколений назад он был другим. Его явно генетически перестроили — только таким способом можно создать подобного монстра.— Он снова посмотрел на Кобольда.— Конечно, можно сказать, что это шедевр тектогенетики. С хромосомами проделали кое-какие изменения, и бедняга превратился в конвектор. Затем подсоединили его к источнику питания, полагаю, постоянного тока, чтобы он «выбрасывал», так сказать, наружу

псионическую энергию.— Его взгляд упал на черный ящик, потом он вопросительно посмотрел на Йорика.

— Неандерталец, кивнул, поддел черный ящик ногой:

— Атомный портативный источник питания. Хотел бы я знать, как его отключить навсегда.

— Ты хочешь сказать, что он снова может заработать?

— Вряд ли, ну, если только подключить его к источнику питания.— Йорик с любопытством оглядел монстра, склонил голову набок, закрыл один глаз, осмотрел Кобольда с ног до головы.— По-моему, это просто триумф генной инженерии, если посмотреть на это повнимательней. Его головной мозг может работать с чертовски большим количеством энергии. И нет передней части головного мозга, заметили? Лоботомия в далеком будущем. Сам он не может ничего делать. Никакой инициативы.

— Живая машина,— мрачно заметил Род.

— Что, между прочим, само по себе неплохо,— возразил Йорик.— Представьте, что бы он натворил, будь у него собственный разум...

Род поежился.

— Немногое. По крайней мере, с этими атрофированными конечностями. Он может только сидеть здесь.— Он сглотнул и отвернулся, заметно позеленев.— Этот лоб... Как ты можешь смотреть на него?

— О, с научной точки зрения, здесь есть на что полюбоваться,— ответил Йорик,— вечный памятник человеческой гениальности, настоящий триумф, великое философское подтверждение тому, что разум превыше всего.— Он повернулся к Роду.— Избавьте несчастного от его унизительного положения!

— Да,— согласился Род.— Кто-нибудь, воткните нож в этого ублюдка!

Никто не шелохнулся. Все молчали. Род побагровел, обвел окружающих глазами:

— Вы слышите меня? Я сказал: убейте его!

Он отыскал глазами Туана. Но молодой король отвернулся. Род прикусил губу, потом глянул на Йорика. Неандерталец посмотрел на потолок и стал что-то насвистывать.

Род с ревом кинулся к возвышению с ножом в руке, замахнулся и... рука его вдруг повисла в воздухе, когда он посмотрел в потухшие глаза, на голое тело, лысую голову... все такое мерзкое, но... Он отбросил нож и отвернулся, издав какие-то полузадушенные звуки. Йорик сочувственно кивнул головой:

— Это такое несчастное жалкое создание, когда отключено питание, милорд... такое слабое и беззащитное. Люди и так сделали с ним слишком много всего...

— Черт!— взревел Бром, грозно обводя всех взглядом.— Вы что, такие бесчеловечные, что позволите этому существу жить?

Он кинулся к трону, фыркнул, оглянулся на собравшихся.

— Да,— пробубнил он.— В вас слишком много жалости, вы

не можете сделать это; но, чтобы по-настоящему пожалеть его, нужно поступить жестоко.— Он посмотрел на Кобольда.— Это нужно сделать, потому-что это нечто грязное, злое, откуда-то из кошмарного сна, и он должен умереть. И никто из вас не сделает этого?

Никто не сдвинулся с места. Бром обводил взглядом каждого по очереди, но все прятали глаза. Он ухмыльнулся и повел своими могучими плечами.

— Тогда это сделаю я.

И прежде чем кто-либо успел понять, что к чему, карлик обнажил свой меч и воткнул его по самую рукоять в грудь Кобольда, в самое сердце. Монстр изогнулся, открыл рот, лицо его перекосилось от беззвучного крика; потом голова упала на грудь, он умер. Все в ужасе застыли. Бром вложил меч в ножны, коснулся лбом каменного трона, на котором сидел Кобольд, в знак почтения.

Спи спокойно, сэр Кобольд.

— Он не мог защищаться,—пробормотал Туан.— Все это жестоко...

— Да, но не забывай, у него не было души,— напомнил ему Бром.— Бесчестно убивать свинью? Или кабана? Нет, конечно же, нет! Но это существо заслужило свою смерть, хотя на данный момент и было беззащитным.

Собравшиеся в пещере были потрясены случившимся и стояли в оцепенении.

Нарушил тишину Йорик:

— Ну, если бог моего народа мертв, кто будет править вместо него?

Туан удивленно посмотрел на него:

— Ну, а как же Орел? Скажите ему, что мы можем подписать соглашение.

Но Йорик покачал головой:

— Орел ушел.

— Ушел?— переспросил Туан.

— Навсегда,— заверил его Род.— я собственными глазами видел, как он исчез.

— Но... почему?— воскликнул Туан.— Ведь он снова может править своими людьми.

— Потому что им он больше не нужен,— ответил Йорик.

— Но... Тогда... почему он оставался, потеряв власть?

— Чтобы убедиться в том, что его народ освободят от Маджхорка,— объяснил— Йорик.— И кроме того, он единственный, кто руководил мной.

— Не понимаю, кто же теперь будет править вами?

Йорик развел руками:

— Тот, кто победил.— Он опустился на колено.— Вы, наш владыка и повелитель!

Туан вытаращил на него глаза.

— Ты не можешь отказать ему,— пробурчал Бром.— Так заведено — победитель правит побежденными.

Все наконец встало на свои места. В средневековой культуре правит традиция.

— Если я должен,— промямлил Туан, но Род заметил, как король распрямил плечи.— Но как вы себе это представляете? У меня уже есть королевство за морем!

— Я бы мог управлять здесь вместо вас,— осторожно предложил Йорик,— а вы тем временем определитесь окончательно.

— Хорошо, принимаю твое предложение,— чуть помедлив, сказал Туан,— значит, решено, ты правишь вместо меня.

— С радостью, заверяю вас! Год или два, так или иначе. Но не волнуйтесь, за это время я подготовлю одного замечательного лейтенанта; он учит сейчас английский...

Все пленные, четыре тысячи человек, собрались под Высокой Пещерой. На выступе у входа в пещеру стояло четверо солдат, по двое с каждой стороны. По сигналу они поднесли к губам рога и затрубили. Род вздрогнул. Все вдруг осознали, что решать им нужно, исходя не из собственных пожеланий, а из блага всех этих людей.

Из пещеры выехало четверо рыцарей, облаченных в доспехи, с поднятыми копьями. Они расступились и освободили место для одного всадника. Его занял Йорик... а потом, с первыми лучами солнца на край скалы вышел Туан, озаряемый рассветом. По толпе варваров пробежал шепоток. Йорик встал чуть в стороне от Туана и начал громко говорить что-то на языке неандертальцев.

— Наверное, сейчас он сообщает им печальные новости,— пробормотал Род,— про то, что Орел покинул их.

Толпа запричитала. Бром кивнул. Йорик снова заговорил.

— Теперь он говорит им, что у них новый король,— пробормотал Род.

— Император!— закричал Йорик.

Туан изумленно посмотрел на толпу. Гвен, находившаяся в пещере, пожала плечами.

— Да, теперь он император, а Катарина — императрица.

— Разумеется,— согласился Род.— До Туана это только что дошло.

Радостные вопли оглушили их.

— Думаю, сейчас Йорик сказал им, что будет править здесь как наместник короля,— сухо произнес Бром.

Род кивнул:

— Логично.

Последовала пауза, потом они услышали шепот Йорика:

— Ваше Величество, вам следует произнести речь.

Пауза затянулась; потом Туан выкрикнул:

— Я ваш новый правитель! Йорик перевел слова короля. Толпа снова радостно загудела.

— Теперь они узнают, что это не просто завоевание,— пробормотал Род.

Туан продолжал, делая паузы для перевода.

— Я ваш новый правитель и никогда не покину вас. Но я не могу находиться среди вас, я оставлю вместо себя своего наместника — он будет править здесь от моего имени. Вы называли себя Людьми Кобальда... и поклонялись гоблину... называвшему себя богом. Но этот бог был ненастоящим... он просто требовал от вас поклонения и почитания, не имея на то права, ибо существует только один невидимый настоящий Бог. Я не требую от вас поклонения... только преданности и верности. И, если вы будете преданны мне и моему наместнику, я буду справедлив с вами.

— Неплохо у него получается, а?— заметил Род.

Бром согласно кивнул.

— Как и обычно,— сказал карлик. — А как насчет тебя?

Род сдвинул брови.

— Что ты имеешь в виду? Терпеть не могу всякие публичные выступления!

— Да нет,— сказал Бром,— я не о том. Но теперь тебе придется быть оплотом двух наций, метаться между двумя тронами.

— Эх!— Род поджал губы.— Да, знаю, что ты хочешь этим сказать. Но, честно говоря, Бром, не знаю, удастся ли мне со всем этим справиться.

— Да,— посочувствовала ему Гвен.— Эти земли разделяют больше тридцати лье!

— Знаю,— Род тяжело вздохнул.— Но не могу же я находиться в двух местах одновременно, не так ли?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОБЕГ
3

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ
187

ВОЗВРАЩЕНИЕ
КОРОЛЯ КОБОЛЬДА
429

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 25

Кристофер Сташефф

ЧАРОДЕЙ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Технический редактор
О. Д. Цыплакова

Корректор
Т. Д. Мозуль

Дата в печать 04.01.93. Уч.-изд. л. 44,78 Усл. печ. л. 31,92
Тираж 52,000. Заказ 1204

Предприятие «ЭЯ» г Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма
«Центральная типография»
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Предприятие «ЭЯ»
выпустит книги в 1993 году

СЕРИЯ
«Зарубежная фантастика»

Айзек Азимов
«РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ»

Андре Нортон
«ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА»

Джон Уиндем
«ЗОЛОТОГЛАЗЫЕ»

Эдмонд Гамильтон
«ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ»